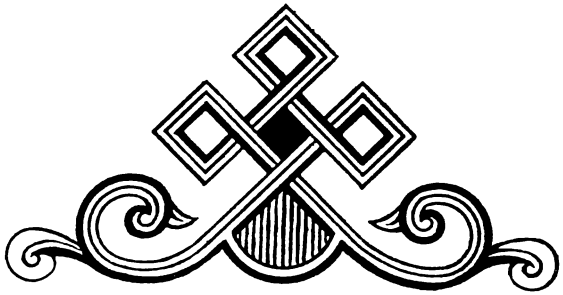
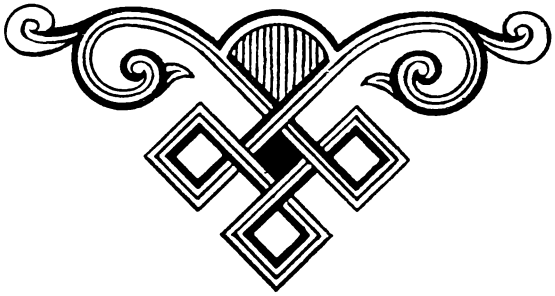
А 73
322

Древне-монгольские города



АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ



ДРЕВНЕМОНГОЛЬСКИЕ ГОРОДА

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ:

ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ АН СССР
С. В. КИСЕЛЕВ
Л. А. ЕВТЮХОВА
Л. Р. КЫЗЛАСОВ
Н. Я. МЕРПЕРТ
В. П. ЛЕВАШОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА · 1965

ОТВЕТСТВЕННЫЙ
РЕДАКТОР
ЧЛ.-КОРР. АН СССР
С. В. КИСЕЛЕВ

СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
КИСЕЛЕВ
1905 — 1962

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник подводит итоги многолетним работам по изучению древнемонгольских городов. Инициатором и руководителем этих исследований был виднейший советский археолог, член-корреспондент Академии наук СССР, лауреат Государственной премии Сергей Владимирович Киселев, среди многогранных трудов которого вопросы археологии и истории Центральной Азии всегда занимали значительное место.

Еще в конце 20-х годов начал Сергей Владимирович полевые исследования в Минусинской котловине, которые продолжались свыше тридцати лет, охватывая все новые и новые районы Южной Сибири, и привели к подлинному открытию ее древней и средневековой истории. Колоссальный материал этих исследований был положен в основу замечательного обобщающего труда С. В. Киселева «Древняя история Южной Сибири», удостоенного Государственной премии СССР и получившего широкую известность в нашей стране и далеко за ее пределами. Картина экономического, социального и культурного развития народов Сибири на протяжении свыше трех тысячелетий, неведомая ранее и впервые воссозданная С. В. Киселевым, была представлена на фоне общего исторического процесса, протекавшего в древности на Евразийском континенте, и прежде всего в Центральной Азии. И совершенно закономерным продолжением работы были специальные исследования С. В. Киселева в этой части Старого света и в первую очередь в областях, сопредельных Южной Сибири, среди которых особое внимание ученого привлекала Монголия. Ее земли служившие ареной важнейших исторических событий, до середины 40-х годов нашего века были изучены археологически еще далеко не достаточно. Отсутствие археологических источников препятствовало созданию подлинно научной истории Монголии, освещению своеобразного и сложного исторического процесса, протекавшего здесь в древний и средневековый периоды.

С. В. Киселев в первые послевоенные годы начал интенсивную подготовку к большим полевым исследованиям на территории Монголии. В 1947 г. он впервые был командирован в МНР для ознакомления на месте с состоянием археологических исследований в стране. Можно поражаться огромной работе, блестяще выполненной тогда Сергеем Владимировичем за чрезвычайно короткий срок.

Он систематизировал многочисленные материалы музейных фондов, определил их хронологическую последовательность и место в процессе культурного развития страны.

Впервые им была создана общая сводка археологии Монголии [1]; были намечены основные пути дальнейших исследований, выделены проблемы, наиболее важные для создания подлинно научной истории монгольского народа. Важнейшая из них была впервые поставлена в исторической науке, и Сергей Владимирович явился инициатором ее разработки. Это — проблема городской жизни древней Монголии, проблема древнемонгольского города. Огромный опыт изучения древней и средневековой истории Центральной Азии, глубокое проникновение в общие закономерности протекавшего здесь исторического процесса привели С. В. Киселева к научно обоснованному выводу о существовании древнемонгольских городов и значительной роли их в развитии монгольского общества.

Этот смелый вывод противоречил укоренившимся ранее представлениям о чисто кочевом характере общества и даже государства монголов. Специальным исследованиям древнемонгольские города никогда не подвергались, а сведения о них, почерпнутые из немногочисленных письменных источников, считались полуфантастическими. Это касалось и знаменитого Кара-Корума, первой столицы монгольского государства, яркое описание которой оставил Вильгельм де Рубрук. Долгое время даже местоположение этого большого города оставалось загадкой. И хотя оно было ориентировочно намечено экспедициями русских ученых в конце XIX века, далеко не все исследователи верили в «открытие» Кара-Корума, а некоторые предлагали свои версии, путая, в частности, Кара-Корум с расположенным несколько севернее Хара-Балгасом — развалинами древнеуйгурского города. Дальше вопроса о местоположении не шел никто: никаких фактических сведений о жизни города не было.

Этот памятник, имеющий большое значение для разработки многих вопросов политической истории, культуры и быта древних монголов, и был избран С. В. Киселевым в качестве главного объекта исследований организованной в 1948 г. Советско-Монгольской археологической экспедиции.

Два длительных полевых сезона проработала экспедиция под руководством Сергея Владимировича, который с предельной четкостью планировал и направлял эти ответственные работы, всегда ясно видел основную цель их и добивался максимальной концентрации сил на «направлении главного удара».

Свыше 6000 кв. м вскрыто на территории Кара-Корума. Огромные раскопы прорезали семиметровый культурный слой городища. Обильные находки освещали различные периоды, все новые и новые стороны краткой, но яркой истории города. Места раскопов С. В. Киселев выбрал так, чтобы разрешить максимальное число вопросов жизни Кара-Корума. Знаменитый дворец хана Угэдэя с гранитным парапетом, шестидесятичетырехколонным залом, павильонами, искусственным озером; «Дом на перекрестке» — целый комплекс ремесленных мастерских и торговых складов; «Дом у городских ворот» — административное здание при въезде в столицу;

[1] «Монголия в древности». «Известия ОИФ АН СССР», т. IV, 1947, № 4.

разрез городского вала; загородный раскоп. . И везде тысячи самых разнообразных находок — орудия, оружие, украшения, монеты, печати с древнемонгольскими надписями. Полумифический ранее город стал яркой реальностью, предстал перед исследователями как крупный ремесленно-торговый центр, обеспечивавший снабжение монгольской армии, связанный с самыми различными культурными центрами, с самыми отдаленными землями. Стратиграфия раскопов, на разработку которой С. В. Киселев постоянно обращал особое внимание, позволила наметить конкретные этапы жизни города, дала ценные сведения по его политической истории.

Так был открыт Кара-Корум, на сей раз открыт окончательно. Отождествление исследованного городища с древнемонгольской столицей было подтверждено и общим характером памятника, и многими специфическими находками, и замечательным соответствием открывшейся после раскопок картины описанию В. Рубрука.

Кара-Корум — отнюдь не исключение. Подобные же городища эпохи создания древнемонгольского государства обследованы Сергеем Владимировичем и в других местах — у Чин-Тологоя, Хадасана и т. д. Правильность постановки проблемы и плодотворность ее разрешения были полностью доказаны. Исследовали и более древние города, расположенные в тех же районах и построенные древнетюркскими племенами. Все это позволило наметить хронологические этапы развития городов и выявить глубокие корни городской жизни на территории Монголии.

Помимо перечисленных работ С. В. Киселев вел успешные раскопки и других памятников Монголии, характеризующих самые различные эпохи — от конца бронзового века до раннего Средневековья.

Работы руководимой С. В. Киселевым экспедиции — существенный этап в развитии монгольской археологии.

Ряд молодых способных сотрудников прошел школу Советско-Монгольской экспедиции, школу Киселева. А некоторые продолжали учиться у него и далее, уже в стенах Московского университета. Так в науку пришли новые национальные кадры археологов, в подготовке которых Сергей Владимирович сыграл решающую роль. Монгольские археологи успешно продолжили полевые исследования на территории своей родины. Продолжают они и изучение древнемонгольских городов, доказывая большую научную значимость проблемы, сформулированной и обоснованной С. В. Киселевым.

Во второй половине 50-х годов исследования древнемонгольских городов были продолжены и самим С. В. Киселевым. Он счел необходимым изучить северные окраины центральноазиатской ойкумены. Сергей Владимирович приступал к этим работам с твердой уверенностью, что и здесь существовали поселения, крепости, замки, города. Такая уверенность основывалась на заключении об исторической преемственности и внутренней закономерности возникновения и развития здесь в XIII—XIV вв. городской жизни.

Начались большие работы на обширных территориях Забайкалья. Под общим руководством С. В. Киселева работало несколько отрядов, открывших и широко исследовавших многие замечательные памятники; среди них в первую очередь должны быть отмечены город на р. Хирхира и дворцовый комплекс «Кондуйского городка», позволившие осветить новые стороны жизни и своеобразие древнемонгольских

городов, расположенных на более северных территориях. В то же время, по общему плану С. В. Киселева, другой отряд экспедиции, руководимый Л. Р. Кызласовым, успешно изучал древние города в Туве.

Этими многолетними целенаправленными исследованиями С. В. Киселева был создан новый раздел средневековой истории Центральной Азии. Была в полном смысле этого слова открыта история городов и городской жизни монголов в эпоху становления их государственности. Введение в научный оборот археологических материалов, осмысление и историческая их интерпретация стали первоочередной задачей. Ее выполнению, работе над настоящей монографией и посвятил С. В. Киселев последние годы жизни. Возглавляя авторский коллектив, Сергей Владимирович, как всегда и во всем, был душой этой работы, направлял ее, определяя ее основную концепцию.

Уже больной, накануне тяжелой операции, С. В. Киселев написал большое «Введение» к коллективной монографии, содержащее важнейшие теоретические положения. До последних дней жизни он активно участвовал в создании этой книги. До последних дней он продолжал думать о новых, уже начатых исследованиях, которым не суждено было осуществиться.

Кипучая, плодотворная деятельность этого замечательного человека прервалась. . . Смерть С. В. Киселева (8 ноября 1962 г.) нанесла тяжелый урон советской исторической науке.

Н. Мерперт

ВВЕДЕНИЕ

Эта книга ставит своей задачей осветить одну из наименее изученных сторон истории древних монголов — возникновение и развитие у них городов и особенностей городской жизни.

Еще недавно постановка такой темы натолкнулась бы на непреодолимые препятствия, прежде всего из-за крайней скудости источников. Ведь кроме кратких описаний Плано Карпини и Вильгельма де Рубрука, отдельных строк у Рашид-ад-Дина, а отчасти в древних хрониках историк не нашел бы почти ничего. Открытие Н. М. Ядринцевым развалин древнемонгольской столицы Кара-Корума и подтверждение его определения надписями из Эрдэни-Цзу, при всем огромном значении этих достижений русской монголоведческой науки, также еще не могли служить основой для всестороннего изучения вопроса о древнемонгольском городе. Даже такой глубокий знаток истории монголов, каким был академик Б. Я. Владимирцов, мобилизовавший все доступные ему источники, в одном месте своей книги мог только констатировать наличие городов в эпоху первых Чингизидов [1], а в другом — лишь отметить слабое их развитие [2].

То же можно сказать и о другом выдающемся знатоке монгольской истории — проф. А. М. Позднееве, который, поставив перед собой прямую задачу изучить вопрос о городе в Монголии, вынужден был главное внимание сосредоточить на позднейшем периоде, на росте средневековой Урги и других монастырей Монголии XVIII—XIX вв., обраставших торгово-ремесленными слободами и превращавшихся в обширные поселения, по сути дела, заменявшие города [3].

Между тем проблема города в древней Монголии была и остается не только чисто историческим сюжетом, но и вопросом глубокого теоретического значения. Уже в конце 20-х и начале 30-х годов нашего века, во время известных дискуссий по воп-

[1] Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов (монгольский кочевой феодализм). М.—Л., 1934, стр. 44, 45.

[2] Там же, стр. 127.

[3] А. М. Позднеев. Города Северной Монголии. СПб., 1880.

росам общественно-экономических формаций, впервые прозвучал термин «кочевой феодализм». Патриархальность отношений стала выдвигаться в качестве его основной особенности, а отсутствие городов — ремесленных центров отмечалось как не менее характерная его черта. Отсюда делался вывод об особом пути «кочевого феодализма» и иных, ему только свойственных закономерностях развития. Отсюда же возникли чисто умозрительные «теории», порождавшие иногда построения, весьма далекие от марксистско-ленинского учения о классовой структуре феодализма и о формах классовой борьбы внутри феодального общества. Эти же взгляды служили основой для глубоко ошибочных утверждений особого неклассового патриархального характера отношений при кочевом феодализме. Как это ни странно, но подобные утверждения изредка встречались и совсем в недавнее время [4].

С другой стороны, под влиянием утверждений о якобы незакономерности возникновения городов в условиях кочевого феодализма высказывались и другие, не менее ошибочные мнения. Согласно этим взглядам особенностью развития феодализма у кочевников была замена закономерности развития городов внутри феодального общества явлением чисто внешнего порядка —постоянным обменом между кочевниками и городскими центрами оседлых обществ. Этот обмен и признавался «особой закономерностью развития кочевого феодализма». Однако легко установить, что такой обмен вовсе не служит одной из основных закономерностей развития феодализма. Это становится совершенно ясным, во-первых, если мы вспомним место и роль обмена в экономической системе общества, а во-вторых, если учтем, что, будучи, как всякий обмен, актом двусторонним, обмен кочевников с горожанами оседлых стран порождал и обратное явление—обмен горожан с кочевниками.

Между тем давно известно, что обмен (как таковой) не может быть какой-либо особой закономерностью развития оседлого феодализма. Следовательно, он не может считаться конституирующей закономерностью и кочевого феодализма. Однако все это не помешало ряду серьезных исследователей Средней и Центральной Азии не только придерживаться такой ошибочной концепции, но идти дальше и на ее основании отрицать или, вернее, не замечать еще одного важнейшего, глубоко закономерного явления в развитии кочевого феодализма — роста местного ремесла, фактов отделения ремесла от кочевого сельского хозяйства. Влияние этого взгляда мы можем проследить во многих работах и даже в прославленном труде академика Б. Я. Владимирцова, по сути дела отрицавшего наличие у монголов собственного ремесла [5].

Таким образом, изучение проблемы города в районах преимущественного развития кочевого феодального хозяйства становилось все более неотложным. Но для этого нужны были новые источники, а их могли дать только археологические иссле-

[4] Критику этих взглядов см. в работах И. Я. Златкина: «О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов». Материалы объединенной научной сессии академий наук республик Средней Азии и Казахстана. Ташкент, 1957; «О сущности патриархально-феодальных отношений. К итогам дискуссии». «Вопросы истории», 1956, № 1; «История Джунгарского ханства (1635—1758)». М., 1964.

[5] Б. Я. Владимирцов. Ук. соч., стр. 115, 117.

дования, которые и удалось организовать в Монгольской Народной Республике. В 1948 и 1949 гг. там были проведены достаточно широкие раскопки развалин древнемонгольской столицы Кара-Корума, лежащих на правом берегу р. Орхон возле древнейшего в Монголии ламаистского монастыря Эрдэни-Цзу (построен в 1586 г.), у восточного подножия Хангайских гор.

Результаты этих работ лишь в предварительном порядке освещались в археологической печати [6]. В этой книге изучению Кара-Корума отведено центральное место во второй, наиболее обширной ее части.

Первую часть книги составляют исследования двух древнемонгольских городов, возникновение которых относится к начальному периоду истории государства Чингизидов. Один из них — город на р. Хирхира был административным и экономическим центром улуса Джочи-Касара — брата Чингисхана, — управлявшего наиболее важной частью императорского домена исконными землями кочевания еще их отца, Есугей-багатура. Там, на Ононе, в урочище Делюн-Болдок и родился Темучин, будущий основатель древнемонгольского государства [7]. Город на р. Хирхира Монгольская экспедиция АН СССР исследовала в 1957—1959 гг.[8]

Другой из древнейших монгольских городов, описываемый в первой части этой книги, возник в несколько иных условиях. Он был основан после 1207 г. как военно-административный центр, после покорения монголами народов, обитавших в бассейне Енисея. Город этот расположен в урочище Дён-терек, на р. Элегест у северных подножий хребта Танну-Ола. Его раскопки производились в 1956—1958 гг. на средства Монгольской экспедиции АН СССР и Московского государственного университета [9].

Город на р. Хирхира, город в урочище Дён-терек и нижние слои столицы Кара-Корума позволяют проследить возникновение древнемонгольской городской жизни и выяснить социально-экономические основы ее развития, представляющие выражение тех же закономерностей истории феодализма, которые присущи и процессу сложения феодального общества в условиях оседлости. Разумеется, при этом выясняются и многие особенности городской жизни и культуры древнемонгольских городов, выражающие своеобразие развития феодализма в условиях преобладания кочевого хозяйства.

Дальнейшая история древнемонгольского города прослеживается в нашей книге путем изучения более поздних наслоений Кара-Корума и по результатам раскопок знаменитого дворца Угэдэя, описанного еще Вильгельмом де Рубруком [10].

Позднейшей истории древнемонгольских городов отведена третья часть книги. Там изложены результаты исследований в 1957 и 1958 гг. Монгольской археологи-

[6] С. В. Киселев. Монголия в древности. Известия АН СССР, серия истории и философии, т. IV, № 4, 1947; его же. Древние города Монголии. СА, 1957, № 2.

[7] О месте рождения Темучина см. С. В. Киселев. Из работ Монгольской археологической экспедиции ИИМК АН СССР. Монгольский сборник. М., 1959; П. Пуха. Тринадцать тысяч километров по Монголии. Прага, 1957, стр. 276—278 (на чешск. яз.).

[8] С. В. Киселев. Город монгольского Исункэ. СА, 1961, № 4.

[9] Л. Р. Кызласов. Средневековые города Тувы. СА, 1959, № 3.

[10] Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Перевод А. И. Малеина. СПб., 1911, стр. 138, 139.

ческой экспедицией АН СССР дворцовой усадьбы XIV в., стоявшей в центре древнемонгольского городского поселения близ с. Кондуй[11].

Таким образом, накопленные коллективом Монгольской археологической экспедиции АН СССР [12] материалы позволяют, в сочетании с письменными источниками, проследить историю древних городов, возникших вместе с образованием монгольского государства Чингисхана и его преемников отнюдь не только как военно-административные центры, но и как средоточие ремесла и торговли. Анализ этой важнейшей стороны жизни древнемонгольских городов составляет одну из основных задач нашей книги. Особенно это относится к исследованию богатейших материалов по ремеслам, найденных при раскопках Кара-Корума. Их изучение позволило выделить, наряду с продукцией иноземных мастеров, также и местные изделия, изготовленные в самом Кара-Коруме. Среди них, особенно в ранних наслоениях города, преобладают изделия ремесленников-металлистов, работавших по оснащению войск.

Особый аспект этой книги составляет анализ архитектуры: важнейших сооружений Хирхиринской цитадели и города в Дён-тереке, дворца Угэдэя в Кара-Коруме и дворцового комплекса в Кондуе. Результаты изучения этих памятников позволяют говорить о высоком уровне градостроительных и архитектурных ремесел, развивавшихся в Монголии. Особую тему представляет поздняя архитектура Монголии юаньского периода; она ясно доказывает, что в особенностях зодчества, в планировке зданий и скульптурном декоре работавшие на севере мастера применяли принципы архитектуры, характерные для того периода, и одновременно сами были авторами новых форм. Так, например, гранитные скульптуры драконов, украшающие террасы Кондуйского дворца, пока еще нигде не известны для столь раннего времени. По-видимому, это уникальные памятники скульптурного декора, разработанного в Монголии, а не в Китае при Минах, как это полагали раньше.

Следует иметь в виду, что в XIII—XIV вв. территория Китая локализовалась в пределах Великой стены, а огромные пространства к северу и западу от Стены были заселены большими группами некитайского — тюркоязычного, монголоязычного и тунгусоязычного населения. Это население делилось на множество племен и народов, не зависивших от Китая, живших своей самобытной и самостоятельной жизнью, вступавших в контакты друг с другом и с Китаем соответственно политическим и экономическим интересам правящих группировок и классов.

Вместе с тем, необходимо учитывать, что Китай в рассматриваемое время был для своих северных и северо-западных соседей единственным большим государством, способным играть роль рынка сбыта и источника снабжения. Именно эти,

[11] С. В. Киселев. Древние города Забайкалья. СА, 1958, № 4.

[12] В работах Монгольской археологической экспедиции по изучению городов были заняты: от Академии наук СССР — Г. И. Андреев, Ю. С. Гришин, Л. А. Евтюхова, С. В. Киселев, Н. Я. Мерперт, Л. Н. Петров, Н. Н. Терехова, от Комитета наук МНР — Х. Пэрлээ, Ц. Доржсурэн, от Московского государственного университета — Л. Р. Кызласов, от Читинского областного музея — А. Е. Конюхова, от Читинского педагогического института — М. И. Рижский.

экономические по своему характеру, связи играли определяющую роль во взаимоотношениях указанных племен и народов с Китаем. В них заложен ключ к пониманию военной истории того времени. Но экономическое тяготение к Китаю как к рынку сбыта и источнику снабжения ни в малой степени не лишало соседей Китая самостоятельности. Так было до XVII в., когда потомки чжурчженей, выступив из Манчжурии, завоевали весь край, учредив свою династию (Цин) и в результате двухвековой экспансии раздвинули границы своей державы, включив в нее многие ранее самостоятельные монголоязычные и тюркоязычные народы.

* * *

Мы могли лишь очень бегло очертить круг наиболее важных вопросов из истории древнемонгольских городов и городской жизни, затронутых в нашей книге. Однако мы не выполним задачи этого предисловия, если не коснемся вопросов социально-экономической и политической истории Монголии XII—XIV вв.

Само собой разумеется, что предлагаемое краткое напоминание о коренных процессах истории Монголии интересующей нас эпохи не может претендовать на исследовательскую самостоятельность. Тем не менее оно кажется нам необходимым, так как поможет внести бо́льшую ясность в понимание процессов древнемонгольской городской жизни, целиком обусловленной социально-экономическим и политическим развитием Монголии.

Еще сравнительно недавно большинство исследователей истории монголов считало, что монгольские племена даже в XII в. представляли собой разрозненные этнические группы, едва выходившие из состояния первобытно-общинного строя. При этом главное внимание уделялось фактам из истории тайджиютов — племен, из среды аристократии которых вышел Темучин, и меркитов, живших на крайнем севере территорий расселения монголоязычных групп.

Наиболее ярким образцом такого взгляда считается блестящая лекция В. В. Бартольда «Образование империи Чингисхана» [13]. И даже такой всесторонний знаток истории и культуры монголов, каким был академик Б. Я. Владимирцов, не избежал этой ограниченности. Ею же отмечен и посмертный труд А. Ю. Якубовского «Из истории изучения монголов периода XI—XII вв.», вообще считавшего, что основным содержанием ранней истории монголов было постепенное приобщение к более высоким формам социально-экономического развития все новых и новых монгольских племен, выходивших в центральноазиатские степи из северных лесных районов Забайкалья и подножий Саян [14].

Между тем недавние исследования, предпринятые впервые в связи с подготовкой Академией наук СССР и Комитетом наук МНР однотомной «Истории Монгольской Народной Республики», показали, что монголоязычные племена с глубокой древности занимали обширные территории в степных районах Центральной и Восточной Азии, отличаясь задолго до выступления Темучина относительно высоким

[13] ЗВОРАО, т. X, 1896.

[14] Сб. «Очерки по истории русского востоковедения». М., 1953, стр. 31—95.

уровнем экономического и социального устройства. Особенно это касается киданей, найманов и кэрэитов [15]. За последнее время эти исследования были продолжены с большой широтой Л. Л. Викторовой (в Ленинграде) и Х. Пэрлээ (в Улан-Баторе). Оба исследователя обратили основное внимание на историю киданей [16]. Они доказали не только тесное родство киданей с остальными монголоязычными племенами, обитавшими в Центральной Азии, но и сильнейшее воздействие на них культуры киданьской империи Ляо.

Х. Пэрлээ, исследуя материалы из развалин городов Монголии X—XII вв., занимаясь историей распространения власти киданьских императоров на территорию Монголии и выясняя их деятельность в эпоху перехода киданей на запад и основания ими кара-китайского государства, убедительно показал большое значение воздействия киданьской культуры на культуру населения Халхи и Джунгарии.

Таким образом, уже нет прежних оснований считать первобытным монголоязычное население Центральной Азии, особенно в период, предшествовавший выступлению Темучина. В значительной мере это подтверждает и «Сокровенное сказание», описывающее состояние наиболее северных монгольских племен, кочевавших по Онону и в верховьях Аргуни. Из текстов его ясно видно, что у тех же тайджиютов и их соседей уже была обособившаяся от народа аристократия, обладательница крупных богатств, больших стад и многочисленных зависимых «черных людей».

Следует также принять во внимание, что и здесь, на далеком монгольском севере, раскопками обнаружены остатки городских поселений, существовавших еще в X—XI вв. [17] Поэтому едва ли можно теперь принимать без исправлений схему постепенного окультуривания выходивших в степь лесных монгольских племен и относить ее действие чуть ли не ко времени возвышения Темучина.

Монгольское общество в ту эпоху было гораздо более сложным по своей социальной структуре. Оно уже многое восприняло из культурного наследия, созданного в Центральной Азии в предшествующий период господства там других народов, особенно в период уйгурского ханства IX в. и киданьской экспансии. Тогда уже строились укрепленные города, на обширных площадях заводились пашни и сады. Столица уйгурского ханства Орду-Балык (современные развалины Хара-Балгас на р. Орхон) по многолюдству, богатству двора и неприступной мощи огромной цита-

[15] «История Монгольской Народной Республики». М., 1954, раздел II, гл. II. — «Древнемонгольские и тюркские государства и племенные союзы в Монголии и на севере Китая» и гл. III — «Киданьская империя» (стр. 61—78).

[16] Х. Пэрлээ. Кидани и их связь с монголами (на монг. яз.). Studia Historica, т. I, вып. 1, Улан-Батор, 1959; его же. Раскопки в развалинах г. Херулун-Бар (на монг. яз.), Шухбутэлл, 1957, № 2; его же. К истории древних городов и поселений Монголии. СА, 1957, № 3; его же. Киданьские города и поселения на территории МНР (X в. — начало XII в.). Монгольский археологический сборник. М., 1962; Л. Л. Викторова. Ранний этап этногенеза монголов. Л., 1961; ее же. К вопросу о кочевом укладе в киданьской империи. Материалы по отделению этнографии ВГО, вып. 1, Л., 1961; ее же. К вопросу о расселении монгольских племен на Дальнем Востоке. Ученые записки ЛГУ, № 256, 1958.

[17] С. В. Киселев. Древние города Забайкалья.

дели могла поспорить с крупнейшими центрами раннесредневекового Востока [18]. Неверно было бы полагать, что многовековые традиции раннесредневековой культуры никак не коснулись монголоязычного населения Центральной Азии. Наоборот, все, что мы знаем о двух крупнейших объединениях монголов до Темучина — о найманах и кэрэитах, заставляет видеть в них гораздо более сложные организации, чем просто союзы племен. Это были сильные феодальные ханства. У них был государственный аппарат; они пользовались уйгурской письменностью и уже не удовлетворялись первобытной религией шаманства, принимая то буддизм, то христианство несторианского толка.

Против этих ранее сложившихся монгольских государств и выступил прежде всего будущий Чингисхан. И от них позаимствовал он социальное устройство, которое легло в основу созданного им всемонгольского государства. В этом отношении Чингисхан пошел дальше по уже намечавшемуся пути объединения монгольских владений, и эта его деятельность может расцениваться положительно. Объединение, несмотря на понесенные жертвы, ликвидировало постоянные столкновения и малые войны между отдельными владетелями, обескровливавшие монголов, препятствовавшие их развитию [19].

Однако не нужно думать, что Чингисхан выступил в качестве поборника народных интересов. На протяжении всей своей деятельности он последовательно защищал интересы аристократии, только пресекая ее притязания, которые могли бы ограничить его верховную деспотическую власть. В результате осуществленных администрацией Чингисхана мер монгольское государство получило своеобразно стройную организацию, которую часто называют военно-ленной.

Весь монгольский народ был разделен на два крыла: правое — барун гар и левое — джун гар. Крылья состояли из десятитысячных туменов («тьма»). Каждый тумен делился на тысячи, тысячи состояли из сотен, а сотни — из десяти десятков. Это означало, что в основе деления Монголии находились группы аратских семей (в один или несколько айлов), обязанных выставлять десять воинов со всем их вооружением, снаряжением, конями, транспортом и продовольствием. Самым крупным объединением было владение, доставлявшее в чингисово войско 10 000 человек. Всего у Чингисхана первоначально собиралось 95 тысяч воинов. Но это деление отнюдь не было только военным; оно одновременно было и феодальным. Во главе десятков, сотен, тысяч и туменов Чингисхан ставил представителей знати различных рангов, которые и приобретали новые основания для эксплуатации рядового аратства уже на базе пожалования им земельной территории (нутук) и хозяйствовавших на ней аратов, образовывавших улус. Все вместе — земля и араты — в эпоху Чингисхана и его преемников составляли хуби — пожизненные условные владения, своеобразные бенефиции, раздававшиеся Великим ханом нойонам и другим представителям знати на том основании, что только он, хан, — верховный собственник земли.

Иные исследователи склонны представить дело так, что внутри хуби царило своеобразное патриархальное равенство между владельческой семьей или родом

[18] С. В. Киселев. Древние города Монголии, стр. 93—95, рис. 1.

[19] См. об этом: «История Монгольской Народной Республики». М., 1954, стр. 90, 91; И. М. Майский. Чингис-хан. «Вопросы истории», 1962, № 5, стр. 76.

(отоком) и аратскими айлами. Это — глубокое заблуждение. Взаимоотношения между аратами и владельцами хуби основывались на том, что последние были, хотя и временными, но собственниками земли, эксплуатировавшими на этом основании аратов, пользователей пастбищ, водопоев, охотничьих территорий, а местами — и пашенных земель.

Наиболее распространенным видом эксплуатации аратов со стороны монгольских феодалов издавна была раздача владельческого скота на выпас различными группами — в 50—100 голов и даже более, в зависимости от мощности того или иного аратского хозяйства. Это обстоятельство должно быть особо подчеркнуто. Дело в том, что в буржуазной литературе и в писаниях националистически настроенных «исследователей» этих проблем отдача скота на выпас подчас изображалась как благодеяние, как бескорыстная поддержка знатным владетелем хуби живущих на его земле рядовых скотоводов. Между тем источники и этнографические наблюдения показывают, что собственное хозяйство арата, его стадо, — помимо того, что оно было источником дополнительных доходов феодала, обкладывавшего его всевозможными поборами, — служило гарантией целостности и прироста скота, отданного владельцем на выпас. Норма прироста этой части стада не зависела от условий хозяйствования или от состояния пастбища, от погоды и других обстоятельств развития того или иного аратского хозяйства. Феодалу всегда было обеспечено получение приплода от его скота, хотя бы за счет ослабления хозяйства держателя — арата.

Все это позволяло крупным и мелким феодалам доводить эксплуатацию аратства до крайних пределов. Усиливавшееся в этой связи обнищание масс непосредственных производителей достигало иногда такого уровня, что затрагивало уже интересы центральной власти. Этим только и можно объяснить появление таких документов, как указ хана Угэдэя, сохраненный в «Сокровенном сказании» [20].

Его начало — типичный образец социальной демагогии: «Не будем обременять государство. возрадуем народ тихим благоденствием. . . введем порядки, необременительные для народа». Однако из дальнейшего выясняется, что «необременительные порядки» Угэдэя весьма «заботливо» составлены им из следующих обязательств аратов по отношению к центральной власти: 1) каждое аратское хозяйство обязано ежегодно сдавать для ханского стола одну двухгодовалую овцу; 2) от каждых ста овец араты должны одну овцу передавать на поддержку бедных; 3) каждая тысяча должна передавать в казенные табуны дойных кобылиц и обеспечивать их доильщиками; 4) от тысячи откомандировывались обеспеченные полным содержанием: а) надсмотрщики за казенными пастбищами и кочевьями, б) стражи казенных складов, в) смотрители ямчинов (почтовых станов) и верховые почтовые гонцы — улагины в количестве 20 на каждый стан; 5) каждая тысяча обязана была представлять на ямы значительное число лошадей, упряжных волов и повозок, а также баранов и дойных кобыл для питания проезжающих. Познакомившись с этими «необременительными порядками», нельзя не согласиться со словами одного нашего монголиста, который

[20] С. А. Козин. «Сокровенное сказание». Монгольская хроника, 1240, т. I. М.—Л., 1941, 279.

недавно писал по этому поводу: «Если таковы были „милости“ хана Угэдэя, то можно себе представить, насколько более тяжелыми были государственные поборы до его указа» [21].

Государство Чингисхана осуществляло неприкрытое подавление интересов трудового аратства, обеспечивая знати все возможности обогащения за счет эксплуатации рядовых скотоводов.

Это ярко отразилось и на социальной терминологии древнейшего памятника монгольской письменности — «Сокровенного сказания». На его страницах мы находим такие определения, как «трудящиеся», «подданные», «наследственные подданные», «крепостные», «народ, выполняющий повинности», «податной народ», «собственные, наследственные крепостные», а также «челядь» и «дворовые люди». Это было характерно не только в государстве Чингисхана и его преемников, но и у тех же кэрэитов. Так, Ван-хан после победы над ним найманов просил Темучина помочь вернуть ему «податной народ и богатство» [22].

Цели подчинения масс служил и кэшик — гвардия Чингисхана. Первоначально это была сравнительно небольшая часть наиболее преданных ему воинов: «80 человек кэбтэулов — ночной охраны и 70 человек турхаудов — дневной гвардейской стражи» [23]. «Сокровенное сказание» позволяет сделать вывод о строго классовом подборе состава кэшика. В его ряды зачислялись, главным образом, братья и сыновья нойонов, тысячников и сотников. Аристократический характер кэшика поддерживался и позднее, когда после окончательного закрепления власти Чингисхана над всей Монголией в 1206 г. кэшик был увеличен до 10 000 человек; его командиром был назначен брат Чингисхана Джочи-Касар, после смерти которого его сын Исункэ занимал эту должность много лет — вплоть до начала правления Хубилая [24].

Кэшик был не только охраной и гвардией Чингисхана, но и основной силой, с помощью которой он удерживал власть аристократии над рядовыми кочевниками и над подчиненными племенами охотничье-рыболовецкой лесной зоны [25].

Несмотря на все эти особенности государства Чингисхана, как государства феодального, обеспечивавшего эксплуатацию знатью рядовых аратов, — оно имело и прогрессивные черты. Сложение крупного феодального государства привело к преодолению разобщенности, существовавшей между отдельными владениями до Чингисхана и во многом сохранявшейся еще от племенного устройства.

Политическое объединение Монголии не могло не способствовать известному подъему производительных сил страны, ее экономическому и культурному росту. Эту сторону развития Монголии и подчеркивают такие явления, как строительство городов, сосредоточение в них ремесел и прежде всего — металлообработки, развитие торговых связей особенно с мусульманским Востоком, а также распространение письменности на основе приспособленного к монгольскому языку уйгурского алфавита. Однако все эти явления прогрессивного характера очень скоро были перекрыты

[21] И. Я. Златкин. История Джунгарского ханства (1635—1758). М., 1964, стр. 89.
[22] С. А. Козин. «Сокровенное сказание». . . § 139, 162, 163, 186, 190.
[23] Там же, § 261.
[24] Рашид-ад-Дин. Собрание летописей, т. I, кн. 2, М.—Л., 1952, стр. 52.
[25] «История Монгольской Народной Республики. . .», стр. 90.

иным направлением политики Чингисхана и его преемников. Ограбление чужих народов стало главной целью Чингисхана, нойонской аристократии и ее военных дружин [26].

Здесь нет места, чтобы проследить весь ход завоеваний Чингисхана и его преемников, — он всем хорошо известен. Достаточно сказать, что начатая в 1211 г. война против Северного Китая и вторжение в 1219 г. в Хорезм уже к году смерти Чингисхана (1227) сделали его обладателем всей Средней и Центральной Азии, половины Китая и многих областей Сибири. Дальнейшее усиление монгольских армий привело к подчинению Кореи и всего Китая, завоеваниям в Индо-Китае, захвату большинства земель Халифата, монгольскому игу на Руси. Все эти завоевания сопровождались жестокостями, которые приводили в трепет народы Востока и Запада, и без того приученные ко всякого вида насилиям со стороны своих феодальных правителей. Целые страны с высокой культурой повергались в пепел, а их население беспощадно уничтожалось [27]. Только ремесленники толпами отправлялись в Монголию для удовлетворения потребностей войны и роскоши сказочно богатевших нойонов.

В известной мере, но только на время войны ослаблялись и классовые противоречия внутри монгольского общества. Рядовым воинам также доставалась некоторая доля добычи, и это удерживало их в рядах войск. «Мастер демагогии» — Чингисхан — старался играть на самых низменных устремлениях масс. Призывая монголов в походы, он цинично говорил им: «Если пойдете со мною, то будете ездить на добронравных конях и будете обнимать благообразных женщин».

Естественно, даже временное и незначительное смягчение классовых противоречий могло быть следствием лишь победоносных грабительских походов. Неудачные же войны, наоборот, обостряли классовые противоречия внутри монгольского общества.

Однако постоянные войны и походы в отдаленные страны, где приходилось оставлять большие гарнизоны, не могли компенсироваться добычей, как бы велика она ни была. Требовались все бо́льшие поборы с монгольского аратства, все большее число монголов отрывалось от производительного труда. Монголия беднела и все сильнее безлюдела. А при Хубилае, когда столица империи была перенесена из Кара-Корума в Ханбалык (современный Пекин), Монголия и вовсе захирела.

Глубоко справедливы слова К. Маркса о том, что монгольское иго «не только подавляло, оно унижало и калечило душу народа, ставшего его жертвой» [28]. Но историческое развитие пошло таким образом, что и монгольский народ не только ничего не получил от господства его знати над завоеванными странами, но в ходе

[26] «История Монгольской Народной Республики...», стр. 91; Н. Я. Мерперт. В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин. Чингисхан и его наследие. «История СССР», М., 1962, № 5, стр. 92 сл.

[27] К. Маркс писал о последствиях завоевания Средней Азии: «Искусство, богатые библиотеки, превосходное сельское хозяйство, дворцы и мечети — все летит к черту» (Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. V, стр. 221).

[28] К. Маркс. Тайная дипломатия XVIII века. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. V, стр. 221.

завоеваний серьезно подорвал собственные силы. Он был вовлечен в реакционную политику нойонства, что не прошло даром. Все это в большой мере облегчило успех освободительного движения завоеванных народов против монголо-татарского гнета.

Как известно, в 1368 г. под ударами мощного восстания китайских крестьян последний монгольский император Тогон-Темур вынужден был бежать из Пекина в монгольские степи. Там он построил себе кратковременную эфемерную столицу, развалины которой недавно исследовал Х. Пэрлээ [29]. Вскоре и Русь нанесла первый сокрушительный удар по монголо-татарскому игу, сломив в 1380 г. на Куликовом поле военную силу Золотой Орды. А в XV в. уже не осталось и следа от былого единства монгольского феодального государства. Таким образом, колоссальная монгольская империя просуществовала немногим более полутораста лет. Героическая борьба многих народов Европы и Азии заставила захватчиков оставлять одну за другой насильственно присоединенные к империи территории. А после неизбежного краха этого эфемерного, никогда не имевшего прочной основы и державшегося только силой объединения, войска монгольских ханов были навсегда изгнаны из всех завоеванных земель. История же самого монгольского народа продолжалась на его коренной территории. В Монголии в результате этих событий с особой резкостью сказались центробежные силы интересов отдельных владельцев — наступил длительный период феодальной раздробленности. Если во многих странах этот закономерный период в развитии феодализма лишь в известной мере задерживал развитие культуры, то в Монголии, в результате искусственного ослабления народных сил в предшествующую эпоху Чингисхана и его преемников, он надолго стал периодом слабости и застоя. Только в XVI и XVII вв. Монголия стала подниматься. Однако и тогда она не смогла достигнуть единства и постепенно, по частям, была завоевана манчжурами династии Цин. Этот период истории монгольского народа не затронут материалами нашей книги, но он также чрезвычайно интересен для той проблемы, которой она посвящена.

Несмотря на многократные завоевания и межфеодальные войны, уже в XVI в. вновь стали строиться оседлые поселения, где жили ремесленники и торговцы. Эти поселения в Халхе возникали, главным образом, вокруг монастырей и постоянных ставок ханов. Впрочем, в известной мере использовались и старые пепелища. Так, известно, что Бату-Мунхэ Даян хан сделал своей столицей в какой-то части восстановленный Кара-Корум. Там же была резиденция и Абатай-хана (1586), который построил, использовав развалины столицы Чингизидов, первый оседлый ламаистский монастырь Монголии—Эрдэни-Цзу [30]. В XVII в. монгольские феодалы уже построили несколько замков и укрепленных городов. В 1620 г. их видел казак Иван Петлин [31]. В Джунгарии особенно в XVII в. «городки» с коричневыми или белокаменными стенами строили контайши. Эти городки являлись одновременно и ставками правителей и центрами ламаизма, и поселениями торговцев и ремесленников. Вокруг

[29] Х. Пэрлээ. К истории древних городов и поселений в Монголии. СА, 1957, № 3, стр. 49, рис. 10 и 11.

[30] Х. Пэрлээ. Ук. соч., стр. 50.

[31] «Путешествие в Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1620 г.». «Сибирский вестник, издаваемый Г. Спасским», ч. 2, СПб., 1818.

этих городов и слобод в Джунгарии и в Халхе заводились пашни, которые обрабатывали не только пленные китайцы и «бухарцы», но и местные араты и шабинары (монастырские крестьяне) [32].

Так, несмотря на всю сложность истории монгольского феодализма, развивавшегося в условиях преобладания кочевого скотоводческого хозяйства и часто подвергавшегося опустошительным завоеваниям с угоном больших масс населения в плен, — и здесь, в Центральной Азии, проявлялись основные закономерности развития феодальной формации.

В основной сфере развития феодальной собственности военно-ленная система периода древнемонгольского государства Чингизидов была, как и в земледельческих странах, заменена вотчинно-феодальной собственностью на землю, столь характерной для периода феодальной раздробленности.

В области дифференциации производства в Монголии также проявлялось развитие ремесел, а ремесленники, как и в других странах, были не только зависимыми от феодала, но и свободными горожанами, работавшими на рынок.

Наконец, и здесь возникали, падали и вновь возрождались города и слободы — центры торговли и ремесла. На их ранней истории мы и сосредоточили свои исследования.

С. В. Киселев

[32] «Путешествие российского посланника Ф. И. Байкова в Китай». «Древняя российская вивлиофика», ч. IV, СПб., 1788, стр. 126.

1

ДРЕВНЕЙШИЕ МОНГОЛЬСКИЕ ГОРОДА

ГОРОД НА РЕКЕ ХИРХИРА

В начале прошлого столетия от известного исследователя Сибири Г. И. Спасского стало известно, что в низовье р. Хирхира, недалеко от ее впадения в р. Урулюнгуй (левый приток Аргуни), находятся развалины древнего города [1]. Затем эти развалины отметил известный монголовед Д. Банзаров при издании своего перевода надписи на знаменитом Чингисовом камне [2]. В 1889 г. основатель Читинского музея ссыльный нечаевец А. К. Кузнецов вновь напомнил о существовании «Киркиринского города» и составил археологическую карту р. Урулюнгуй с указанием местоположения развалин.

Однако только в 1925 г. А. К. Кузнецов смог опубликовать результаты своих исследований [3]. В этой работе он в нескольких местах упоминает о Хирхиринском городе и высказывает предположение, что Эбергарт Избранд Идес, отправленный из Москвы посланником в Пекин, следуя из Нерчинска в Манчжурию, описал в 1692 г. развалины Кондуя, Хирхиры и Гана (правого притока Аргуни), которые произвели на него впечатление грандиозностью и красотой архитектуры [4]. Несмотря на такое внимание к Хирхиринскому городу, А. К. Кузнецов не смог осуществить свое намерение — описать в специальной работе развалины на Хирхире и Гане. Местоположение

[1] «Сибирский вестник», 1818, ч. IV, отд. II, стр. 167—182.

[2] Доржи Банзаров. Объяснение монгольской надписи на памятнике князя Исункэ, племянника Чингисхана. Собр. соч., М., 1955, стр. 202. Он писал, что «на речке Кыркыр и найден нами памятник, поставленный князем Исункэ около своего дворца, которого развалины находятся на той же р. Кыркыр, немного пониже от места, где стоял памятник».

[3] А. К. Кузнецов. Развалины Кондуйского города и его окрестности. Записки Забайкальского отдела РГО, вып. XVI, Владивосток, 1925.

[4] А. К. Кузнецов. Ук. соч., стр. 60. Только что стало известно, что за 90 лет до А. К. Кузнецова планы пяти зданий Хирхиринского города снял и вычертил известный исследователь Сибири и особенно Алтая П. К. Фролов. Его чертежи обнаружены А. П. Уманским в Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (шифр F-IV-184). См. альманах «Алтай», № 20, 1962, стр. 114—117.

их осталось крайне неопределенным. Поэтому и мы с большим трудом отыскали в 1957 г. развалины города на р. Хирхира [5].

В этой местности почти не осталось старожилов, а речка — довольно широкий горный ручей у Ивановского рудника и у с. Ивановка — при выходе в долину Урулюнгуя, примерно в 4 км от устья, исчезает среди лугов и пашен. Только в 1959 г. после сильных ливней можно было видеть тонкую струйку воды р. Хирхира, по низинкам добиравшейся до р. Урулюнгуй, также почти сплошь укрытой осокой и камышами.

Хирхиринский город расположен на низкой надпойменной террасе. К югу она примерно в 2 км переходит в низину поймы Урулюнгуя, а с восточной стороны от города начинаются болотины и промоины бывшего тальвега р. Хирхира [6].

Таким образом, развалины Хирхиринского города расположены на низком мысу, некогда омывавшемся с востока р. Хирхира, а с юга — протоками р. Урулюнгуй. В 2 км к северу местность повышается к Кличкинскому хребту. На его первом отроге — горе Окошки — мы открыли курганный некрополь города. Близ этих курганов, очевидно, и стояла в пади, отделяющей гору с севера от основного хребта, знаменитая стела Исункэ.

Остатки городских строений начинаются непосредственно у края понижения древнего западного берега р. Хирхира и тянутся на запад на 1500 м (рис. 1). В 350 м к западу от берега поймы среди остатков построек расположена цитадель. Ее окружает вал высотой до 2,5 м и шириной до 15 м в основании, образующий правильный четырехугольник (с востока на запад — 100 м, с севера на юг — 110 м). С запада, юга и востока перед валом четко виден ров (рис. 2, *1*). С южной стороны восточная половина рва расширяется в виде обширного пруда с прихотливо изгибающимися берегами. Это заставляет вспомнить искусственное озеро у южных ворот дворца Угэдэя в Кара-Коруме. Посередине южной стороны в валу цитадели — четкий разрыв шириной до 20 м. Здесь, очевидно, были ворота. Кроме этих главных ворот, были еще боковые в юго-восточном углу цитадели, где ров и вал также рассечены проемом шириной до 20 м.

Внутри цитадели видны остатки строений, в том числе — центрального сооружения, сохранившегося в виде четырехугольного холма высотой до 2 м и площадью 15×30 м. С южной стороны заметен выступ входной лестницы или пандуса. Раскопки восточной половины здания (раскоп I) позволили видеть в нем дворец правителя. С дворцовым зданием связаны остатки сооружений в виде всхолмлений на переднем южном дворе, по бокам и с северной стороны.

Другое крупное здание цитадели примыкает к середине восточной стороны вала. Некогда от двора крепости его отделял ровик, четко видный и теперь. Так же как и дворец, оно стояло на высоком подиуме, равном современной высоте вала. Между этим зданием и северной стороной вала, в северо-восточном углу цитадели, заметны остатки

[5] С. В. Киселев. Город монгольского Исункэ на р. Хирхира в Забайкалье. СА, 1961, № 4, стр. 103 и сл.

[6] От развалин на запад, дорога идет сухими взгорьями; на восток, она проходит сырыми лугами и пашнями и даже после небольших дождей становится непроезжей. Малоудобны и дороги, идущие по обеим сторонам Хирхиры на север.

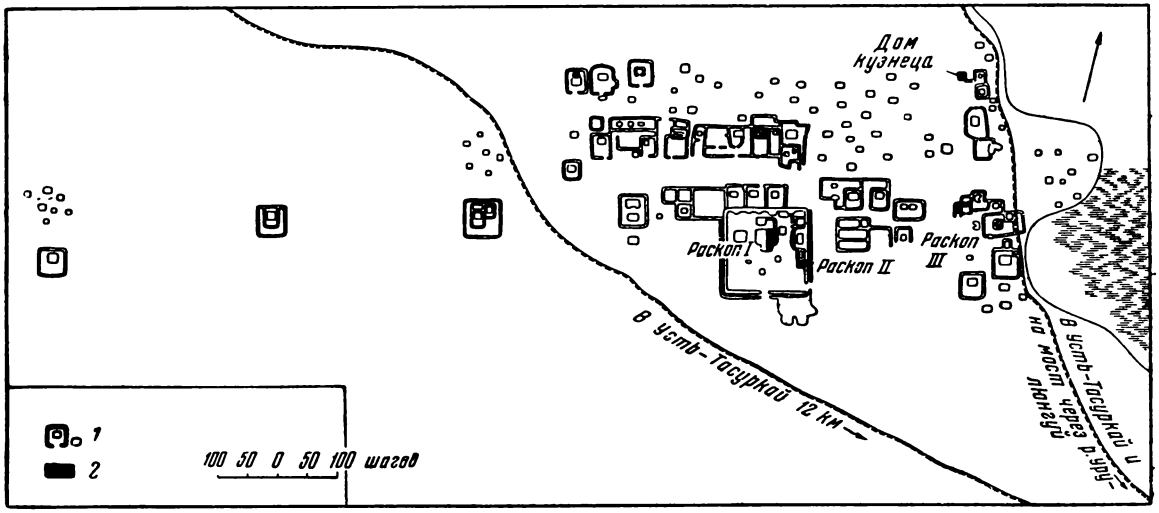


Рис. 1. План Хирхиринского городища.

1 — остатки построек; *2* — раскопы 1959 г.

План снимал С. В. Киселев

стен какого-то сооружения, стоявшего прямо на земле, а с южной стороны большого здания у вала, примыкая к нему, находились остатки помещений. Южная часть их была раскопана и одновременно сделан разрез вала и рва. По-видимому, здесь жила стража (раскоп II).

С северной стороны к валу цитадели были пристроены дворы, огороженные стенками. Внутри каждого из них размещались небольшие постройки. В какой-то связи с дворами находятся строения внутренней стороны северного вала цитадели. Изнутри к нему здесь как бы пристроены пять утолщений. Три из них совпадают с наружными двориками. От двориков и северо-западного угла цитадели на запад протянулись обширные огороженные площади квадратных очертаний; лишь в одной из них стояло какое-то здание. Тонкие и низкие валики их ограждений и правильность планировки заставляют предполагать, что это садовые участки, подобные примыкающим с востока к цитадели уйгурской столицы Орду-Балык на Орхоне [7].

Вокруг цитадели расположены остатки различных строений города. Одни из них строго повторяют ориентировку стен крепости и отличаются большой правильностью планировки. Может быть, это указывает на одновременность их постройки с сооружением цитадели. Другие большие и малые здания менее правильны по планировке, а по направлению стен они точно совпадают с ориентировкой крепости.

Все сооружения восточной части города можно разделить на три вида:

1. Огороженные тонкими стенками правильные четырехугольники, образующие сетку участков. На их площади нет никаких следов построек, и поэтому в них можно видеть остатки регулярных садов.

[7] Современный Хара-Балгас; см. С. В. Киселев. Древние города Монголии. СА, 1957, № 2, стр. 93.

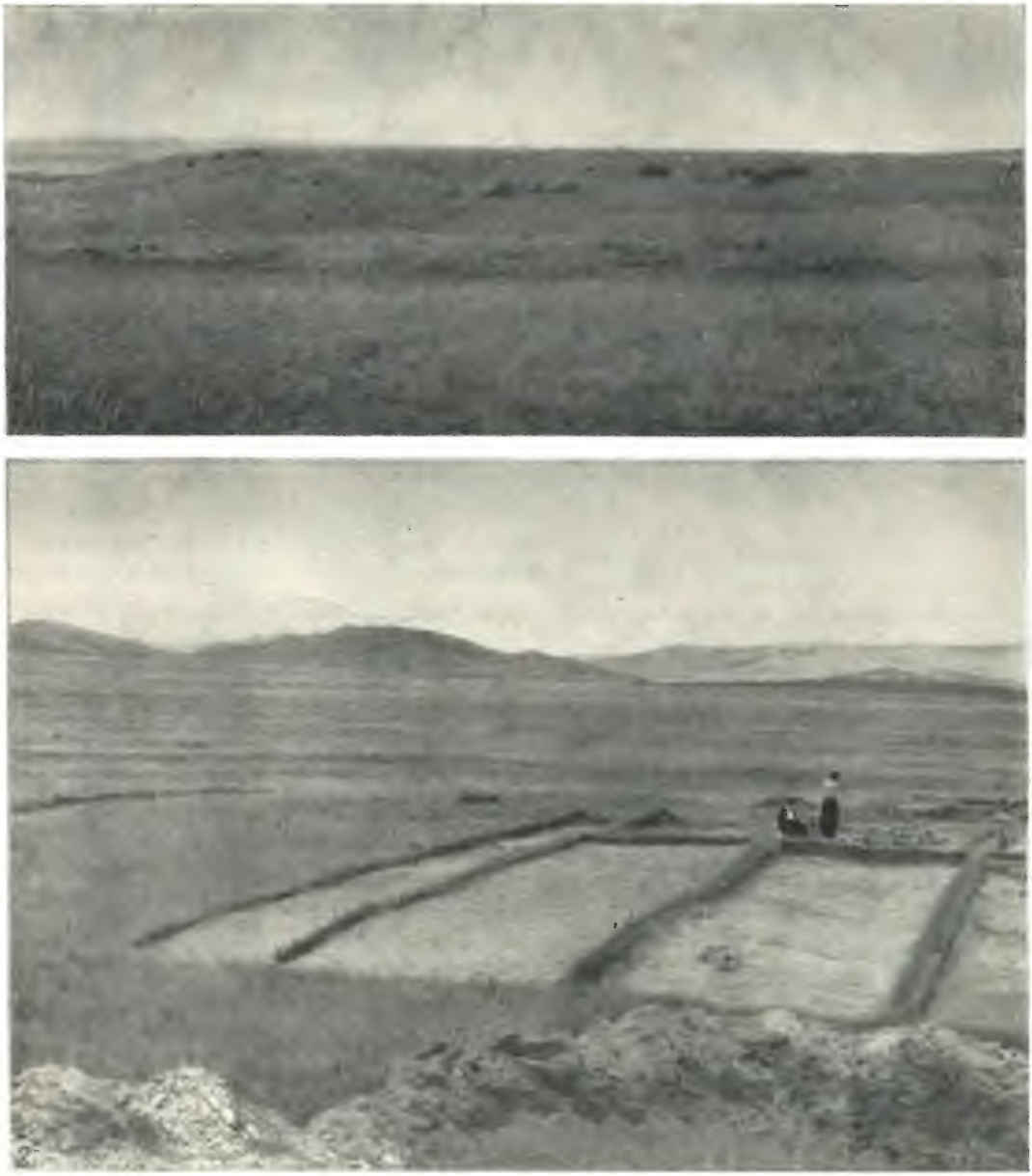


Рис. 2. Хирхиринское городище. Юго-западный угол вала цитадели (*1*) и вид раскопок дворца (*2*)

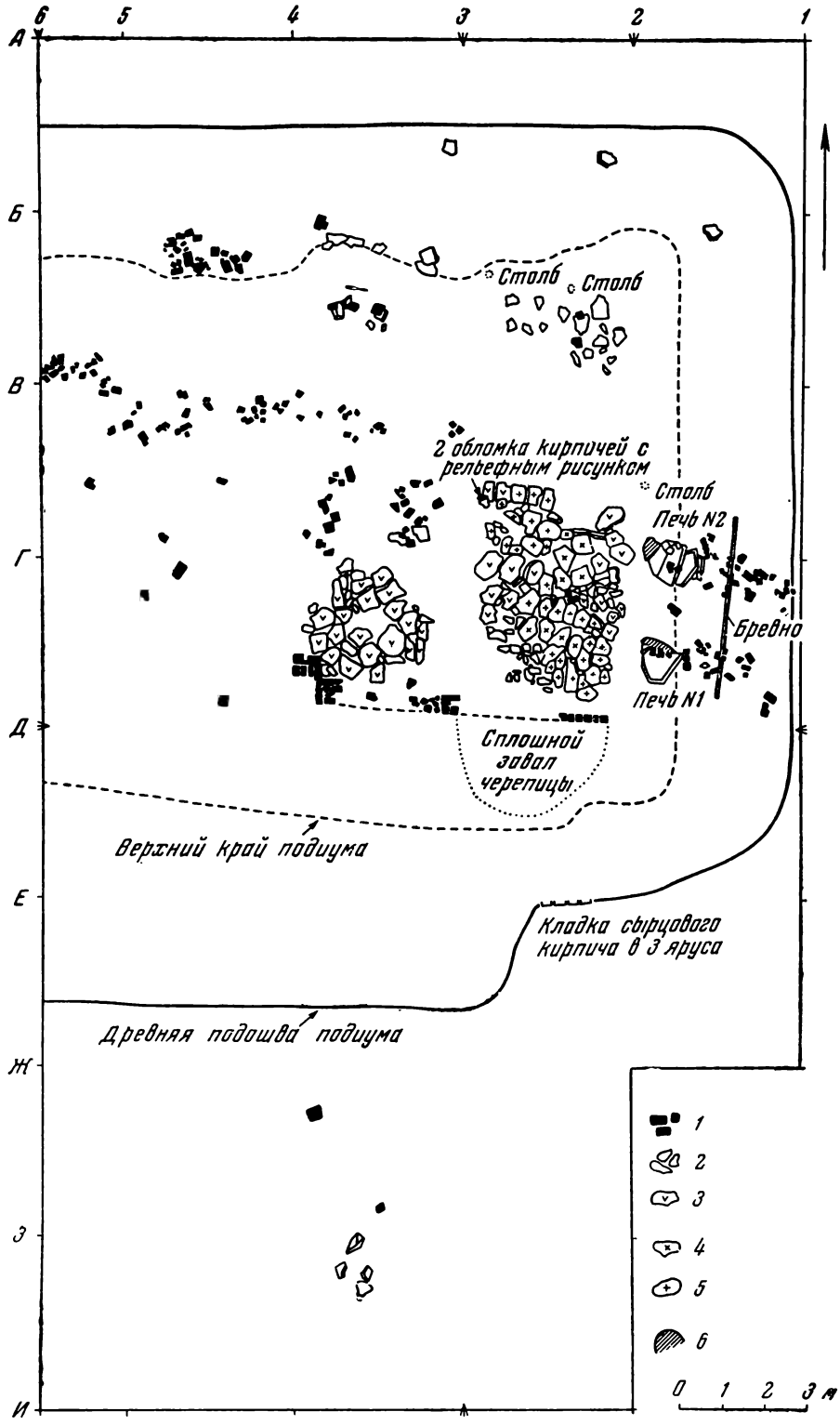


Рис. 3. Хирхиринское городище. План раскопанной части дворца.

1 — кирпичи; *2* — плиты, камни; *3* — плиты, лежащие горизонтально на глубине до 0,3 м; *4* — то же, на глубине 0,5—0,6 м; *5* — плиты, просевшие в отопительные каналы; *6* — слой обожженной глины

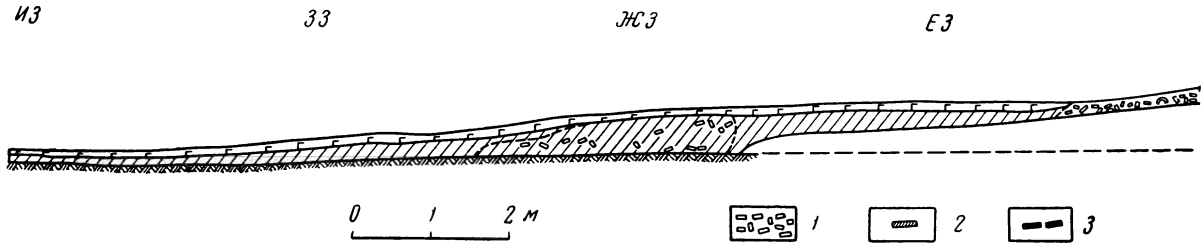


Рис. 4. Хирхиринское городище. Профиль раско
1 — обломки черепиц; *2* — камен

2. Замкнутые ограды, иногда с пристроенными к ним боковыми задними дворами; внутри оград — остатки зданий (иногда парных) и следы других сооружений. Еще в 1957 г. мы назвали их укрепленными усадьбами знатных горожан. Теперь, вскрыв один из домов такой усадьбы (раскоп III), мы не получили данных, опровергающих это определение.

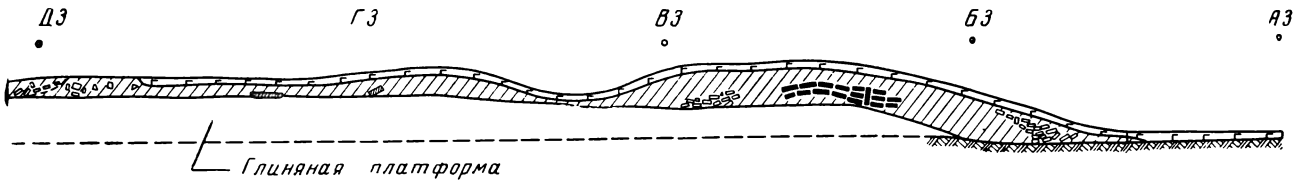
3. Небольшие подчетырехугольные холмики. В 1957 г. мы определили их как развалы глинобитных домиков городской бедноты. В 1959 г. мы раскопали один из них на северо-восточной окраине и получили доказательства, что здесь жил кузнец.

К северу и северо-западу от цитадели расположены целые кварталы огороженных усадеб. Одни из них стоят отдельно, другие сливаются в сложную сетку дворов и закоулков. Между группами их видны переулки. Здесь же разбросаны холмики мелких домиков.

К западу от цитадели четыре укрепленные усадьбы размещены обособленно друг от друга. Расстояние между ними достигает 170—200 м. Эти усадьбы более обширные, и две из них укреплены внутренними стенами. Мелкие домики здесь не образуют сплошной застройки, группируясь сзади (с северной стороны) каждой из усадеб. Более мощные укрепления западных усадеб, приближающиеся по высоте и толщине валов к укреплениям цитадели, позволяют считать их как бы форпостами города, выдвинутыми далеко на запад. Но подъемный материал, собранный здесь в 1957 и 1959 гг., — обломки посуды, чугунных котлов и другие бытовые предметы — ясно показывает, что и здесь текла повседневная жизнь обитателей Хирхиринского города и что усадьбы эти не были какими-то специальными военными сооружениями.

Как упомянуто, главный раскоп I охватил всю восточную половину центрального здания цитадели и прилегающие части двора (всего 544 кв. м). Уточнены положение подошвы подиума дворца, граница верхнего края (рис. 3 и 4), высота подиума до уровня пола.

Остатки кладки из сырцового кирпича высотой 0,2 м (участок ЕЗ) заставили считать, что, по крайней мере, в нижней части наклонный срез склонов подиума был укреплен стенкой из сырцовых кирпичей. Конструкция самого здания дворца, стоявшего на площадке подиума (см. рис. 3), остается не совсем ясной. Однако некоторые



пок дворца по линии *А3—П3* (вид с востока).
ные плиты; *з* — сырцовые кирпичи.

выводы сделать можно. Крайне ограниченное количество находок камня (плитняка) на участках, где можно локализовать стены, не позволяет считать, что стены здания, хотя бы в нижней части, были сложены из камня (как в Кондуйском дворце) [8].

Найден кирпич двух размеров — обычный строительный (32×16×5 см) и квадратный (30×30 см), употреблявшийся для покрытия пола. Однако количество обломков кирпичей, — например, в раскопе I, — исключает предположение об употреблении его для кладки стен. Всего найдено 3827 кирпичей (главным образом, обломков и несколько десятков целых). Наиболее насыщенными кирпичом оказались участки раскопа, соответствующие внутреннему пространству дворца. Здесь на каждый участок приходится в среднем 260 обломков и целых кирпичей, причем в некоторых местах они сохраняют первоначальное положение настила пола. На внешних же участках раскопа, бóльшая площадь которых выходит за пределы здания, количество кирпичей резко падает (до 60 фрагментов на участок). Все это заставляет считать, что стены дворца были деревянными, щитовыми. Их основу составляли столбы. Для некоторых из этих столбов на площадке подиума выкапывались ямы, и поэтому их удалось зафиксировать (см. рис. 3), но большинство устанавливалось просто на плотно убитой поверхности, — может быть, на деревянных подкладках, — и не сохранилось совершенно.

Однако мы все же можем восстановить линию наружных стен раскопанной части дворца. Линия кирпичей края настила пола на участках Г3 и Г4 позволяет определить место и направление южной, фасадной стены. Столб на участке В2, по-видимому, отмечает линию восточной стены; столбы на участке Б3 (один из них смещен к северу оплывом сильно разрушенного здесь края подиума) также можно считать опорой стены, но уже северной. Получается, что в раскопанной части дворец Хирхиринской цитадели тянулся с юга на север на 10,5 м и с востока на запад — на 14 м. Общая же его площадь достигала 300 кв. м.

В некоторых частях дворец отапливался. Это зафиксировано для юго-восточной его части, где уцелела ниже уровня кирпичного пола почти сплошная вымостка из плитняка (рис. 5, *1*). Под вымосткой обнаружены два широких отопительных канала

[8] С. В. Киселев. Древние города Забайкалья. СА, 1958, № 4.

Рис. 5. Хирхиринский дворец. Отопительная система.

1 — плиты перекрытия отопительных каналов (участки В2—3); *2* — топка с восточной стороны платформы дворца

глубиной до 0,4 м; каждый из них соответствовал топке, врытой в восточный обрез склона подиума. Направление каналов можно было определить еще до их вскрытия благодаря тому, что перекрывавшие их плиты просели, потому что завалилась сложенная из кирпичей и плиток средняя стенка, делившая канал вдоль на две части. Нужно полагать, что центральная стенка в них играла не только роль опоры перекрытия, но и разгораживала канал вдоль для того, чтобы по одной его половине горячий воздух из топки шел с востока на запад, а по другой, повернув обратно, направлялся опять к востоку, где дым выходил наружу.

Очень интересна конструкция топок (рис. 5, *2*). Их перекрытие обнаружено на 0,8 м ниже уровня пола дворца. Вертикальный обрез подиума в этом месте укреплен стенкой из крупных (толщиной до 10 см) сырцовых кирпичей (рис. 6). Под стенку уходят, повышаясь в глубь здания, отопительные каналы шириной до 35 см, соединенные с верхней частью топочного пространства, которое подквадратно в плане (0,72×0,72 м, высота — 0,4 м). Топочная камера вырыта в плотно утрамбованной земле подиума и, вероятно, была по стенкам обмазана глиной. В центральной части наружной стенки прорезан устьевой проем шириной 0,45 м и глубиной 0,26 м, укрепленный поставленными на ребро плитами толщиной 5—6 см, а сверху перекрытый плитой и кирпичами. Таким образом, устьевое отверстие достигает 0,3 м в ширину и 0,25 м в высоту (рис. 6, *2* и рис. 7, *1*).

Расстояние между обеими топками — 2 м. Внутри и перед ними все забито золой и мелким углем. Очевидно, печи топились не дровами, а сухой травой, вероятнее всего, — камышом или осокой, которых очень много в долине Урулюнгуя. В топку, наверное, шли и кости, остававшиеся от еды; их пережженные кусочки в изобилии встречаются среди золы и угля. В 0,9 м к востоку от устьев топок лежит бревно (толщиной до 0,2 м), по-видимому, укреплявшее предтопочное возвышение.

Изучение топок и отопительных каналов позволяет заключить, что в юго-восточном углу здания находилась теплая комната, отгороженная от остальных помещений внутренними стенками. Линии стенок можно установить по следующим признакам см. рис. 3). Юго-западный угол комнаты намечается поворотом на север выкладки кирпичей (участок Г4), а направление северной перегородки — столбом на участке В2 и северной границей каменного настила над отопительным каналом (участок В3). Здесь же найдены два кирпича с рельефным изображением цветов в вазе, по-видимому, украшавшие нижнюю часть перегородки (рис. 8). Таким образом, теплая комната была площадью 6×7 м. Всю ее восточную половину занимал теплый кан, нагревавшийся из описанных выше двух топок. Настил из плит в юго-западном углу комнаты может служить указанием на установку здесь в особо холодное время дополнительного отопления — чугунных жаровен с горячими углями.

Такая система частичного отопления дворцовых помещений характерна для дворцовой архитектуры Дальнего Востока. В ряде случаев топки установлены в облицованных кирпичом колодцах глубиной 1,2—1,8 м, встроенных в толщу внешней террасы подиума у самой стены здания. После прекращения горения колодцы закрывались деревянной крышкой. Вынесение в Хирхире топок дальше от стен дворца еще раз подтверждает, что он был деревянным.

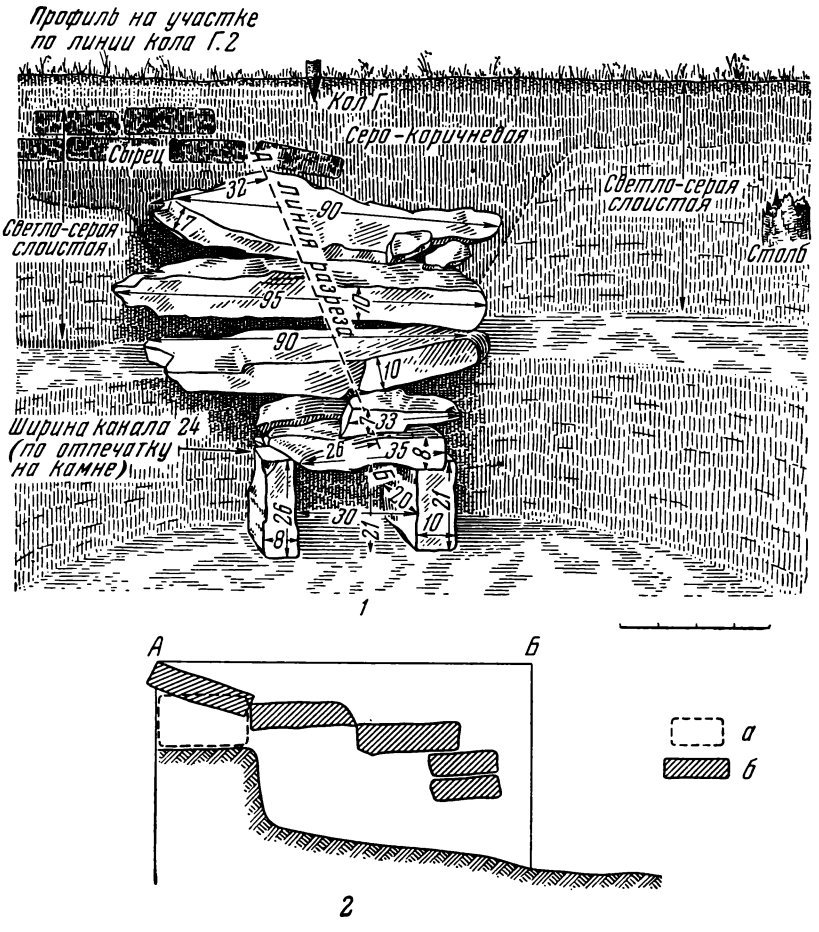


Рис. 6. Хирхиринский дворец. Отопительная система.

1 — топка № 2 после расчистки (над ней видна сырцовая кладка платформы); *2* — профиль топки № 2 (*а* — обожженный красный кирпич; *б* — камни покрытия печи)

Почти полную аналогию хирхиринской теплой комнате представляет спальня дворца в Шэньяне. Она еще меньше хирхиринской, и значительную ее часть у внешней стены образует теплый кан, возвышающийся над полом на 0,3—0,35 м. Он обогревался также двумя топками и служил зимой императорской постелью.

Интересно, что выход дыма был очень прост — через отверстие в стене над топкой, непосредственно под окном спальни. В других осмотренных мною помещениях иногда были такие же каны, иногда нагревался их пол, но чаще всего они были лишены отопления и обогревались только жаровнями с углем.

Теперь несколько слов о входе во дворец Хирхиринской цитадели. Как уже указывалось, с южной стороны подиума заметен выступ, полого спускающийся к уровню почвы. Очевидно, это был отлогий пандус, вымощенный кирпичом (на раскопанной части найдено свыше 300 фрагментов кирпича). Пандус приводил к неглубокой передней

1

2

Рис. 7. Хирхиринский дворец. Топка № 1 (*1*) и залегание черепицы кровли (*2*).

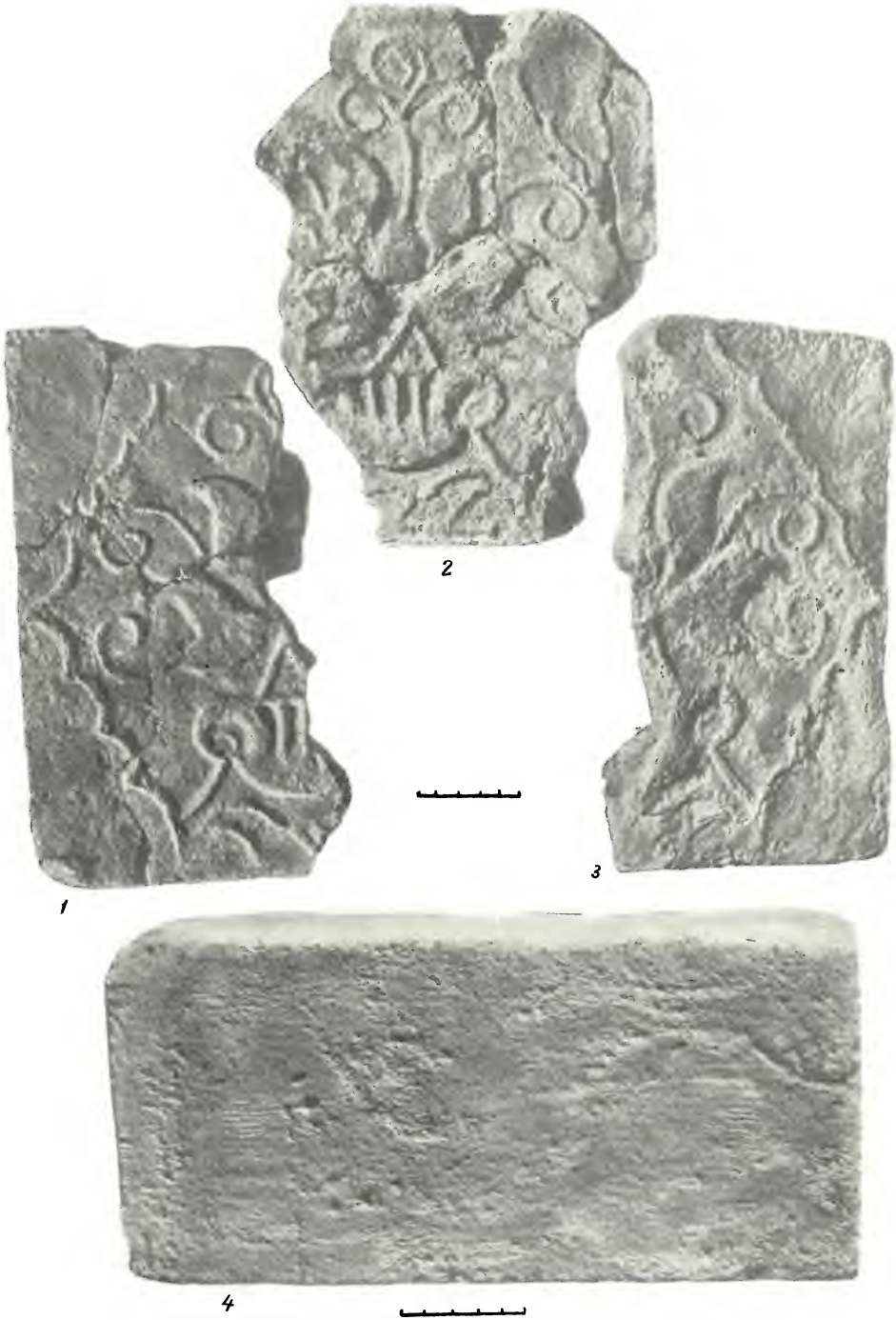


Рис. 8. Хирхиринский дворец. Фрагменты кирпичей с рельефным узором и простой кирпич.

1 — с участка В3; *2* — с участка А4; *3* — с участка В3; *4* — простой кирпич.

Рис. 9. Хирхиринский дворец. Образцы черепицы.
1 — нижняя с участка В5; *2* — нижняя с участка В3; *3* — верхняя с участка Б4.

террасе дворца, по-видимому, выстланной кирпичом. В центральной части южной стены дворца на террасу открывались двери.

Самым многочисленным материалом среди находок в Хирхиринском дворце были фрагменты черепицы кровли (рис. 7, *2*). При раскопках собрано 53 033 обломка кровельных черепиц и их украшений. Подсчет находок отдельных видов черепиц дает возможность составить представление о конструкции черепичного перекрытия. Обращает на себя внимание значительное преобладание нижних широких вогнутых черепиц (рис. 9, *1*, *2*) над полуцилиндрическими верхними (рис. 9, *3*), составлявшими и на внешних, и на внутренних участках раскопа I одну треть. Почти такое же соотношение находок концевых украшений: отливов от концов нижних черепиц найдено 152 фрагмента, а обломков дисков, украшавших концы верхних черепиц, — всего 60.

Это позволяет сделать вывод о том, что в крыше дворца полосы нижних черепиц не чередовались с полосами верхних; черепица укладывалась в несколько ином ритме, например, так: две нижних и перекрывающая их сверху такая же широкая черепица, но положенная выпуклой стороной вверх, затем новая группа из трех широких черепиц и только стыки между группами перекрывались полуцилиндрическими верхними черепицами. Кроме того, изучение количества находок отливов и дисков по различным сторонам дворца как будто свидетельствует о том, что наиболее богато был украшен фасадный южный склон крыши, затем боковой, восточный, а северный, задний, от которого уцелело всего восемь мелких обломков дисков, был, по-видимому, очень скромно орнаментирован.

Кровля Хирхирнского дворца была одноярусной, но четырехскатной. Об ее одноярусности можно судить по отсутствию каких-либо признаков внутренних колонн, обычно делящих двухъярусные здания дальневосточного типа на три нефа, из которых средний перекрывается верхним ярусом кровли. Против двухъярусности говорит и крайне незначительное число находок обломков отливов и дисков на внутренних участках раскопа (16 из 152 фрагментов отливов и 8 из 61 фрагмента дисков). По малочисленности они, конечно, не могли служить украшением верхнего яруса и попали внутрь здания при обрушении одноярусной крыши. Четырехскатность устанавливается уже отмеченным выше значительным числом находок отливов и дисков вдоль восточной стены (29 отливов и 26 дисков). Если бы здесь был фронтон двускатной кровли, то по твердо установившейся на Дальнем Востоке традиции отсутствовали бы отливы и диски, так как фронтон украшается только несколькими рельефными валиками, идущими вдоль верхнего края, а то и просто полосой темной окраски.

Рассмотрим особенности черепицы. Вся она сделана из серой, хорошо отмученной глины; с выпуклой стороны тщательно заглажена, иногда до залощенности, а на вогнутой стороне всегда есть отпечатки ткани. Размеры нижних черепиц обычно таковы: длина — 29—28,5 см; ширина вверху — 14,5—16,5 см, внизу — 17,5—20 см; толщина у края — 2—1,4 см и посередине — 1,2—0,7 см. Размеры верхних черепиц: длина — 29—28 см; диаметр нижней части — 16—15 см, верхней — 15—13 см; толщина у края — 2,5—1,5 см и посередине — 1,5—1 см. У большинства черепиц обрезы гладкие. Однако среди верхних черепиц встретились также имеющие зазор с более узкой стороны. У одной из нижних широких черепиц с узкой стороны был валик, образовавший тоже подобие зазора. У большинства нижних и верхних черепиц выпуклая сторона гладкая.

Но почти во всех частях раскопа I обнаружены обломки и даже целые черепицы обоих сортов, украшенные по выпуклой стороне узором. Обычно это идущие поперек пояски из семи прочерченных острием параллельных линий, между которыми размещены волнистые ленты, арочки или фестоны, образованные такими же семью параллельными линиями (рис. 10, *1*, *2*).

Кроме того, встречены черепицы, у которых, наряду с резным узором, фестоны и волны образуют желобки, нанесенные тупой палочкой (рис. 10, *3*, *4* и рис. 11). Найдены две такие орнаментированные черепицы (верхняя и нижняя) [9] и 52 обломка. Каково место их в кровле, — точно сказать нельзя, так как они обнаружены и на внешних, и на внутренних участках. Ясно только одно — орнамент на выпуклой стороне широких черепиц подтверждает высказанное предположение о перекрытии пазов не только полуцилиндрическими верхними черепицами, но и широкими нижними, которые клали в таких случаях выпуклой стороной вверх.

Орнаментация выпуклой поверхности разными линейными узорами характеризует, по-видимому, местное мастерство черепичников. Во всяком случае, ни в Монгольской Народной Республике, ни в Корее, ни на Советском Дальнем Востоке нам не встретились подобные черепицы.

[9] На участках Г2 (нижняя черепица) и А6 (верхняя).

Рис. 10. Хирхиринский дворец. Узоры на черепицах.

1, 2 — черепица с резным узором с участка Д2; *3, 4* — нижняя и верхняя черепицы с резным и желобчатым узором (*3* — с участка Г2; *4* — с участка А6).

Рис. 11. Хирхиринский дворец. Обломки черепиц с желобчатым узором.

Рис. 12. Хирхиринский дворец. Черепица из раскопок.

1 — гофрированный край нижней черепицы (участок Д4); *2* — нижняя черепица с капельником-отливом (участок Д4).

Иначе обстоит дело с формой и орнаментацией отливов концевых нижних черепиц. Это простой отгиб нижнего (широкого) края черепицы. Нижний край отгиба обычно гофрирован защипами или косыми вдавлениями палочки, а плоскость украшена чаще всего несколькими параллельными бороздками и валиками (рис. 12). Часто валики косыми нарезками превращены в имитацию шнура. Иногда между бороздками встречаются вдавления — отпечаток узелка либо круглого штампа с точкой внутри или зубчатого штампа. В некоторых случаях наносились только косые нарезы (рис. 13).

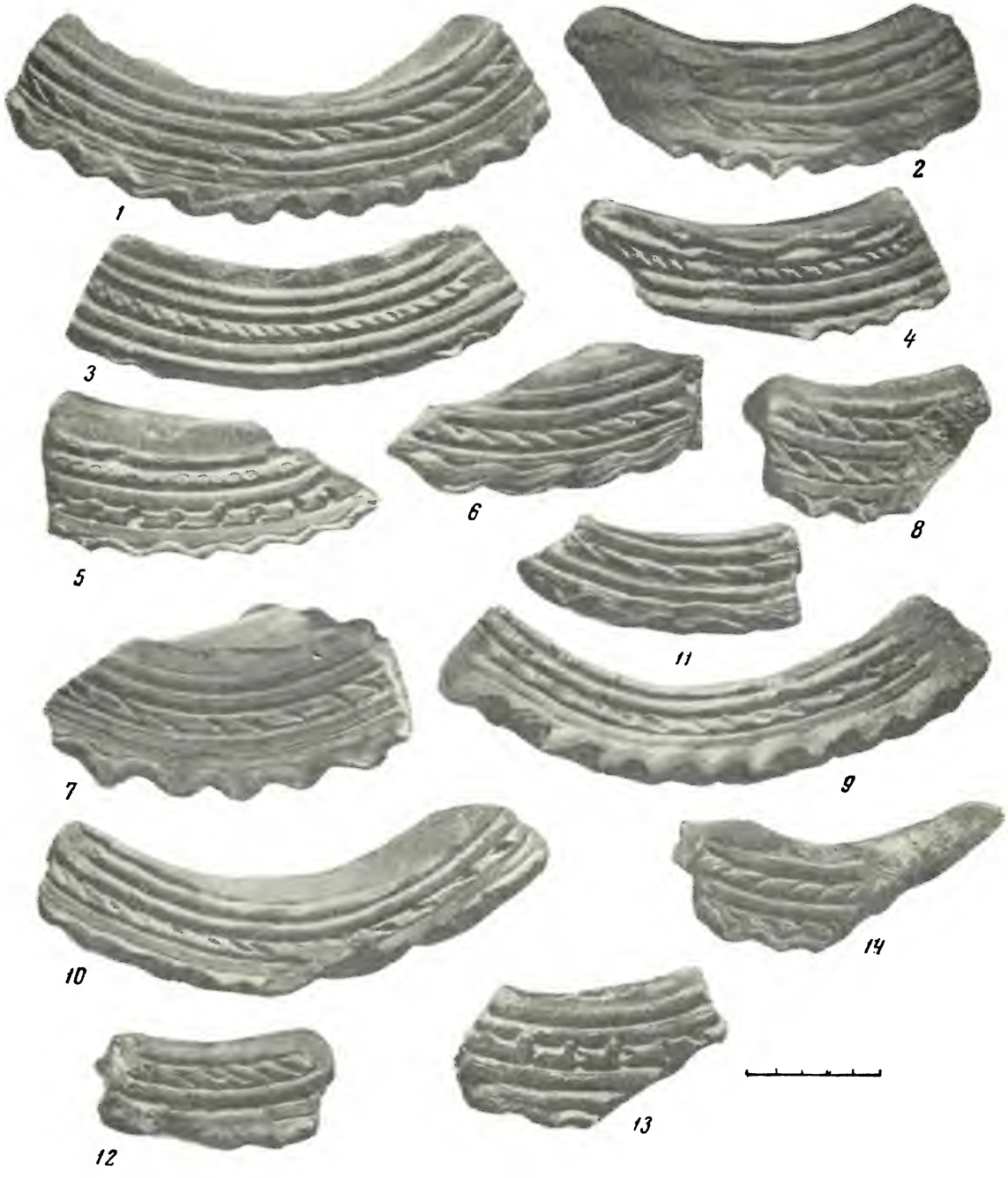


Рис. 13. Хирхиринский дворец. Нижние черепицы.

1—14 — орнаменты на отливах (находки на участках А2; Б3, 4; В2, 3, 4, 5; Г2, 4, 5; Д4).

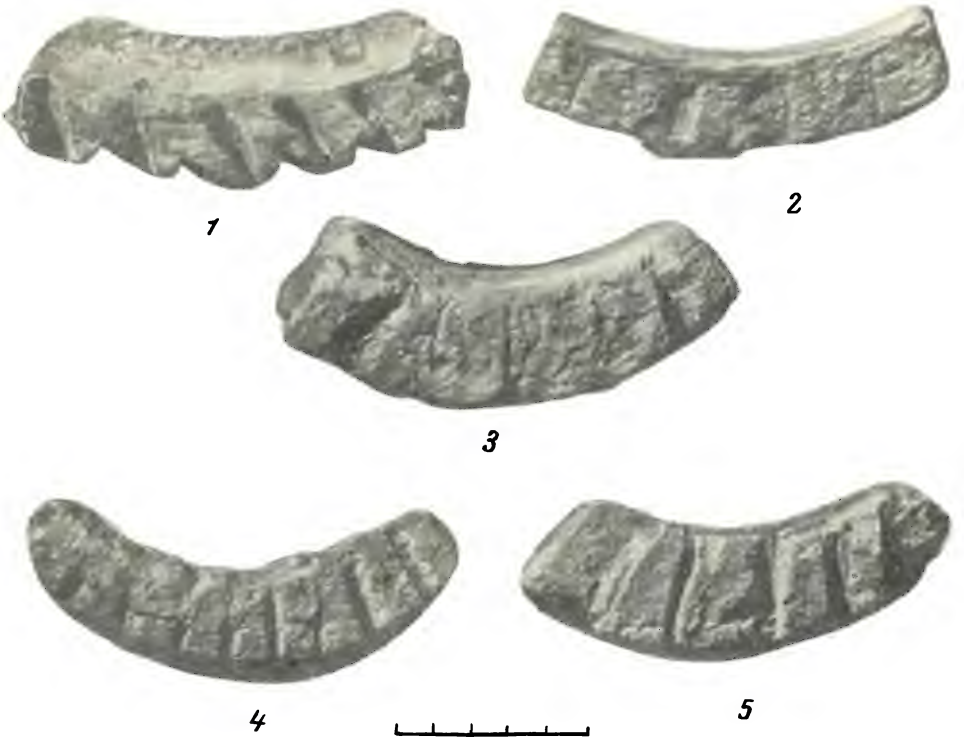


Рис. 14. Хирхиринский дворец. Торцы верхних черепиц с нарезами для лучшего прикрепления концевого диска.

1, 4, 5 — с участка Д4; *2* — с участка Б4; *3* — с участка Г4.

Эти отливы ближе всего черепицам, найденным Э. В. Шавкуновым на Николаевском и Краснояровском городищах, относящихся к XI—XIII вв.[10]

Аналогичная орнаментация отливов, относящаяся к XII—XIII вв.[11], обнаружена Л. Р. Кызласовым при раскопках города в местности Дён-терек. Такие же отливы найдены и в центральном квартале Кара-Корума [12].

Орнаментация дисков верхних черепиц Хирхиринского дворца более своеобразна, а для скрепления диска с торцом верхней черепицы на торце делались особые нарезки (рис. 14).

На окруженном жемчужником поле расположен сложный орнамент из рельефных изогнутых линий и трех выпуклин. В целом орнамент напоминает изображение какого-то жука или цветка (рис. 15). Вместе с тем, сравнивая этот орнамент с наибо-

[10] Э. В. Шавкунов. К вопросу о датировке средневековых памятников Приморья. Труды Бурятского комплексного научно-исследовательского института Сибирского отделения АН СССР, вып. 3, Улан-Удэ, 1960, стр. 174—193, рис. 13—20. В этом труде Э. В. Шавкунов неверно передает мое утверждение о генетической связи между бохайской и чжурчженьской черепицей.

[11] С. В. Киселев. Город монгольского Исункэ. . , стр. 118, 119.

[12] См. вторую часть настоящей книги.

Рис. 15. Хирхиринский дворец. Концевые диски верхних черепиц с орнаментом.

1 — с участка В6; *2*, *5*, *6* — с участка Г2; *3* — с участка А6; *4* — с участка Б3.

лее примитивными изображениями человеческой личины из чжурчженьских городищ [13] и особенно из Дён-терека [14], можно полагать, что перед

[13] Э. В. Шавкунов. Указ. соч., рис. 10.

[14] Л. Р. Кызласов. Средневековые города Тувы. СА. 1959, № 3, рис. 9, стр. 171.

Рис. 16. Хирхиринский дворец. Концевые диски верхних черепиц с более древним орнаментом.

1 — из отопительного канала (участок В3); *2* — из раскопа II у вала (участок А2).

нами — та же схема личины, но прямое значение ее забыто мастером. В самом деле, он изображает уши в обычной манере, глаза и широкий нос передает тремя выпуклинками, складки лба превращает в какие-то серповидные линии, пропускает рот, но тремя бугорками передает бороду. По-видимому, здесь, как и в орнаментации выпуклых поверхностей черепиц, сказывается местная особенность черепичного мастерства. В нем виден известный провинциализм, оторванность от ведущих центров черепичного производства того времени, но вместе с тем проявляется собственная выдумка, связанная с традициями в орнаменте.

Подытоживая результаты анализа кровли и черепиц, можно сказать, что комплекс довольно типичен для черепичного мастерства XI—XIII вв. и ближе всего связан с черепичным производством того времени в городах нашего Приморья. Оттуда, видимо, и черпали строители древнейших монгольских городов образцы технологии и декора. Однако мастера не были пассивны и вносили в орнаментацию черепицы свои характерные черты.

Необходимо отметить одну находку, обнаруженную во дворце при расчистке северного отопительного канала, под перекрывавшими его плитами (участок В3). Здесь оказался почти целый диск от верхней черепицы, сделанной из коричневой глины и украшенный совсем иным орнаментом. В центре глубокой бороздкой выделена выпуклина, а вокруг нее лучеобразно нанесены 11 овально-подтреугольных углублений (рис. 16). Этим способом получена схема орнамента, — правда, весьма примитивная, — характернейшая для танской эпохи на Дальнем Востоке, в уйгурских городах на территории Монголии. Забегая вперед, должен сказать, что еще один аналогичный диск, орнаментированный таким же способом (в виде вдавленной розетки), найден в раскопе II, в его нижнем слое, уходящем под вал Хирхиринской цитадели. Особенности этих дисков и условия залегания позволяют считать их остатками постройки, более ранней, чем Хирхиринская ци-

Рис. 17. Хирхиринский дворец. Фрагменты керамики.

1, *2* — фрагменты посуды с коричневой росписью; *3* — фарфор с росписью кобальтом; *4* — голубой фарфор; *5* — обломок чаши из серо-голубого фарфора с рельефным узором; *6* — часть венчика большого сероглиняного сосуда, покрытого зеленой поливой.

тадель. Эта деталь очень важна. Ведь и столица Чингизидов — Кара-Корум, как показали наши раскопки 1949 г., была построена на месте более раннего поселения X—XI вв.[15] Таким образом, можно с еще большей уверенностью заключить, что градостроительство в древнемонгольском государстве, обусловленное социально-экономическими причинами, имело свои многовековые традиции.

Остается упомянуть о прочих находках во дворце Хирхиринской цитадели. Они свидетельствуют о том, что здание это было жилым. Всюду найдены остатки пищи — раздробленные кости домашних животных, особенно бараньи, и обломки поливной посуды. Бóльшую их часть (13 фрагментов) составляют обломки крупных сосудов, формованных на круге ленточным способом, из серого, тщательно отмученного теста; после обжига оно образовало хорошо спекшийся «каменный» черепок. Снаружи и изнутри сосуды покрыты серо-зеленой поливой. Иногда по их поверхности проходят валики с косыми насечками (рис. 17, *6*) [16]. Найдены также фрагменты сосуда, покрытого черной поливой, зеленой чаши и неполивных сосудов из темно-серой глины [17]. Сюда же должен быть отнесен и обломок чугунного котла [18].

Весь этот комплекс посуды сходен с серией находок, собранной на поверхности Хирхиринского городища во время осмотра в 1957 г., и подчеркивает органическую связь всех его частей. Комплекс этот (к нему надо прибавить новые случайные находки обломков белой поливной глиняной посуды) аналогичен находкам в Кара-Коруме, хотя и много беднее.

[15] С. В. Киселев. Древние города Монголии, стр. 97, 98.

[16] Участки Д5 (4 экземпляра), Г4 (5 экземпляров), Г6 (2 экземпляра), В4 (2 экземпляра).

[17] Обломки сосуда с черной поливой найдены на участке Ж6, чаши на участке Е3, сосуда из темно-серой глины — на участках А3, Б6.

[18] Найден на участке В5.

Интересна также находка внутри дворца (участок Г4) обломка втулки от оси повозки (монг. «цюн»).

Большое число кованых гвоздей, найденных на всей площади раскопа I, нужно относить, главным образом, к кровле. Такими гвоздями обычно укреплялись верхние черепицы на деревянном решетнике.

Какова была судьба дворца Хирхиринской цитадели? На этот вопрос можно получить довольно ясный ответ. Значительное количество углей и обугленных палок от решетника кровли, находки прокаленных докрасна черепицы и кирпичей — все это не оставляет сомнения в том, что здание погибло от пожара. Но когда он произошел и что было его причиной, — пока неизвестно. Пожалуй, можно только сказать, что жизнь Хирхиринской цитадели не была долговременной; об этом свидетельствуют и тонкий культурный слой, и отсутствие той роскоши времен расцвета древнемонгольского государства, которая отразилась в находках и в архитектуре Кара-Корума и дворца XIV в. в Кондуе.

Раскоп II был заложен с двоякой целью: во-первых, — прорезать вал и ров цитадели и выяснить их конструкцию и, во-вторых, — определить характер постройки, примыкающей в месте раскопа к внутренней стороне вала (рис. 18).

Оказалось, что ров в первоначальном виде был без отвесных стенок; его края шли отлого на глубину всего 1 м ниже древней поверхности почвы. Первоначальная ширина поверху достигала 5 м. Вал представлял собой остатки укрепления, которое было первоначально большей высоты и с более отвесными скатами. С внутренней стороны в разрезе вала сохранилась облицовочная часть в виде стенки (толщиной 0,75 м) из твердо сбитого темного суглинка с прослоями строительных остатков (мелкой щебенки из кирпича и черепицы). Таким образом, можно полагать, что изнутри цитадели вал имел вид отвесной стены. Его тело образовывала насыпь из светло-серого суглинка со включением строительных остатков. Наружная часть вала оказалась сильно размытой и оплывшей. Судя по мощному оплыву глины, заполнившей нижнюю часть рва, следует предположить, что снаружи вал был укреплен, как и изнутри, глиной, сбитой в вертикальную облицовочную стенку. Если эти соображения правильны, то стена Хирхиринской цитадели могла достигать в толщину 3 м и в высоту — свыше 2 м. По ее верху, вероятно, шла еще деревянная преграда, от которой прослеживаются в профиле вала ямы от столбов диаметром 0,35—0,4 м (например, по линии А, в 0,8 м к западу от пикета А2). Может быть, эта преграда была плетневой, обмазанной глиной, подобно установленной на валу, окружавшем Кара-Корум.

В 3 м к западу от внутренней стены вала обнаружены остатки глинобитной стенки, по конструкции аналогичной, но более тонкой (всего 0,4 м). Все вскрытое пространство к западу от нее было заполнено остатками жилища(рис. 19 и 20). Его перекрытие опиралось на ряды столбов диаметром до 0,2 см; пол был вымазан глиной. На его поверхности, в северной части раскопа, сохранились отопительный канал, перекрытый плитами, и остатки топки в виде развала кирпичей, плит и скопления золы и угля. Невдалеке от топки обнаружена яма, наполненная костями домашних животных, употребленных в пищу. Здесь же найдены 9 обломков черепицы, аналогичной дворцовой. К западу от стенки (т. е. внутри жилища) оказались 9 обломков сосудов,

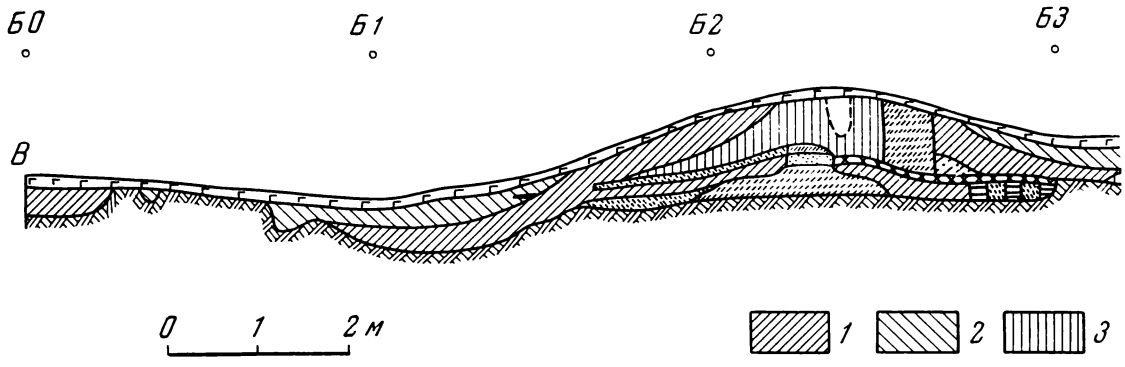


Рис. 18. Хирхиринское городище.

1 — желтый суглинок со строительными остатками; *2* — сильно гумусированный суглинок; *3* — светлый суглинок глина; *7* — глина с галькой; *8* — песок;

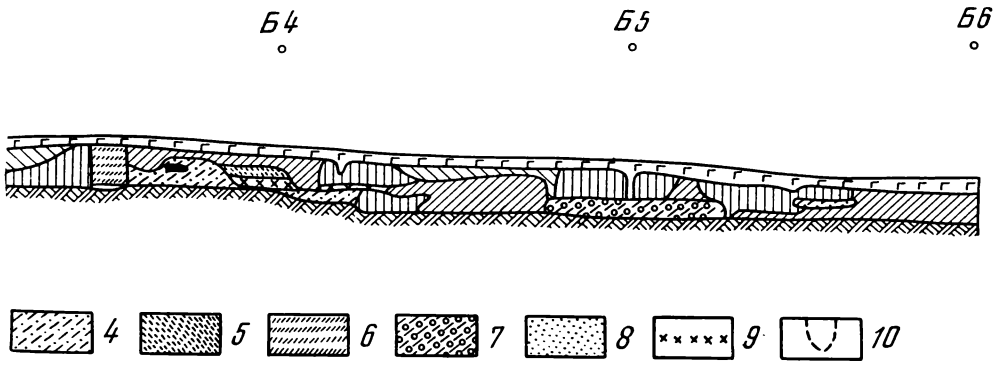
покрытых серо-зеленой поливой, также сходных с найденными во дворце. Кроме того, здесь встречены фрагменты серой и розовой неполивной посуды, глиняное пряслице, кусок железного шлака, два наконечника стрелы и медные ножны для небольшого ножа (рис. 21).

Перечисленные находки и сходство внутренней стены вала и восточной стенки раскопанной постройки (другие ее стены пока не обнаружены), кажется, вполне позволяют считать это строение одновременным дворцу и, может быть, жилищем воинов цитадели.

При разрезе вала выяснилось, что он сооружен на развалинах более древнего здания. Восточная стена здания оказалась скрытой в толще вала, а внутренняя облицовочная стенка вала построена на полу более раннего жилища и, что особенно важно, на всем протяжении его восточного отопительного канала.

Такая стратиграфия не оставляет сомнения в том, что открытые на участках А3 Б3 отопительные каналы, облицованные кирпичом, и перекрытая плитняком печь, к которой эти каналы примыкают (рис. 22), а также другие части здания более древние, чем стена цитадели. Находки подтвердили стратиграфические наблюдения. Керамика в древнем здании оказалась в массе иной. Значительная часть ее сделана из плохого песчанистого теста и покрыта коричнево-черной поливой невысокой прочности. Другие фрагменты — хорошего качества, но покрыты темно-оливковой поливой, не встреченной в других местах городища. Третью группу составляют обломки прекрасной посуды «каменного» обжига с темно-коричневой, почти черной поливой; лишь эти фрагменты можно сравнивать с найденными во дворце. Наконец, здесь же, под валом, обнаружен еще один диск верхней черепицы, украшенный вдавленной розеткой (рис. 16, *2*). Вполне можно полагать, что эта находка и определяет время здания, которое впоследствии было засыпано при постройке укреплений древнемонгольской Хирхиринской цитадели.

Третий пункт раскопок — центральное здание обнесенной валом усадьбы на восточной окраине городища. Раскопки здесь еще не закончены, поэтому можно



Раскоп II. Разрез вала цитадели.

со строительными остатками; *4* — темно-серый суглинок со строительными остатками; *5* — зола; *6* — сбитая *9* — слой извести; *10* — следы ям частокола.

только сказать, что стены дома были глинобитные, пол вымазан глиной. Дом был разделен на отдельные помещения, план которых еще предстоит выяснить. Перегородки сложены из сырцового кирпича. В одном месте кладка в один кирпич прослежена на 9 ярусов. В другом месте кладка была необычной — из кирпичей, вертикально поставленных «на тычок». Она сохранилась на два яруса (рис. 23). Этот прием, как и кладка «в елочку», широко распространен в дальневосточной архитектуре.

В здании найдены кости домашних животных и обломки посуды, сделанной на круге, — простой, темно-серой и типичной для монгольской Хирхиры — «каменного» обжига, покрытой серо-зеленой поливой [19].

Четвертый раскоп был заложен на холмике, скрывавшем небольшую постройку на самой северо-восточной окраине городища. Ее внешние размеры — 8,3×8,1 м. Толщина глинобитных стен — 1,2—0,9 м. Пол — утоптанный древний гумусный слой с включением большого количества угля. На нем в большей части помещения лежит толстый слой золы и угля, мощностью до 0,6 м, с двумя прослойками дробленых костей домашних животных (в том числе верблюда), употреблявшихся в пищу. Этого слоя нет только у середины северной стенки; здесь находилось очажное место овальной формы (0,8×0,6 м), где чередовались углисто-золистые и глиняные прослойки на высоту до 0,6 м над уровнем нижнего пола (рис. 24). Создается впечатление, что по мере очистки очага накапливался золистый слой, распространяясь по всему помещению, а по мере повышения уровня пола приходилось поднимать и очажный под.

При расчистке здания найдены обломки серой и розовой посуды из хорошо отмученной глины, «каменного» обжига; обломки сосудов из серо-розовой глины с включением черного толченого камня; фрагмент сероглиняного сосуда с темно-коричневой поливой. Встретились также обрывки бересты и один ее кусок с прошивкой (рис. 25, *1*).

[19] См. выше, стр. 44.

Рис. 19 и 20. Хирхиринское городище. Раскоп II.

1 — у вала цитадели; *2* — вид на разрез вала с востока.

Количество угля и золы здесь таково, что заставляет видеть в домике помещение мастерской. Расположен он на окраине городища. Кроме того, около очага нашлась железная крица, а в золисто-углистом слое попадались железные шлаки. Мы назвали эту постройку домом кузнеца. Продолжение раскопок «мастерской» и прилегающего дворика, безусловно, поможет окончательному решению вопроса о роде занятий обитателей.

Приведенные параллели находкам и аналогии из области архитектуры согласно указывают на то, что наиболее приемлемая дата для развития Хирхиринского города — это начало XIII в.

Город возник в ту эпоху развития древнемонгольского государства, когда мирные сношения, а затем долголетняя война с чжурчженьской империей Цзинь обусловили близкое знакомство монголов с культурой Северного Китая.

Ниже мы убедимся в правоте тех исследователей, которые считали, что Хирхиринский город был ставкой одного из крупнейших монгольских владельцев — брата Чингисхана Джочи-Касара и его сына хана Исункэ.

Рис. 21. Хирхиринское городище. Медные ножны из дома у вала цитадели.

Крупнейшие советские ориенталисты В. В. Бартольд [20], Б. Я. Владимирцов [21] и А. Ю. Якубовский [22] на основе глубокого исследования источников показали, что «такое огромное государство, как монгольское, на заре феодального общества, в условиях кочевой степи могло родиться только в обстановке классовой борьбы» [23]. Эта борьба была многообразной. Велика заслуга В. В. Бартольда, выявившего социальные основы борьбы Чингисхана с Джамухой, возглавившим широкое движение народных масс против военно-феодальной эксплуатации и диктатуры Чингисхана и поддерживавшей его степной знати [24]. Но не менее велика и заслуга Б. Я. Владимирцова, показавшего, что, несмотря на сходство интересов, среди представителей молодого владельческого

[20] В. В. Бартольд. Образование империи Чингисхана. ЗВОРАО, т. X, 1896; его же. Связь общественного быта с хозяйственным укладом у турок и монголов. ИОАИЭ, т. 34, вып. 3-4, 1929.

[21] Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов (монгольский кочевой феодализм). М.—Л., 1934, стр. 83, 84.

[22] А. Ю. Якубовский. Образование и развитие Золотой Орды в XIII—XIV вв. В кн. Б. Д. Грекова и А. Ю. Якубовского «Золотая Орда». М., 1950.

[23] Там же, стр. 45.

[24] В. В. Бартольд. Образование империи Чингисхана, стр. 111.

Рис. 22. Хирхиринское городище. Отопительные сооружения в доме у вала цитадели.
1 — топка кана (участок В3); *2* — наружная кирпичная стенка и плиты перекрытия каналов кана.

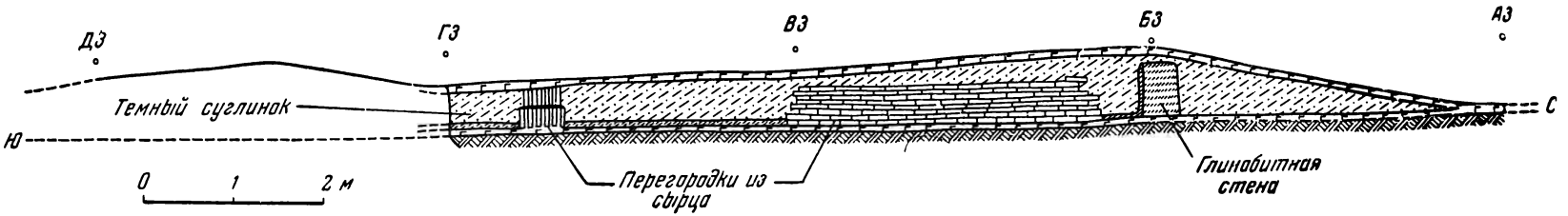


Рис. 23. Усадьба на восточном крае Хирхиринского городища. Профиль центрального дома по линии север—юг.

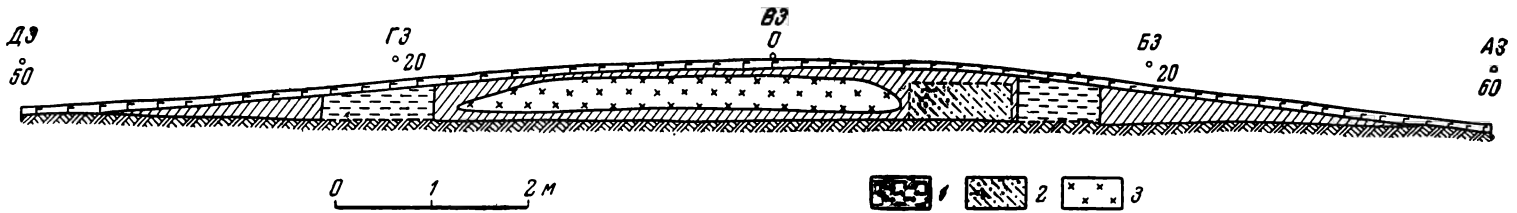


Рис. 24. Хирхиринское городище. «Дом кузнеца». Профиль по линии АЗ—ДЗ (вид с востока).

1 — стена из утоптанного суглинка; *2* — очаг с золой и глинистыми прокаленными слоями; *3* — скопления костей животных и золы.

Рис. 25. Хирхиринское городище. Различные находки из «дома кузнеца».
1 — прошитая береста; *2* — сосуд из серой глины; *3* — пряслице из стенки сосуда; *4* — обломок сосуда; *5* — крица.

класса древней Монголии господствовали противоречия, отражавшие столь обычные в раннефеодальную эпоху местные тенденции [25]. Во многом центральная власть была всего только первой среди равных, и наместники Великого хана, при всей силе их власти, вынуждены были очень считаться с местными владельцами.

Нам представляется, что Хирхиринский город с его уникальным видом застройки как раз и отражает этот ранний этап в жизни монгольского государства. В самом деле,

[25] Б. Я. Владимирцов. Ук. соч., стр. 83—91.

в нем мы видим не только укрепленную цитадель с дворцом правителя, осуществлявшего власть на северо-востоке государства Чингисхана; рядом расположены укрепленные усадьбы знати, зимовавшей в городе, т. е. такие же цитадели, но в уменьшенном виде. Такой облик свидетельствует о сложности обстановки в раннемонгольском городе. Там каждый представитель аристократии отгораживался от других и каждый считал себя в безопасности только за стенами своего замка. Вокруг замков селились зависимые люди, но было и городское население — ремесленники и торговцы [26], которых, вероятно, и защищала цитадель, но которых и опасались. Постоянная возможность нападения существовала и со стороны северных племен, особенно упорно отстаивавших свою свободу, восставших против попыток установить над ними господство владельческого класса молодого государства Чингизидов.

* * *

Очень важен для истории Хирхиринского города и той области, в которой он расположен, вопрос о так называемом Чингисовом камне. В 1818 г. выдающийся исследователь Сибири Г. И. Спасский впервые сообщил в «Сибирском вестнике» о большом гранитном камне с высеченной на нем надписью «восточными буквами», хранящемся в Нерчинском заводе [27].

В 1832 г. Чингисов камень удалось отправить в Петербург; везли его с золотым караваном, и он оказался в Министерстве финансов. В 1839 г. Чингисов камень был экспонирован на Выставке произведений промышленности, а после этого передан в Азиатский музей Академии наук. В настоящее время он хранится в Государственном Эрмитаже (рис. 26).

Ламы и толмачи Забайкалья легко читали на этом камне имя «Чингисхан». С тех пор он и стал известен в науке под названием «Чингисова камня». Первый полный перевод надписи сделал преподаватель монгольского языка в Кяхтинском училище Ванчиков. С его переводом камень и экспонировался на выставке 1839 г.[28]

Я. Шмидт, давший еще в 1839 г. свой крайне надуманный перевод надписи Чингисова камня на немецкий язык [29], совершенно необоснованно обрушился на перевод Ванчикова [30]. Позже, в 1851 г., надпись на Чингисовом камне подробно исследовал выдающийся бурятский ученый монголовед Д. Банзаров. Он детально

[26] Обособленный дом кузнеца мы уже упоминали. Очень похожи на поселения торговцев вытянувшиеся в ряд, тесно прижавшиеся друг к другу усадебки, расположенные отдельным кварталом к северу от Хирхиринской цитадели (см. план).

[27] «Сибирский вестник», 1818, ч. IV, отд. II, стр. 116—124.

[28] «Когда Чингис-хан соизволил овладеть сартольским народом и присоединить к древнему становищу всего монгольского народа, находящиеся вообще по Онону побеждены тремя стами тридцатью пятью посланными».

[29] Перевод Я. Шмидта см. Mémoires de l'Académie Imperiale des Sciences de St. Petersbourg, 1839, série VI, t. II, стр. 252.

[30] Я. Шмидт. О новом переводе монгольской надписи на известном памятнике Чингисхана. «С.-Петербургские ведомости», 1839, № 224; см. по этому поводу: «Процесс о монгольской надписи на памятнике Чингисхана». «Отечественные записки», 1839, т. VII, смесь, стр. 27—33.

Рис. 26. Чингисов камень (Государственный Эрмитаж).

разобрал перевод Я. Шмидта и убедительно показал его несостоятельность. Д. Банзаров дал свой перевод и толкование надписи [31]. Обнаружилось, что она была высечена по случаю награждения Чингисханом его племянника Исункэ [32].

Только в 1927 г. надпись Чингисова камня привлекла вновь внимание монголистов. Ин. Клюкин опубликовал во Владивостоке новый перевод надписи, значительно отличающийся от всех предыдущих, но, также как и перевод Д. Банзарова, свидетельствующий о том, что поводом для создания надписи было награждение Исункэ Чингисханом [33]. С тех пор причастность к Чингисову камню Исункэ стала общепризнанной, как у нас, так и за границей [34].

Это весьма усилило значение надписи, так как Исункэ — далеко не заурядная фигура среди деятелей древнемонгольского государства. Он родился в 1185 г. и был третьим сыном знаменитого Джочи-Касара, брата Чингисхана. Впервые мы узнаем о нем в трагические дни борьбы Темучина с Ван-ханом в 1203 г. Джочи-Касар, чтобы усыпить подозрительность Ван-хана, оставляет в его становище жену и трех сыновей, в том числе и восемнадцатилетнего Исункэ. Эта хитрость оправдалась — Ван-хан был захвачен и разбит Темучином и Джочи-Касаром [35].

[31] Доржи Банзаров. Ук. соч., стр. 187—206.

[32] Перевод Д. Банзарова: «Когда Чингис-хан, после нашествия на народ сартагул (хивинцев), возвратился, и люди всех монгольских поколений собрались в Буга-Чучигае, то Исункэ получил в удел триста тридцать пять воинов хондогорских» (там же, стр. 200).

[33] «Когда Чингис-хан, по возвращении с захвата власти сартагулов, всех найонов народа монгол поставил на состязание в стрельбе, то Исункэ на триста тридцать пять маховых сажен расстояния (прицела) выстрелил из лука» [Ин. Клюкин. Древнейшая монгольская надпись на Хирхиринском («Чингисовом») камне. Труды Гос. Дальневосточного университета, серия VI, № 5, Владивосток, 1927, стр. 32, 33].

[34] S. Murayama. Über die Inschrift auf dem «Stein des Cingis». «Oriens» (Leiden), v. III, N 1, 1950, стр. 108—112.

[35] «Старинное монгольское сказание о Чингисхане. Перевел с китайского с примечаниями архимандрит Палладий». Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. СПб., 1866, стр. 96.

Несмотря на острые конфликты между Темучином и Джочи-Касаром [36], уже в 1206 г. приказом Чингисхана Исункэ был сделан старшиной над гвардейскими стрелками личной охраны [37]. В 1223 г. Исункэ выполняет самые секретные поручения Чингисхана; именно ему поручается вызвать Угэдэя и Тулуя в Онгон-Далан-Кудук на тайное совещание, на котором Чингисхан определил направление дальнейшего военного и внутреннего развития древнемонгольского государства [38].

В 1225 г., по возвращении Чингисхана из похода на Запад, Исункэ уже настолько знатен, что может поставить в свою честь стелу. После смерти Чингисхана Исункэ занимает еще более высокое положение. В 1240 г. он командует уже всеми гвардейскими стрелками охраны Угэдэя [39]. При Мункэ и Хубилае Исункэ достигает положения своего отца Джочи-Касара — становится командующим всей гвардией. Одновременно он управляет родовым улусом Касара, выделенным еще Чингисханом «на северо-востоке в пределах Аргуни Джалайнора и Хайлара» [40].

В 1260 г. во время борьбы Хубилая с Ариг-бугой семидесятипятилетний Исункэ выступает на стороне Хубилая и принимает участие в военных действиях. По сообщению Рашид-ад-Дина, он в это время был еще крепок и не имел ни одного седого волоса [41]. Год смерти Исункэ пока неизвестен.

Со страниц хроник и эпиграфических памятников выступает фигура одного из виднейших деятелей древнего монгольского государства, знатного Чингизида, потомки которого «одни только имели право сидеть с царевичами» на государственных церемониях, даже при далеком западном дворе Хулагидов [42].

Интерес к личности Исункэ повышается еще и потому, что земли его родового улуса заходили в пределы территории, где в последние годы исследовались памятники оседлой городской культуры древних монголов. В этой связи чрезвычайно важно установить место, где стоял Чингисов камень с надписью в честь Исункэ.

В своей статье 1818 г. Г. И. Спасский сообщил, что в 5 верстах от развалин города, расположенных в низовье Хирхиры (левого притока Урулюнгуя), вверх по этому ручью «находятся несколько древних курганов, заслуживающих внимания тем, что по уверению некоторых, близ оных стоял большой гранитный камень с прекрасно высеченною на нем восточными буквами надписью», так называемый Чингисов камень. Правда, Г. И. Спасский здесь же оговаривается, что «бóльшая часть утверждают, что сей камень принадлежит к числу памятников, найденных при разрытии древних развалин в Кондуе» [43]. С кондуйскими развалинами связывал «камень с надписью» и В. Паршин, совершивший поездку в Забайкалье в 1835 г.[44]

[36] Ш. Нацагдорж. Чингис Хасар хоёрын зарчил. (Разногласия между Чингисханом и Хасаром). Улай-Батор, 1958.

[37] Там же, стр. 126; ср. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей, т. I, кн. 2. М.—Л., 1952. стр. 52.

[38] Рашид-ад-Дин. Ук. соч., т. I, кн. 2, стр. 231, 232.

[39] «Старинное монгольское сказание о Чингисхане. . .», стр. 126.

[40] Рашид-ад-Дин. Ук. соч., т. I, кн. 2, стр. 52.

[41] Там же

[42] Там же, стр. 51.

[43] «Сибирский вестник», 1818, ч. IV, отд. II, стр. 117, 118.

[44] В. Паршин. Поездка в Забайкальский край, ч. I. М., 1844, стр. 127, 128.

Последнее должно быть отвергнуто по следующим причинам. Во-первых, необходимо учесть, что А. К. Кузнецов, проведя в 1889 г. специальные расспросы местных старожилов, пришел к заключению, что камень Исункэ был вывезен в Нерчинский завод «из Киркиринского городка» [45]. Во-вторых, мнение первой группы информаторов Г. И. Спасского о связи Чингисова камня с хирхиринскими развалинами подтверждалось и напечатанным в 1852 г. сообщением Н. С. Щукина о том, что плита с письменами стояла в глубокой пади по дороге в Кличкинский рудник на гранитном круглом основании, но потом свалилась и при падении разбилась надвое, но письмена не повредились [46]. Последняя деталь очень важна, так как целиком совпадает с состоянием Чингисова камня, также разбитого надвое. Указание на дорогу в Кличкинский рудник тоже весьма существенно. По берегу р. Хирхира и сейчас идет дорога от развалин города на север к Кличкинскому руднику.

В-третьих, важно указать, что, правда, не в пяти, а в двух верстах к северу от развалин, у дороги к Кличке, на горе Окошки расположена большая курганная группа при раскопках которой в 1959 г. с несомненностью установлена ее связь с городом. Так как во время наших обследований мы не обнаружили в окрестностях Хирхиринского города никаких других курганов, можно полагать, что курганы на горе Окошки и есть те, о которых упоминали информаторы Г. И. Спасского, указывая, что «близ» них стоял Чингисов камень. Кстати, за горой Окошки находится глубокая падь, вполне подходящая к описанному Н. С. Щукиным месту, где некогда стоял Чингисов камень. Да и расстояние от хирхиринских развалин до этой пади также приближается к показанному информаторами Г. И. Спасского.

С другой стороны, против мнения о том, что Чингисов камень стоял у Кондуйского дворца, прежде всего следует привести данные хронологии. Надпись Исункэ высечена, конечно, очень скоро после 1225 г., когда произошли отраженные в ней события. Между тем Кондуйский дворец построен значительно позднее, уже в XIV в., в том же веке он и погиб от пожара [47]. Тогда уже не только давно умер Исункэ, но сошли со сцены и его сыновья и внуки [48]. Хирхиринский же город, как будет показано ниже, относится как раз ко времени сложения государства Чингисхана и может вполне считаться одновременным с надписью Исункэ. Кроме того, нужно учесть, что Кондуй расположен на целых 60 км дальше на север от р. Аргуни и отделен от нее еще одной горной цепью, тогда как Хирхиринский город отделяют от этой реки, входившей в улус Исункэ, всего каких-нибудь 40 км многочисленных и удобных долинных проходов.

Все эти соображения составляют, на мой взгляд, безусловное основание для того, чтобы считать местоположением Чингисова камня окрестности Хирхиринского города. А это позволяет, со всей вероятностью, полагать, что хирхиринские разва-

[45] А. К. Кузнецов. Развалины Кондуйского городка и его окрестности. Владивосток, 1925, стр. 56.

[46] Н. С. Щукин. Очерки Забайкальской области. Журнал Министерства внутренних дел, январь, 1852, стр. 46.

[47] С. В. Киселев. Древние города Забайкалья, стр. 113—119; см. также третью часть настоящей книги.

[48] Рашид-ад-Дин. Ук. соч., т. I, кн. 2, стр. 52.

лины представляют остатки города, принадлежавшего улусу Джочи-Касара, и тесно связаны с его долголетним правителем Исункэ.

* * *

При раскопках, начатых в 1959 г. Монгольской археологической экспедицией АН СССР на горе Окошки, в 2 км к северу от Хирхиринского города, собраны важные для нашей темы материалы. Заложенные шурфы выявили культурный слой стоянки бронзового века с керамикой и каменными орудиями. Но основные работы были сосредоточены на исследовании курганного могильника. В 1959 г. раскопан самый большой курган (№ 1) некрополя, сразу же привлекший наше внимание тем, что на поверхности насыпи выступали кирпичи из серой глины, аналогичные городищенским. Кроме того, в стенке вырытой на нем ямы обнаружен обломок сосуда «каменного» обжига, покрытый серо-зеленой поливой, также не отличимый от найденных на всех раскопах города.

В кургане № 1 обнаружены расположенные по центральной оси с севера на юг три ограбленных погребения, которые, судя по остаткам инвентаря, были очень богатыми (в них найдены фрагменты шелковых узорчатых тканей, лаковые изделия, предметы резные из слоновой кости). Четвертое погребение уцелело полностью. Сохранился дощатый, окованный железными полосами, гроб[49], на котором лежали седло с костяными стременами, узда с железными удилами, лук и берестяной колчан со стрелами. В обтянутом шелком гробу уцелели останки мальчика примерно 6 лет, в шелковой шапочке, крытой шелком шубе, шелковой рубашке, в штанишках и сапожках. Кроме того, на нем была юбка ламского типа. Шуба также отличается ламским покроем. На ламское достоинство мальчика указывает и то, что пояс с серебряными бляхами и кошелечком с кресалом и трутом не был подпоясан, а просто положен поверх шубы [50]. Об особом положении мальчика свидетельствует и обнаруженная на правой стороне груди серебряная чаша типа буддийской «габала» (монг.) или «kapāla» (санскр.); на дне ее есть рельефный знак, по мнению Б. И. Панкратова, — сложная санскритская лигатура, по-видимому, начало молитвенного призыва.

Как известно, еще в XII в. в среду монгольской знати проник буддизм. Среди родичей Чингисхана были ламы, достигшие высоких степеней; например, его двоюродный дед был Хутухта-мунгур, а его дядя — Хутухта-чжурки [51]. Поэтому нет ничего неожиданного в том, что и среди знатных обитателей Хирхиринского города могли быть высшие ламы. На высокий сан указывают перечисленные особенности погребения мальчика — одновременно и воина, и ламы, обладателя «габала» — атрибута одного из высших таинств буддийского ритуала.

Здесь я ограничиваюсь только самой общей характеристикой результатов раскопок кургана на горе Окошки — они заслуживают специальной статьи. Однако не упомянуть о них нельзя. Это некрополь Хирхиринского города — центра улуса Джочи-

[49] Очень важный признак, так как монголы оковывали железом только гробы высокой знати.

[50] За эти чрезвычайно важные указания приношу глубокую благодарность К. В. Вяткиной; см. также Henny Harald Hansen. Mongol costumes. Kobenhavn, 1950.

[51] «Старинное монгольское сказание о Чингисхане. .», генеалогическая таблица, стр. 258, 259.

Касара и его сына Исункэ. Найденные там погребения позволяют с большей полнотой раскрыть жизнь этого древнемонгольского города.

Пока мы исследовали могилы аристократии города, может быть, — ближайших родственников Исункэ. Но некрополь обширен и содержит, наряду с большими и средними курганами, едва заметные могилки.

Таким образом, наряду с продолжением раскопок жилищ представителей различных слоев населения города, открывается возможность исследовать и их погребения, увидеть всю глубину экономических и социальных различий монгольского общества, уже разделенного на классы с самого начала развития древнемонгольского государства. Это очень важно и потому, что показывает глубокую социально-экономическую обусловленность возникновения в ту эпоху городов и развития городской жизни — тех сторон истории древнемонгольского феодализма, которые еще недавно оставались за пределами внимания историков государства Чингисхана и «первых четырех ханов дома Чингисова».

С. В. КИСЕЛЕВ

ГОРОДИЩЕ ДЁН-ТЕРЕК

Монгольское завоевание 1207 г. вызвало решительное сопротивление свободолюбивых племен Саяно-Алтайского нагорья, неоднократно восставших против угнетателей на всем протяжении XIII в. Эти восстания всякий раз жестоко подавлялись специальными карательными отрядами, вторгавшимися в бассейн Верхнего Енисея. Войска монгольских ханов огнем и мечом расправлялись с непокорными. Неоднократный и безжалостный военный разгром, физическое уничтожение больших масс населения, частые высылки «бунтовщиков» в чужие земли — все это гибельно отразилось на самобытной высокой культуре населения бывшего государства средневековых хакасов [1]. Была разрушена созданная многовековым трудом система оросительных каналов (особенно на территории Хакасско-Минусинской котловины) и, следовательно, значительно сократилось земледелие. Упало самобытное художественное ремесло и производство металлических изделий. Было потеряно и высшее достижение местной культуры — енисейская письменность.

Для того, чтобы закрепиться в неспокойных северных тылах возникающей монгольской империи, завоеватели не только уничтожали и высылали непокорных жителей, но уже в начале XIII в. стали вести политику насильственной колонизации этих территорий. Эта политика преследовала две основные цели: нейтрализовать местных жителей и создать базы для снабжения монгольских армий хлебом и изделиями ремесленников. Уже после 1211 г. где-то на Восточном Алтае [2] была создана колония из 10 000 ремесленников и мастеров, которые построили город, названный

[1] Л. Р. Кызласов. О южных границах государства древних хакасов в IX—XII вв. Ученые записки Хакасского НИИЯЛИ, вып. VIII, Абакан, 1960.

[2] Алтай — в широком понимании, т. е. с хребтом Монгольский Алтай.

Чингай-балгасун, так как во главе колонии был поставлен один из младших сподвижников Чингисхана кэрэит Чингай, впоследствии министр великого хана Угэдэя[3].

Много подобных военно-хлебопашеских поселений тогда же было создано на территории современной Тувы. Первые сведения о них относятся к 1220 г., когда вызванный к Чингисхану китайский мудрец Чан-чунь, будучи в то время на р. Орхоне в Монголии, отметил в своих путевых записках наличие в стране «Кянь кянь чжоу»[4] многочисленных ремесел и добычу там «доброго железа».[5]

Так появились здесь при монголах, уже в самом начале XIII в. города, поселки и хутора земледельцев.

За последние годы остатки этих городов и поселений выявлены Тувинской археологической экспедицией Московского государственного университета и на некоторых из них проведены раскопочные работы, доставившие ценные материалы для изучения многих сторон жизни населения. Оказалось, что на территории Тувы было два основных района, в которых создавались монголами такие города и поселения. Это районы центральной части Тувы, по своим природным и климатическим особенностям более всего пригодные для пашенного земледелия.

Памятники других типов, но также связанные с культурой этих городов и поселений, известны и в других районах Центральной и Западной Тувы.

Районы, расположенные по течению Улуг-Хема, в XIII—XIV вв. назывались (как сообщает «Юань-ши» [6] — летопись монгольской династии Юань, 1260—1368) областью Кян-чжоу [7], т. е. «Енисейской областью». Главным центром ее был город, остатки которого открыты и исследованы нами в 1957—1958 гг. в урочище Оймак на левом берегу Улуг-Хема.

Тандинский район назывался (по «Юань-ши») Илан-чжоу [8], т. е. «Змеиная область». Здесь, по берегам р. Элегест, в последние годы нами открыты и исследованы остатки четырех разновременных городов (рис. 27). Центральными были поочередно (в начале XIII в. и затем во второй половине XIII в.—XIV в.) два города, лишь один из которых (Дён-терек) был известен раньше археологам. Кроме того, поселение того же времени обнаружено к востоку от с. Бай-Хака.

Таким образом, сведения письменных средневековых источников от Чан-чуня до «Юань-ши» совпали с археологическими данными о расположении городов и поселений XIII—XIV вв. в Туве; это позволило не только установить местоположение областей Кян-чжоу и Илан-чжоу, но и существенно расширить наши представления о роли и значении этих поселений и городов, о которых лишь очень кратко

[3] Пэн Да-я и Сюй Тин. Краткие сведения о черных татарах. «Проблемы востоковедения», 1960, № 5, стр. 148.

[4] «Кянь кянь чжоу» — китайское написание монгольского «Кэм-кэмджиут», как монголы тогда называли Туву по рекам Кем (Улуг-Хем) и Хемчик.

[5] «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине», т. IV. СПб., 1866, стр. 339.

[6] W. Schott. Über die ächten Kirgisen. Abhandlungen der königlichen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Berlin, 1865, стр. 435—437.

[7] «Кян» — китайская транскрипция местного «Кем» или «Хем» — современное «Улуг-Хем» или Енисей; «чжоу» — по-китайски «область».

[8] «Илан» — от тюркского «чилан», «чылан» (змея).

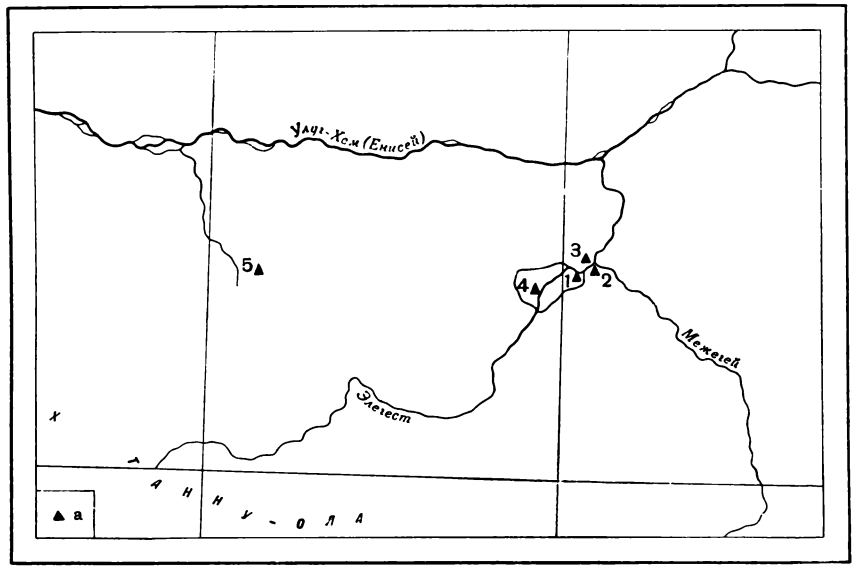


Рис. 27. Схема расположения древних городов XIII—XIV вв. в Туве.
а — древние города: *1* — Дён-терек; *2* — Могойское городище; *3* — Межегейское городище; *4* — Элегестское городище; *5* — городище Оймак.

сообщают письменные источники [9]. Известны сообщения о том, что здесь жили не только пришедшие в Туву после завоевания монголы, но и местные уйгуры и «кыргызы», т. е. хакасы.

Археологические работы позволили выявить, что все раскопанные нами архитектурные сооружения (жилые, административные и храмовые здания, пагоды и рядовые жилища) сооружены по строительным канонам X—XIII веков.

Любопытно, что все пять городов XIII—XIV вв., известных ныне на территории Тувы, не были укрепленными; они без крепостных стен, и, строго говоря, их нельзя назвать городищами. В результате этого их руины сравнительно мало заметны на местности. Однако размеры их и вскрытые раскопками сооружения не оставляют сомнений в том, что это были именно города, а не поселения. Отсутствие укреплений, как свидетельствуют источники, закономерно для городов, сооружавшихся монголами на завоеванных землях. Вот как записал Марко Поло: «Во всех областях Катая и Манги и в остальных его (великого хана Хубилая. — *Л. К.*) владениях есть довольно предателей и неверных, готовых возмутиться, а потому необходимо во всякой области, где есть большие города и много народа, содержать войска; их располагают вне города, в четырех или пяти милях; а городам не позволено иметь стены и ворота, дабы не могли препятствовать вступ-

[9] К ним относится и сообщение Рашид-ад-Дина (XIII—XIV вв.) о том, что в областях «Киргиз и Кэм-кэмджиут. . . много городов и селений» (Рашид-ад-Дин. Сборник летописей, т. I, кн. 1. М.—Л., 1952, стр. 150).

лению войск. Так взнузданные народы остаются спокойны и не возмущаются» [10].

Естественно, что на землях часто восставших против монголов племен Верхнего Енисея в XIII—XIV вв. существовали города без крепостных стен и других укреплений [11].

В древней области Илан-чжоу, на берегах современной р. Элегест открыты остатки четырех таких городов: Дён-терек (на правом берегу, исследовался в 1956—1957 гг.); Могойское городище (на правом берегу, у горы Могой, в 1,5 км от Дён-терека к востоку, за большим болотом; открыто в 1960 г.); Межегейское городище (на левом берегу, против устья р. Межегея, правого притока Элегеста; открыто и исследовано в 1960 г.); Элегестское городище (на левом берегу, по дороге в поселок Элегест; открыто в 1960 г.; см. рис. 27).

Раскопкам были подвергнуты пока только городища Дён-терек и Межегейское. Они оказались разновременными: Дён-терек относится к первой половине XIII в., а Межегейское — к концу XIII—началу XIV в.

~~Настоящая~~ работа посвящена исследованию наиболее раннего в Туве монгольского города Дён-терек. Другие городища будут описаны особо.

Городище Дён-терек расположено на трех древних островах р. Элегест (главное русло которой находится в 100—200 м к северу и северо-востоку от них), со всех сторон окруженных многочисленными протоками (Горин ключ, Дён-терек, Лубягин ключ), родниками и обширными заболоченными пространствами. Наиболее малопроходимое и непроезжее болото, по которому протекают протоки Горин ключ и отчасти Дён-терек, расположено к югу и юго-востоку от поселения, в пойме реки и ее притоков. Дело в том, что высокая древняя терраса реки находится в 2 км к югу от поселка. Таким образом, современное русло Элегеста отступило на 4—5 км к северу, но хорошо выработанные старые, ныне сухие, ложа ее протоков у древней надпойменной террасы вполне могли быть заполнены водой в период существования города.

С северной стороны городище ограждено еще и невысоким горным хребтом, обрывающимся к реке отвесной скалой — бомом горы Шанчиг (в 0,7 км к северо-востоку от руин), от которой хребет уходит в северо-западном направлении [12], соединяясь в 15—20 км с северными отрогами хребта Танну-Ола, идущего в 10—12 км от городища к западу, юго-западу и югу. К востоку болото тянется вплоть до небольшой горы Могой, сливаясь с сильно заболоченными поймами стекающей с Танну-Ола р. Межегей — правого притока Элегеста.

[10] «Книга Марко Поло». М., 1956, стр. 280; ср. Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов (монгольский кочевой феодализм). М.—Л., 1934, стр. 126.

[11] Послы, побывавшие в Монголии в 30-х годах XIII в., также сообщают, что «у них не строятся города со стенами»; см. Пэн Да-я и Сюй Тин. Ук. соч., стр. 137.

[12] Первая гора от реки называется по-тувински Шанчиг, а за ней, в 1 км, расположена высшая вершина этого хребта — гора Хара-Тоган.

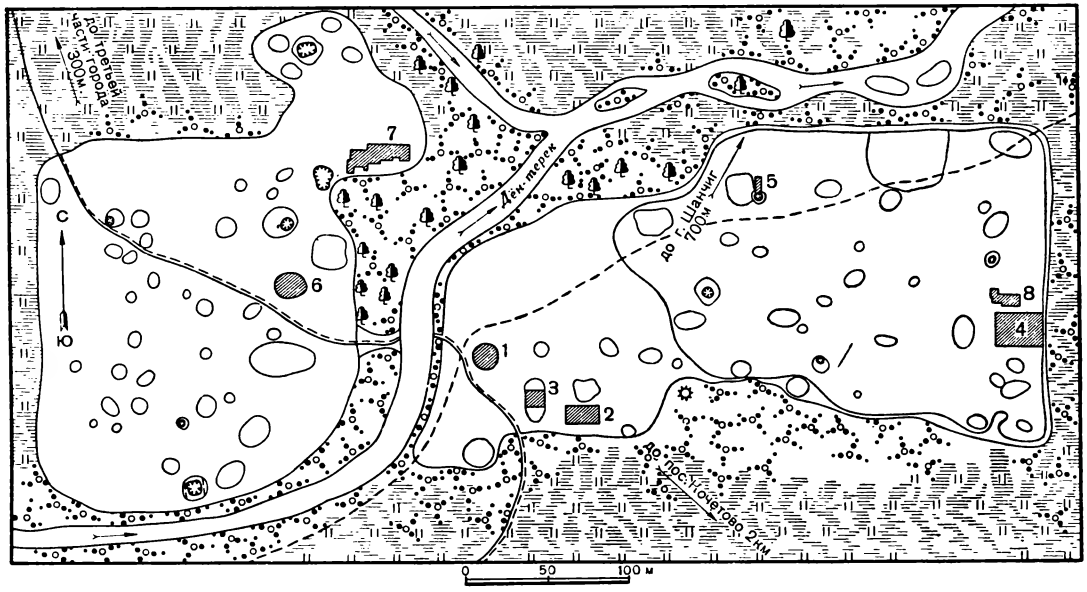


Рис. 28. План основной части города Дён-терек.
1—8 — раскопанные здания.

Таким образом, для сооружения города было избрано труднодоступное место, со всех сторон хорошо защищенное естественными преградами (рис. 28).

Городище в Дён-тереке [13] было издавна известно местному тувинскому, а затем, с начала XX в. (с 1909 г.), и русскому населению близлежащих деревень Большая Атамановка и Малая Атамановка (ныне не существует) [14]. Обнаружив обломки кирпичей и обожженной черепицы, кое-где валявшиеся на плоских буграх, оставшихся от домов, русские крестьяне очень скоро научились добывать из бугров целые кирпичи прекрасной сохранности и употребляли их при сооружении печей в своих жилищах [15].

Первым из археологов городище посетил в 1915 г. А. В. Адрианов, который в тот год вел раскопки курганов по р. Элегест. Однако в его рукописных дневниках об

[13] Дён-терек (Дөн-терек) по-тувински означает «Тополь на бугре», и, действительно, издалека видны высокие тополя, стоящие на высоком «бугре» — древнем острове вдоль протоки Элегеста, тоже получившей по этому урочищу название Дён-терек.

[14] Дер. Малая Атамановка находилась на правом берегу Элегеста, в 1 км к востоку от поселения в Дён-тереке, против бома горы Шанчиг у так называемого «Садырева брода» (Садырев — русский, изба которого стояла некогда возле самого брода). Жители деревни, будучи отделены непроезжим болотом от Большой Атамановки, а главное, от своих пашен у подножия Танну-Олы, постепенно перебрались с неудобного места в Большую Атамановку (или разъехались), и в 1932 г. Малая Атамановка прекратила свое существование.

[15] И сейчас еще в поселке есть в нескольких избах русские печи, где под выложен древним квадратным кирпичом.

археологических исследованиях в Туве за 1915—1916 гг. об этом городище даже не упомянуто [16]. Возможно, А. В. Адрианов вел особые записи об этом памятнике, но их в архивах Москвы, Ленинграда и Томска не оказалось. Все же известно о его небольших раскопках и по рассказам местных крестьян-очевидцев [17], и по газетной заметке, перепечатанной в «Известиях Археологической комиссии», правда, без указания фамилии исследователя.

Кроме того, в архиве ЛОИА (фонд Г. П. Сосновского), среди фотографий вещей из раскопок А. В. Адрианова в Туве есть снимок (без каких-либо указаний о происхождении предметов) обломков черепицы, декоративной плиты с рельефной чешуей дракона и налепов на торцовые части полуцилиндрической черепицы с оттисками личин мифического чудовища [18]. Все эти предметы, безусловно, происходят из административного здания (объект № 4), раскопанного нами в 1956 г. на самой восточной окраине городища, так как только там найдено много аналогичных украшений крыши. По указаниям крестьян, здесь и был заложен А. В. Адриановым небольшой шурф. Спустя 41 год мы не обнаружили следов шурфа из-за небольшой его площади и глубины, а также вследствие того, что холм был изрыт крестьянами при добывании кирпичей.

Вторым археологом, побывавшим на памятнике, был С. А. Теплоухов, производивший в 1926 г. в Туве маршрутные разведки и раскопки отдельных курганов. Проезжая с Усть-Элегеста в дер. Элегест через Малую Атамановку, он, услышав от крестьян о находках кирпичей, побывал на городище, но раскопок не проводил, ограничившись сбором подъемного материала [19]. Это известно только из записи в его неопубликованном полевом дневнике за 1926 г., где сказано буквально следующее: «К западу от Малой Атамановки, верстах 1—1,5, на древнем берегу Элегеста следы четырехугольного здания в виде валов. Раскапывается местными жителями из-за находимых там кирпичей очень крепких, идущих для пода в печах. Много черепицы (размеры 10,5× ×16 см)» [20].

[16] Архив Музея истории материальной культуры ТГУ, № 78.

[17] Постоянная жительница поселка Кочетово В. А. Никитина (рождения 1900 г.) рассказала, что «в 1916 г. (очевидно в 1915 г., так как заметка помещена в ИАК «за вторую половину 1915 г.» и, кроме того, А. В. Адрианов в 1916 г. на Элегесте раскопок не производил. — *Л. К.*) на это место прибыл ссыльный поляк Рогалинский, который затем привез второго (фамилии не знает, но, очевидно, А. В. Адрианова, — *Л. К.*), и тот копал с мужиками в Дён-тереке. После раскопок было сказано, что копать будут и в следующем году, и мужики в 1917 г. ждали приезда раскопщика, но так и не дождались. Я тогда девчонкой была и прибегала на раскопки. Находили много обожженных кирпичей, круглые глиняные трубы, посуду. Кирпичи складывали в штабель у ямы, а потом мужики развезли их по домам».

[18] Архив ЛОИА, ф. № 42, д. № 150, л. 100. Это фотография А. В. Адрианова, так как в архиве Музея истории материальной культуры ТГУ (№ 79) сохранилась его книжечка для записи фотографий экспедиций 1915—1916 гг., в которой концом сентября—началом ноября 1915 г. помечены 5 негативов снимков «древностей».

[19] Этот подъемный материал хранится в отделе истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа, колл. № 4606 (24 обломка черепиц и 4 куска кирпичей).

[20] Дневник С. А. Теплоухова № 1 за 1926 г. (тетрадь № 14) хранится в архиве Музея этнографии народов СССР в Ленинграде.

Как видно, С. А. Теплоуховым осмотрен, судя по приводимым им размерам и подобранным обломкам черепицы, все тот же административный дом (объект № 4), а остатков целого городища он не заметил, не имея времени для внимательного осмотра.

В третий раз Дён-терек посетили в 1947 г. сотрудники Саяно-Алтайской археологической экспедиции ИИМК АН СССР, производившие в Туве широкие разведочные работы под руководством С. В. Киселева и при участии автора настоящей статьи в качестве практиканта [21]. В то время на восточной половине городища располагалось тувинское зимнее стойбище с юртами, кошарами, загонами и землянками для скота. В результате осмотренным оказался только тот же свободный восточный край поселения в районе объекта № 4 (см. рис. 28), где, как теперь выяснилось, за 21 год и за 32 года до этого побывали С. А. Теплоухов и А. В. Адрианов. Поэтому, не производя раскопок, С. В. Киселев и Л. А. Евтюхова заключили, что здесь лишь «остатки развалин здания крытого китайской черепицей позднего типа. По-видимому, это развалины монастыря с кирпичными храмами» [22].

Таким образом, у исследователей древних культур Саяно-Алтайского нагорья сложилось, по разным причинам, превратное представление о том, что в Дён-тереке сохранились лишь развалины одного или нескольких зданий недавнего происхождения.

* * *

Наше обследование и раскопки памятника в 1956—1957 гг. показали, что это остатки целого города [23], который, очевидно, был административным центром Тувы в начале XIII в. При сплошном обследовании выявилось, что остатки домов располагаются не только в восточной части древнего острова, но и к западу от протоки Элегеста, называемой (по имени урочища) Дён-терек. Следовательно, основная часть города делится этой речкой на две половины — восточную и западную. В целом же городище достигает в длину (восток—запад) 625 м, в ширину (север—юг) — 200 м (восточная часть) и 250 м (западная часть; см. рис. 28). В 300 м к северо-северо-западу от этих двух островов, за небольшим болотцем находится третий, на площади которого (200×300 м) обнаружено более 30 остатков жилищ в виде плоских холмиков. Здесь всюду встречены аналогичные обломки черепицы и серых сосудов.

Есть основание полагать, что болотце между третьим «островом» и основной частью города образовалось сравнительно недавно в результате размывания единого плато весенними разливами и что, следовательно, здесь прежде не было разрыва, а третья, теперешняя часть города была сомкнута с основной его частью. Это выявилось

[21] Участникам экспедиции тогда не было известно, что на этом памятнике уже побывали до них А. В. Адрианов и С. А. Теплоухов. Место было указано крестьянами, рассказавшими о добывании ими кирпича из земли.

[22] Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев. Саяно-Алтайская экспедиция. КСИИМК, вып. XXVI, 1949, стр. 125.

[23] На территории городища уже не оказалось тувинского зимника. После коллективизации в 1948—1952 гг. жители переселились в выстроенные для них колхозом дома в поселке Кочетово.

в 1957 г., когда болотце вследствие засухи высохло и кое-где на его поверхности оказались обломки кирпичей и черепицы; кроме того, обнаружилась часть жилищ на вдававшемся в болотце конце второго плато (см. рис. 28).

Таким образом, установлено, что жилые кварталы города располагались прежде по дуге длиной 1200 м, а общая площадь города составляла около 30 гектаров. По всей этой площади расположены остатки древних зданий в виде плоских, иногда еле заметных бугров округлых, удлиненно-овальных или подчетырехугольных очертаний. Плохая сохранность остатков домов объясняется тем, что большинство их было очень несложной конструкции — деревянный каркас на столбах, обмазанный с двух сторон глиной.

В настоящее время на первом (восточном) острове видны следы (холмики) 47 зданий, на втором (западном) — 43, на третьем (северном) — 30. Итого — 120 зданий, но в действительности их было больше, так как при раскопках в пространствах между холмиками всегда встречаются остатки деревянных фанз, которые при разрушении не могли образовать возвышения. Кроме того, необходимо учесть некоторое количество домов, исчезнувших при возникновении болотца. Общее количество стоявших здесь домов можно определить лишь с помощью сплошной раскопки всей территории поселения, и только тогда, очевидно, составилось бы полное представление о планировке и характере застройки города.

* * *

В 1956 г. раскопки проводились нами только в восточной части города[24]; в западной собран лишь подъемный материал, состоящий из обломков сосудов. В течение месяца удалось раскопать целиком 4 здания (объекты № 1—4)[25] и заложить на ровном месте контрольную траншею, выявившую часть пятого здания (объект № 5).

Приводим описание объектов с освещением методики раскопок в каждом отдельном случае.

Объект № 1. Круглый плоский бугор диаметром 15,5—15,8 м и высотой до 0,35 м расположен близ р. Дён-терек (рис. 28). На его поверхности, заросшей полынью, обнаружены мелкие обломки кирпичей и черепицы и едва выступающие вертикально поставленные каменные плиты. Форма бугра была подобна курганной насыпи, и раскопки велись по 4 секторам с осями север—юг, восток—запад, по которым через 2 м были расставлены нивелировочные отметки (рис. 29). Бугор оказался сложенным в основном из серой глины, которую, по-видимому, можно считать остатками двусторонней глиняной обмазки деревянных стен на каркасе из столбов. При зачистке в разных местах обнаружены остатки 16 столбиков диаметром 8—10 см, которые, однако, не дают возможности восстановить четкий план стоявшего здесь жилища. В северо-

[24] В 1956 г. вскрыты объекты № 1—5, а в 1957 г. — № 6—8 (см. рис. 28).

[25] Не имея возможности установить до раскопок, сколько под тем или иным бугром скрывается отдельных зданий или помещений (может быть, типа усадеб), мы приняли условное наименование «объекта» с последовательной нумерацией.

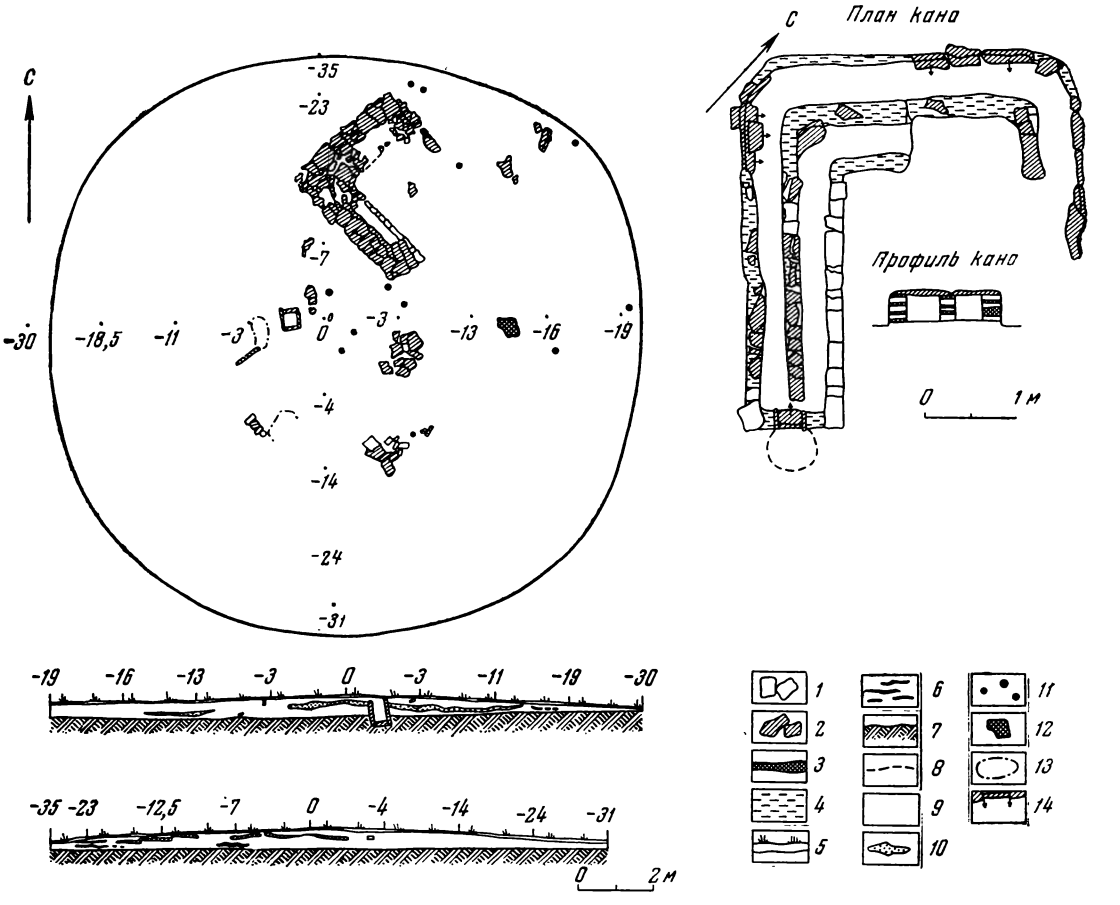


Рис. 29. Дён-терек. План и профиль объекта № 1.

1 — кирпичи; *2* — каменные плиты; *3* — глиняные прослойки (на профиле); *4* — глина (на плане); *5* — дерн; *6* — угольный слой; *7* — материк; *8* — бурая прослойка; *9* — глина серая; *10* — скопление сажи в ямке; *11* — деревянные столбы и прутья; *12* — тростниковая циновка; *13* — граница завалов кирпичей и черепиц; *14* — направление наклона плит. Цифры с минусами — глубины залегания.

западном секторе, кроме того, выявлена стенка из вкопанных в ряд 6 жердочек, вероятно, ранее переплетенных; это следы загона для молодых домашних животных. В северной части холма сразу после снятия первого слоя обнажился кан (рис. 30, *1*), сплошь покрытый сверху тонкими каменными плитками [26].

После снятия верхних плит оказалось, что стенки кана (высота его от глинобитного пола — 0,36 м, а стенки — 0,32 м) сложены неравномерно из обломков обожженного кирпича (ширина и толщина — 15×4—5 см или 12—13,5×4—6 см) и только двух-трех целых кирпичей (34×16×5 см). Кирпичи в юго-восточном отрезке уложены

[26] Длина юго-западной стенки кана — 4 м, северо-западной — 3,5 м, северо-восточной (разрушенной) — 2,1 м. Ширина юго-западной части — 1,05 м, северо-западной — 1,25 м.

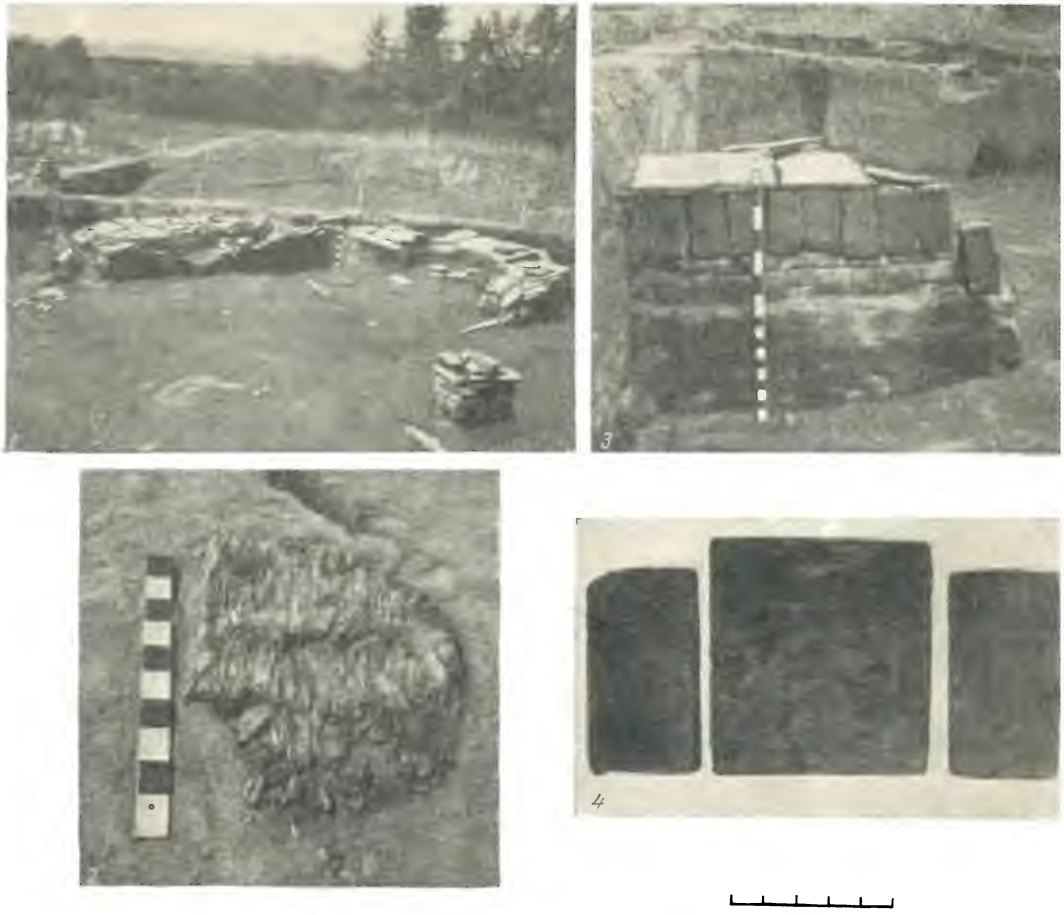


Рис. 30. Дён-терек. Детали зданий № 1 и 2.

1 — кан в здании № 1; *2* — остатки циновки в здании № 1; *3* — боковая стенка кана в здании № 2 (вид с запада); *4* — кирпичи из здания № 2.

в три ряда постелью с толстыми прослойками глиняного раствора, содержащего п
месь извести. Кое-где они сверху дополнительно обмазаны этим раствором или п
крыты небольшими плитками. Стенка западного угла кана сделана из установленн
на ребро двух рядов плиток, а северо-западная сооружена из глины и плиток без кир
чей. Внутри кана шли два параллельных дымоходных канала. Северо-восточ
стенка его, где некогда находилась труба, оказалась полуразрушенной. В юго-в
точном конце располагалось топочное отверстие из двух плиток, между которыми н
скось вставлялась заслонка из каменной плитки. Перед топкой расчищена кругл
неглубокая ямка, наполненная углем и золой, оставшимися от очистки канал
Печи как таковой не было, и топливо через топочное отверстие, очевидно, заклад
вали сразу в оба канала (рис. 29). Дымоходы внутри покрыты слоем сажи; плитк
кирпичи крошились от сильной прокаленности. Все это свидетельствует о длительн
пользовании каном.

Судя по всему, в доме была одна отапливаемая комната, пригодная для жизни в условиях тувинской зимы. По трем стенкам комнаты проходил кан, и, следовательно, вход в нее вел с юго-восточной стороны. Кроме теплого помещения, вероятно, было еще несколько неотапливаемых комнат. Прослеживаемая линия столбов и находка остатков плетеной циновки из тростника (рис. 30, *2*) позволяют считать, что одна из таких комнат («передняя») была расположена к юго-востоку от комнаты с каном. Юго-западнее этих двух помещений находилось, судя по остаткам столбов и развалам плитняка и кирпичей, еще одно (или два?) помещение, по-видимому, предназначенное для зимнего стойлового содержания скота (в этой части найдены засохшие экскременты свиней). Характерно, что здесь обнаружена своеобразная «печка» свинарника — врытый в землю ящик из четырех толстых плит, на дне которого (на глубине 0,68 м от нуля) вскрыт слой углей толщиной 3 см. Видимо, в этой печке, топившейся по-черному, в особо сильные морозы поддерживался огонь. Одна из плит «печки» растрескалась от сильного жара.

К северо-западу от этого комплекса находился открытый загон для молодых животных (поросят, козлят или ягнят), о котором говорилось выше.

На всем пространстве, занятом этим комплексом, обнаружены обломки плотной серой черепицы — желобов и полуцилиндров с отпечатками грубой ткани на внутренней стороне. Черепица еще в древности была разбита и разбросана разными посетителями после прекращения жизни в городе, но все же она свидетельствует о том, что дом — во всяком случае, его основное помещение — был крыт черепицей. Помещения для скота, вероятно, крылись тростником, в изобилии растущим в ближайшем окружении города [27].

Следует отметить, что никаких скульптурных терракотовых украшений на крыше не было. Характерно также употребление не целых кирпичей, а старых их обломков и почти полное отсутствие квадратного кирпича (найден только один подквадратный кирпич размером $34 \times 31 \times 5$ см, низкой усеченно-пирамидальной формы).

Таким образом, объект № 1 представляет собой типичный пример усадьбы рядового бедного горожанина. Подтверждает это и характер находок. Отметим, что здесь не встречено ни одной монеты. Преобладающее количество находок обнаружено в двух жилых помещениях. Это обломки хозяйственных сосудов хорошей гончарной работы, преимущественно серых (плотное тесто с примесью мелкого песка серого цвета), иногда с черным ангобом по наружной поверхности (больших «бочек» с толстым, округлым в сечении венчиком, широкогорлых и низких тазообразных сосудов и одной маленькой чашечки); но встречены и фрагменты сосудов с желтой поверхностью и красным цветом черепка в изломе. От поливных сосудов, оказались лишь три незначительных обломка, видимо, случайно (возможно, — детьми) занесенных в жилище [28]. Здесь же обнаружено пять обломков небольших круглодонных

[27] На это указывает, по-видимому, бурая прослойка в серой глине бугра, располагающаяся как раз на этой площади во втором слое.

[28] Обломок блюдца с двусторонней голубой стекловидной глазурью и серо-зеленый в изломе, а также фрагмент сосуда с серо-зеленой глазурью и таким же цветом массы в изломе, но с желтой внутренней стороной. Найден еще кусочек серо-зеленого сосуда такого же цвета в изломе и с внутренними трещинками глазури.

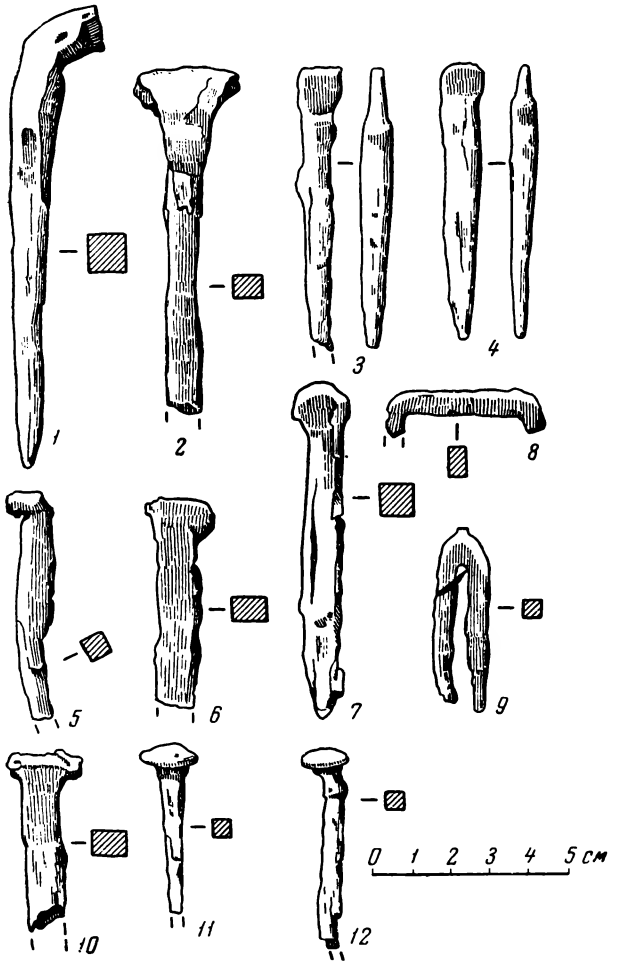


Рис. 31. Дён-терек. Железные гвозди и скобы.

1, 4, 6, 8 — из здания № 4; *2* — из здания № 6; *3, 7, 11, 12* — из здания № 3; *5, 9, 10* — из здания № 1.

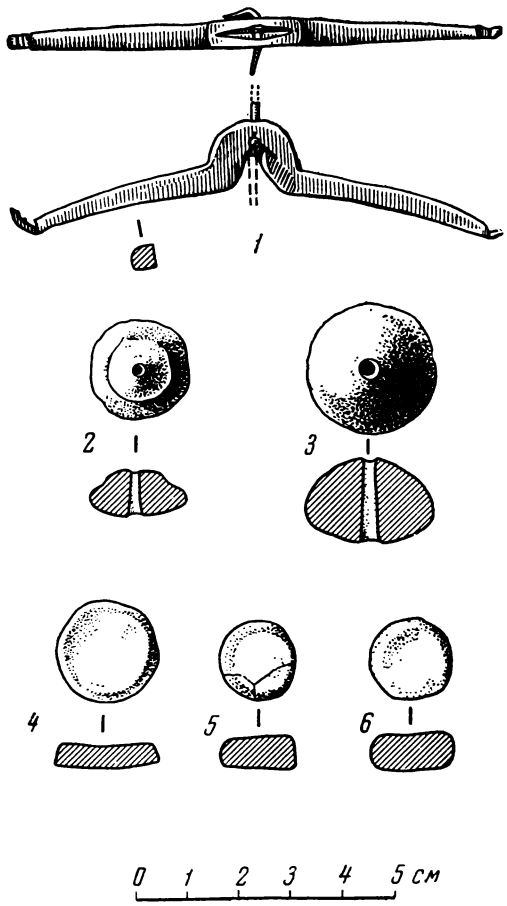


Рис. 32. Дён-терек. Коромысло весов и другие находки из разных зданий.

1 — коромысло весов (здание № 7); *2* — бронзовый предмет (здание № 2); *3* — бронзовый предмет (из здания № 1); *4* — предмет из белой пасты (здание № 6); *5, 6* — предметы из белой пасты (здание № 3).

тигельков параболоидной формы, сильно ошлакованных и прокаленных под действием очень высокой температуры [29]. Судя по прикипевшим капелькам, в этих тиглях расплавлялся сплав серебра и золота [30].

Из железных предметов найдены плоский черешковый наконечник стрелы, расширяющийся вперед, с округлой ударной частью; черешковый нож, чугунные пластинки [31], скобка (охватившая каменную плитку) и многочисленные обломки четы-

[29] Еще 3 обломка таких же тиглей оказались (вместе со шлаком) возле кана в северо-западном секторе и один — в юго-западном.

[30] Природу сплава определил спектральный анализ лаборатории кафедры археологии МГУ (Ю. Л. Щапова). Сплав — из $^3/_5$ серебра и $^2/_5$ золота.

[31] Анализ металлографической лаборатории кафедры археологии МГУ (Н. В. Рындина).

рехгранных костылей и гвоздей с отогнутой набок верхней частью (рис. 31, *5*, *9*, *10*).

Кроме того, встречено несколько медных и бронзовых пластинок и бронзовый полусферический уплощенный предмет со сквозным отверстием, несколько похожий на пуговицу (рис. 32, *3*).

К юго-востоку от кана, но, очевидно, в той же комнате, расчищены остатки большого туяса из бересты. Сохранилось дно (диаметром 23 см) из трех слоев бересты, положенных крест накрест по линии продольных волокон. Дно пришивалось к стенкам, причем остались частые ромбические отверстия. Стенки были сделаны тоже из трех слоев бересты; для их скрепления нашивались по вертикали, а также вокруг горла и дна, узкие берестяные полоски с краями, вырезанными мелкими треугольниками.

В остальных секторах отмечены лишь отдельные, случайно попавшие туда мелкие обломки сосудов, а в юго-западном секторе, т. е. на месте помещения для скота, обнаружено несколько обломков железных костылей. Распространение железных костылей, служивших для прибивания досок, подкрепляет мысль о том, что все стены, по-видимому, были с деревянным каркасом из досок, прибитых к столбам, который с обеих сторон обмазывался слоями глины.

Остается упомянуть только, что в двух местах обнаружены в нижнем слое чешуйки проса, а также разнообразные кости крупного и мелкого рогатого скота, лошади и собаки [32].

Объект № 2. Расположен в 50 м к юго-востоку от первого. Это подчетырехугольный холм со скругленными углами, вытянутый с запада на восток (рис. 33), размером 20×11 м и высотой до 0,9 м над уровнем почвы. На поверхности его, густо заросшей жестким чием, до раскопок никаких признаков остатков жилищ не обнаружено. Были проведены продольная ось (восток—запад) и две поперечные (север—юг) с нивелировочными отметками через 2 м. Таким образом, получено 6 секторов (раскопов).

В результате работ расчищены остатки прямоугольного, ориентированного по странам света, жилища, состоявшего из двух помещений. Границы стен жилища отмечены немногими сохранившимися деревянными столбиками диаметром от 11 до 20 см, глубоко вкопанными в землю. Основания столбов обернуты в несколько слоев берестой, которая предохраняла их от гниения. Пять таких столбов сохранилось в одной линии вдоль северной полы бугра, один — с восточной стороны и два — с юга (рис. 33).

Уровень пола отмечен на глубине 0,75 м от высшей точки бугра, но сооружен он, очевидно, на культурном слое, так как ниже еще на 0,8 м шла сильно перемешанная, пестрая земля, насыщенная угольками и зольными прослойками (а также шлаком и костями животных). В этом нижнем слое, вплоть до подстилающего материкового песка, в разных местах встречены обломки поливных и таких же серых, сделанных на круге, сосудов, что и в верхнем слое или на объекте № 1. Таким образом, нижний слой относится к тому же времени существования поселения, но,

[32] Определение В. И. Цалкина.

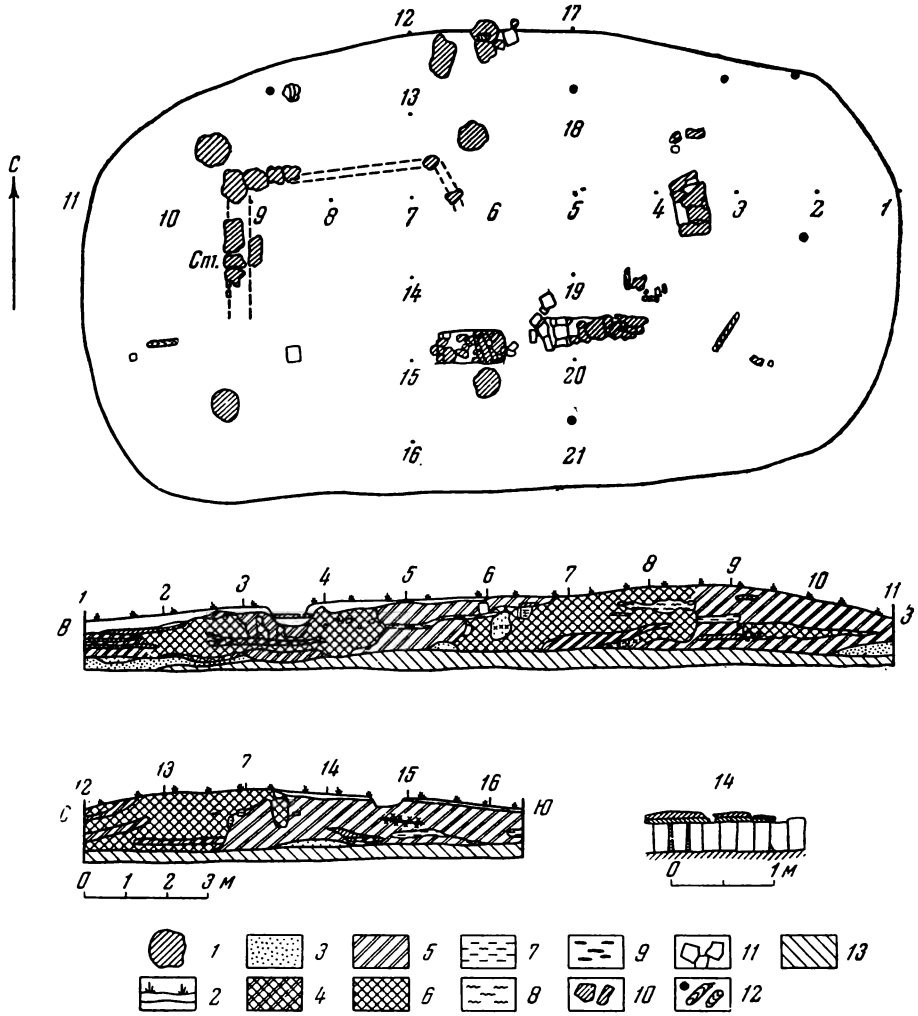


Рис. 33. Дён-терек. План и разрезы объекта № 2.

1 — каменные базы; *2* — дерновый слой; *3* — песок; *4* — желтая глина; *5* — темно-коричневая глина; *6* — светло-коричневая глина; *7* — черная глина; *8* — зола; *9* — уголь; *10* — каменные плиты; *11* — кирпичи; *12* — деревянные столбы и дерево; *13* — материк; *14* — западная стенка дымохода из кирпичей; *1—16* — на разрезах №№ реперов; *1—21* — на плане — №№ реперов.

конечно, к несколько более раннему периоду, чем стоявший на нем дом[33]. В нижнем слое не обнаружено никаких следов более раннего жилища, поэтому следует полагать, что этот слой накопился в результате свалки мусора из других, рядом стоявших домов или остался от каких-то производившихся здесь открытых кузнечно-металлургических работ. О последнем, может быть, свидетельствуют находки шлаков, кокса

[33] Это единственный случай двухслойности среди раскопанных нами зданий.

и несгоревшего каменного угля [34]. В северо-восточном секторе, кроме того, обнаружен каменный пестик с удобной ручкой и расширяющейся нижней частью. Хотя это галька естественной формы, но ею явно пользовались в качестве песта, о чем можно судить по избитости нижней части (рис. 34, *2*).

Западное жилое помещение вскрытого в верхнем слое жилища было зимним; здесь сохранились остатки перекрытого плитками узкого кана с одним каналом-дымоходом. Это помещение было квадратным (около 6,5×6,5 м); его границы определяются только благодаря расположению остатков кана и четырех угловых каменных баз из гладких и толстых (15—27 см), грубо подтесанных плит размерами 0,6×0,6 м (две восточные плиты) и 0,8×0,8 м (две западные). Каждая из баз покоилась на подсыпке из камней и гальки, которая не допускала их осадки.

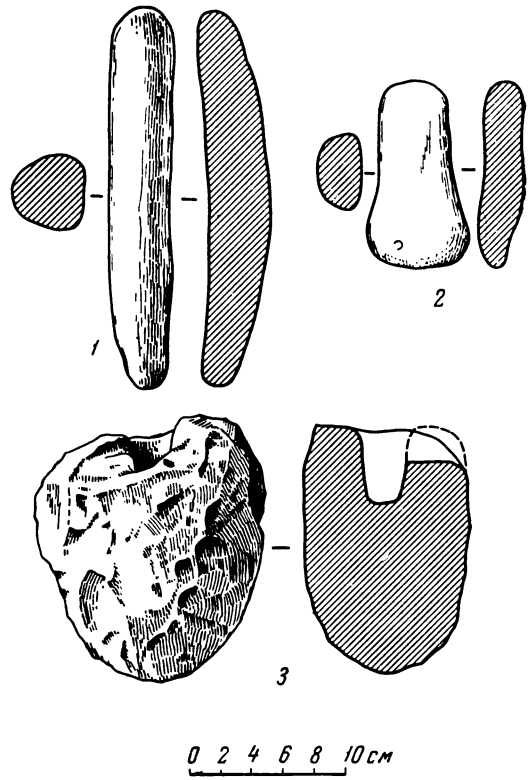


Рис. 34. Дён-терек. Каменные песты (*1*, *2*) и подпятник двери (*3*).

1 — из здания № 7; *2* — из здания № 2; *3* — из здания № 3.

На базах, очевидно, стояли толстые угловые столбы, связанные между собой лиственничными бревнами, небольшие остатки которых найдены при раскопках. Далее стены были покрыты с двух сторон толстым слоем глиняной обмазки, поверх которой накладывался слой белой алебастровой штукатурки (толщиной 0,5 см). Многочисленные куски обмазки со штукатуркой, а также целые куски наружных углов из алебастра обнаружены в разных местах. На некоторых кусках штукатурки сохранились следы однотонных черных росписей, которыми, видимо, были украшены стены дома внутри.

Над уровнем земляного пола, на котором лежали базы, на 35—40 см возвышался кан, но от него сохранились лишь небольшие участки. Восточная и северная его стенки, очевидно, были глинобитными, так как, например, при поперечном срезе под плитами кана в северо-западном секторе выявлен лишь в глине ровный заполненный сажей квадрат (15×15 см). В северном секторе канал кана оказался в сечении профиля запад—восток и под плиткой был обнаружен сажистый квадрат (25×25 см), одну стенку которого составлял кирпич, а другую — глина (рис. 33). И только западная часть кана была сооружена иначе. Здесь одна стенка его состояла из хорошо обожженных целых кирпичей (размерами 30×15—16×5 см и 31×16—17×5 см; рис. 30,

[34] В южном, юго-западном и северо-восточном секторах.

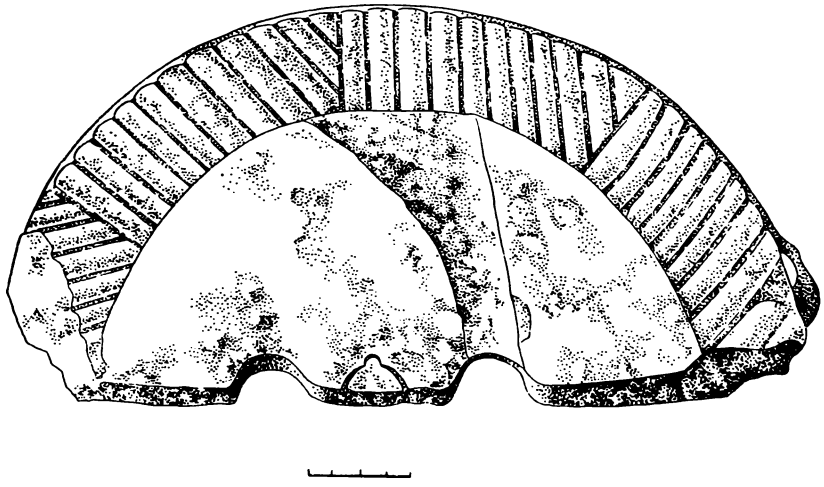


Рис. 35. Дён-терек. Здание № 2. Обломок верхнего жернова ручной мельницы.

3), поставленных на торец вплотную друг к другу, а другая была образована из установленных на ребро плит; весь этот дымоход сверху перекрыт плитами. Судя по остаткам кана, проходящего вдоль трех стен, вход в помещение был расположен в южной стене. В одном месте на полу найден подквадратный кирпич (35×33×5 см; рис. 30, *4*).

От второго смежного (восточного) помещения дома, уже без кана, сохранились лишь части выкладок (шириной 0,55—0,75 м) из плит, камней и кирпича, как целого (31×16×6 см), так и из обломков [35]. Выкладки эти невысоки и, вероятно, служили своеобразным фундаментом для стен из глины на деревянном каркасе (судя по количеству обломков лиственничных бревен в юго-восточном раскопе).

При разборке юго-западного отрезка выкладки (несколько выдающегося в западное помещение) обнаружена очень важная находка. Здесь в качестве строительного камня некогда была заложена в стенку половина старого, сломанного жернова (рис. 35). Это был верхний его камень — крупнозернистый песчаник, обработанный железным шпунтом и киянкой (деревянным молотком). В центре выдолблено гнездо для железного подпятника, сидевшего на железной оси. Зерно засыпали в два круглых отверстия, от которых отходили желоба (один из них сохранился), подводящие зерно к покрытому насечками краю, где оно и растиралось в муку. Диаметр жернова — 66 см, толщина — 11 см. Вращался он с помощью рукоятки, поднимавшейся вверх и центрированной где-то у потолка жилища; при этом нижний конец рукоятки вставлялся в высеченное сбоку специальное ушко [36].

Отметим, что в южном и особенно юго-восточном секторах и в верхнем слое обнаружено много шлаков, а в восточной оконечности холма пережженный каменный уголь и шлаки составляли целые слои (рис. 33) [37].

[35] Среди этих обломков были кирпичи — красные в изломе и из серо-синеватой глины.

[36] С другой стороны жернова есть след второго, обломанного ушка. Жернов хранится в музее г. Кызыла, № 2822.

[37] Может быть, каны отапливались каменным углем, а шлаки сбрасывались возле дома.

Рис. 36. Дён-терек. Здание № 2. Блюдце, покрытое голубой глазурью (тип цзюнь-яо).

Следует сказать несколько слов о крыше. Вероятнее всего, она была тростниковой, так как найдено всего лишь четыре небольших обломка черепицы очевидно, случайно сюда попавших и к тому же — в самый верхний слой (один обломок — в южном и три — в северном секторах).

Бóльшую часть находок составляют фрагменты сделанных на круге тонкостенных сосудов из серой глины, преимущественно широкогорлых. Это сосуды типа хумов, тазов, сковородок, вазочек, пиал (на низком кольцевом поддоне), бочонков, плошек, миниатюрных чашечек. Все они гладкие. Чаще всего их наружная поверхность (а в некоторых случаях и внутренняя) покрыта черным ангобом, по которому иногда узким лощилом проведены поперечные блестящие линии, отстоящие друг от друга, но охватывающие кольцами всю наружную (а бывает, и внутреннюю) поверхность. Есть сосуды из красной глины, но также (правда, не всегда) покрытые черным ангобом. Попался лишь один обломок красноглиняного сосуда с орнаментом в виде налепного, смятого пальцем, валика.

Глазурованная посуда представлена лишь обломками блюдец и пиал на кольцевом поддоне. Одно блюдечко, покрытое сиреневой поливой, с зеленым краем, сохранилось почти целиком (рис. 36). Масса, из которой сформованы эти высококачественные сосуды, чаще белая, но встречается серо-зеленая, серая и темная. Глазурь большей частью голубая или темно-голубая, двусторонняя, но есть серо-зеленая или сиреневая — всегда ровная, без всяких рисунков. Встречены еще обломок черного фарфора и кусок сосуда из белого теста с двусторонней коричневой глазурью.

Серая и глазурованная посуда найдена и в верхнем, и в нижнем слоях здания № 2.

В верхнем слое найдены сильно стертый астрагал коровы (рис. 38, *3*), отпиленный мелкозубой пилкой — типа лобзика, конец рога косули, обломки железных четырехгранных гвоздей (рис. 31, *3*, *7*, *11*, *12*); в нижнем слое — неопределенные железные предметы, крюк от колчана (рис. 39, *4*), половинка железных ножниц (рис. 40, *2*) и бронзовая круглая пуговица (?) с одним отверстием (рис. 32, *2*).

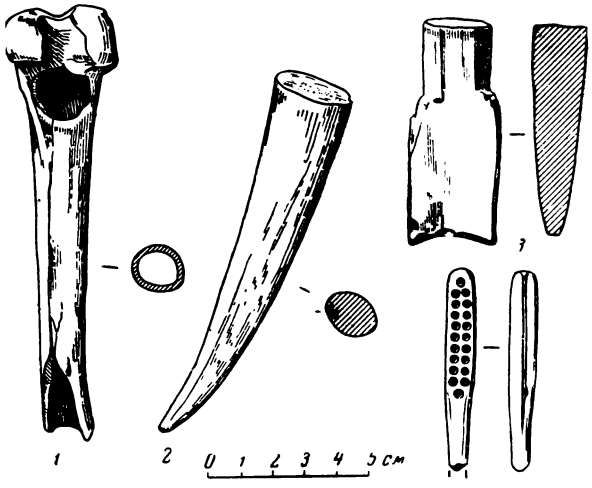


Рис. 37. Дён-терек. **Изделия из кости и** рога (*1—4*
1 — из здания № 6; *2* — из здания № 2; *3* — из здания № 4
4 — из здания № 3.

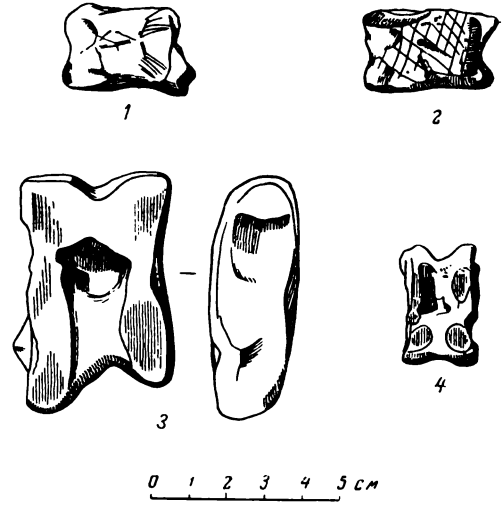


Рис. 38. Игральные астрагалы (*1—4*).
1, *4* — из здания № 6; *3* — из здания № 2; *2* — из здания № 3.

В пяти местах (и в верхнем, и в нижнем слоях) встречены кучки чешуек проса. В нижнем слое, кроме того, оказалась горстка рыбьей чешуи.

Среди костей домашних животных обнаружены кости крупного и мелкого (овцы и козы) рогатого скота, лошади, собаки и, что особенно интересно, свиньи; из диких — кости косули.

Таковы находки объекта № 2 — жилища другого рядового горожанина, но, по-видимому, более зажиточного, чем тот, который жил 700 лет назад в первом жилище (объект № 1).

Объект № 3. Расположен между первым и вторым объектами. Это был длинный, вытянутый с севера на юг, плоский холм расплывчатых очертаний или, вернее, несколько слившихся холмов, в которых, очевидно, скрывались остатки нескольких жилищ.

Здесь заложен раскоп (12×10 м) со сторонами, ориентированными по странам света (рис. 41, *А*). В центре его оказались хорошо сохранившийся кан, перекрытый плитками, и восемь деревянных столбиков — все, что осталось от стоявшей некогда постройки.

Кан вытянут с севера на юг на 6 м; его северное колено — 3,2 м, а южное — 5,2 м. Ширина покрытия плит в северной части — 0,8 м, в западной — 1,48 м, в южной — 1,16 м. Возвышался он над уровнем глинобитного пола на 0,5 м. После снятия плит и расчистки оказалось, что кан в основном сооружен из глины и состоит из двух каналов, стенки которых укреплены плитками, поставленными на ребро (рис. 41, *Б*). В конце северного отрезка обнаружена обвалившаяся труба (дымоход) кана, сложенная из обломков кирпичей и плитняка, а вверху увенчанная сероглиняной, керамической трубой в виде полого усеченного конуса высотой 33 см при диаметрах 30,3 и

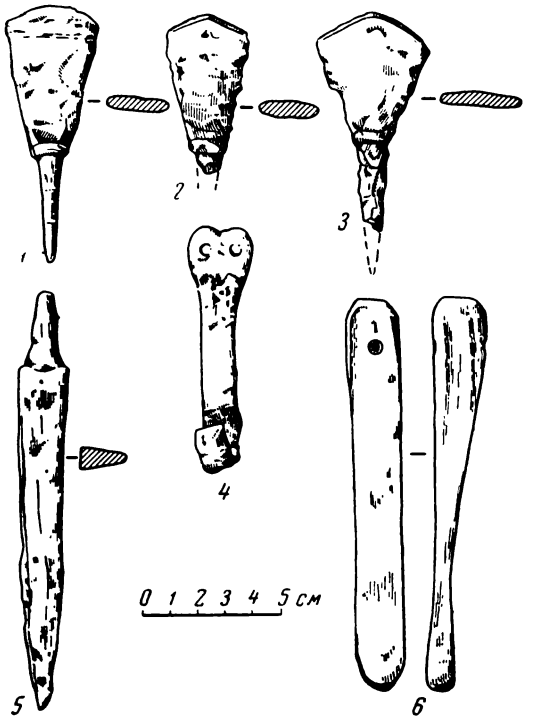


Рис. 39. Дён-терек. Предметы вооружения из железа (*1—5*) и каменный оселок (*6*).
1, 5 — из здания № 1; *2, 3* — из здания № 3; *4* — из здания № 2; *6* — из здания № 7.

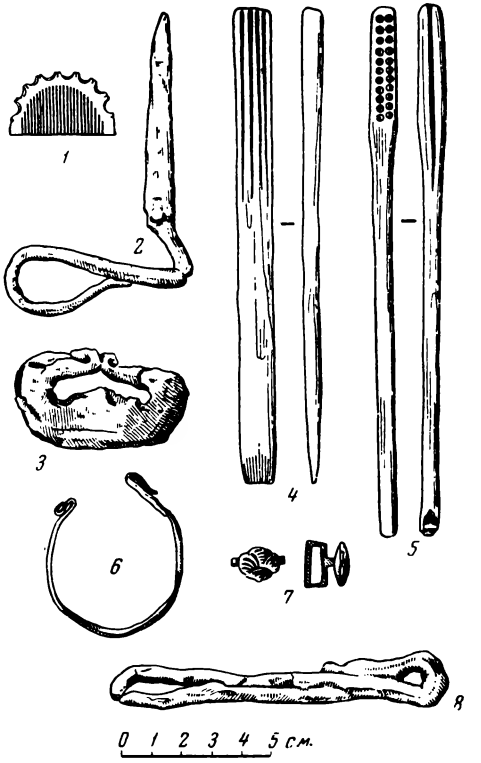


Рис. 40. Дён-терек. Предметы быта.
1, 4 — из здания № 6; *2* — из здания № 2; *3, 5—8* — из здания № 3 (*1, 4, 5* — кость; *2, 3, 8* — железо; *6* — серебро; *7* — позолоченная бронза).

25 см. Труба по технике изготовления и глине ничем не отличается от черепицы (у нее также внутренняя сторона покрыта оттисками грубой ткани) и только очень сильно закопчена. Ниже в состав кладки входил сильно закопченный целый черепичный желоб (длина — 34,5 см, ширина по концам — 19,8—21,5 м).

В конце южного отрезка канала расчищена печь, выложенная из плитняка и валунов, основание которой находилось несколько ниже пола, а топка обращена к северу. Печь была заполнена мощным слоем угля и золы; много сажи и золы оказалось и в каналах кана.

Обломки черепицы обнаружены почти по всей площади раскопа, на кане и в пространстве, огороженном каном; поэтому можно заключить, что крыша дома, безусловно, была некогда покрыта черепицей. Любопытно, что здесь найдено много малых полуцилиндров из серой глины (длина — 18,5 см, ширина по концам — 6—6,5 см), сформованных, судя по оттискам, тоже на матерчатом шаблоне, как и большие черепицы. Края их надрезаны изнутри (рис. 42). Есть основания считать, что крыша была украшена скульптурной терракотой, так как обнаружены фрагменты — кусок

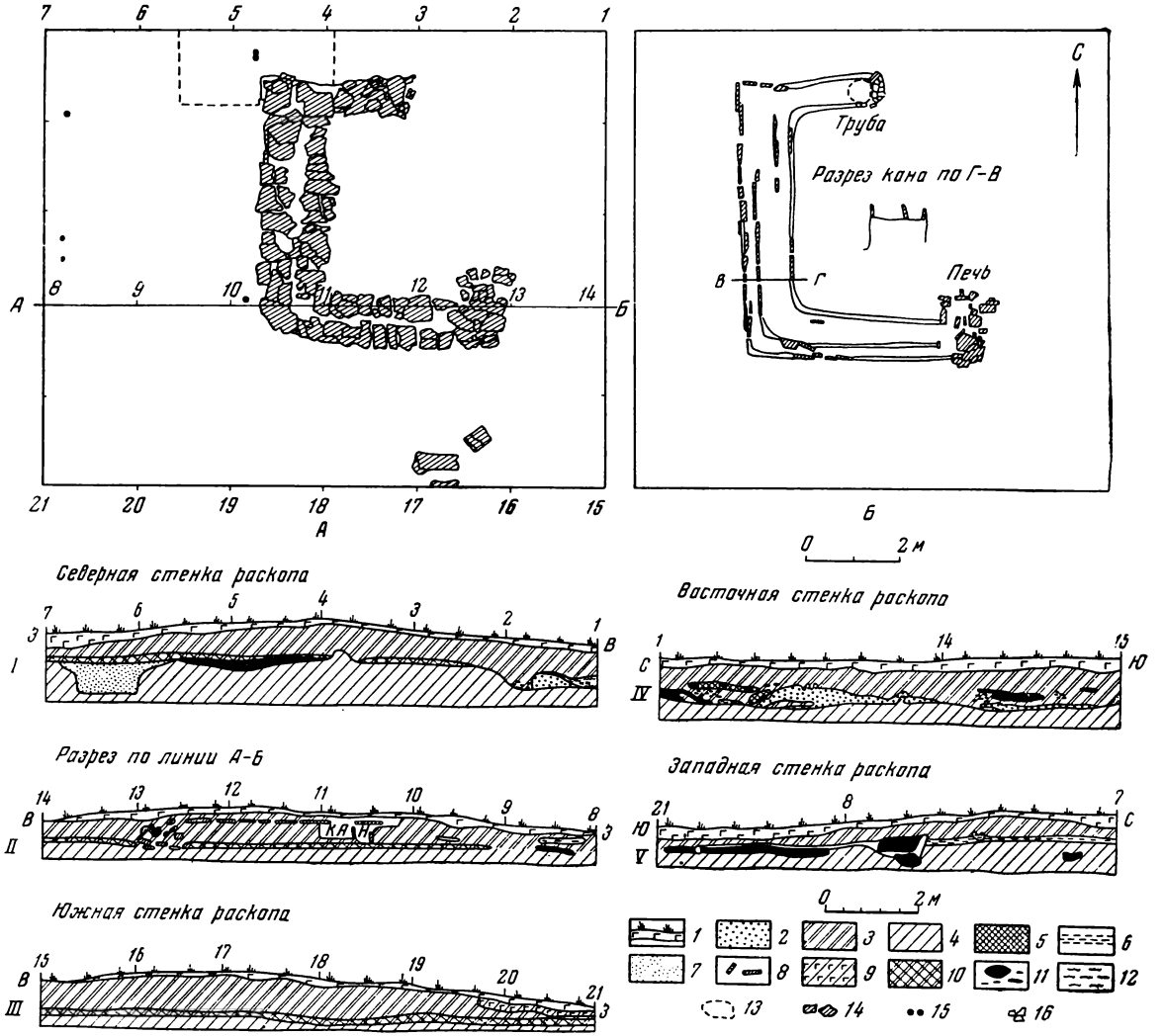


Рис. 41. Дён-терек. План и разрезы раскопа (объект № 3).

А — план раскопа; *Б* — план расположения кана; *I—V* разрезы; *1* — дерн; *2* — крупный песок; *3* — темно-коричневая глина; *4* — материк; *5* — красная глина; *6* — серая глина; *7* — лёсс; *8* — каменные плиты; *9* — чернозем; *10* — желтая глина; *11* — уголь; *12* — зола; *13* — слой шлака, кокса и угля; *14* — каменные плиты; *15* — столбы деревянные; *16* — обломки кирпичей (*1—12* — для разрезов; *13—16* — для планов).

«рога» от барельефа, ухо и часть брови от головы дракона. Следует упомянуть найденный нами каменный подпятник дверной из серого песчаника, с гнездом для вращения оси (рис. 34, *3*).

Вдоль почти всей западной стенки раскопа выявлены толстые слои шлака и угля; в том числе встречены куски каменного угля, еще не перегоревшего. В северо-западном углу раскопа в кучке угля обнаружен обломок ошлакованного глиняного

Рис. 42. Дён-терек. Малая полуцилиндрическая (верхняя) черепица.

тигля. Другой тигель найден на куче угля и шлаков у юго-западного угла кана, с наружной его стороны. Толстые слои угля и шлаков оказались у северо-западного наружного угла кана и в пространстве между печью и трубой, а также у восточной стенки раскопа (рис. 41).

Все это свидетельствует об усиленных занятиях прежнего обитателя дома ремеслом, связанным с выплавкой металлов и, вероятно, с кузнечным делом.

Находки, обнаруженные в раскопе, многочисленны и разнообразны. В раскопе собрано очень много обломков поливных и неполивных, сделанных на круге, сосудов самых разнообразных форм. Среди сосудов из серой глины (чаще всего покрытых с одной или двух сторон черным ангобом, иногда с поперечным ленточным лощением) оказались сосуды типа бочек, сковородок, тазов, бочонков,

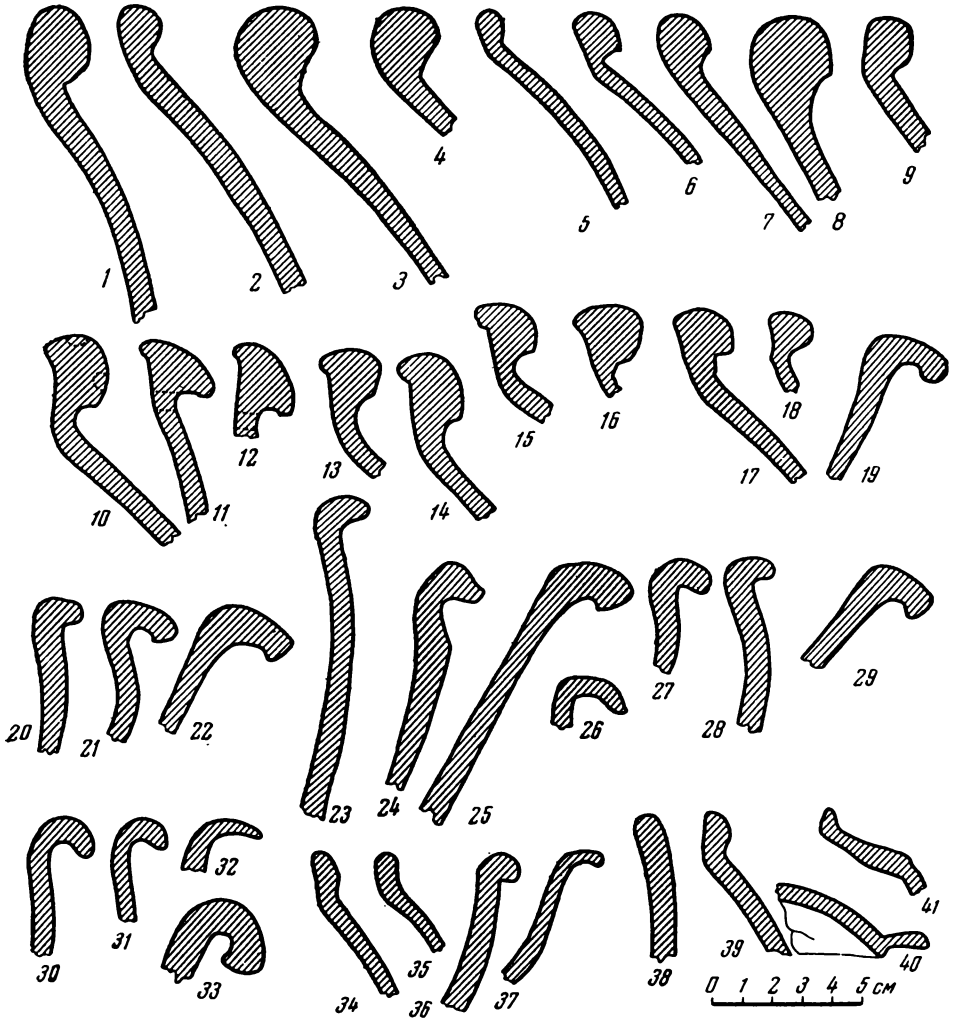


Рис. 43. Дён-терек. Профили глиняных сосудов, сделанных на круге.

1—18, 34, 35, 39 — бочонкообразные; *19—33, 36, 37* — тазы; *38* — баночный сосуд; *40* — крышка; *41* — кубышка (*1, 8, 11, 27, 33, 36* — из здания № 2; *2—4, 6, 9, 10, 12—16, 19, 21, 22, 25, 26, 29—32, 37, 38, 41* — из здания № 3; *7, 17, 24, 28, 35* — из здания № 6; *5, 18, 20, 23, 34, 39, 40* — из здания № 7).

кубышек, вазочек, блюдец, тарелок и разнообразных миниатюрных чашечек (рис. 43).

Обнаружены обломки красноглиняных сосудов, иногда покрытых черным ангобом (типа бочек), и желтоглиняных (чашечка), однако их много меньше, чем серых. Все это гладкие сосуды; найден только один фрагмент с двумя налепными валиками, рассеченными наискось (рис. 44, *3*).

Среди глазурованных обломков оказались не только тонкостенные фрагменты сосудов типа чаш, пиал или блюдец (глазурь серо-зеленая или голубая, двусторонняя,

но и толстостенные куски с «гофрированной» (волнистой) поверхностью, покрытые темно-бурой глазурью сверху и светло-коричневой изнутри (или без глазури изнутри), по-видимому, происходящие от ваз. Есть обломки селадона и белого фарфора. Найден фрагмент замечательной чаши из очень редкого белого фарфора с черной двусторонней глазурью, покрытой блестящими подглазурными пятнами.

И особенно интересно, что только в этом раскопе оказались обломки трех грубых лепных сосудов, очевидно, относящихся к посуде местных племен. Это обломки хакасского кринкообразного сосуда с буро-пятнистой поверхностью и черным в изломе черепком, из теста с примесью песка. Сильный нагар слоями покрывает стенки сосуда; горло расширяется вверх, а по шейке проходит поясок орнамента из отпечатков вертикально поставленной гребенки, которую затем потянули вправо [38]. Обломки двух других сосудов в изломе двухслойны (серый и красный слои) и украшены резным орнаментом (рис. 44, *1*, *2*, *4*). Здесь же оказалось своеобразное керамическое изделие, вероятно, — обломок сосуда для приготовления пищи на пару. Сделан он на круге (рис. 44, *7*).

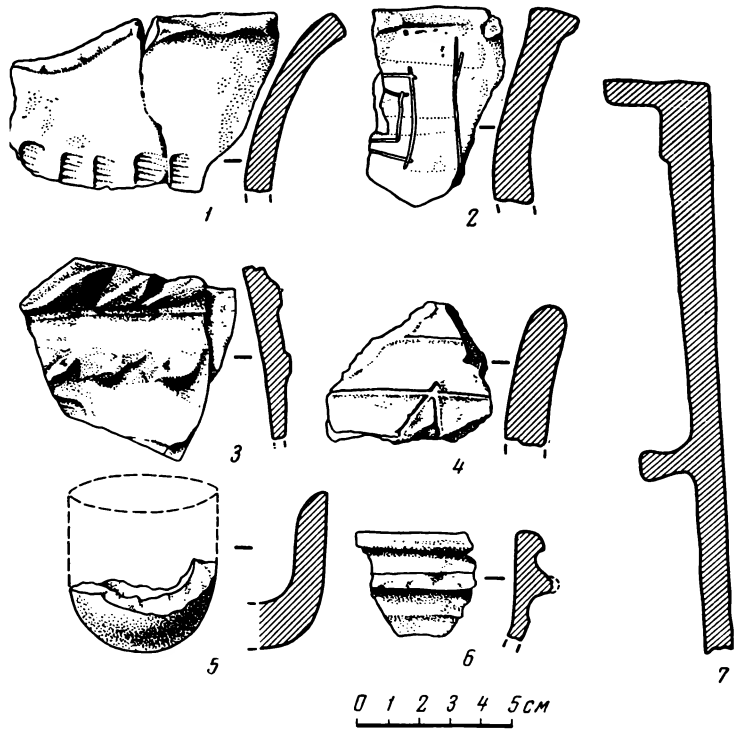


Рис. 44. Дён-терек. Керамика из здания № 3.
1—4, *6* — фрагменты сосудов; *5* — тигель; *7* — профиль сосуда для приготовления пищи на пару.

Из железных предметов больше всего найдено костылей и гвоздей, не только четырехгранных с расклепанным загнутым (или не загнутым) на одну сторону верхом, но и коротких с круглой шляпкой, типа обойных (рис. 31, *3*, *7*, *11*, *12*). Встречены обломки чугунных и железных предметов: огниво, пинцет, часть серпа, скобы, пластины, два наконечника стрел плоских, расширяющихся вперед к округлому лезвию, и т. п. (рис. 39, *2*, *3*; рис. 40, *3*, *8*; рис. 45, *1*, *3*, *4*). Из украшений отметим тонкий браслет из низкопробного серебра (с примесью меди) и бронзовую «запонку» с изящным лепестковым щитком, покрытым позолотой (рис. 40, *6*, *7*). В числе предметов туалета, кроме упомянутого выше пинцета, обнаружены две

[38] Такая посуда присуща памятникам Хакасии XI—XIII вв.

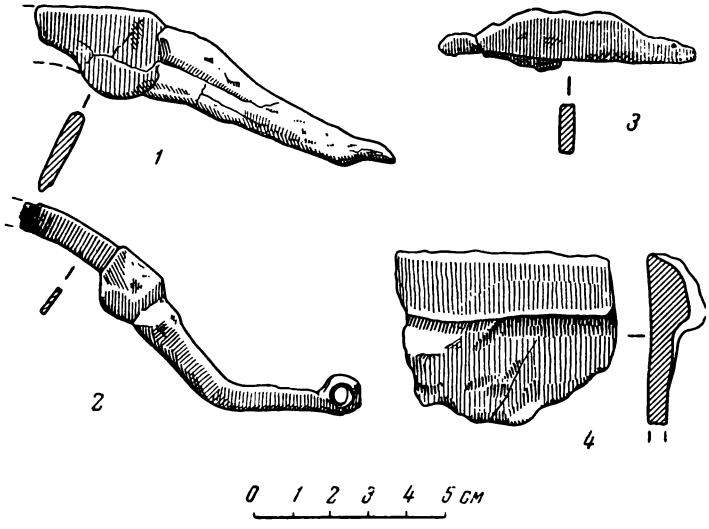


Рис. 45. Дён-терек. Обломки железных (*1—3*) и чугунного (*4*) изделий.

1, 3, 4 — из здания № 3; *2* — из здания № 6.

костяные ручки щеточек очень тонкой работы (рис. 37, *4*; рис. 40, *5*). Упомянем пряслице из стенки сосуда, две игральные шашечки (?) в виде круглых плоских лепешек из белой пасты (диаметр — 1,5 см; рис. 32, *5*, *6*) и астрагал (барана) со стертыми боками и тонко расчерченной сеткой из пересекающихся линий на спинке (рис. 38, *2*). Особую ценность для нас имеет обломок морской раковины, привезенной сюда за тысячи километров с берегов Великого океана.

Есть еще серия находок, на которой следует остановиться, — это отходы косторезного ремесла. Обнаружены несколько отпиленных отростков рогов косули и опиленные с двух или трех сторон куски маральих рогов. Судя по встречающимся незаконченным надпилам, они нанесены мелкозубчатой железной пилкой с лезвием толщиной всего 1 мм.

Трижды найдены отделенные той же пилкой головки лопаток крупного рогатого скота (коров и быков), а сами лопатки, очевидно, шли в производство. Одна из них оказалась среди отбросов; она не была использована из-за продольных трещин, которые получились при последующей обрубке широкого конца. В дело употреблялись и большие трубчатые кости животных — найден отпиленный сустав предплечья коровы.

Следует упомянуть еще большое количество зерен конопли (в том числе и обгоревшей), проса и скорлупки кедровых орехов.

Совокупность находок позволяет заключить, что хозяин этого жилища был зажиточным человеком, жившим на доходы от разностороннего и высококвалифицированного ремесла и, по-видимому, работал не один и даже, может быть, не столько сам.

Следует обратить внимание и на то, что в данном раскопе найдено намного больше костей домашних и диких животных и от гораздо большего количества особей, чем на других объектах. Кроме костей крупного и мелкого рогатого скота, встречены кости лошади, свиньи и собаки, а от диких — марала, косули и лисицы.

Объект № 4. Как мы полагаем, это было административное здание. Оно расположено на восточном обрывистом краю плато (рис. 28) и сохранилось много хуже, чем могло бы сохраниться, потому что после незначительного (по площади) шурфа, зало-

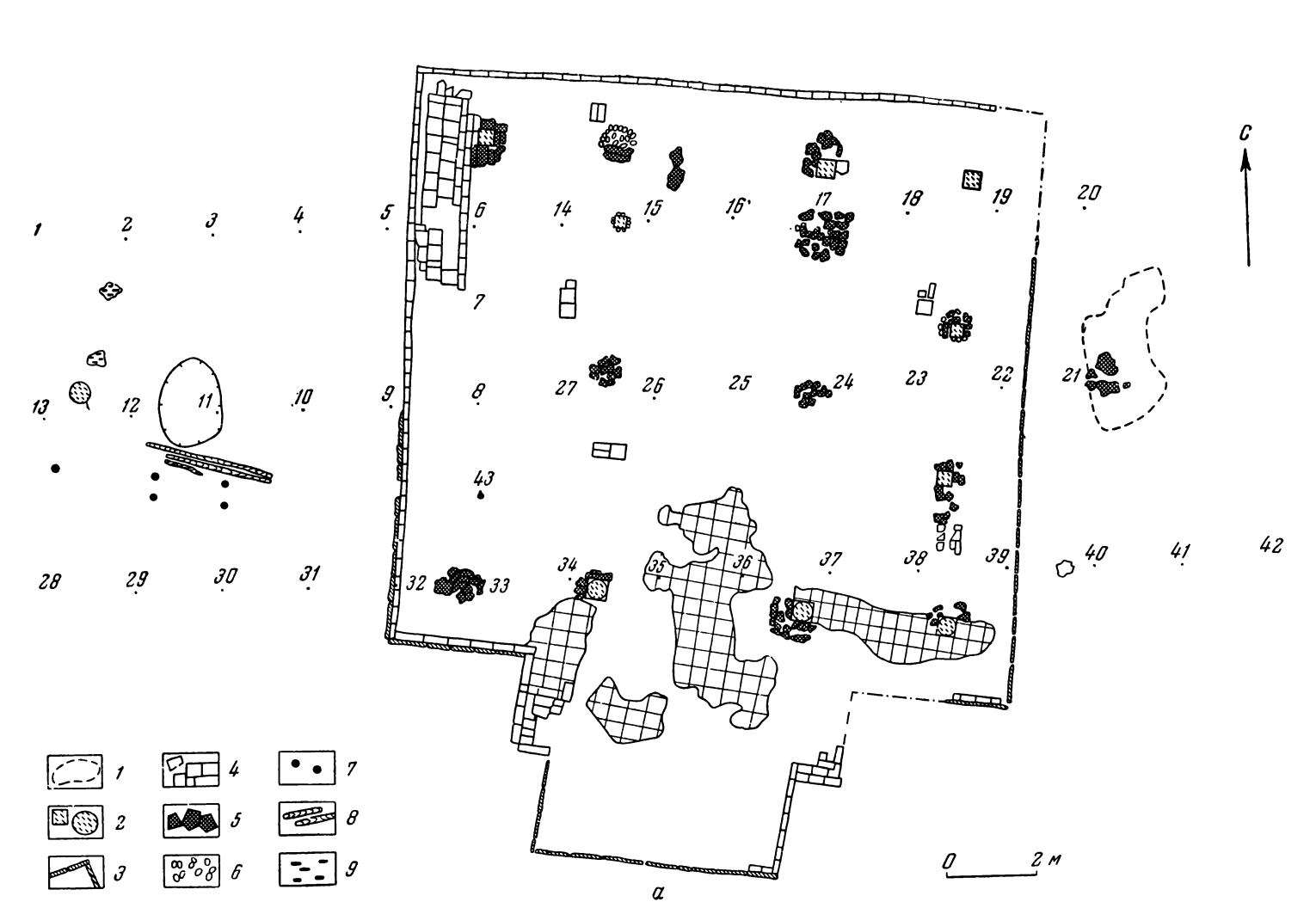
женного в 1915 г. А. В. Адриановым, местные жители периодически извлекали отсюда кирпичи. Несмотря на это, все-таки оказалось возможным составить его план и разобраться в конструкции (рис. 46).

До раскопок это был бугор неправильной подчетырехугольной формы (около 26×14 м), вытянутый с запада на восток. Однако в процессе работ пришлось довести раскоп до 30×20 м, так как некоторые части здания, особенно вход, оказались за пределами бугра. Поверхность бугра была покрыта грабительскими ямами и сильно заросла чием. На поверхности тут и там валялись мелкие обломки черепицы и обожженных кирпичей, серо-синих в изломе. С запада на восток нами были проложены три оси с нивелировочными отметками через 2 м; оси отстояли друг от друга на 4 м. Была также оставлена контрольная поперечная бровка.

План здания выявился только на уровне пола, так как выше ничего не сохранилось. Сразу же на глубине 0,3—0,4 м от современного уровня почвы обнаружен пол здания, вернее, — его отдельные участки. Первоначально он сплошь состоял из квадратных, хорошо обожженных кирпичей (размером чаще всего 36×35×5 см; но встречены кирпичи размерами 36×32×5 см, 37×35×6 см и 34×33×6 см), положенных впритык друг другу на глиняный раствор. Однако в результате «добывания» кирпича местными жителями сохранились лишь участки в передней части здания и отдельные связанные друг с другом кирпичи в других местах.

Здание было почти квадратным в плане, с несколько неравными по длине стенами (западная — 12,8 м, южная — 14,12 м, восточная — 13,2 м и северная — 14,24 м), в среднем — 14×13 м, т. е. площадью около 182 кв. м. Стены ориентированы (с небольшими отклонениями) по странам света (рис. 46). С юга обнаружен вход с портальным крыльцом, некогда выложенным сплошным кирпичным полом, который переходил в пол внутреннего помещения.

Однако полезная внутренняя площадь здания была, очевидно, меньше. Дело в том, что нами выявлена, собственно, платформа, на которой были затем сооружены несущие конструкции. Первоначально по всему периметру стен были вырыты канавки, в которые установили на ребро каменные плиты. Затем с внутренней их стороны были сооружены из длинномерного кирпича (36×17×5 см или 35×17×5,5 — 6 см), положенного в перевязку ложком, стенки в 6 рядов по вертикали (рис. 47). Потом, отступая внутрь, клали вторую стенку из длинномерных кирпичей; после этого пространство между стенками заполняли землей с большим количеством речной гальки (или здесь осталась нетронутая земля) и сверху перекрывали квадратными кирпичами, закрывая отдельные пустоты длинномерными кирпичами (рис. 47, *2*). Так, судя по остаткам, возведены края платформы, остававшиеся, видимо, открытыми. Такие края были, очевидно, по трем стенам — западной, северной и восточной. Лучше всего их остатки сохранились в северо-западном углу по западной стене (рис. 48, *1*); тут край достигает в ширину 1,3 м. Затем заподлицо с краями, прямо по земле, выложен на растворе сплошной пол из квадратных (иногда вставлялись и длинномерные) кирпичей. С внутренней стороны краев платформы по каждой стене (до выкладки пола) было вырыто по четыре ямы, которые заполнены булыжниками и обломками плит, чтобы предохранить опоры от просадки, а сверху на этот своеобразный фундамент установлены специально изготовленные каменные базы разных форм.


С
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
1
2
3
4
5
6
7
8
9
0
2 м

а

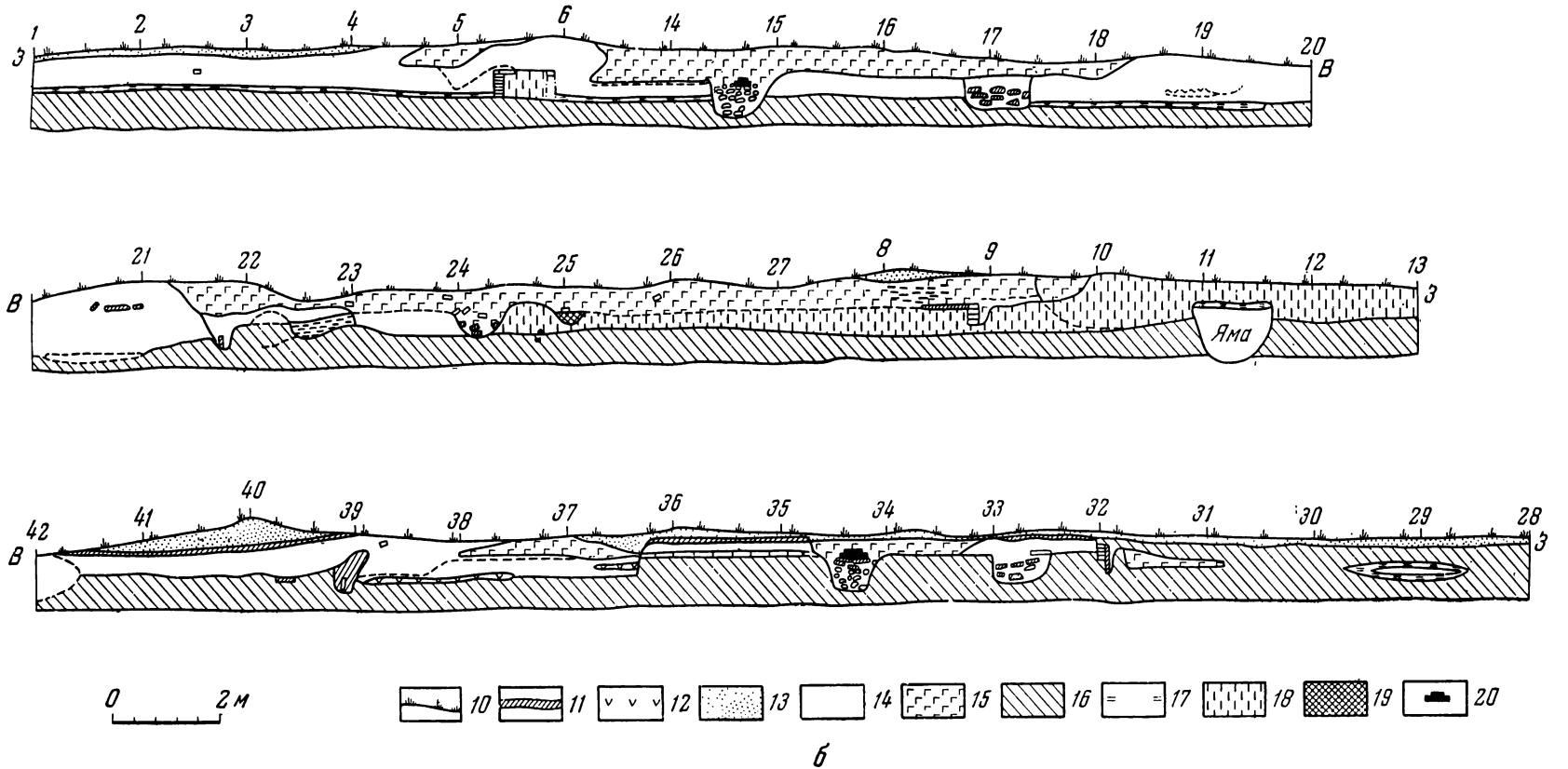


Рис. 46. Дён-терек. План (*а*) и профили (*б*) административного здания (объект № 4).

1 — граница известкового слоя; *2* — каменные базы (на плане); *3* — плиты, врытые на ребро; *4* — обожженные кирпичи; *5* — каменные плиты; *6* — галька; *7* — деревянные столбики; *8* — жерди; *9* — древесный уголь; *10* — дерн; *11* — погребенная почва; *12* — углистые прослойки; *13* — грабительские выбросы; *14* — светлая глина; *15* — темная земля с фрагментами черепицы; *16* — материк; *17* — бурая глина; *18* — серый перемешанный слой; *19* — обожженная земля; *20* — каменные базы (на разрезе).

Рис. 47. Дён-терек. Раскопки здания № 4.

1 — западная стенка платформы (плиты, кирпич); *2* — западный край кирпичной облицовки платформы.

Рис. 48. Дён-терек. Раскопки здания № 4.

1 — северо-западный угол платформы и вид северной стены; *2* — каменные базы; слева круглая каменная база, найденная к западу от здания.

По каждой стене таких баз было четыре, т. е. всего двенадцать [39]. Кроме того, в центре помещения, ближе к западной стене, были установлены на таких же опорах еще четыре базы (см. рис. 46). Базы служили опорами деревянных столбов или колонн, которые крепили стены и несли на себе конструкции, как увидим ниже, многотонной крыши. Базы были двух основных форм: простые квадратные, нестандартных размеров (рис. 48, *2*), и тщательно вытесанные квадратные с круглыми «подушками» (рис. 49). Базы второго типа поставлены на видных местах — в переднем ряду у входа и в центре, а квадратные — по краям и вдоль задней стены. Все они кругом обложены кирпичом заподлицо с остальным полом [40].

Мы полагаем, что стены здания были кирпичными (в один ряд из длинномерных кирпичей) [41] и сложены они были по внутреннему ряду кирпичей края платформы, сразу же за рядом каменных баз. Если бы кирпич не был расхищен, возможно, где-либо сохранились бы основания стенок из нескольких рядов кирпичей или это можно было бы определить по общему количеству рухнувшего, но оставшегося на месте кирпича. Теперь же предполагать существование кирпичных стен можно лишь по находке в завале длинномерных кирпичей и их обломков с присохшей по одной боковой стороне белой алебастровой штукатуркой, которой, естественно, покрывались только стены. Наличие штукатурки с одной боковой (ложковой) стороны может объясняться только обмазкой стен, выложенных в перевязку ложком. Кроме того, найдены подтесанные узкие и клиновидные кирпичи, нужные только в кирпичных конструкциях, и обломок декоративного кирпича с оттиснутым в форме растительным узором (хризантемой) на одной поверхности (рис. 50).

Наконец, вряд ли люди, умевшие делать кирпич превосходной крепости, сохранивший все свои свойства после семисотлетнего пребывания в земле, стали бы использовать его при строительстве столь парадного здания только для обрамления платформы, нижние части которой все равно скрыты в земле.

Полезная площадь здания определяется пространством, ограниченным рядами каменных баз. Это, следовательно, был просторный квадратный зал площадью около 117 кв. м (10,3×11,4 м), посередине которого (и ближе к задней стене) возвышались четыре колонны на каменных базах, имевших сбоку специальные гнезда (рис. 49, внизу слева) [42], чего нет у других баз. Возможно, что в гнезда вставлялись торцы деревянных вертикальных брусьев, и пространство, ограниченное центральными базами (3,6×4,8=17,28 кв. м), было ограждено или, вероятнее всего, здесь был устроен помост. В центре помоста находилось что-то, требовавшее дополнительного укрепления, так как здесь вскрыты остатки двух деревянных столбиков (диаметр их — 10 и 13 см), стоявших по одной линии в направлении на вход в здание.

[39] Две средние базы по западной стене не сохранились.

[40] Девять каменных баз объекта № 4 хранятся в Тувинском областном музее краеведения в г. Кызыле (№ 2824). Туда же сданы 14 разных кирпичей (№ 2823) и образцов черепиц (53 экземпляра — № 2825, 2830—2832).

[41] Глинобитные стены вряд ли могли существовать, потому что при таком большом здании они после разрушения образовали бы огромный бугор сверху, и остатки их уцелели бы до нашего времени.

[42] Из 4 баз сохранилась одна, от остальных уцелели лишь опоры из гальки и каменных плиток.

Рис. 49. Дён-терек. Здание № 4. Каменные базы с «подушками».

Изнутри стёны здания были хорошо оштукатурены толстым слоем белой штукатурки, вероятно, — алебастром. Куча штукатурки, по-видимому, оставленная за ненадобностью после окончания строительства, расчищена снаружи у восточной стены дома.

Крыша здания сплошь была покрыта обожженной черепицей и многочисленными скульптурными и рельефными терракотовыми украшениями, весом в совокупности в несколько тонн. Черепица и терракоты в бесчисленных обломках, — а иногда и целые, — разбросаны по всей площади здания в верхних слоях, но особенно большие скопления их (на большей глубине) расчищены по наружным краям платформы и на крыльце здания. Последнее обстоятельство свидетельствует о том, что здание погибло не внезапно, например, от пожара (никаких следов скопления угля, золы, обгоревшего дерева не наблюдалось), а разрушалось медленно, когда черепица и скульптуры скатывались вниз по краям с еще сохранившихся решеток перекрытия. Расположение находок свидетельствует и о том, что крыша была четырехскатной.

Судя по большому количеству повторяющихся скульптур, крыша, вероятно, была двухъярусной.

В основном использовались черепицы двух типов — желоба и полуцилиндры [43]. И те, и другие формовались на округлых шаблонах, покрытых мокрой

[43] Размеры желобов: длина — 36,5—37,5 см, ширина концов — 18 и 22,5 см или 19 и 23,5 см, толщина — до 2,2 см. Размеры полуцилиндров — разные. Они были двух типов: 1) длина —

Рис. 50. Дён-терек. Здание № 4. Часть облицовочного кирпича с рельефным изображением хризантемы.

грубой тканью типа мешковины (чтобы к шаблону не прилипала сырая глина), и потому на их вогнутых поверхностях всегда есть оттиск ткани, иногда со следами швов (рис. 51) [44].

Желоба и перекрывавшие места их стыков полуцилиндры снабжены с одной стороны утончающимися шейками, которые входили под края следующего ряда черепицы; благодаря этому создавалось черепичное полотно скатов крыши, абсолютно водонепроницаемое. В некоторых полуцилиндрах сверху просверлены отверстия, в которые, очевидно, вставлялись железные болты, притягивавшие черепичную крышу к стропилам (рис. 51, *2*, *4*). Крайний ряд ската крыт черепицей иного вида. Здесь размещались желоба со своеобразными капельниками — воротничками (рис. 52) на концах [45]. Капельники украшены оттисками вертикального зигзагообразного штампа или рядами «уголков»; полуцилиндры, перекрывавшие такие желоба, были снабжены торцовыми круглыми налепами (диаметром 13—14 см), на которых оттиснуты штампом свирепые личины рогатых гениев-хранителей (рис. 53).

Таких налепов (целых и обломков) найдено свыше 70 экземпляров. Кроме того, обнаружен кусок маленькой полуцилиндрической (диаметр — 6,5 см) черепицы с оттиском морды льва. Этот обломок, видимо, заброшен случайно с развалин соседних зданий (рис. 54).

Из скульптурных украшений крыши следует отметить свыше двадцати великолепно выполненных из пластичной глины голов драконов (рис. 55 и 56), укреплявшихся на вертикальных брусьях по верху крыши, и крылатых фениксов — птиц счастья (рис. 56 и 57) [46], со втулками для крепления на вертикальных штырях. Найдено пять целых терракот, изображающих застывшее пламя (рис. 58), а также 25 (целых и

30—31,7 см, ширина — 13,6—14,2 см; 2) длина — 26—26,7 см, ширина — 11,5 см; толщина их соответственно — 1,8 и 0,8 см. Глина в изломе серая или чаще серо-синяя, как и у кирпичей.

[44] Желоб на рис. 51, *5* интересен тем, что показывает, как изготовлялись узкие пластинчатые черепицы, употреблявшиеся для покрытия наружных скосов стен и оконных проемов. Обычные черепицы-желоба для этого перед обжигом просто резались вдоль на три части (см. о таких же узких черепичных плашках из Кондуя в третьей части настоящей книги).

[45] Желоба достигали длины 39 см, ширины 19 и 20 см или 20 и 22,7 см; толщина их — 1,5—2 см; ширина капельника — 4,2 см.

[46] Найдено 6 экземпляров.

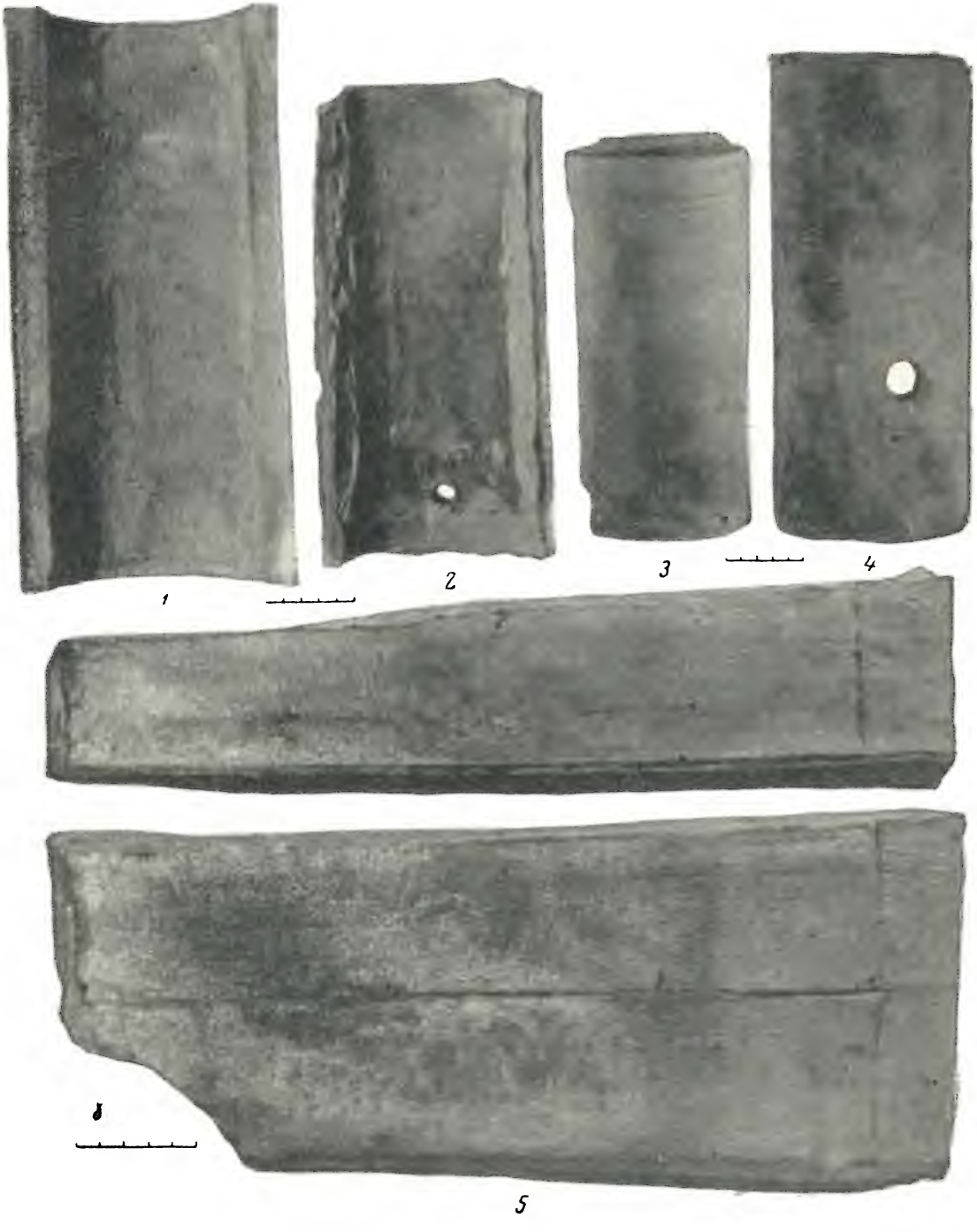


Рис. 51. Дён-терек. Черепица с кровли здания № 4.

1, *2* — полуцилиндрическая (внутренние поверхности); *3*, *4* — полуцилиндрическая (верхняя); *5* — черепичный желоб, надрезанный перед обжигом на три части для получения узких «плашек».

Рис. 52. Дён-терек. Здание № 4. Концевой желоб (нижний) черепицы с орнаментированным капельником-воротничком.

обломков) изображений рогов драконов, воспроизводящих оленьи рога с дополнительным годовым отростком (рис. 57, *3*, *4*).

Обнаружены в большом количестве обломки терракотовых декоративных плит с рельефной лепниной, изображающей распластанных крылатых драконов с перепончатыми лапами и чешуйчатым телом (рис. 59), и, наконец, особо замечательное произведение искусства — терракотовый «ящик», предназначенный для декорировки выступающих концов балок крыши. С обеих сторон его изображены с большой экспрессией личины рогатых, клыкастых и крылатых драконов с чешуйчатой шеей (рис. 60).

Исследованное здание № 4 не было жилым, так как, во-первых, в нем нет никаких следов отопительной системы; во-вторых, в пределах его площади отсутствуют обычные для жилищ находки — кости домашних животных, обломки сосудов и бытовые предметы, кроме большого количества строительных железных костылей и гвоздей.

И, наоборот, все находки свидетельствуют о том, что столь великолепно и пышно украшенное изображениями драконов здание с белыми стенами должно было производить большое впечатление на местных тюркоязычных кочевников. Поэтому, вероятно, область и была названа Илан-чжоу, так как по-тюркски дракона, как и змею, называют «чилан».

Торжественное убранство здания, в котором лишь один парадный зал, — все это черты, более всего присущие или храму, или приемной канцелярии правителя. Но на месте буддийского храма были бы найдены хоть какие-ни-

Рис. 53. Дён-терек. Здание № 4. Налепы на концевые полуцилиндрические черепицы.

будь мелкие предметы храмовой утвари (например, чётки), какие-либо следы глиняных, терракотовых или металлических статуй, буддийских образков или реликвий.

Вероятнее всего, — это административное здание, может быть, — приемная «канцелярии» местного правителя. В таком доме, при его парадном характере, не должно было быть никаких бытовых мелких предметов.

К периоду до сооружения здания относится скрытое под полом в центре крыльца небольшое кострище с обломками серой глиняной сковородки, сделанной на круге (рис. 61). Кроме того, при раскопках вокруг здания встречены

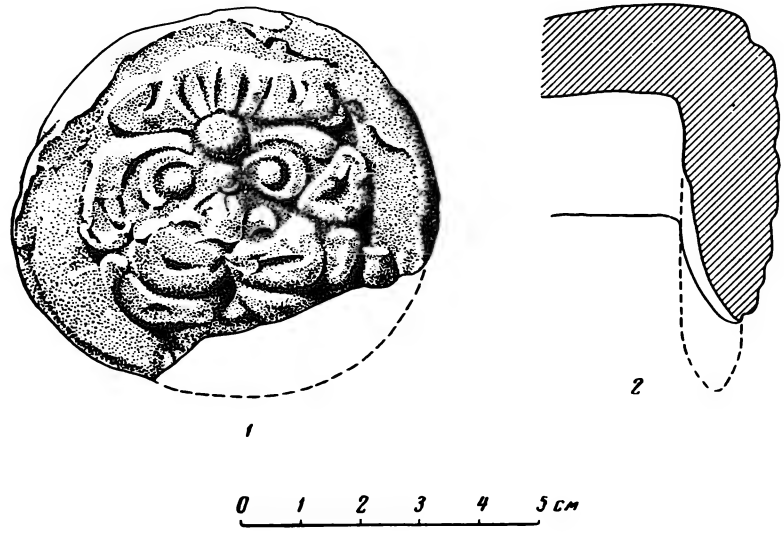


Рис. 54. Дён-терек. Здание № 4. Налеп с личиной льва (?) на малой полуцилиндрической черепице.

Рис. Дёш-терек. Здание № Скульптурное украшение крыши — голова дракона.

Рис. 56. Дён-терек. Здание № 4. Скульптурные украшения крыши — голова дракона (*1*) и феникс (*2*).

Рис. 57. Дён-терек. Здание № 4. Скульптурные украшения кровли.
1, *2* — фигуры фениксов; *3*, *4* — оленьи рога драконов от барельефов конька кровли

Рис. 58. Дён-терек. Здание № 4. Застывшее пламя — украшение кровли.

обломки глазурованных сосудов — блюдец и пиалы на кольцевом поддоне и сосудов из белого теста с коричневой глазурью, по которой прочерчен орнамент. Тут же найдены обломки серой посуды и роговой предмет (рис. 37, *3*).

К западу от здания нам удалось обнаружить остатки забора, состоявшего из нескольких пар столбиков, между которыми закладывались (по-видимому, в перекладку) жерди. Севернее, сразу же за валявшимися здесь трухлявыми жердями, расчищена овальная яма (размерами 1,92×1,48 м, глубиной 1,12 м), на дне которой оказался тонкий слой углей и обломок серой миниатюрной чашечки (сделанной на круге), осколки трубчатых костей животных и кусок каменного угля.

К западу от ямы вскрыты два небольших кострища. Возле них лежал хорошо обработанный круглый камень — база (диаметр — 47 см, высота — 28 см; см. рис. 48, *2*, внизу слева).

Объект № 5. Остатки еще одного здания обнаружены в траншее 10×3 м, вытянутой с юга на север. Она была заложена для контроля в северной части восточного плато (см. рис. 28) на совершенно ровном месте. Однако и здесь уже на глубине 20—40 см, в однородной серой засыпке, в южном конце траншеи появились каменные плиты, лежавшие на земле в один ряд, — очевидно, часть фундамента дома (рис. 62). Севернее вскрыты две квадратные обработанные каменные базы для столбов (рис. 63) и остатки пяти деревянных столбиков, стоявших без особого порядка. Других находок, кроме двух-трех костей домашних животных, здесь не было.

Траншея показала, что остатки зданий совсем не обязательно отмечены на поверхности городища буграми и что их можно встретить в любом месте.

Объект № 6. Остатки этого здания представляли собой округлый плоский бугор размерами 14 (север—юг)×16 м (запад—восток) и высотой 0,4 м от уровня почвы. Его поверхность слабо задернована. Почти повсюду выступали небольшие куски шлаков и черная земля. Бугор раскапывали по 4 секторам (рис. 64) с осями, вытянутыми по странам света, с нивелировочными отметками через 2 м. Он оказался сложенным в основном из шлаков и золы, с кусками несгоревшего каменного угля, среди которых встречались в небольшом количестве древесный уголь и обломки обожженных кирпичей. В поверхностных слоях залегала темно-серая земля. При

Рис. 59. Дён-терек. Здание № 4. Детали скульптурных украшений.

1 — часть облицовочной плиты с рельефным изображением перепончатой лапы дракона; *2*, *3* — части облицовочной плиты с рельефной чешуей дракона.

Рис. 60. Дён-терек. Здание № 4. Архитектурное украшение из обожженной глины — голова дракона.

1 — вид сбоку; *2* — вид сзади.

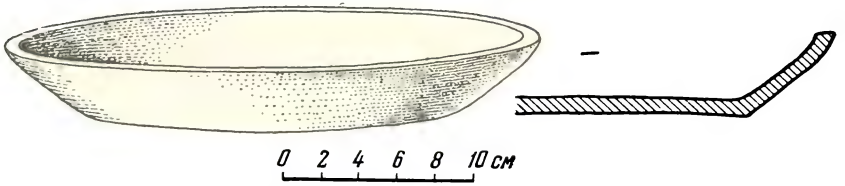


Рис. 61. Дён-терек. Здание № 4. Глиняная сковородка (серая глина), сделанная на круге.

раскопках не выявлены остатки жилого или производственного сооружения. Здесь не оказалось ни деревянных столбиков, ни кана, ни каменных баз колонн.

Правда, кроме обломков обожженных кирпичей, здесь найдены кусок каменного подпятника двери и обломки черепицы — куски от желобов и полуцилиндров (в том числе, один с личиной рогатого демона-хранителя, аналогичной по рисунку личинам с налепами из здания № 4, но несколько меньшего размера и без жемчужника; рис. 65), а также обломки двух терракотовых рогов драконов. Однако этих предметов здесь оказалось немного, и все они, вероятно, просто выброшены как производственный брак или бой. Кроме того, обна-

Рис. 62. Дён-терек. Остатки здания № 5. Вид с юга.

ружено много расколотых костей домашних и диких животных (крупного и мелкого рогатого скота, лошади, свиньи, верблюда, собаки, косули и марала) — пищевых отбросов.

Встречено большое количество обломков серой, обычной на поселении, посуды разных форм: мисок, хумов и — особенно — миниатюрных чашечек (рис. 66); помимо этого, найдены несколько пряслиц из стенок сосудов, глиняные пуговицы, шарик из обожженной глины (рис. 67), покоробившаяся в огне, явно бракованная терракотовая плакетка с оттиском хризантемы (рис. 68) [47], куски черного шлакированного стекла, «лепешка» (гирька?) из белой пасты и т. п.

Рис. 63. Дён-терек. База колонны в здании № 5.

Из костяных предметов отметим шпатель для растирания туши (?), миниатюрный, изящно вырезанный гребешок для усов (рис. 40, *1*, *4*), два игральных астрагала (один — со сточенной спинкой, другой — с вырезанным на спинке знаком; рис. 38, *1*), опиленный рог косули и неожиданная находка — мочеотводная трубка для детской колыбели обычного для тюркоязычных кочевых племен типа, сделанная из трубчатой кости барана (рис. 37, *1*).

Среди железных предметов — преимущественно гвозди, костыли, скобы, пластины и другие неопознанные коррозированные железные обломки. Фрагменты ценной посуды единичны: два — от блюдца со светло-голубой поливой, два — из селадона, два — из белого фарфора.

Все перечисленные выше находки обычно встречаются в жилых домах городища, хотя нигде ни разу не обнаружено столько шлаков, угля и золы. Вероятнее всего, мы вскрыли здесь остатки какой-то мастерской, очевидно, — кузницы на открытом воздухе или под простым навесом, куда, после того как она была заброшена, сваливался мусор.

Объект № 7. Расположен на северо-восточной окраине западного (второго) острова, на обрыве террасы протоки Дён-терек (рис. 28). Первоначально это было сильно оплывшее, еле заметное продолговатое возвышение, вытянутое с запада на восток на 56 м и шириной с севера на юг — 14 м. В его западном конце остались две квадратные ямы (2×2 м и 4×4 м) от землянок (для ягнят и козлят) бывшего здесь до 1950 г. тувинского зимника. В бортах ям торчали осыпающиеся кладки из обожженного кирпича и здесь же валялись обломки черепицы.

[47] См. Э. В. Шавкунов. К вопросу о датировке средневековых памятников Приморья. Труды Бурятского комплексного научно-исследовательского института Сибирского отделения АН СССР, вып. 3, Улан-Удэ, 1960, стр. 191, 192, рис. 21—23.

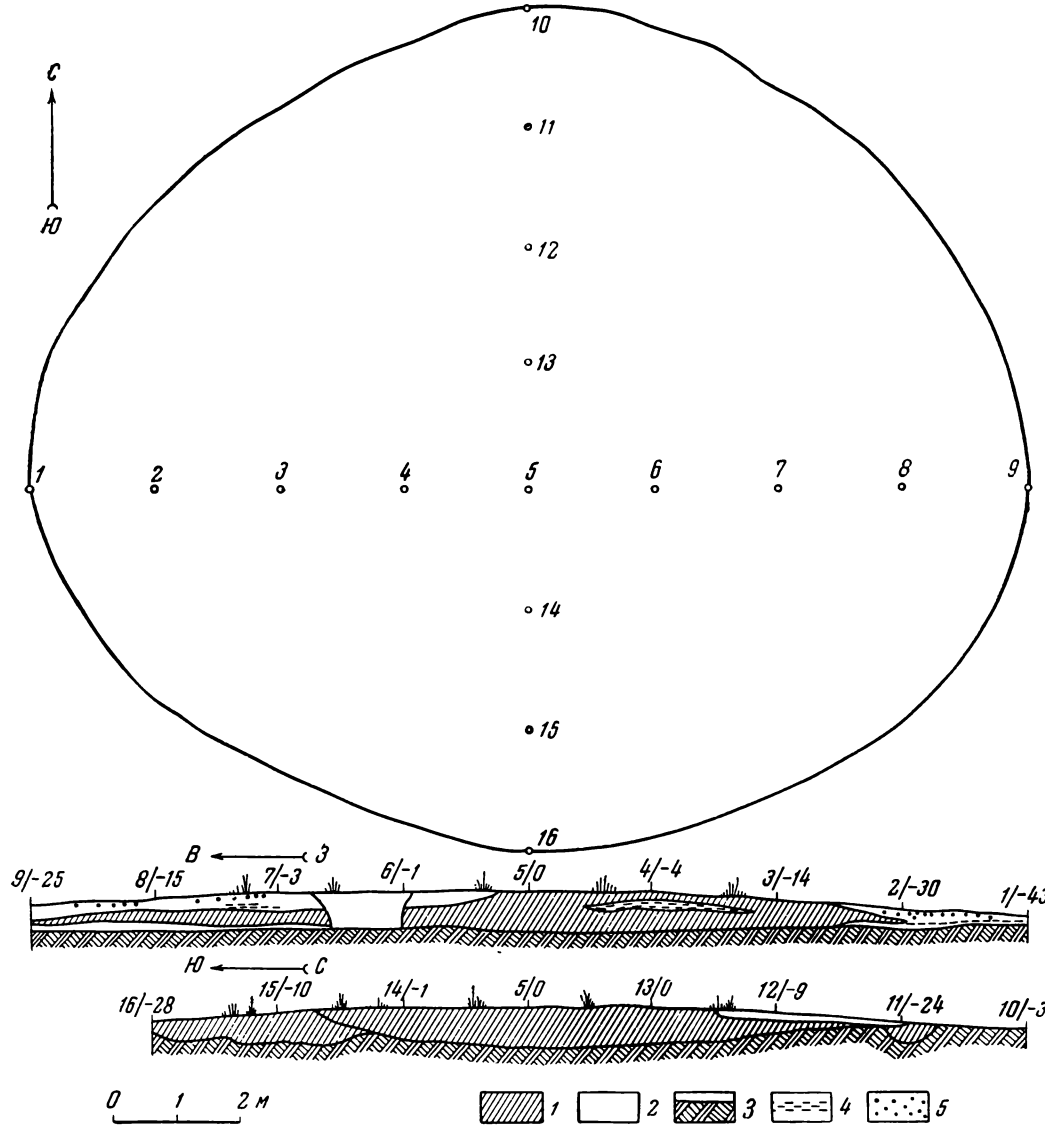


Рис. 64. Дён-терек. План и разрезы объекта № 6.

1 — слой угля, кокса, золы; *2* — серая земля; *3* — материк; *4* — зола; *5* — угольки.

Сначала заложили два раскопа (I и II) на восточной окраине всхолмления, но постепенно, по мере вскрытия, мы убеждались, что под всем бугром лежат остатки одного длинного здания (вытянутого с запада-юго-запада на восток-северо-восток) и потому довели число раскопов до пяти (I—V; см рис. 70), разделенных между собой бровками по линии север—юг, с нивелировочными отметками через 2 м. Раскоп V захватил западный край холма, где находились ямы, к счастью, лишь частично нарушившие кладки.

Рис. 65. Дён-терек. Здание № 6. Налеп с личиной шоу на полуцилиндрической черепице.

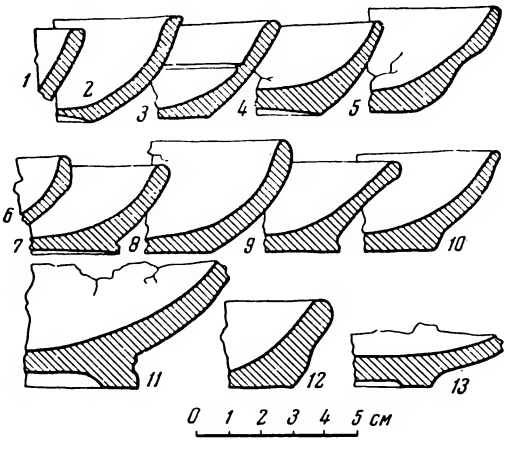


Рис. 66. Дён-терек. Профили серых миниатюрных чашечек и блюдец, сделанных на круге.

1, 2, 4—6 — из здания № 3; *3* — из здания № 4; *7—13* — из здания № 6.

В итоге работ обнаружены остатки большого здания дворцового типа. Оказалось, что оно сохранилось лишь наполовину, так как задняя часть сооружения (почти по продольной оси) уже давно была смыта водами Дён-терека.

Здание вытянуто более чем на 39 м (крайний западный край не сохранился). Передний фасад его был обращен на северо-северо-

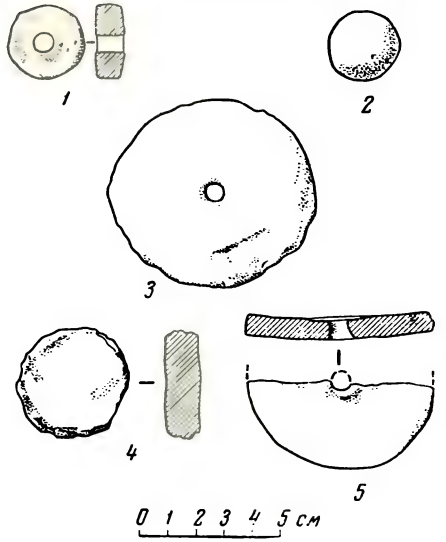


Рис. 67. Дён-терек. Керамические пряслица и шарик.

1—4 — из здания № 6; *5* — из здания № 3.

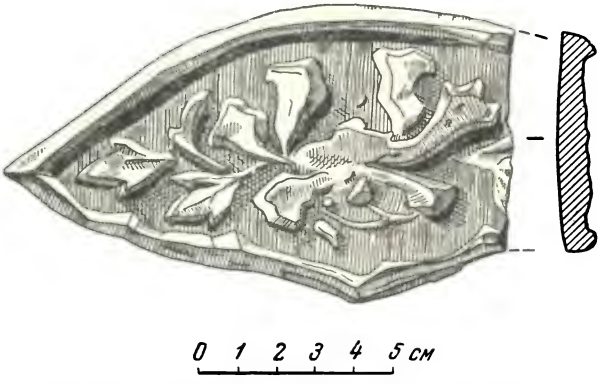


Рис. 68. Дён-терек. Здание № 6. Глиняная плакетка с рельефным изображением хризантемы.

запад; туда же обращен и вход, расположенный строго по центру фасада (ширина входа — 3,8 м) в выступающей центральной его части (рис. 69, *1*). Основу

Рис. 69. Дён-терек. Зда-

1 — вход с базами для колонн (вид с юго-востока); *2* — фундамент стены (раскоп III, вид с юго-юго-во-

ние № 7. Вид раскопок.

стока); *3* — фундамент стены (раскоп II, вид с юго-запада); *4* — базы колонн входа (вид с юго-запада).

здания составляли три больших зала, соединенных между собой проходами, но по обе стороны от них были еще два дополнительно пристроенных хозяйственных помещения, в которые также вели проходы из центральных залов. Таким образом, в здании было пять помещений, расположенных в общем анфиладой по одной оси, и все они соединялись проходами (помещения А, Б, В, Г и Д).

Центральные залы Б, В и Г составляют единый строительный комплекс. Стены их были сооружены следующим образом. Первоначально на материке создана обширная глиняная платформа (от нее сохранился слой суглинка; рис. 70), на которой по определенному плану был заложен фундамент (выявленные раскопками «стены» — рис. 69, *1—3*; рис. 71, *2*), состоявший из двух параллельных стенок из длинномерных обожженных кирпичей [размером 37 (36)×17×6 (5) см], выложенных ложком в перевязку на глиняном растворе в 6—7 рядов, реже — в пять. Для того, чтобы раствор крепче связывал кладку, на многих кирпичах делались при формовке 2—3 или — чаще — 4 продольных желоба, либо высекались теслом по обожженной уже поверхности ряды насечек подтреугольной формы (рис. 71, *1*).

Между кирпичными стенками была залита глиняная забутовка с речными валунами и обломками кирпичей; в нее в ряде мест заложены квадратные (размерами 0,4×0,4 м и толщиной 10—12 см) базы из каменных плит с вырезанным крестом для центрирования деревянных колонн, служивших основой столбовой конструкции деревянных стен (рис. 71, *1*). Сверху забутовка была закрыта обломками или целыми кирпичами. Таким образом, был получен крепкий фундамент — основа всего здания.

На всех углах фундамента и по концам его, в проходах, находятся аналогичные описанным подквадратные каменные базы (с крестом и без креста, размерами от 0,38×0,4 м до 0,5×0,44 м, но чаще 0,4×0,4 м, при толщине 10—12 см), служившие для установки деревянных столбов конструкции стен. Базы в свою очередь устанавливались на опоры из каменных плиток, забутованных с глиняным раствором в небольшие ямы (рис. 69, *4*). На базах устраивались круглые гнезда из скрепленных раствором кирпичей и каменных плиток. Судя по размерам гнезд, диаметр опорных столбов составлял 38—40 см.

Таким образом, на фундаменте крепились мощные деревянные столбы (по фасаду их было десять), служившие несущими опорами крыши и основой столбовой конструкции деревянных стен. Пролеты между столбами были заполнены бревнами или брусьями (сохранилось много остатков гнилого дерева). Деревянные стены были первоначально хорошо оштукатурены известью или алебастром, следы которых, а иногда и целые слои, постоянно встречались при зачистке фундамента. Крыша была черепичной (судя по многочисленным обломкам черепицы), опиравшейся на деревянные стропила, но без всяких терракотовых украшений. Они здесь не обнаружены.

Помещение А (крайнее к востоку-северо-востоку). Соединено проходом с основным зданием, но в сущности служило хозяйственной пристройкой. Стены ее — без фундамента и были устроены так же, как в обычных жилищах. Они были

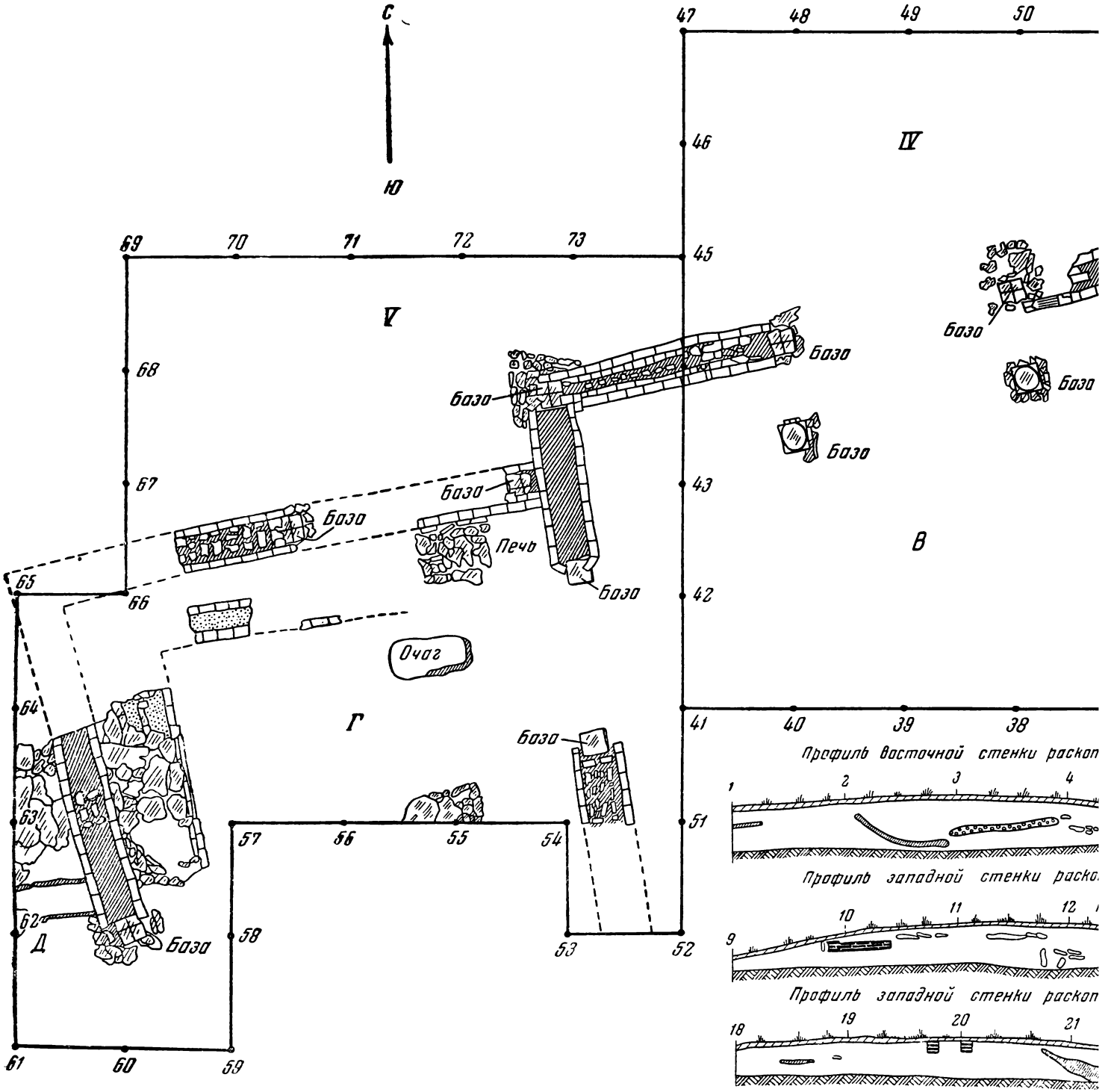
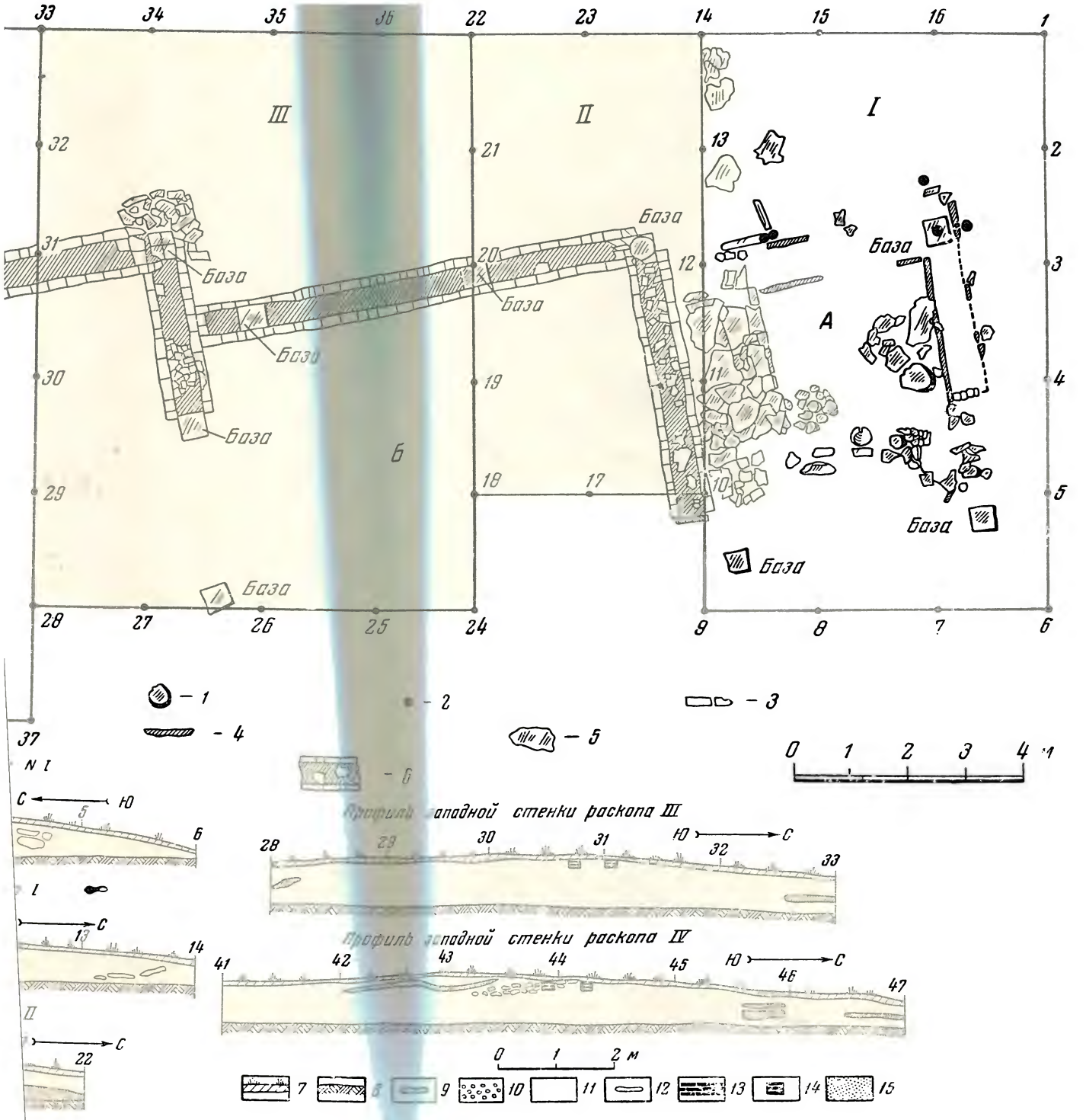


Рис. 70. Дён-терек. План

1 — обломки скалы; *2* — деревянные столбы; *3* — кирпичи; *4* — плиты, врытые на
7 — дерн; *8* — материк; *9* — углистый слой; *10* — зола; *11* — суглинок; *12* — камень; *13*, *14* —



азрезы здания № 7

о; 5 — горизонтальные плиты; 6 — земляное заполнение фундамента стены;
ирпичная кладка; 15 — известковый слой (1—6 — для плана; 7—15—для разрезов)

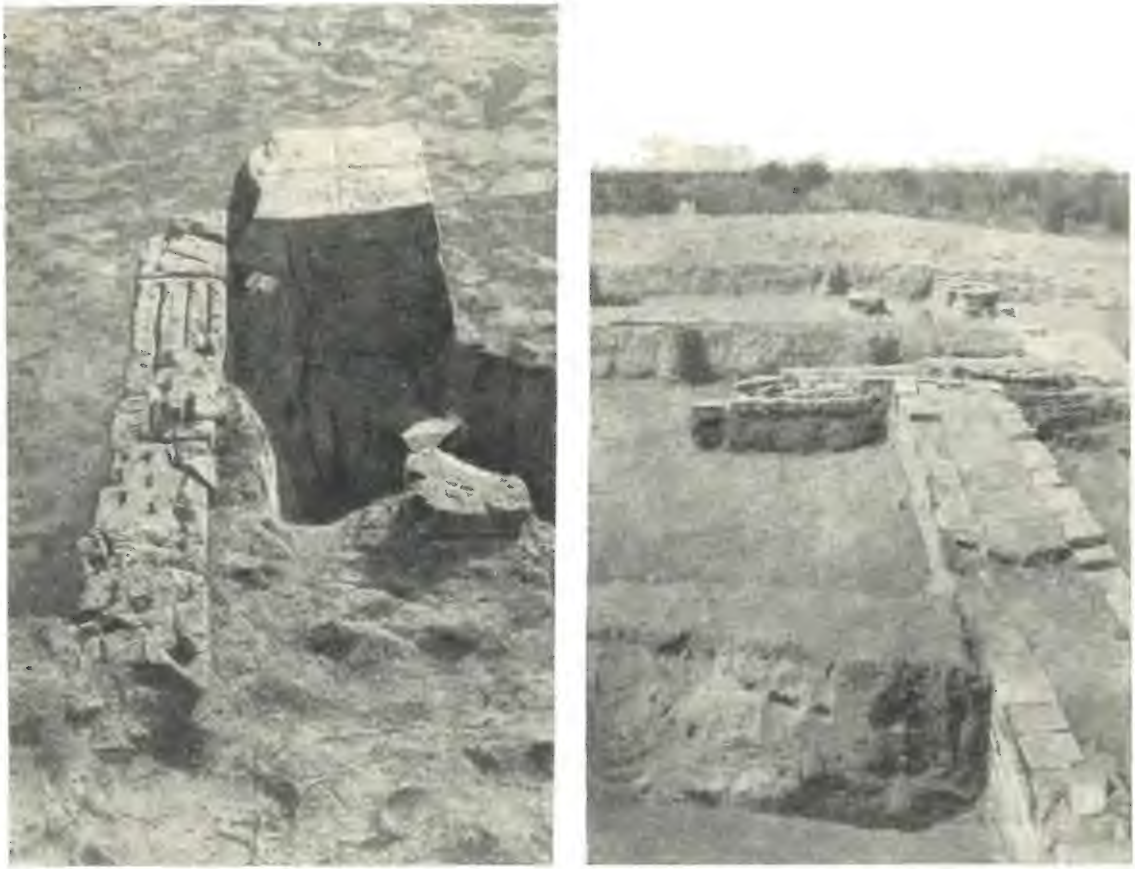


Рис. 71. Дён-терек. Здание № 7.

1 — одна из баз (с крестом) колонн входа и кирпичи с нарезками; *2* — северная стена (вид с востока).

дощатыми и укреплялись на деревянных столбах, остатки которых частично сохранились. Доски прибивались гвоздями, костылями и скобами, найденными при раскопках. Крыша, судя по находкам обломков черепицы, очевидно, была черепичной.

Помещение перестраивалось. Первоначально по трем его стенам проходил кан с отопительными каналами. По юго-западной стене кан, достигавший в ширину 1,6 м, был весь покрыт каменными плитками; внутренний край его состоял из кирпичной кладки (ложком в перевязку) в четыре ряда. При разборке оказалось, что эта кладка служила одной из стенок отопительного канала, наполненного сажей, а другую (внутреннюю) стенку образовывали установленные на ребро каменные плиты. У юго-юго-восточной оконечности кана вскрыт развал крупных камней на месте трубы. Далее кан заворачивал по северо-западной стене, где сохранились поставленные на ребро плиты, образующие отопительный канал (шириной 0,7 м). Такие же плиты канала оказались и по северо-восточной стене. Здесь у юго-юго-восточного

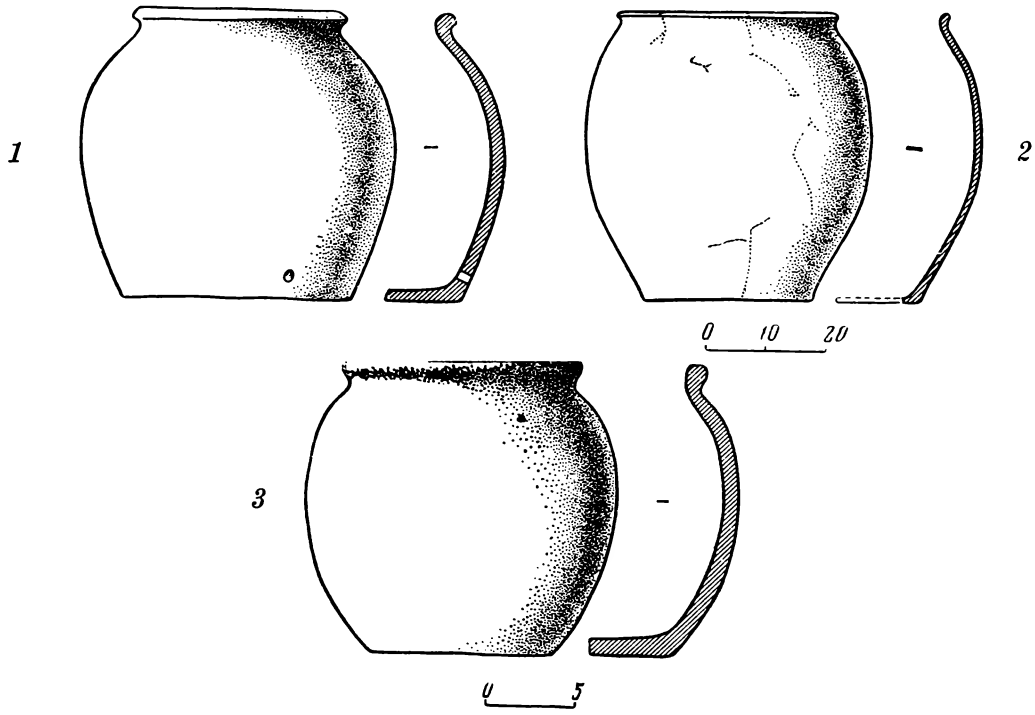


Рис. 72. Дён-терек. Керамика из зданий № 7.

1, 2 — крупные сосуды, изготовленные на круге, найденные в помещении А у печки (из здания № 7); сосуд 1 уменьшен в 9 раз; *3* — малый сосуд (оттуда же).

конца канала обнаружен развал округлой печи, некогда сложенной из обломков кирпичей и плиток. Размеры печи — 0,95×0,9 м.

Возле печи найдены обломки двух крупных серых бочкообразных сосудов (рис. 72, *1*, *2*) и фрагменты небольших серых сосудов (рис. 72, *3*), в том числе и миниатюрных чашечек. На глинобитном полу обнаружены обрывки берестяного туяса, гладкий двухконечный пест из серого камня (рис. 34, *1*), обломки стеклянных сосудов (в том числе — зеленого оплавившегося флакона), стеклянная палочка, кусок опиленной трубчатой кости барана, обломок фаянсового блюдца с голубой глазурью и фрагменты сосуда из белого фарфора. В двух местах в помещении обнаружены чешуйки проса и во многих — обломки сгнившего дерева, коррозированных железных предметов (костылей, гвоздей, скоб и т. д.).

Помещение А, судя по находкам и общему его характеру, следует признать за хозяйственную комнату, своего рода кухню, где вместе с тем проживала, очевидно, прислуга владельцев дома. К концу существования здания это помещение несколько перестроено, о чем свидетельствуют обнаруженные там три каменные подквадратные базы (0,43×0,37 м; 0,43×0,43 м и 0,41×0,44 м; вы-

сота — 11 и 16 см), предназначавшиеся для опорных столбов. Две из них находились в углах помещения по его юго-юго-восточной стене, причем так, что база в юго-западном углу оказалась посередине прохода в помещение Б, т. е., вероятно, проход был уже закрыт (рис. 70). Третья база в противоположном северо-восточном углу установлена внутри отопительного канала — свидетельство того, что часть кана вообще уже не действовала. На ней сохранился низ столба диаметром 15 см. Вероятно, в последний период существования здания в помещении А использовалась лишь широкая юго-западная часть кана или комната уже не обогревалась.

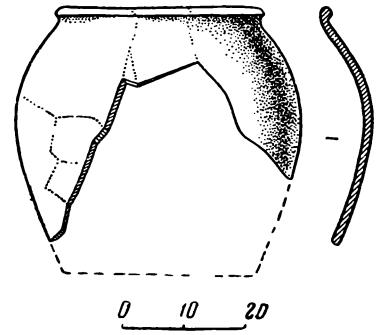


Рис. 73. Дён-терек. Сосуд из здания № 8.

Помещение Б. Ширина помещения — 8 м. Судя по соответствию проходов, оно было вытянуто с северо-северо-запада на юго-юго-восток, но, к сожалению, эта часть смыта, и общее протяжение выяснить нельзя. В зале Б канов не было, и обогревался он с помощью жаровни, которая находилась ближе к северо-западному углу. От жаровни сохранилось основание в виде квадратного (0,5×0,5 м) очажка, выложенного камнями, с остатками угля, золы и прокаленной глины пола.

В зале, кроме обломков черепицы и большого количества железных костылей, встречено особенно много обломков посуды — разнообразной серой и глазурованной (чаш и блюдец с голубой глазурью и фрагментов фарфоровых чаш). Найдены обрывки стенок берестяного туяса, стеклянный слиток, обломок ножа; длинный каменный оселок (с отверстием для привязывания к поясу; рис. 39, *б*) и обломки другого; фрагмент миниатюрного костяного гребешка для усов (аналогичного по форме целому гребешку из объекта № 6); точеная костяная головка какого-то предмета. Судя по общему характеру и составу находок, зал Б был, вероятнее всего, «столовой».

Помещение В. Этот зал, самый большой в здании (расстояние по линии восток-северо-восток — запад-юго-запад — 12 м), очевидно, был квадратным, площадью около 144 кв. м [48], т. е. больше, чем зал здания № 4. Это был огромный «вестибюль» с тремя дверями, из которых две вели в соседние боковые залы Б и Г и одна служила центральным входом в здание [49]. У входа стояли две большие (0,5× ×0,5 м, высотой 21 и 26 см), искусно высеченные каменные базы с круглыми «подушками» сверху (диаметры — 0,46 и 0,49 м) [50], подобные базам в здании № 4. Они

[48] Никак не менее, так как у западно-юго-западной стены зала сохранился южный отрезок стены, т. е. западно-юго-западная стена была (как минимум) такой же по длине, как и северо-северо-западная.

[49] Ширина дверных проемов, ведущих в залы Б и Г, — 2,6 и 2,68 м.

[50] Обе эти базы и шесть подквадратных баз из здания № 7 вывезены в г. Кызыл и сданы на хранение в Тувинский областной музей (№ 2833 и 2834). Туда же сданы 12 образцов кирпичей этого здания (№ 2835).

также были установлены на опорах из каменных плит. На базах некогда стояли мощные деревянные колонны — несущие опоры стропил крыши. Возможно, что такие же две колонны были и у юго-юго-восточной стены зала.

Кроме черепицы и железных костылей, здесь найдено немного обломков серой посуды, 9 фрагментов фаянсовых чаш, покрытых голубой глазурью, и 7 кусков белых фарфоровых сосудов. Здесь же обнаружена редкая находка — железное коромысло от чашечных весов (рис. 32, *1*). Зал, очевидно, служил не только «вестибюлем», но и своеобразной «гостиной» («залом для приемов»).

Помещение Г. Это третье из основных помещений, служившее спальней владельца здания, о чем можно судить по кирпичному кану, перекрытому плитами и проходящему по двум стенам зала (северо-северо-западной и запад-юго-западной). К сожалению, частично врéзавшиеся здесь современные землянки сильно повредили кан, но все же основные его части уцелели. В северо-восточном углу находилась хорошо сохранившаяся печь (1×1,2 м) с широкой топкой, у которой под был выстлан плитами, а стенки состояли из кирпичной кладки ложком в перевязку (рис. 70). При расчистке в печи обнаружены угли и обожженная глина обмазки.

От печи вдоль северо-северо-западной стены сохранились части кана со стенками из кирпичей. Ширина уцелевшего здесь одного из каналов — 0,37 м. Лучше всего видна часть широкого (до 1,4 м) кана у юго-западной стены. Наружная стенка его состоит из ряда кирпичей, положенных ложком, и другого ряда кирпичей, поставленных на ребро. Сверху кан был перекрыт каменными плитами, под которыми обнажились три заполненных сажей отопительных канала (шириной по 0,24 м) со стенками из кирпичей. У юго-восточного конца кана должна была находиться вытяжная труба.Помимо лежанки-кана, зал Г обогревался и с помощью жаровни, расположенной в центре помещения. От нее сохранилась обожженная глинобитная площадка (1,48×0,68 м) на которой по прямоугольнику, в виде ящика, стояли на торце каменные тонкие плиты. Внутри «ящика» были древесные угли, зола и обожженная глиняная обмазка стенок.

Кроме обломков черепицы, в помещении Г обнаружено только несколько осколков серых сосудов.

Помещение Д. Это такая же пристройка, как и помещение А, но только с другой стороны здания. В помещение Д вел проход из зала Г (рис. 70). Собственно, от этого помещения сохранилась лишь незначительная часть с остатками кана, перекрытого каменными плитами; здесь была хорошо видна часть отопительного канала (шириной 0,6 м) из плит, установленных на ребро. Помещение, очевидно, использовалось в качестве хозяйственного и служило жильем для прислуги.

Остается упомянуть, что в той части (северной) раскопов, которая захватила некоторое пространство перед фасадом здания, за пределами помещений найдены фрагменты серой и глазурованной посуды и коррозированные обломки железных предметов, в частности, — строительных костылей. В раскопах II, III и IV выявлены слои углей, золы, а также развалы плитняка (раскоп II).

Заключая описание результатов исследования объекта № 7, нужно подчеркнуть,

что это большое жилое здание дворцового типа, резко выделяющееся среди раскопанных нами рядовых жилищ (№ 1, 2, 3, 5 и 8), без сомнения, служило жилищем какой-то высокопоставленной семьи, очевидно, — семьи управителя города, «канцелярия» которого размещалась в парадном здании № 4. Только в зданиях № 4 и 7 встречены одинаковые каменные базы (подквадратные базы с «подушками»), а также один и тот же размер длинномерного кирпича [37 (36)×17×6 см], в то время как кирпич на других объектах — более мелкий (№ 1—34×16×5 см; № 2—30×15×5 см или 31×16×5 см).

Объект № 8. Находится на самом западном краю поселения, к северу от объекта № 4 (см. рис. 28). Работы предприняты с тем, чтобы выяснить, какие постройки окружали административное здание. Здесь было еле заметное всхолмление; на нем и заложены два небольших раскопа.

В раскопе II (северном) встретились мелкие обломки черепицы обычного типа, несколько костей и угольков. Засыпка — серо-желтый лёсс. В западной части выявлен кан (рис. 74). Здесь вскрыты остатки небольшой постройки. Стены ее некогда состояли из столбов, которые были обиты досками, обмазанными глиной (рис. 75). Дом был однокомнатный. По трем его стенам шел кан, сложенный из каменных плиток. Судя по его расположению, вход в комнату находился с северо-восточной стороны. Возле кана найдены железный костыль и обломки большого серого бочкообразного сосуда (рис. 73).

В раскопе I сверху открыто несколько ям с современными предметами — отбросами находившегося здесь тувинского зимника. Зато между реперами № 5 и 8 (рис. 74), уже с 0,2 м и вплоть до материка, обнаружена черепица — целая и в обломках: полуцилиндры, желоба [51], краевые желоба со своеобразными капельниками (рис. 76). И по малым размерам, и по оформлению черепица такого типа не встречалась в других местах поселения. Капельники концевых желобов украшены сплошь косо расставленными овальными оттисками, а не углами и зигзагами, как у черепицы соседнего объекта № 4. Круглых налепов на полуцилиндры здесь не оказалось.

Ни под компактно залегавшей черепицей, ни вокруг нее не обнаружены следы сооружения. Вероятно, здесь стояла деревянная беседка или павильон с черепичной крышей. Возле черепицы найдены одновременный ей обломок пиалы с двусторонней голубой поливой, на кольцевом поддоне, и четыре донца от серых миниатюрных чашечек.

* * *

Приводим сведения о кладбище древнего города в Дён-тереке.

Местная старожилка, крестьянка поселка Кочетово В. А. Никитина, при расспросах об окружающих деревню памятниках рассказала, что к западу от исследованного нами поселения прежде стояли (по дороге из Атамановки в урочище Улярик) два сделанных из камня льва, но потом их кто-то увез. Для того,

[51] Длина — 28—29 см, ширина — 15,5—17, 5—19 см; 28 образцов черепицы с объекта № 8 хранятся в музее г. Кызыла (№ 2827—2829).

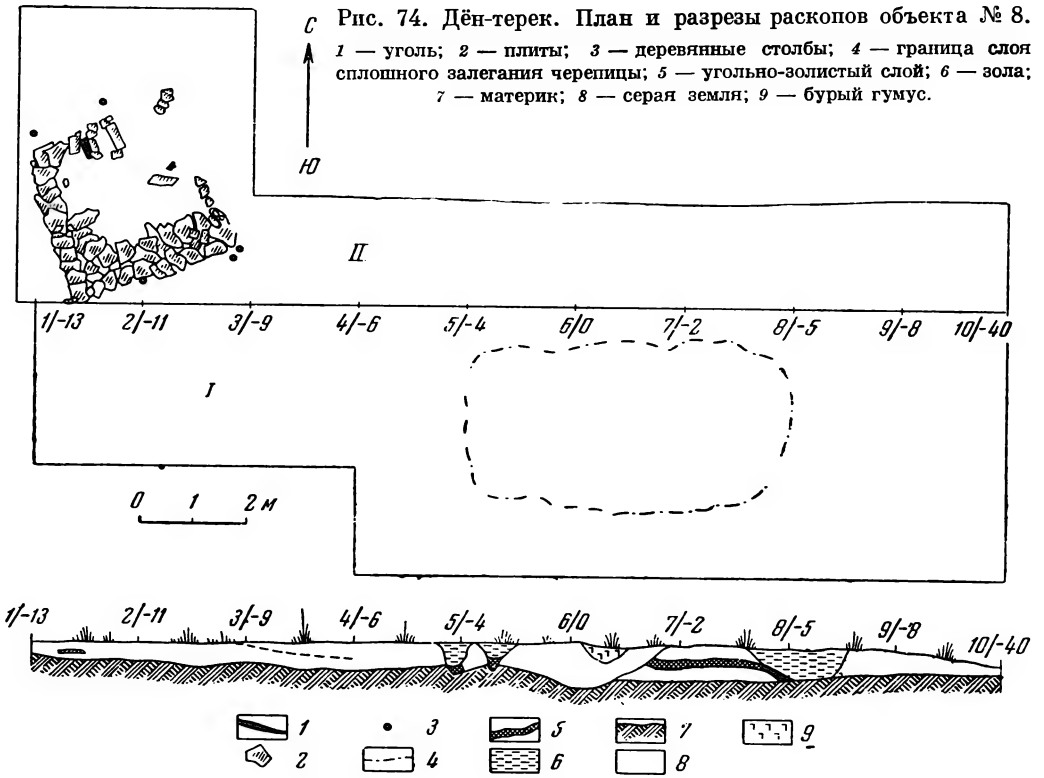


Рис. 74. Дён-терек. План и разрезы раскопов объекта № 8.
1 — уголь; *2* — плиты; *3* — деревянные столбы; *4* — граница слоя сплошного залегания черепицы; *5* — угольно-золистый слой; *6* — зола; *7* — материк; *8* — серая земля; *9* — бурый гумус.

Рис. 75. Дён-терек. Остатки здания № 8. Вид с севера.

Рис. 76. Дён-терек. Здание № 8. Черепичные желоба из развалин павильона (раскоп I).

чтобы помочь найти место, где стояли львы, к нам прислали старожила тувинца Оюн Пичи-оола (73 лет). Он быстро привел нас в урочище Базырт-даш (название происходит от бывших здесь каменных фигур), расположенное на левом берегу р. Карасук (по-русски Лубягин ключ), в 1—1,5 км к западу от Дён-терека. Здесь среди кустов была ровная поляна, заросшая очень высокой травой. Ни ям, ни бугров, ни обломков камней я здесь не обнаружил. Впрочем, это само по себе ничего не значило, так как здесь могла быть грунтовая

могила или подземный склеп, на котором сверху, кроме изваяний, ничего не было Оюн Пичи-оол рассказал, что здесь стояли друг возле друга «пар» (т. е. тигр) и «арслан» (т. е. лев), совсем целые, с четко различимыми глазами, носом, ушами и т. д.[52]. Между ними находился квадратный камень с углублением. В 1926 г., по его рассказу, русские вывезли все это в Малую Атамановку, а куда дели дальше, — он не знает[53].

Этот рассказ не оставляет никаких сомнений, что в урочище Базырт-даш располагалось кладбище жителей древнего города в Дён-тереке; потому-то здесь и стояли каменные изваяния львов — охранителей могил. Далее, при изучении литературы и архивов эти сведения подтвердились. Оказалось, что финский ученый И. Г. Гранэ, посланный в 1906—1907 гг. в Туву и Монголию для розыска «рунических» надписей, в 1907 г. проезжал по правой стороне Элегеста и в 0,5 км от берега видел и сфотографировал «древнее жертвенное место, окруженное лесом»[54]. По фотографиям и описанию видно, что в Базырт-даше, действительно, стоял каменный «жертвенник» прямоугольной формы с квадратной (меньшего размера) «подушкой» сверху, в которой имелось круглое углубление. Это, очевидно, пьедестал для колонки-обелиска с эпитафией[55]. По обе стороны, мордами на восток, лежали каменные львы с «волнистой шерстью», а в нескольких метрах к северу, головами на юго-восток, находились два поврежденных «барана»[56]. Здесь было средневековое кладбище с надмогильными статуями животных.

* * *

В 7 км ниже городища Дён-терек, на правом берегу р. Элегест, расположены старые (Межегейские) каменноугольные шахты. В 1952—1956 гг. это месторождение изучала геологическая партия. Один из рабочих геологической партии рассказал нам, что при проходке шахтного ствола открыты древние штреки со сгнившими крепями из тополя. Там нашли «обливную азиатскую чашку», т. е. глазурованный сосуд типа пиалы. Там же, в поселке Шахты, при рытье котлована под

[52] Подобную грунтовую могилу XIII в. мы раскопали в 1958 г. на кладбище близ города Оймак на Улуг-Хеме. Здесь аллеей стояли каменные изваяния людей, львов и баранов; см. H. Appelgren-Kivalo. Altaltaische Kunstdenkmäler. Helsingfors, 1931, рис. 334—339.

[53] Время совпадает с пребыванием здесь С. А. Теплоухова, но он к вывозке этих изваяний не причастен, так как нигде в его дневниках никакого упоминания о львах в этой местности нет.

[54] J. G. Granö. Archäologische Beobachtungen von meinen Reisen in den nördlichen Grenzgegenden Chinas in den Jahren 1906 und 1907. «Journal de la Société Finno-Ougrienne», XXVI, Helsinki, 1909, стр. 46, табл. XII, *39*.

[55] Обломки граненого обелиска найдены нами при раскопках синхронного кладбища близ городища Оймак; см. Л. Р. Кызласов. Средневековые города Тувы. СА, 1959, № 3, стр. 80.

[56] Этих же львов и баранов «на степи по р. Улярику (притоку Элегеста)» видел и сфотографировал 25 августа 1915 г. А. В. Адрианов; см. его дневник для записи фотоснимков экспедиций 1915—1916 гг. в архиве музея ТГУ, № 79.

электростанцию нашли «глиняные трубы» (т. е. черепицу), квадратные обожженные кирпичи 25×25 см и обломки серой посуды.

Эти сведения, в сопоставлении с упомянутыми выше находками каменного угля, шлаков и кокса при раскопках почти всех объектов городища Дён-терек, не оставляют сомнения в том, что старые Межегейские каменноугольные шахты около 700 лет назад разрабатывались жителями Дён-терека.

* * *

Город в урочище Дён-терек существовал сравнительно короткий срок в первой половине XIII в. Свидетельством тому служат материалы раскопок столицы монгольской империи XIII—XIV вв. — города Кара-Корума (Хара-Хорин), произведенных в 1948—1949 гг. Советско-монгольской экспедицией под руководством С. В. Киселева [57].

Датировку Дён-терека первой половиной XIII в.[58] подтверждают и все остальные материалы из раскопок его памятников.

В докладах и в предварительном сообщении о раскопках городищ Дён-терек и Оймак в Туве, напечатанном в 1959 г.[59], я относил их к концу XII в. и началу XIII в., допуская, что Дён-терек, «видимо, является центром северной провинции государства кара-китаев» [60]. Эта моя датировка и интерпретация материалов вошли в некоторые опубликованные работы [61]. Однако целый ряд важных фактов, открывшихся в последнее время, и углубленное изучение исторических данных заставляют меня отказаться от старой точки зрения и считать, что эти города возникли только в начале XIII в. и связаны с культурой смешанного населения, сложившегося после завоевания Тувы монголами в 1207 г.

Прежняя точка зрения явилась следствием преувеличенных представлений, нашедших отражение в нашей исторической литературе, об империи киданей (Ляо; 916—1125), якобы включавшей в себя часть районов Саяно-Алтайского нагорья [62], и об империи монголоязычных кара-китаев (Си-Ляо; 1130—1211), которая, имея центр в Семиречье, якобы на севере достигала верховьев Енисея [63].

Что касается первой точки зрения, то детальный анализ источников доказал, что западная граница империи Ляо проходила по р. Орхон, где стоял крайний опорный пункт киданей — город Кэдуньчэн (бывший древний уйгурский город

[57] См. вторую часть настоящей книги, а также С. В. Киселев. Древние города Монголии. СА, 1957, № 2.

[58] В этот период появился и город Оймак на р. Боянгольчик; см. Л. Р. Кызласов. Ук. соч., стр. 78—80.

[59] Л. Р. Кызласов. Ук. соч., стр. 75—80.

[60] Там же, стр. 75.

[61] С. В. Киселев. Древние города Забайкалья. СА, 1958, № 4, стр. 107, 109.

[62] Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев. М.—Л., 1953, стр. 99, 100.

[63] В. В. Бартольд. Очерк истории Семиречья. Фрунзе, 1943, стр. 33; его же. Киргизы. Фрунзе, 1927, стр. 28.

Хэтунь, т. е. Хатун). Кидани и кара-китаи никогда не владели ни верховьями Енисея, ни Алтаем [64].

Во втором случае включение верховьев Енисея в состав империи кара-китаев было основано на неясном по чтению месте из «Тарих-и джехангушай» Джувейни, где указываются пределы кара-китайского государства. Там упоминается область «Кум-кичжик» (в переводе Д'Оссона) [65], которую В. В. Бартольд читал Кем-кемчик [66], хотя позднее указывал, что границы эти «определены в тексте Джувейни не вполне ясно; произношение приведенных там географических названий не может быть точно установлено; возможно, что северным пределом империи гурханов названы местности по реке Кем» [67].

Однако последнее критическое изучение текста Джувейни выявило, что там сказано «Кум-кипчак» [68], и, следовательно, всякий разговор о верховьях Енисея по этому тексту отпадает. Это тем более верно, что в другом месте Джувейни, сообщая о движении киданей (во главе с Елюй-даши в 1130 г.) из Монголии в Среднюю Азию, пишет следующее: «Когда они подошли к границе киргиз, они нападали на племена, которые были в тех пределах, а то племя (киргизы) также оказывало им противодействие. Оттуда они тоже двинулись, пока не достигли Имиля. Там они основали город, от которого теперь остались только развалины» [69]. Отсюда ясно, что кидани, получив отпор от кыргызов на южных границах Тувы, не только не захватили верховьев Енисея, но были вынуждены отойти на р. Имиль в район современного города Чугучака в Джунгарии, где основали свой город, а оттуда двинулись дальше в Семиречье. О том, что Тува (Кэм-кэмджиут, т. е. Кем-кемчик) с 840 г. по 1207 г. включительно входила в состав государства средневековых хакасов (во главе которых стояли кыргызы) [70] и не могла принадлежать кара-китаям даже во второй половине XII в., свидетельствует анализ данных Рашид-ад-Дина в его знаменитом сочинении «Джами ат-таварих». Здесь сказано, что «Киргиз и Кэм-кэмджиут две области смежные друг с другом; обе они составляют одно владение» [71]. В другом месте определенно указывается, что в 1198—1199 гг. область Кэм-кэмджиут принадлежала «к местностям, входившим в область киргизов» [72], где в 1207 г. правил

[64] Об этом см. K. A. Wittfogel and Feng Chia-shêng. History of chinese society Liao. New York, 1949, стр. 657.

[65] Д' Оссон. История монголов от Чингиз-хана до Тамерлана, т. I. Иркутск, 1937, стр. 246, 247.

[66] В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II. СПб., 1900, стр. 396—398.

[67] В. В. Бартольд. Киргизы, стр. 28.

[68] Ала-ад-дин Ата мелик Джувейни. Тарих-и джехангушай (Истории завоевателей мира). Перевод Н. Н. Туманович. Хранится в рукописном фонде Института истории АН Киргизской ССР, № 1693, стр. 87.

[69] Там же, стр. 86.

[70] Л. Р. Кызласов. О южных границах государства древних хакасов в IX—XII вв. Ученые записки Хакасского НИИЯЛИ, вып. VIII, Абакан, 1960.

[71] Рашид-ад-Дин. Сборник летописей, т. I, кн. 1, М.—Л., 1952, стр. 150.

[72] Там же, т. I, кн. 2, М.—Л., 1952, стр. 112 и 250.

последний «киргизский эмир» [73]. Монгольская хроника 1240 г. также свидетельствует, что при завоевании верховьев Енисея в 1207 г. Джучи имел дело с «киргизскими нойонами», которые господствовали в этом районе [74].

Таким образом, города описанной выше архитектуры [75] могли появиться в Туве только при монголах после 1207 г., что подтверждается приведенными выше письменными источниками и выявленным нами в 1960 г. обстоятельством, что все известные здесь остатки городов XIII—XIV вв. лишены стен и укреплений [76]. Вернемся к археологическим материалам из Дён-терека, свидетельствующим о датировке города первой половиной XIII в. Прежде всего — о монгольских типах наконечников стрел (рис. 39, *1—3*), которых не было в Саяно-Алтае в XI—XII вв., но они найдены при раскопках Кара-Корума и других монгольских памятников XIII—XIV вв. В Кара-Коруме же встречены аналогичные ножницы (рис. 40, *2*), жернова (рис. 35) и совершенно подобная серая посуда, сделанная на круге, в том числе и миниатюрные чашечки [77].

Как нами указывалось выше, почти во всех раскопанных зданиях Дён-терека найдены обломки глазурованной столовой посуды, фарфора и селадона. Все это изделия, хорошо датирующиеся XI—XII вв. [78] В Дён-тереке найдены следующие типы глазурованной сунской посуды [79]:

1. Фаянс с голубой или сиреневой глазурью. Имеет второй подглазурный желтый слой.

2. Фаянс с черной или коричневой, бурой глазурью.

3. Фаянс с черной или бурой глазурью, с прорезными рисунками—широко употреблявшаяся «народная» посуда простой выделки.

4. Фарфор черный, со светлыми подглазурными пятнами. Узор наносится заячьей кистью. Для узора использовались естественные красители.

5. Фарфор белый. Вообще бывает много разновидностей этого фарфора — белый, черный и «рисового» цвета. Иногда орнаментирован узорами.

6. Селадон северный с серовато-зеленой глазурью (с краклэ).

Таким образом, все это привозная посуда. Совершенно аналогичные сосуды

[73] Там же, стр. 151 и 253.

[74] С. А. К о з и н. «Сокровенное сказание». М.—Л., 1941, стр. 174, 175.

[75] Прежней моей ошибке способствовало также мнение В. В. Бартольда («История культурной жизни Туркестана», Л., 1927, стр. 81) о том, что «кара-китаи принесли с собою усвоенную ими на их прежней родине китайскую культуру».

[76] Все города Северного Китая периодов киданьской династии Ляо и чжурчженьской династии Цзинь, а также собственно китайские города времени династии Сун всегда были укрепленными. Только у городов монгольского времени (XIII—XIV вв.) стен нет — ср. Хирхиринское и Кондуйское городища (С. В. К и с е л е в. Древние города Забайкалья).

[77] См. ниже, вторую часть настоящей книги, стр. 264.

[78] Ни разу не обнаружено типично киданьских или чжурчженьских сосудов; ср., например, R. T o r r i i. Sculptured stone tombs of the Liao dynasty, 1942; В. Я. Т о л м а ч е в. Древности Маньчжурии. Развалины Бэй-Чэна. Вестник Маньчжурии, Харбин, 1925, № 1—2.

[79] Ни одного черепка юаньского времени не обнаружено.

найдены и в Кара-Коруме, где посуда времени собственно монгольской Юаньской династии малочисленна [80].

Отсутствие в Дён-тереке юаньской, киданьской и южносунской посуды, типы которых весьма распространены среди находок из Кара-Корума [81], также свидетельствует в пользу более ранней даты Дён-терека, т. е. первой половины XIII в.

Хотя основной материал Кара-Корума и Дён-терека различный, но отмеченные выше черты сходства материальной культуры говорят о наличии слоев первой половины XIII в. и в Кара-Коруме, что не удивительно, ибо он основан еще при Чингисхане в 1220 г.[82] Это видно также по сходству некоторой части скульптурных украшений зданий. В Кара-Коруме обнаружены три обломка налепных рогов драконов, воспроизводящих оленьи рога, с рельефных декоративных облицовочных плит; эти рога совершенно подобны найденным в Дён-тереке (рис. 57). Об этом же свидетельствует сходство формы отливов желобов дён-терекских черепиц с найденными в центральном квартале Кара-Корума [83], резко отличающимися от фигурных капельников дворца Угэдэя [84], построенного в 1235—1241 гг. [85] Там же встречен круглый налеп с личиной в окружении жемчужника, украшавший полуцилиндрическую черепицу, сходный с налепом из Дён-терека (рис. 53). Все это, таким образом, позволяет заключить, что, несмотря на значительные отличия кара-корумских материалов от дён-терекских (это не удивительно, ибо Кара-Корум существовал до 1380 г.), у них есть и сходство, возможное только для первой половины XIII в.

Скульптурные головы драконов из Дён-терека, судя по пазам для болтов, укреплялись на концах гребней крыши. Хотя все они тождественны до мельчайших деталей (за исключением размеров), но делались всякий раз индивидуально, что свидетельствует о большой традиционности изображений и великолепном мастерстве дён-терекских скульпторов. Близкие им образцы происходят с монгольских и чжурчженьских городищ [86], но только для периода XII в. — начала XIII в., так как головы драконов эпохи Юань уже значительно отличаются от дён-терекских [87].

Некоторое объяснение назначению этих скульптур мы находим в словах Ли Цзэ, архитектора эпохи Сун: «После того, как сгорел Бо-лян-дянь (Кипарисовый дворец),

[80] Л. А. Евтюхова. Керамика Кара-Корума — см. стр. 216 настоящей книги.

[81] Кара-корумская глазурованная посуда отличается от дён-терекской еще наличием надписей тушью на донцах.

[82] С. В. Киселев. Древние города Монголии, стр. 99. Вероятно, там и раньше было какое-то поселение (там же, стр. 98).

[83] С. В. Киселев. Из истории китайской черепицы, рис. 12, *а*.

[84] Там же, рис. 12, *б*.

[85] Рашид-ад-Дин. Ук. соч., т. II, стр. 40, 41.

[86] Обломки голов драконов с «хоботовидными» носами см. в музее г. Владивостока, № 512— оттуда же — накладные рога (№ 512—7 и 512—9).

[87] Это также четко выявилось при раскопках на Межегейском городище в 1960 г., где нами найдены головы драконов второй половины XIII в.—начала XIV в.

приехавший с юга прорицатель сказал: „В море есть чудище; хвост рогатого дракона подобен чи (ушастой сове); расплещет волны и ниспадет дождь". Вслед за этим (прорицатель) сделал его изображение и поставил на крышу в качестве одолевающего огонь знамения. В старину люди, вероятно, называли его „клювом совы", в этом нет сомнений» [88]. Отсюда видно, что головы драконов из Дён-терека были предназначены «охранять» здания от пожаров. Поэтому, вероятно, на крыше устанавливались также терракотовые изображения «холодного», уже застывшего пламени (рис. 58) [89].

Схематические изображения чи-вэй (хвост в виде ушастой совы) на краях гребней крыш сохранились вплоть до современности.

Однако сходные головы драконов, вероятно, бытовали параллельно; они сохранились, например, в Тибете на крыше известного дворца Потала в Лхасе [90].

Датировка Дён-терека особенно четко прояснилась после раскопок в 1960 г. Межегейского городища, материалы которого значительно отличаются от дён-терекских и целиком уже относятся к XIII—XIV вв. (1260—1368). Оказалось, что после того, как город в урочище Дён-терек был по каким-то причинам заброшен, во второй половине XIII в. новый центр области Илан-чжоу, более крупный город, был построен на левом, противоположном берегу р. Элегест, всего в 2,5 км к северо-востоку от старого.

Итак, памятники Дён-терека характеризуют нам культуру наиболее раннего города монгольского периода, относящегося к первой половине XIII в. Его архитектурные памятники сохранили прекрасные образцы архитектурного декора и скульптуры высокой школы. На этом примере мы наглядно видим, какие формы оседлой городской культуры стали складываться в ранний период монгольской империи.

В число жителей города входила какая-то часть местного тюркоязычного населения Тувы того времени, очевидно, живших здесь уже с середины IX в. хакасов (кыргызов) [91], которые использовались в качестве земледельцев и жили на военно-хлебопашеских поселениях [92]. Мы уже сообщили выше о находках на городище обломков местной хакасской посуды, сделанной от руки (рис. 44, *1*, *2*, *4*), остатков берестяных туясов, игральных астрагалов (рис. 38), мочеотводной трубки детской колыбели тюркского типа (рис. 37, *1*). Все эти находки оставлены тюркоязычными жителями Дён-терека.

* * *

Особого внимания заслуживает умение жителей города вести поиски и разработку местных полезных ископаемых и строительных материалов. В раскопанных жилищах обнаружено много каменного угля, которым зимой отапливались каны. При остатках металлургических мастерских найден кокс, выжженный, как пока-

[88] Тун Чжу-чэнь. Ук. соч., стр. 25.

[89] Оформление архитектурных памятников изображением пламени известно уже с VI в.

[90] L. Jisl, V. Sis, J. Vaniš. Tibetische Kunst. Prag (без года издания), табл. 111.

[91] Большой хакасский могильник IX—XII вв. раскопан нами у горы Шанчиг в 1956, 1957 и 1960 гг.

[92] См. Л. П. Потапов. Ук. соч., стр. 106.

зали анализы, из элегестинского угля. Уголь добывали не только в шахтах, но и открытым способом в горах по течению р. Элегест, где угольные пласты выходят на поверхность.

Анализы найденных кусков железной руды и шлаков позволили установить, что металлурги использовали разные руды, добывавшиеся в рудниках Тувы. Употреблялся магнитный железняк из месторождений на р. Ондум (близ г. Кызыла) и Деспен (южный склон Танну-Олы), а также бурый железняк из известного Карасукского месторождения. Рудокопы в то время уже добывали соль в соляной горе Дус-Даге около оз. Убсу-нур [93], которую через перевалы в верховьях Элегеста доставляли в Илан-чжоу.

Из строительных материалов, кроме алебастра, гипса и камня, мастерам были известны хорошие местные глины, из которых с примесью железистых илов они изготовляли разнообразную превосходную посуду, звонкую синюю черепицу, крепкий кирпич и облицовочные плиты, а также обожженную скульптуру.

Многочисленные находки, обнаруженные при раскопках города, свидетельствуют о том, что это был центр ремесленного производства. Металлурги не только получали железо в глиняных сыродутных горнах, но, вероятно, уже выплавляли чугун в небольших домницах с использованием кокса [94]. Они плавили золото и серебро в особых небольших глиняных тиглях. Кузнецы изготовляли самые разнообразные железные изделия, начиная от гвоздей и ножей до оружия и земледельческих орудий.

Особо высоким было гончарное ремесло. Гончары применяли ножной круг, на котором искусно и в большом количестве изготовляли серые сосуды разных форм — от больших глиняных бочек до изящной столовой посуды [95].

Каменотесы изготовляли надгробные статуи, жернова для мельниц, бруски для точки ножей и т. п. Большое развитие получило ткацкое ремесло. Поселенцы в Туве занимались «тканьем шелковых материй, флёра, парчи и цветных материй». Работали и мастера-косторезы.

Но жители города занимались не только горным делом, ремеслом и строительством. Сеяли не одну пшеницу, но и ячмень, просо и другие культуры. Зерна и солома ячменя и пшеницы были встречены как примесь в обмазке стен зданий, а чешуйки проса, вместе с кучками зерен конопли, неоднократно найдены при раскопках. Земледелием здесь занимались местные тюркоязычные в основном племена, у которых земледелие, основанное на искусственном орошении, было высоко развито в предшествующее время — в период хакасского государства (IX—XII вв.).

По-видимому, вся оросительная сеть, созданная в Туве во времена древнехакасского государства, продолжала эксплуатироваться и при монгольском влады-

[93] В 1946 г. в Дус-Даге найден засолившийся труп погибшего при обвале древнего солекопа в хорошо сохранившейся одежде того времени.

[94] Куски чугуна и кокса встречены при раскопках.

[95] Кроме посуды местного изготовления, использовались в быту горожан привозные разнотипные по форме, разноцветные глазурованные сосуды, а также чаши из высококачественного селадона, фарфоровая и стеклянная посуда.

честве, тогда как в самой Хакасии каналы были разрушены. К этому периоду относятся находки железных кетменей, особенно удобных для расчистки каналов и выпускания воды на поля. Лучшие, хорошо засеваемые пахотные земли того времени лежали у северного подножия хребта Танну-Ола, где как раз расположена большая сеть древних оросительных каналов. В Тандинском районе были покрыты каналами земли от поселка Элегест до поселка Кочетово и далее на восток до Бай-Хака, Сосновки и оз. Чагатай. Конечно, существовали и богарные посевы по пологим склонам небольших безлесных гор Центральной Тувы.

Пахали в основном плугами с железными лемехами и чугунными чечевицеобразными отвалами. Эти части плугов того времени неоднократно обнаруживались на территории древней области Илан-чжоу [96].

Жали хлеба железными серпами, обломки которых найдены на городище. Для помола, как говорилось, употребляли ручные жернова плоские, с насечками. Кроме них, при раскопках встречены каменные песты для ступ-крупорушек, подобные современным хакасским и тувинским (даш-бола).

Судя по многочисленным костным остаткам, население городов и поселений занималось также животноводством, охотой и рыбной ловлей. При раскопках найдены кости крупного и мелкого рогатого скота, лошадей, верблюдов, собак, сибирской косули, оленей, лисиц и рыб. Особенно следует отметить многочисленные кости свиньи, которую в Туву завезли из других мест, так как до начала XIII в. домашняя свинья там не была известна.

Таким образом, жители города, как свидетельствуют все виды источников, производили различные материальные блага — и продукты разнообразного ремесла, и продукты интенсивного земледелия. Однако всем этим пользовались не непосредственные производители, а монгольские феодалы. В том-то и заключался смысл создания военно-пахотных поселений, чтобы, опираясь на охранные гарнизоны, вывозить хлеб, оружие и ремесленные изделия в Монголию для материального обеспечения новых завоевательных походов, для удовлетворения потребностей крупных монгольских феодалов.

Л. Р. КЫЗЛАСОВ

[96] Находки хранятся в музее г. Кызыла.

II

КАРА-КОРУМ – СТОЛИЦА ДРЕВНЕЙ МОНГОЛИИ

ИЗ ИСТОРИИ КАРА-КОРУМА

На протяжении почти 600-километрового течения Орхона один участок долины этой живописнейшей реки Монголии в течение многих веков был центром крупнейших событий в жизни Срединной Азии (рис. 77). Это та часть долины, которая начинается от выхода Орхона из тесных ущелий Южного Хангая и простирается до широты оз. Угэй-нур, где ее пересекает историческая дорога, идущая по Монголии в широтном направлении от Улан-Батора через Цецерлиг на Улясутай и Кобдо. В этом месте долина сильно расширяется благодаря тому, что не только сам Орхон размывал здесь горы, но ему помогали и его притоки, и среди них — Хухшин-Орхон, интересный тем, что свыше 25 км он течет параллельно с Орхоном, в 7—10 км к востоку от него, вдоль восточного края долины. Тучные пастбища и плодороднейшие земли (рис. 78) в сочетании с наиболее благоприятным в Центральной Монголии микроклиматом издавна привлекали сюда народы, устанавливавшие на тот или иной срок свое господство над Центральной Азией. Всего 50 км отделяют трактовый мост у Угэй-нура от выхода Орхона из теснин Хангая, но сколько памятников мировой известности расположено там!

В каких-нибудь 10 км к югу от угэй-нурского моста на левом берегу р. Орхон высятся величественные развалины Хара-балгаса (Черного города) — остатки крепости и обширных городских кварталов Орду-Балыка, столицы могущественного уйгурского ханства, подчинившего всю Центральную Азию в VIII—IX вв. До сих пор видны следы непоправимых разрушений, нанесенных этому огромному городу и его цветущим окрестностям енисейскими хакасами—кыргызами, ниспровергнувшими в 840 г. власть ненавистного «хойхорского хана».

Посередине этого, в подлинном смысле исторического отрезка долины Орхона, среди возвышенностей его правого, восточного берега находится равнинное место Кошо Цайдам, где расположены погребальные памятники двух крупнейших деятелей другого государства, предшествовавшего уйгурскому ханству, каганата Туг'ю — государства орхонских тюрок, господствовавшего в Центральной Азии с VI в. по VIII в. Здесь русскими учеными Н. М. Ядринцевым, Д. М. Клеменцом и В. В. Радловым были открыты потрясшие весь ученый мир конца XIX столетия

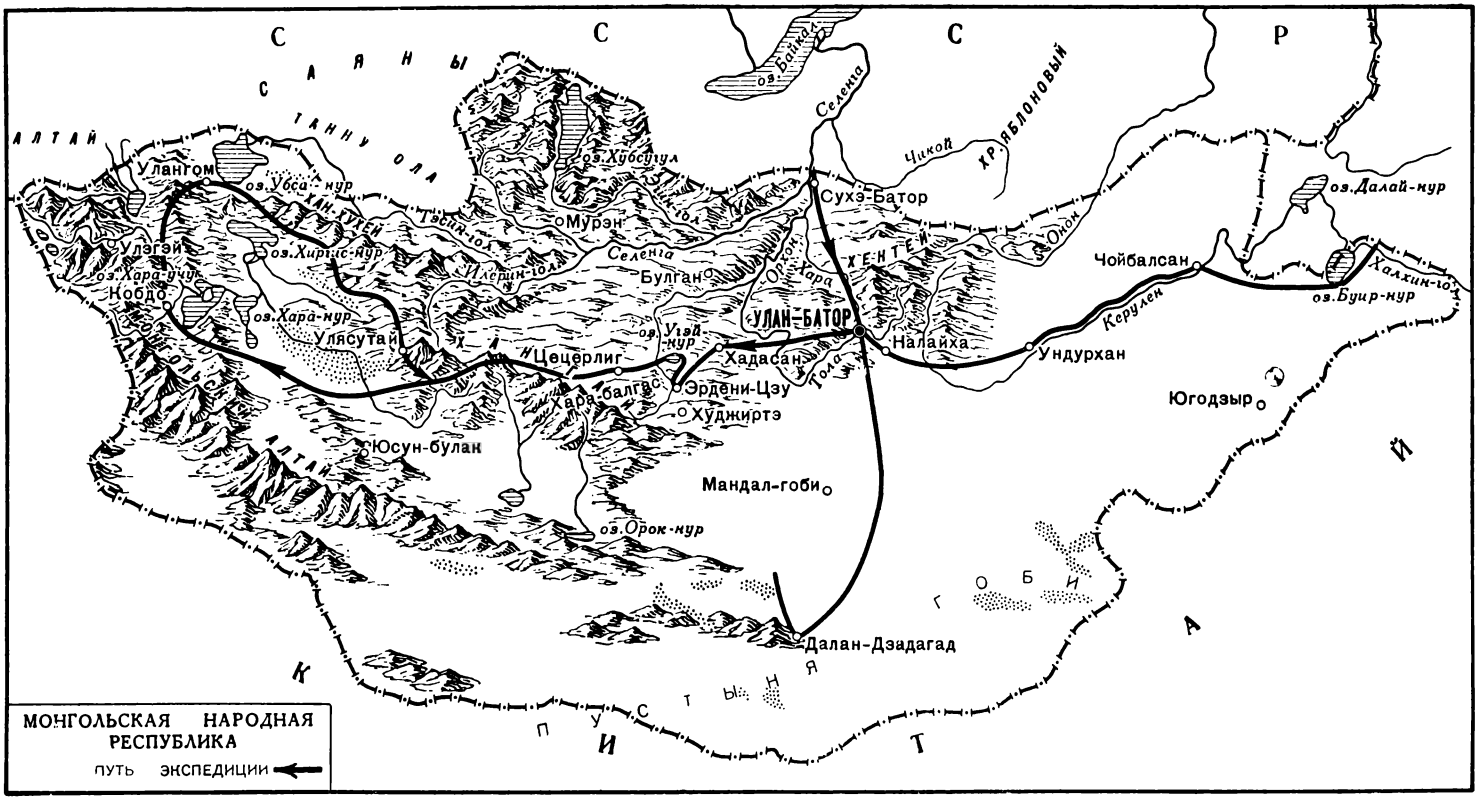


Рис. 77. Карта маршрута Монгольской историко-этнографической экспедиции Академии Наук СССР и Комитета Наук МНР в 1948—1949 гг.

Рис. 78. Степь в окрестностях Эрдэни-Цзу.
(Все фотографии во время экспедиции в Монголии выполнены Л. А. Евтюховой).

памятные стелы Бильгэ-кагана и его брата, прославленного полководца Кюль-тегина. Это позволило расшифровать таинственные надписи орхонского рунического письма, служившего многим тюркоязычным народам на огромном пространстве от Забайкалья до Алтая и от Среднего и Верхнего Енисея до долин Или, Чу и Таласа (в Киргизской ССР).

Дешифровка орхонских надписей, а затем селенгинских, енисейских и таласских осветила большой период в истории Центральной Азии и Южной Сибири, вывела на арену истории многие племена и народы, о которых до этого историки знали только из кратких сообщений официальных хроник китайского двора. Документы орхонской письменности позволили понять внутреннюю жизнь этих народов, их экономический и социальный строй, особенности государственного устройства.

В 20 км от Кошо Цайдама на правом берегу р. Орхон, у подножия северных и восточных склонов Хангая, уже издали видны путешественнику белые субурганы и сверкающие поливной черепицей кровли храмов древнейшего «оседлого» монастыря Монголии, основанного в 1585 г., — знаменитого Эрдэни-Цзу. Этот выдающийся памятник монгольского зодчества, современник храма Василия Блаженного в Москве, хранит множество реликвий средневековой монгольской культуры. Особенно замечательны его древнейшие храмы и украшающие их росписи на религиозные, военные и бытовые темы, еще ждущие своих исследователей (рис. 79). Но, кроме того, Эрдэни-Цзу — это хранилище важнейших памятников начальной истории монгольского государства эпохи Чингисхана и его преемников. Дело в том, что он основан в непосредственной близости от другого выдающегося памятника монгольской

истории. Сейчас же за его северными воротами (рис. 79, *2*), на 2 км к северу, раскинулись холмы и валы, скрывающие в себе стены, дома и дворцы Кара-Корума (кит. Холинь, монг. Хара-Хорин) — столицы монгольского государства Чингизидов XIII—XIV вв. (рис. 80).

Неправильный четырехугольник городской территории, несколько суженной к югу, ограничивают невысокие валы и еле заметный ров. На этой площади — множество всхолмлений, расположенных, однако, далеко не по всему городищу. Следы развалин группируются, главным образом, вдоль двух главных улиц, идущих с юга на север и с востока на запад. Остальные площади города застроены слабо. Вероятно, там стояли юрты. Это вовсе не говорит о временном заселении кварталов; ведь еще и сейчас значительная часть постоянных обитателей монгольских городов живет в юртах, приспособленных для долговременного проживания на одном месте, окруженных высокими изгородями и надворными постройками. В такие городские дома-юрты проведено теперь электричество и на теплое время даже водопровод.

Особое внимание привлекает юго-западная часть Кара-Корума, где на берегу искусственного озера, в которое вода была проведена за 5 км из Орхона, расположены остатки знаменитого дворца Угэдэя, так живо описанного Вильгельмом де Рубруком.

Ниже мы детально познакомимся с результатами археологических исследований Кара-Корума, позволивших воссоздать в известной мере его внешний облик и внутреннюю жизнь. Но прежде чем сделать это, необходимо хотя бы в основных чертах напомнить его историю и те важнейшие вопросы, которые вставали перед его историками на протяжении более 150 лет изучения этого города.

* * *

Кара-Корум неоднократно упоминается письменными источниками, которые рисуют его как важнейший центр древнемонгольского государства эпохи наивысшего его подъема. Сведения о нем разбросаны в китайских летописях — прежде всего в «Тхун-цзянь-ган-му» и «Истории Юань», в знаменитом «Собрании летописей» Рашид-ад-Дина, а также у европейских путешественников, посетивших Монголию при Чингизидах, — Плано Карпини, Вильгельма де Рубрука, Марко Поло. Особенно важны описания Рубрука, лично посетившего город в 1253 г. Все эти сведения подчеркивают значение Кара-Корума.

По описаниям, город был не только ставкой Великого хана, но и крупным ремесленным и торговым центром; это усугубляет значение исследования Кара-Корума, так как городская жизнь, характер ремесла и торговли древней Монголии до сего времени не только не были, но и не могли быть изучены из-за отсутствия материалов. Однако все сведения письменных источников о монгольской столице (пожалуй, кроме описаний Рубрука) отрывочны и неопределенны. Основываясь на них, невозможно было даже установить сколько-нибудь точно местонахождение города, хотя подобные попытки предпринимались неоднократно.

В 20-х годах XIX в. французский ориенталист Абель Ремюза посвятил этому вопросу специальное исследование «Recherches sur la ville de Kara-Korum» [1]. Им

[1] A b e l R e m u s a t. Mémoires sur plusieurs questions relatives à la géographie de l'Asie Centrale. Paris, 1826.

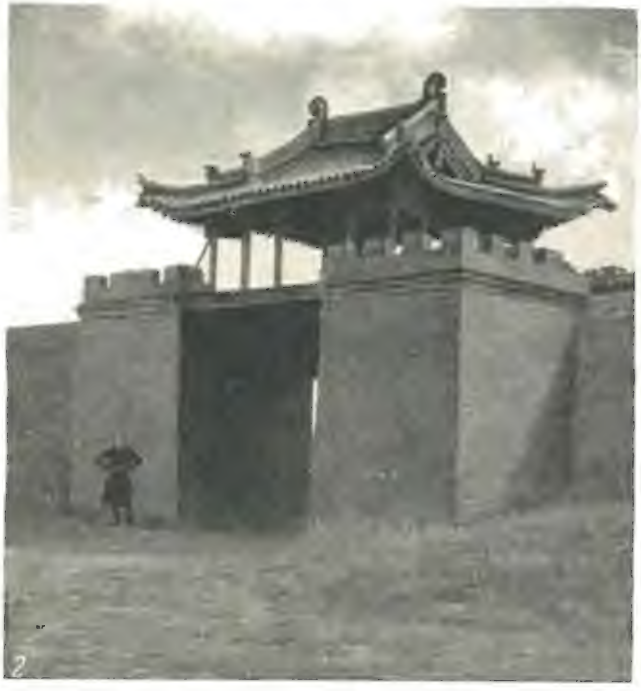


Рис. 79. Эрдэни-Цзу. Храм XVI в. (*1*) и северные ворота монастыря (*2*). (Сейчас же за воротами к северу начинаются развалины Кара-Корума).

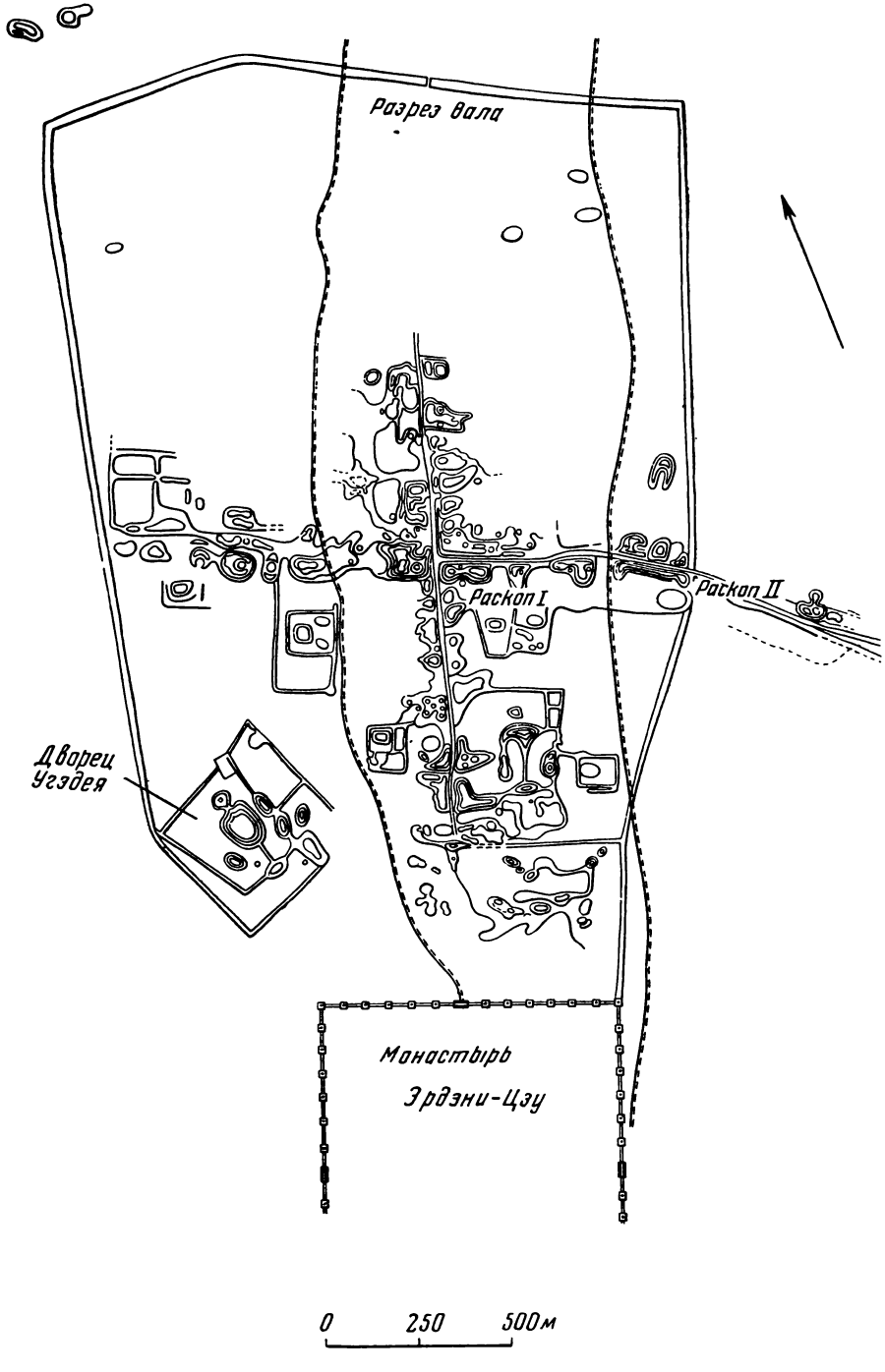


Рис. 80. Кара-Корум. Схематический план города.

произведен тщательный анализ сведений китайских летописей, прежде всего истории династии Тан (Тан-шу). Однако длительные географические штудии, многочисленные вычисления и сопоставления привели его лишь к выявлению летописной традиции: «К востоку от города (Кара-Корума) невозделанные равнины, с запада он (Кара-Корум) граничит с горой Ou-te-Kian, с юга омывается рекой Wen Kouen (Орхон). На севере в 600 или 700 лье находится река Sian'o (Селенга)». Начало Кара-Корума А. Ремюза ведет с 1234 г., когда, по сообщению летописей, Угэдэй окружил город стеной [2]. Точное местоположение города так и не было установлено. На это обратил внимание известный востоковед К. Д'Оссон: «Несмотря на разыскания, результаты которых приведены в указанных мемуарах, Абель Ремюза не определяет более точно расположение Кара-Корума. Известно также, что этот город находился на берегу Орхона. Ou-te-Kian было также названием одной из десяти рек — On-oreoun, на берегах которых в древности обитали уйгурские племена» [3]. Сам Д'Оссон ограничивается замечанием об основании в 1234 г. главной резиденции хана Угэдэя на берегу Орхона [4].

Путаница с локализацией древнемонгольской столицы повторяется и в более поздних изданиях. «Американская энциклопедия» даже в издании 1929 г. помещает город «около Урги» [5]. Впрочем, эта грубейшая и для нашего времени непростительная ошибка может быть объяснена лишь незнакомством с состоянием вопроса и небрежным обращением с источниками.

Вопрос о местонахождении Кара-Корума был решен после всесторонних исследований русских ученых, начавшихся еще во второй половине XIX в. В 1889 г. Н. М. Ядринцев обследовал остатки большого древнего города на правом берегу Орхона, у стен древнейшего монгольского монастыря Эрдэни-Цзу. Уже тогда он высказал обоснованное предположение о том, что это развалины столицы Чингизидов. Дальнейшее подтверждение этот вывод получил в трудах крупнейшего монголиста проф. А. М. Позднеева, который посетил развалины, а также подверг блестящему анализу все документы, касающиеся монастыря Эрдэни-Цзу. Прежде всего им была рассмотрена летопись Эрдэнийн-Эрихэ, по данным которой монастырь был основан в год «Женщины, дерева и курицы, называемый покровителем земли», т. е. в 1585 г. Абатай-ханом на берегу р. Орхон, у подножия южной стороны Хангая[6]. «В летописи «Эрдэнийн-Эрихэ», — пишет А. М. Позднеев, — место построения монастыря определяется еще более точно; она говорит, что Абатай воздвиг Эрдэни-Цзускую кумирню в том городе, в котором прежде жил Угэдэй-хан и который впоследствии был подновлен Тогон-Тимуром; находился он на северной стороне гор Шара-ачжира, иначе называемых Шан-хайту-ула, и в древности именовался Тахай» [7].

[2] Abel Remusat. Mémoires sur plusieurs questions relatives à la géographie de l'Asie Centrale. Paris, 1826, стр. 9, 10.
[3] C. D'Hosson. Histoire des Mongols. Amsterdam, 1834, t. II, стр. 60, 61.
[4] Там же.
[5] «The Encyclopedia Americana», NY, 1929, t. XVI.
[6] А. М. Позднеев. «Эрдэнийн-эрихэ», СПб., 1888.
[7] Там же.

В известном труде «Монголия и монголы» А. М. Позднеев определенно указывал на местонахождение Кара-Корума у монастыря Эрдэни-Цзу, в верхнем течении р. Орхон, на правом берегу его, у подножия южной стороны Хангая [8].

А. М. Позднеев обратил внимание на необходимость изучения эпиграфических источников, подтверждающих предложенную еще Н. М. Ядринцевым локализацию древней монгольской столицы. Источники эти были открыты на месте самого города задолго до начала археологических исследований. При строительстве зданий и стен монастыря Эрдэни-Цзу в 1585 г. широко использовались остатки каменных построек Кара-Корума, а также отдельные каменные плиты, в том числе плиты с ханскими указами и документами, укрепленные на больших, сохранившихся до сих пор каменных черепахах, установленных в разных концах города. Извлечение и использование подобного рода «материалов» продолжались и в более позднее время при неоднократных ремонтах и перестройках монастыря. Таким образом, в стенах, храмах и субурганах Эрдэни-Цзу оказались замурованными ценнейшие эпиграфические документы по древней истории монголов, по истории их столицы. Некоторые из таких документов были выявлены во время работ Орхонской экспедиции 1889 г., возглавлявшейся академиком В. В. Радловым.

Правда, В. В. Радлов, занимаясь, главным образом, памятниками тюркской, орхонской письменности VII—IX вв., уделил меньше внимания воспроизведенным им в «Атласе экспедиции» двум фрагментам древнемонгольской надписи с параллельным китайским текстом [9]. Однако он правильно отнес их ко времени хана Мункэ (1251—1259) и видел в них ценнейшее доказательство правильности локализации Кара-Корума около монастыря Эрдэни-Цзу.

В 1912 г. В. Л. Котвич обнаружил в Эрдэни-Цзу еще три фрагмента и установил, что все они принадлежат той же надписи, два обломка которой найдены и изданы В. В. Радловым. В. Л. Котвич заключил, что все эти фрагменты — остатки надписи, составленной Хин Юань-ко и упомянутой в китайском тексте «Сокровенного сказания» [10].

Дальнейшая работа над фрагментами из Эрдэни-Цзу, предпринятая известным французским синологом П. Пелльо, привела к новым открытиям первостепенного значения. В 1911 г. была переиздана литературная коллекция известного писателя монгольской эпохи Хиу Чжеу-жен (1287—1364). В ней оказалась длинная надпись, озаглавленная «Надпись, дарованная императором Хин Юань-ко». При сравнении выяснилось, что найденные в Эрдэни-Цзу фрагменты представляют части этой надписи. Она рассказывает о постройке в 1256 г. ханом Мункэ в К а р а - К о р у м е пятиэтажной ступы, дважды затем возобновлявшейся — в 1311 и 1346 гг. При последней перестройке ступа была названа «Постройка благоденствующих Юаней» и Хиу Чжеу-жену было приказано сочинить надпись, которая затем была отправлена в Кара-Корум и во фрагментах сохранилась до наших дней [11].

[8] А. М. П о з д н е е в. Монголия и монголы, т. I, СПб., 1896; т. II, СПб., 1898.

[9] В. В. Р а д л о в. Атлас древностей Монголии, I. СПб., 1899, табл. 41.

[10] В. Л. К о т в и ч. Монгольские надписи в Эрдэни-Цзу. Сб. МАЭ, V, Пгр. 1917.

[11] P. P e l l i o t. Note sur Karakorum. Journal Asiatique, t. CCVI, Paris, Avril—Juin 1925, стр. 372—375.

Это открытие П. Пелльо еще раз подтвердило, что развалины у Эрдэни-Цзу хранят в себе остатки Кара-Корума.

Таким образом, местонахождение города было точно установлено благодаря изучению письменных источников — летописей и эпиграфических памятников, а также было подтверждено археологическими раскопками [12].

Во время археологических исследований, проведенных в большом масштабе на городище Кара-Корума в 1948—1949 гг., был окончательно решен вопрос о местонахождении города и подтверждена традиция, впервые возникшая в русской науке после исследований Н. М. Ядринцева, А. М. Позднеева и В. В. Радлова.

Город предстал таким, каким описывал его Вильгельм де Рубрук — единственный из перечисленных выше европейских путешественников, несомненно, лично побывавший в Кара-Коруме (Плано Карпини, скорее всего, миновал его, как и Марко Поло, который знал Кара-Корум со слов своего отца или дяди). Совпадения результатов раскопок с описаниями Рубрука в ряде случаев поразительны. Подтверждена характеристика отдельных районов города, вскрыты остатки дворца, местоположение и особенности конструкции которого в значительной мере соответствуют описанию. Рубрук сообщает о торговле хлебом, которая велась у восточных ворот города. При раскопках установлено, что именно с восточной стороны к городу примыкали большие искусственно орошаемые пашни. Огромное количество металлических, глиняных, деревянных, костяных и стеклянных изделий и следы их производства согласуются с указанием Рубрука о ремесленных кварталах Кара-Корума (см. рис. 80).

Сотни монет, найденных при раскопках, десятки надписей на сосудах, печати, характерные фарфоровые и селадоновые чаши — все это позволяет, без всякого сомнения, отнести основную толщу культурного слоя (а на большей части городища — и весь слой) ко времени Чингизидов. Есть вещи, непосредственно свидетельствующие о том, что перед нами — развалины столицы, местопребывания ханской ставки. Это остатки покрывавшей дворец черепицы с красной поливной поверхностью. Черепица красного цвета могла, по долго сохранявшемуся обычаю, покрывать только ханский дворец. Очень важна находка деревянной печати с надписью, исполненной так называемым «квадратным письмом», означающей слово «иджи» — «приказание», с которого обычно начинались приказы императрицы.

[12] Правда, в 30-х годах Д. Д. Букинич, заложивший пробные раскопы на городище, у Эрдэни-Цзу усомнился в принадлежности его монгольской столице. Но это заблуждение было порождено неправильной методикой раскопок. Д. Д. Букинич заложил несколько маленьких шурфов, верхние слои которых оказались чрезвычайно насыщенными принадлежностями буддийского культа, относящимися к позднейшему времени.

Такие находки вблизи большого монастыря, функционировавшего 350 лет, совершенно естественны. Шурфы Букинича оказались, по-видимому, на местах мастерских, изготовлявших предметы культа (такие мастерские открыты и нами во время раскопок 1949 г.). Однако Д. Д. Букинич не только ограничился шурфами, но и не пошел в них глубже верхних слоев, предложив поэтому необоснованную и неверную датировку культурного слоя (см. отчет Д. Д. Букинича, хранящийся в Институте истории Академии наук МНР).

Много дали раскопки и для выяснения времени основания города. Этот вопрос долгое время решался неправильно. Древнекитайская всеобщая история — летопись «Тхун-цзянь-ган-му» указывает под 1235 г.: «Во второй месяц монголы обвели стеною Холинь (Кара-Корум)». Под этим же годом «История Юань» сообщает: «Седьмое лето, И-вэй. Весною хан обвел Холинь стеною и построил в нем дворец Вань-ань-гун». Н. Я. Бичурин, приведя эти сообщения, справедливо отождествлял Холинь с Кара-Корумом, говоря: «Хоринь, иначе Хара-Хоринь, тур. Кара-Корум» [13].

Эти древнейшие сведения китайских хроник повторялись более поздними летописями, на них основывались почти все исследователи, занимавшиеся историей города, которая, как правило, начиналась ими с 1234 или 1235 гг. Выше мы уже ссылались на наиболее осведомленных старых исследователей — Абеля Ремюза и Д'Оссона. К ним можно было бы прибавить многих других. Однако эта традиция устанавливала ошибочную слишком позднюю дату, чем несколько снижалось значение Кара-Корума в древнейшей истории Монголии. Эта поздняя дата была основана на неточном понимании отрывков летописей.

С попыткой пересмотра даты основания Кара-Корума выступил в 1925 г. П. Пелльо. Он обратил внимание на то, что разбиравшаяся выше надпись Хин Юань-ко, принадлежащая Хиу Чжеу-жену, начинается с важной фразы: «На пятнадцатый год святого императора и воителя Тай-цзу (Чингисхана), в год, отмеченный знаками Keng-tch'en, (1220), была основана столица в Houo-lin (Кара-Корум)». Такое же сообщение есть в «Юань-ши»: «В пятнадцатый год Тай-цзу (1220) было установлено господство к северу от реки и основана столица в этой местности (Кара-Корум)» [14].

Известно, пишет П. Пелльо, что Кара-Корум был окружен стеной и что беспрерывное строительство происходило здесь во времена Угэдэя в 1235 г.; поэтому чаще всего говорят, что он и был основателем Кара-Корума. Но ничто не мешает допустить, что Чингисхан основал здесь прежде свой главный лагерь, здесь он оставлял жен во время западных походов. Правда, «Секретная история монголов» не упоминает о городе в это время; нет сколько-нибудь определенных сведений о нем и у Рашид-ад-Дина. С другой стороны, вряд ли можно подвергнуть сомнению двойное свидетельство Хиу Чжеу-жена и «Юань-ши», которые опираются на исчезнувшую в 1329—1332 гг. летопись «Цинь-ши». Очевидно, считает П. Пелльо, монголы в XIV в. имели довольно достоверные данные по этому вопросу, и именно под 1220 г. у Рашид-ад-Дина в биографии Чингисхана в первый раз упоминается Кара-Корум. Таким образом, заключает П. Пелльо, Кара-Корум был избран как столица монголов в 1220 г.

Однако П. Пелльо не первым высказывает эту мысль. Обоснование новой даты, приведенное им, имеет, конечно, большое значение, но впервые правильная дата основания

[13] Иакинф Бичурин. История первых четырех ханов дома Чингисова. СПб., 1829, стр. 250, 251.

[14] P. Pelliot. Ук. соч., стр. 374.

Кара-Корума была указана за сто лет до П. Пелльо знаменитым русским синологом Н. Я. Бичуриным в комментарии к соответствующему месту «Истории Юань». Он писал: «Чингис-хан перенес сюда свой двор в 1220 году. Угэдэй, Куюк и Мункэ здесь же имели пребывание. Уже Хубилай в 1260 году перенес свой двор в Пекин. По описанию Монголии по северную сторону Хорини текла река Соргэ-гол, далее к северу — переправа Хухубухаская; на западе — речки Ми-гол и Хора-Хоринь, на юго-западе — теплые ключи, на юге — Онгинь-гол. По сему описанию Хоринь долженствовал находиться по восточную сторону Хангайского хребта, между реками Орхони и Тамира. Европейские миссионеры несправедливо положили ее место подле Хурган-улань-нора» [15].

П. Пелльо пытался также объяснить кажущееся противоречие между приведенными данными и сообщениями «Ган-му». Однако эта попытка его крайне неудачна. Он предполагает, что Кара-Корум Чингисхана и Кара-Корум Угэдэя — два разных города. Из них первый будто бы возник в 1220 г. на месте укрепленного лагеря найманов или кереитов, а второй построен Угэдэем в 1235 г. на новом месте. Никаких действительных оснований для версии о двух Кара-Корумах нет. П. Пелльо ссылается лишь на домыслы современных комментаторов сообщений Марко Поло и Рашид-ад-Дина.

В последнее время надписи Кара-Корума, уцелевшие в Эрдэни-Цзу, были вновь рассмотрены американским синологом-монголистом Фр. Кливсом. Этот исследователь также пришел к выводу о том, что Кара-Корум основан еще при Чингисхане в 1220 г.[16], подкрепил его новыми убедительными доказательствами.

Раскопки 1948—1949 гг. полностью подтвердили предложенную 130 лет тому назад Н. Я. Бичуриным дату основания древнемонгольской столицы и вместе с тем опровергли версию о двух Кара-Корумах. Наиболее важны для решения этого вопроса исследования дворца Угэдэя Вань-ань-гун, время постройки которого точно указано летописями (1235). Дворец стоял на искусственном холме, сложенном из чередующихся слоев песка и глины. Но холм был насыпан не на пустом месте. В подстилающих его слоях найдены остатки буддийской кумирни с цветными фресками, относящимися по стилю к XII в. или, скорее, к началу XIII в. Буддийские миссионеры, несомненно, проникли в эти далекие места лишь в связи с основанием поселения, и не простого поселения. Кумирня была разрушена и засыпана при постройке дворца. Но память о древнейшем буддийском храме жила много лет: после разрушения дворца и основания рядом с городом буддийского монастыря на холме были построены субурганы, покрывшие почти всю его поверхность. Храм, от которого сохранились остатки фресок, был, по-видимому, современником Чингисхана. Это новое доказательство возникновения Кара-Корума до постройки Угэдэем дворца Вань-ань-гун [17].

[15] Иакинф Бичурин. Ук. соч., стр. 250, 251.

[16] Fr. C. Cleaves. The Sino-Mongolian inscription of 1346. Harvard Journal of Asiatic Studies, v. 15, 1952, N 1—2, стр. 1—123.

[17] В этой связи интересно вспомнить следующее сообщение из «Ган-му»: «Хорин был княжий городок Хайхорского Пиця-хана, жившего при династии Тан». Цитировано по Н. Я. Бичурину (Иакинф Бичурин. Ук. соч., стр. 251).

Мы уже указывали, что датировка сооружения Кара-Корума 1235 г. была вызвана неправильным пониманием соответствующих мест китайских летописей. Таким образом, были искусственно созданы и противоречия, которых в действительности нет. Ни одна летопись не указывает на 1235 г. как на время основания города. И «Ган-му», и «Юань-ши» датируют этим временем лишь постройку дворца и стен. Мы произвели разрез городского вала Кара-Корума и выяснили его характер. Вал этот, на котором находился лишь обмазанный глиной плетневый полисад, имел не фортификационное, а чисто таможенное и полицейское значение. Создание его, несомненно, связано с широкими мерами по упорядочению административного аппарата монгольского государства, которые были предприняты в 30-х годах XIV в. ханом Угэдэем и его министром Елюй-Чуцаем.

В 1236 г., как сообщает «Ган-му», «монголы впервые сделали перепись народа в Китае и утвердили налоги». Комментируя этот факт, Н. Я. Бичурин пишет: «Вначале монголы старались только о приобретениях, и покоренных жителей тотчас раздавали генералам и офицерам. Самая малая деревушка принадлежала какому-нибудь владельцу и по управлению не имела связи с другими. Ныне хан указал учинить перепись народонаселению и возложил исполнение его на вельможу Хараху, и народ впервые причислен к областям и уездам» [18]. Количество налогов беспрерывно возрастало. «Вначале, — говорит Н. Я. Бичурин, — Елюй-Чуцай утвердил известное число серебра, с налогов получаемого. Ежегодно поступало в казну 500 тыс. ланов; когда же покорили Хэнань, то число семейств умножилось и сборы возросли до 1 100 000 ланов; ныне же туркестанец Уньдар-Хамар просил сбор податей отдать ему на откуп за 1 200 000 ланов. Елюй-Чуцай твердо настоял против сего, представляя, что можно получить пять миллионов ланов, если только сделать строжайшие предписания и скрытно отнимать все выгоды у народа. Он приводил разные опровержения: вид и голос его становились суровые. Монгольский государь сказал ему: „Приметно, что ты хочешь драться“. Елюй-Чуцай, не могши устоять в своем мнении, глубоко вздохнул и сказал: „От сего времени начинается истощение народа“» [19].

Военные и административные мероприятия Угэдэя и Елюй-Чуцая требовали беспрерывного поступления в казну крупных сумм. Деньги эти выкачивались из всех возможных статей. Одной из главных статей дохода были торговые пошлины. Торговля особенно развилась в это время, и важнейшим центром ее стал город, непосредственно примыкавший к ханской ставке. В культурном слое Кара-Корума, помимо большого числа монет, найдено много предметов, свидетельствующих об оживленных торговых связях города с Китаем, Средней Азией и другими далекими странами. В самом городе возникли интенсивно действовавшие ремесленные кварталы. В таких условиях понятна постройка стены, имевшей таможенное значение и охранявшей финансовые интересы хана. Создание ее не случайно совпадает с переписью населения и усилением налогового гнета. Со всеми этими мероприятиями, с укреплением и упорядочением внутренней жизни государства, с новыми задачами,

[18] Иакинф Бичурин. Ук. соч., стр. 250, 251.
[19] Там же, стр. 282.

вставшими теперь перед ханом, связана и постройка большого императорского дворца.

Эти события и упомянуты летописями в числе прочих мероприятий Угэдэя. Они определенно указывают на большие изменения, которые претерпел Кара-Корум в 30-х годах XIV в., но они отнюдь не означают, что к этому времени относится его основание. Большой военный центр, основанный Чингисханом в 1220 г., к 1235 г. окончательно превратился в административную, ремесленную и торговую столицу огромной империи. Таков смысл цитированных выше летописных сообщений, согласованных с археологическими данными.

* * *

Постройка дворца и насыпка вала вокруг города — не единственные мероприятия, проведенные при Угэдэе и засвидетельствованные летописями. П. Пелльо прав, говоря о «беспрерывном строительстве». «История Юань» указывает по этому поводу: «Восьмое лето Бинь-шень. Весною, в первый месяц, князья построили себе дома в Холини, по случаю съезда во дворец Вань-ань-гун к пиршеству» [20].

Широкое строительство в Кара-Коруме при Угэдэе подтверждается и данными раскопок. К нижним слоям, датируемым серединой XIII в., относятся остатки наиболее фундаментальных зданий. Если в верхних слоях городища среди строительных остатков преобладает сырцовый кирпич, то в нижних господствует хорошо сформованный и равномерно обожженный кирпич. В ремесленной части города в нижних слоях найдены остатки фундаментов больших зданий, разделенных простенками на ряд помещений. В домах было своего рода центральное отопление: дымовые каналы проходили под полами помещений или под лежанками. Слои эти сильно насыщены остатками керамического и металлургического производства. Среди них — полуфабрикаты посуды и поливы, обломки оружия, земледельческие орудия, многочисленные втулки для телег, ремесленные инструменты и вещи домашнего обихода. Найденные в большом числе каменные мельничные жернова и плуги свидетельствуют о местном земледелии, которое подтверждают и сообщения путешественников. В «Путевых записках» Чжан Дэ-хуэя содержится очень важное сообщение о том, что «жители (района Кара-Корума) много занимаются земледелием и орошают поля водопроводами; попадаются и огороды» [21].

Разворот строительства Кара-Корума при Угэдэе обеспечивался тем, что «он еще раньше (при Чингисхане?) привез с собой из Китая разных ремесленников и мастеров всяких ремесел и искусств» [22].

Город заново перестраивался. При Чингисхане это был, судя по археологическим данным, центр изготовления оружия и снаряжения армии; теперь Кара-Корум становится административным центром. Здесь пребывает правительство Великого хана, его двор и его чиновники. Об этом очень ясно говорит Рашид-ад-Дин: «Каан сделал его (дворец в Кара-Коруме) своим благословенным престольным

[20] Иакинф Бичурин. Ук. соч., стр. 259.

[21] «Путевые записки китайца Чжан Дэ-хуэй во время путешествия его в Монголию в первой половине XIII столетия». Записки Сибирского отделения РГО, кн. IX—X, 1867, стр. 583.

[22] Рашид-ад-Дин. Сборник летописей, т. II. М.—Л., 1960, стр. 40.

местом. Последовал указ, чтобы каждый из его братьев, сыновей и прочих царевичей, состоящих при нем, построил в окрестностях дворца по прекрасному дому. Все повиновались приказу. Когда те здания были окончены и стали прилегать одно к другому, то их оказалось великое множество... Из китайской стороны до этого города расположили ямы... Через каждые пять фарсангов находился один ям. Вышло 37 ямов. На каждом перегоне для охраны тех ямов поставили по одной тысяче. Он (Угэдэй) установил такой порядок, чтобы ежедневно туда (в Кара-Корум) прибывали из областей пятьсот повозок, груженых съестными припасами и напитками, (чтобы) их складывали в амбары и оттуда брали для расхода. Для зерна и вина устроили (такие) большие повозки, что каждую везли восемь волов» [23]. Для этих тяжелогрузных повозок требовались постоянно металлические втулки для осей (монг. «цюн»), и мы во множестве встречаем их в культурном слое.

Представление о том, что Кара-Корум — центр монгольского государства, прочно утвердилось за время правления Угэдэя. Поэтому после его смерти, впредь до воцарения нового хана «Ханьша (жена Угэдэя) объявила себя правительницей в Холине (Кара-Коруме)» [24].

Новый хан Мунке сразу же после воцарения, которое, как известно, прошло не совсем гладко, «наградил друзей, а врагов наказал, прозимовал в местности Онк-ки, во владениях Угэдэй-каана, в пределах Кара-корума» [25]. «А столица его была в пределах Кара-Корума» [26].

Так продолжалось до Хубилая, возведенного на престол в 1260 г. в далеком Кай-пин-фу, построенном по его желанию в Северном Китае. Этим воспользовалась враждебная ему группировка знати, остававшаяся в Монголии, и объявила Ариг-бугу Великим ханом в местности Яйлаг-Алтай. После этого Ариг-буга поспешил занять верными ему войсками столицу Кара-Корум. Хубилай ответил блокадой: «Обычно съестные припасы и питье, — сообщает Рашид-ад-Дин, — привозили в город Каракорум на повозках из Китая. Хубилай-хан это запретил, и там начался сильнейший голод и дороговизна» [27]. Ариг-буга оказался в безвыходном положении, отступил на север к границам кем-тайджиютов, а Хубилай занял Кара-Корум. В источниках нет прямых указаний на то, что во время этой междоусобной войны город серьезно пострадал. По-видимому, для горожан все обошлось благополучно. Дворец также остался цел. Вскоре после этих событий Хубилай окончательно перенес свою столицу в Ханбалык, в район современного Пекина.

Формально Кара-Корум остался лишь центром провинции Лин-бэй, в которую входила вся Северная Монголия, но в представлении монголов он оставался центром государства. Поэтому, когда в 1268 г. внук Угэдэя Хайду поднял восстание против Хубилая, он прежде всего стремился захватить Кара-Корум, которым по обычаю управлял сын Хубилая. Очевидно это Хайду не удалось, так как, узнав

[23] Рашид-ад-Дин. Ук. соч., т. II, стр. 40, 41.
[24] Иакинф Бичурин. Ук. соч., стр. 287 (по Ган-му).
[25] Рашид-ад-Дин. Ук. соч., т. II, стр. 144.
[26] Там же, стр. 156.
[27] Там же, стр. 161.

о приближении главных сил Хубилая, он отступил после кровопролитной битвы под стенами города с защищавшим его правительственным гарнизоном.

Кара-Корум и позже считался выдающимся центром. Преемник Хубилая — Тимур-хан, распределяя в 1294 г. места управлений, назначил правителем Кара-Корума своего брата. Он должен был управлять «областями Каракорум, Онон, Кэм-кэмджиут, Селенга, Баялык до границ Киргизов и великого заповедника Чингисхана, называемого Бурхан Халдун, всеми он ведает и он охраняет великие станы Чингисхана, которые по-прежнему находятся там» [28].

Новый и очень сильный урон нанесла Кара-Коруму борьба против Тимур-хана царевича Дувы. Во время этой войны уже в какой-то мере проявились признаки начала разложения Юаньской империи. Иначе, чем объяснить, что один из высших командиров императорской армии, посланной против восставшего Дувы, «разграбил Каракорум и отдал на расхищение базары и амбары» [29]. Правда, за это его заковали, но вскоре освободили. Значение же города продолжало падать. Только при Тогон-Тимуре, вынужденном оставить Пекин (согласно монгольской летописи «Эрдэнийн-Эрихэ»), были приняты меры для восстановления древней столицы. Однако вскоре армия Минов вторглась в Монголию, уничтожив на своем пути Хара-Хото, бывший, очевидно, каким-то опорным пунктом монгольской власти, и, подступив к Кара-Коруму, взяла его и разрушила.

После этого от древней столицы монголов осталась лишь глухая память. Только однажды вспомнил о ней ученый хронист XVII в., ордосский князь Сенан Сецен. Он назвал Кара-Корум не по-китайски — Холин, а по-монгольски «Хорум-хан... балгас» [30].

Полагают, что выбирая место для строительства монастыря Эрдэни-Цзу, халхасский Абатай-хан также посчитался с местом древней столицы и построил в 1585 г. монастырь сейчас же к югу от ее развалин. При этом были широко использованы в качестве строительных материалов остатки древних зданий.

Новую жизнь, уже как ценнейшему памятнику прошлого, дали Кара-Коруму научные исследования связанных с ним древних письменных источников и остатков материальной культуры, и мы можем с полным правом гордиться тем, что больше всего в этом отношении сделали ученые России.

С. В. КИСЕЛЕВ, Н. Я. МЕРПЕРТ

[28] Рашид-ад-Дин. Ук. соч., т. II, стр. 206, 207.

[29] Там же, стр. 210.

[30] J. Schmidt. Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses, verfasst von Ssanang Ssetsen Chungtaidschi der Ordus. St. Petersburg, 1829, стр. 144, 404.

ДВОРЕЦ КАРА-КОРУМА

I. ВНЕШНЕЕ ОПИСАНИЕ

«В Кара-Коруме у Мэнгу имеется рядом с городскими стенами, большой двор, обнесенный кирпичною стеною, как окружают у нас монашеские обители. Там помещается большой дворец... Там имеется также много домов, длинных, как риги, куда убирают съестные припасы хана и сокровища»[1]. Это описание, данное Вильгельмом де Рубруком, заставляет обратить внимание на один из участков древнего Кара-Корума, отличающийся от остальных кварталов древнемонгольской столицы. Он расположен непосредственно у городской стены, в юго-западной части города, примерно в 350 м к северо-северо-западу от северных ворот монастыря Эрдэни-Цзу. В этом месте городская стена делает резкий поворот, направляется на юг и далее — на юго-восток, к северо-северо-западному углу монастырской стены Эрдэни-Цзу (рис. 81).

В том месте, где западная городская стена поворачивает к образованному ею тупому углу с внутренней стороны, примыкает подквадратный участок, некогда обнесенный стеной почти такой же мощности, как стена города (рис. 82). Огороженное пространство достигает в длину с северо-запада на юго-восток 255 м и в ширину — 220—225 м. Его длинные стены прямые, северо-восточная — несколько вогнута к середине, а юго-восточная с середины переламывается и более круто поворачивает на северо-восток. В настоящее время эти «стены» представляют собой валы, — низкие (высотой не более 1 м), сильно расплывшиеся (шириной 15—18 м). От остальных стен отличается северо-западная; от нее сохранились два параллельных вала (каждый шириной до 13,5 м), отделенных друг от друга узкой пятиметровой ложбиной.

При изучении валов выяснилось, что это земляные насыпи, сложенные из глинисто-песчаной смеси со включением мелкой гальки, очевидно, — остатки глинобитных стен, сильно выветренных и размытых. Если вычислить кубатуру развала и предположить, что толщина стены не превышала в основании 2—2,5 м (толщина стен Эрдэни-Цзу), то можно приближенно представить первоначальную высоту стен:

[1] Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Перевод А. И. Малеина. СПб., 1911, стр. 138.

Рис. 81. Эрдэни-Цзу. Вид центральной части монастыря. На переднем плане — древнемонгольские стелы, юрта и майхан экспедиции

они достигали 4—5 м и более. Такая цифра близка высоте стен Эрдэни-Цзу и обычна для стен старых укрепленных усадеб.

Никаких следов рва перед валами не заметно. Вероятно, глинобитные стены делались из привозного материала. Следует отметить, что с юго-восточной стороны в нескольких метрах от стены начинались пруды с проливами и островками, питавшиеся водой из канала, проведенного внутрь города более чем за 5 км из р. Орхон. Канал действует и поныне, но наполняет древние водоемы только наполовину и то в высокую воду. Из этих прудов, очевидно, вода была проведена и за стены. По словам Рубрука, «летом там всюду проведены каналы, орошающие двор». К сожалению, следов этих каналов найти не удалось — они засыпаны развалом стен многочисленных зданий.

На валах (остатках внешних стен) нигде не сохранились следы воротных башен. Нет нигде перерывов и понижений, по которым можно было бы установить место ворот. Единственное расширение у юго-западного вала не может быть принято за воротную башню, так как здесь примыкает стена внутреннего ограждения. Очевидно, это остаток глухой сторожевой башни. В качестве подтверждения следует сказать, что на внутренней ограде с противоположной стороны есть аналогичное угловое возвышение — очевидный остаток башни.

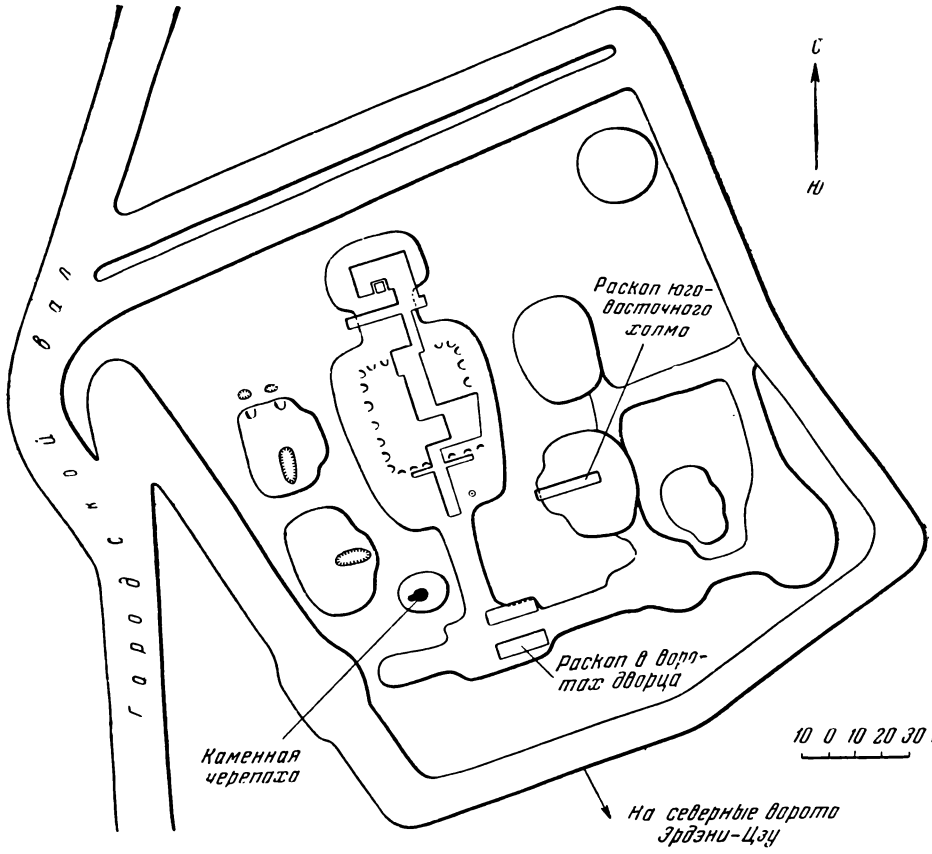


Рис. 82. Кара-Корум. План дворца Угэдэя.

Можно только предполагать местонахождение ворот. Вероятнее всего, они были расположены с южной стороны против ворот внутренней стены. Как уже указывалось, она начинается от башни юго-западной внешней стены. В 35 м от башни находится расширение в виде подчетырёхугольного холма, вытянутого по оси стены. При раскопках здесь выявлена воротная башня (см. ниже). В 35 м от развалин ворот — новое расширение в виде округлого холма, очевидно, отмечающее место башни внутренней стены. Наконец, в 18 м к востоку-северо-востоку находится округлый холм — остаток угловой башни внутренней стены, поворачивающей здесь под прямым углом и примерно в 50 м смыкающейся с внешней восточной стеной дворца.

Эта часть дворцовой территории отличается еще и тем, что здесь видны остатки четырёхугольного двора, отгороженного от всего пространства третьей внутренней стеной, несомненно, меньших размеров, чем внешняя и вторая. Посередине огороженного пространства — плоский овальный холмик высотой менее 1 м, причем никаких признаков какого-либо строения на нем нет.

К сожалению, мы не могли поставить здесь раскопок. Однако нужно думать, что в этом месте были расположены отделенные от парадной территории дворца

Рис. 83. Гранитная черепаха у дворца Угэдэя в Кара-Коруме

служебные помещения. Может быть, тут находился и тот подвал, из которого кумыс, мед, вино и рисовое пиво накачивались в знаменитое серебряное дерево, стоявшее во дворце и служившее для разливания напитков, столь детально описанное Рубруком [2].

От ворот на север к большому холму, под которым скрыто главное здание дворца, ведет приподнятая над уровнем двора дорожка (плоский вал длиной 40 м, шириной до 11 м и высотой до 0,75 м). Возможно, что эта дорожка в свое время имела вид невысокой открытой галереи, вроде тех, которые соединяют отдельные павильоны в китайских дворцовых ансамблях. Пережитком таких галерей в монгольских монастырях были приподнятые на 20—30 см над уровнем двора мощеные дорожки, соединяющие храмы и другие монастырские постройки. Изучение остатков галереи позволило предполагать, что она могла быть облицована по краям кирпичом, так как в полах вала обнаружено много обломков обожженного кирпича. Большое количество гальки размером с голубиное или куриное яйцо заставляет думать, что пол галереи состоял из своеобразной галечной мозаики, до сих пор применяемой для вымостки соединительных галерей и дорожек в китайских и монгольских постройках.

[2] Вильгельм де Рубрук. Ук. соч., стр. 138, 139. В дореволюционной Монголии, особенно в небольших монастырях, вроде Нового Гандана в Улан-Баторе, за внешней стеной, сразу же направо от ворот, находились обычно служебные помещения и кухни.

К западу от галереи находится небольшой холм — высотой до 0,8 м и диаметром 18 м. На его уплощенной вершине стоит прекрасно исполненная из серого гранита, обращенная мордой на запад, самая крупная из кара-корумских черепах — постаментов для каменных стел с официальными надписями (рис. 83). Паз для укрепления стелы хорошо сохранился на спине черепахи. Во время существования монастыря черепаха была превращена в обо, и до сих пор вокруг нее и на ней прохожие укладывают гальку. Холмик, на котором стоит черепаха, несомненно, древний. Это остаток постамента, на котором была установлена надпись, вероятно, посвященная основанию дворца.

Галерея ведет от ворот к главному холму — остаткам центрального дворцового здания. Холм этот достигает высоты свыше 3 м, длины — до 80 м и ширины — 55 м. С западной и восточной стороны склоны его довольно крутые; значительно положе южная сторона, обращенная к соединительной галерее. Северный склон по углам крут, но в средней части переходит в высокую (до 1 м в самой низкой средней части) перемычку, шириной до 23 м, соединяющую главный холм с северным, расположенным в 12 м.

Северный холм высотой до 2,5 м — подчетырёхугольной формы. Его размеры с запада-юго-запада на восток-северо-восток — 38 м и с северо-северо-запада на юго-юго-восток — 25 м. На вершине стоит четырёхугольный кирпичный субурган, занимающий площадь 3,5×3,5 м.

Главный холм, особенно по краям, покрыт рытвинами, ограничивающими правильно-четырёхугольную площадь длиной до 45 м и шириной до 35 м. При раскопках выяснилось, что эти рытвины остались от выкапывания больших гранитных блоков, некогда служивших опорой основной многоколонной конструкции дворца.

С западной и восточной сторон дворца симметрично расположены подчетырёхугольные холмы, вытянутые строго параллельно основной оси дворца. Вышина их достигает 2,5 м, длина — 35—40 м, ширина — 25—30 м. У трех из них заметны выступы с более пологим скатом, обращенные к главному холму. Небольшие раскопки, произведенные на юго-восточном из этих холмов, позволяют видеть здесь остатки зданий, некогда окружавших дворец, со стороны которого в них вели пологие сходы. Возможно, что эти постройки упомянул Рубрук, отметив, что «там имеется также много домов, длинных, как риги, куда убирают съестные припасы хана и сокровища»[3].

На двух из этих холмов обнаружены рытвины, которые с несомненностью указывают на то, что конструкция стоявших на них зданий была сходна с конструкцией главного дворца.

В заключение внешнего описания дворцовой территории нужно отметить в ее восточной части невысокий плоский холм округлой формы, диаметром до 28 м. Остатков строения здесь нет. Кругом ровный пустой двор. Кажется возможным предположить, что здесь на невысоком земляном постаменте ставилась большая ханская юрта, куда и удалялся повелитель кочевой империи из официальных помещений дворца. В этом нет ничего необыкновенного. В сохранившихся описаниях ханских

[3] Вильгельм де Рубрук. Ук. соч., стр. 138.

Рис. 84. Эрдэни-Цзу. Автомашины экспедиции перед погрузкой коллекций из Кара-Корума в 1948 г. (*1*) и выставка находок из раскопок, организованная для населения (*2*) (справа налево С. В. Киселев, Н. Я. Мерперт, Х. Пэрлээ, Доржисурен).

и княжеских резиденций предреволюционной Монголии отмечаются, наряду с постоянными постройками, жилые юрты, в которых собственно и протекала частная жизнь монгольских феодалов. Это пристрастие к юрте можно было видеть до последнего времени в Улан-Баторе, где многие горожане, наряду с квартирой во вполне современном доме, держали во дворе добротную юрту с электричеством и радио.

* * *

Перейдем к описанию раскопочных работ, проведенных Монгольской историко-этнографической экспедицией Академии Наук СССР и Комитета Наук МНР. Экспедиция базировалась на территории Эрдэни-Цзу (см. рис. 81 и 84). Работы продолжались с 9 июля по 25 сентября 1949 г.

За время раскопок на дворцовой территории Кара-Корума исследованы ворота в южной части внутренней стены (раскоп VI — 216 кв. м; руководитель — научный сотрудник Академии Наук МНР Х. Пэрлээ), главное здание дворца на центральном холме (раскопы III и V — 660 кв. м; руководитель — научный сотрудник ИА АН СССР кандидат исторических наук Н. Я. Мерперт), северное здание дворца на северном холме и на соединительной перемычке (раскоп IV — 440 кв. м; руководитель — Х. Пэрлээ), здание на юго-восточном холме (раскоп VII — 86 кв. м; руководитель — Х. Пэрлээ).

Таким образом, на дворцовой территории Кара-Корума исследовано 1402 кв. м. Из них 1100 кв. м приходится на главное и северное здания, площадь которых была исследована почти наполовину.

II. РЕЗУЛЬТАТЫ РАСКОПОК

1. РАСКОПКИ ВОРОТ

На холме подчетырёхугольной формы, длиной 36 м и шириной 17 м, расположенном в южной части внутренней стены, были заложены два раскопа, оба — в восточной половине холма. Один раскоп захватывал северо-восточную, другой, строго параллельный первому, — юго-восточную часть холма. Оба раскопа доведены до материка; глубина их по стенкам, обращенным к середине холма, — до 1 м.

В обоих раскопах картина расположения слоев и находок аналогична. С поверхности на глубину 0,4 м шел глинисто-известковый слой с богатым включением обломков черепицы (собрано свыше 500 фрагментов). Среди них — высокохудожественные украшения крыши: коньки, отливы, украшения углов и т. п., покрытые зеленой и желтой поливой. Особо выделяются обломки, украшенные сургучно-красной поливой, которая применялась только на императорских постройках — дворцах и храмах, причем на последних только в том случае, если они строились по распоряжению богдыхана.

Ниже слоя с черепицей залегал слой (толщиной до 25 см) перегоревшего песка, содержавший отдельные обломки черепицы и кирпичи, сильно обгоревшие. Ниже

встретились в большом числе угли, а ниже на 15 см залегал плотный суглинистый слой, также прокаленный. Далее до материка шел слой песка и галечника, в котором встречены даже на самой границе с материком отдельные обломки посуды — серого и белого фаянса с белой поливой, аналогичные обнаруженным при раскопках на территории города (в доме у восточных ворот и в «доме на перекрестке»). Лишь на крайних участках холма, возле материка, встречены черепицы и поливные украшения, по-видимому, соскользнувшие вниз во время обрушения кровли.

При исследовании жженого слоя, как сказано, попадались угли — мелкие кусочки, оставшиеся, очевидно, от целиком сгоревших деревянных перекрытий и конструкций крыши. Однако в трех местах северо-восточного раскопа и в двух пунктах юго-восточного встретились остатки сгоревших столбов, явно врытых в нижний слой холма, но там — в песке и галечнике — не сохранившихся.

Расположение столбов весьма показательно. Первый из них стоял в 3 м от северной и в 2 м от восточной стенки северо-восточного раскопа; второй столб оказался на одной с ним линии, в 5,5 м от северной и в 2 м от восточной стенки; третий прослежен в 7 м от восточной стенки и в 3 м от северной.

В юго-восточном раскопе остатки обгорелых столбов найдены вдоль южной стенки. Первый стоял в 4,5 м от восточной стенки, второй — в 9,5 м. Сопоставление данных показывает, что столбы обеих сторон строго соответствуют друг другу и, по-видимому, ограничивают внешний контур здания.

Дальнейшие раскопки нижнего слоя выявили еще несколько важных деталей. У южной стены юго-восточного раскопа обнаружены остатки сильно истлевшего столба, расположенного в 7 м от восточной стенки и, следовательно, соответствующего такому же столбу северной линии. Затем найдены остатки столбов в 2,5 м от южной и в 9,5 м от восточной стенки, а в северо-восточном раскопе — в 5,5 м от северной и в 9,5 м от восточной. Последний столб был установлен на небольшой плите, найденной в яме, на глубине 0,45 м ниже древнего горизонта. Возможно, что и другие столбы также были врыты в материк, однако в почве с сильно проросшими корнями и норками мышей не сохранилось следов ям.

Последние два столба особенно важны, так как позволяют судить о конструкции всего здания. Очевидно, воротная башня была прямоугольной; передний фасад ее (с востока-северо-востока на запад-юго-запад) тянулся на расстояние до 30 м, а боковой — до 15 м. В толще боковых глинобитных (?) стен находились деревянные столбы значительной толщины, врытые в грунт через каждые 2,5 м. Внутри боковых частей здания, в 2,5 м от стены, симметрично стояли во втором ряду аналогичные столбы. Их расположение не оставляет сомнения в том, что воротная башня была, по крайней мере, двухъярусной. Во всех сохранившихся воротных башнях монгольских монастырей и в том числе б. дворца-монастыря Богдо-гегена в Улан-Баторе — такая же конструкция (рис. 85). Если они двухъярусные, то у них один ряд строго согласованных внутренних столбов, если они трехъярусные, то таких рядов два.

К сожалению, отсутствие остатков столбов, по которым можно было бы установить количество внутренних рядов, оставляет открытым вопрос о числе ярусов у воротной башни кара-корумского дворца. Можно только предполагать, что ярусов было несколько. В пользу этого говорит слишком большая площадь всего

Рис. 85. Въездные ворота б. дворца Богдо-гегена в Улан-Баторе (*1*) и восточные ворота б. императорского дворца в Пекине (*2*).

1

2

Рис. 86. Улан-Батор. Роспись ворот дворца Богдо-гегена (*1*) и калитка с узорчатой крышей и ручкой-личиной (*2*).

помещения, ограниченная установленным по находкам первым рядом внутренних столбов (10 на 25 м).

Остается открытым вопрос о характере проезжей части ворот. Если отсутствие остатков столбов в западной половине — не случайность, то можно предположить, что проезжая часть была шириной до 15 м. Конечно, такой пролет не был сплошным; он состоял из двух или трех ворот, двухстворчатые полотна которых прикреплялись к разделявшим проезд мощным деревянным колоннам. В качестве примера таких многостворчатых ворот в архитектуре Монголии укажем на обращенные к р. Толе южные ворота летнего дворца-монастыря Богдо-гегена (ныне музей), в шесть створок, общей протяженностью до 16 м. Полотна их покрыты богатой росписью, изображающей сцены борьбы богатырей. Подобная роспись, вполне возможно, была и на воротах кара-корумского дворца (рис. 86, *1*).

Ворота б. дворца Богдо-гегена украшены, кроме росписи, узорчатыми золочеными медными обивками и ручками (рис. 86, *2*). Ворота кара-корумского дворца также были украшены фигурной золоченой медью. Один ее обломок найден на месте возможного проезда (участок Е8). Другой обломок обнаружен в той же части ворот (участок Д9); это нижняя половина морды льва — обычное оформление монгольских ручек дверей.

Рис. 87. Кара-Корум. Диск от черепицы с изображением дракона.

Чем были заняты боковые помещения воротной башни, — можно только предполагать. Конечно, здесь могла находиться охрана; могли они использоваться и для хозяйственных нужд. В некоторых монастырях Монголии в боковых помещениях ворот хранились экипажи — колесницы, кареты и паланкины. Однако возможно и другое. На участке Г4, на уровне глинобитного пола, найден фрагмент стопы человека, сделанной из глины, хорошо обожженный и покрытый поливой. Несомненно, это фрагмент статуи или горельефа, украшавшего внутренние помещения. Изваяние было крупным — стопа несколько больше натуральной величины. Следует вспомнить, что в воротных башнях монгольских монастырей постоянно помещались крупные глиняные, причудливо раскрашенные фигуры мистических богатырей, охраняющих вход в монастырь. Вполне возможно, что и вход во дворец охранялся такими же статуями.

От украшений внутренних помещений воротной башни до нас дошел только один фрагмент статуи человека, но о внешнем убранстве ворот данные более подробны; правда, они относятся, главным образом, к черепичной кровле.

Черепица была поливной — зеленой, синей и красной. Верхняя часть кровли, ее конек, был украшен изображениями драконов, от которых уцелели фрагменты чешуйчатых поверхностей туловища, обломки крыльев и оперения. Сохранилось изображение птичьей лапы дракона. Все эти фрагменты покрыты с внешней стороны зеленой поливой с желтоватой подцветкой. Не менее замысловато и богато были украшены нижние края кровель. Полуцилиндрические черепицы, перекрывавшие стыки более широких желобчатых черепиц, заканчивались дисками диаметром 14—15 см. Диск снаружи украшался широким выпуклым кантом, в кольце которого помещался причудливо свернувшийся дракон. Зеленая полива с желтой подцветкой придавала изображениям (и всему дому) необыкновенно нарядный вид (рис. 87). При раскопках ворот найдено восемь целых и фрагментированных дисков этого типа. Все они оказались в юго-восточном раскопе, в южной его части.

Таким образом, устанавливается, что внешнюю сторону кровли украшали диски с изображением драконов. Что касается кровли, обращенной во внутренний двор, то здесь диски были иными. На участке А2 найден фрагмент диска, заканчивавшегося по краю фестонами; внутренняя его поверхность, слегка выгнутая, оформлена двойным узким кантом и покрыта резным «лестничным» узором. Все это придает диску

Рис. 88. Кара-Корум. Капельник (отлив) нижней черепицы с изображением дракона.

вид раскрытого цветка лотоса в типичной стилизации буддийского искусства. Вогнутые (основные) черепицы по нижнему краю кровли ворот оканчивались узорчатыми трёхчастными отливами, обрамленными зеленым поливным кантом. Поле отлива украшали изображения драконов — то зеленые на желтом фоне, то, наоборот, желтые на зеленом фоне (рис. 88). Судя по находке отливов и в юго-восточном (Е5), и в северо-восточном (А3 и 5, Б7) раскопах, они были одинаковы на внешних и внутренних сторонах кровли воротной башни (рис. 89).

На участках А1 и 2 (северо-восточный раскоп) и на участках Г2, Е1 и 2 (юго-восточный раскоп) найдены 10 фрагментов глиняных скульптурных украшений, покрытых зеленой поливой, в которых легко узнать части головы слона (распознаются части ушей, лба, бивней, хобота). Если вспомнить традиции монгольской архитектуры, например те же ворота дворца Богдо-гегена в Улан-Баторе (XIX в.) и детали древнейших храмов Эрдэни-Цзу (XVI в.), то мы увидим, что головы слонов украшали обычно углы зданий под кровлей. Они же служили как бы кронштейнами, поддерживавшими нижний край крыши.

То обстоятельство, что в культовых постройках средневековой Монголии головы слонов получили особое осмысление, связанное с ламаистской символикой, не может служить доказательством ламаистских черт в архитектуре кара-корумского дворца. Дворцовые здания, не имеющие никакого отношения к ламаистскому культу, очень часто украшались на тех же местах (под кровлей) наугольными и в виде кронштейнов изображениями головы слона.

Рис. 89. Улан-Батор. Дворец Богдо-гегена. Чередование дисков и отливов на кровле.

Мы приводили только самые общие аналогии найденным при раскопках ворот кара-корумского дворца черепичным украшениям; они лишь помогали определить назначение той или иной детали. Теперь же, при оценке всей коллекции в целом, мы должны отметить поразительные аналогии этим украшениям — зеленым черепицам, дискам и отливам с драконами, фрагментам драконов с коньковой части кровель. Они обнаружены при раскопках А. К. Кузнецовым и С. В. Киселевым так называемого «Кондуйского городка», в котором видят резиденцию одного из Чингизидов XIV в.[4] В Читинском музее хранится обломок глиняного грифона того же стиля[5] из другого «древнего городка», расположенного по р. Гану, притоку Аргуни, в 22 км от Нового Цурухайтуя. В настоящее время еще в ряде мест обнаружены черепичные украшения кровель, относящихся к тому же времени[6].

Остановимся еще на одной находке, обнаруженной в юго-восточном раскопе[7]. На участке Е8, на глубине 0,55 м, найдена фрагментированная глиняная головка женщины в сложном головном уборе. К сожалению, у нее нет шеи и подбородка, — от головного убора также сохранилась лишь часть. Головка, по-видимому, была частью какого-то орнаментального фриза — задняя поверхность ее не оформлена и несет следы прилепа к глиняной обожженной плоскости (рис. 90). По совершенству исполнения головку из дворцовых ворот можно считать произведением,

[4] А. К. Кузнецов. Развалины «Кондуйского городка» и его окрестности. Записки Забайкальского отдела РГО, вып. XVI, Владивосток, 1925; С. В. Киселев. Дворец в Кондуе (эпоха Юань). III часть настоящей книги, стр. 323 и сл.

[5] Читинский музей, колл. № 793—1.

[6] Ма Де-чжи. Обследование развалин дома Аньси-вана юаньского времени на территории Сиань. «Каогу», 1960, № 5, стр. 20—23 (на кит. яз.).

[7] Для того, чтобы не перегружать основной текст второстепенными подробностями, еще раз напомним, что при раскопках ворот собрана керамика, совершенно аналогичная найденной при исследовании самого дворца, его павильонов и жилых кварталов города. Среди находок — 9 обломков сосудов из серой глины (из них семь — от венчиков), фрагмент сосуда из красной глины, венчик от белого сосуда типа цычжоу и обломок сосуда из зеленоватого селадона. Кроме того, встречены ножка и фрагмент верхней части чугунного котла, железный гвоздь для укрепления штукатурки, 3 обломка бронзовых тиглей, кусок деревянной доски, окрашенной зеленой краской, и др.

сохраняющим лучшие традиции индокитайского искусства,[8]. Но и среди прославленных образцов этого стиля, вроде знаменитых статуй Лун-мыня в окрестностях Лояна, многие уступят совершенству искусства, с которым сформована кара-корумская головка. Она сделана большим знатоком своего дела, старавшимся следовать лучшим традициям скульптурного мастерства, восходящего к искусству Гандхары [9].

Рис. 90. Кара-Корум. Южные ворота дворца Угэдэя. Глиняная головка от фриза ($^3/_4$ нат. вел.).

2. РАСКОПКИ ГЛАВНОГО ЗДАНИЯ ДВОРЦА

Раскопки были сосредоточены на центральном холме дворцовой территории. Уже говорилось о большом числе рытвин на уплощенной верхней части холма. Большинство рытвин ограничивает правильную четырёхугольную площадку, но и на самой площадке заметны такие рытвины. Все они давнишние и, по словам местных жителей, остались от 90-х годов прошлого столетия, когда проводился ремонт храмов Эрдэни-Цзу и мастера с разрешения монастыря выкапывали камни на городище на строительные нужды. Среди рытвин выделяется полузасыпанный квадратный шурф, сделанный Д. Д. Букиничем во время его разведок Кара-Корума в 1933 г.

На главном холме заложено несколько раскопов (раскопы III—V и Va) и прирезок к ним; в процессе работ они объединены в один большой раскоп общей площадью 660 кв. м, т. е. удалось исследовать бóльшую часть восточной половины холма на всем протяжении с юга на север (рис. 91).

Установлены два резко отличных горизонта. Верхний — разной мощности в различных частях холма — состоит из сплошного завала строительного мусора, прикрытого лишь очень тонким дерновым слоем. В южной его части сохранились остатки архитектурных сооружений. Толщина слоя по краям очень незначительна — 0,2—0,3 м, в центральной же части холма он достигает 1,7 м. Граница между верхним и нижним слоями горизонтальна (отметки колеблются в пределах 5 см).

[8] О. Н. Глухарева и Б. П. Денике. Краткая история искусства Китая, М.—Л., 1948, рис. 23 и 32; L'Ashton and B. Gray. Chinese art (без года издания), табл. 92.

[9] Уже на ряде скульптурных произведений эпохи Юань было замечено оживление древнейших традиций индо-китайского искусства. Может быть, это нужно ставить в связь с походами монгольских армий, с притоком в Монголию, а затем и в Китай массы ремесленников из Средней Азии, Северной Индии, Тибета и Хотана, что способствовало оживлению старых традиций, сохранившихся в глухих западных буддийских центрах.

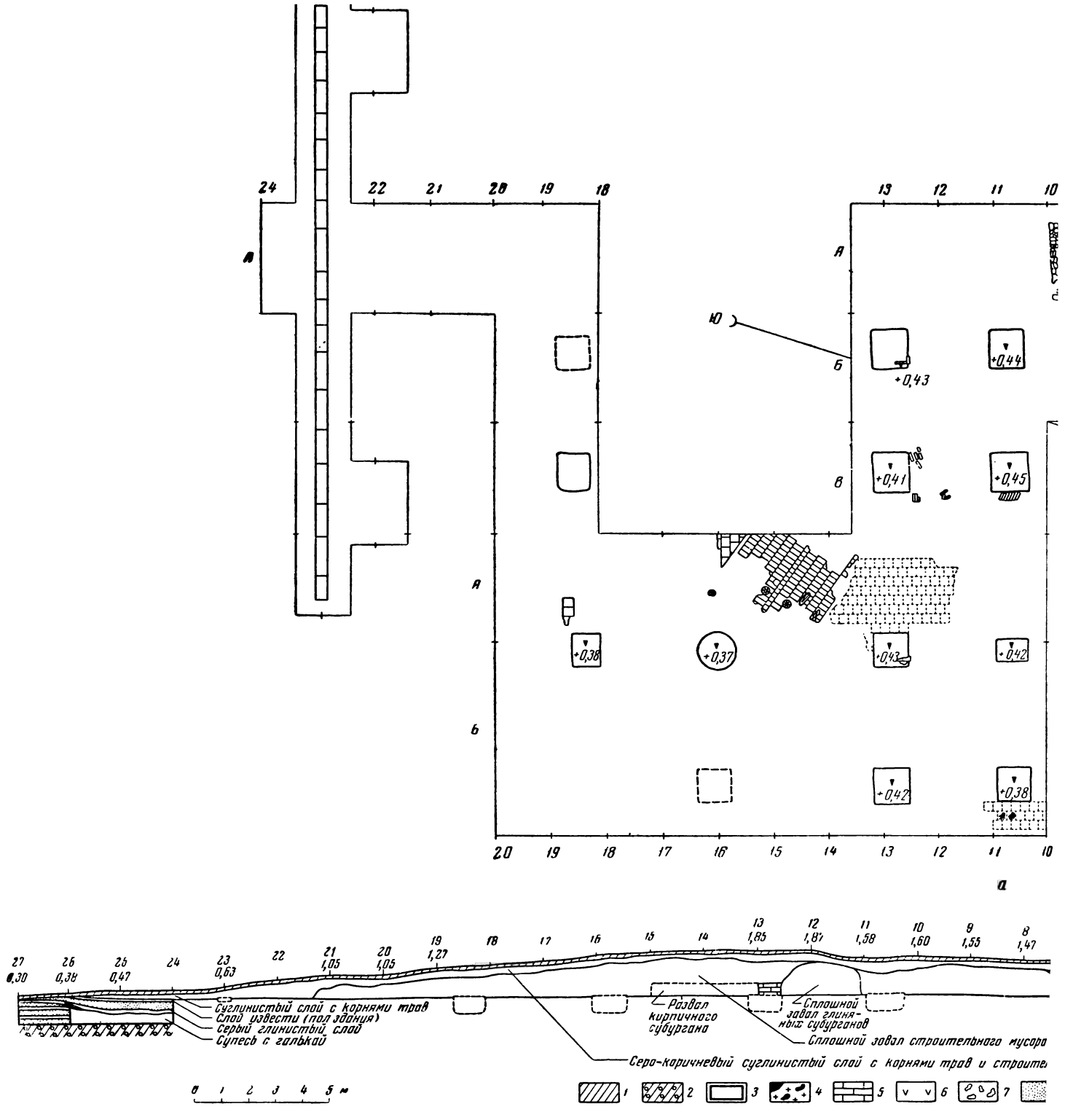
Мощность нижнего горизонта различна: на севере она достигает 1,85 м, а на юге — всего 0,85 м над уровнем почвы. Это вызвано тем, что древний уровень почвы здесь сильно понижается к северу. Несмотря на то, что дворцовый двор завален остатками зданий, это понижение и сейчас вполне заметно.

Исследование нижней части холма проведено в трех местах: на участках В7 и 8, в той части раскопа IV, которая прорéзала перемычку, соединяющую главный холм с северным; на участках А16—19 раскопа III; на участках А25—33 раскопа V (рис. 91). Данные двух первых разрезов почти аналогичны. Над древним уровнем материка в обоих случаях залегал тонкий культурный слой толщиной 15—20 см, содержавший угли и обломки серых горшков и белых поливных сосудов типа цычжоу — посуды, аналогичной найденной и при раскопках городских кварталов Кара-Корума.

Такой же тонкий культурный слой обнаружен и на поверхности материка на участках А25—33 раскопа V. Вероятно, ему принадлежат и фрагменты серой и белой посуды, найденные в основании холма воротной башни (см. выше). Таким образом, устанавливается весьма важный факт. Дворцовый комплекс — это не первая постройка, сооруженная с самого начала существования Кара-Корума. До того как возводились дворцовые здания, этот участок города уже был обжит. Какие здания стояли на этом месте, — выяснить не удалось; они, очевидно, были целиком убраны перед постройкой дворца. Однако самое их существование и быт их обитателей, аналогичный, судя по находкам, быту жителей в других частях Кара-Корума, — важнейшие новые доказательства того, что столица монгольского государства возникла до эпохи Угэдэя, еще в чингисовы времена.

Строительство дворца Угэдэя началось с возведения земляной платформы из чередующихся прослоев серой глины (толщиной 10—20 см) и слоев желтой супеси с богатым включением гальки. Судя по тому, что и глинистые, и супесчаные слои очень плотны и для исследования их постоянно приходилось применять кайло, — следует думать, что платформа сооружалась из смоченного материала и плотно утаптывалась. Отметим, что всюду в толще платформы попадались ленточные включения пережженного битого кирпича, может быть, от каких-то зданий, сносившихся на застраиваемой территории. На участках А7 и 8 раскопа IV толщу платформы составляли 4 прослоя глины и 4 прослоя супеси на высоту 1,5 м (верхняя часть края платформы здесь не сохранилась). На участках А16—19 раскопа III толща платформы в 1,4 м состояла (не считая верхнего слоя) из 5 прослоев глины и пяти — супеси, причем нижний слой глины и здесь залегал на тонком древнем культурном слое. В толще платформы тоже встречались, иногда значительными линзами, обломки битого пережженного кирпича; среди находок — обломок белой чаши типа цычжоу с черным орнаментом, аналогичной массовым находкам на городской территории, кусок рога и лопатка коровы. Возможно, этими находками мы обязаны строителям платформы, а может быть, они попали сюда из культурного слоя с того места, откуда брали материал для сооружения.

Боковые грани платформы удалось установить на участках В7 и 8 по северному склону холма. Как видно на профиле, обрез их после всех разрушений и хищнических раскопок почти прямой, слегка наклонный. Была ли платформа облицована



б

Рис. 91. Кара-Корум. Двор

а. План раскопов III и V главного здания дворца Угэдэя. *1* — камни; *2* — дерево; *3*

б. Главное здание дворца Угэдэя. Профиль западного борта раскопов. *1* — дерновый с

4 — уголь и зола; *5* — кирпичная кладка; *6* — пережженный кирпич; *7*

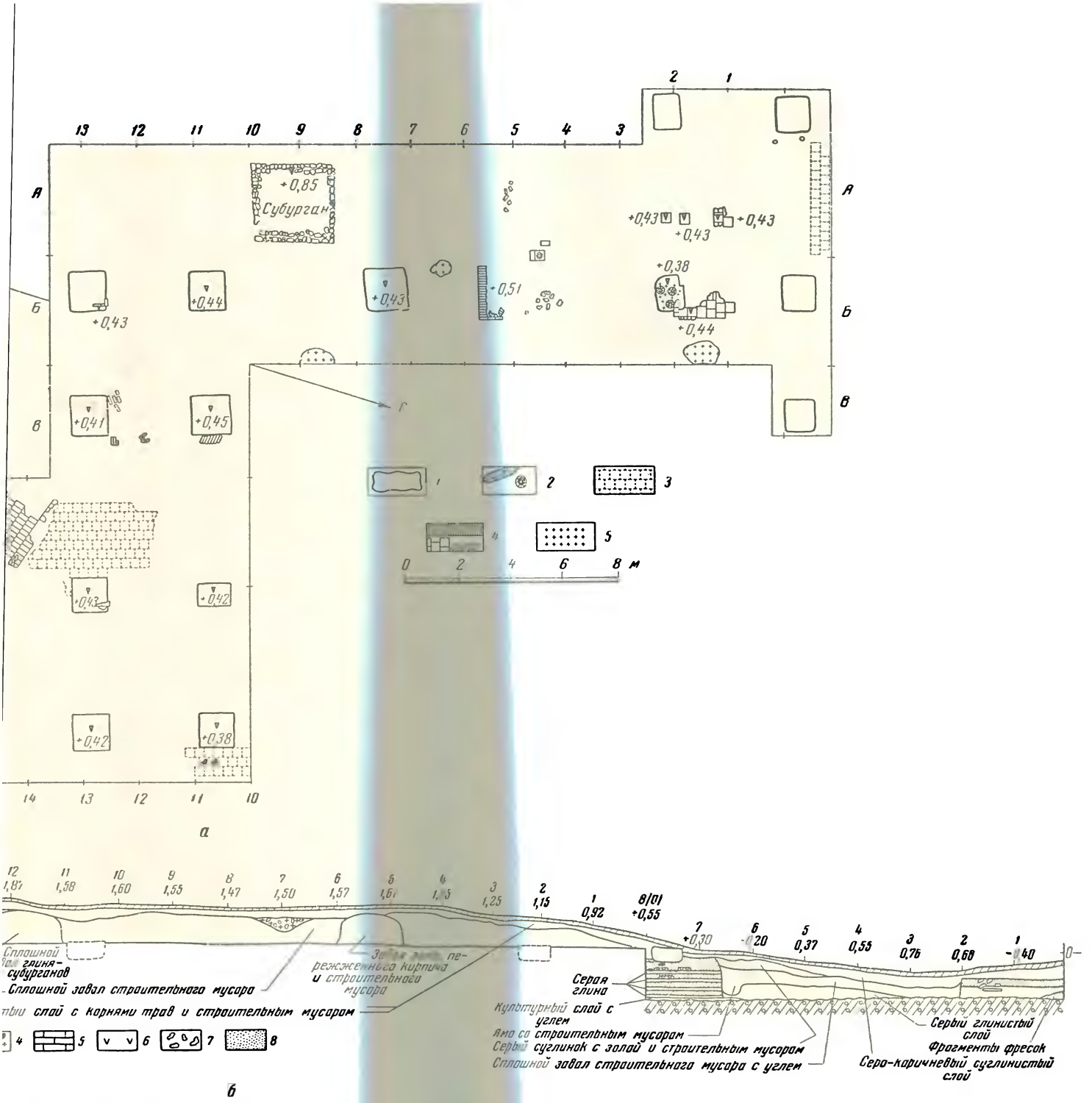


Рис. 91. Кара-Корум. Дворец.

а **Угедэя.** *1* — камни; *2* — дерево; *3* — отпечатки кирпичей в глине; *4* — кирпичи; *5* — вола
ого борта раскопов. *1* — дерновый слой; *2* — материк; *3* — опорные гранитные плиты колонн;
дка; *6* — пережженный кирпич; *7* — шлак; *8* — желтый песок с мелкой галькой

кирпичом подобно платформам древнейших храмов XVI в. в Эрдэни-Цзу, или только обмазана глиной, — установить не удалось.

Иная картина наслоений выявилась на южном склоне главного холма (участки А25—33 раскопа V). Первоначальное чередование слоев лучше всего сохранилось на участке А27. На древнем грунте здесь был насыпан слой желтой супеси, затем шли 3 слоя серой глины, прослоенные двумя слоями той же желтой супеси. Выше опять встречался песок и на нем залегал верхний глинистый известковый слой, оставшийся от цементировки настила пола. Отметка его и здесь та же (+40), что и остального уровня верхней плоскости платформы.

На крайних 6 участках (А28—33) южной части раскопа наслоения более сложны. Верхний глинисто-известковый слой цементировки пола здесь сильно фрагментирован — частично перерыт, частично просто смыт. Однако по уцелевшим кускам можно судить о том, что здесь он явно понижается, доходя с отметки +40 до —20[10]. Таким образом, обозначается пологий склон платформы, обращенный на юг, к валику дорожки, соединяющей дворец с южными воротами. Вполне возможно, что на этом склоне были установлены ступени пологой лестницы, которая вела на платформу дворца.

Данные раскопок южной части холма позволяют заключить, что пространство от начала южного склона, т. е. от участка А27 и до участка А23, было занято открытой террасой перед южным фасадом здания. Над уровнем пола здесь очень незначительный верхний слой суглинка, содержащего строительный мусор (его мощность — от 5 до 35 см). Толща строительного мусора резко увеличивается с границы участков А24 и 23, т. е. открытая терраса простиралась к северу от южного края платформы на 8 м, а на участке А23 проходила южная стена дворца. Ее линию точно сохранил уцелевший цоколь южного фасада, состоящий из прекрасно отесанных 18 брусьев серого гранита, плотно пригнанных друг к другу в одну линию, идущую с запада-юго-запада на восток-северо-восток на 26,4 м. Не сохранился только один брус, второй от западного края, но и его размеры точно известны, так как крайний брус остался непотревоженным. Ширина всех брусьев одинакова — 0,42 м, длина же различна: самый большой — 1,53 м, самый маленький — 0,78 м. К сожалению, цоколь не сохранился на всем протяжении южной стены. С востока он уцелел на 8 м, а на западной стороне — примерно на 12 м. Таким образом, можно полагать, что ширина южного фасада дворца равнялась примерно 46 м.

* * *

Прежде чем перейти к изложению результатов изучения дворца, необходимо познакомиться с почти двухметровым слоем строительного мусора и строительных остатков, перекрывающим платформу. Относится он к двум основным периодам — дворцовому и позднейшему, монастырскому.

Позднейший период представлен завалами плохо обожженного и сырцового кирпича, особенно большими в центральной и северной частях неисследованных

[10] Остальные слои платформы здесь также сильно нарушены, однако можно установить, что одни из них вклиниваются, другие просто срезаны; лишь нижний и перекрывающий его глинистый слои лежат горизонтально.

участков холма. Кирпич перемешан с простой, неполивной черепицей, вогнутой и полуцилиндрической, и обломками частей глиняных ламаистских статуй. Были подсчитаны многие тысячи обломков. Не меньшее их число распалось и превратилось в тот глинистый слой, который и пришлось раскапывать.

Судя по тому, что на участках А5—7 раскопа V обнаружен сплошной завал пережженного кирпича, золы, угля и каких-то остатков грубого строительного материала, нужно предполагать, что во время монастырского строительства здесь на месте изготовлялись и обжигались кирпичи, а может быть, и черепица для возводившихся тут же построек. Остатки мест обжига отмечены и на других участках (например, на участках Б5 и 4).

Что же представляли собой эти постройки?

Удалось целиком исследовать хорошо сохранившиеся остатки одной такой постройки (участки А9 и 10 раскопа V). Нижний уровень ее кладки лежит на отметке +0,85, на 40—45 см выше уровня поверхности дворцовой платформы. Это показывает, что постройка сооружена в то время, когда древняя поверхность платформы была уже покрыта довольно мощным слоем строительных остатков и земли. В этот слой и был уложен фундамент. Для его сооружения использовались, главным образом, обломки, — а не целые кирпичи, — уложенные небрежно в 4 ряда; при толщине кирпича в 5 см кладка на глиняном растворе получилась высотой 25 см.

Кладка образовывала почти правильный квадрат, со сторонами в 3 м. Над фундаментом шла в два яруса кладка кирпичей, установленных на боковое ребро вертикально, а над ними были выложены в два яруса целые кирпичи и обломки плашмя. Таким образом, высота открытых стен достигала 0,7 м. Сразу же бросились в глаза полное совпадение ориентировки и близость размеров открытых стен с поныне существующим на Северном холме квадратным субурганом. Кроме того, все заполнение пространства внутри стен и весь завал, возвышающийся на 0,4 м над остатками сооружения, состоят из сотен так называемых «цац» — глиняных изображений ступ и субурганов различной величины, а также отдельных обломков глиняных статуэток и архитектурных рельефов. Здесь же найдены в большом числе глиняные иконки с изображением Будды. Такое заполнение не оставляет никакого сомнения в том, что открытое нами сооружение было субурганом, построенным монастырем Эрдэни-Цзу в сравнительно давние времена, ибо память о нем изгладилась, и его открытие было полной неожиданностью для местных жителей, среди которых есть несколько престарелых бывших монахов.

Остатки другого здания открыты на участке Б5 раскопа V. Его фундамент врыт на бóльшую глубину и всего на 8 см не достиг уровня древней платформы. Здесь фундамент состоял, очевидно, из сплошной кладки кирпичей, укладывавшихся на ребро. Сохранились только крайний южный ряд кладки и крайние восточные кирпичи второго, третьего и четвертого рядов. Вероятно, само здание было таких же размеров, что и предыдущее. Построено оно было, по-видимому, в один и тот же период, о чем можно судить по аналогии в размерах кирпичей [32 (34)×17×5 см] и полному сходству заполнения глиняными «цацами» и иконками. Очевидно, и здесь был субурган.

Третье здание было особенно обширно. Его фундамент установлен на поверхности платформы. Остатки здания были доступны исследованию только частично на участках А13 и 14, Б13 и 14. Его размеры (если оно квадратное, как и все предшествующие) достигают 6 м по стороне. Кладка на вскрытой площади сплошная, на глине, из таких же кирпичей, что и в других субурганах. Кирпичи положены обычным способом — плашмя, и только внешний ряд поставлен в три яруса на боковое ребро вертикально.

Этот субурган важен тем, что позволяет выяснить причину разрушения всех трех позднейших построек, возведенных на развалинах дворца. С северной стороны, а вероятно, и с западной (там в стенках большой рытвины видны «цацы») к субургану примыкает огромнейшая груда обожженных и необожженных глиняных «цац» в виде круглых и четырёхугольных субурганчиков и ступ. Здесь же найдены большие куски неполивных красноглиняных архитектурных украшений. Всего собрано свыше 10 тыс. «цац». Совершенно очевидно, что все они выброшены из субургана, который разрушен при ограблении. Так как с XVI в. рядом находился крупнейший монастырь Монголии Эрдэни-Цзу, невозможно представить себе эти разрушения в мирной обстановке. Вероятно, это результат войн, которыми столь богата история Монголии XVII в.— начала XIX в. Очевидно, в этих субурганах, построенных на развалинах императорского дворца и, может быть, в память этого дворца, были заключены ценности. Во всяком случае, грабителей не привлекли выброшенные ими и найденные в развале «цац» бронзовая плоская чаша с ручкой и кувшин из низкопробного серебра, украшенный штампованными изображениями ламаистских символов (так называемыми очирами).

Рис. 92. Кара-Корум. Дворец Угэдэя. Соотношение настила древнего пола дворца (крупные кирпичи на переднем плане) с позднейшей вымосткой перед субурганом.

Нам кажется, что эти разрушения произведены вскоре после сооружения субурганов, когда строительная площадка еще не была расчищена от подсобных сооружений, остатков обжигательных печей и т. п. К таким подсобным сооружениям,

несомненно, относилось и то здание, от которого в раскопе III (на участках А14, 15 и 16) уцелела вымостка пола. Кирпичи ее совпадают с кирпичами субурганов. Она перерезала вымостку древнего дворцового пола, причем направление ее кирпичей резко отличается от направления кирпичей древней дворцовой вымостки [11] (рис. 92). Это, безусловно, позднее здание представляло собой, очевидно, врезанный в землю навес, от которого сохранились следы столбов, поддерживавших крышу. Может быть, это сушильный сарай или навес, под которым мяли глину для кирпичей на постройку субурганов.

* * *

Остатки, характеризующие древнейший период эпохи строительства и жизни кара-корумского дворца, встречаются в верхнем слое холма гораздо реже, чем относящиеся к монастырскому времени. По-видимому, поверхность главного холма была перепланирована и расчищена от загромождавших ее остатков дворца. Без этого предположения трудно объяснить, куда, например, делись остатки черепичной кровли, даже если допустить, что значительная часть ее была вывезена и использована на другие постройки. Ведь при раскопках склонов, например, на участках В5—7 раскопа IV, где прорезана пола́ холма, найдено особенно много фрагментов обожженной черепицы, покрытой зеленой и синей поливой, обломков древних квадратных кирпичей и других материалов дворцового строительства. Там же оказались в большом количестве обломки сероглиняной и белой поливной посуды, типичной для жилых кварталов древнего Кара-Корума.

Однако не нужно думать, что верхняя часть центрального холма была совсем лишена древних остатков. Здесь также, особенно в раскопе III, найдены обломки поливной зеленой черепицы, части скульптурных украшений коньков кровель, — вероятно, в виде драконов, — фрагменты дисков от полуцилиндрических черепиц, украшенных такими же изображениями дракона, как и черепичные диски от кровли южных ворот. Встречены здесь и обломки древних кирпичей. Черепки кара-корумской посуды — белой поливной и сероглиняной без поливы — обнаружены в очень малом числе. Это ясно показывает, что после разрушения чисто содержавшегося главного здания дворца эта часть города надолго осталась необитаемой.

Наиболее важные данные о центральном дворцовом здании получены при исследовании древней поверхности платформы после удаления верхнего слоя мусора и субурганов.

Самым замечательным было открытие 17 массивных гранитных блоков, врытых на уровне пола правильными рядами и, очевидно, служивших опорами для массивных деревянных колонн основной конструкции здания (см. рис. 91), которые поддерживали его гигантское перекрытие. Размеры блоков колеблются от 1,5 до 1 м по всем граням; 16 из них четырёхгранны и только один цилиндричен (его диаметр — 1,45 м, высота — 1,2 м). Возможно, что колонны опирались не на эти гранитные блоки непосредственно, а на стоявшие на них округлые плоские каменные базы, часть которых пошла позднее на сооружение храмов Эрдэни-Цзу.

[11] Направление кирпичей древней вымостки: северо-северо-запад—юго-юго-восток, поздней вымостки: юго-юго-запад—северо-северо-восток.

Если принять во внимание все найденные блоки, их расположение, а также рытвины, которые отмечают по краям вершины холма местá, откуда были вынуты такие же монолиты, — можно сделать вывод об их числе и расположении: в ряду с севера на юг их было девять, а рядов таких с востока на запад — восемь. Таким образом, дворец был семинефным и опирался на 72 столба. Из этих столбов 30 были включены в линию стен, а 42 столба поддерживали перекрытие над внутренним пространством, размеры которого — 55×45 м, т. е. площадь была не менее 2475 кв. м.

Каковы были стены этого огромного сооружения, можно только предполагать, ибо следов их не сохранилось. Вероятно, они были сложены из сырцового кирпича, с таким расчетом толщины, чтобы штукатурка полностью скрывала деревянные столбы каркаса, которые у такого здания должны были быть очень массивными. Поэтому трудно допустить, что толщина стены была меньше 1 м. Другое дело ее высота. Если принять во внимание особенности застройки древнейших храмов Эрдэни-Цзу (XVI в.), то кирпичная стена могла быть не очень высокой — до 3 м. В верхней части она могла включать нижнюю половину оконных проемов. Выше находились укреплявшиеся между столбами деревянные щиты со вставленными в них узорчатыми решетчатыми окнами. Над окнами вплоть до карниза под кровлей стена могла быть забрана деревом или кирпичом, положенным на деревянные брусья, укрепленные в пазы, вырубленные в столбах (см. рис. 79).

Была ли у дворца одноярусная кровля или многоярусная, сейчас можно решать, только исходя из его плана. В пользу многоярусности кровли свидетельствует площадь дворца: трудно представить себе одноярусную черепичную кровлю, перекрывающую столь обширное здание (рис. 93).

От внутреннего убранства дворца сохранились лишь остатки пола, выстланного квадратными кирпичными плитками (34×34×4 см). На участке А16 уцелели плитки, покрытые сверху зеленой поливой. Плитки пола на участках А2 и 3 и Б2 и 3 лежали на первоначальных местах, но оказались неполивными. Кроме этих небольших частей пола с уцелевшими плитками, удалось открыть участки цемянки с отпечатками плиток, снятых, вероятно, после запустения дворца. Слой цемянки открыт внутри дворца на участках А12—14 и за линией стены (под выступом кровли) на участках В11 раскопа III и А1 раскопа V. На последних двух участках цемянки, помимо отпечатков, точно воспроизводящих размеры кирпичных плиток, сохранилась еще одна интересная особенность. Оказывается, некоторые плитки своеобразно клеймились — на их тыловой плоскости оттискивалась рука мастера (рис. 94), и эти оттиски, уже в виде позитивной отливки, прекрасно сохранялись на извести цемянки.

Обращает на себя внимание тот факт, что кирпичные плитки пола в северной части дворца лишены поливы. Нам кажется, что это находит объяснение в сообщении Вильгельма де Рубрука о том, что здесь «с северной стороны» находилось возвышение, на котором сидел хан, «так что все могут его видеть». Это возвышение было обширным; по словам Рубрука, к престолу хана вели две лестницы и, кроме того, было место для одной из жен хана, которая имела право «садиться там наверху рядом с ним, но все же не так высоко, как он»[12]. Рубрук сообщает также, что направо и налево от

[12] Вильгельм де Рубрук. Ук. соч., стр. 140.

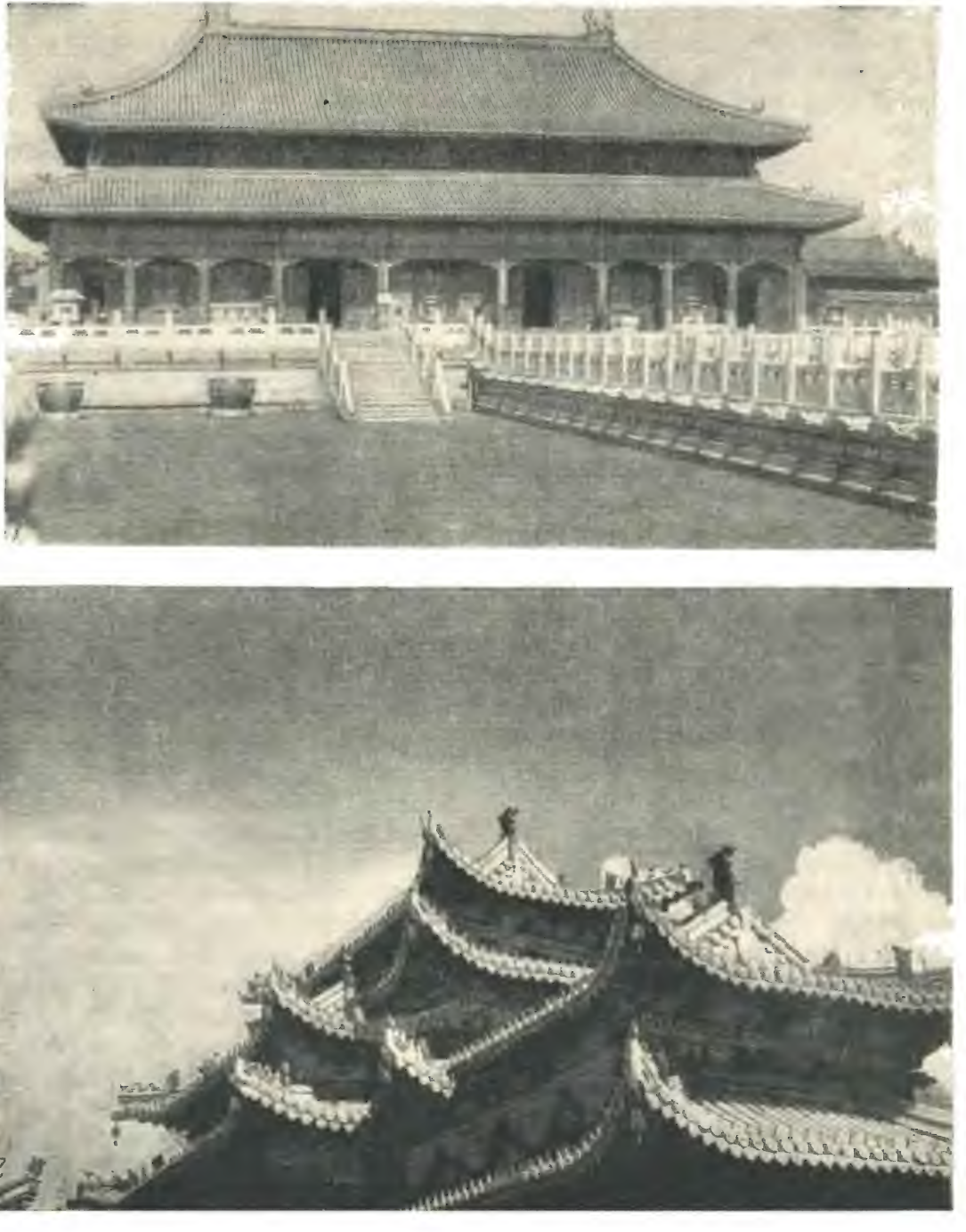


Рис. 93. Многоярусные кровли. Павильон б. императорского дворца в Пекине (*1*) и деталь кровли б. дворца Богдо-гегена в Улан-Баторе (*2*).

главного возвышения находились «возвышенные сидения, наподобие балкона, на которых сидят сын и братья хана... его жена и дочери» [13].

Если учесть это сообщение, то вполне можно объяснить наличие неполивных плиток пола в северной части дворца — они были закрыты возвышениями для трона хана и для мест его приближенных. Таким образом, плитки все равно не были видны, и потому могли быть неполивными. Вся же остальная часть дворца, отведенная для приемов, была выстлана поливными изразцами прекрасного зеленого цвета. В этом глазурованном полу отражались огни и разноцветные одежды придворных и посланников, что, вероятно, производило сильное впечатление.

Рис. 94. Кара-Корум. Дворец Угэдэя. Кирпич с отпечатком руки мастера.

К сожалению, мы не могли исследовать то место дворца, где мастер Вильгельм Парижский установил серебряное дерево-фонтан для разлива кумыса, вина, меда и рисового пива. Это дерево-фонтан стояло, по словам Рубрука, в южной части дворца, за средней из трех дверей южного фасада.

Во многом совпадая, данные раскопок и сообщения Рубрука в одном расходятся. Правильно отметив нефный характер дворца, Рубрук пишет, что «дворец этот напоминает церковь, имея в середине корабль, а две боковые стороны его отделены д в у м я рядами колонн» (подчеркнуто мною. — *С. К.*) [14]. Согласно данным раскопок, по бокам среднего нефа было не два, а три ряда колонн. Возможно, что боковые нефы — крайний западный и крайний восточный — были отделены от остального пространства или легкими перегородками, установленными между колоннами третьего ряда, или занавесями. Примеры этому известны из позднейших ламаистских храмов. Рубрук в сложной и многолюдной церемонии ханского приема мог и не заметить этих крайних нефов, приняв перегородки или занавеси за украшения наружных стен дворца.

Главное дворцовое здание было холодным, подобно, большинству церемониальных построек. Огромное количество сухого, вероятно, покрытого лаковым узором дерева [15], которое составляло основные конструкции дворца, исключало обогрев здания кострами в открытых очагах. Вероятнее употребление жаровен вроде найденной при раскопках в центре города. Это — обширное чугунное блюдо на ножках и с двумя ручками для переноски, окруженное по краю ажурным бортиком (см. рис. 84, *2*, внизу, на переднем плане).

[13] Вильгельм де Рубрук. Ук. соч., стр. 140.

[14] Там же.

[15] Чешуйки красного лака найдены при раскопках дворца в нескольких местах.

Рис. 95. Кара-Корум. Начало раскопок северного здания дворца Угэдэя.

Главное здание, конечно, производило большое впечатление. Вероятно, оно было богато раскрашено снаружи и не менее пышно убрано внутри. Вполне возможно, что колонны были резными и лакированными, подобно колоннам храмов Эрдэни-Цзу.

Во всяком случае одно устанавливается совершенно определенно: главное здание кара-корумского дворца глубоко индивидуально. Однако для того, чтобы лучше выявить его особенность, необходимо рассмотреть дворец в целом, вместе с северным зданием, тесно связанным с главным корпусом.

3. РАСКОПКИ СЕВЕРНОГО ЗДАНИЯ ДВОРЦА

К северу от холма главного дворцового здания находилось другое, расположенное на холме меньших размеров, вытянутом с запада на восток. Оба они в настоящее время соединены перемычкой, на месте которой некогда была галерея с покатыми сходами или лестницами. Подобные переходы между павильонами — характерная особенность планировки центральных сооружений больших дворцов. В центре северного холма стоит квадратный в плане субурган (рис. 95).

При раскопках юго-восточной части северного холма (участки В1 и 2 раскопа IV) удалось установить, что конструкция скрытой под холмом платформы сходна с конструкцией платформы главного здания (рис. 96). Здесь тоже чередуются глинистые и супесчаные прослои. Края платформы наклонно срезаны; высота ее — всего 1 м.

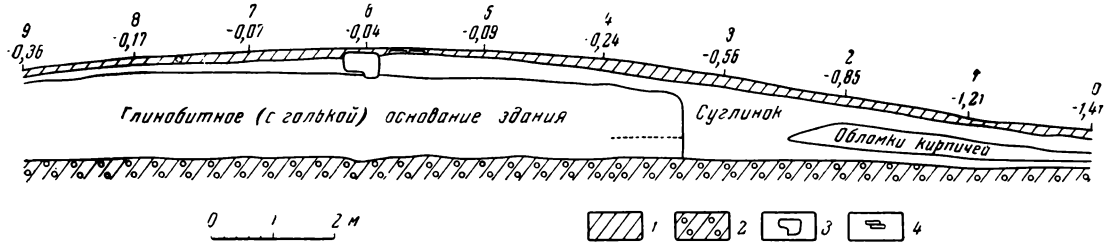


Рис. 96. Кара-Корум. Дворец Угэдэя. Профиль северного холма (раскоп IV).
1 — дерн; *2* — материк; *3* — камни; *4* — кирпичи.

В юго-восточной части, когда на участках В2 и 1 и дальше на север толща прослоев была прорезана до материка, сделано очень существенное открытие. Здесь на границе с материком встречены остатки штукатурки какого-то здания, очевидно, снесенного при постройке дворца. При тщательной разборке оказалось, что штукатурка покрыта росписью буддийского религиозного содержания. Следовательно, на месте дворца существовал какой-то буддийский храм. Детальному описанию фрагментов росписи и их определению посвящается специальный раздел [16] настоящей книги, поэтому здесь мы только укажем. что росписи принадлежат к высокохудожественным образцам буддийской живописи и ничего общего не имеют с позднейшими фресками XVI в., до сих пор сохранившимися в храмах Эрдэни-Цзу.

Нужно думать, что храм на месте будущего дворца не был долговечным, иначе отложились бы внушительные культурные наслоения, которые, однако, не прослеживаются. Очевидно, храм был построен вскоре после основания города или одновременно с ним, как опорный пункт буддийской агитации. На украшение его не жалели средств, приглашая искусных мастеров. Однако храм был снесен, и на его месте воздвигнута резиденция хана. Эти стратиграфические наблюдения очень важны. Они доказывают, что участок Кара-Корума уже был застроен ко времени закладки дворца Угэдэя. Таким образом, существование города Кара-Корума в эпоху до Угэдэя получает еще одно подтверждение.

В раскопе IV, заложенном на вершине северного холма, после снятия верхнего слоя земли и строительного мусора, оставшегося от сооружения доныне стоящего там субургана, открыты остатки дворцового здания, иного по сравнению с главным, но конструктивно сходного с ним. Протяженность его с севера на юг — всего 10 м, а с запада на восток — 20 м.

По линии стен обнаружены остатки врытых через 2,5 м столбов, на которых и покоилась конструкция. Промежутки между столбами были забраны стенками из сырцового кирпича, в нижнем ярусе поставленного на боковое ребро (участок В3). С фасадной, южной, стороны была открытая терраса. Поддерживавшие ее кровлю деревянные колонны опирались на круглые гранитные базы (рис. 97, *1*), из которых одна найдена в юго-западной части здания во вторичном положении. В здании был деревянный пол, открытый на всей площади внутреннего помещения. Он состоял из

[16] См. ниже, стр. 167.

Рис. 97 Кара-Корум. Дворец Угэдэя. Гранитная база колонны в северной части дворца (*1*) и следы балок под настилом сгоревшего пола (*2*).

колотых, хорошо затесанных снаружи горбылей, уложенных с севера на юг на поперечные брусья, лежавшие в 2 м друг от друга (рис. 97, *2*). Ширина горбылей — 35—40 см, длина — 6 м. Длина их, как кажется, и определяет глубину внутреннего помещения. Если к этим 6 м прибавить около 1 м на толщину обеих стен — северной и южной, окажется, что расположенная с южной стороны павильона терраса достигала приблизительно 3 м ширины.

Деревянный пол здания позволяет предполагать, что оно служило для жилья; может быть, — это жилое помещение, в котором находились хан и его близкие во время дворцовых празднеств и приемов. Оно напоминает один из павильонов дворца в Шэньяне, состоящий из небольшой спальни и столовой. В столовой помещались и котлы для подогрева пищи, и ложа для ближайших придворных, приглашавшихся к столу ежедневно.

Северное здание было покрыто скромно. Глазурь была только на полуцилиндрических черепицах. Иной рисунок украшал и концевые диски. На них помещалось изображение звериной головы, а не дракона.

Жилой характер здания подтверждает и гораздо большее число бытовых вещей, найденных на всей территории и особенно под полом. Это, главным образом, керамика серая без поливы и поливная черная (3 фрагмента), зеленая (1 фрагмент), голубая (8 фрагментов) и синяя (3 фрагмента) типа цзюнь-яо. Здесь же найдены части чугунных котлов и очень большое количество костей быка и овцы. Все эти находки ясно указывают, что северное здание дворца было жилым.

4. РАСКОПКИ ЮГО-ВОСТОЧНОГО ЗДАНИЯ ДВОРЦА

К востоку от главного дворца на искусственном холме той же конструкции, что и платформы, открытые под центральным и северным павильонами, располагалось еще одно здание. Очевидно, одно из тех зданий, которые, по Рубруку, «имели вид риги» и служили для хранения утвари и запасов. К сожалению, мы могли провести здесь лишь разведочные исследования, заложив раскоп 24×4 м от вершины холма по его западному склону. При снятии верхнего слоя встречены многочисленные находки «цац» и образков монастырского типа, и только единицами попадались обломки черепиц. Не найдено черепиц и при изучении древней поверхности платформы; зато оказалось большое число обломков сильно истлевшего дерева. Вероятно, здание было деревянное, покрытое тесом. Не обнаружились и следы лестницы, которая вела бы на вершину холма. Может быть, она была деревянной, или пользовались просто наклонным скатом холма, с западной стороны особенно пологим.

Все находки с древней поверхности холма — обычные, характерные и для других районов города.

Здесь встречены посуда из серой глины и сосуды, покрытые поливой различного цвета. Обращает на себя внимание значительное число костей быка и барана; возможно, это остатки пищи тех, кто охранял павильон. Относительно часто встречались также различные железные оковки и гвозди. Последнее еще раз убеждает в том, что перед нами — остатки деревянного здания. Нужно, однако, думать, что

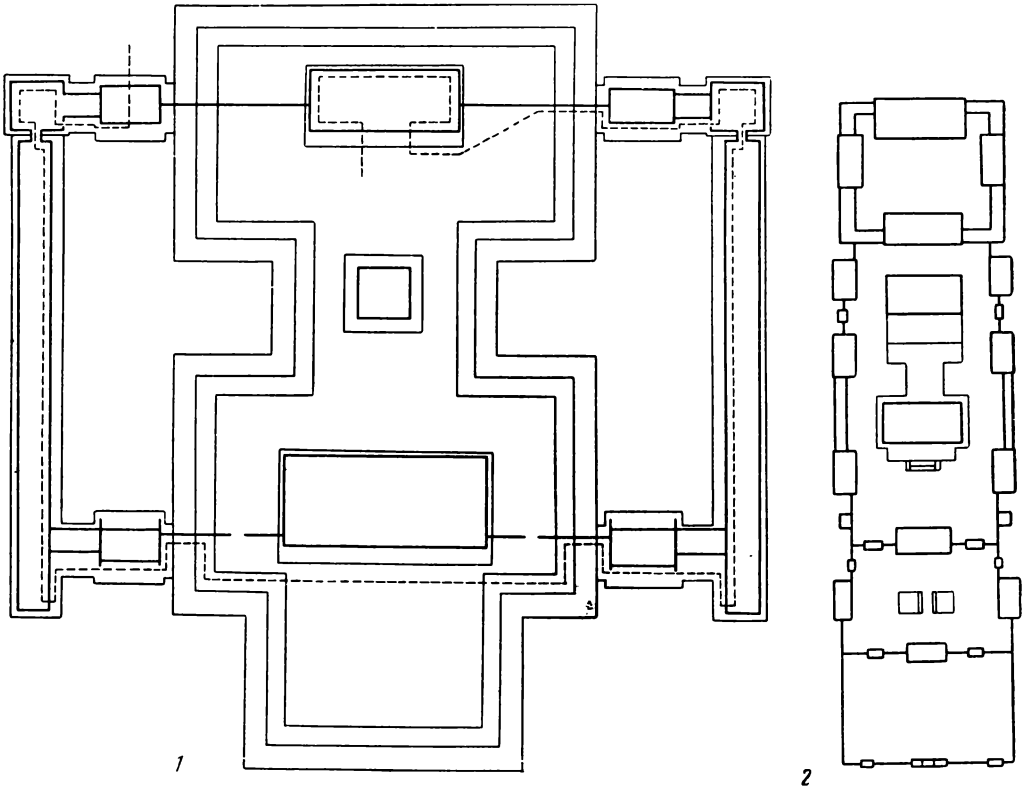


Рис. 98. Гугун. План центральной части б. императорского дворца (*1*) и план монастыря Байюн-гуан, построенного в эпоху Юань по принципу «гун» (*2*).

эти деревянные боковые постройки были оформлены весьма тщательно, затейливо раскрашены и входили в единый комплекс зданий, развертывавшийся от южных ворот через главный дворец к северному павильону.

* * *

Изученный нами дворец Угэдэя в Кара-Коруме очень интересен в историко-архитектурном отношении. Несмотря на то, что его конструкция, строительные приемы, отделка и декор, начиная от плаформы и кончая деталями черепичной кровли, несут много черт, традиционных для китайской архитектуры, — это совершенно новое явление, возникшее далеко на севере от Китая в 1235 г.

До недавнего времени считалось, что новая планировка дворцовых и храмовых зданий по типу «гун» развилась только в минское время. Особенность этой планировки заключается в том, что ряд павильонов, обычно поставленных перпендикулярно главной оси ансамбля и следующих друг за другом, объединяется переходами общей платформы в единый архитектурный комплекс. Классическим примером такого расположения считается центральная часть главного ансамбля пекинского Гугуна, где знаменитые павильоны Тайходян, Тунходян и Баоходян стоят один за другим на объединяющей их платформе, имеющей вид иероглифа «гун» (рис. 98).

В настоящее время считается общепринятым, что эта часть Пекинского дворца, пышно оформленная в минское время, сохранила планировку, приданную ей еще в эпоху Юань. Тем самым признается, что планировочный принцип «гун» возник в эпоху монгольского господства [17]. Это подтверждается и другими постройками, сооруженными по принципу «гун» в юаньское время. Таков, например, уцелевший даосский монастырь Байюн-гуан (рис. 98, *2*) [18]. Аналогична планировка и дворца Юнлогун, построенного в провинции Шанси в 1244—1262 гг.[19] Все эти три сооружения состоят из отдельных павильонов, объединенных общей платформой в виде иероглифа «гун».

Если мы сравним с этими зданиями дворец Угэдэя в Кара-Коруме, то увидим, что в основу его планировки положен также принцип «гун». Платформа, на которой стоял главный парадный павильон дворца, в северной части переходит в узкий и даже несколько пониженный подиум соединительного перехода, приводящего к платформе северного жилого павильона.

Однако дворец Угэдэя — сооружение, в котором принцип «гун» еще не достиг полного развития. Соединительная часть между двумя платформами — северной и южной — очень узка и сильно понижена. Правда, такое понижение соединительных переходов известно и в более позднее время в том же пекинском Гугуне, но как раз не в тех частях, которые построены в полном соответствии с принципом «гун» [20]. Узость соединительной части также слишком велика для классической планировки «гун».

Все это заставляет предположить, что строители дворца Угэдэя только начинали разрабатывать планировку по принципу «гун». Они уже отошли от приемов предшествующего времени, когда каждое сооружение дворцового комплекса стояло изолированно на особой платформе; они объединили платформы южного и северного павильонов, но сделали это робко, превратив дорожку между ними, которую можно видеть и в более древних зданиях, в низкую соединительную террасу, а может быть, и крытую галерею.

Если такой вывод подтвердится, то кара-корумский дворец Угэдэя можно будет считать древнейшим, дошедшим до нас, зданием, при строительстве которого применен принцип «гун». Позднее, как мы увидим ниже на примере дворца в Кондуе, этот принцип планировки получил в Монголии такое же полное развитие, как и в Китае.

Однако этим не исчерпывается своеобразие архитектуры дворца Угэдэя в Кара-Коруме. Выше отмечалось, что подавляющее большинство китайских зданий, построенных по принципу «гун», расположено перпендикулярно основной (чаще всего — северо-южной) оси ансамбля, параллельной коротким фасадам. Соответственно

[17] Лю Ци-пин. Типы и структура китайской архитектуры. Пекин, 1957, рис. 17 (на кит. яз.); Е. А. Ащепков. Архитектура Китая, М., 1959, табл. 121.

[18] С. Араки. Байюн-гуан-цзы. Токио, 1933 (на кит. яз.).

[19] Чи Юн-тао, Ту Сань-чоу и Чен Мин-та. Новые открытия в области древней архитектуры в провинции Шанси в последние два года. ЦЦ, 1954, № 1, стр. 37 и сл. (план Юнлогуна см. на стр. 69; на кит. яз.).

[20] Ср. мраморную соединительную террасу между павильонами пекинского Гугуна.

распланировано в этих «классических» зданиях и внутреннее пространство. Входные двери находятся посередине длинных сторон фасада, а внутренние ряды колонн образуют нефы, идущие не от входа в глубь здания, а поперек него.

В кара-корумском дворце этот принцип выдержан только при планировке северного павильона. Главный же павильон выстроен очень своеобразно в виде вытянутого вглубь (с севера на юг) четырёхугольного здания, в котором идут четыре ряда колонн, образующих пять продольных нефов. Такое построение, близкое европейским средневековым сооружениям, было легко понято Рубруком, который, описывая главный павильон дворца Угэдэя, особо отметил его «корабли».

Сейчас еще нет достаточных данных для объяснения причин применения столь своеобразной планировки. Можно лишь заметить, что такая планировка главной части дворцового комплекса и в дальнейшем применялась в монгольской архитектуре. Примером может служить дворец в Кондуе, который сохранил вытянутую в глубь здания многонефную планировку, хотя она и сочеталась с обычным развертыванием сооружения перпендикулярно главной (северо-южной) оси ансамбля. Поэтому Кондуйский дворец и оказался построенным по крестообразному плану, который так удивлял всех его исследователей [21]. Архитектура Кондуйского дворца ясно доказывает, что принципы планировки, которые впервые в Монголии так ярко выразились в построении кара-корумского дворца Угэдэя, со временем упрочились и, развиваясь, достигли большой степени совершенства.

В этих своеобразных чертах архитектуры больших зданий, воздвигнутых в монгольских землях в XIII—XIV вв., выражены местные художественные тенденции. В сочетании с некоторыми строительными приемами и искусством декора, известными ранее, эти черты и могли дать основы, на которых развилась древнемонгольская архитектура Кара-Корума и Кондуя.

С. В. КИСЕЛЕВ
Л. А. ЕВТЮХОВА

[21] См. третью часть настоящей книги.

ФРЕСКИ, НАЙДЕННЫЕ ПОД ДВОРЦОМ УГЭДЭЯ В КАРА-КОРУМЕ

Позади главного здания дворца Угэдэя идет к северу возвышение — бывшая терраса, соединявшая центральный павильон с северным. При раскопке этого возвышения, как уже говорилось, найдено довольно большое количество обломков известковой стенной штукатурки с фрагментами росписи [1].

Все фрески расписаны по тонкому слою белой штукатурки, скорее даже побелки, — нанесенному на желтую глиняную обмазку стены, толщиной до 1 см. Стены разрушенного здания были серо-коричневого цвета, глиняные, с примесью соломы[2].

Роспись стен уничтоженного в XIII в. здания носит религиозный, буддийский характер. Из отдельных фрагментов, на которых сохранились поддающиеся определению изображения, видно, что более крупные фигуры Будды окружены сценами, составленными из более мелких фигур. Нам кажется, что стилистически изображения делятся на три типа, приближающихся к тибетскому, уйгурскому и китайскому, это показывает, что в росписи стен участвовали разноплеменные мастера.

В некоторых изображениях тибетского типа усматриваются черты сходства с изображениями из Эрмитажной коллекции, собранной П. К. Козловым в Большом субургане Хара-Хото.

На двух фрагментах из Кара-Корума сохранились глаза человека (табл. I, рис. 4 и 5). Они нарисованы на синем фоне волнистыми линиями; зрачки желтые, белки окрашены в красный цвет. Можно предполагать, что они принадлежали изображению грешника — Преты, подобно найденному в Хара-Хото [3]. По учению лам, Прета — это наказанный в загробном мире за жадность и скупость (особенно тот, кто мало жертвовал на монастыри и храмы). У Преты пищевод тоньше волоска и его постоянно мучат голод и жажда.

[1] Рисунки фресок выполнены с натуры Л. А. Евтюховой.

[2] Обломки с фресковой росписью залегали беспорядочным слоем на участках 1—2 раскопа А4 и были разбросаны отдельными кусками на площади участков 1—7 раскопа А4 и участков 1—2 раскопа В4. Ни закономерность, ни система в их залегании не прослеживались.

[3] Государственный Эрмитаж, коллекция из Хара-Хото, № 65.

Прета из Хара-Хото сидит со скрещенными ногами на ковре и держит перед собой ложку с какой-то пищей. Его тело окрашено синей краской, совершенно такого же тона, как и на описываемых двух фрагментах. Зрачки — черные, а глазные яблоки (белки) — красные. По сходству красок и очертаниям глаз можно усмотреть близость изображения из Хара-Хоро с фрагментами из Кара-Корума.

На довольно большом фрагменте сохранилась верхняя часть прямоличного изображения Будды в высокой прическе, с овальным белым нимбом и обрамлением вокруг фигуры, помещенной на красном фоне, также заключенном в овал. Тело — серовато-желтоватого тона. Над правым плечом из-за нимба выступает золоченый острый луч. На левом плече видна красная одежда, правое плечо обнажено (табл. II, рис. *2*) [4]. Такое же изображение «Будды проповедующего» есть и в коллекции из Хара-Хото [5]. В деталях это изображение целиком совпадает с кара-корумским: одинаковы прическа, нимб и цвет фона.

По-видимому, к этому же кругу изображений можно отнести фрагмент фресок, на котором сохранилась лишь верхняя левая часть фигуры Будды (табл. II, рис. *3*). Аналогичны красная одежда, белый нимб и красный фон. Фигура, так же как у Будды из Хара-Хото, обрамлена белым. Тело окрашено в коричневатый тон.

Подобного же рода изображение можно усматривать еще на одном фрагменте (табл. I, рис. *7*) [6]. Краски здесь, в отличие от предыдущих изображений, несколько стерлись, но все же видна фигура сидящего Будды. Его тело окрашено в телесный цвет, одежда красная, нимб и обрамление фигуры в виде узорчатых кругов белые, а фон голубой.

На большом обломке росписи хорошо сохранилась верхняя часть головы Будды (табл. I, рис. *6*). Лицо окрашено в телесный цвет с желтоватым оттенком, под правым глазом заметен румянец. Черные волосы убраны в сложную высокую прическу с красной лентой; на голове надета рогатая тиара с красной каймой, бантом и желтыми кружками. Овальный нимб белого цвета обведён черным контуром. Из-за нимба на белом фоне обрамления выступают полукруглые завитки, выполненные черной краской. Сверху сохранился участок розоватого фона. Еще на одном фрагменте видна верхняя часть такого же изображения (но меньшего размера). Волосы причесаны подобным же образом, но тиара и широкая полоса, окаймляющая белый нимб, были вызолочены, так же как и широкая горизонтальная полоса над нимбом.

Несколько обломков (табл. I, рис. *1—3*, *8*), видимо, принадлежат к одной композиции. Детали рисунка обведены резким черным контуром, всюду широкими полосами нанесена позолота, цвета одни и те же. На наиболее крупном фрагменте (табл. I, рис. *8*) осталась часть правого плеча и груди человека [7]. Тело коричневатое, сосок отмечен красной краской. На плече видны три округлые широкие золотые полосы, от нижней — на руку спускается золотой треугольник. На груди — тоже золотое овальное вырезное украшение с подвесками. Под рукой — кусочек зеленого и белого фона, под грудью — красная полоса.

[4] Коллекция № 758.
[5] Государственный Эрмитаж, коллекция из Хара-Хото, № 77.
[6] Колл. № 769.
[7] Колл. № 762.

Фрески первого типа, найдены в Кара-Коруме (*1—8*)

Фрески первого типа, найденные под дворцом Угэдэя в Кара-Коруме (*1—4*)

1

3

2

4

5

Фрески первого типа, найденные под дворцом Угэдэя в Кара-Коруме (*1—5*)

Фрески второго типа, найденные под дворцом Угэдэя в Кара-Коруме (*1—4*)

1

3

2

4

6

6

Фрески второго типа, найденные под дворцом Угэдэя в Кара-Коруме (*1—6*)

Фрески третьего типа, найденные под дворцом Угэдэя в Кара-Коруме (*1—7*)

1

2

4

3

5

Фрески третьего типа, найденные под дворцом Угэдэя в Кара-Коруме (*1—5*)

Кара-Корум. «Дом на перекрестке». Обломки штукатурки с росписью (*1—4*)

На другом обломке фресок (табл. 1, рис. *2*) сохранились нарисованные в этой же манере на красном фоне голубые пламевидные языки какого-то изображения с широкой золотой полосой [8]. На третьем обломке — верхние концы таких же пламевидных голубых языков на красном фоне (табл. I, рис. *1*). На четвертом фрагменте (табл. I, рис. *3*), по-видимому, можно усмотреть край такого же рисунка с золотым завитком, соприкасающимся с вертикальной золотой полосой. Справа от последней на светло-красном фоне более темной красной краской выполнен растительный орнамент из завитков и острых листьев [9].

Возможно, что к тибетскому же типу относятся и три обломка с изображением, вероятно, «учеников» Будды [10]. От первого из них (табл. II, рис. *1*) сохранились голова, обращенная на три четверти влево, с гладкими волосами, шея и правое плечо обнажены; левое — покрыто красной одеждой. Голова — в овальном белом нимбе, переходящем в белое обрамление со следами позолоты. Слева сохранилась часть общего красного фона. Цвет тела грязно-желтый. Вторая фигура, наоборот, обращена вправо и, несмотря на плохую сохранность красок, интересна тем, что здесь видны резная спинка седалища, окрашенная зеленым, и архитектурные детали в виде колонны и поперечной балки (табл. II, рис. *4*). Третий рисунок — фигура человека с поджатыми ногами и со сложенными на груди руками. Черные волосы гладкие, правое плечо и рука обнажены. Одежда с широким рукавом красная, нимб белый, на белом обрамлении — остатки позолоты. Фон стерся, но, по-видимому, был синий, так как кое-где заметны следы краски (табл. III, рис. *1*).

На нескольких других фрагментах сохранились остатки отдельных фигур. Среди них обращает на себя внимание лицо святого, сделанное лаконичными, но выразительными черными штрихами по белому фону (табл. III, рис. *2*) [11]. Интересно изображение части лица и торса «Будды благословляющего» с обнаженным правым плечом, в красной одежде, с белым нимбом (табл. III, рис. *3*).

Встречен фрагмент (табл. III, рис. *4*), где на светло-сером фоне сохранились ноги стоящего человека, окрашенные в белый цвет [12]. На щиколотках прорисованы красные горизонтальные полоски, покрытые сверху мазками золотой краски. Под ногами — золотая горизонтальная полоса с красным обрамлением.

Еще на одном фрагменте росписи видны на красном фоне части ног человека, одетого в легкие одежды. В трех местах — на левом бедре и обеих голенях — прорисованы золотом овальные листки (табл. III, рис. *5*) [13].

Видимо, тоже к тибетскому типу живописи можно отнести сохранившиеся на одном из фрагментов сжатые руки человека в красной одежде с широким рукавом и белым отворотом [14].

[8] Колл. № 761.
[9] Колл. № 370.
[10] Колл. № 757.
[11] Колл. № 776.
[12] Колл. № 385.
[13] Колл. № 374.
[14] Колл. № 373.

Несколько обломков фресковой росписи позволяют предполагать, что второй тип живописи, украшавшей стены, — уйгурский.

На довольно большом фрагменте мы видим часть сложного по композиции рисунка. Сверху — нижняя часть фигуры Будды в красной одежде, сидящего на пьедестале. Ниже расположены фигуры двух человек (табл. IV, рис. *1*). Левый, обнаженный до пояса, одет в красные штаны. У головы (слева) нарисовано или звериное ухо (от головного убора?), или птичье перо. Его глаза обращены на левого соседа. В руках он держит какое-то древко. От правой фигуры сохранились только плечо и рука с золотым браслетом. Не совсем понятно железное орудие типа алебарды, направленное в голову левой фигуры. Цвет тела у обеих фигур разный: у левой — светлый, у правой — смуглый. Может быть, художник, их рисовавший, хотел этим показать племенное различие изображенных. К этой же композиции, несомненно, относятся еще три небольших фрагмента с неопределенными частями рисунков, где видны такие же украшения, как на пьедестале Будды с первого из описанных нами фрагментов (табл. IV, рис. *2*) [15]. По одному из этих трех фрагментов можно судить, что вся композиция была обрамлена широкой золотой полосой.

Еще на одном фрагменте [16] мы видим часть фигуры человека в красном кафтане, подпоясанном широким кушаком. Правая рука лежит на правом колене, левая, согнутая в локте, — опирается на левое бедро вытянутой ноги (табл. IV, рис. *3*). На другом обломке росписи сохранилась часть фигуры женщины, одетой в красный халат с высоким воротом, подпоясанный белым кушаком. За правым ухом изображен золотой накосник (как у современных монгольских женщин), от которого вниз по плечу спускаются волосы, заплетенные в три косы (табл. IV, рис. *4*). Можно отметить, что одежда этих двух фигур напоминает современные монгольские халаты — дэли с высоким воротом и длинным сборчатым рукавом.

Еще два фрагмента фресок сохранили нам изображения женщин. На первом из них черным контуром нарисовано довольно полное женское лицо с красной лентой в волосах и бантом над правым ухом; две такие же ленты спускаются на грудь (табл. V, рис. *4*) [17]. На втором фрагменте — часть тонкого лица с крупной серьгой или подвеской под ухом и двумя прядями волос, спускающимися на обнаженную грудь. Вокруг шеи нарисованы две красные полосы — ожерелье или ленты (табл. V, рис. *2*)[18].

Следует отметить фрагмент рисунка, на котором контур человеческого лица исполнен черной краской, но губы маленького рта прорисованы красным. Рисунок интересен реализмом передачи этнического типа (табл. V, рис. *3*).

На небольшом обломке с частью человеческого лица розовато-белый фон заполнен небольшими красными контурными цветами, расположенными в шахматном порядке. Сверху проходит бордюр из серых, черных и красных полосок или с поперечной штриховкой, или с кружками между ними (табл. V, рис. *1*).

[15] Колл. № 764.
[16] Колл. № 754.
[17] Колл. № 386.
[18] Колл. № 759.

На двух фрагментах фресок уцелели части человеческих фигур. Первая, по-видимому, целиком обнаженная, вторая — до пояса. На теле обеих фигур нарисованы красные полосы, которые никак не могут быть связаны с деталями одежды, но более похожи на раскраску самого тела — татуировку (табл. V, рис. *5* и *6*) [19]. Такую же раскраску красным узором мы видим и на обнаженном теле человеческой фигуры другого фрагмента [20].

Наряду с описанными двумя типами стенной живописи, можно выделить еще и третий, непохожий на предыдущие и достаточно своеобразный. В нем можно легко увидеть сходство с китайской живописью. К этому типу следует отнести некоторое количество фрагментов, где, кроме изображений людей, сохранились части различных рисунков, в том числе и архитектурные детали, — например рисунок здания с характерной крышей (табл. VI, рис. *3*) [21]. Слева от здания изображены розовые облака, такие же, как и на других обломках (табл. VI, рис *4*). Контуры облаков прорисованы черными штрихами.

Есть часть рисунка двухэтажного здания с зеленым карнизом, отделяющим нижний серый этаж (может быть, каменный) от верхнего с красными колоннами. Внизу виден правый верхний угол двери с резной притолокой и полукруглой аркой, окрашенной в розовый цвет (табл. VI, рис. *5*). Есть часть стены дома зеленоватого цвета, с карнизом и пышным резным завершением, окрашенным золотом. Сверху изображены те же розовые облака [22].

На многих обломках сохранились части различных растительных узоров, заполнявших фон отдельных сцен (табл. VI, рис. *2* и *6*).

В нежных голубых и сероватых тонах изображен на небольшом фрагменте, окаймленный золотом, цветок хризантемы (табл. VI, рис. *1*) [23].

От различных сцен фресок этого типа уцелело несколько неполных изображений людей, и можно прийти к заключению, что их выполняли, по крайней мере, три различных мастера. Их объединяет общий стиль, но они сделаны в разной манере, присущей каждому отдельному художнику.

В одном случае [24] лицо тщательно вырисовано тончайшими контурными линиями. Это одутловатый человек с золотой серьгой в правом ухе, с гладко зачесанными волосами спереди, переходящими сзади в высокую, закрученную спиралью прическу, украшенную золотом. Одежда красная, с золотой каймой на груди (табл. VII, рис. *2*). На другом фрагменте также изображено лицо человека [25] (может быть, женщины) с высокой прической, но рисунок резко отличается от предыдущего толщиной линий и живописностью смелых штрихов контура. Особенно интересно трактован поворот глаз вправо, сделанный одним штрихом уверенной рукой мастера (табл. VII, рис. *4*).

[19] Колл. № 756 и 755.
[20] Колл. № 772.
[21] Колл. № 767.
[22] Колл. № 375.
[23] Колл. № 763.
[24] Колл. № 741.
[25] Колл. № 387.

Третий рисунок сделан сравнительно тонким штрихом, но в более небрежной манере — контуры неточны и иногда подправлены вторичным штрихом. Здесь изображен человек с протянутой правой рукой. На нем зеленая шапочка с двумя торчащими кверху острыми перышками. Фигура окрашена в телесный цвет, фон слегка зеленоватый (табл. VII, рис. *1*).

В той же манере выполнена еще одна сцена. Справа — обнаженная фигура человека с вытянутыми кверху руками, окрашенная в телесный цвет. Человек обращен лицом к полосе из двух линий, напоминающей дорогу, которая ведет вниз, к голубому озеру. Волнистыми линиями переданы на озере волны. В левом верхнем углу сохранилась нижняя часть ноги человека; она одного цвета с окружающим чуть желтоватым фоном (табл. VII, рис. *3*) [26].

По-видимому, также к этому же типу фресок относится и фрагмент, где на белом, чуть желтоватом фоне видны две ноги человека, окрашенные охрой (табл. VII, рис. *5*) [27].

Много мелких фрагментов не поддаются определению по типам живописи. На них, главным образом, уцелели части обрамлений живописных сцен, части фона и т. п. На одном видно изображение холмистого пейзажа (табл. VI, рис. *7*) [28]. Интересно, что в Южном храме монастыря Эрдэни-Цзу на северной стене, расписанной фресками в XVI в., есть пейзажи, исполненные в очень близкой манере.

Л. А. ЕВТЮХОВА

[26] Колл. № 371.

[27] Колл. № 372.

[28] Колл. № 766. Пользуюсь возможностью выразить благодарность Н. В. Дьяконовой за помощь при определении типов фресок.

РЕМЕСЛЕННО-ТОРГОВЫЕ КВАРТАЛЫ КАРА-КОРУМА

Исследования городской части Кара-Корума были предприняты в 1948—1949 гг. в трех местах. Первым раскопом изучен так называемый «дом на перекрестке» двух улиц, в центре города; второй раскоп заложен на месте восточных городских ворот, третьим раскопом прорезан городской вал, в северной его части.

В результате изучения городского вала и рва выяснилось, что они не имели серьезного фортификационного значения. Ров едва ли был глубже 1,5 м при ширине 7 м, а вал не превышал 2 м. На нем не было мощных стен, тянулся лишь плетневый палисад, вероятно, обмазанный глиной. Очевидно, назначение рва, вала и плетневых стен Кара-Корума было не столько оборонное, сколько полицейское и таможенное. С этим вполне согласуется свидетельство китайских послов, побывавших в Монголии в 30-х годах XIII в., о том, что там «не строятся города со стенами» [1].

О том, каковы причины неукрепленности древнемонгольских городов, — можно только догадываться. Едва ли к ним приложимо объяснение Марко Поло, сообщавшего, что при Хубилае «городам не позволено иметь стены и ворота» для того, чтобы восстающие против власти Великого хана не могли за ними обороняться и «препятствовать вступлению войск» [2]. Прежде всего эфемерные укрепления Кара-Корума сооружены гораздо раньше — в 1235 г. В более же раннее время и Кара-Корум, и другие города, расположенные в собственно Монголии, были и вовсе неукрепленными. Нам представляется, что сообщение Марко Поло относится лишь к городам завоеванных монголами стран, что же касается самой Монголии, то отсутствие или слабость укреплений существовавших там городов в XIII в., скорее, объясняется тем, что не было повода к их укреплению при той военной мощи, которой обладали полевые войска древнемонгольского государства. Другое дело, — когда империя Чингизидов в эпоху Юань пришла к упадку. Тогда Тогон-Тимур,

[1] Пэн Да-юй и Сюй-Тин. Краткие сведения о черных татарах. «Проблемы востоковедения», 1960, № 5, стр. 137.

[2] «Книга Марко Поло». М., 1956, стр. 280.

Рис. 99. Кара-Корум. Гранитная черепаха, стоящая на окраине восточного предместья.

основывая новую ставку на Керулене (теперь это городище Барс-хот I), вынужден был прежде всего укрепить ее стенами [3]. Как известно, он же предпринял и обновление Кара-Корума, возможно, пытаясь усилить и его оборону.

Восточные ворота были выбраны нами для раскопок потому, что они играли в жизни города особую роль. От них начинался путь в Китай. По этому пути, разделенному при Угэдэе на «ямы», прибывали из завоеванных восточных стран огромные транспорты, до шестисот телег ежедневно, с продовольствием для столицы. Только от восточных ворот протянулись в степь остатки предместья — улица, с обеих сторон окруженная домами. На окраине этого предместья стоит до сих пор «восточная черепаха Эрдэни-Цзу», на которой некогда был установлен какой-то важный указ, встречавший путника при подходе к столице (рис. 99).

На территории восточного предместья лежали обломки жерновов и молотильных камней. По-видимому, там жили горожане, занимавшиеся земледелием на подгородных землях, орошавшихся из Хухшин-Орхона [4]. По сведениям Вильгельма де Рубрука, у восточных ворот был расположен хлебный базар. Очевидно, там торговали местным и привезенным зерном.

Из центра города, от раскопанного нами «дома на перекрестке», к восточным воротам ведет сплошь обстроенная домами улица. По сообщению местных жителей, здесь особенно часто находятся монеты. Вероятно, это объясняется тем, что восточная улица Кара-Корума была торговой, с лавками купцов и мастерскими ремесленников.

Приступая к исследованию восточных ворот, мы заложили раскоп с таким расчетом, чтобы, захватив половину их проезжей части, изучить затем южную часть самого здания (рис. 100).

[3] Х. П э р л э э. Киданьские города и поселения на территории МНР (X в.—начало XII в.). Монгольский археологический сборник. М., 1962, стр. 55 и сл.

[4] Теперь на этих землях раскинулись пашни госхоза Эрдэни-Цзу.

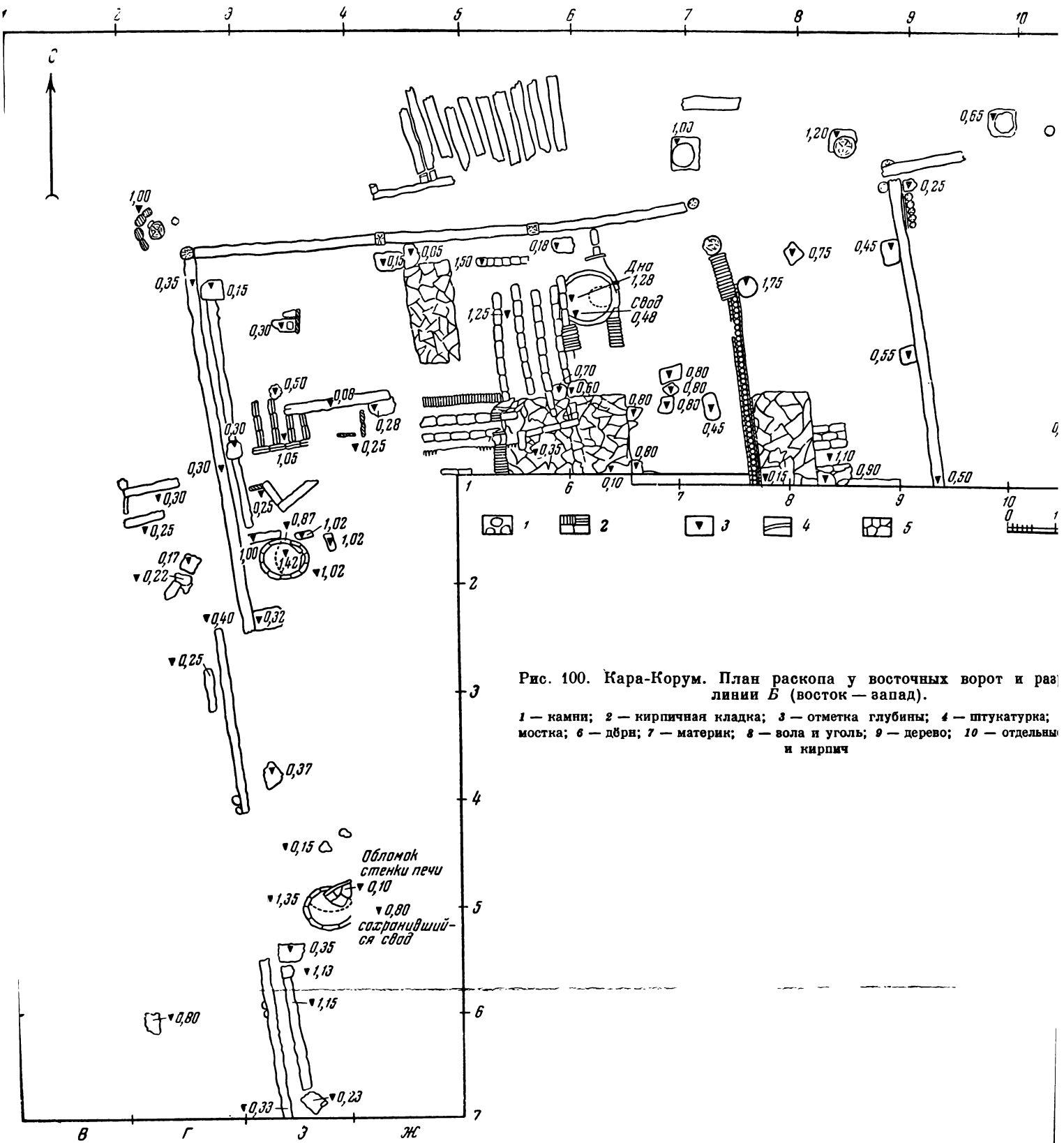
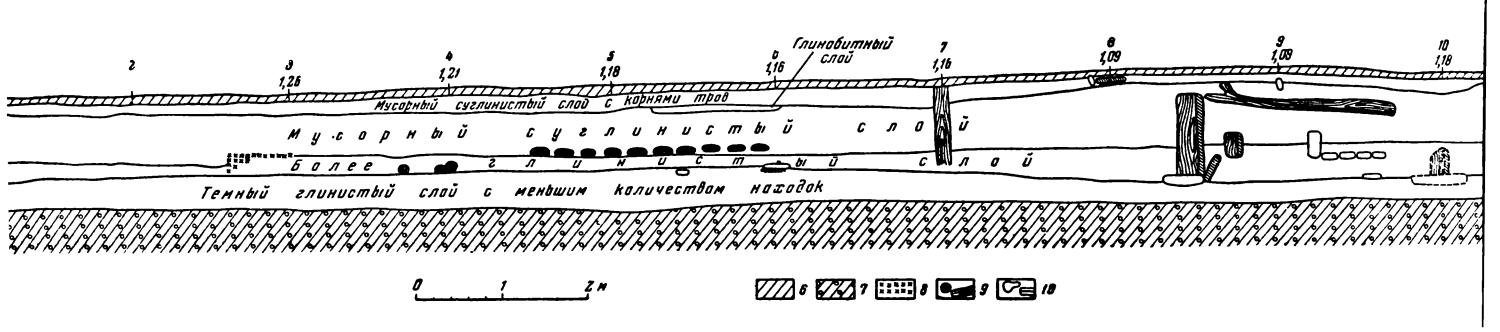


Рис. 100. Кара-Корум. План раскопа у восточных ворот и раз
линии *Б* (восток — запад).

1 — камни; *2* — кирпичная кладка; *3* — отметка глубины; *4* — штукатурка;
мостка; *6* — дёрн; *7* — материк; *8* — зола и уголь; *9* — дерево; *10* — отдельны
и кирпич



Выяснилось, что проезжая часть ворот была длинным коридором, мощенным поперечно положенными деревянными горбылями. Ширина его равнялась приблизительно 6,5—7 м. Главная часть ворот, по-видимому, была с верхней надстройкой. На это указывают стоящие в ряд (участки А7—11) остатки массивных деревянных колонн диаметром до 0,4—0,5 м, установленных на каменных плитах.

Однако стены воротных помещений отнюдь не были массивны. Они, вероятно, состояли из дощатых щитов, вставленных в клетки, образованные вертикальными брусьями толщиной 20 см и такими же поперечными балками.

Главная часть воротного здания, от которой на юг и на север тянулись вал и ров, в раскопанном нами месте сохранилась плохо. Вся внешняя ее половина, обращенная в поле, оказалась сильно разрушенной, и мы можем только предполагать, что каменная опора колонны, найденная у восточного края раскопа (участок А11), отмечает внешний край здания. Если это так, то основная часть проезда, перекрытая верхней надстройкой, была протяженностью (с востока на запад) в 8 м. Сохранившаяся западная стена этой части сооружения состоит из частокола — вертикально врытых рядом друг с другом тонких (диаметром до 15 см) бревен, с обеих сторон оштукатуренных [5].

Судя по сохранившейся перегородке (по линии 9), основная часть южной половины воротного здания была разгорожена на два помещения — восточное, почти целиком разрушенное, и западное, в юго-западном углу которого найдены остатки каменной вымостки, вероятно, служившей для установки обогревательной жаровни.

С запада к главной части воротного здания примыкала каркасно-щитовая постройка. Мы проследили ее к западу на 9 м. Там на участке Б2 стоял ее угловой столб, а деревянная стена, от которой сохранились лишь нижние бревна, поворачивала под прямым углом на юг. В этом направлении нам удалось проследить постройку, тянувшуюся вдоль внутренней стороны городской стены на 15 м. По-видимому, это сооружение было пристроено к воротному зданию; часть его, расположенная ближе к проезду, использовалась под теплое помещение охраны, а остальные части служили местом торговли и работы ремесленников.

Это доказывается находками. В помещении, обращенном к проезжей части, обнаружены прекрасно сохранившаяся шаровидная кирпичная печь с округлым топочным отверстием (рис. 101) и примыкавшие к ней каналы кана, выстланного поверху каменными плитами. Каналы кана, видимо, обходили все помещение. Здесь мы нашли всевозможные игры — кости, домино, плиту, расчерченную для игры в оленя — «бугу», своего рода монгольские шашки, а также множество больших астрагалов для игры в «черепаху», которая и сейчас служит любимым времяпрепровождением монголов. Очевидно, охрана ворот жила вольготно, имея много времени для игр.

В других помещениях, обращенных на юг, сзади городской стены, также стояли печи, но канов не оказалось. Тут найдены три обломка железа и много битой глиняной посуды. По-видимому, здесь ковали железо и торговали готовыми изделиями, это

[5] См. план — рис. 100, квадраты Б, Д, Е7.

Рис. 101. Кара-Корум. Печь, сохранившаяся в караульном помещении у восточных ворот.

блестяще подтвердилось находкой 1950 г., когда близ этих помещений был обнаружен целый склад металлических изделий, — главным образом, земледельческих орудий [6].

* * *

Все особенности Кара-Корума, лишь частично наметившиеся при раскопках у восточных ворот, с предельной ясностью выступили в результате исследований «дома на перекрестке» в центре города (рис. 102).

Касаясь этих исследований, нужно отметить чрезвычайную интенсивность городской жизни, отразившуюся в мощности культурных наслоений. За короткий срок существования города, который едва ли прожил 300 лет и из них только 32 года был столицей империи, культурный слой достиг 5 м и оказался буквально перенасыщенным находками. При этом центральный район пережил два пожара; остатки их четко разграничивают толщу культурного слоя на три горизонта (рис. 103). Верхний слой пожара по всем признакам связывается с разрушением Кара-Корума войсками Минов в 1368 г. Постройки, лежащие выше, судя по находкам, относятся, главным образом, ко времени монастыря Эрдэни-Цзу. Что же касается первого пожара, то вероятнее всего связывать его с разграблением Кара-Корума при преемнике Хубилая, когда в 1295 г. начальник обоза императорской армии «разгромил и разграбил базары и амбары Кара-Корума».

[6] Д. Навааан. Склад железных изделий из Хара-Хорина. Монгольский археологический сборник. М., 1962.

Рис. 102. Кара-Корум. «Дом на перекрестке». Общий вид раскопа.

Как и в доме у городских ворот, в «доме на перекрестке» помещались мастерские и лавки. Его открытые террасы выходили на обе улицы; стены были не только деревянные, но и из сырцовых кирпичей. Изнутри и снаружи дом был оштукатурен и расписан цгетами, бабочками и иероглифами (табл. VIII). Он дважды горел и дважды перестраивался. Однако и план, и устройство его оставались в основном неизменными. Оба раза дом крыли черепицей, а коньки кровли украшали рельефными изображениями драконов с оленьими рогами. Они встречаются и позднее в качестве архитектурных украшений. Оба раза устраивалось отопление в виде подпольных каналов — канов (рис. 104, *1*). Неизменным оставалось назначение помещений — они служили одновременно и мастерскими ремесленников, и лавами.

Очень интересен в этом районе города нижний горизонт культурного слоя, толщина которого достигает 0,6 м. Нижний слой с самого начала наполнен изделиями металлообрабатывающих ремесел. Здесь, на сравнительно небольшом участке, прилегающем к Восточной улице, найдено до десяти металлургических горнов и множество изделий. Среди них особо выделяется число цюнов — втулок к осям для огромных телег, на которых перевозились тяжести — знаменитые стенобитные и другие осадные машины монгольской армии, продовольствие, снаряжение и, наконец, дома — юрты монголов. Известия о таких огромных телегах мы находим у всех народов, имевших дело с монголами. Обнаружено много чугунных котлов

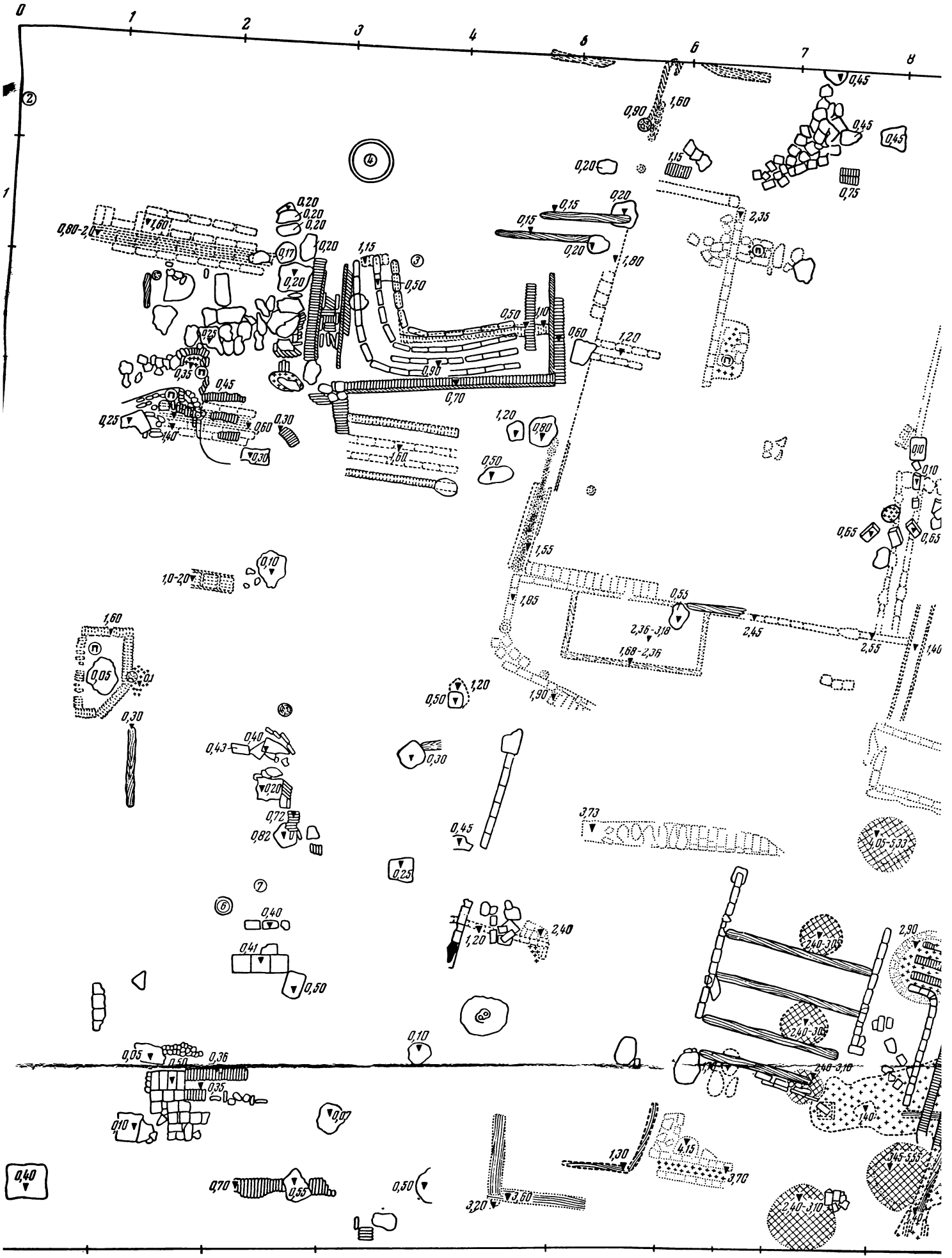
на ножках. Котлы эти отливались в Кара-Коруме также в большом количестве, по-видимому, для армии. Эти два вида изделий, не считая оружия, стрел и сабель, характеризуют основное назначение металлургии Кара-Корума. Она была рассчитана на производство вооружения и снаряжения для монгольской армии. Древнейший Кара-Корум предстает перед нами прежде всего как металлургическая военная база государства. Совершенство этой отрасли ремесла было очень велико. На это указывают анализы кара-корумских изделий, произведенные в Институте стали в Москве. Интересными оказались образцы белого чугуна и стали. Выяснилось, что белый чугун плавился при 1350°. Для достижения такой температуры, как заявили металлурги, недостаточно ручного дутья; необходим был двигатель, которым, очевидно, служила вода, проведенная в Кара-Корум из Орхона. Канал разветвляется в городе на многочисленные, до сих пор действующие рукава.

В более высокой части слоя в прилегающем к Южной улице обширном угловом помещении «дома на перекрестке» обнаружен кузнечный горн площадью до 10 кв. м (участки В, Д3—5). Это невысокий глинобитный постамент с грудой сильно пережженного древесного угля и золы. Под углем открыты остатки каналов, по которым поступал нагнетаемый мехами воздух. Тут же найдены куски кричного железа весом 1—3 кг. Ясно, что здесь вскрыты остатки кузнечной мастерской. Важно отметить, что около горна обнаружена обуглившаяся деревянная печать. Академик МНР Б. Ринчен сообщил нам после осмотра печати, что на ней вырезано слово «иджи», т. е. приказание. С этого термина обычно начинались указы, издаваемые от лица императрицы. Может быть, эта находка свидетельствует о связи металлургической мастерской с ханшей, которая во время походов Великого хана часто оставалась полновластной правительницей Кара-Корума.

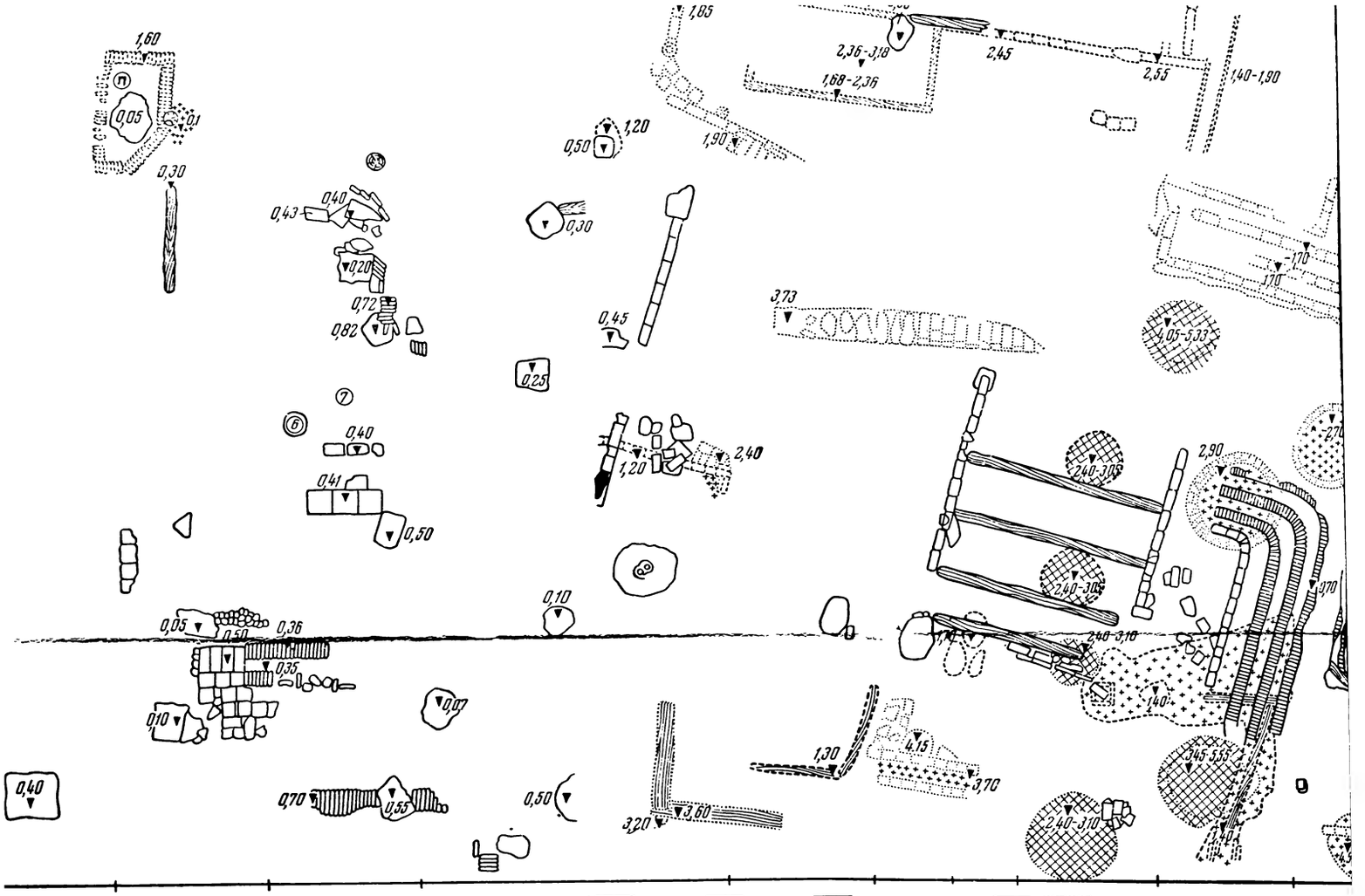
В верхних напластованиях преобладают остатки керамического производства. Найдены керамические печи (участки В, Д12 и 13; Д, Ж9 и 10), где выделывалась разнообразнейшая посуда, главным образом серая, прекрасно обожженная. В Кара-Коруме выделывали не только простую серую посуду; здесь изготовляли в большом количестве и поливную коричневую, с оливковым оттенком, а также — синюю и голубую, с поливой типа цзюнь-яо. При раскопках она вынута нами прямо из печи. Кроме того, около печей отмечено много брака — покоробленных и пережженных сосудов. Более дорогие сорта посуды, — такой, как цычжоу, селадон и другие, — были, по-видимому, привозными. Их полуфабрикатов и брака мы не нашли около гончарных печей.

Поливная керамика позволяет раскрыть и имена ее владельцев, сохраненные надписями на днищах сосудов. Судя по всему, керамическое производство в Кара-Коруме находилось в руках местных мастеров, а также пленных ремесленников, пригнанных сюда из Китая. Характерны и употреблявшиеся торговцами гири — медные, бронзовые и железные.

Торговля была очень обширная. Об этом свидетельствуют огромное количество монет, найденных в Кара-Коруме, и многие привозные вещи: зеркала, серебряная посуда, керамика, шелковые изделия и целый ряд других находок.



0
1
2
3
4
5
6
7
8
1 слой
2 слой
3 слой
камни
дерево
кирпичная кладка
штукатурка
уголь
яма
0
1
2 м



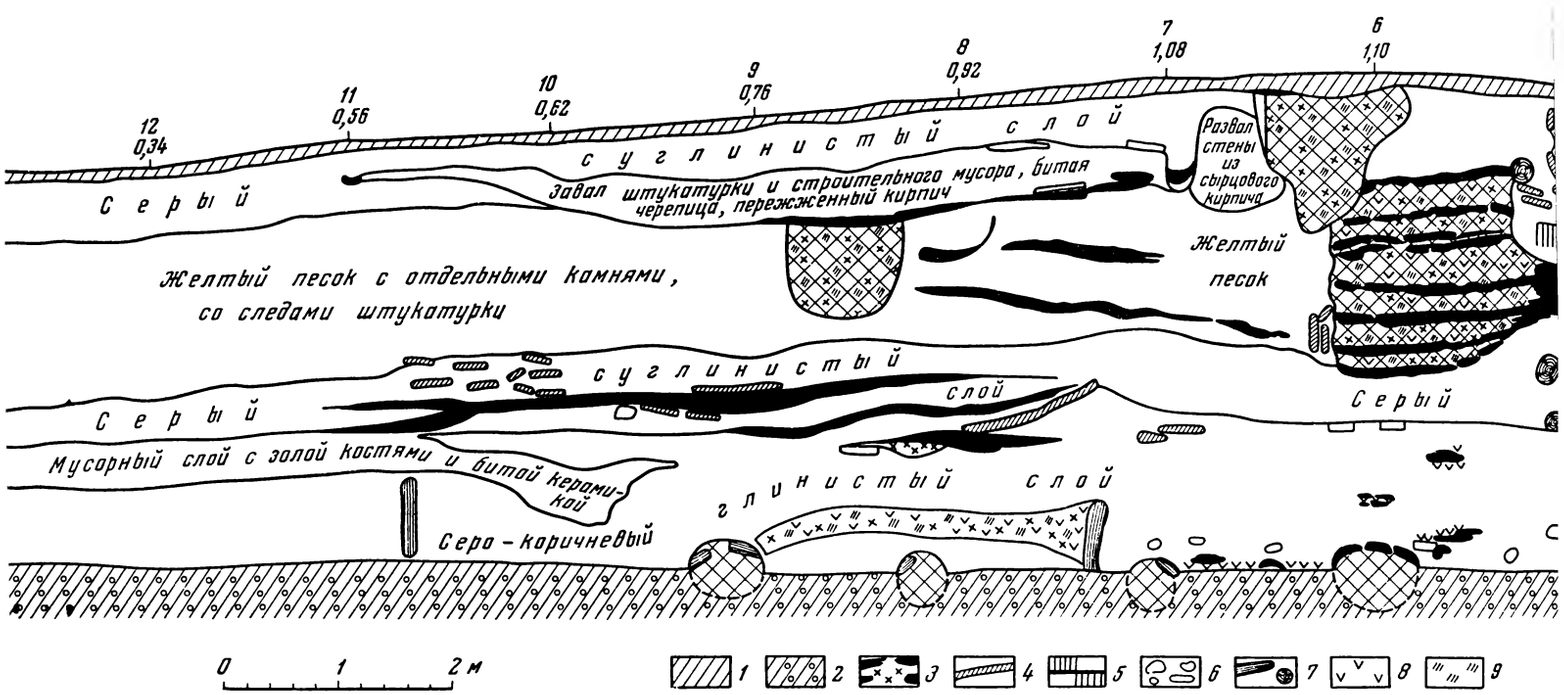
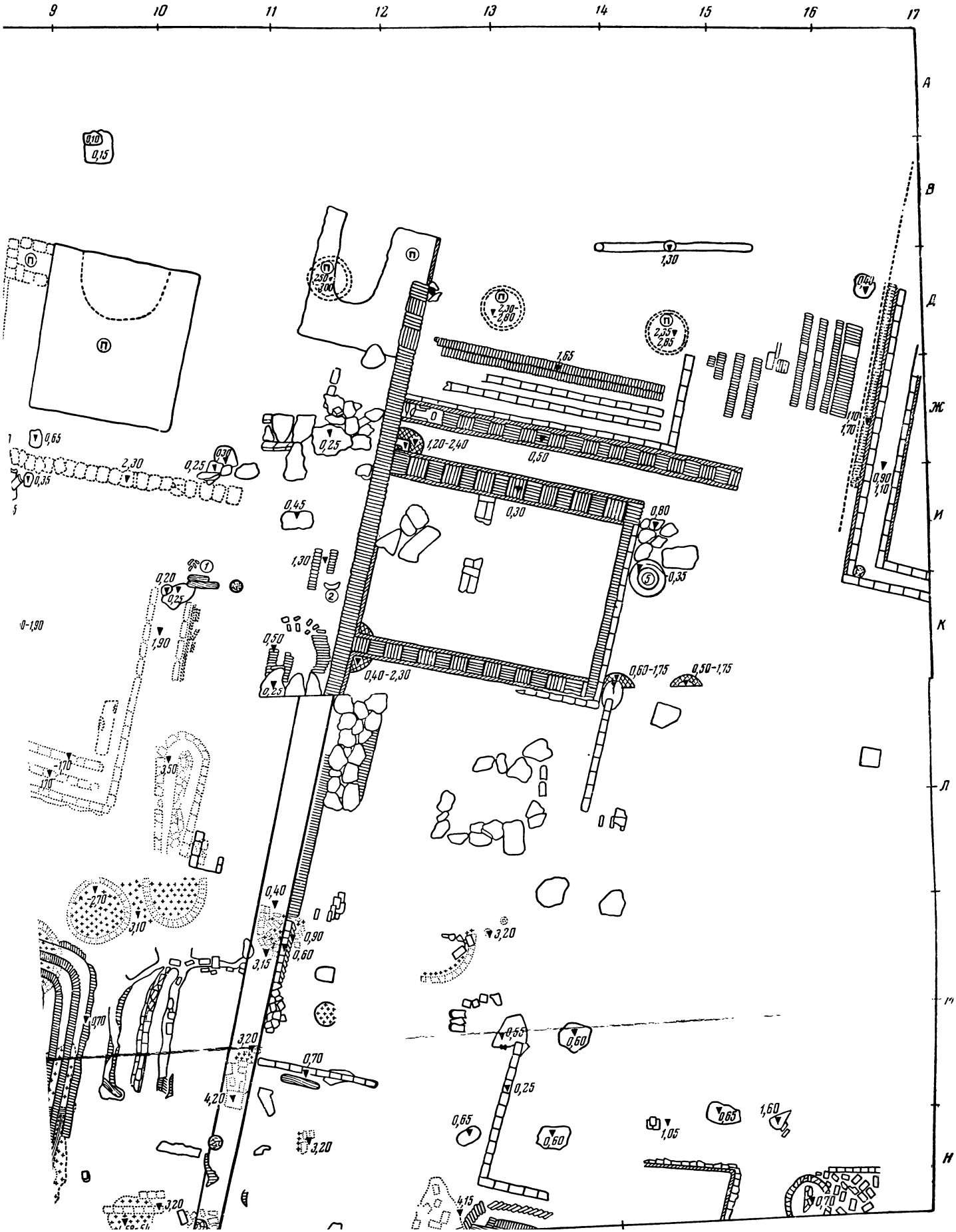
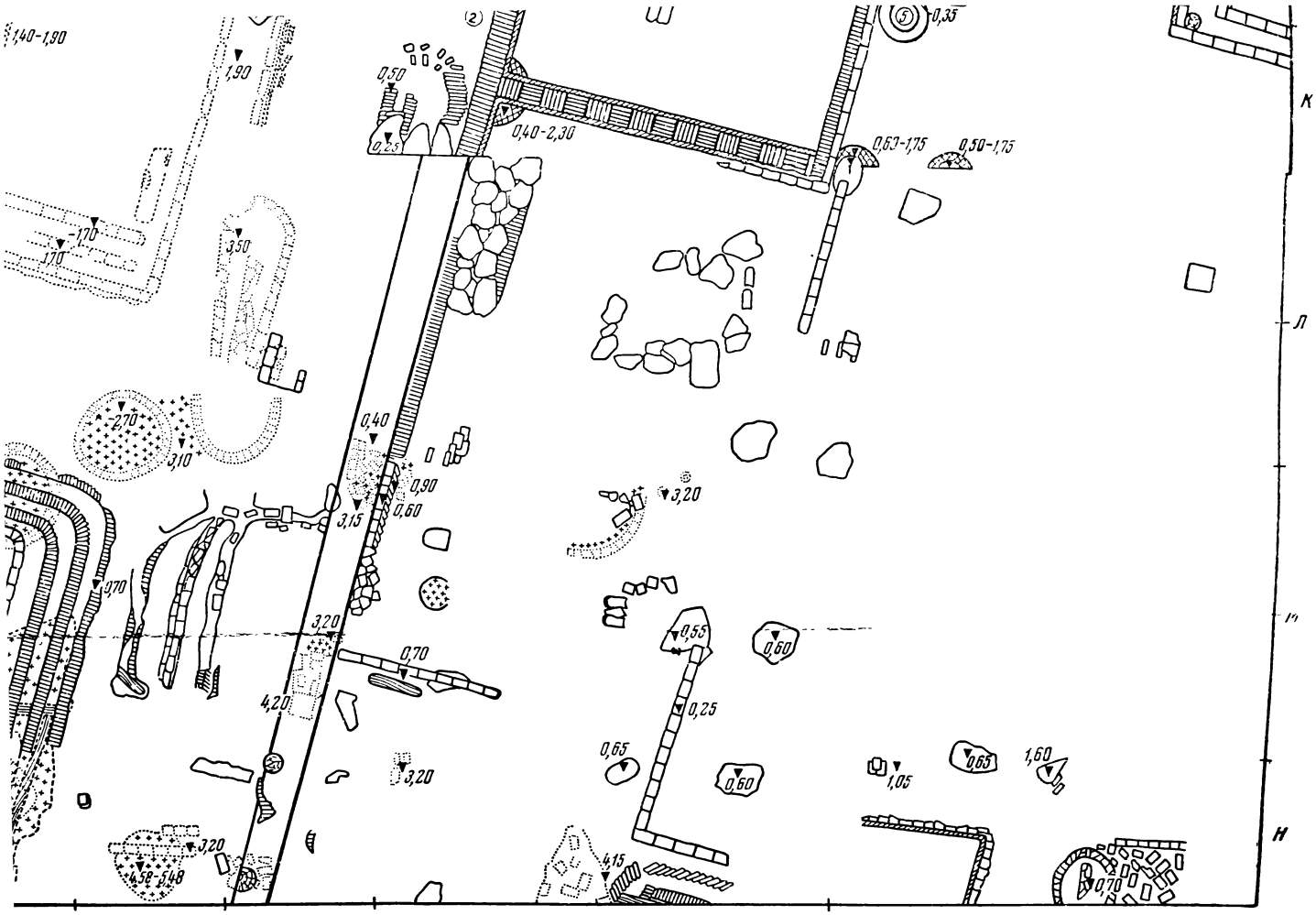


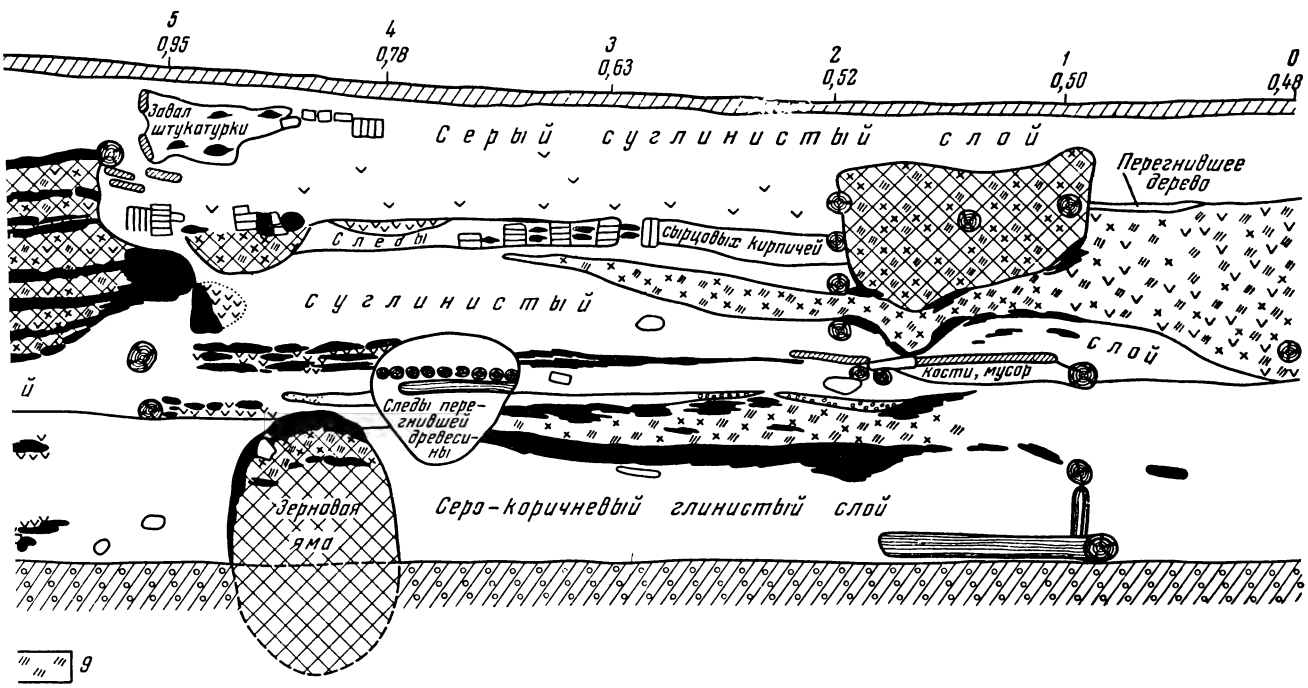
Рис. 103. Кара-Корум. «Дом на перекрестке», план и раз

1 — дерновый слой; *2* — материк; *3* — уголь и зола; *4* — скопление штукатурки; *5* — кирпичи кирпичи; *9* — мусор (обозначения *1* — *9* — для разрез

Цифры в кружках (на плане): *1* — Скопление обломков чугунных котлов; *2* — место *3* — место находки деревянной печати; *4* — жернов; *5* — каменная ступа; *6* — большой глиняный письью; П — печи.


9
10
11
12
13
14
15
16
17
А
В
Д
Ж
И
К
Л
Н
0,10
0,15
1,30
2,50
3,00
2,30
2,80
2,35
2,85
1,65
0,65
2,30
0,25
0,30
0,35
0,25
1,20-2,40
0,50
0,45
0,30
0,80
0,35
1,30
0,20
0,25
1,90
0,50
0,25
0,40-2,30
0,60-1,75
0,50-1,75
1,10
1,70
0,90
1,10
3,50
1,70
1,70
2,70
3,10
0,40
0,90
0,60
3,15
3,20
0,70
3,20
0,70
4,20
3,20
0,55
0,60
0,25
0,65
0,60
1,05
0,65
1,60
3,20
4,15
0,70





план и разрез по линии *Н*.

; *5* — кирпичи; *6* — камни; *7* — дерево; — пережженные
9 — для разреза).

лов; *2* — место находки монеты достоинством в 10 чохов;
шой глиняный сосуд; *7* — место находки дна сосуда с над-

Рис. 104. Кара-Корум. «Дом на перекрестке».
1 — каналы кана (средние слои); *2* — каменная ступа.

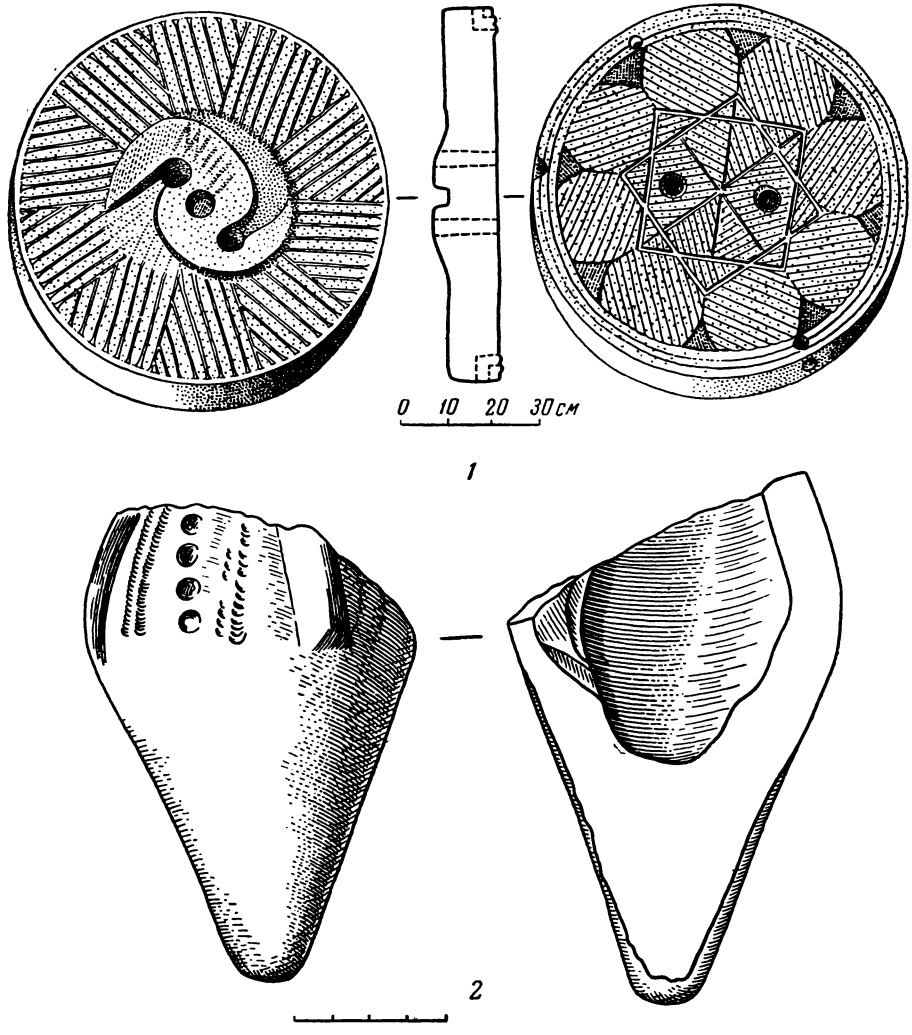


Рис. 105. Кара-Корум. Находки в «доме на перекрестке».
1 — жернов; *2* — сфероконический сосуд.

При раскопках мы нашли 185 древних монет. Характерно большое число древних китайских монет — не только XII, но и XI в., очевидно, попавших в руки монголов в виде военной добычи.

Сосредоточение в стенах города обширного ремесленного населения способствовало развитию в его окрестностях земледелия. Землю пахали плугами. Лемехи и отвалы мы нашли в домах обоих горизонтов; крупные жернова обнаружены и в центре и у городских ворот. В «доме на перекрестке» удалось найти целый жернов (рис. 105, *1*) и каменную ступу для растирания крупы (рис. 104, *2*). Город был настолько многолюден, что, конечно, ему не хватало хлеба с окрестных полей. Мы уже говорили, что при Хубилае ежедневно из Китая направляли в Кара-Корум до 600 телег с хлебом и что у восточных ворот города торговали зерном.

У других ворот также шел оживленный торг. По сведениям Рубрука, «у северных продают коней», «у западных (обращенных к заливным лугам Орхона) — баранов и коз», «у южных — быков и повозки».

Судя по нашим раскопкам, мелкий скот занимал главное место в мясной пище обитателей: 90% всех костей принадлежит овцам и козам. Очень мало костей коровы и еще меньше — лошади. Характерно, что охотой тогда монголы занимались лишь со спортивными целями. Среди огромного количества костных остатков домашних животных, собранных в Кара-Коруме за два сезона раскопок, из костей диких животных встретились лишь кости одного кулана [7].

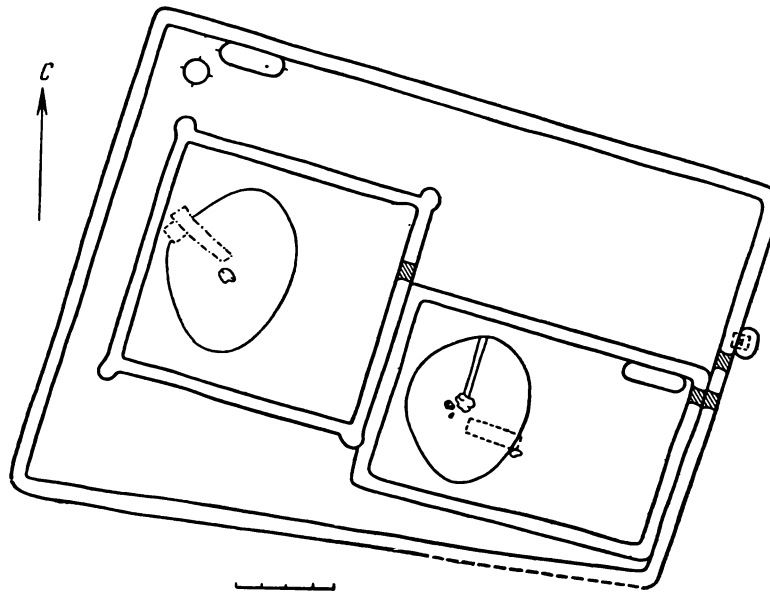


Рис. 106. Кара-Корум. Южное укрепление.

Второй ярус культурного слоя сверху ограничен прослойкой второго пожара, который, по-видимому, нужно связывать с событиями 1368 г., когда войска Китая вошли в Монголию и разрушили Кара-Корум.

Верхний ярус относится к еще более позднему времени. Здесь оказалось много всевозможных принадлежностей буддийского культа, которые связываются с жизнью монастыря Эрдэни-Цзу. До нас не дошли сведения о том, в каком положении находился Кара-Корум ко времени основания монастыря в 1585 г. Но в древнейших монастырских зданиях, сохранившихся от этого времени, использованы в большом количестве гранитные плиты, аналогичные найденным во дворце Угэдэя. Это говорит о том, что к моменту постройки древнейших храмов Эрдэни-Цзу дворец, по-видимому, уже не существовал. Из его развалин извлекали строительный материал, так же как до недавнего времени он выбирался для ремонта монастырских зданий.

[7] Кости определялись В. И. Цалкиным, за что приносим ему искреннюю благодарность.

Однако в центральной части города и в позднейшую эпоху продолжали существовать обширные здания, например, — здание из прекрасного серого кирпича, обнаруженное в восточной части раскопа I (участки В, Н 11—17), залегавшее всего на глубине 0,3—0,4 м от современной поверхности. Возможно, оно принадлежало или чиновнику, прикомандированному к монастырю, или крупному торговцу.

Кара-Корум, безусловно, привлекал к себе внимание правителей Халхи в более позднее время. Х. Пэрлээ, участвуя в работах Монгольской историко-этнографической экспедиции АН СССР и КН МНР, исследовал укрепление на горе южнее Эрдэни-Цзу, где стоит «южная черепаха» (рис. 106). Основываясь на полученных материалах, он высказал интересное предположение о том, что это остатки замка, построенного в Кара-Коруме создателем Эрдэни-Цзу Абатай-ханом. Известно также, что Дали-хан Бат-Мунхэ сделал своей столицей Кара-Корум [8]. Однако эти временные и частичные восстановления Кара-Корума не поднимали его над другими аналогичными городами — ставками правителей в период феодальной раздробленности. Постепенно поселение на месте древней столицы Чингизидов превращалось в посад при знаменитом монастыре.

В одной из своих работ мы пытались показать большое значение в позднесредневековой Монголии монастырей, окруженных многолюдными торгово-ремесленными посадами [9]. В условиях развивавшегося феодально-теократического строя жизни большие монастыри, как и ставки крупнейших светских феодалов, заменяли обычные городские центры. И характерно, что, несмотря на тесную связь с церковью, в этих посадах (в Ургинском и Эрдэни-Цзу) появлялись те первые ростки свободомыслия, которые привели в дальнейшем к возникновению революционных кружков, основывавшихся людьми, создававшими впоследствии Монгольскую Народно-Революционную Партию.

С. В. КИСЕЛЕВ, И. Я. МЕРПЕРТ

[8] Х. Пэрлээ. К истории городов и поселений в Монголии. СА, 1957, № 3, стр. 43 и сл.
[9] С. В. Киселев. Древние города Монголии. СА, 1957, № 2.

МОНЕТЫ ИЗ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ КАРА-КОРУМА [1]

В культурном слое Кара-Корума и в районе раскопов на поверхности найдено 230 монет. Из них 203 монеты хорошо сохранились и поддаются определению. Они почти все китайские; за исключением одной цинской железной, все — медные и относятся ко времени начиная с до-танской эпохи и по XIX в. включительно.

Мы приводим распределение 185 монет, найденных в культурном слое, по каждому раскопу по слоям (табл. 1—3). Изображения монет см. на табл. IX—XV в конце этого раздела.

Наиболее древние находки в культурном слое Кара-Корума — две китайские монеты («У шу», т. е. весом в 5 «шу»), относящиеся ко времени от 118 г. до н. э. до 618 г. н. э.[2]

Монет династии Тан, Кай-Юань (621—907) найдено 8 экземпляров, Северной Сун — 152 экземпляра (по времени — от 990 до 1126 г.), Южной Сун — 3 экземпляра (по времени — от 1195 до 1201 г.) [3]. Чжурчженьской династии Цзинь принадлежат 19 монет (по времени — от 1151 до 1190 г.), династии Юань — 2 монеты, чеканенные в 1310 г. Две монеты определены как монгольские; одна из них — XIII в., другая из-за плохой сохранности отнесена предположительно к XIII—XIV вв. Найдено 6 монет династии Цин (по времени — от 1736 до 1862 г.). Такая же поздняя монета из обнаруженных в культурном слое Кара-Корума — японский сен типа Кваней, чеканенный в г. Намбу после 1860 г. (найден во втором слое сверху, раскоп I, уч. Л. 6, сл. 2).

Почти все монеты имеют достоинство в один чох, но есть и более крупные. Так, двойных чохов встречено шесть, из них пять — династии Северной Сун и один —

[1] В этом разделе, подведены некоторые итоги изучения нумизматического материала Кара-Корума. Монеты из раскопок Кара-Корума определены заведующим отделом нумизматики Государственного Эрмитажа А. А. Быковым. Монеты с соответствующей документацией хранятся в Институте истории АН МНР.

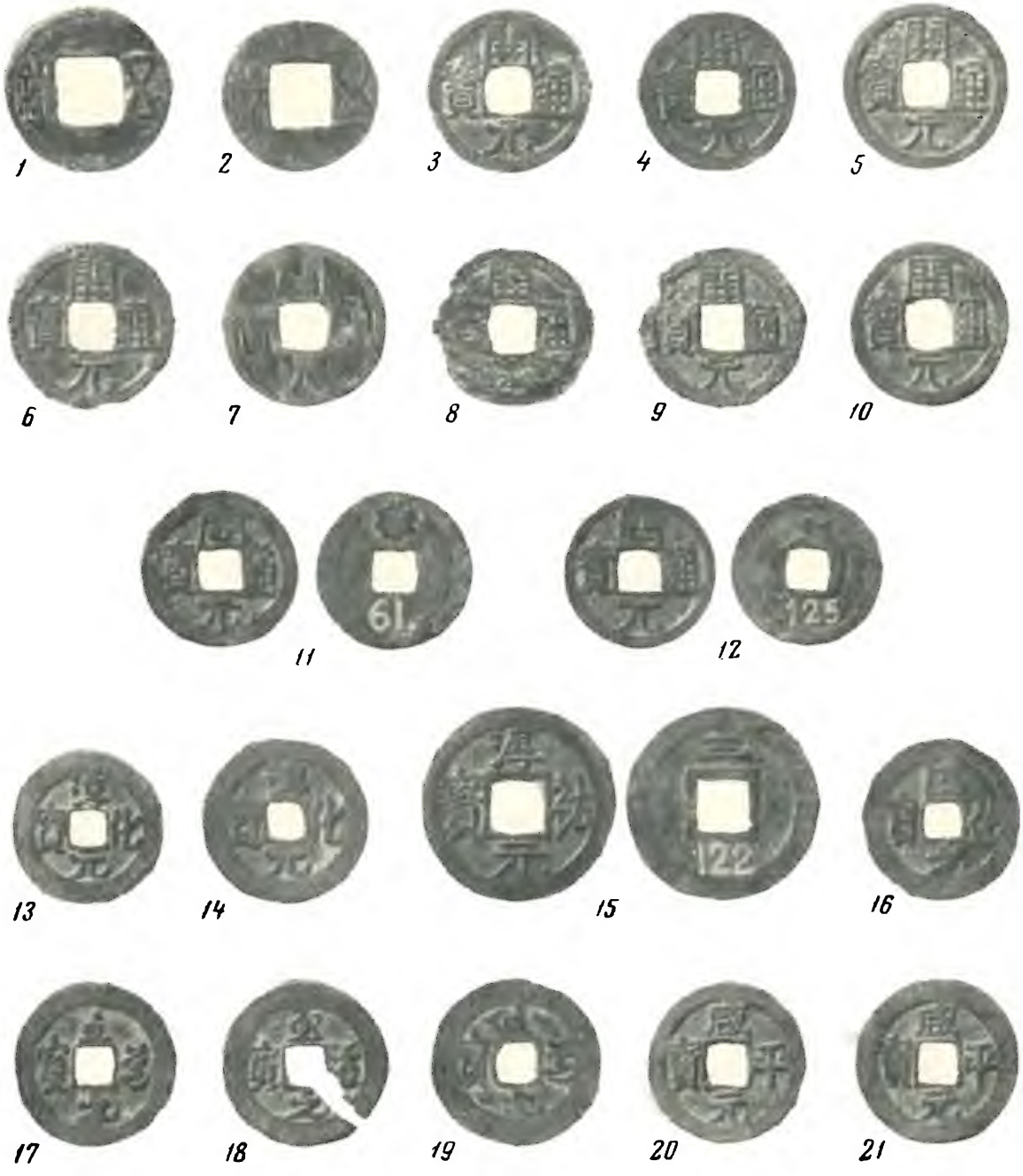
[2] Найдены: раскоп I, уч. Л4, сл. III; раскоп I, уч. Л9, сл. IV; по описи № 172 и 174.

[3] Одна из них, из-за плохой сохранности, предположительно отнесена ко времени династии Южной Сун.

Таблица 1

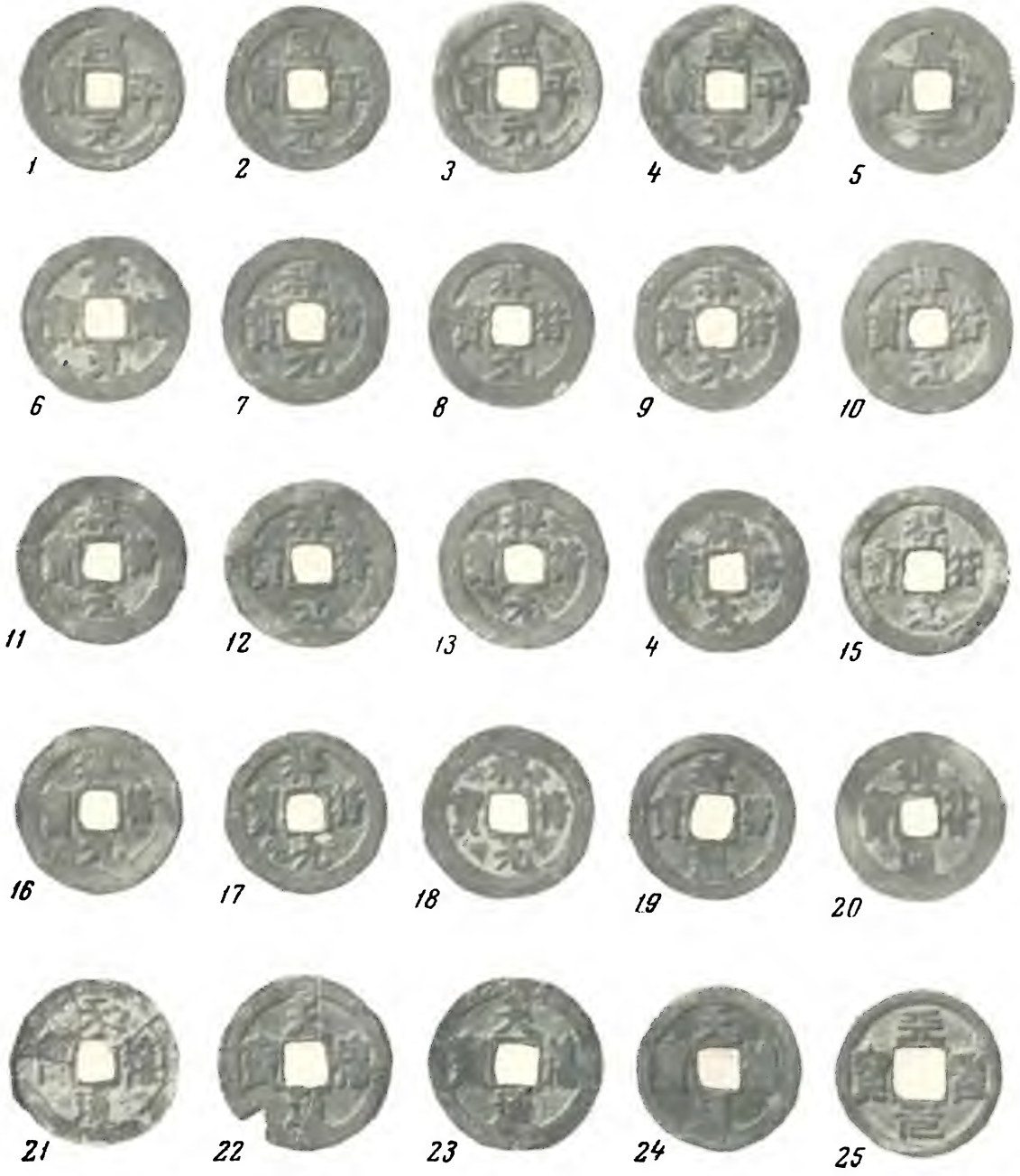
Кара-Корум. Находки монет в раскопе 1 («дом на перекрестке»)

Династия	Правление или девиз	Дата	Слои											Всего монет
			I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	
—	—	118 до н. э.— 618 н. э.	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	2
Тан	Кай-Юань	621—907	1	3	—	1	—	1	—	—	—	1	—	7
Северная Сун	Шунь-Хуа	990—995	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	2
То же	Чжи-Дао	995—998	1	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	
»	Сянь-Пин	998—1004	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	2
»	Цзинь-Дэ	1004—1008	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1
»	Сянь-Фу	1008—1017	1	2	5	2	3	9	1	—	9	—	—	32
	Тянь-Си	1018—1022	2	—	—	2	1	—	—	—	—	—	—	5
	Тянь-Шэн	1023—1032	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1
»	Хуан-Сун	1038—1040	1	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	3
	Чжи-Хэ	1054—1056	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1
	Цзя-Ю	1056—1064	1	2	1	—	—	—	—	—	1	—	—	5
»	Чжи-Пин	1064—1068	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	2
»	Си-Нин	1068—1078	—	1	—	4	1	1	—	—	—	—	—	7
»	Юань-Фын	1078—1086	4	3	3	1	3	1	—	—	—	—	1	16
»	Юань-Ю	1086—1094	2	2	1	2	—	1	—	—	—	—	—	8
»	Шао-Шэн	1094—1098	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1
»	Чун-Нин	1102—1107	2	—	2	2	—	—	—	—	—	—	—	6
	Шэн-Сун	1103	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
	Да-Гуань	1107—1111	—	—	1	—	—	—	—	—	1	—	—	2
	Чжэн-Хэ	1111—1118	—	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	3
	Сюань-Хэ	1118—1126	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Цзинь	Чжэн-Лун	1151—1161	1	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	3
»	Да-Дин	1161—1190	—	—	1	—	1	1	—	2	—	2	1	8
Южная Сун (?)	—	XII—XIII (?)	—	—	—	—	1	—	—	1	—	—	—	2
Юань	Чжи-Да	1310	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1
»	Да-Юань	1310	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1
Монгольская	—	XIII (?)	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1
То же	—	XIII—XIV (?)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1
Японский сен типа Кваней	—	1860	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Всего по слоям раскопа I	—	—	19	17	20	21	11	18	1	4	11	4	3	129



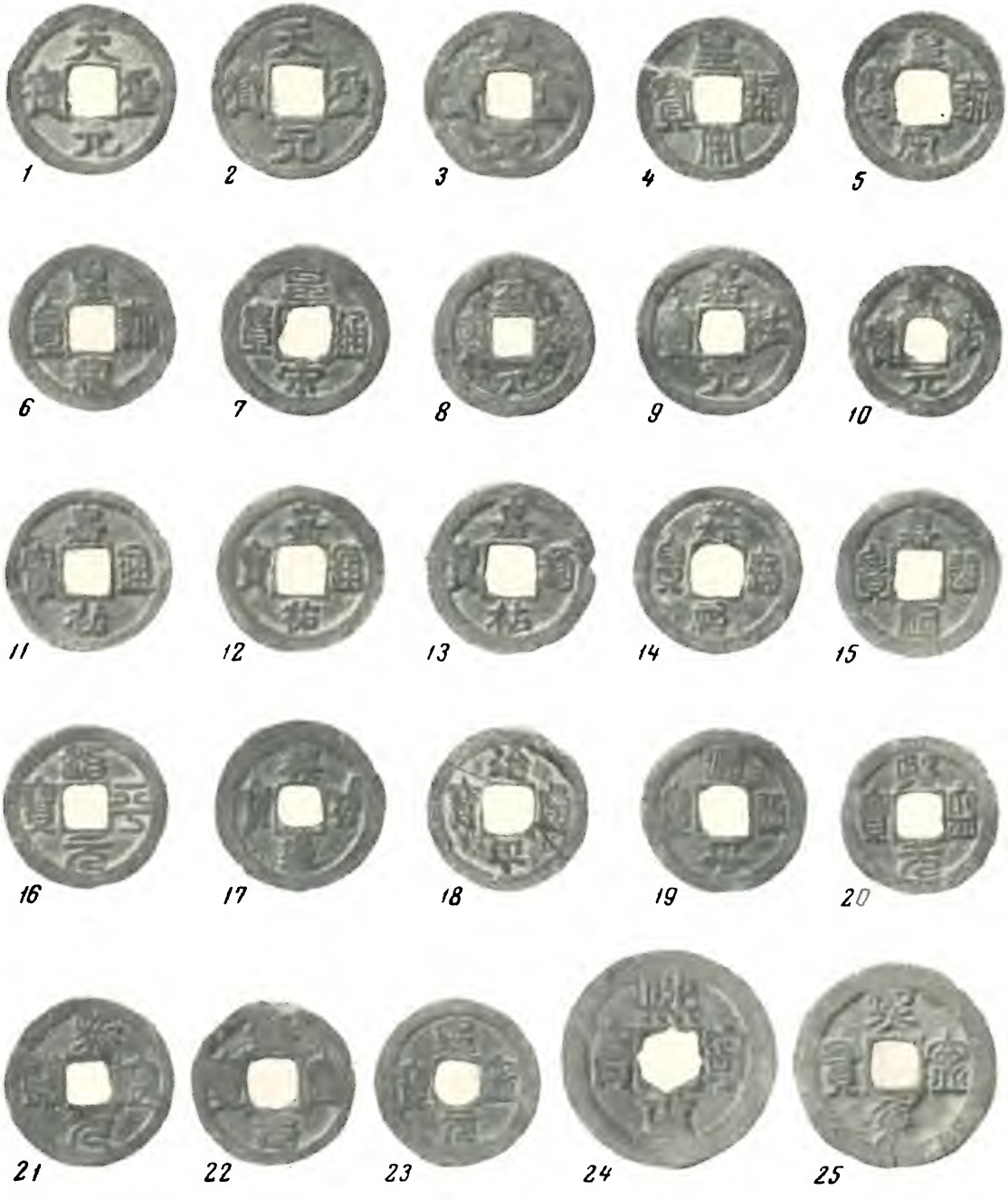
Кара-Корум. Монеты, найденные при раскопках. [Здесь и далее — в табл. X—XV первая цифра шифра местонахождения монет обозначает раскоп, буква и последующая цифра — участок (квадрат) раскопа, римские цифры (I—XI) — слои].

У шу (118 до н. э. — 618 н. э.); *1* — I, уч. Л4, сл. III, № 174; *2* — I, уч. Л6, сл. IV, № 172; династия Тан: Кай-Юань (621—907) — *3* — I, уч. В5, сл. II, № 3; *4* — I, уч. В5, сл. II, № 2; *5* — I, уч. Л7, сл. IV, № 170; *6* — I, уч. Д1, сл. VI, № 72; *7* — II, уч. А8, сл. I, № 95; *8* — I, уч. Л8, сл. I, № 155; *9* — I, уч. Н11, сл. X, № 201; *10* — II, уч. Б10, сл. II, № 108; *11* — I, уч. Д5, сл. II, № 61; *12* — II, уч. Г7, сл. II, № 125; династия Северная Сун: Шунь-Хуа (990—995) — *13* — I, уч. Б2, сл. III, № 58; *14* — I, уч. Л7, сл. I, № 157; *15* — II, уч. Д8, сл. I, № 122 (3 чоха); *16* — II, уч. Б10, сл. II, № 117; Чжи-Дао (995—998) — *17* — I, уч. Л10, сл. I, № 159; *18* — I, уч. Д5, сл. II, № 63; *19* — I, уч. Е8, сл. VI, № 75; Сян-Пин (998—1004) — *20* — II, уч. З3, сл. III, № 86, *21* — I, уч. М1, сл. IV, № 206.



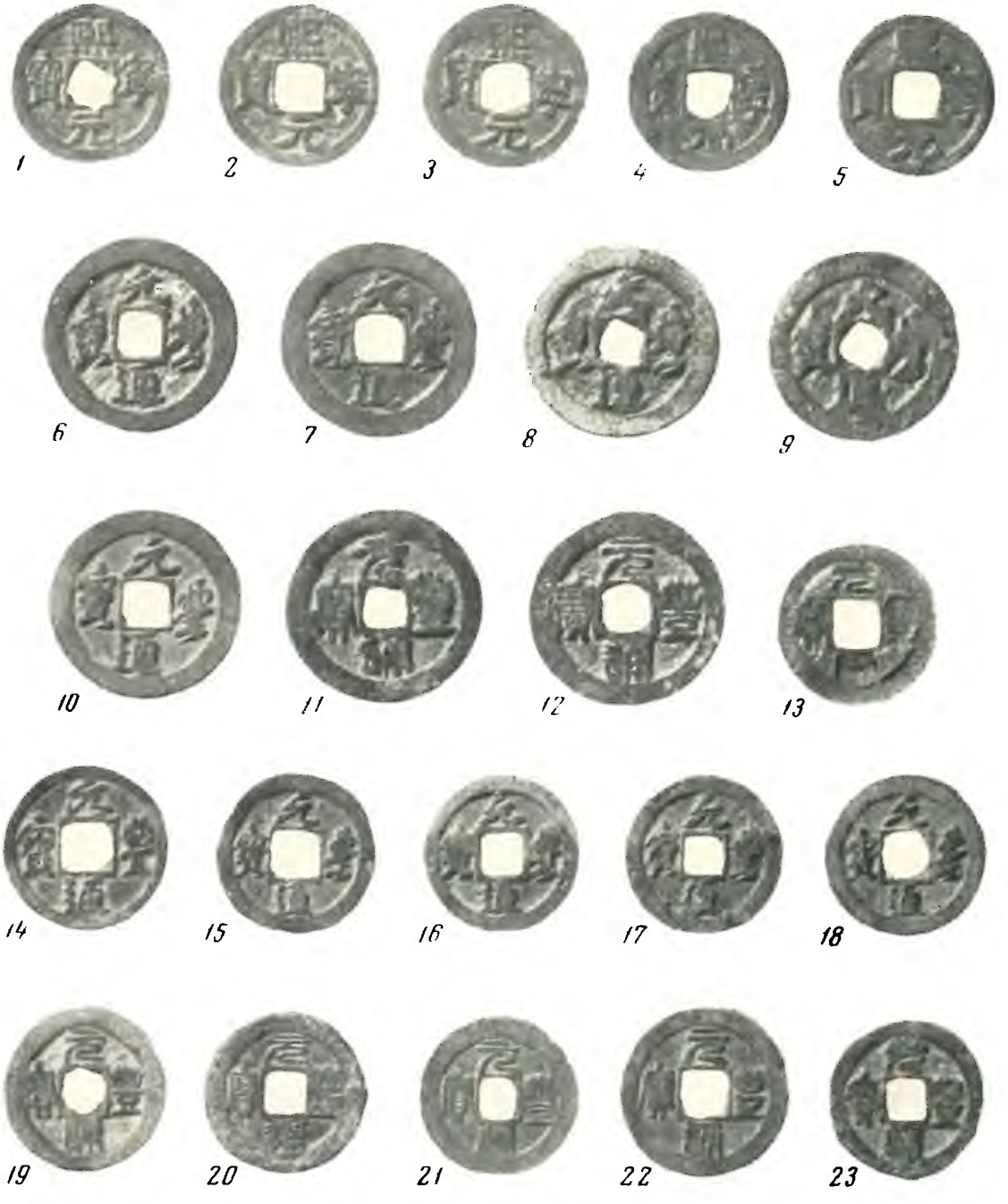
Кара-Корум. Монеты, найденные при раскопках.

Династия Северная Сун: Сянь-Пин (998—1004) — 1 — II, уч. З3, сл. III, № 84; *2* — I, уч. Д10, сл. VI, № 7; *3* — II, упечи, сл. VI, № 137; *4* — I, уч. Д8, сл. IV, № 12; *5* — I, уч. Ж.14, сл. 1, № 34; Цзинь-Дэ (1004—1008) — *6* — I, уч. Е1, сл. VI, № 76; Сянь-Фу (1008—1017) — *7* — I, уч. В3, сл. V, VI, № 22; *8* — I, уч. В3, сл. V, VI, № 26; *9*, *10* — I, уч. В3, сл. V, VI, № 20 и 21: *11* — II, уч. В3, сл, V, VI, № 18; *12* — I, уч. МН5, сл. IV, № 185; *13* — I, уч. Ж14, сл. III, № 163; *14* — I, уч. А1, сл. V, № 32; *15* — I, уч. В3, сл. V, VI, № 24; *16* — I, уч. Л10, сл. I, № 162; *17* — I, уч. Б2, сл. III, № 59; *18* — II, уч. З3, сл. III, № 83; *19* — I, уч. З1, сл. II, № 38; *20* — I, уч. Ж14, сл. III, № 161; Тянь-Си (1018—1022) — *21* — I, уч. А5, сл. V, № 27; *22* — I, уч. И7, сл. I, № 15; *23* — I, уч. М7, сл. IV, № 203; *24* — II, уч. Б10, сл. II, № 113; Тянь-Шэн (1023—1032) — *25* — II, уч. Д2, сл. III, № 91.



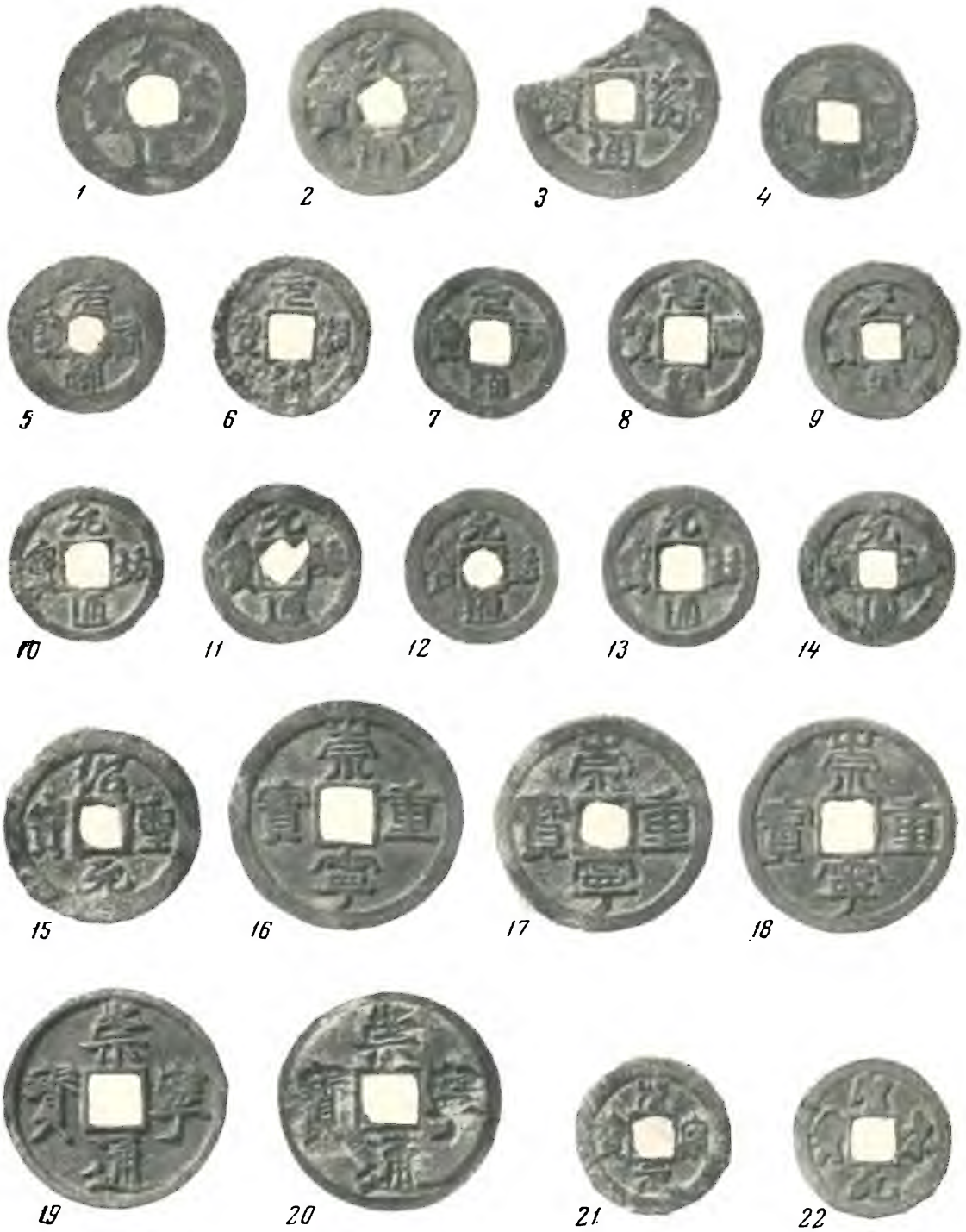
Кара-Корум. Монеты, найденные при раскопках.

Династия Северная Сун: Тянь-Шэн (1023—1032) — *1* — II, уч. Б10, сл. II, № 112; *2* — I, уч. Н7, сл. X, № 202; *3* — V, уч. Б2, сл. III, № 153; Хуан-Сун (1038—1040) — *4* — II, уч. Е6, сл. III, № 82; *5* — II, уч. А8, сл. I, № 97; *6* — I, уч. М3, сл. III, № 178; *7* — I, уч. М5, сл. IV, № 188; Чжи-Хэ (1054—1056) — *8* — I, уч. МН1, сл. VIII, № 179; Цзя-Ю (1056—1064): *9* — I, уч. В6, сл. II, № 1; *10* — II, уч. Е6, сл. IV, № 93; *11* — I, уч. Е6, сл. III, № 48; *12* — I, уч. К5, сл. I, № 55; *13* — I, уч. Д12, сл. II, № 52; *14* — II, уч. Б10, сл. II, № 116; *15* — II, уч. Г3, сл. IV, № 133; Чжи-Пин (1064—1068) — *16* — II, уч. А8, сл. I, № 100; *17* — II, уч. А8, сл. I, № 101; *18* — II, уч. А7, сл. IV, № 94; *19* — I, уч. Ж3, сл. IV, № 8; Си-Нин (1068—1078): *20* — I, уч. Л4, сл. IV, № 171; *21* — I, уч. Б5, сл. II, № 4; *22* — I, уч. Б10, сл. II, № 114; *23* — II, уч. Б8, сл. IV, № 126; *24* — I, уч. М3, сл. IV, № 207; *25* — II, уч. Д4, сл. II, № 136.



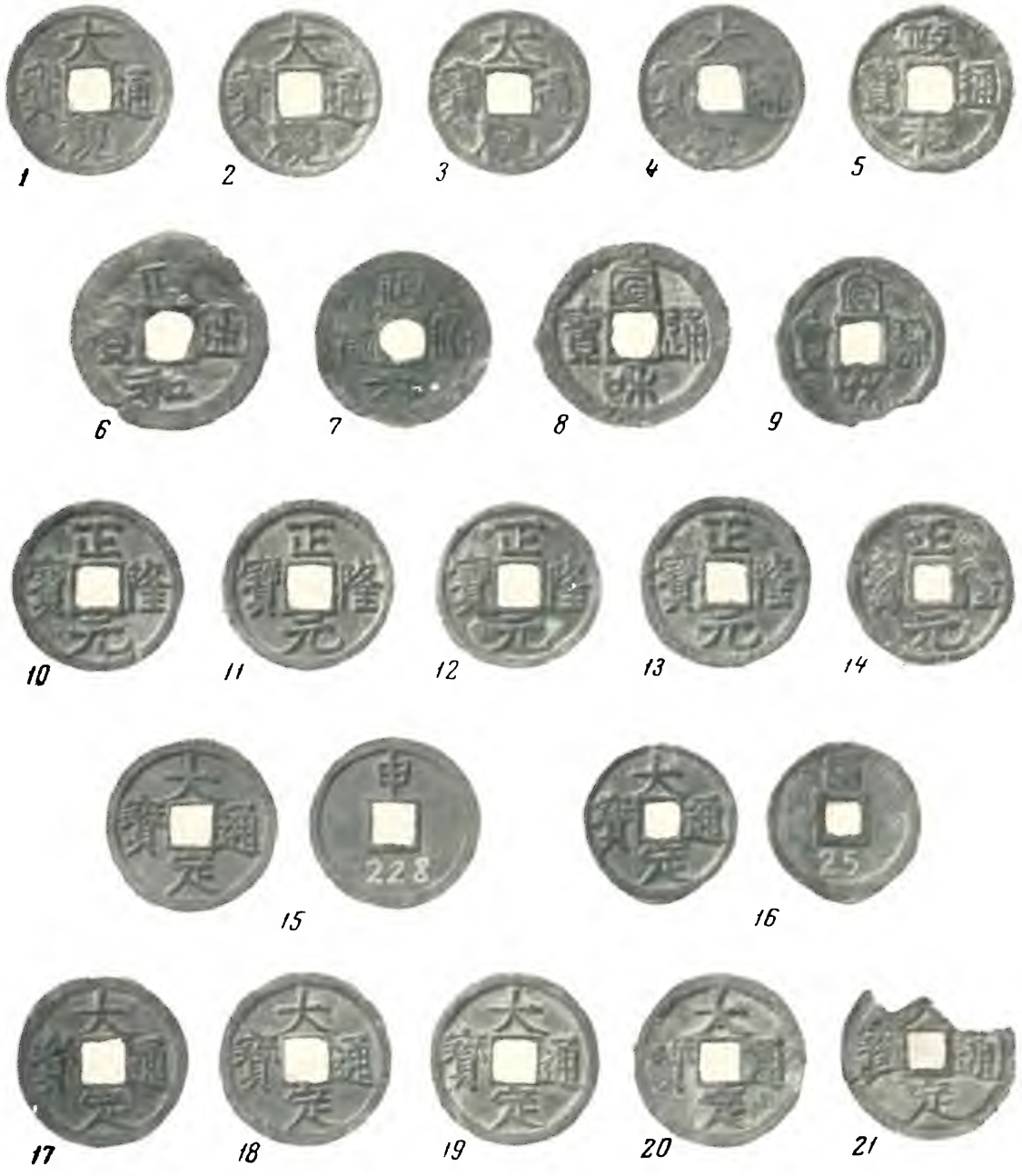
Кара-Корум. Монеты, найденные при раскопках.

Династия Северная Сун: Си-Нин (1068—1078): *1* — II, уч. З3, сл. I, № 132; *2* — I, уч. М7, сл. V, № 191; *3* — I, уч. Д3, сл. VI, № 53; *4* — I, уч. И3, сл. IV, № 54; *5* — II, уч. Б9, сл. IV, № 127; Юань-Фын (1078—1086) — *6* — I, уч. Е1, сл. I, № 60; *7* — I, уч. А1, сл. V, № 33; *8* — I, уч. Г9, сл. V, № 69; *9* — II, уч. А6, сл. II, № 104; *10* — II, уч. Д8, сл. I, № 123; *11* — I, уч. И8, сл. I, № 16; *12* — I, уч. В6, сл. II, № 5; *13* — II, уч. Д8, сл. V, № 142; *14* — II, уч. А8, сл. I, № 98; *15* — I, уч. К1, сл. III, № 31; *16* — I, уч. Е8, сл. VI, № 74; *17* — I, уч. К1, сл. III, № 31; *18* — I, уч. К3, сл. I, № 56; *19* — I, уч. Л7, сл. I, № 156; *20* — I, уч. Ж4, сл. III, № 37; *21* — II, уч. Б10, сл. II, № 110; *22* — II, уч. Б10, сл. II, № 109; *23* — I, уч. А9, сл. II, № 6.



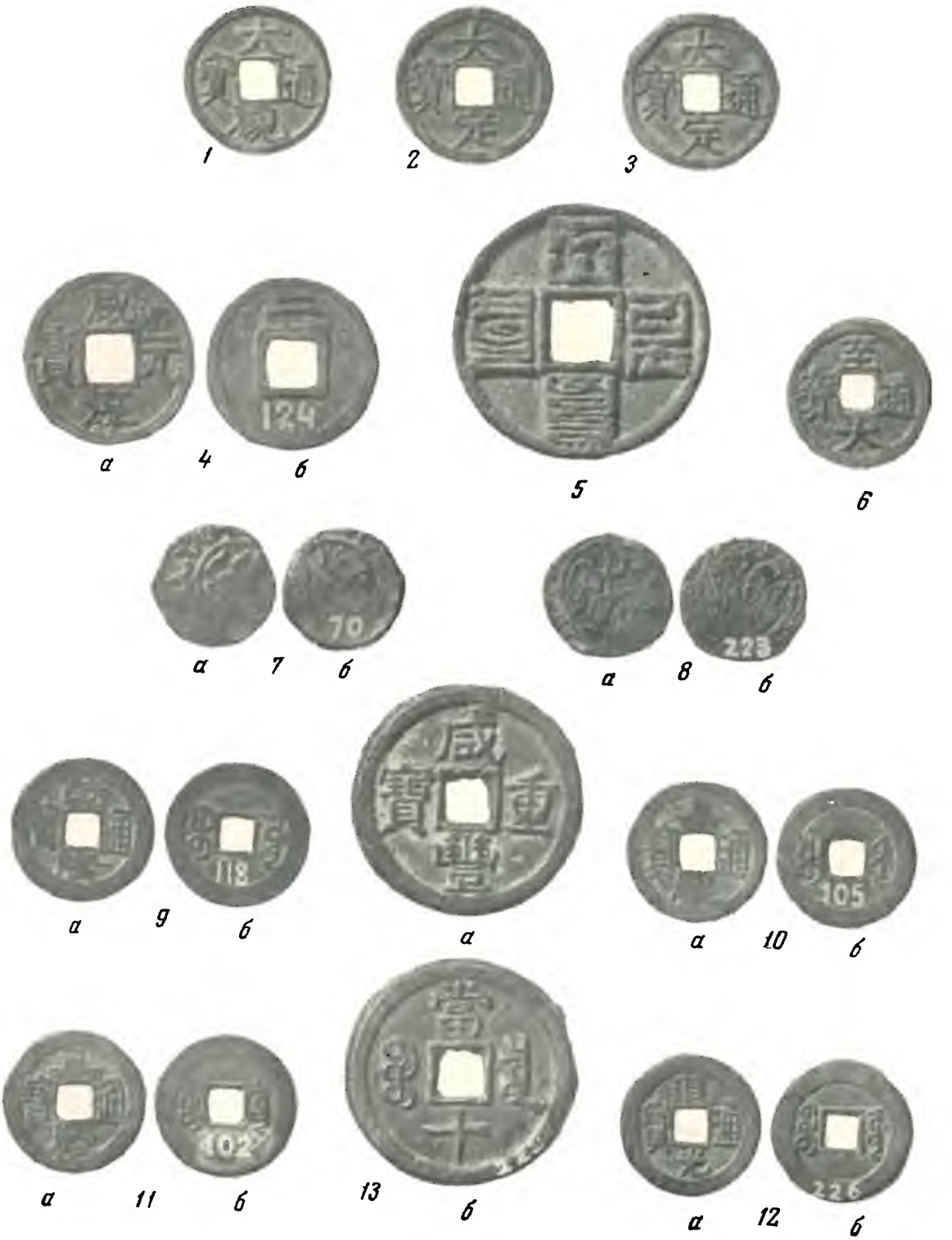
Кара-Корум. Монеты, найденные при раскопках.

Династия Северная Сун: Юань-Ю (1086—1094) — *1* — I, уч. А4, сл. II, № 169; *2* — I, уч. А1, сл. IV, № 30; *3* — I, уч. Л6, сл. II, № 165 (двойные чохи); *4* — I, уч. Г5, сл. III, № 40; *5* — II, уч. А3, сл. II, № 107; *6* — I, уч. Д4, сл. IV, № 71; *7* — V, уч. Б3, сл. III, № 152; *8* — II, уч. А8, сл. I, № 96; *9* — I, уч. М5, сл. I, № 164; *10* — I, уч. Б10, сл. VI, № 68; *11* — I, уч. Д1, сл. I, № 64; *12* — II, уч. З3, сл. III, № 87; *13* — IV, уч. А9, сл. II, № 230; *14* — II, уч. Б10, сл. II, № 115; Шао-Шэн (1094—1098) — *15* — I, уч. Д6, сл. III, № 79; Чун-Нин (1102—1107) — *16* — I, уч. Д12, сл. I, № 39; *17* — I, уч. М6, сл. III, № 177; *18* — V, уч. Л6, сл. I, № 154; *19* — I, уч. Е1, сл. I, 65; *20* — I, уч. М5, сл. IV, № 181 (10 чохов); Шэн-Сун (1103) — *21* — II, у печи, сл. VI, № 139; *22* — I, уч. Л7, сл. I, № 158.



Кара-Корум. Монеты, найденные при раскопках.

Династия Северная Сун: Да-Гуань (1107—1111) — *1* — I, уч. З7, сл. III, № 46; *2* — II, уч. Д7, сл. I, № 134; *3* — I, уч. З7, сл. III, № 44; *4* — I, уч. МН1, сл. IX, № 175; Чжэн-Хэ (1111—1118) — *5* — I, уч. Д2, сл. IV, № 9; *6* — I, уч. М7, сл. IV, № 183; *7* — II, уч. Г5, сл. IV, № 130; Сюань-Хэ (1118—1126) — *8* — I, уч. Л6, сл. II, № 167 (двойной чох); *9* — I, уч. Л5, сл. II, № 166; династия Цзинь: Чжэн-Лун (1151—1161) — *10* — I, уч. А14, сл. I, № 36; *11* — уч. З3, сл. III, № 85; *12* — I, уч. З7, сл. III, № 43; *13* — I, уч. З7, сл. III, № 45, *14* — II, уч. З2, сл. III, № 88; Да-Дин — *15* — чох типа 1189 г., I, уч. А3, сл. II, № 228; Да-Дин (1161—1190) — *16* — I, уч. В3, сл. VII, V1, № 25; *17* — IV, уч. А9, сл. I, № 224; *18* — IV, уч. А11, сл. V, № 225; *19* — IV, уч. В1, сл. III, № 227; *20* — I, уч. В5, сл. IV, № 189; *21* — I, уч. Л12, сл. X, № 204.



Кара-Корум. Монеты, найденные при раскопках.

Династия Цзинь: Да-Дин (1161—1190) — *1* — *3* — I, уч. З7, сл. III, № 41; 42, 47; династия Южная Сун: Цин-Юань (1195—1201) — *4* — II, уч. Г5, сл. III, № 124 (*а*, *б* — двойной чох); династия Юань: Да-Юань (1310) — *5* — I, уч. А1, сл. V, № 40 (десять чохов); Чжи-Да (1310) — *6* — I, уч. В3, сл. V, VI, № 23; монгольские монеты: *7а*, *б* — XIII в. (?), I, уч. Г6, сл. VI; № 70; *8а*, *б* — XIII—XIV вв. (?), I, уч. М12, сл. II, № 223; династия Цин: Цянь-Лун (1736—1793) — *9а*, *б* — II, уч. Б7, сл. II, № 118; Цзя-Цин (1796—1821) — *10а*, *б* — II, уч. В10, сл. II, № 105; Дао-Гуан (1821—1851) — *11а*, *б* — II, уч. А6, сл. II, № 102; *12а*, *б* — IV, уч. А8, сл. II, № 226; Сянь-Фын (1851—1862) — *13а*, *б* — IV, уч. Д2, сл. II, № 229.

Таблица 2

Кара-Корум. Находки монет в раскопе II (у восточных ворот)

Династия	Правление или девиз	Дата	Слои						Всего монет
			I	II	III	IV	V	VI	
Тан	Кай-Юань	621—907	1	—	—	—	—	—	1
Северная Сун	Шунь-Хуа	990—995	1	1	—	—	—	—	2
То же	Сянь-Пин	998—1004	—	—	2	—	—	1	3
»	Цзинь-Дэ	1004—1008	—	—	1	—	—	1	2
»	Сянь-Фу	1008—1017	—	2	1	—	—	—	3
»	Тянь-Си	1017—1022	—	1	—	—	—	—	1
»	Тянь-Шэн	1023—1032	—	1	1	—	—	—	2
»	Хуан-Сун	1038—1040	1	—	1	2	—	—	4
»	Цзя-Ю	1056—1064	—	2	—	2	—	—	4
»	Чжи-Пин	1064—1068	1	—	—	1	—	—	2
»	Си-Нин	1068—1078	1	2	—	3	1	—	7
»	Юань-Фын	1078—1086	3	3	—	—	1	—	7
»	Юань-Ю	1086—1094	2	2	1	—	—	—	5
»	Чун-Нин	1102—1107	1	—	—	—	—	—	1
»	Шэн-Сун	1103	1	—	—	—	—	—	1
»	Да-Гуань	1107—1111	1	—	—	—	—	—	1
»	Чжэн-Хэ	1111—1118	—	—	—	1	—	—	1
Цзинь	Чжэн-Лун	1151—1161	—	—	2	—	—	—	2
Южная Сун	?	1195—1201	—	—	1	—	—	—	1
Цин	Дао-Гуан	1821—1851	—	4	—	—	—	—	4
Всего по слоям раскопа II	—	—	13	18	10	9	2	2	54

династии Южной Сун [4]. Найдены одна монета достоинством в 3 чоха Северной Сун [5] и достоинством в 10 чохов — 7 монет, из них династии Северной Сун — пять, Юань [6] — одна и династии Цин, чеканки монетного двора приказа финансов, — одна монета, сделанная из железа [7].

При изучении распределения монетных находок по слоям выяснилось, что в нижнем горизонте (слои VIII—IX) найдено 22 монеты, а в слое VII среднего горизонта — всего одна монета, и он служит как бы границей, после которой город зажил более интенсивной жизнью. В верхних слоях (I—VI) количество монет резко увеличивается, и они распределяются в более или менее равном соотношении — от 15—25 до 40 монет на каждый слой. Всего в верхней половине культурного слоя раскопа I (слои I—VI) собрано 106 монет.

[4] № 136, 165, 167, 169, 207; № 124.
[5] № 122.
[6] № 121; № 50.
[7] № 229.

Таблица 3

Кара-Корум. Находки монет в раскопах IV и V (дворец Угэдэя)

Династия	Правление или девиз	Дата	Слои					Всего монет
			I	II	III	IV	V	
Северная Сун	Тянь-Шэн	1023—1032	—	—	1	—	—	1
То же	Юань-Ю	1086—1094	—	1	1	—	—	2
»	Чун-Нин	1102—1107	1	—	—	—	—	1
Цзинь	Да-Дин	1161—1190	1	—	1	—	1	3
То же	—	Чох типа 1178 г.	—	—	1	—	1	2
»	—	Чох типа 1189 г.	—	1	—	—	—	1
Всего по слоям раскопов IV и V	—	—	2	2	4	—	2	10

Наибольшее количество монет относится ко времени от Танской династии (621—907) до династии Цзинь, причем последние монеты этой династии чеканены между 1151 и 1190 гг. Далее следуют 2 монеты, чеканенные в 1310 г. в эпоху династии Юань и две монгольские монеты XIII—XIV вв. (определить точнее их дату нельзя из-за плохой сохранности) [8].

Как уже сказано, в денежном обращении города в основном были монеты разных династий, чеканки до 1190 г. Для того, чтобы уяснить причины такого пестрого состава монет в денежном обращении Кара-Корума, следует обратиться к истории образования монгольского государства.

С 1211 г. Чингисхан начал завоевание Северного Китая, а летом 1215 г. взял территорию современного Пекина. После этого, в 1216 г., оставив часть войска для продолжения завоеваний, он возвратился в Монголию и в 1220 г. основал столицу монгольского государства Кара-Корум. Во время этих походов Чингисхана, так же как и походов Угэдэя для дальнейших завоеваний чжурчженьской Цзиньской империи, начался приток монет и различных изделий из Китая в Монголию, в особенности в Кара-Корум. Вместе с монетами и вещами, современными этим завоеваниям, вывозились в Монголию и более ранние предметы и произведения искусства, хранившиеся при дворцах и храмах.

Поступившие таким образом монеты были пущены в денежное обращение и, несмотря на их разновременность, имели хождение очень долго. Из данных на табл. 1—3 видно, что, наряду с монетами династий Северной Сун и Цзинь, обращались танские и даже более ранние. Так же обстояло дело в Кара-Коруме с китайской посудой и другими изделиями. В коллекциях из наших раскопок среди большого

[8] По-видимому, также юаньские.

количества сосудов, относящихся к эпохе династий Сун (960—1279) и Юань (1280—1367), встречаются изделия эпох Ляо (чаши, блюда, флаконы) и Тан (бронзовое зеркало). Яркой иллюстрацией привоза в Кара-Корум предметов, захваченных в походах, может служить глиняный зеленый глазурованный светильник, украшенный драконами. Надпись на светильнике прямо говорит о том, что он взят из храма Тянь чан гуань, старшему монаху которого принадлежал (см. ниже, раздел «Керамика Кара-Корума»).

Сравнительно небольшое число монет, чеканенных Юаньской династией, среди наших находок, вероятно, можно объяснить ослаблением внимания к Кара-Коруму, переставшему быть столицей Монголии со времени освоения новой монголо-китайской столицы Ханбалык в районе современного Пекина.

В 1368 г. китайский народ освободился от господства Юаньской династии. Кара-Корум в это время уже не играл большой роли — отражение этого мы видим в монетных находках. Последние монеты Юаньской династии, найденные в Кара-Коруме, датированы 1310 г. Далее следует большой перерыв; после этого на территории Кара-Корума в небольшом количестве появляются китайские и японские монеты, чеканенные уже в XVIII и XIX вв. и, несомненно, связанные с новым этапом жизни в этом районе вокруг монастыря Эрдэни-Цзу.

В заключение необходимо подчеркнуть, что постоянные перестройки и использование для новых сооружений старых материалов сильно нарушали культурные наслоения города. Осуществлялись все новые перекопы, связанные с возведением новых домов и всяких подсобных хозяйственных построек. Такой характер стройки способствовал проникновению более поздних монет в нижние горизонты культурного слоя и, наоборот, ранних монет — в верхний слой и даже на современную поверхность.

У нас нет никаких данных, которые указывали бы на существование чеканки собственно монгольских монет в Кара-Коруме. Найденные в слоях VI и XI две монеты, описанные А. А. Быковым как «монгольские» (одна из них — XIII в., другая — XIII—XIV вв.), настолько плохо сохранились, что точное определение их невозможно [9].

Л. А. ЕВТЮХОВА

[9] По описи № 70 и 223.

ЖЕЛЕЗНЫЕ И ЧУГУННЫЕ ИЗДЕЛИЯ КАРА-КОРУМА

I. ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ

В 1246 г. папа Иннокентий IV послал в Монголию миссию во главе с францисканцем Джиованни дель Плано Карпини. Официальной целью миссии было обращение хана и его подданных в христианство. Однако и для самого Иннокентия, и для окружения его, и для членов миссии была совершенно ясна невыполнимость этой задачи, и конечно, не ради увещаний и проповедей совершили монахи столь далекое путешествие. Об истинной цели миссии говорит сам глава ее, уроженец Перуджи и будущий генерал францисканского ордена, Джиованни дель Плано Карпини: «. . Мы не щадили себя самих, — пишет он, — чтобы иметь возможность исполнить волю Божию согласно поручению Господина Папы и чтобы принести чем-нибудь пользу христианам или, по крайней мере, узнав их истинное желание и намерение, иметь возможность открыть это христианам, дабы татары своим случайным и внезапным вторжением не застигли их врасплох, как это и случилось однажды по грехам людским, и не произвели большого кровопролития среди христианского народа» [1].

Это достаточно откровенное признание и весь характер представленного папе отчета о путешествии Плано Карпини не оставляют сомнения в том, что миссия была послана прежде всего для сбора сведений политических и военных. Посылка такой миссии в 1246 г. вполне закономерна. Военная экспансия монголов близилась в то время к апогею. Свежи еще были в памяти походы Бату, когда только героизм защитников русских городов спас Западную и Южную Европу от опустошения. Стены Вены и Рима, Парижа и Лиона не рушились под ударами монгольских таранов, но Европа, как под дамокловым мечом, жила под страхом нашествия азиатских орд [2]. Короли и папы принимали все меры к тому, чтобы отвести удар или

[1] Джиованни дель Плано Карпини. История монгалов. «Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука». М., 1957, стр. 23, 24.

[2] «Monumenta Germaniae historica. Scriptores», t. XXIV, стр. 545; t. XXVI, стр. 604, 605; t. XXVIII, стр. 145 и 205; t. XXIX, стр. 440.

направить его в своих интересах [3]. Одной из таких мер и была посылка миссии 1246 г.

Поэтому естественно то внимание, которое уделяет Плано Карпини в отчете военному делу. Он касается вопросов тактики, организации войска и военной дисциплины; с исчерпывающей подробностью описывает оружие монголов и указывает, как должны быть вооружены их противники, проявляя при этом замечательную наблюдательность и военные познания. О круге военных вопросов, поднятых папским миссионером, дают представление хотя бы названия двух глав его работы. Глава шестая: «О войне и разделении войск, об оружии и хитростях при столкновении, об осаде укреплений и вероломстве их против тех, кто сдается, и о жестокости против пленных». Глава восьмая: «Как надлежит встретить татар на войне, что они замышляют, об оружии и устройстве войск, как надлежит встретить их хитрости в бою, об укреплении крепостей и городов и что надлежит делать с пленными».

Из всех письменных источников сведения Плано Карпини для нашей темы наиважнейшие, единственные в своем роде. В книге Вильгельма де Рубрука, более подробной и многообразной, освещающей многочисленные этнографические, географические, религиозные и другие вопросы, военным темам уделено гораздо меньше внимания. Много интересных и важных сведений мы находим у среднеазиатских авторов — у Мухаммеда ан-Несеви, Эль-Омари и Джувейни. Но они описывают отдельные сражения, технические приемы, употребление различных видов оружия. Ни один из них, естественно, не освещает военного дела монголов с такой полнотой, как Плано Карпини, ни один не приводит столь трезвого и точного описания.

Археологические исследования прежних лет дали известный материал, позволяющий судить об оружии монгольских воинов. Но, как правило, материал этот происходил из мест, подвергшихся монгольскому нашествию, — с Алтая и из Средней Азии, и с территории Руси. В самой Монголии памятники эпохи Чингизидов не исследовались, и, следовательно, вопрос о собственно монгольском вооружении достаточного освещения не получил. Поэтому остатки древнемонгольского вооружения, открытые при раскопках Кара-Корума, несмотря на их неполноту, приобретают особенно большое значение. Они включают несколько категорий оружия ближнего и дальнего боя. Большинство находок предметов вооружения обнаружено в нижних слоях Кара-Корума, относящихся к эпохе первых Чингизидов.

Начиная описание монгольского вооружения, Плано Карпини упоминает лук и стрелы. «Оружие же, — пишет он, — все по крайней мере должны иметь такое: два или три лука, или по меньшей мере один хороший, и три больших колчана, полные стрелами» [4]. Он считает основным оружием монголов лук, стрелы и без них не мыслит и противодействия монголам. «Все же, желающие сражаться с ними, должны иметь следующее оружие: хорошие и крепкие луки. . достаточное количество стрел .» [5]. Все без исключения авторы, описывающие монгольское войско

[3] Н. Я. Мерперт, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин. Ук. соч., стр. 108—109.
[4] Плано Карпини. Ук. соч., стр. 27.
[5] Там же, стр. 40.

и его сражения, пишут о тучах стрел, предшествовавших сокрушительному натиску монгольской конницы.

Поэтому не удивительно, что при раскопках Кара-Корума из всех видов вооружения чаще всего встречались наконечники стрел. Всего в культурном слое найдено 38 наконечников, подавляющее большинство их — в раскопе I («дом на перекрестке»). Интересно распределение обнаруженных здесь стрел по слоям. В первом слое — три наконечника стрел; из них два — направлены на запад, один лежал пером кверху. Все они найдены в районе перекопов и могли быть выброшены из нижних слоев. Во втором слое — лишь один наконечник, в третьем — ни одного. Таким образом, число стрел в верхних слоях очень невелико. То же следует сказать и о самых нижних слоях: в слоях VIII и IX наконечников нет, в слоях X и XI их найдено по одному.

Иную картину мы встречаем в средних слоях. В слое IV — 6 наконечников, в слое V — 5 экземпляров, в слоях VI—VII — 21 наконечник; всего в средних слоях найдено 32 наконечника. У некоторых из них сохранились следы древка. В слое V (участок М9) обнаружены остатки трех берестяных колчанов со следами хранившихся в них стрел. В 17 случаях удалось установить направление полета стрел: 6 стрел лежали наконечниками на северо-запад, семь — на запад, две — на север и две — на юго-запад. В целом западное направление — общее для подавляющего большинства наконечников стрел.

Обилие стрел и их направление, как нам кажется, не случайны и связаны с особенностями средних слоев (IV—VII) Кара-Корума. В слое IV по площади раскопа I, особенно на западных участках, начали появляться многочисленные следы золы и угля. В слое V они усилились, превратившись в целые завалы угля, пережженного кирпича и обгоревших бревен. На этой же глубине открыты скопления мусора: беспорядочно набросанные обломки керамики, куски железа, отдельные предметы, деформированные огнем и разломанные. Перед нами — несомненные следы большого пожара, уничтожившего часть городских строений. В слое VI следы пожарища продолжаются, в слоях VII—VIII они постепенно сходят на нет.

Самый слой пожарища хорошо прослеживается лишь на западных участках раскопа; с востока он ограничен кирпичной стеной здания, построенного, очевидно, вскоре после пожара. Стена прорéзала зольно-угольный слой, а на месте самого здания он в значительной мере вычерпан (при постройке отопительных каналов под полом здания). Таким образом, слой пожарища отделяет остатки первого строительного периода Кара-Корума от второго. Этот большой пожар был причиной гибели построек первого периода и замены их сооружениями следующего яруса. Вот с этим-то пожаром и связано большинство найденных на городище стрел. Это дает основание приурочить пожар к каким-то военным действиям на территории города; хронологически они не могут быть значительно удалены от времени основания города, о чем свидетельствует общая однородность материала культурного слоя.

Интересно напомнить одно событие, связанное с историей города и упоминаемое китайскими источниками. Кара-Корум фактически перестал быть ханской ставкой в 1257 г., когда хан Мункэ двинулся в Южный Китай. «Монгольский государь, —

читаем мы в „Ган-му", — питал неудовольствие на дом Сун за заточение посланника. Предписавши князю Эрэ-Бугэ управлять в Хорини, а Алдару быть его помощником, сам с войсками пошел в южный поход и вступил через Сы-Чуань в Южный Китай» [6]. Н. Я. Бичурин так описывает последовавшие за этим события: «По смерти хана Мункэ, монгольские полководцы, оставив предположенное завоевание Южного Китая, пошли от Хэ-чжеу на север, а в следующем 1260 г. Хубилай, не ожидая съезда всех князей для выбора Хана, сам вступил на императорский престол. Эрэ-Бугэ, младший брат его, начальствовавший в Хорини, первый воспротивился ему и объявил себя императором: но его генералы Алдар и Шуньшага были разбиты и преданы казни. В следующем году Хубилай разбил самого Эрэ-Бугэ и потом с ним примирился» [7].

Восстание было подавлено в самом его центре: войска Хубилая, совершив поход на север, заняли Кара-Корум. Они шли с юго-востока, из Северного Китая, и приблизились к городу, очевидно, по долине, простирающейся к востоку от него. Восточные подступы наиболее удобны для нападения на город, защищенный с запада Орхоном, с юга — горным хребтом, с севера, на дальних подступах — рекой Хухшин-Орхон. Такое описание расположения города находим мы в истории Танской династии, где подчеркивается, что город защищен со всех сторон, кроме востока, где простираются «невозделанные равнины» [8].

Город (выше уже указывалось, что дворец Угэдэя не пострадал) не был разрушен полностью; однако голод и военные поражения вынудили Ариг-бугу разрешить населению сдаться [9]. Сдаче предшествовала длительная осада, причем сам Хубилай неоднократно появлялся на берегах Орхона [10].

О том, что представляла собой осада городов монгольскими войсками, можно судить по ярким описаниям, оставленным современниками. Это позволяет нам восстановить картину осады Кара-Корума в 1260—1261 гг. Вот, например, как описывает Джувейни осаду монголами Хорезма: «Все войско окружило столицу, как круг окружает центр, и, как смертный час, расположилось вокруг него. (Войско монголов) занялось приготовлением принадлежностей боя — дерева, осадных машин и камней, а так как по соседству с Хорезмом не было камня, то (ядра) делали из тутового дерева. Они (монголы) сыпали на них (защитников города) стрелами, как градом, приказали собрать мусор и засыпать им каналы с водой. Войско (монголов) сосудами с нефтью сжигало их дома и кварталы и стрелами и ядрами сшивало друг с другом людей. . .» [11].

Для нас в этом отрывке наиболее важны указания на предварительный обстрел города («сыпали на них стрелами, как градом») и на употребление сосудов с нефтью,

[6] Иакинф Бичурин. История первых четырех ханов дома Чингисова. Спб., 1829, стр. 335, 336. В дальнейшем мы употребляем принятое ныне написание — Ариг-буга (*С. К.* и *Н. М.*).

[7] Иакинф Бичурин. Записки о Монголии. СПб., 1828, т. II, стр. 185.

[8] C. D'Hosson. Histoire des mongols. Amsterdam, 1854, t. II, стр. 60, 61; Abel Remusat. Mémoires sur plusieurs questions relatives à la géographie de l'Asie Centrale. Paris, 1825.

[9] C. D'Hosson. Ук. соч., стр. 353.

[10] Там же, стр. 349, 350, 353.

[11] «Материалы к истории Туркмении и туркмен». М., 1939, т. I, стр. 487.

составляет два фута, одну ладонь и два пальца, а так как футы различны, то мы приводим здесь меру геометрического фута: двенадцать зерен ячменя составляют поперечник пальца, а шестнадцать поперечников пальцев образуют геометрический фут. Железные наконечники стрел весьма остры и режут с обеих сторон, наподобие обоюдоострого меча; и они (монголы) всегда носят при колчане напильник для изощрения стрел. Вышеупомянутые железные наконечники имеют острый хвост, длиною в один палец, который вставляется в древо» [13]. Согласно описанию, общая длина стрелы, снабженной подобным наконечником, превышала 0,8 м.

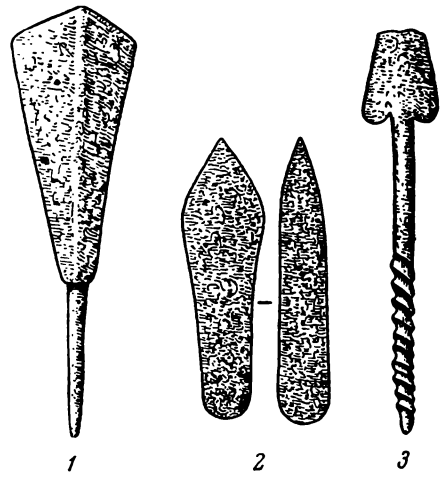


Рис. 107. Кара-Корум. Железные предметы вооружения.

1 — наконечник стрелы; *2* — «болты» для арбалетов; *3* — наконечник дрота.

В центральных слоях найдено еще 7 наконечников, полностью аналогичных описанному выше по форме, величине и пропорциям [14]. Только у трех из них длина пера несколько меньше (5,5—6,5 см), а порожек при переходе от черешка к перу выражен не столь четко (рис. 108, *4*).

Особо следует выделить два наконечника такой же формы, но меньших размеров: длина пера — 5 см, ширина — 1,5 см (рис. 108, *1*) [15].

Есть наконечники, очень близкие описанным, но лезвия их несколько иной формы: стороны лезвия уже не сходятся под углом, а образуют плоскую дугу, иногда приближающуюся к прямой (рис. 108, *7*). Среди стрел этого типа встречены экземпляры с очень широким лезвием и резко расходящимися боковыми гранями. Таков наконечник из слоя V; ширина его лезвия — 4 см, длина пера — 7 см. Интересно, что такой же наконечник обнаружен ниже, в основании культурного слоя города [16]. Длина его пера — 6,7 см, ширина лезвия — 4,1 см.

Наряду с такими широкими наконечниками с резко расходящимися гранями, в Кара-Коруме встречены и наконечники со сравнительно узким лезвием, гранями, сходящимися под очень острым углом, и резко выраженным порожком[17]. Длина их достигает 9 см, ширина лезвия — 2—2,2 см.

Несмотря на отдельные различия, все перечисленные наконечники объединяются общностью очертаний пера и могут быть отнесены к группе подтреугольных срезней. Но уже последние два экземпляра несколько отличаются от остальных: боковые грани их почти параллельны; угол, под которым они сходятся, очень мал. Это как бы

[13] Плано Карпини. Ук. соч., стр. 29.

[14] Найдены на участках: М5, сл. VI; М5, сл. VII; В3, сл. IV; МН1, сл. V; В2, сл. IV; Л5, сл. IV; Л1, сл. VI; Л5, сл. VI.

[15] Найдены на участках: Л2, сл. IV; Л3, сл. VI, VII.

[16] Найден на участке Л11, сл. XI.

[17] Найдены на участках: Н6, сл. VI; М3, сл. VI, VII; МН8, сл. V.

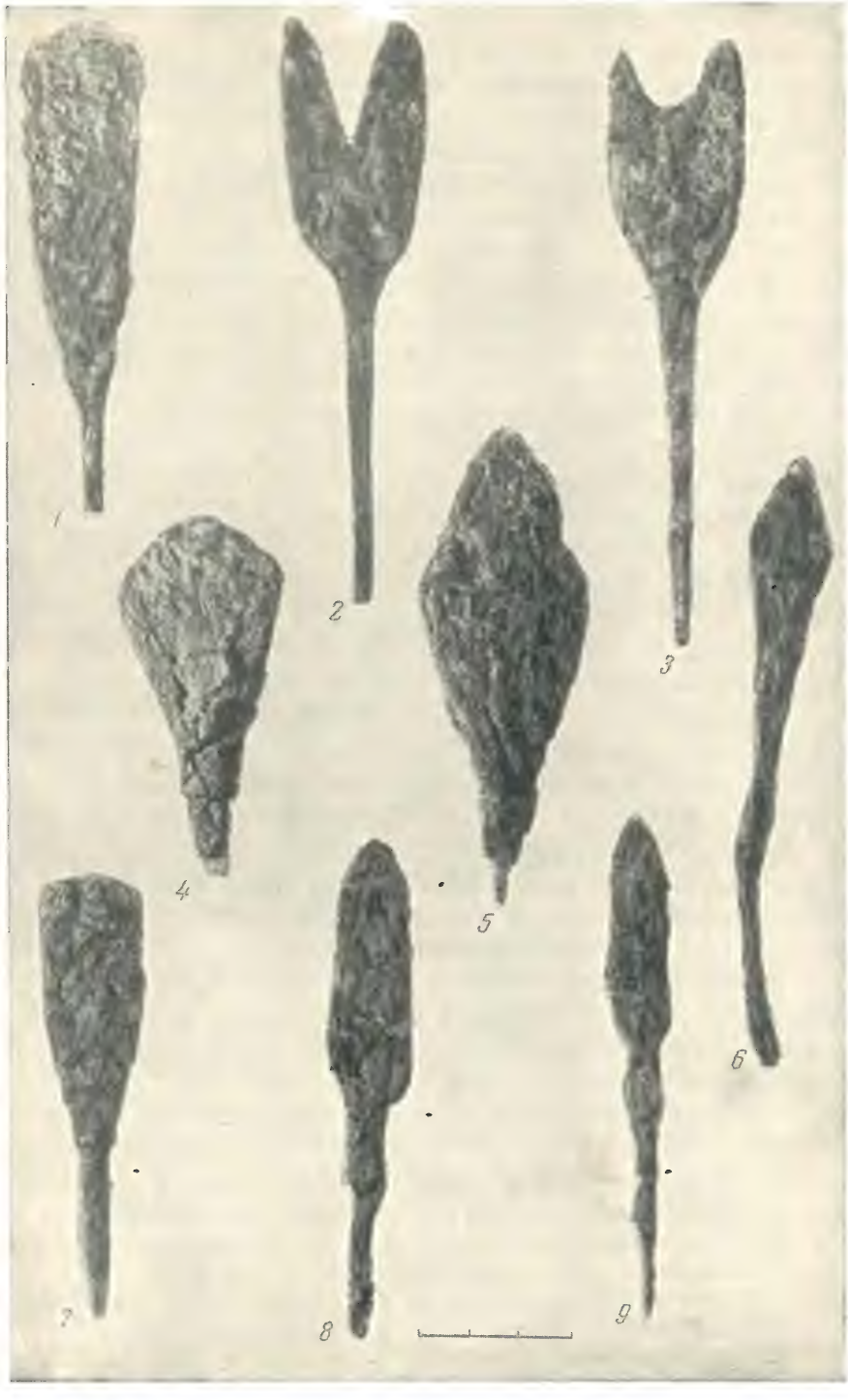


Рис. 108. Кара-Корум. Железные наконечники стрел (*1—9*).

переходная форма от подтреугольных срезней к другой, менее распространенной группе срезней, которые мы условно будем именовать лопатовидными. У таких наконечников также плоское, широкое перо, но боковые грани его не расходятся кверху, а идут параллельно. Лезвие прямое; ширина его почти не отличается от ширины порожка, отделяющего перо от черешка. Таким образом, перо имеет форму прямоугольника с тремя острыми сторонами. К этой форме также вполне применимы слова Плано Карпини о наконечниках, режущих с обеих сторон наподобие обоюдоострого меча. Таких наконечников в Кара-Коруме найдено два [18]. Общая длина их — 9—10 см, причем перо и черешок примерно одинаковой длины. Ширина лезвия — 2,3—2,7 см. В целом они менее массивны, чем подтреугольные. Оба наконечника найдены в центральных слоях городища и вполне могут считаться синхронными с подтреугольными.

Следующую группу срезней составляют наконечники более сложной фигурной формы. Черешок их переходит в перо плавно, без порожка; боковые грани пера округлены и представляют собой две дуги; лезвие — с полукруглым вырезом, по бокам которого, у боковых граней, образуются два острия. Такие срезни можно условно именовать двурогими. Это большие, массивные наконечники. Длина их — от 9,5 до 13 см. Черешок несколько длиннее пера. Ширина пера — 3 см, глубина выреза лезвия — 1—1,5 см. В Кара-Коруме двурогие срезни отмечены трижды, все три — в слое пожарища (рис. 108, *2*, *3*) [19].

Все описанные выше стрелы отнесены к группе срезней. Их объединяют форма широкого плоского пера и горизонтальное лезвие. Это обусловливало общий характер удара: плоский наконечник с горизонтальным лезвием наносил широкую рану, а острые боковые грани усиливали порез. Существует предположение, что такие стрелы употреблялись, главным образом, для борьбы с кавалерией. Действительно, лошади, лишь изредка покрывавшиеся броней, служили хорошей мишенью для лучников, а широкие раны от срезней сразу выводили их из строя.

Напомним следующее сообщение Плано Карпини: «. Надо знать, что если можно обойтись иначе, они неохотно вступают в бой, но ранят и убивают людей и лошадей стрелами, а когда люди и лошади ослаблены стрелами, тогда они вступают с ними в бой» [20].

Еще более важно сообщение Марко Поло об искусстве монголов в стрельбе из лука. Они стреляют и вперед, и назад, продолжая сражаться и при отступлении. «Бежит и назад поворачивается, стреляет метко, бьет и вражеских коней, и людей» [21]. Часто враг терпит поражение в результате потери большого числа коней. Сама история этой формы наконечника связана с народами, у которых преобладала конная тактика.

Срезни появились задолго до выхода на историческую арену монгольских племен. В Китае они употреблялись в эпоху Тан и, возможно, были заимствованы у кочев-

[18] Найдены на участках: Б10, сл. IV; В3, сл. V.
[19] Найдены на участках: Л1, сл. VII; Л4, сл. VI; М4, сл. VI, VII.
[20] Плано Карпини. Ук. соч., стр. 31.
[21] Марко Поло. Путешествие. Л., 1940, стр. 65.

ников Центральной Азии [22]. В VI—VIII вв. на территории Южной Сибири при общем господстве трёхперых и трёхгранных наконечников появилось немало плоских, ромбических и фигурных. Такие наконечники найдены, например, в известном могильнике Кудыргэ на Алтае [23]. Типичных срезней там еще нет. Но уже в Сросткинском могильнике VII—IX вв., наряду с трёхгранными наконечниками (снабженными костяными свистульками), аналогичными более древним стрелам из погребений Курая и Туяхты, найдены плоские наконечники «с вогнутыми лезвиями верхней половины» [24]. При описании оружия енисейских кыргызов указывается, что, «судя по находкам в кыргызских погребениях, в VI—VIII вв. выделывались, главным образом, трёхгранные и трёхлопастные наконечники, а также плоские со сравнительно тонкой лопаточкой острия, заточенной горизонтальным лезвием. .» [25]. Позднее, в IX—X вв. кыргызы выделывали в особенно большом количестве плоские массивные наконечники ромбоидальной формы. Их наиболее характерная особенность — невысокие грани на широких плоскостях [26]. Таким образом, срезни появились в Южной Сибири уже в VI—VIII вв. и стали там широко использоваться в IX—X вв.

В эти же века срезни быстро распространились на запад. Их находят в могильниках и на поселениях Средней Азии, Кавказа, Поволжья, Украины, вплоть до Венгрии, т. е. до границ проникновения кочевых племен, в военном деле которых главное внимание уделялось коннице, действовавшей рассыпным строем. К этому времени начали широко применяться новые виды конского снаряжения, в частности, — стремена, что увеличило возможности конного боя. Устойчивое положение всадника сделало возможной прицельную стрельбу с седла и рубку новым тогда рубяще-секущим оружием — саблей. Лук стали использовать и для конного боя. Не удивительно поэтому, что вместе со стременами и саблей в VIII—X вв. широкое распространение получили сложный большой лук и стрелы, рассчитанные на поражение конного противника.

Срезни очень характерной формы найдены в Агойском могильнике (Северный Кавказ) [27]. У этих срезней — резко выраженные порожки несколько ниже нижней грани пера; у лезвия одного из них — небольшой вырез углом, что сближает этот экземпляр с двурогими срезнями. Опущенный несколько ниже пера порожек у данной формы бессмыслен: нижние грани пера, почти перпендикулярные черешку, сами могли служить упором для древка. Поэтому и здесь порожек можно считать реминисценцией более древних форм, т. е. трёхлопастных и плоских ромбических наконечников.

Западнее, в Приднестровье, срезни также стали известны задолго до XIII в. Во время раскопок древнеславянского городища IX—XI вв. Екимауцы, взятого

[22] «Вэнь'у», 1959, № 8, стр. 35, рис. 3.

[23] С. Руденко и А. Глухов. Могильник Кудыргэ на Алтае. «Материалы по этнографии». Л., 1927, т. III, вып. 2, стр. 44.

[24] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1949, стр. 312.

[25] С. В. Киселев указывает, что в Минусинском музее хранится 2377 экземпляров таких стрел (С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 325).

[26] В Минусинском музее хранится 1767 таких наконечников.

[27] ИАК, вып. 33, 1909.

и разгромленного кочевниками, обнаружены плоские наконечники, несомненно, относящиеся к группе срезней [28]. Наряду с большими ромбическими наконечниками, здесь известны подтреугольные с лезвием в виде дуги или угла и лопатовидные с несколько вогнутыми боковыми гранями и полукруглыми боковыми вырезами в нижней части пера. Вогнутость боковых граней характерна и для некоторых подтреугольных наконечников, найденных здесь.

Особо следует остановиться на наконечниках из раскопок Кара-Корума, которые условно можно назвать к у н ж у т о л и с т н ы м и. Они черешковые, с широким, плоским пером. Порожка нет. Боковые грани пера постепенно расходятся, достигая наибольшей ширины примерно посередине пера. Далее грани образуют две дуги и постепенно сходятся к концу наконечника, острому или слегка округленному. Боковые грани острые; рана, нанесенная острием, затем расширялась боковыми выступами (рис. 108, *5*), что позволяет отнести и эту форму к группе срезней. Вероятно, в ней можно видеть переходную форму от ромбических наконечников к срезням.

В средних слоях Кара-Корума найден один кунжутолистный наконечник [29]. Длина его — 13 см, ширина пера — 2,8 см; конец заострен. Абсолютно такой же наконечник встречен в первом слое городища. Длина его — 12 см, ширина — 2,5 см; конец несколько округлен [30].

Интересен еще один наконечник, найденный в слое VII. Вытянутое перо его с длинными, равномерно расходящимися боковыми гранями, полностью повторяет форму подтреугольных наконечников, но форма лезвия очень близка к кунжутолистным: такие же боковые вырезы и вытянутый, несколько округленный конец. Длина этого наконечника — 13,3 см (8,3 см — перо, 5 см — черешок), ширина пера — 2,4 см.

Аналогичный наконечник найден в Хара-Хото [31]. Может быть, это свидетельство одного из южных походов монгольских войск.

Выше указывалось, что форма широких, плоских наконечников с горизонтальным лезвием и острыми боковыми гранями обусловлена употреблением стрел, главным образом, против конного противника. Но они могли использоваться и на охоте. Плано Карпини особо подчеркивает применение стрел «для стреляния птиц, зверей и безоружных людей». Речь идет, очевидно, о наиболее широких срезнях, ибо они «в три пальца толщиной». Но как понимать указание на «безоружных людей»? Может быть, имеется в виду уничтожение жителей захваченных городов, засвидетельствованное источниками, причем некоторые авторы определенно указывают на расстрел пленных из луков.

Мухаммед ан-Несеви, описывая взятие монголами Несы, указывает: «Когда они (жители города) были связаны, они (татары) пришли к ним с л у к а м и, повергли их на землю и накормили ими зверей земли и птиц воздуха» [32]. Но, вероятнее

[28] Раскопки Г. Б. Федорова, 1951 г.; см. КСИИМК, вып. L, 1953.
[29] Найден на участке М5, сл. VI.
[30] Найден на участке Л6, сл. I.
[31] A u r e l S t e i n. Innermost Asia. Oxford, 1928, v. III, табл. XI.
[32] «Материалы к истории Туркмении и туркмен», т. I, стр. 473.

всего, здесь речь шла о людях без защитного снаряжения. Ведь срезни рассчитаны на нанесение широкой раны; пробивная сила их сравнительно невелика, и они не могли быть действенным оружием в борьбе с противником, защищенным панцирем или латами.

Между тем и в Средней Азии, и в Закавказье, и на Руси монгольские армии неоднократно встречались с тяжеловооруженным противником. Да и сами они использовали тяжелое защитное вооружение. Тот же Мухаммед ан-Несеви пишет, что после того, как в стене Несы была пробита брешь, «все татары надели свои б о е в ы е к о л ь ч у г и и напали на крепость. .» [33]. Плано Карпини неоднократно подчеркивает совершенство оборонительного доспеха монголов; им упоминаются даже верблюды, кони и мулы, прикрытые бляхами, причем у некоторых «бляхи были из кожи, а у некоторых — из железа» [34]. Панцири воинов Плано Карпини описывает подробно [35], особое внимание уделяя металлическим доспехам: «У некоторых же все то, что мы выше назвали, составлено из железа следующим образом: они делают одну тонкую железную полосу шириной с палец и длиною в ладонь, и таким образом они приготовляют много полос; в каждой полосе они делают восемь маленьких отверстий и вставляют внутрь три ремня плотных и крепких, кладут полосы одна на другую, как бы поднимаясь по уступам, и привязывают вышеназванные полосы к ремням тонкими ремешками, которые пропускают через отмеченные выше отверстия; в верхней части они вшивают один ремешок, который удваивается с одной и с другой стороны и сшивается с другим ремешком, чтобы вышеназванные полосы хорошо и крепко сходились вместе, и образуют из полос как бы один ремень, а после связывают все по кускам так, как сказано выше. И они делают это как для вооружения коней, так и людей. И они заставляют это так блистать, что человек может видеть в них свое лицо» [36]. В другом месте Плано Карпини говорит о наличии у монголов шлемов, лат и «вооруженной лошади», прикрытой до голеней [37]. «Всем же, желающим сражаться с татарами», необходимо, как указывает Плано Карпини, иметь «двойные латы, так как стрелы их нелегко пронзают, шлем и другое оружие для защиты тела и коня от оружия и стрел их» [38].

Упоминает латы и Рубрук, хотя он считает, что они, как и некоторые другие виды вооружения, — иноземного производства. «И когда мы добрались до опасного перехода, — пишет он, — то из 20 (сопровождающих Рубрука монголов. — *С. К.* и *Н. М.*) у двоих оказались латы. Я спросил, откуда они к ним попали. Они сказали, что приобрели латы от вышеупомянутых Аланов, которые умеют хорошо изготовлять их и являются отличными кузнецами. Отсюда, как я полагаю, татары сами имеют немного оружия, а именно только колчаны, луки и меховые панцири. Я видел, как им доставляли из Персии железные панцири и железные каски, а также видел двоих, которые представлялись Мангу вооруженными в выгнутые рубашки из

[33] «Материалы к истории Туркмении и туркмен», т. I, стр. 473.
[34] П л а н о К а р п и н и. Ук. соч., стр. 56.
[35] Там же, стр. 27, 28.
[36] Там же, стр. 28.
[37] Там же, стр. 27.
[38] Там же, стр. 40.

твердой кожи, очень дурно сидящие и неудобные» [39]. Это заключение Рубрука следует понимать как указание на ограниченное собственное производство оружия у монголов. Наиболее сложные виды вооружения — мечи, панцири, шлемы — добывались в завоеванных странах и производились руками угнанных в рабство ремесленников; использование этих видов снаряжения монголами не вызывает сомнения и подтверждается многими авторами, но распространение их было ограниченным, и сообщение Рубрука о двух тяжеловооруженных воинах из двадцати очень характерно.

Употребление защитного снаряжения монголами доказывается и археологически. В качестве примера укажем хотя бы погребение золотоордынского времени в кургане № 7 у дер. Вороной (б. Новомосковский уезд Екатеринославской губернии), где найдены пластинки от железного панциря [40].

Не удивительно, что, помимо срезней, монголы использовали наконечники стрел иной формы, обладающие большей пробивной силой и рассчитанные на поражение тяжеловооруженного противника. При раскопках Кара-Корума найдено несколько наконечников, резко отличающихся от срезней по величине, форме и характеру удара. Это небольшие черешковые наконечники с пером в форме сильно вытянутой трёхгранной пирамидки. Конец острый и тонкий. Пробивная сила стрелы с таким наконечником, который можно по праву именовать бронебойным, очень велика. В средних слоях (V и VI) городища найдены два таких наконечника и еще один во втором слое [41]. Общая длина бронебойных наконечников — 5,8—7,2 см; длина пера — 3,2—4,5 см, ширина его грани при основании — 1,3 см.

К бронебойным следует, как нам представляется, отнести и иную форму наконечников, встреченную в Кара-Коруме лишь один раз [42]. Это тонкий, сильно вытянутый наконечник. На месте перехода от черешка к перу — порожек в виде овального расширения. Перо — в форме сильно вытянутого овала, в сечении овальное; длина его — 5,7 см, ширина — 1,2 см. Общая длина наконечника — 10,6 см.

У третьего типа бронебойных наконечников перо имеет форму сильно вытянутого ромба (рис. 108, *6*) [43]; оно ромбическое и в сечении. Место перехода от черешка к перу ничем не отмечено. Общая длина наконечника — 13 см, ширина пера — 2 см.

Следует выделить наконечники, предназначенные для поражения не защищенного броней противника, но резко отличающиеся по форме от срезней. Перо их — вытянутой, листовидной формы; в нижней части его — два полукруглых выреза, образующих порожек между пером и черешком (рис. 108, *8*, *9*) [44]. В Кара-Коруме найдено три таких наконечника, из них два — в средних слоях и один — в девятом. Общая длина их — 10,5—11,5 см; ширина пера — 2 см, длина его — около 6 см; длина порожка — около 2 см. По форме перо напоминает лезвие кинжала,

[39] Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Перевод А. И. Малеина. СПб., 1911, стр. 169.

[40] ИАК, вып. 43, 1911, стр. 91.

[41] Найдены на участке Л6, сл. II.

[42] Найден на участке Л4, сл. VII.

[43] Найден на участке М13, сл. VI.

[44] Найдены на участках: МН2, сл. IX; В16, сл. V, VI; В16, сл. VII.

а черешок — стержень рукоятки кинжала. Эти наконечники массивнее плоских срезней и обладают большей ударной силой, но вместе с тем они слишком широки для бронебойных.

Таковы наконечники монгольских стрел, которые мы пытались связать с осадами Кара-Корума монгольскими войсками во второй половине XIII в. Немногочисленные наконечники, найденные в верхних и нижних слоях городища, в большинстве своем повторяют рассмотренные нами формы. В первом слое встречены подтреугольный срезень и кунжутолистный наконечник, в девятом — кинжаловидный, в одиннадцатом — широкий срезень, во втором — треугольный бронебойный наконечник. Лишь одна форма, представленная в первом слое, отсутствует в средних слоях. Это плоский черешковый наконечник с пером в форме большого ромба. Длина пера — 9 см, ширина — 3,5 см; общая длина, очевидно, достигала 15 см. Хронологически этот наконечник вряд ли отличается от всех остальных. Как мы увидим ниже, подобные наконечники встречаются в одних комплексах с типичными срезнями, кунжутолистными наконечниками и другими известными уже формами.

Основные формы наконечников монгольских стрел середины XIII в., как мы видели, появились задолго до монгольских походов. Они были известны и на севере Китая, и у племен Южной и Восточной Сибири. Заимствовав эти формы, сообщив им специфические пропорции, монголы в свою очередь широко распространили их по обширным просторам Азии и Восточной Европы. Такими стрелами они «сыпали, как градом» на защитников Хара-Хото и Хорезма, Нишапура и Несы, Самарканда и Бухары, Ургенча и Мерва, Багдада и Сурожа, Сувара и Киева и множества городов Китая и Кореи. Такие стрелы в 1237 г. были пущены на Золотые ворота Владимира, предвещая падение стольного города: «Володимерцы пустиша по стреле на Татары, и Татарове такоже пустиша по стреле на Золотые ворота» [45]. Естественно поэтому, что на всей огромной территории монгольских завоеваний стрелы описанных типов — одна из наиболее частых находок в слоях XIII—XIV вв.

Уже отмечено, что в Южной Сибири встречаются наконечники почти всех указанных типов. Срезни очень долго бытовали в Сибири и в самой Монголии. В частности, срезни найдены на месте разрушенного Кобдоского арсенала XVII—XVIII вв., однако по форме и пропорциям они уже заметно отличаются от наконечников XIII в. У них широкое, сравнительно короткое перо с округленными боковыми гранями; стороны лезвия резко сходятся под углом, перо отделено от черешка широким порожком [46].

Много типичных монгольских наконечников стрел известно среди памятников золотоордынской эпохи в Европейской части СССР. В Южном Приуралье, близ хутора Мертвецовского, Илецкого района, в погребении XIII—XIV вв. найден берестяной колчан со стрелами; наконечники их очень близки кара-корумским, которые мы именовали лопатовидными [47]. На Кубани, у станицы Белореченской, Н. И. Веселовский раскопал в 1896 г. курганы с погребениями, отнесенными им

[45] М. Д. Приселков. Троицкая летопись. М., 1950, стр. 314.
[46] Хранятся в Барнаульском музее.
[47] Раскопки Ф. Д. Нефедова, 1887—1888 гг., курган № 6.

«по стилю вещей, монетам и арабским надписям» к XIV—XV вв.[48] Здесь найдены кунжутолистные наконечники, а также большие плоские ромбовидные, близкие кара-корумской форме крупного ромба [49].

На Каме, у с. Кудымкор, встречен наконечник в виде срезня с равномерно расходящимися боковыми гранями [50], полностью аналогичный кара-корумским (см. рис. 107). Там же, у с. Закина, найден двурогий наконечник [51]. Он, однако, несколько отличается от кара-корумских (см. рис. 108, *2*, *3*). Боковые грани его не округлены, перо прямоугольной формы, вырез лезвия не полукруглый, а в виде острого угла. А. А. Спицын датировал эти находки XIII—XIV вв.

Очень типичные монгольские стрелы обнаружены и на территории Украины. У дер. Вороной (б. Новомосковский уезд б. Екатеринославской губернии) Н. Е. Макаренко раскопал курганы, принадлежащие, по его определению, «к татарской культуре, что доказывается и находками в них монет XIV в.» [52]. Особенно характерно погребение под курганом № 7. Костяк лежал на спине, головой на северо-восток. При нем найдены, помимо наконечников стрел, пояс, украшенный бляхами, медная чашечка, железные пластинки, стремена, железный напильник в виде длинного, суживающегося к концу, стержня, составляющего как бы половину цилиндра [53]. Интересна последняя находка. Мы уже цитировали сообщение Плано Карпини о том, что монголы «всегда носят при колчане напильник для изощрения стрел» [54]. Несомненно, что в данном случае встречен именно такой напильник; письменные данные полностью совпали с археологическими.

Стрелы из кургана у дер. Вороной были нескольких типов [55]. Отметим плоские срезни, очень близкие основному кара-корумскому типу с широким пером и сходящимися под углом сторонами лезвия. Другие срезни были с ровным, плоским лезвием. Общая же форма их близка наконечнику, найденному нами (см. рис. 108, *7*). Есть здесь и кунжутолистные наконечники, совершенно аналогичные кара-корумским. Наконец, в этом же комплексе найдены большие ромбовидные наконечники, подобные только что упомянутому наконечнику из верхних слоев Кара-Корума.

Немало монгольских наконечников стрел обнаружено и в соответствующих слоях разрушенных городов, например, при раскопках Райковецкого городища, где выявлена картина боя, взятия и разрушения древнерусского города монголами.

Наконечники стрел, найденные при этих раскопках, датируются с исключительной точностью, поэтому сравнение их с кара-корумскими очень важно. Оно поможет выделить из массы стрел безусловно монгольские формы и уточнить разделение оружия осажденных и осаждающих. Издавший материалы Райковецкого городища

[48] ОАК за 1896 г., стр. 102.

[49] «Альбом рисунков, помещенных в ОАК за 1882—1898 гг.». СПб., 1906, стр. 156, 157.

[50] А. А. Спицын. Древности камской чуди по коллекции Теплоуховых. МАР, № 26, 1902, табл. XXVI, *29*.

[51] Там же, рис. 32.

[52] ИАК, вып. 43, 1911, стр. 101.

[53] Там же, стр. 91.

[54] Плано Карпини. Ук. соч., стр. 29.

[55] ИАК, вып. 43, 1911, рис. 78 на стр. 91.

В. К. Гончаров отмечает, что, наряду с ланцетовидными и лавролистными наконечниками (характерными для русских стрел XII—XIII вв.), «обнаружено 8 стрел с очень широким лезвием. Самая широкая часть, которая приходится на конец лезвия, достигает у них 4 см; в сторону черенка корпус наконечника резко суживается. Найдено 20 стрел с долотовидным лезвием, несколько двулезвийных стрел с широкой и плоской пластинкой, разделенной врезом на два острия.

Внутренние края обоих выступов заострены напильником. Такие стрелы имеют опорный валик и шиловидный черенок. Средняя длина их — 6—6,5 см; на самое лезвие приходится до 4 см. Стрелы с такими наконечниками могли использоваться как зажигательные.

Обнаружен один наконечник с плоским фигурным лезвием, постепенно расширяющимся от упорного валика и имеющим посередине два полукруглых углубления. Самый кончик лезвия — жало долотовидной формы. Общая длина наконечника — 10,5 см, в том числе лезвия — 0,5 см. Наибольшая ширина лезвия — 2 см, ширина острия жала — 1,1 см». Кроме того, В. К. Гончаров отмечает «значительное количество стрел с плоским ромбовидным лезвием длиной 6—6,7 см при ширине 2—2,7 см» [56].

Уже это описание показывает, что среди райковецких стрел есть характерные монгольские формы. Приложенные к книге В. К. Гончарова таблицы убеждают в том, что не только основные формы, но и варианты, выделенные нами среди каракорумского материала, были принесены монголами в далекое Приднепровье. Здесь мы видим срезни с длинным пером, равномерно расходящимися гранями и сторонами лезвия, сходящимися под углом (аналогичные кара-корумским, см. рис. 107); такие же срезни с прямым или округленным лезвием (найденные в Кара-Коруме, см. на рис. 108, *1*); срезни со сравнительно коротким широким пером (обнаруженные в Кара-Коруме приведены на рис. 108, *4*). Долотовидные стрелы соответствуют, очевидно, названным нами лопатовидными, а описанный В. К. Гончаровым наконечник с плоским фигурным лезвием относится, несомненно, к типу кунжутолистных. Близки кара-корумским и двулезвийные стрелы «с широкой и плоской пластинкой, разделенной врезом на два острия» («двурогие» — см. рис. 108, *2*, *3*), а также наконечники «с плоским ромбовидным лезвием». Наконец, некоторые наконечники, опубликованные В. К. Гончаровым на табл. XIII его книги, приближаются к кара-корумским бронебойным и кинжаловидным.

Таким образом, выделение почти полного набора кара-корумских стрел среди материалов памятника, отделенного от Кара-Корума многими тысячами километров и точно датированного серединой XIII в., подтверждает предложенную нами выше датировку наконечников стрел, а вместе с ними и всех средних слоев Кара-Корума.

Рассмотренные выше формы наконечников стрел были обычными у монголов, но в особых случаях употреблялись и необычные формы. Интересное сообщение о таких стрелах мы находим у Рубрука: «. . Мангу приказал, — пишет он, — изготовить самый тугой лук, который едва могли натянуть два человека, и две стрелы,

[56] В. К. Гончаров. Райковецкое городище. Киев, 1950, стр. 94.

головки которых были серебряные и полные отверстий, так что когда их пускали, они свистели, как флейты» [57].

Один очень необычный, хотя и иного вида наконечник найден и при раскопках Кара-Корума [58]. У него плоское треугольное перо с небольшими шипами внизу и массивный черешок с винтовой нарезкой, покрывающей значительную его часть. Конец пера обломан; его длина должна была достигать 6 см, общая же длина наконечника равнялась 15,5 см. Древко дрота, снабженного подобным наконечником, должно было быть очень массивным (рис. 107, *3*).

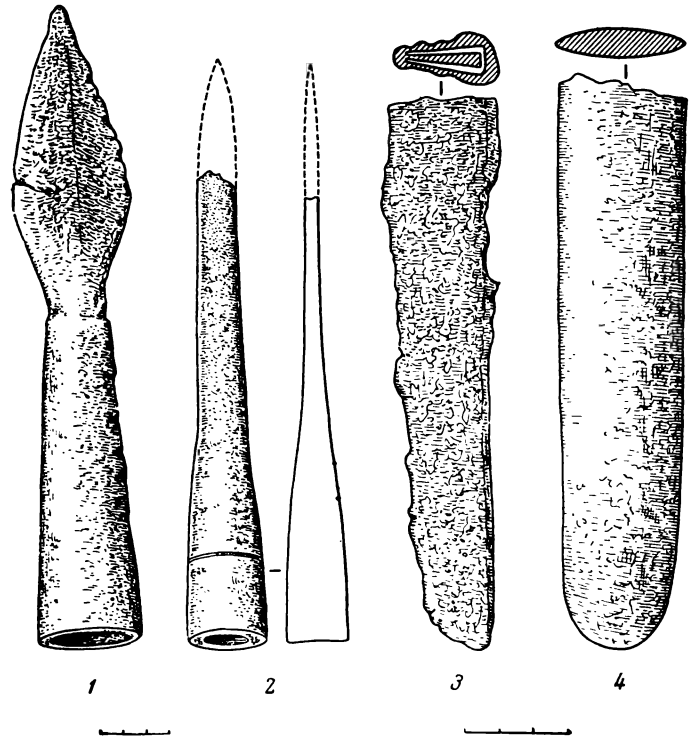


Рис. 109. Кара-Корум. Железные предметы вооружения. *1*, *2* — копья; *3* — конец полосы сабли; *4* — конец полосы меча.

Наряду с луками, монгольские воины употребляли и самострелы. Болт самострела встречен в культурном слое Кара-Корума. Это массивный, тяжелый железный предмет в виде вытянутого овала с острым передним и тупым задним концами, обладавший, несомненно, очень большой пробивной силой. Длина болта — 8,5 см, ширина — 2,5 см, толщина — 1,7 см (рис. 107, *2*). В этой связи интересно одно место у Плано Карпини: «Острия стрел, — пишет он, — для лука или б а л л и с т ы должны, как у Татар, когда они горячие, закаляться в воде, смешанной с солью, чтобы они имели силу пронзать их оружие» [59]. Здесь, несомненно, идет речь о самострелe.

Дважды упомянуты самострелы у Марко Поло: они отмечены у пеших монгольских воинов [60], а во втором случае, — когда автор говорит об измерении расстояния «на выстрел самострела» [61].

Другие виды вооружения, и прежде всего оружие ближнего боя, попадались в Кара-Коруме значительно реже. Копья найдены дважды. Оба наконечника втульчатые, массивные. По форме пера они заметно отличаются друг от друга. У первого [62]

[57] В и л ь г е л ь м д е Р у б р у к. Ук. соч., стр. 124.
[58] Раскоп III, уч. Б9, сл. I.
[59] П л а н о К а р п и н и. Ук. соч., стр. 40.
[60] М а р к о П о л о. Ук. соч., стр. 78.
[61] Там же, стр. 153.
[62] Раскоп I, уч. Л4, сл. II.

перо ромбовидное, длиной 12 см при общей длине наконечника в 28 см. Диаметр втулки — 4,5 см, наибольшая ширина пера такая же (рис. 109, *1*). Общая длина второго наконечника [63] — около 25 см; перо его — без расширения, боковые грани идут почти параллельно, расширяясь лишь при переходе во втулку. В разрезе перо плоское (рис. 109, *2*). Наконечники копий подобной формы могли быть бронебойными. Очень близкие формы копий найдены при раскопках Райковецкого городища [64]. Два аналогичных копья происходят из города Бали (уезд Чжадун провинции Хэйлуцзян) [65]. Употреблялись копья в конном бою; Мухаммед ан-Несеви, описывая поражение конного отряда монголов у Несы, особо подчеркивает «бой копьями» [66]. «У некоторых из них, — пишет Плано Карпини, — есть копья, и на шейке железа (наконечника. — *С. К.* и *Н. М.*) копья они имеют крюк, которым, если могут, сталкивают человека с седла» [67]. Противникам монголов, по словам Плано Карпини, также надлежит иметь «копья с крючком, чтобы иметь возможность стаскивать их (монголов) с седла, так как они весьма легко падают с него» [68].

О монгольских мечах мы находим весьма интересное и характерное сообщение у Плано Карпини: «Богатые же, — пишет он, — имеют мечи, острые в конце, режущие только с одной стороны и несколько кривые» [69]. В другом месте автор упоминает стражу у шатра императора, вооруженную «мечами, луками и стрелами» [70]. Сообщения эти свидетельствуют о том, что мечи не были оружием массовым, а служили особым, почетным видом вооружения.

В дружинную эпоху мечи были по преимуществу оружием военных вождей, а монголы XIII в. еще очень недалеко ушли от этого. Производства мечей, требующего сравнительно высокого уровня развития ремесла, у самих монголов, очевидно, не было. Мечи делали пленные ремесленники; добывали мечи и в покоренных странах, подобно латам, о которых говорит Рубрук [71]. Все это хорошо объясняет очень небольшое число обломков мечей в культурном слое Кара-Корума. И все же эти находки дают представление о нескольких различных типах мечей, бывших на вооружении монгольских войск, причем сообщение Плано Карпини и подтверждается, и обогащается археологическими материалами.

При раскопках 1948—1949 гг. остатки мечей и сабель зафиксированы семь раз, в большинстве случаев — в средних слоях. Среди них отметим обломки однолезвийных и, очевидно, искривленных полос с коротким острым концом. Несомненно, к этой форме и относится замечание Плано Карпини о мечах, режущих только с одной стороны и несколько кривых. Судя по найденным фрагментам, кривизна полос очень невелика. Видимо, оружие это было подобно раннесредневековым саблям, распространенным в Восточной Европе и Южной Сибири начиная с VIII в. Появление таких

[63] Раскоп I, уч. Г1, сл. VI.
[64] В. К. Гончаров. Ук. соч.
[65] Доклад о раскопках города Бали. «Каогу», 1960, № 2, стр. 38, рис. 2.
[66] «Материалы к истории Туркмении и туркмен», т. I, стр. 476, 477.
[67] Плано Карпини. Ук. соч., стр. 29.
[68] Там же, стр. 40.
[69] Там же, стр. 27.
[70] Там же, стр. 53.
[71] Вильгельм де Рубрук. Ук. соч., стр. 169.

сабель было вызвано определенными военными условиями — передвижением больших масс легковооруженной конницы, действовавшей рассыпным строем. Кроме того, сабля была тесно связана с распространением новой системы конского снаряжения и прежде всего — стремян. И сабли, и стремена были известны тюркским племенам Южной Сибири. Не удивительно, что знала их и монгольская конница, действовавшая рассыпным строем и в большинстве своем легко вооруженная.

В Кара-Коруме найдены два обломка таких сабель. В обоих случаях концы сабель короткие: полоса начинает суживаться лишь в самом низу, что отличает эти сабли от сабель более поздних с длинным узким концом. Ширина полосы — 3—3,5 см; длина ее, судя по европейским и южносибирским экземплярам, — около 1 м (рис. 109, *3*).

У тяжеловооруженных воинов оружие ближнего боя было иным. На участке 12 раскопа I, в слое III найден конец меча другой формы (рис. 109, *4*) — с прямой двулезвийной полосой шириной 4,2 см, толщиной около 1 см. Конец ее округлен и напоминает концы европейских мечей так называемого каролингского типа. Трудно сказать, было ли здесь заимствование европейской формы, так как в Европе мечи с округленным концом бытовали в более раннее время, — главным образом, в X в. Конец второго меча найден в том же раскопе (участок В3, слой IV). У него также широкая (4,5 см), очень массивная полоса, но конец уже не округлен, как у предыдущего, а заострен, подобно мечам, бытовавшим в Европе в это время. На конце сохранились следы деревянных ножен.

Кроме мечей и сабель, у монголов были и прямые однолезвийные полосы — палаши. Обломок палаша найден в раскопе II, в слое IV участка А5. Ширина полосы его — 3 см. Это также массивное оружие — принадлежность тяжеловооруженных воинов.

К тяжелым видам вооружения следует отнести булаву (раскоп II, участок Д4, слой III), сделанную из железа. В разрезе она имеет форму неправильного круга диаметром 11 см; деревянная рукоятка вставлялась во втулку диаметром 3,5 см.

У Плано Карпини мы не находим упоминания о монгольских булавах, но, перечисляя оружие, которое следует противопоставить монголам, он называет «палицу из хорошего железа» [72]. Марко Поло определенно указывает палицу среди вооружения конницы [73].

И еще один вид вооружения монголов, о котором следует сказать, — это боевые топоры. У Плано Карпини мы находим неоднократные упоминания о них. Топор он считает столь же обязательным оружием монголов, как и лук со стрелами [74]. Дважды он говорит об убийстве пленных оружием этого вида. Сдающихся в плен жителей городов, пишет Плано Карпини, «татары спрашивают, кто из них ремесленники, и их оставляют, а других, исключая тех, кого захотят иметь рабами, убивают топором. . .». И далее: «Назначенных на убиение они разделяют между сотниками, чтобы они умерщвляли их обоюдоострою секирой» [75]. Для «всех, желающих сражаться

[72] Плано Карпини. Ук. соч., стр. 40.
[73] Марко Поло. Ук. соч., стр. 246—248.
[74] Плано Карпини. Ук. соч., стр. 27.
[75] Там же, стр. 32.

Рис. 110. Кара-Корум. Боевая секира (железо).

с татарами», Плано Карпини также считает обязательным иметь «секиру с длинной ручкой» [76].

Обоюдоострые секиры при раскопках Кара-Корума не найдены, и судить о них мы не можем. Но один топор очень необычной формы может рассматриваться как боевое или, вероятнее, декоративное оружие. Полной неожиданностью оказалось отсутствие у него проуха для рукоятки; вместо него был длинный, опущенный перпендикулярно вниз стержень-черешок, вставлявшийся в конец топорища. Обушок очень небольшой, лезвие же широкое (ширина у черешка — 3 см, максимальная ширина — 16,5 см, длина — 15 см), причем расширение от черешка к лезвию очень резкое (рис. 110). Особенности формы этого топора, значительная ширина и небольшая толщина лезвия, исключают возможность хозяйственного его употребления. Интересно, что топор найден на участке В3 раскопа I, в слое IV, т. е. в одном из средних слоев, насыщенных, как неоднократно указывалось, остатками вооружения.

Аналогичный топор хранится в Музее провинции Хэйлуцзян в Харбине. Он происходит из городища Игун, датируемого эпохой Цзинь (1115—1234).

Остатки второго топора, резко отличающегося от тяжелых и грубых хозяйственных топоров, найдены на участке А11 раскопа I, в слое V. Втулка у топора была в виде цилиндра, отделенного перехватом от заметно вытянутого и, очевидно, несколько опущенного вниз лезвия. Это, вероятно, боевой топор.

Таким образом, почти весь комплекс вооружения, описанный Плано Карпини, представлен находками из раскопок Кара-Корума 1948—1949 гг. Соотношение между остатками различных видов оружия также весьма характерно. Оно подтверждает сообщения письменных источников о преобладании в монгольском войске легковооруженных конных лучников и о наличии, наряду с ними, но в меньшем числе, тяжеловооруженных воинов, снабженных мечами, копьями, булавами и защитным снаряжением. Среди найденного оружия нет форм, происхождение которых можно было бы связывать с самими монголами. Все рассмотренные формы увязываются с общей историей развития оружия Китая, Южной Сибири, Средней Азии и Восточной Европы. Прототипы их были известны на этой территории задолго до появления на исторической арене монгольских племен. Но некоторые формы, наиболее распространенные у монголов, приобрели у них специфическое оформление и пропорции. Это

[76] Плано Карпини. Ук. соч., стр. 40.

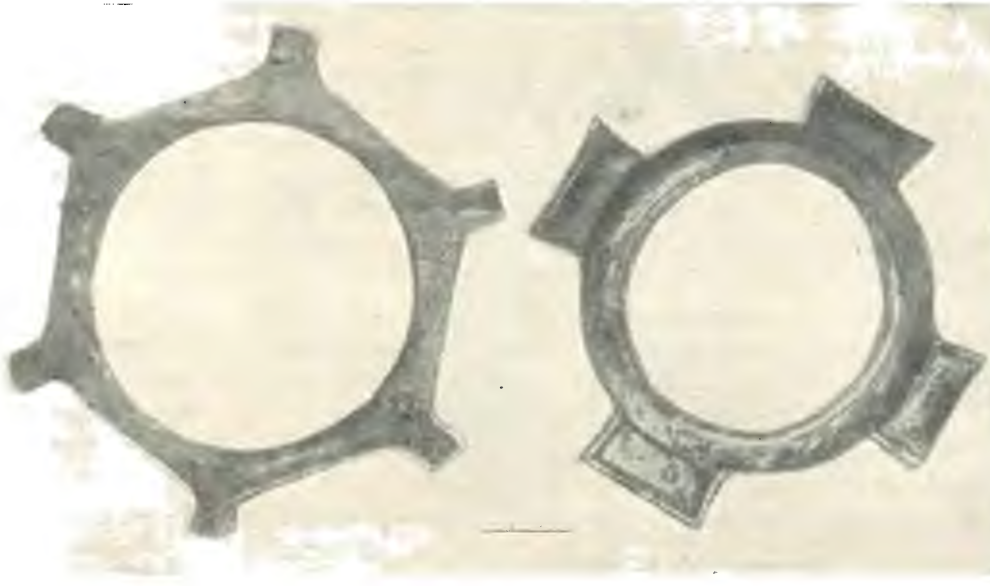


Рис. 111. Кара-Корум. Чугунные втулки для осей (цюны). $^1/_2$ н. в.

прежде всего касается стрел. Раскопки древнемонгольской столицы позволили выделить комплекс таких форм и установить соответствие его с данными письменных источников.

II. ТРАНСПОРТНЫЕ СРЕДСТВА

Наиболее частая находка из всех металлических предметов в культурном слое Кара-Корума — это ц ю н ы, втулки (в подавляющем большинстве случаев чугунные), в которых вращались оси телег. При раскопках найдены сотни целых и разломанных втулок различных форм и размеров (рис. 111). Они хорошо сохранились, обилие же их совершенно закономерно. В передвижении, снабжении и организации монгольских армий и в быту древних монголов повозки играли чрезвычайно существенную роль. Это неоднократно подчеркивается и письменными источниками. Плано Карпини упоминает перевозку «ста́вок» (юрт) на повозках [77]. Подробно описывает перевозку жилищ Рубрук, подчеркивая величину и жилищ и повозок. «И они делают, — пишет он, — подобные жилища настолько большими, что те имеют иногда тридцать футов в ширину. Именно я вымерил однажды ширину между следами колес одной повозки в 20 футов, а когда дом был на повозке, он выдавался за колеса по крайней мере на пять футов с того и другого боку. Я насчитал у одной повозки 22 быка, тянущих дом, одиннадцать в один ряд вдоль ширины повозки и еще 11 перед ними. Ось повозки была величиной с мачту корабля, и человек стоял на повозке при входе в дом, погоняя быков» [78].

[77] П л а н о К а р п и н и. Ук. соч., стр. 7.
[78] В и л ь г е л ь м д е Р у б р у к. Ук. соч., стр. 69.

Имущество монголов хранилось не в юртах, а на специальных повозках, и всегда было готово к переезду. Плано Карпини говорит о повозках, «где они хранят свое сокровище» [79]. Рубрук упоминает четырёхугольные сундуки с навесом из прутьев и покрытием из пропитанного салом войлока, предохраняющего от проникновения влаги. «В такие сундуки, — пишет он, — они кладут всю свою утварь и сокровища, а потом крепко привязывают их к высоким повозкам, которые тянут верблюды, чтобы можно было таким образом перевозить эти ящики через реки. Такие сундуки никогда не снимаются с повозок» [80]. В поселках повозки располагаются возле юрт. Рубрук подчеркивает чревычайно большое число таких повозок. «Один богатый монгол или татарин, — пишет он, — имеет таких повозок с сундуками непременно 100 или 200; у Батыя 25 жен, у каждой из которых по большому дому. . и к каждому из этих домов примыкает по 200 повозок» [81]. Даже при учете значительных преувеличений в этих сообщениях о величине перевозимых юрт и числе повозок приведенные сведения могут считаться достаточно ярким свидетельством большой роли повозок в быту древних монголов.

Повозка столь же обязательна в быту каждого монгола, как и юрта. Очень характерно сообщение Рубрука: «. .Этой госпожи хан не посещал, и дом ее был ветхим, а сама она была мало приятна, но после Пасхи хан приказал построить ей н о в ы й д о м и н о в ы е п о в о з к и» [82].

«После похорон повозку, на которой везут покойника, разрушают вместе с его юртой» [83], — свидетельствует Плано Карпини. На повозках передвигается императорский двор. Плано Карпини упоминает 500 повозок, полных золота, серебра и шелковых тканей, которые были разделены между императором и вождями [84]. На повозках же располагались своего рода перевозные храмы. Плано Карпини упоминает жертвоприношение идолу, «который находится на повозке» [85], Рубрук пишет о повозках, «везущих их идолов» [86]. Наконец, очень важна краткая характеристика кара-корумской торговли, данная Рубруком. В ней перечислены лишь важнейшие объекты торговли, среди которых автор счел нужным упомянуть и повозки: «Город окружен глиняной стеной и имеет четверо ворот. У восточных продается пшено и другое зерно, которое, однако, редко ввозится; у западных продают баранов и коз; у южных продают быков и повозки; у северных продают коней» [87].

И Плано Карпини, и Рубрук согласно сообщают о том, что правят повозками женщины. «Жены их, — пишет первый, — делают все. правят повозками и чинят их» [88]. «Обязанность женщин, — пишет Рубрук, — состоит в том, чтобы править по-

[79] П л а н о К а р п и н и. Ук. соч., стр. 13.
[80] В и л ь г е л ь м д е Р у б р у к. Ук. соч., стр. 70.
[81] Там же, стр. 70, 71.
[82] Там же, стр. 130.
[83] П л а н о К а р п и н и. Ук. соч., стр. 11.
[84] Там же, стр. 56.
[85] Там же, стр. 8.
[86] В и л ь г е л ь м д е Р у б р у к. Ук. соч., стр. 157.
[87] Там же, стр. 165.
[88] П л а н о К а р п и н и. Ук. соч., стр. 37.

возками, ставить на них жилища и снимать их» [89]. (Очевидно, при передвижении женщины следовали с юртами на повозках, в отличие от мужчин, ехавших верхом.)

Железные втулки от колес — цюны — находят во многих местах, где побывали монгольские армии. Обломок втулки в виде зубчатого колеса, найденный в Хара-Хото, опубликован Стейном [90]. Такие же втулки встречены при раскопках этого города П. К. Козловым и хранятся в Государственном Эрмитаже.

Рис. 112. Кара-Корум. Железная подкова.

Обломок такого же цюна найден при раскопках Терещенко в развалинах Сарая Берке на Волге. В Китае цюны употреблялись с очень давнего времени. В Историческом музее в Пекине хранится шестигранный цюн, отлитый из чугуна еще в ханьское время. Много их в музеях Харбина, Чанчуня и Шэньяна. Шестигранные цюны, также аналогичные кара-корумским, найдены в уже упоминавшемся цзиньском городе Бали [91].

Лошади в Кара-Коруме ковались широкими подковами без шипов (рис. 112).

III. ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПРЕДМЕТЫ

Встреченные несколько раз в культурном слое города топоры хозяйственного назначения довольно однообразны по форме. Это массивные, тяжелые и грубо сделанные орудия. По форме они близки современным колунам. Обушная часть их широкая и тяжелая; щечек нет, расширение лезвия незначительно. Длина топора — 15—18 см, ширина (примерно равная на всем протяжении) — 4—5,5 см, толщина у обуха — до 6 см. Такие топоры найдены в слоях I и V городища (на участке Ж6).

В слое IX (участок М1) найден обломок лезвия топора несколько иной формы. Он заметно меньше и легче. Длина его неизвестна, но расстояние от втулки до лезвия — 6,5 см; общая длина орудия, очевидно, не превышала 12 см. Лезвие заметно расширяется: ширина у втулки — 2,3 см, ширина лезвия — 5,3 см. Поверхность орудия

[89] Вильгельм де Рубрук. Ук. соч., стр. 160.
[90] Aurel Stein. Ук. соч.
[91] «Каогу», 1960, № 2, стр. 43, 44, табл. 5, рис. 1 и стр. 38, рис. 8.

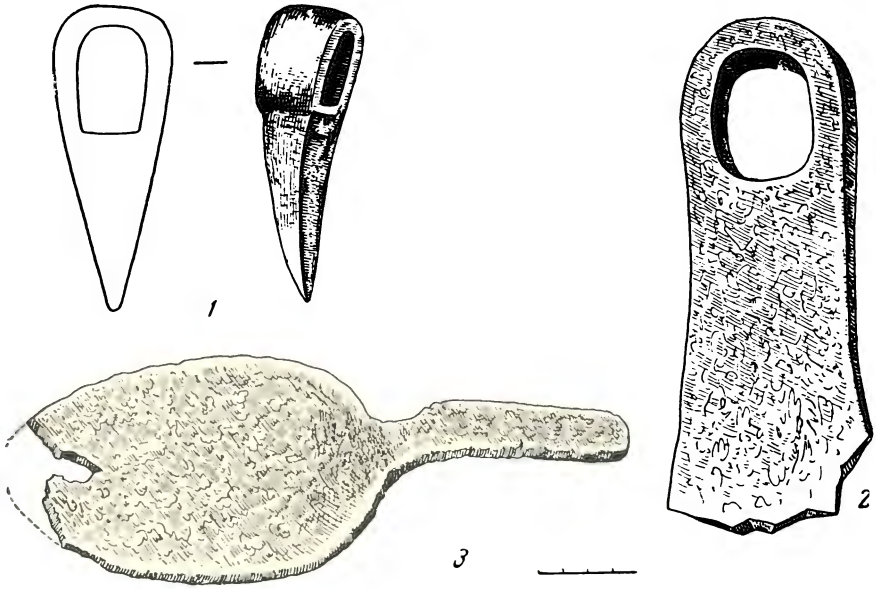


Рис. 113. Кара-Корум. Железные изделия.
1 — кирка; *2* — тесло; *3* — лопатка.

Рис. 114. Кара-Корум. Железная мотыга.

отделана более тщательно, и, может быть, его следует относить не к хозяйственным, а к боевым топорам.

На участке Д11 раскопа I, в слое V встречен обломок очень большого тесла. Даже в обломанном состоянии орудие превышает 20 см в длину (рис. 113, *2*). В том же раскопе (участок И3), в слое IV найдена полностью сохранившаяся железная кирка. Общая длина ее — 19,5 см, наибольшая ширина (у проуха) — 4,2 см, толщина — 3,5 см (рис. 113, *1*). Такая кирка могла употребляться для добычи тех самых сколов сланца, которыми были покрыты печи и каналы отопительной системы, открытые в раскопе I.

Землеройные орудия представлены двумя лопатами. Одна из них широ-

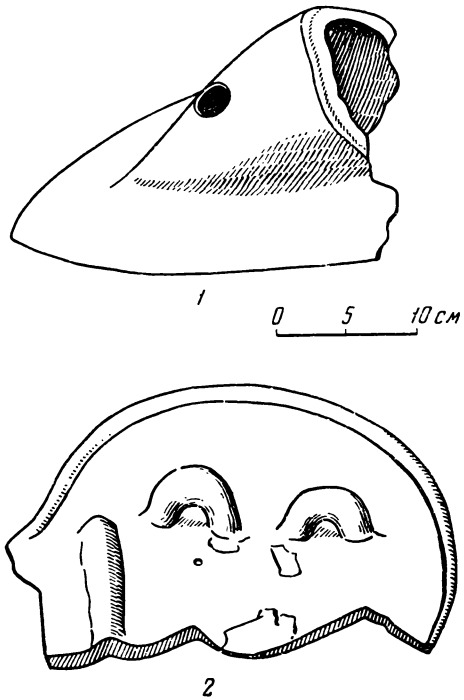


Рис. 115. Кара-Корум. Чугунный лемех плуга (*1*) и чугунный плужный отвал (*2*).

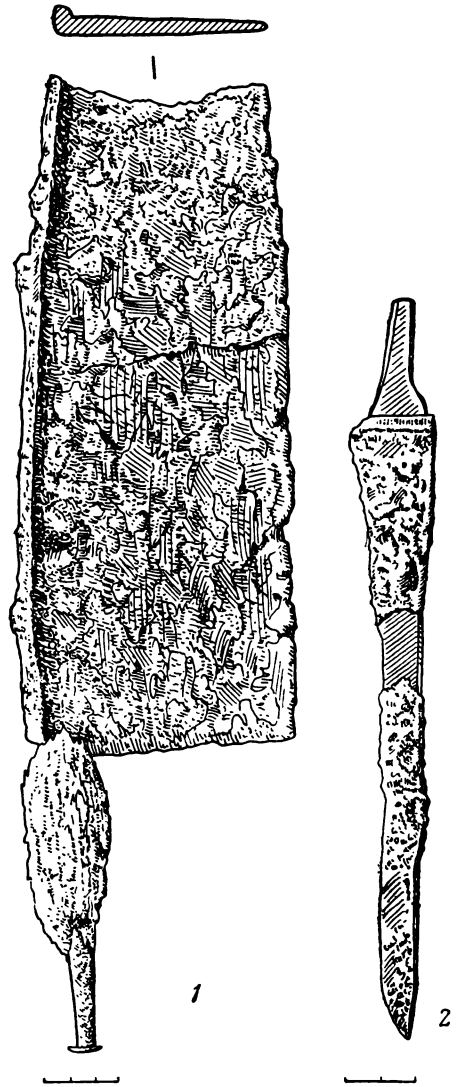
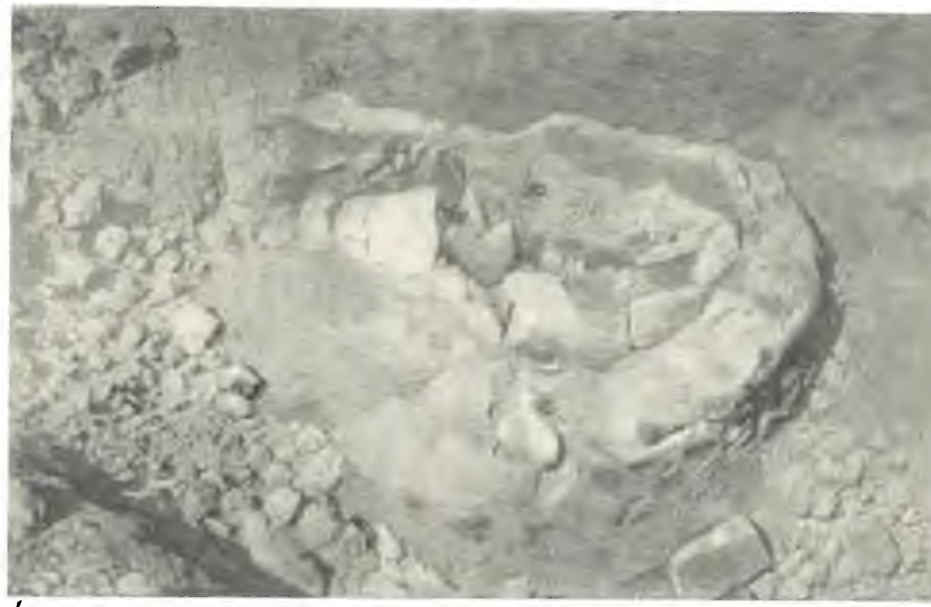


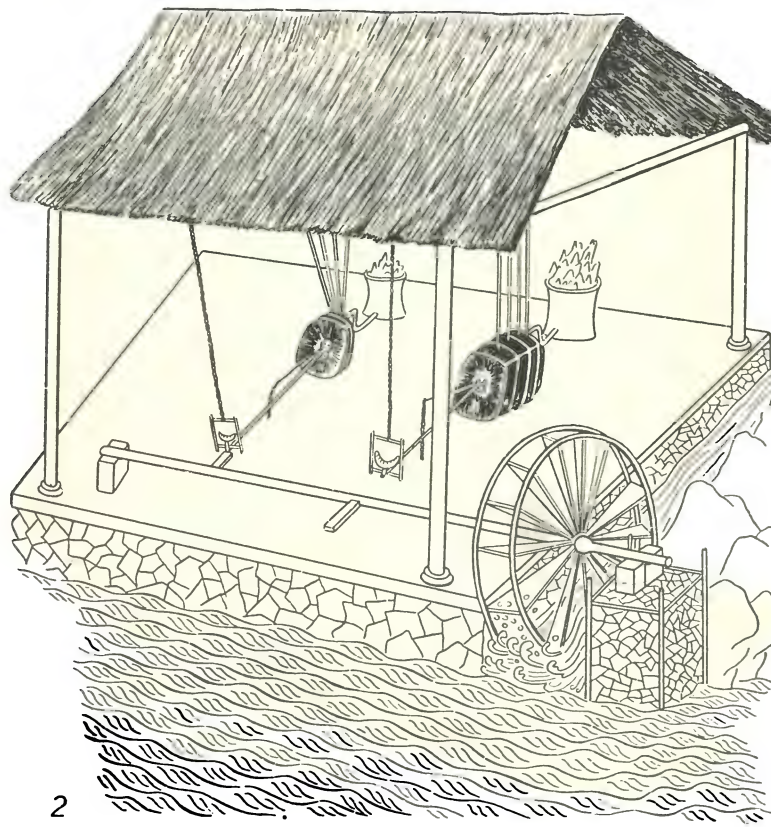
Рис. 116. Кара-Корум. Железные ножи.

кая, четырехугольная, с обломанной массивной втулкой [92]; другая — с черешком, она, по-видимому, имела какое-то специальное назначение (рис. 113, *3*) [93].

[92] Найдена у восточных ворот — раскоп II, уч. Д3, сл. III.
[93] Найдена в «доме на перекрестке», уч. М2, сл. VII.



1



2

Рис. 117. Южная часть горна, открытого в нижнем горизонте «дома на перекрестке» (*1*). Горны, приводимые в действие водой (схема) (*2*).

Близкая ей лопата встречена на поселении эпохи Цзинь и Юань в провинции Ляонин [94].

Своеобразна железная мотыга с выпуклой втулкой, совершенно аналогичная среднеазиатским омачам (рис. 114).

В «доме на перекрестке» мы нашли два лемеха от плуга. Один из них — небольшой, длиной всего 25 см (рис. 115, *1*), другой — большего размера, длиной до 32 см. Оба они одной формы — параболические, с плоскими краями и сильно вздутой конической втулкой, в стенках которой сделаны два отверстия. Кроме того, там же найден чугунный отвал в виде полудиска с двумя петлями (рис.115, *2*).

Оба орудия были издавна распространены. Лемехи этой системы, отличавшиеся только бо́льшим расширением в верхней части, изготовлялись еще в периоды Чжань и Хань [95]. Наиболее ранний чугунный отвал, близкий кара-корумскому, хранится в Государственном историческом музее в Москве и по китайской надписи на нем датируется V в. н. э.[96] Более же поздние лемехи и отвалы, аналогичные кара-корумским, найдены в большом количестве в Монголии [97] и Китае [98] в памятниках VII—XII вв.

К земледельческим орудиям относится также обнаруженная в «доме на перекрестке», к сожалению, сильно изломанная коса-горбуша [99].

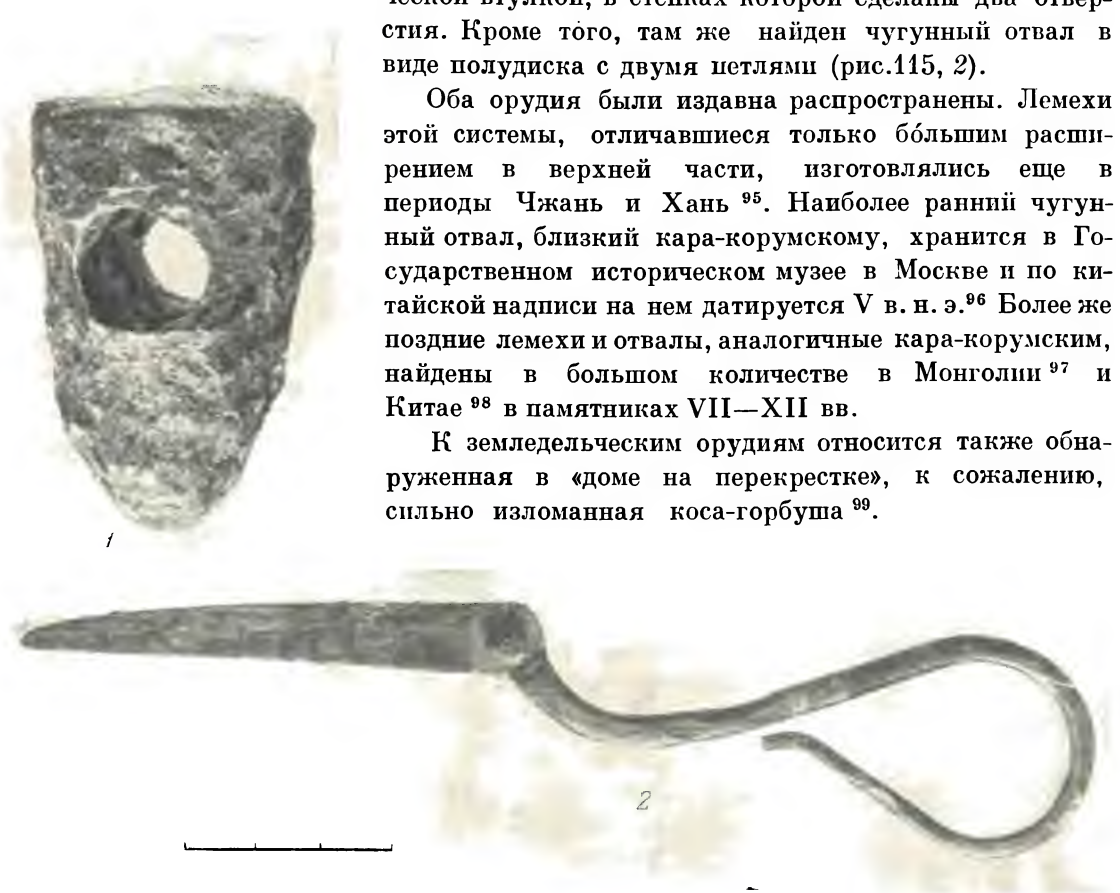


Рис. 118. Кара-Корум. Железные изделия.
1 — молоток-метчик; *2* — фрагмент ножниц.

[94] «Каогу», 1960, № 2, табл. V, рис. 5.

[95] Хранятся в Историческом музее в Пекине.

[96] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1952, табл. LIII.

[97] Д. Навааан. Клад железных предметов из Хара-Хорина. Монгольский археологический сборник. М., 1962, стр. 63—64.

[98] «Каогу», 1960, № 2, табл. V, рис. 7; стр. 39, рис. 35; стр. 41, рис. 5.

[99] Раскоп I, уч. М11. Ср. «Каогу», 1960, № 2, табл. V, рис. 5 (верхнее изображение); ВЮЦЦ, 1955, № 3, стр. 7, рис. 2.

Рис. 119. Кара-Корум. Часть чугунного котла (*1*) и ножка котла большего размера (*2*).

Как и во всяком средневековом городе, в Кара-Коруме найдено большое количество однолезвийных черешковых ножей (рис. 116) [100].

Дважды, наряду с обычными ножами, встречены массивные однолезвийные резаки с клинком, шириной 10 см, длиной 35—40 см и толщиной до 0,5 см. К сожалению, от обоих сохранилась лишь верхняя половина, примыкающая к черешку [101]. Однако не подлежит сомнению, что это так называемые «дзазуры» — кухонные ножи универсального применения, которые и сейчас постоянно можно видеть в руках поваров в МНР. Такие же ножи найдены в Китае при исследовании средневековых памятников, например, древнего города Бали и др. [102]

[100] В раскопе I они найдены на участках: В3, сл. V, VI; Л11, сл. VIII; Н1, сл. VI; Л13, сл. V.
[101] Раскоп I, уч. К12, сл. VI; раскоп II, в печи.
[102] «Каогу», 1960, № 2, стр. 39, рис. 3, 4 и стр. 43, рис. 1; ВЮЦЦ, 1955, № 3, стр. 8, рис. 5.

Дважды мы встретили при раскопках «дома на перекрестке» пешни для пробивания льда, необходимые зимой при добыче воды из Орхона [103].

Как мы отмечали, в «доме на перекрестке» находились мастерские по обработке металла (рис. 117). Помимо горнов, там обнаружен и кузнечный инструмент: большие клещи, какие и до сих пор употребляются в кустарных кузницах [104]; молоток-метчик, каким кузнец показывает молотобойцу место удара молотом по раскаленной болванке (рис. 118, *1*), и др.

Из мелких изделий кара-корумских кузнецов следует упомянуть ножницы. Характерно, что нам не попались пружинные ножницы для стрижки овец. По-видимому, жители сами этим делом не занимались. Зато неоднократно встречались обычные ножницы с гвоздиком посередине (рис. 118, *2*).

Особую группу изделий кара-корумских металлургов-литейщиков составляют чугунные полусферические котлы на трех ножках (рис. 119). Обломков от них и отломавшихся ножек найдено очень много, особенно в нижних и средних слоях города [105]. Такое обилие обломков котлов позволяет полагать, что это не остатки кухонной посуды, употреблявшейся жителями, а отходы массовых изделий ремесленников. Возможно, что отливавшиеся ими котлы служили для приготовления пищи воинским десяткам монгольских армий. Важно отметить, что форма котлов и характерная, очень рациональная и простая форма их ножек присущи только котлам Монголии. В коллекциях музеев Харбина, Чанчуня, Шэньяна, Пекина, Чжэньчжоу, Лояна и Сиани и в публикациях новейших раскопок средневековых городов и поселений Китая и Кореи нигде не встречаются подобные формы. Всюду попадаются или полусферические котлы без ножек, с закраиной для вмазывания в очаг, или с тремя ножками, изогнутыми коленом наподобие знаменитых бронзовых котлов [106].

С. В. КИСЕЛЕВ и Н. Я. МЕРПЕРТ

[103] Раскоп I, уч. Д3, сл. V; уч. Л6, сл. II.

[104] Раскоп I, около кузнечного горна.

[105] Нами зарегистрировано в одном только раскопе I свыше 150 обломков чугунных котлов этого типа.

[106] Ср., например, «Каогу», 1960, № 4, стр. 41 и 42; № 2, табл. V, рис. 2 и 4.

КЕРАМИКА КАРА-КОРУМА

Многообразие посуды из культурного слоя Кара-Корума хорошо прослеживается в коллекции из раскопа I, заложенного в центре города на перекрестке двух улиц. Здесь найдено множество обломков сосудов и другие керамические изделия.

Некоторая часть посуды изготовлялась в самом городе, но много, несомненно, и привозной; в Кара-Корум она поступила из керамических печей разных мастерских времени Сунской и Юаньской династий, а также династии Ляо.

В большой и разнообразной коллекции Георга Эморфопулоса, хранящейся в Британском музее и описанной Р. И. Гобсоном, в основном представлены все образцы китайского керамического производства, поэтому при определении находок мы часто обращались к ее публикации [1]. Не меньшую помощь нам оказали богатейшие коллекции Государственного Эрмитажа, к сожалению, пока лишь частично опубликованные в трудах Э. К. Кверфельдт [2], М. Н. Кречетовой и Э. Х. Вестфален [3], С. М. Кочетовой [4]. Но знакомство с подлинниками и советы их хранителей, особенно М. Н. Кречетовой и Н. В. Дьяконовой, были исключительно важны.

Особо следует отметить занятия в хорошо систематизированных фондах Московского государственного музея восточных культур, консультации и труды научного сотрудника этого музея О. Н. Глухаревой [5].

Основная коллекция керамики [6] из наших раскопок в Кара-Коруме хранится в Музее Улан-Батора. При изучении ее особенностей мы постарались учесть и

[1] R. I. Hobson. The George Eumorfopoulos collection catalogues. London, 1926, t. I—III.

[2] Э. К. Кверфельдт. Керамика Ближнего Востока. Л., 1947.

[3] М. Н. Кречетова и Э. Х. Вестфален. Китайский фарфор. Л., 1947.

[4] С. М. Кочетова. Фарфор и бумага в искусстве Китая. М.—Л., 1956.

[5] О. Н. Глухарева и Б. П. Деникe. Краткая история искусства Китая. М.—Л., 1948; О. Н. Глухарева. Искусство Китая. М., 1959.

[6] Все цветные рисунки керамики из Кара-Корума, представленные на таблицах этой книги, выполнены Л. А. Евтюховой с натуры.

Рис. 120. Кара-Корум. Вид керамических печей, открытых у «дома на перекрестке» (*1*), и устье керамической печи (*2*), возле которой найдены сосуды-брак.

Рис. 121. Кара-Корум. Плитка стекловидной массы для изготовления поливы (фритта).

работы, специально посвященные истории древнекитайской керамики [7].

Часть посуды производилась в городе в печах, открытых нами при работах на первом и втором раскопах. Это сосуды из простой серой глины, а также отчасти посуда типа цзюнь-яо и цычжоу. Местное изготовление цзюнь-яо доказывает производственный брак, найденный нами при расчистке гончарных печей (рис. 120). Если брикеты из стекловидной массы (рис. 121), найденные в культурном слое раскопа I, являются фриттой, то их наличие также указывает на изготовление в Кара-Коруме поливной посуды.

В самом широком употреблении у населения Кара-Корума, судя по количеству находок, была посуда с цветной поливой. Общее количество находок обломков этой посуды очень велико — 8325. Они встречались во всех пластах культурного слоя раскопа I. Особенно много найдено чаш с голубой поливой (3845 обломков). На втором месте—находки посуды с черной поливой (1546 экземпляров), затем — с синей (1016 экземпляров), коричневой (595 экземпляров), зеленой (176 экземпляров), серой (87 экземпляров), желтой (всего 8 экземпляров).

Количество фрагментов посуды по пластам культурного слоя следующее. В слоях I—III и X зарегистрировано от 400 до 600 экземпляров. Резко повышается их количество в средних слоях; так, в слое IV найдено 1278 экземпляров, в пятом — 1062

[7] Альбом выдающихся памятников китайского искусства, т. II. Шанхай, 1951; У Жэнь-цзинь и Синь Ань-чао. История китайской керамики. Шанхай, 1954; Иллюстрированный каталог блестящего фарфора. Пекин, 1956; Фу Чжен-лун. Фарфоровые изделия — великое изобретение Китая. Пекин, 1957; Зеленая керамика лючао, найденная в Нанкине. Изд. Культурных памятников, Нанкин, 1957; «Древние мастерские керамики и фарфора в Сичун около Гуанчжоу». Изд. Культурных памятников, Пекин, 1958; Чан Сян-и. Мастерская Цзичжоу (в провинции Цзянси). Изд. Культурных памятников, Пекин, 1958; Сборник шандунских памятников культуры. Изд. Культурных памятников, Пекин, 1959; «Столица фарфора Цзинь Дэ-Чжэнь», 1959; «Цзинь-дэ-чжэньский фарфор». Пекин, Саньлян Шудян, 1959; Цао Кэ-цзя и Ван Шу-вэнь. Расписная народная керамика периода Сун (X—XIII вв.). Альбом изделий цычжоуского образца. Шанхай, 1960.

экземпляра, в шестом — 1167 экземпляров. В слое VII на площади, втрое меньшей, чем во всех предыдущих слоях (участок ЛО), поливной посуды обнаружено 1030 экземпляров. На этой же площади (ЛО) в слое VIII встречено 616 обломков и в девятом — 804 обломка.

Следовательно, основная масса обломков посуды этого типа залегала в слоях IV—IX. Не имея возможности дать подробное описание всей посуды, мы ограничиваемся лишь приведением примеров по каждому типу посуды, найденной при раскопках Кара-Корума, но это не может снизить общего представления о всей коллекции. Каждому типу в отдельности, присущи все характеризующие его признаки. И даже сосуды, изготовленные, как мы предполагаем, в Кара-Коруме (например, некоторые белые чаши типа цычжоу или отдельные чаши типа цзюнь-яо), сохраняют основные особенности аналогичных изделий.

Среди кара-корумской посуды легко выделяются обломки чаш и других сосудов, типа цзюнь-яо.

Тесто для изготовления сосудов этого типа делалось из белой или серой глины и из желтой разных оттенков, вплоть до коричневого и красного. Глина хорошо отмучивалась, и в ней почти нет других примесей, кроме мелкозернистого песка, и то употреблявшегося довольно редко. После обжига получался крепкий черепок, в некоторых случаях спекавшийся в стекловидную массу [8]. Иногда черепок бывает пористый, рыхлый, — главным образом, в изделиях из белой глины. Среди них — довольно глубокие конусообразные чаши диаметром от 15 до 23 см и плоские блюда или тарелки, со слегка приподнятыми кверху краями, диаметром от 17 до 27 см. Кроме этих двух форм, есть и другие. О них будет сказано ниже. Стенки чаш тонкие (3—5 мм), утолщенные ко дну (12—15 мм). Поддон кольцевой, высотой 8—10 мм и диаметром от 6 до 8 см.

Все сосуды выделывались на гончарном круге. После просушки на посуду цзюнь-яо в процессе обжига накладывалась полива различных цветов, которая в виде стекловидной пленки (толщиной до 1 мм) покрывает внутреннюю поверхность чаш, однако ко дну часто сплывает более толстым слоем. Наружная сторона чаш также покрыта тонким слоем поливы, но дно, поддон и неровный ободок вокруг него неполивные (табл. XVI, рис. *1*) [9]. Чаша, показанная на табл. XVI, рис. *1*,—довольно мелкая, сложной профилировки (см. рис. 136, *5*, стр. 271).

На многих чашах снаружи спускаются книзу натеки оплавленной поливы. На краях, где полива ложилась особенно тонким слоем, иногда просвечивает основной цвет глины. Это хорошо прослеживается на фрагменте голубовато-серого блюдца с острыми краями рельефного борта [10].

[8] Может быть, в результате пожара или брака производства; № 2603 (уч. Н1, сл. X).

[9] Цветные таблицы керамики (табл. XVI—XXIX) помещены в каждом разделе, профили сосудов (рис. 136 и 137) см. стр. 271—272.

[10] № 2030 (раскоп I, уч. МН5, сл. IX).

Рис. 122. Кара-Корум. Чаши, покрытые голубой поливой типа цзюнь-яо.
1 — чаша с голубой поливой и цэк — чаша с ручкой.

В способе нанесения поливы различаются два приема. В первом случае, наиболее массовом, полива ложилась гладким слоем, со стеклянным отблеском, во втором случае, довольно редко встречающемся, полива накладывалась густым неровным слоем, образующим выпуклые извилины [11]. Этим приемом преследовались декоративные цели. Такие чаши известны под названием «панциря черепахи».

К декоративным приемам относится и «цек» или «краклэ», т. е. сеть мелких или крупных трещинок, покрывающих поверхность поливы, что достигалось разностью температур при обжиге (рис. 122, *1*).

[11] Чаша № 1098 (раскоп I, уч. Д10, сл. V).

Кара-Корум. «Дом на перекрестке». Сосуды (*1—3*)

1 — блюдце типа цзюнь-яо (раскоп I, уч. МН2, сл. IX; *2* — сосуд-фляга голубого фарфора (раскоп I, уч. ЖI, сл. IV); *3* — часть ручки в виде пальметки от этого сосуда-фляги.

Кара-Корум. «Дом на перекрестке». Сосуды типа цычжоу (*1—4*)

1 — из раскопа I, уч. Ж10, сл. V; *2* — из раскопа I, уч. МН9, сл. VII, *3* — из раскопа I, уч. Н7, сл. X, XI; *4* — из раскопа I, уч. Д11, сл. III

Еще один способ украшения поливной посуды цзюнь-яо — это разноцветные вкрапления. Часто цветная полива содержит в себе крапинки: на голубом фоне — белые, на синем — голубые и т. д. На некоторых чашах эти крапинки стекли вниз, образуя сетку из мелких вертикальных штрихов: на голубом — синеватые, лиловые и пр.[12]

Часто на внутренней стороне синих и голубых чаш для украшения наносились лиловые пятна разных оттенков в виде крупных потеков (чаша № 11). Иногда эти пятна делались и на внешней стороне. На серовато-зеленом блюдце нанесены лиловые пятна с зеленой серединой [13]. На серовато-зеленой чаше (№ 1098) видны темно-зеленые пятна. Очень интересна чаша голубовато-серых тонов с лиловатыми крапинами, края которой отделаны волнистым изгибом [14]. С одной ее стороны — четырёхугольный выступ с ручкой в виде петли (рис. 122, *2*).

Известно, что при изготовлении посуды типа цзюнь-яо и других окраска поливы в различные цвета производилась путем добавления в состав глиняного теста, из которого формовалась посуда, железа в различных пропорциях. При различных температурах оно придавало поливе соответствующую расцветку разных оттенков — голубую, серо-голубую, зеленую, черную, коричневую и т. д. Сама глина в местах, не покрытых поливой, после обжига становилась красной, желтой, коричневой или белой.

Другим красителем сунской и юаньской поливы была медь. В различных температурных условиях обжига медь придавала поливе светло-голубой, зеленый и красный оттенки. Цветные пятна внутри чаш наносились тем же способом.

На обломках посуды, найденных при раскопках Кара-Корума, можно видеть все описанные выше типы поливы. Нам удалось подобрать и склеить большое количество целых или почти целых чаш, причем нижние пласты культурного слоя включали наиболее хорошо сохранившиеся крупные части сосудов, а в некоторых случаях даже целые экземпляры.

Название «цычжоу» объединяет большую группу разнообразной посуды. Оно, как и в других случаях, произошло от названия городка Цы-Чжоу в южной части провинции Хэбэй, недалеко от Кайфына [15], где вырабатывалась основная масса этой посуды.

В группу керамики цычжоу входят сосуды из крепкого фарфоровидного глиняного теста, покрытого поливой. После обжига получался звонкий черепок. В основном

[12] Чаши № 3166 и 11 (раскоп I, уч. Н4, сл. IX; уч. МН6, сл. IV).

[13] № 2519 (раскоп I, уч. Л7, сл. II) и № 2557 (раскоп I, уч. Л12, сл. III).

[14] № 668 (раскоп I, уч. Л1, сл. V). Диаметр по краю — 19 см, по дну — 9,5 см, высота 7,5 см.

[15] О. Н. Глухарева и Б. П. Денике. Ук. соч., стр. 57; Цао Кэ-цзя и Ван Шу-вэнь. Ук. соч.

полива белая, разных оттенков — молочного, кремового, сероватого, зеленоватого и т. д. Разница в оттенках получалась из-за различных температурных условий обжига. Часто эта посуда украшалась подглазурной монохромной или полихромной росписью. Встречаются сосуды, орнаментированные подглазурной гравировкой [16].

В группу цычжоу входят также сосуды с коричневой и черной поливой, часто украшенные гравированным узором. Иногда вокруг гравированного узора слой поливы счищался до глины. Для полихромного узора по еще сырой глине заранее наносился резной контур.

При раскопках Кара-Корума встретились почти все образцы посуды типа цычжоу. Основную массу находок (из 4981 экземпляра — 4457) составляют сосуды, покрытые белой поливой без росписи. Больше всего найдено сосудов в форме конусообразных чаш самых различных размеров. Они, без сомнения, были в массовом употреблении у населения Кара-Корума. Есть основание предполагать, что некоторые из этих чаш выделывались на месте, в самом Кара-Коруме. В раскопе I встречены остатки производственного брака — деформированные, смятые черепки, пострадавшие при обжиге.

Простые чаши сделаны из белой или светло-желтой глины. Черепок после обжига очень звонкий. Сосуды покрыты поливой разных оттенков — молочно-белой, кремовой, слегка желтоватой, сероватой или слегка зеленоватой. Покрывалась обычно вся внутренняя поверхность, наружная — иногда на одну треть, но чаще до поддона, всегда остававшегося без поливы.

В нашей коллекции есть гладкие чаши различных размеров (рис. 123). Целая маленькая чашечка покрыта сероватой поливой. Диаметр чашечки — 9,8 см, высота ее — 4,2 см; диаметр поддона — 3,4 см, высота его — 0,4 см. На внешней стороне, на высоте одной трети, сделан углубленный поясок-бороздка, по которому проходит граница поливы [17].

Другая чашечка покрыта поливой с желтоватым оттенком [18]; диаметр чашечки — 11,8 см, высота ее — 3,3 см; диаметр поддона — 5,4 см, высота его — 0,3 см.

Еще одна чашечка покрыта поливой молочного цвета [19]. Диаметр чашечки — 12,7 см; ширина поддона — 5,5 см, диаметр его — 0,8 см. На внутренней стороне, ближе ко дну, светло-серой краской сделаны два узких ободка. На дне остались неснятыми 6 комочков белой глины, налепленных при обжиге. Остатки комочков глины есть вообще почти на всех кара-корумских чашах этого типа; по ним можно определить, что чаши при обжиге в печах устанавливались стопками, одна в другой.

У чашечки с белой, слегка кремовой поливой по краю сделан плоский бортик-уступ шириной 1,1 см. Дно ее плоское [20] (высота — 3,9 см, диаметр — 11,7 см). На обо-

[16] Л. А. Евтюхова. Древнекитайская керамика из Кара-Корума. СА, 1959, № 3, стр. 181 и сл.

[17] № 8 (раскоп I, уч. Л13).

[18] № 358 (раскоп I, уч. Л6, сл. II).

[19] № 13 (раскоп I, уч. А10, сл. VIII).

[20] Раскоп I, уч. Ж6, сл. I.

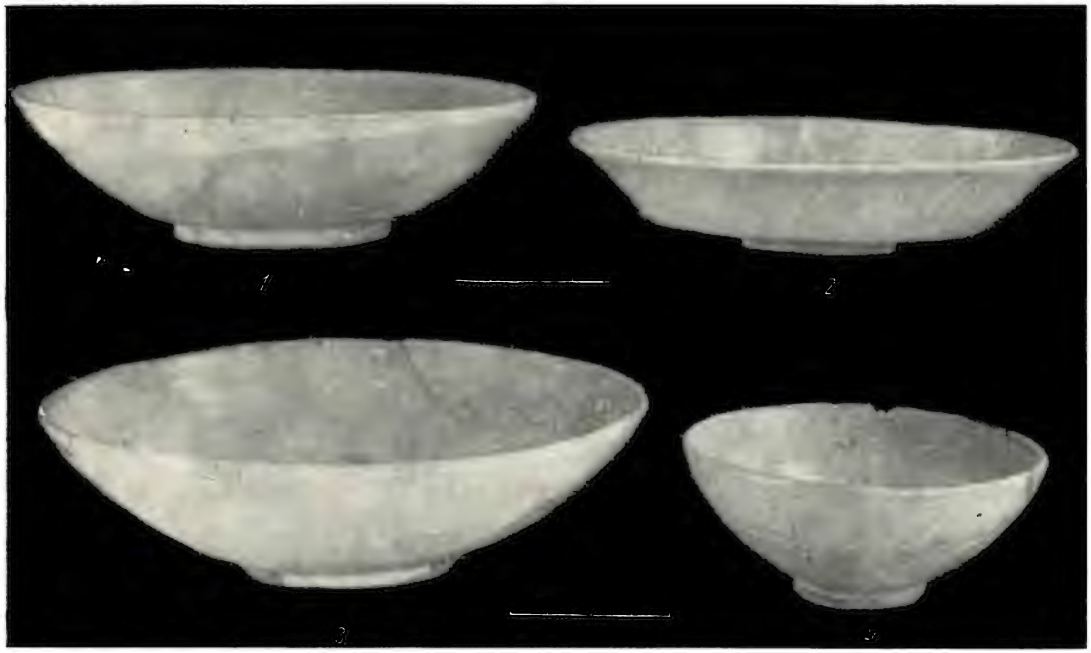


Рис. 123. Кара-Корум. Белые чаши типа цычжоу.

роте белая полива заканчивается чуть ниже бортика, а дальше, до поддона, чашечку покрывает светло-зеленая полива. Из глубоких чаш с кремовой поливой были наиболее распространены чаши следующих размеров: диаметр — 18 см, высота — 6 см (№ 9); диаметр — 19,8 см, высота — 7 см (№ 1125); диаметр — 20 см, высота — 7 см; диаметр — 19 см, высота — 7,5 см [21].

В качестве примера более плоских чаш можно привести покрытую сероватой поливой: при диаметре 15 см высота ее — 4 см; у другой чаши с кремовой поливой при диаметре 15,5 см высота — 3,1 см [22].

Кроме чаш, при раскопках Кара-Корума часто встречались обломки сосудов типа цычжоу иных форм. Примером может служить глубокая миска с округлыми боками и отогнутым плоским венчиком [23], покрытая поливой кремового оттенка (рис. 124,*1*). Диаметр ее — 12,8 см, высота — 11,8 см; ширина венчика — 1,1 см; ширина поддона — 8,7 см, высота его — 1 см. Еще у владельца сосуд треснул и был починен железными скобочками в шести местах. Для вставки скобок вдоль трещин просверлены несквозные парные лунки диаметром до 2 мм.

Назовем также белый сосуд с округлыми боками, невысокой прямой шейкой, плоским, слегка отогнутым наружу венчиком и двумя противостоящими ручками

[21] Эти чаши найдены в раскопе I: уч. 07, сл. I—III; уч. Г3, сл. VI; уч. Г5, сл. VI.

[22] С серой поливой — № 1108 (раскоп I, уч. Д10, сл. VI); с кремовой поливой — № 1096 (раскоп 1, уч. Д10, сл. V).

[23] № 1003 (раскоп I, уч. Д3, сл. V).

Рис. 124. Кара-Корум. Сосуды цычжоу
. ; — чаша зоричневой роспис

у горла, сделанными в виде петель с продольными желобками посередине. Весь сосуд покрыт желтовато-кремовой поливой, а ручки — коричневой. Вокруг нижнего их конца, на боку сосуда, нанесено расплывчатое пятно коричневой поливы [24].

Сосуд почти такой же формы с прямой шейкой [25] сходен с известным нам сосудом сунского времени из Китая; разница лишь в том, что на том экземпляре нанесен подглазурный растительный узор зеленовато-серого цвета [26].

Самый маленький белый сосуд типа цычжоу из кара-корумской коллекции — флакончик с узким горлом, шаровидным туловом на небольшом поддоне и парными вертикальными ручками у горла; у основания их — оливковые пятна [27].

К следующей группе посуды типа цычжоу относятся сосуды, покрытые белой поливой и украшенные коричневой и черной подглазурной росписью. Их формы разнообразнее, чем у предыдущей группы сосудов без росписи. Формы и размеры чаш также разнообразны, и внутри их почти всегда украшают подглазурные пояски из полосок и стилизованные цветы с листьями, нанесенные на стенки легкими, свободными мазками кисти (рис. 124, *2*).

Рассмотрим сосуды с коричневой росписью.

В раскопе I найдена нижняя часть большой чаши из светло-желтой глины. Внутри чаша покрыта белой поливой зеленовато-серого оттенка. Дно чаши — толщиной 2 см, при диаметре 25 см; сохранившиеся на высоту 8 см стенки достигают толщины в 1,5 см. На дне по краям коричневой краской нанесены две широкие кольцевые полоски. В центре — такое же двойное кольцо. Между ними в трех местах мазками широкой кисти нанесен стилизованный растительный узор. Снаружи, на нижней части чаши, поливы нет [28].

Другая, также большая, чаша из белой глины, покрыта внутри белой поливой с розовато-кремовым оттенком.

От этой чаши сохранилась половина [29]. Почти прямые стенки отходят от дна под углом около 40°. Верхний край отогнут в виде горизонтального ободка шириной 2 см. Внутри чаша украшена коричневыми кольцевыми поясками, нанесенными вдоль верхнего края и у дна; между ними в трех местах — завитки и стилизованные листья.

Еще одна подобная же чаша на кольцевом поддоне, с немного отогнутыми наружу краями, сделана из желтой, слегка красноватой глины. Собранная при раскопках в обломках, она склеена целиком. Белая, с легким зеленоватым оттенком полива

[24] Его размеры: диаметр горла — 13,5 см, высота шейки — 1,6 см, общая высота — 10 см, диаметр поддона — 8,8 см, высота поддона — 0,7 см (№ 685; раскоп I, уч. М4, сл. VI).

[25] Его размеры: высота — 8 см, наибольшая ширина — 12,3 см, диаметр горла — 8,8 см (раскоп I, уч. Б3, сл. III).

[26] L. Ashton and B. Gray. Chinese art. London (без года издания), стр. 229, рис. 80, *b*.

[27] Размеры сосудика: высота — 6,6 см; высота горла — 1 см, его диаметр — 1,9 см; высота поддона — 0,5 см, его диаметр — 3,1 см.

[28] № 828 (раскоп I, уч. Л5, сл. VII).

[29] № 414 (раскоп I, уч. Л5, сл. XI). Диаметр чаши — 32,7 см; диаметр дна — 18,5 см. Толщина стенок наверху, у края — 0,5 см; внизу, у дна — 1 см. Толщина дна по краю — 1,6 см, в центре — 1 см.

внутри покрывает ее сплошь, а снаружи, сверху — только до половины [30]. Чаша украшена темно-коричневой росписью. Внутри на дне проведен поясок из трех тонких прерывистых полосок; посередине стенок нанесен такой же поясок. Между поясками в трех местах широкими мазками сделан узор из растительных мотивов. На наружной стороне, вдоль борта и вдоль границы поливы, прорисованы узкие несомкнутые полоски. Между ними — такие же растительные завитки, что и внутри. Снаружи на дне написан тушью знак, — очевидно, клеймо (тамга) владельца чаши. Вокруг поддона по стенкам также тушью написаны еще десять знаков, подражающих иероглифам (табл. XVII, рис. *1б*; профиль — см. рис. 136, *12* на стр. 271).

Обломки самой большой чаши этого типа найдены в нижних горизонтах культурного слоя в раскопе I на довольно большом расстоянии друг от друга и на разной глубине [31]. Ее украшают узкие несомкнутые полоски. Между ними снаружи и изнутри нанесены завитки, напоминающие растительный узор. Снизу на дне тушью написан знак.

Из расписанных коричневым узором белых чаш типа цычжоу в Кара-Коруме были наиболее распространены чаши среднего размера и разной глубины. Их обломки найдены в большом количестве, главным образом, в нижних пластах культурного слоя (слои VII—XI). Наиболее простой узор нанесен тремя мазками кисти почти на дне, в трех местах, на чаше с округлыми тонкими стенками, внутри покрытой белой, кремового оттенка поливой [32]. На наружной стороне — полива только по верхнему краю на ширину от 1 до 1,5 см. Диаметр чаши — 17 см, высота — 4,9 см, диаметр поддона — 6 см. На дне, снаружи, по сырой глине процарапаны две косые черты и полукруг и там же написаны тушью иероглифы.

Другой вариант этого типа — более глубокая чаша (табл. XVII, рис. *3*) [33] с более округлыми стенками толщиной около 0,3 см. Ее диаметр — 17,5 см, высота — 7 см; диаметр поддона — 5,2 см. Чаша покрыта сероватой поливой, которая снаружи на стенках доходит лишь до половины. Внутри — роспись коричневой краской, на дне — тройной кружок, выше — два пояска из тройных линий, причем верхний расположен на высоте середины чаши; под ним, через ровные интервалы, нарисованы четыре завитка. Вокруг дна в трех местах нанесен штриховой узор мазками кисти. Цвет полосок гораздо светлее узоров [34].

Плоские чаши, напоминающие по форме блюдца, встречались реже. В виде примера можно упомянуть обломки двух таких чаш [35]. Обе они сделаны из белой глины и покрыты сероватой поливой. У них горизонтально отогнутый край шириной около 1 см. У первого на дне узкой полоской прорисовано кольцо; такая же полоска идет и вдоль бортика. Между ними изображены коричневыми мазками, по-видимому,

[30] Из раскопа I, уч. Ж10, сл. V. Диаметр чаши — 30,3 см, глубина — 9,3 см, высота — 12 см; диаметр поддона — 8,5 см, его высота — 1,2 см; толщина стенок вверху — 0,7 см, внизу — 1,3 см; толщина дна — 0,7 см.

[31] Раскоп I, уч. МН3, сл. VII; уч. МН6, сл. X, XI.

[32] Чаша № 391 (раскоп I, уч. Л10, сл. VIII).

[33] Чаша № 14 (раскоп I, уч. МН9, сл. VII). Профиль ее см. рис. 136, *10* на стр. 271.

[34] Такая же чаша — из раскопа I (уч. МН4, сл. IX). Аналогичный узор есть на сосуде из Хара-Хото в Государственном Эрмитаже (№ X-1346).

[35] № 15 (раскоп I, уч. Н7, сл. X, XI); № 2546 (раскоп I, уч. Л9, сл. XI).

Рис. 125. Кара-Корум. Сосуды типа цычжоу коричневой росписью (*1*, *2*).

в трех местах стилизованные листья (табл. XVII, рис. *2*). На втором коричневая полоска проведена вдоль края и возле него нарисованы такие же штриховые листья.

Горшкообразные сосуды с белой поливой и коричневым узором типа цычжоу в культурном слое Кара-Корума представлены также разнообразными формами. Наиболее простая роспись на них состоит из горизонтальных полосок, нанесенных тонкой кисточкой на тулове сосуда. Такие полоски украшают, например, шаровидный сосуд (рис. 125, *1*) из светлой, чуть желтоватой глины [36]. Горло его низкое и широкое, край срезан с откосом кнаружи. К горлу примыкают две небольшие противоположные ручки в виде петель, вылепленных из парных жгутов. Снаружи, немного ниже половины высоты и по верхнему краю горла, сосуд покрыт поливой кремового цвета. На уровне низа ручек и посередине тулова прорисованы узкие парные коричневые горизонтальные полоски. Под ручками и на их концах — неровные округлые пятна поливы оливкового цвета. Внутри сосуд покрыт зеленоватой поливой с мелкими темными крапинками. Еще во время использования сосуд треснул в нескольких местах и был скреплен обычным способом, т. е. при помощи железных скобочек, вставленных в круглые парные сверлины. На боках 8 пар таких лунок и на дне — одна пара. Кое-где уцелели и обломки железных скобок.

Другой сосуд из светло-серой глины, с росписью коричневыми горизонтальными полосками, сохранился частично [37]. Он баночной формы, с прямыми стенками,

[36] Размеры сосуда: высота — 17,3 см; наибольшая ширина в боках — 20,5 см; диаметр горла — 14,5 см, его высота — 1,5 см; ширина венчика — 1 см; диаметр поддона — 9,3 см, его ширина — 1,5 см; его высота — 1 см. Сосуд целый, склеен из обломков (№ 1106, раскоп I, уч. Г3, сл. VI).

[37] № 2712—18 (раскоп I, уч. М5, сл. III). Диаметр — около 21 см. Сосуд сохранился на высоту 19 см.

поверхность которых слегка желобчатая (рифленая по горизонтали). Верхний край косо обрезан и немного отогнут кнаружи. На внешней стороне — белая полива зеленоватого оттенка. По ней нанесены три горизонтальных пояска из парных коричневых узких полос. На внутренней стороне полива темная, серо-зеленая, с мелкой коричневой крапинкой. На обломках есть парные круглые отверстия — следы починки в древности.

Третий сосуд — баночной формы, как и предыдущий, но меньшего размера [38]. Внизу, на высоте 13 см от верхнего края, стенки скруглены и заканчиваются низким (1 см высоты) поддоном. На тулове — три горизонтальных пояска из двойных довольно широких коричневых полосок. В некоторых местах краска переходит в очень слабый коричневато-оливковый оттенок. Средний поясок расположен ближе к верхнему. Между поясками широкими мазками нарисованы стилизованные растительные узоры. В верхней и нижней частях их сделано по три в шахматном порядке по отношению друг к другу (рис. 125, *2*). На обломке большого шаровидного сосуда с отогнутым наружу венчиком [39], покрытом кремовой, с желтоватым оттенком поливой, сохранилась часть узора в виде стилизованной ветки с листьями, нарисованной коричневой краской мягкими взмахами кисти.

Интересен по форме сосуд, сделанный из светлой, желтоватой глины. Это флакон с узким горлом, с одутловатым, расширенным книзу туловом на узком и низком поддоне [40]. Края прямого горла слегка отогнуты наружу, и к нему прикреплены четыре симметрично расположенных ручки в виде петель из парных глиняных жгутов, скрепленных друг с другом. Снаружи, почти до дна, сосуд покрыт кремовой поливой; внутри она темнее — с зеленоватым оттенком. На тулове прорисованы три горизонтальных пояска из парных полосок светло-оливкового цвета. Между поясками в шахматном порядке размещены завитки со стилизованными листьями, нарисованные в свободной манере мазками коричневой краски. Ручки сверху и снизу и поверхность тулова вокруг них покрыты пятнами коричневой краски (рис. 126) [41].

Очевидно, сосуду такой же формы принадлежит обломок горла с двумя ручками [42].

Замечательна по размеру и росписи часть громадного сосуда типа цычжоу с коричневой росписью [43]. Сосуд сделан из желтовато-серой глины. Снаружи покрыт кремовой поливой, внутри — темно-коричневой. Он был шаровидной формы, с невысокой

[38] Размеры сосуда: высота — 18,3 см, диаметр — 16,8 см, диаметр поддона — 8 см.

[39] Раскоп I, уч. Ж12, сл. III.

[40] № 554. Размеры сосуда: высота — 25,2 см; наибольшая ширина тулова — 18 см; ширина горла — 5,3 см, его высота — 2 см; диаметр поддона — 8,4 см, его высота — 0,8 см. Сосуды такой формы изданы Цао Кэ-цзя и Ван Шу-вэнем (ук. соч., табл. 47—49).

[41] Очень близкий сосуд сунского времени хранится в Шандунском музее (см. «Сборник шандунских памятников культуры». Пекин, 1959, стр. 125, рис. 236). Той же формы сосуд найден около г. Таншаня (провинция Хэбэй) в могиле № 82 времени Юань. Вместо растительного орнамента сосуд украшают иероглифы цзю-сэ-цай-цы. Их можно читать так: «Вино сорт везения (в денежных делах)». См. «Каогу Тунсюнь», 1958, № 3, табл. III, рис. 6; ср. ВЮЦЦ, 1954, № 9, стр. 38, 39, рис. 71 и иллюстрированный каталог Выставки культурных находок, обнаруженных в ходе капитального строительства по всему Китаю. Пекин, 1954, табл. 45 (на кит. яз.).

[42] Раскоп I, уч. А4, сл. IV. Обломок аналогичной посуды найден в Хара-Хото (Государственный Эрмитаж, № Х-1361).

[43] № 59.

Рис 126. Кара-Корум. Сосуд типа цычжоу с коричневой росписью.

(2 см) вертикальной шейкой. Наибольший диаметр — около 40 см, диаметр горла — 23,5 см, высота — 35—40 см. Все тулово было покрыто росписью. На сохранившейся половине, на плечиках вдоль горла, коричневой краской сделан горизонтальный поясок из гладких штриховых полос (по три сверху и снизу). Между ними заключена волнистая полоса. Ниже контуром нарисованы крупные цветы, поверхность которых покрыта светло-коричневой краской. Тычинки прорисованы штрихами по кругу. Между цветами темно-коричневой, почти черной краской изображены ветки с широкими вырезными листьями. Фриз из этих цветов, занимающий вместе с поясками верхнюю четверть поверхности сосуда, ограничен еще одним — третьим — пояском

из горизонтальных штрихов. Ниже фриза тулово сосуда расписано четырьмя симметрично расположенными крупными цветами (пионами?) с контурным рисунком лепестков, окрашенных в светло-коричневый цвет. Вокруг каждого цветка широкими мазками изображены крупные вырезные листья. Цветы отграничены друг от друга большими полукругами, между которыми от верхнего пояска спущены штриховые пальметки. По пышной росписи этот сосуд можно считать классическим образцом посуды типа цычжоу сунского или раннеюаньского времени.

Такому же крупному сосуду принадлежит большой обломок дна, покрытый кремовой поливой и расписанный сплошь коричневым узором из широких и узких полос, кружков и завитков между ними [44] (табл. XVII, рис. *4*).

Еще один обломок большого сосуда, с кремовой поливой снаружи и коричневой внутри, расписан коричневыми вертикальными штрихами и завитками, подражающими изображению цветов. На нем есть дырочки — следы починки скобками (табл. XVIII, рис. *1*) [45]. На обломке из раскопа I видно, что поверхность сосуда с кремовой поливой (снаружи и внутри одинаковой) была расписана небольшими косыми штрихами и цветами [46].

К этой же серии относится сосуд из светло-серой глины. Он округлой формы, с прямой шейкой и довольно высоким поддоном [47]. Снаружи полива кремовая, внутри — коричневая. На плечиках нарисован поясок из двух двойных горизонтальных полосок, между которыми сделаны широкие штрихи, подражающие листьям. Все тулово расписано штриховым изображением мелких листьев с завитками (табл. XVIII, рис. *5*).

Такая декоровка поверхности сосудов типа цычжоу часто применялась мастерами в эпоху Сун и Юань [48]. Особенно близкие изображения листьев мы находим на шаровидном сосуде с кремовой поливой из коллекции Эморфопулоса (эпоха династии Сун) [49]. На сосуде из коллекции Музея восточных культур (Москва), сделанном в той же манере, изображены цветы, близкие кара-корумским [50]. На художественной выставке Китайской Народной Республики в 1950 г. демонстрировалась высокая, стройная ваза с узким горлом, с подобной же росписью, типичной для керамики цычжоу [51].

Сосуды типа цычжоу с коричневой росписью, найденные экспедицией П. К. Козлова при раскопках в Хара-Хото, также очень схожи с кара-корумскими [52]. В коллекциях Государственного Эрмитажа хранится еще один хороший образец сунского сосуда для воды — типа цычжоу, белый с коричневой росписью. М. Н. Кречетова и

[44] Раскоп I, уч. Д11, сл. III.

[45] Раскоп I, уч. Д1, сл. III.

[46] Раскоп I, уч. Д15, сл. III.

[47] Размеры сосуда: высота — 10,5 см, наибольшая ширина — 10,5; диаметр горла — 6,5 см, его высота — 1,2 см; высота поддона — 1,6 см, его диаметр — 6,5 см (раскоп I, уч. Г3, сл. IV).

[48] Ср. юаньский сосуд («Сборник шандунских памятников культуры». Пекин, 1959, стр. 129, рис. 244) и сосуд из погребения юаньской эпохи (ВЮЦЦ, 1955, № 3, стр. 8, рис. 6).

[49] R. I. Hobson. Ук. соч., т. III, табл. XLIX, рис. 274.

[50] «Выставка искусства Китая». Каталог. М.—Л., 1940, стр. 106.

[51] «Художественная выставка Китайской Народной Республики». Каталог. М., 1950, стр. 33 и таблицы.

[52] Государственный Эрмитаж, № Х-1226, Х-1255 и др.

Э. Х. Вестфален определяют его происхождение из мастерских Цы Чжоу в провинции Хэбэй [53].

К той же группе посуды относится и обломок бока сосуда из белой, слегка серовато глины [54]. Однако техника его росписи несколько иная. Ее особенность заключается в том, что сначала сосуд был покрыт коричневой поливой, по которой острием был процарапан контур украшавших его листьев (очевидно, с цветами, но они не сохранились). После этого ножом соскоблен (вернее, срезан) фон, окружавший узор Таким образом, получилась рельефная поливная роспись на слегка углубленном фоне (табл. XVIII, рис. *3*). Такая техника украшения сосудов типа цычжоу встречается в образцах сунского или юаньского времени. Среди сосудов, опубликованных в коллекции Эморфопулоса, можно видеть такие же вазы, украшенные растительным орнаментом и цветами лотосов [55].

Полива сосудов с коричневой росписью не всегда была ровного тона. В некоторых печах она получалась грязновато-зеленоватого оттенка, с мелкими голубыми крапинками. Такую поливу мы видим на обломках дна большого сосуда — таза. На дне его — коричневые полоски и цветы [56]. Иногда по белой, чуть желтовато-зеленоватой поливе встречаются и более крупные голубые крапинки, как, например, на обломке высокого горла шаровидного сосуда с петельчатой ручкой [57].

Из образцов сосудов цычжоу с черной росписью по белому фону особенно привлекает внимание часть верха крупного сосуда (возможно, вазы) из светло-желтой глины, покрытого снаружи белой поливой теплого тона и черной — внутри. На сохранившемся обломке видно, что верхнюю часть окружал пояс из широких полос, окаймленных с двух сторон более узкими. Между полосами пояса заключены цветы с вырезными остроконечными листьями, расположенные группами. Выше пояса тоже нарисованы какие-то цветы. У «вазы» были ручки; от одной из них сохранился нижний конец. В коллекции Эморфопулоса опубликована стройная ваза высотой 40 см, с узким горлом, украшенная в верхней части таким же поясом с растительными мотивами. Происхождение этой вазы Р. И. Гобсон ведет из местечка Пу-Шан, но говорит, что подобные вазы в эпоху Сун вырабатывались и в других местах [58].

Узором из цветов хризантем с острыми листьями украшена и другая ваза — шаровидной формы и с узким высоким горлом. Она из той же коллекции и относится к тому же времени [59]. В качестве еще одной аналогии можно привести вазу с хризантемами и острыми листьями, относящуюся к сунскому времени и изданную Л. Аштоном и Б. Греем [60].

[53] М. Н. Кречетова и Э. Х. Вестфален. Ук. соч., табл. 4 и стр. 37.

[54] Раскоп I, уч. Д2, сл. VI.

[55] R. I. Hobson. Ук. соч., т. III, табл. LIX, рис. 419; табл. LXVII, рис. 423; в альбоме, составленном Цао Кэ-цзя и Ван Шу-вэнем (ук. соч.), такие сосуды изображены на табл. 107—109; еще один образец см. L. Ashton and B. Gray. Ук. соч., рис. 83, b.

[56] Раскоп I, уч. Ж3, сл. III.

[57] Раскоп II, уч. В5, сл. IV.

[58] R. I. Hobson. Ук. соч., т. III, стр. 38, табл. XLVII, рис. 271.

[59] Там же, табл. XLVIII, рис. 273.

[60] L. Ashton and B. Gray. Ук. соч., стр. 230, № 81.

Рис. 127. Кара-Корум. Сосуд типа цычжоу с выемчатым фоном.

Кроме перечисленных находок, в коллекции из Кара-Корума довольно много обломков сосудов типа цычжоу с черной росписью, в том числе и массивные днища высоких сосудов (типа ваз), покрытые черной или коричневой поливой.

Особый раздел в керамике типа цычжоу составляют белые сосуды, украшенные подглазурным прорезным рисунком. Из нескольких образцов керамики этого типа почти все встречены в нижнем слое города.

Один, почти целый сосуд [61] и два других, от которых найдены обломки [62], сделаны из белой глины и покрыты белой поливой теплого тона с наружной стороны и светлой зеленовато-сероватой — с внутренней. Форма у всех трех сосудов одинаковая — широко раскрытая полушаровидная ваза со слегка отогнутым венчиком. На почти целом сосуде отчетливо видна техника выделки. После формовки из хорошо отмученной глины и после обжига весь сосуд снаружи и внутри был покрыт светлой, сероватозеленоватого тона, поливой; после того как полива застыла, на нее по наружной поверхности и краю венчика был наложен второй слой, но уже белой поливы. Это хорошо видно в придонной части, где белая полива не всюду покрыла нижнюю. После

[61] Размеры сосуда: высота — 15,5 см, наибольшая ширина — 25,5 см; диаметр верха — 25 см, дна — 11,5 см (раскоп I, уч. Л8, сл. XI).

[62] № 3826—30 (раскоп I, уч. М1, сл. XI) и № 3836 (раскоп I, уч. М1, сл. X).

1

2

3

5

4

Кара-Корум. «Дом на перекрестке»: Сосуды типа цычжоу с коричневой росписью (1: 3—5); декоративный рельеф из глины (2)

1

2

3

4

5

Кара-Корум. «Дом на перекрестке». Чаши типа цычжоу с полихромной росписью (1—5)

Кара-Корум. Чаши типа цычжоу с полихромной росписью (1—2)

Кара-Корум. «Дом на перекрестке». Ваза типа цычжоу с серой росписью

этого по не застывшей еще белой поливе смелыми линиями на верхней части сосуда был прочерчен узор, состоящий из широкого горизонтального пояса цветов, напоминающих пионы, с листьями, вписанными между двумя горизонтальными бороздками. Таким образом, на белом фоне вырисовывается светлый, серовато-зеленоватый рисунок. Два других сосуда сделаны той же техникой и украшены приблизительно такими же цветами.

Еще один сосуд, сохранившийся в крупных обломках, декорирован несколько иначе (рис. 127) [63]. На верхней половине по сырой еще глине был прочерчен расположенный горизонтальным поясом узор из пышных цветов — пионов с листьями, отграниченных сверху и снизу узкими двойными полосками. При этом еще до покрытия первым, нижним слоем серовато-зеленоватой поливы острым инструментом, вроде ножа, был выбран тонкий слой фона вокруг цветов и листьев. Затем, после того как нижняя полива застыла, сосуд снаружи и внутри был покрыт верхним слоем поливы — белой, чуть кремового оттенка. И по сырому еще ее слою вновь, по обозначенному ранее рисунку, прочерчены контуры цветов и листьев и выбрана белая полива с углубленных частей фона. В результате такой отделки ваза оказалась украшенной белыми пионами на серовато-зеленоватом фоне. Этот сосуд был для владельца, несомненно, большой ценностью. Поэтому в свое время он починен железными скобочками, вставленными в парные отверстия, просверленные вдоль трещин.

Примером такой же техники декора может служить сосуд сунского времени, украшенный более простым узором в виде широкого пояса завитков, изданный Л. Аштоном и Б. Греем [64].

Интересна по форме вазочка на высокой ножке, сохранившаяся, к сожалению, только в нижней части. Она окрашена в той же манере, как и только что описанные вазы. Эта форма найдена в Кара-Коруме пока в единственном экземпляре [65].

Таким же способом сделан сосуд [66], от которого найден обломок, не позволяющий восстановить форму сосуда, но, судя по узору, он был украшен еще более пышно (табл. XVIII, рис. *4*). Еще один обломок сосуда той же выделки сплошь украшен резным узором [67]. Спиральные завитки на пояске под шейкой напоминают такие же завитки, но нанесенные красной краской на полихромных блюдцах типа цычжоу.

Два обломка, по-видимому, от разных блюдец, сделанных еще одним приемом резной прорисовки узора [68]. Здесь острием с широким лезвием (очевидно, ножом) орнамент очерчивался косым срезом, поэтому получался рельефный рисунок.

В находках Кара-Корума хорошо представлена серия блюдец и неглубоких чаш еще одного раздела посуды типа цычжоу — с р о с п и с ь ю к р а с н о й и

[63] Форма та же, что и у предыдущих сосудов, диаметр горла — 29,5 см, наибольшая ширина — та же; венчик также отогнут кнаружи (раскоп I, уч. Л8, сл. XI). Сосуды с растительными узорами, сделанными той же техникой, изображены на табл. 94—96 в альбоме Цао Кэцзя и Ван Шу-вэня (ук. соч.).

[64] L. A s h t o n and B. G r a y. Ук. соч., стр. 229, рис. 80, b.

[65] Высота ножки — 4,2 см, ее диаметр по низу — 4 см (внутри она полая); диаметр вазочки — около 10 см; верх отломан (раскоп I, уч. Н8, сл. X, XI).

[66] Раскоп I, уч. А9, сл. V, VI.

[67] Раскоп I, уч. Л6, сл. II.

[68] № 3262 и 2831 (раскоп I, уч. МН2, сл. IX).

зеленой красками[69]. Они найдены, главным образом, в нижних горизонтах культурного слоя — IV—VIII. Отдельные небольшие обломки встречались и в верхних слоях, но они — другого характера и относятся к более позднему времени.

Такой техникой на блюдце изображен цветок лотоса[70]. Кончики лепестков красные, листья зеленые, обведенные красным контуром. Цветок окаймлен красной и зеленой полосками, над которыми в четырех местах сделаны завитки. Вся композиция гармонична и выполнена в свободной манере хорошим мастером (табл. XIX, рис. *1*). Такое же блюдце с лотосом, относящееся к эпохе династии Сун, издано в коллекции Эморфопулоса[71].

Две чаши украшены красными пионами с зелеными листьями[72]. Цветы выполнены также в свободной манере, но на каждой чаше — по-разному. На первой лепестки сделаны отдельными мелкими мазками кисти. Кроме того, по внешнему краю сосуда прорисован поясок в виде двух продольных красных полосок, а между ними — красные цветы пионов с зелеными листьями (табл. XIX, рис. *2* и *3*). На второй чаше пионы сделаны контурными штрихами красной и желтой красками; стебли и листья окрашены в зеленый цвет (табл. XX, рис. *1*). На обоих блюдцах листья обведены красным контуром (профиль сосуда см. рис. 136, *11* на стр. 271).

Изображения пионов на таких же чашах сунского времени изданы в коллекции Эморфопулоса[73]. Аналогичный пион нарисован и на прекрасной расписной вазе из той же коллекции[74]. В Кара-Коруме встречены чаши, украшенные такими же цветами с мелкими лепестками, как и только что упомянутая ваза[75] (табл. XIX, рис. *4* и *5*). По поводу последней чаши (табл. XIX, рис. *5*) отметим, что она сделана в позднее сунское время или в начале эпохи Юаньской династии[76].

На двух обломках чаш[77] нанесена одинаковая роспись внутри, но снаружи на первой сделан горизонтальный поясок из двух красных полосок, между которыми заключен орнамент из полуовалов, выполненных широкими красными и зелеными мазками (табл. XX, рис. *2*). Можно думать, что, если не одним мастером, то, во всяком случае, в той же самой мастерской сделана чаша, обломок от которой был найден П. К. Козловым в Хара-Хото. Узор, особенно на внешней стороне, абсолютно совпадает с узором только что описанной чаши из Кара-Корума[78]. Такой же орнамент

[69] Образцы полихромных чаш эпохи Сун см. У Жэнь-цзинь и Синь Ань-чао. История китайской керамики. Шанхай, 1954, рис. 23 и 26 (на кит. яз.); Л. А. Евтюхова. Ук. соч., стр. 186, табл. II; Цао Кэ-цзя и Ван Шу-вэнь. Ук. соч., табл. 126—138.

[70] № 6 (раскоп I, уч. Л11, сл. VIII).

[71] R. I. Hobson. Ук. соч., т. III, табл. IV, рис. 342.

[72] № 26 (почти целая; раскоп I, уч. К3, сл. VI); № 1881—85 (в обломках; раскоп I, уч. Л11, сл. VIII; рис. 136, *11*).

[73] R. I. Hobson. Ук. соч., т. III, табл. LI, рис. 339, 343; табл. LVI, рис. 344.

[74] Там же, табл. LVI, рис. 336.

[75] Раскоп I, уч. МН9, сл. VI, и уч. МН10, сл. X.

[76] Профиль чаши см. на рис. 136, *8*, *9*.

[77] Раскоп I, уч. Д3, сл. V, VI, и уч. В5, сл. IV.

[78] Государственный Эрмитаж, коллекция из Хара-Хото, № X-1357.

мы наблюдали и на вазе сунского времени из коллекции Эморфопулоса [79]. На внешней стороне второй чаши из Кара-Корума зеленой и красной красками нарисован растительный орнамент.

Всю эту группу посуды объединяют одинаковая манера изображения цветов, одни и те же тона красок и художественный стиль. Поражает лаконичная выразительность, которая достигнута простыми, но смелыми приемами опытной, умелой руки художника, употреблявшего для росписи всего две краски.

В раздел керамики типа цычжоу входят также сосуды с серой росписью по белому фону. В Кара-Коруме серая роспись встречена, главным образом, на больших вазах и таких же больших сосудах.

От вазы с округлыми боками, прямым узким горлом и прямым венчиком, сделанной из красноватой глины и покрытой кремовой поливой, сохранилась значительная часть [80]. Роспись выполнена серой краской. Вокруг горла на плечиках нарисована широкая кайма из стилизованных пышных цветов с листьями. Тулово расписано неопределенным штриховым узором. На высоте 12,5 см от низа вазу окружают три широкие серые полосы. У дна — две такие же полосы; между ними расположены стилизованные листья, сделанные широкими штриховыми мазками. Внутри ваза покрыта темно-коричневой поливой.

От другой вазы, — по-видимому, той же формы и тех же размеров, — сохранилось несколько обломков [81]. Роспись на ней сделана тоже серым цветом, но на тулове, среди завитков, штрихов и стилизованных облаков, между которыми кое-где разделан чешуйчатый узор, причудливо вьется узкое тело дракона. Вокруг шейки цветов нет, вместо них — четыре узких полоски. Низ украшен так же, как и у предыдущей вазы. Внутри она тоже покрыта темно-коричневой поливой. Форма и рисунок узора по низу тулова сближают обе вазы. Вполне возможно, что они происходят из одной мастерской.

Чрезвычайно живописны были три большие вазы другой формы, обломки которых найдены в средних и нижних пластах [82]. Все они сделаны из желтовато-сероватой глины, покрыты белой, кремового оттенка, поливой и расписаны в одной и той же манере стилизованными серыми драконами. От одной из ваз сохранилась бóльшая часть, поэтому мы и приведем ее описание (табл. XXI). Высота вазы достигает 70 см, ширина ее — до 30 см. Тулово пропорционально удлиненное, с припухлыми боками. Верхний край узкого горла отбит, но можно установить его диаметр — 10—12 см. По всей вероятности, край заканчивался отворотом кнаружи так же, как на упоминаемой ниже вазе из собрания Эморфопулоса. На горле симметрично размещены четыре вертикальных ручки в виде отходящих от него широких, заостренных внизу, пластин с рубчатой поверхностью. Низ ручек прилеплен к плечикам, на которых толстой кистью нанесены широкие мазки. Ниже двух горизонтальных поясков

[79] R. I. Hobson. Ук. соч., т. III, табл. LI, рис. 348.

[80] № 741—742. Высота — 30 см; ширина в боках — 35 см; диаметр дна — 15 см, горла — около 15 см; высота венчика — 1,4 см; толщина дна — 1,5 см, стенок — около 1 см; ширина поддона — 2 см; поддон углублен на 1,1 см.

[81] № 1892 (раскоп I, уч. МН, сл. VII; раскоп I, уч. Л6, сл. VIII).

[82] № 726, 727, 729 и др. (раскоп I, уч. МН4, МН10, МН12, сл. VII, VIII, X).

из тройных полос по всему тулову в свободной манере нарисованы узкотелые извивающиеся драконы. Между ними — серые, вписанные друг в друга полосы и облака. Тела драконов разделаны дополнительной штриховкой, процарапанной по серой поливе. Здесь можно отметить, что серая полива узора накладывалась поверх уже застывшей белой, так как штриховка по серому полю доходила до белой поливы, но не задевала ее более твердого слоя.

Дно вазы не сохранилось, но по двум другим вазам из наших раскопок, а также по аналогиям можно установить, что оно было небольшим (диаметр — до 12—15 см) и, может быть, с поддоном цилиндрической формы. Нижняя часть тулова ваз покрыта темно-коричневой поливой.

С найденными в Кара-Коруме очень сходна одна из ваз коллекции Эморфопулоса [83]. По цвету поливы, по форме и пропорциям она вполне совпадает с кара-корумскими, отличаясь несколько меньшим размером. Количество ручек и их форма совершенно те же. Роспись в виде драконов и цветов выполнена в той же манере, но черно-коричневым цветом. Такое сходство между всеми вазами может быть доказательством их происхождения из одной и той же мастерской. Ваза коллекции Эморфопулоса происходит из Пу-Шана и относится к сунскому времени. Интересно, что и в Хара-Хото П. К. Козловым найдены обломки совершенно таких же ваз с серыми драконами и облаками [84].

Еще два обломка от небольших ваз с серой росписью обнаружены в нижних слоях города. На одном обломке с частью узкого горла есть такая же ручка, как и у описанных выше ваз. От росписи остались только широкие мазки растительного орнамента [85].

В заключение описания посуды типа цычжоу с серой росписью можно упомянуть обломки бутылевидного флакона с горизонтальным пояском из трех полосок на верхней части тулова, под налепной ручкой (не сохранилась) и с крупными штрихами, напоминающими иероглифы (также сохранились частично) [86]. Еще один обломок от большого сосуда типа таза найден в самом верхнем слое города. Обломок украшен горизонтальными серыми полосами и точками [87].

К последнему разделу керамики типа цычжоу относятся четыре фрагмента сосудов, покрытых темной бирюзовой поливой, с черной росписью, найденные в пятом (среднем) пласте Кара-Корума. Первые два — от довольно большой вазы из белого теста. Они покрыты ярко-синей, бирюзового оттенка, плотной поливой и украшены изображением цветка с узкими, острыми листьями (табл. XXII, рис. *3*). Два других обломка от одной вазы из светло-желтой глины покрыты зеленой прозрачной поливой [88]. На верхнем пояске нанесен черной краской узор из трехлопастных линейных пальметок; ниже — цветы с острыми листьями (табл. XXII, рис. *8*).

[83] R. I. Hobson. Ук. соч., т. III, табл. XVIII, рис. 292.
[84] Государственный Эрмитаж, коллекция из Хара-Хото, № Х-1330 и Х-1328.
[85] № 1904 и 1699.
[86] Раскоп I, уч. Л4, сл. IX.
[87] Раскоп I, уч. Ж2, сл. I.
[88] № 1140—934 (раскоп I, уч. А11, сл. V, и уч. Е3, сл. VI).

Среди большого количества обломков посуды из Кара-Корума этот тип представлен только четырьмя обломками. Доказательством редкости и ценности этих ваз служат следы починки (на второй из публикуемых).

Такие вазы начали выделываться в сунское время [89]. М. Н. Кречетова и Э. Х. Вестфален отмечают, что появление яркой бирюзовой глазури в сочетании с черной подглазурной росписью обусловливается проникновением в мастерские провинции Хэбэй иноземных влияний [90].

Очень интересны блюдца и чаши довольно редкого типа посуды ляо, всего несколько фрагментов которых найдено в Кара-Коруме в нижних горизонтах. Они сделаны из сероватой глины и украшены росписью в несколько красок по прочерченному контуру. Примером может служить часть плоского блюдца диаметром около 15 см, покрытого по краю ярко-зеленой поливой, заходящей на внешнюю сторону на 1 см [91]. Вдоль зеленого края внутри расположен желтый ободок, окаймляющий белый фон, на котором изображены желтые цветы с зелеными листьями (табл. XXII, рис. 7).

Подобное же по размеру блюдечко хранится и в коллекции П. К. Козлова из Хара-Хото [92]. Расцветка узора на нем та же, и такая же широкая зеленая кайма по краю. В середине, судя по сохранившимся обломкам, был белый цветок лотоса. Приблизительно одинакового размера другое кара-корумское блюдце [93], но в середине на желтом фоне изображена белая утка (или гусь?) среди больших острых листьев (табл. XXII, рис. *1*). Цвет глазури и ее распределение на внешней стороне те же. Отметим большое сходство этих двух блюдец и чаши того же типа ляо, опубликованной Ли Вэнь-синем [94].

В кратком обзоре, посвященном публикации памятников этого типа, автор отмечает, что чаще всего на чашах изображались цветы, а на приведенной им иллюстрации представлена чаша с редким сюжетом — летящей птицей среди облаков. Посуда данного типа производилась на территории государства Ляо (916—1124), а изделия были найдены в районах Хэбэй, Шаньси и во Внутренней Монголии. Можно добавить, что и в Хара-Хото обнаружены подобные изделия.

[89] R. I. Hobson. Ук. соч., т. III, рис. 285.

[90] М. Н. Кречетова и Э. Х. Вестфален. Ук. соч., стр. 7.

[91] Диаметр блюдца — около 15 см, толщина стенок — 0,4 см (раскоп I, уч. И10, сл. VI).

[92] Государственный Эрмитаж, № Х-1867.

[93] № 1111 (раскоп I, уч. Е1, сл. VI).

[94] Ли Вэнь-синь. Краткий обзор фарфора ляо. ВЮЦЦ, 1958, № 2, таблица (левый нижний рисунок). Работа Ли Вэнь-синя отражает результаты исследований по керамике ляо, ведущихся в музеях Китайской Народной Республики. В Ляонинском музее в Шэньяне, в Историческом музее в Пекине и в Отделе фарфора пекинского Гугуна собраны коллекции ляоской керамики. Отметим, что аналогии описываемым здесь полихромным ляоским чашам, найденным в Кара-Коруме, считаются в китайских собраниях наиболее уникальными, лучшими украшениями коллекций.

Рис. 128. Кара-Корум. Фрагмент блюдца с полихромной подглазурной росписью типа ляо.

Очень красивым было плоское блюдо типа ляо, от которого в Кара-Коруме найдена средняя часть [95]. На ней изображен плод персика, окрашенный в желтый цвет, и зеленые листья. Внутри кольцевого поддона тушью написан знак «чжи» («принадлежит мне», «моя вещь»). Вокруг поддона была длинная надпись, но, к сожалению, сохранившиеся части знаков не читаются (табл. XXII, рис. *4* и *5*).

Еще одно блюдо, диаметром около 26 см, было сделано из серой глины с желтым оттенком и внутри украшено многоцветным узором [96]. Зеленые острые листья, вписанные в желтом ободке, перемежаются с коричневыми пальметками. В центре, по-видимому, было какое-то изображение, окруженное белыми фигурными завитками в виде облаков. Основным фоном служит зеленая полива. На оборотной стороне, на свободной от поливы поверхности, есть слабо различимая надпись (табл. XXII, рис. *2*).

К этой же группе относится еще одна половина блюдца из красной глины, у которого весь край и оборотная сторона до поддона покрыты темно-зеленой поливой [97]. В середине, окаймленной коричневой полоской, на желто-зеленом фоне прорезным контуром изображен цветок лотоса; на концы нижних его лепестков положены красные блики. Тона поливы блеклые и темные, тогда как на описанных выше сосудах полива отличается яркостью и свежестью красок. На раннее время этого блюдца указывает то, что оно покрыто поливой вплоть до поддона. Это же подтверждают и условия находки — в самом нижнем слое города. Блюдце было долго в употреблении, и полива на поверхности его сильно потерта (рис. 128) [98].

[95] Диаметр поддона — 5,8 см (раскоп I, уч. Ж6, сл. V). Профиль другого блюда, найденного в раскопе I (уч. Б2, сл. IV), см. на рис. 136, *3*, стр. 275.

[96] № 141 (раскоп I, уч. Л4, сл. VII).

[97] № 54 (раскоп I, уч. Н6, сл. XI).

[98] Похожее блюдце см. среди посуды типа ляо, изданной в ВЮЦЦ, 1958, № 2, стр. 20, рис. 3 (на вклейке).

Очень красивым было большое блюдо из сероватой глины, от которого сохранился довольно большой кусок. Широкий край, покрытый зеленовато-голубой поливой, сделан вырезным и рельефным, с четырёхугольными ложчатыми выемками. Вырезным контуром по краю блюда изображены крупные цветы лотоса с листьями (их было семь). Фон середины желтый, цветы палевые с желтой серединой; листья окрашены тем же зеленовато-голубым цветом, что и край блюда (табл. XXII, рис. *6*).

По технике выделки, окраске и стилю это блюдо очень похоже на вазу с лотосом из коллекции Эморфопулоса [99], но в указателе изданий оно ошибочно отнесено ко времени династии Тан. Это блюдо также характерно для ляоской керамики. Возможно, оно попало в Кара-Корум вместе с другими предметами, вывезенными монголами в эпоху завоевания Цзиньского государства, в свою очередь овладевшего перед тем государством Ляо. Может быть, блюдо это происходит из какой-нибудь дворцовой коллекции и оттуда было взято в качестве трофея.

Такого же происхождения мог быть и небольшой грушевидный флакон, украшенный двумя рельефными цветами и двумя такими же драконами между ними [100]. Около горлышка (которое отбито) были расположены друг против друга две небольшие ручки (тоже отбиты). Флакон покрыт поливой: фон и лепестки цветов — зеленые, середина цветов и драконы — желтые. Полива на поверхности рельефа растеклась неровно, и поэтому края желтых драконов покрыты зеленым (табл. XXII, рис. *9*). По характеру поливы флакон отчасти напоминает танские изделия — «тан сан чай».

Происходящие из гончарных печей на юге Шаньси изделия этого типа обычно выполнены высоким рельефом. Украшающие их цветы, листья, фигуры драконов и пр. — скульптурны; некоторые их детали отделяются от фона и выступают над поверхностью тулова сосуда.

Весьма оригинальны среди изделий этих печей так называемые светильники типа люли (琉璃). В Кара-Коруме найдены обломки нескольких сосудов типа люли с голубой и зеленой поливой. По всей вероятности, они относятся к сунскому и юаньскому времени.

Собранный из обломков сосуд с тремя налепными ножками сделан из желтозовой глины [101]. По тулову он украшен сложными рельефными изображениями переплетенных тел драконов среди цветов и листьев; на горле — отдельные рельефные цветы (табл. XXIII, рис. *2*). На четырёхугольном щитке ручки также изображен дракон (табл. XXIII, рис. *3*). Снаружи весь сосуд покрыт темно-бирюзовой поливой; внутри и на дне ее нет. На дне тушью нанесена иероглифическая надпись

[99] R. I. Hobson. Ук. соч., т. I, табл. XVI, рис. 409.
[100] Раскоп I, уч. МН5, сл. IX, № 45.
[101] № 687 (раскоп I, уч. Л10, сл. VIII, IX).

«Тянь чан гуань чан чжу» (что в переводе означает «Старший монах храма Тянь чан гуань» [102]; 天長觀長住) и другие знаки (рис. 129).

Рис. 129. Кара-Корум. Надпись на светильнике типа люли

1 — на наружной поверхности; *2* — на внутренней стороне.

На обломке бока такого же сосуда с голубой поливой сохранилась часть прекрасно вылепленного рельефного дракона (табл. XXIII, рис. *5*) [103]. Очень эффектным был сосуд, украшенный поясками из рельефного жемчужника, цветами и листьями. Его лепные ножки (по-видимому, три) оформлены в виде львиных морд и лап (табл. XXIV, рис. *1* и *2*). Возможно, к изделиям этого типа относится ручка светильника (табл. XXIV, рис. *3*) и скульптурная морда льва, покрытая зеленой поливой (табл. XXIV, рис. *4—6*) [104].

Светильник, сходный с каракорумским, найден в Хара-Хото [105]. Он сделан из ярко-красной глины, украшен рельефными изображениями драконов и покрыт зеленой поливой. Известны и другие светильники с зеленой поливой, они несколько иных форм и некитайского происхождения, но ручки их похожи на описанные выше [106].

В кара-корумской коллекции к посуде типа цзечжоу или пучжоу относятся три довольно массивных тарелки, сделанные из желтовато-розовой глины и покрытые синей поливой. У них зубчатый край, посередине — рельефные цветы и листья. У двух тарелок по борту размещены в полуовалах завитки (табл. XXIII, рис. *4*) [107], а у третьей — зубчатый поясок (табл. XXIII, рис. *1*; профиль — на рис. 136, *2*; см. стр. 271) [108].

[102] О надписях на сосудах см. Древнекитайская керамика из Кара-Корума. С. А., 1959, № 3.

[103] Раскоп I, уч. Д7, сл. VI.

[104] Раскоп I, уч. Б7, сл. IV.

[105] Государственный Эрмитаж, № Х-1899.

[106] Например, из раскопок А. Н. Бернштама в Таразе, Киргизской ССР. Государственный Эрмитаж, № СА-5776 и СА-5784.

[107] Раскоп I, уч. Г1, сл. VI (диаметр — около 25 см); раскоп I, уч. Ж1, сл. IV (диаметр — около 22 см).

[108] Раскоп I, уч. В4, сл. V, VI (диаметр — 13,5 см).

Кара-Корум. «Дом на перекрестке». Сосуда типа ляо (*1—9*)

1 — из раскопа I, уч. Е1, сл. VI (инв. № 1111); *2* — из раскопа I, уч. Л4 сл. VII (инв. № 141); *3* — из раскопа I, уч. И12, сл. V; *4*, *5* — из раскопа I, уч. Ж6, сл. V; *6* — из раскопа I, уч. Б2, сл. IV; *7* — из раскопа I, уч. И10 сл. VI; *8* — из раскопа I, уч. А11, сл. V; *9* — из раскопа I, уч. МН5, сл. XI

Кара-Корум. «Дом на перекрестке». Сосуды типа цзечкоу (*1—5*)

1 — из раскопа I, уч. В4, сл. V, VI; *2, 3* — из раскопа I, уч. Л10, сл. VIII, IX; *4* — из раскопа I, уч. Г1, сл. VI; *5* — из раскопа I, уч. Д7, сл. VI

1

3

2

4

5

6

Кара-Корум. Сосуды типа люли (*1—6*)

1,2 — из раскопа I, уч. Д7, сл. VI; *3* — из раскопа I, уч. А11, сл. III; *4—6* из раскопа II (восточные ворота), уч. Б7, сл. IV (фигурка льва с разных сторон)

Несмотря на сравнительно небольшое количество обломков (534 экземпляра красивой и характерной посуды, известной под названием «селадон» (Лунцюань-яо) [109], найденной в раскопках Кара-Корума, нам удалось определить, что они принадлежали более чем ста сосудам. Некоторые из них восстановлены (склеены) нами почти целиком, по другим обломкам можно ясно представить размеры и форму сосудов. Они разнообразны; среди них — самые различные чаши, вазы, блюда и т. п., и гладкие, и узорные. Глиняное тесто, из которого сделаны сосуды, или белое, или слегка сероватое.

В кара-корумском селадоне можно выделить три основных группы: 1) светлый, цвета морской воды, 2) зеленый разнообразных оттенков, 3) темный, серовато-зеленый. Последний цвет указывает на северное происхождение изделий.

К первой группе относится большинство находок в Кара-Коруме. Фрагментов второй группы очень немного, а в третьей — их всего несколько экземпляров.

Распределение селадоновой посуды по горизонтам культурного слоя более или менее равномерно со второго до девятого [110]; сравнительно мало найдено в слоях I, X и XI (самых нижних).

Реже всего попадались неорнаментированные чаши.

Одна из них представлена обломками серовато-зеленоватого оттенка. Диаметр ее — 12 см, высота — 3,5 см [111]. Дно покрыто поливой, ободок кольцевого поддона — без поливы, коричневый.

Почти целая, собранная из обломков, чаша — тоже гладкая и почти такого же оттенка. Диаметр ее — 19,5 см, высота — 8,5 см. Кольцевой поддон и дно коричневатые, без поливы [112].

Около десяти чаш разнообразных зеленоватых оттенков и разного размера сделаны по одному типу — внутренняя поверхность у них гладкая, а наружная — с довольно рельефными или почти незаметными ложчатыми ребрами в виде острых, длинных лепестков, расходящихся вверх, от поддона к краю (табл. XXV, рис. *2*) [113]. У края они подчеркнуты подглазурными штрихами. В некоторых случаях эти же «лепестки» не рельефны, а просто прочерчены штрихами под глазурью [114]. У одной из чаш с наружными ребристыми лепестками на внутренней поверхности был нанесен узор резными легкими штрихами [115].

[109] Керамические печи, производившие селадоновые изделия в начале эпохи Сунской династии в нынешней провинции Чжэцзян, в уезде Лунцюань. Интересные данные об исследовании остатков производства селадона в уезде Юйой в провинции Чжэцзян см. «Каогу Сюэбао», 1959, № 3, стр. 107—109; см. также «Каогу Тунсюнь», 1958, № 8.

[110] В раскопе I найдено 534 обломка.

[111] Раскоп I, уч. МН5, сл. VI.

[112] Раскоп I, уч. М3, сл. V и уч. МН8, сл. VI, № 12.

[113] Обломки чаш: 1) раскоп I, уч. МН11, сл. VI; 2) № 2965 и сл., раскоп I, уч. А5, сл. II, уч. МН2, пл. IX, уч. М3, сл. 7 и пр.; 3) № 2980, раскоп I, уч. МН2, сл. VIII; 4) 2996—7, раскоп I, уч. МН4, сл. VI (профиль см. на рис. 137, *10* на стр. 275; 5) № 2985, раскоп I, уч. Л6, сл. III.

[114] № 2985 (раскоп I, уч. Л6, сл. III), № 2940 (раскоп I, уч. Л7, сл. II).

[115] № 2983 (раскоп I, уч. МН3, сл. VI), № 2998 (раскоп I, уч. МН4, сл. VI) и другие фрагменты.

У одной чаши, от которой сохранилось дно с поддоном, наружная поверхность была покрыта прорисованными лепестками. Внутренняя сторона по стенкам была оставлена гладкой, но в центре дна тонкой «теневой» подглазурной прорезью изображен цветок пиона с листьями. Снаружи дно у этой чаши — без глазури [116].

Края двух чаш с прямыми стенками, от которых сохранилось по нескольку обломков, украшены мелкими зубчиками, а от них книзу отходят желобки блекло-зеленого тона. Таким способом орнаментирована вся поверхность, причем желобки посередине перечеркнуты поперечной круговой линией [117].

У небольшой чашечки (высота — 3,4 см, диаметр — 11 см) из блекло-зеленого селадона — почти вертикальные края. Дно ее несколько необычной формы — в виде углубленного внутрь круга. Стенки внутри реберчатые, верхний край волнистый. Снаружи поверхность покрыта двумя вертикальными рядами выпуклостей, разделенных горизонтальной полосой. В центре дна — коричневое пятно поливы [118].

Несколько чаш было с отогнутыми под прямым углом венчиками, гладкими или зубчатыми. Внутренняя поверхность гладкая, а наружная в некоторых случаях — с такой же разделкой острыми вертикальными лепестками, как и описанные выше. Интересно, что из девяти таких чаш четыре — светло-голубого тона; они найдены в нижней части культурного слоя [119]. Остальные чаши — светло-зеленые.

Подобного типа чаши с отогнутым краем, украшенные снаружи вертикальными выпуклыми лепестками, Р. И. Гобсон относит к эпохе Сун. На нижних частях ваз, изданных Гобсоном, встречается разделка поверхности слегка рельефными или плоскими штриховыми вертикальными узкими лепестками — такими же, какие мы видим и на чашах из Кара-Корума [120].

Один обломок от большой селадоновой чаши блекло-зеленого тона, с вертикальными желобками внутри и такими же рядами выпуклостей снаружи, — по краю был украшен вырезными фестонами (табл. XXVI, рис. *5а*, *5б*) [121].

Наиболее простым украшением этого типа посуды в Кара-Коруме были подглазурные, слегка прорезные полоски, опоясывающие сосуд по верхней части наружной стороны. Иногда они перечеркнуты вертикальными или косыми штрихами [122].

Одна из чаш, кроме горизонтальной полоски на наружной поверхности, внутри украшена парными вертикальными полосами на расстоянии около 10 см одна от

[116] № 3 (раскоп I, уч. МН1, сл. V).

[117] № 2729—33 (раскоп I, уч. МН3, сл. VII), № 247 (раскоп I, уч. МН11, сл. V).

[118] № 2880, 2971—2,2976 (раскоп I, уч. МН7 и МН6, сл. V, VI; уч. М3, сл. VII; см. профиль на рис. 137, *3*, на стр. 272).

[119] № 2858—60 (раскоп 1, уч. МН8, МН11 и МН13, сл. VII—IX; см. профиль на рис. 137, *5*); № 2861—63 (раскоп I, уч. МН4, сл. VI, VII, X, XI); № 2854, 2866—67, 2882 (раскоп I, уч. МН2, МН5, МН12, сл. VII, IX).

[120] R. L. Hobson. Ук. соч., табл. XXXIV, рис. 122.

[121] № 247.

[122] № 1140—1078 и 1093 (раскоп I, уч. Ж1, сл. IV).

другой. Эта чаша в свое время была починена в нескольких местах по трещинам при помощи железных скобок, вставленных в парные отверстия [123].

Обычным способом украшения чаш был подглазурный неглубокий штриховой рисунок, нанесенный острым инструментом, вероятно, — тонким ножом. Мастер, сделавший узор, умело пользовался поворотом лезвия наискось, благодаря этому получались штрихи с утолщением, создающим впечатление глубины рисунка. Такие рисунки тонки и изящны. Иногда они бывают в виде спиралей с дополнительной штриховкой [124], иногда — это стилизованные цветы и растительные узоры. У некоторых чаш дно внутри украшено штриховыми изображениями рыб (табл. XXVI, рис. *3* и *4*) [125].

Маленькая чашечка блекло-зеленого цвета (диаметр — 11 см) внутри по верхнему краю орнаментирована растительными спиралями, а на дне изображен цветок лотоса (табл. XXV, рис. *3*) [126].

Две светло-зеленые чаши происходят, по-видимому, из одной мастерской. Они сделаны в одинаковой манере. Внутри по верхнему краю — узор в виде фестонов. Вся внутренняя поверхность разделена вертикальными полосками на восемь секторов и в каждом из них находятся изображения рыб, знаки и иероглифы. Это хорошо видно на почти целой чаше, склеенной из обломков (табл. XXVI, рис. *6*) [127]. Она довольно глубокая (см. рис. 137, *12*). На наружной стороне, по верхнему краю — пояски из пяти полосок, в отдельных местах перечеркнутых двойными или тройными широкими штрихами. Низ чаш украшен овальными вертикальными лепестками, сходящимися ко дну. Небольшой обломок дна чаши светло-зеленого цвета интересен тем, что его узор совпадает с узором на большом селадоновом блюде сунской (?) эпохи из коллекции Эрмитажа [128].

На нескольких чашах из Кара-Корума — штриховой узор почти такого же характера, как и описанный выше, но рисунок сделан более широкими штрихами, в некоторых случаях довольно глубокими, поэтому изображение получилось слегка рельефным. Чаши, украшенные таким образом, — обычно более крупного размера и покрыты крупными узорами, заполняющими почти всю поверхность снаружи и внутри. Одна из таких селадоновых чаш, блекло-зеленая, внутри украшена изображениями цветов лотоса. Снаружи нанесен растительный узор [129]. На обломке другой чаши внутри изображены пышные листья, а снаружи — широкий пояс из крупных, слегка рельефных растительных спиралей [130].

[123] 12 обломков — № 2900, 2930, 3031—34, 3038, 4053—56 (раскоп I, уч. МН8, сл. V). Диаметр чаши — 20 см.

[124] № 3095—3104, 4065—67 (раскоп I, уч. Л5, сл. I). Обломки чаши с цеком; диаметр ее — 17 см.

[125] Профиль сосудов см. на рис. 137, *8*, *9*. Кроме помещенных на таблице, есть изображения на № 2925—6 и 3056 (раскоп I, уч. М2, сл. I). Цвет зеленый, оливкового оттенка. На дне — круглое пятно поливы.

[126] № 47 (раскоп I, уч. МН9, сл. VIII). Профиль см. на рис. 137, *2*.

[127] Раскоп I, уч. В3, сл. V, VI.

[128] Раскоп II, уч. В5, сл. IV; Государственный Эрмитаж, № ЛК-2017.

[129] № 2873 и 3089 (раскоп I, уч. Л5, сл. VII).

[130] № 48 раскоп (I, уч. Н12, сл. X, XI). Диаметр чаши — около 18 см.

Часть дна большой светло-зеленой чаши с цеком (краклэ) богато украшена слегка рельефными узорами. Внутри, в центре дна помещена ложчатая розетка диаметром 11 см. Вокруг нее расположен пояс из крупных стилизованных штриховых цветов. На наружной поверхности — такой же узор [131].

Три больших чаши одинаковой формы украшены почти одними и теми же узорами. От одной из них (№ 49), диаметром 20 см и высотой 9 см, найдена почти половина. Внутри в четырех местах на уровне середины высоты симметрично расположены сделанные штриховым рисунком парные изображения стилизованных фениксов и облаков. На наружной стороне поверху проходит пояс из двух полосок, между которыми заключены растительные завитки. Низ вокруг кольцевого поддона обрамлен арочными пальметками. Цвет селадона светло-зеленый, но к одному краю он сгущается до оливкового. Это обстоятельство, по-видимому, можно объяснить тем, что чаша попала в сильный жар (следствие пожара?), и та часть, которая была непосредственно в огне, потрескалась и изменила цвет.

Небольшой обломок светло-зеленого селадона, несомненно, принадлежал такой же чаше [132].

Третья чаша (№ 50) — светлая, зеленовато-голубоватая — украшена более пышно, чем две предыдущие. Внутри, кроме расположенных друг против друга фениксов и облаков, на дне в середине, в круге, помещана розетка со спиральными завитками. Наружная сторона сплошь орнаментирована рельефными узорами: вдоль верхнего края — поясок с косым меандром; ниже — пояс из крупных растительных завитков, а вокруг дна — арочные пальметки.

Большие блюда представлены частью дна и целым дном из светло-зеленого селадона с цеком. Одно было украшено крупным цветком лотоса с листьями в виде свободных штрихов табл. XXV, рис. *1* [133]. По-видимому, эти блюда довольно позднего времени — конца сунской, или даже начала минской эпохи. Они найдены в верхних слоях Кара-Корума. Кроме того, у них несколько иной характер поливы — более прозрачной, чем обычно.

Отметим обломок дна (с частью стенок) светло-зеленой чаши. Видно, что внутри она была сплошь покрыта какими-то изображениями, разделенными вертикальными полосками [134]. В центре дна сохранился хвост рыбы, окруженный растениями (табл. XXVI, рис. *1*). Чаша с орнаментом подобного характера издана Р. И. Гобсоном, который предположительно отнес ее к юаньскому времени [135]. От другой такой же чаши в Кара-Коруме найден обломок верхнего края [136].

Среди обломков чаш привлекает внимание дно, на котором сохранились рельефные хвосты двух рыб [137]. Интересно, что тесто, из которого сделана чаша, — крас-

[131] № 2948 (раскоп I, уч. МН2, сл. IX). Диаметр кольцевого поддона — 6 см (внутри он покрыт поливой).

[132] № 1140—916 (раскоп I, уч. В4, сл. IV).

[133] № 132, дно покрыто глазурью.

[134] Раскоп I, уч. А11, сл. IV; см. профиль сосуда на рис. 137, *7*, на стр. 272.

[135] R. I. Hobson. Ук. соч., т. II, табл. XXXIV, рис. 132.

[136] № 2892 (раскоп I, уч. Л3, сл. III).

[137] Дно с поливой, № 2928 (раскоп I, уч. МН20, сл. IX).

Кара-Корум. «Дом на перекрестке». Селадоновые сосуды (*1—4*)

1 — инв. № 132; *2* — из раскопа I, уч. МН4, сл. VI (инв. № 2997 и др.); *3* — из раскопа I, уч. МН9, сл. VIII (инв. № 47); *4* — из раскопа I, уч. МН10, сл. IX (инв. № 2741)

Кара-Корум. «Дом на перекрестке». Селадоновые сосуды (*1—6*)

1 — из раскопа I, уч. А11, сл. IV; *2* — из раскопа I, уч. А3, сл. V; *3* — из раскопа II, уч. Е2, сл. III; *4* — из раскопа I, уч. Д15, сл. I; *5а*, *5б* — инв. № 247; *6* — из раскопа I, уч. В8, сл. V, VI

ного цвета. Полива голубовато-серая с цеком. На другом аналогичном обломке дна чаши из голубого селадона с цеком сохранились рельефные голова и хвост от двух рыб [138].

Подобные изображения рыб есть и в коллекции П. К. Козлова из Хара-Хото [139].

Из кара-корумских находок интересен еще один обломок дна светло-голубой чаши [140]. Ее орнамент в виде рельефных завитков, расположенных вокруг дна, показывает, что для декора использована прозрачная полива. В более высоких местах узора она легла очень тонким слоем, благодаря чему рельефный узор выглядит более светлым, чем фон. Украшенная таким приемом ваза издана Р. И. Гобсоном. Точной датировки автор не дает, считая ее приблизительно относящейся к минскому времени [141].

Особенно интересна обнаруженная в Кара-Коруме большая часть вазы (высотой 16,5 см) из светло-зеленого селадона (табл. XXVI, рис. *2*). Ее тулово отделано вертикальными острыми ребрами. На краю горла и на дне — коричневые ободки без поливы. На профиле виден причудливый изгиб перехода стенок ко дну (см. рис. 137, *16*). Среди образцов китайских селадонов известна ваза, по форме и декору очень близкая кара-корумской. Однако издавший ее Э. Циммерманн предположительно датирует ее временем Минской династии [142]. Несмотря на это, кара-корумскую вазу все-таки следует отнести к сунской эпохе, так как она найдена среди керамики того времени. К тому же ваза, подобная описываемой нами, известна среди ваз, хотя и сделанных в другой технике, но в ту же сунскую эпоху [143].

По-видимому, северокитайского происхождения были две селадоновые чаши, от которых при раскопках найдены обломки днищ. Их отличают от описанных выше чаш темно-серый цвет глиняного теста и характерный цвет поливы, приближающийся к оливковому. Одна из чаш была сравнительно небольшого размера, снаружи гладкая, а внутри украшенная штриховым узором и вдавленным цветком в центре дна [144].

Вторая чаша (или блюдо) была большого размера, с ложчатой поверхностью снаружи. На дне внутри было крупное рельефное изображение хищной птицы или дракона (табл. XXV, рис. *4*), но от него на обломке уцелела только большая когтистая лапа [145]. В коллекции Эморфопулоса есть блюдо, с большим рельефным драконом на дне. Его датировка точно не определена (Сун или Юань) [146]; однако, учитывая, что кара-корумская находка относится к нижнему (десятому) слою, ее можно датировать эпохой Сун.

[138] Тесто серое, дно с поливой, № 2935 (раскоп I, уч. МН7, сл. III).

[139] Государственный Эрмитаж, № Х-550.

[140] № 3028 (раскоп I, уч. Л7, сл. II).

[141] R. I. Hobson. Ук. соч., т. II, табл. XLV, рис. 153.

[142] E. Zimmermann. Chinesisches Porzellan. Leipzig, 1913, Bd. II, табл. XIX, левый рисунок.

[143] R. I. Hobson. Ук. соч., т. III, табл. IX, рис. 30; табл. XI, рис. 34; табл. XXIII, рис. 115.

[144] № 1140—1047.

[145] № 2741 (раскоп I, уч. МН10, сл. IX).

[146] R. I. Hobson. Ук. соч., т. II, табл. XXXVIII, рис. 128.

Фарфоровые изделия в Кара-Коруме разнообразны и интересны. Они найдены, главным образом, в раскопе I (в «доме на перекрестке»), где во всех горизонтах собрано 783 обломка сосудов разных типов. Из таблицы распределения находок по горизонтам видно, что больше всего фарфоровых изделий обнаружено в верхнем слое. В нижележащих слоях их количество сравнительно одинаково; лишь в пятом и восьмом слоях оно заметно увеличивается, но это надо относить за счет большей дробности фрагментов. В самых нижних — десятом и одиннадцатом — слоях фарфоровой посуды не найдено.

Распределение находок фарфоровой посуды в раскопе I

Слой	На площади участков		Всего
	А—К	Л—О	
I	16	215	231
II	11	55	66
III	45	44	89
IV	52	18	70
V	39	116	145
VI	5	6	11
VII	—	33	33
VIII	—	104	104
IX	—	24	24
X—XI	—	—	—
—	168	615	783

Из общей массы обломков можно выделить несколько наиболее характерных типов фарфора без росписи.

Тип дин-яо (дин-бай) — изделия из белой или чуть сероватой глины, покрытой тонкой глазурью цвета слоновой кости или сливок. Этот тип фарфора изготовлялся в печах Динчжоу в окрестностях г. Кайфына. Некоторые из находок в Кара-Коруме по сумме признаков относятся к этому типу. Таковы три небольших тонких чашечки на кольцевом поддоне, украшенные по дну тисненым невысоким рельефным растительным узором (табл. XXVII, рис. *1*) [147]. От четвертой чашечки найдена только верхняя часть. Внутри ее поверхность ложчатая. На отогнутом крае оттиснут рельефный меандр [148]. У пятой чашечки (найден только край) внутри — рельефный узор в виде вертикальных полосок и точек над ними [149]. К этому же типу можно отнести обломки еще 13 гладких чашечек.

Одни чашечки имеют поддон в виде кольцевой низкой ножки (0,7 см), у других — ножки более высокие (1,5—2 см) [150]. На наружной стороне некоторых чашек есть так называемые «капли слез», т. е. стекшие капли глазури — характерный признак посуды типа дин-яо сунского времени. На дне одной из таких чашечек тушью нарисовано клеймо, подражающее иероглифу (табл. XXVII, рис. *2*) [151].

[147] № 3080 (раскоп I, уч. М5, сл. V; раскоп I, уч. Ж11, сл. III, и др.; см. профиль на рис. 137, *6*, стр. 276).

[148] № 2541 (раскоп I, уч. Л7, сл. 11).

[149] Раскоп I, уч. 133, сл. IV; см. профиль на рис. 137, *13*. Аналогии см. R. I. Hobson. Ук. соч., т. III, табл. XXXI, рис. 124, 165; табл. XXXII, рис. 172; табл. XXXIII, рис. 166 и др. В коллекции Государственного Эрмитажа из Хара-Хото есть обломки подобных кара-корумским чашечек [колл. № Х-1842 (4095—562) и Х-599 (4095—581)].

[150] № 3929 и 4057 (раскоп I, уч. МН2, сл. IX), № 2793 (раскоп I, уч. МН1, сл. VI), № 359 (раскоп I, уч. МН2, сл. IV), № 3434 (раскоп I, уч. Л4, сл. III) и др.

[151] Раскоп I, уч. В3, сл. V, VI.

Описанных обломков фарфора типа дин-яо немного. Основную же массу находок составляют обломки голубого фарфора, среди которых можно определить изделия местерских Цзиндэчжень — сосуды с характерными подглазурными выпуклыми растительными и меандровыми узорами, выполненными тонкой иголкой [152]. Затем выделяются обломки фарфоровых чаш типа ин-тин, светло-голубого оттенка, с просвечивающим черепком в тонких частях краев чаш [153].

Одна из чаш типа ин-тин внутри была орнаментирована слегка рельефным изображением дракона (на найденном обломке сохранились часть туловища и лапа) [154]. Другая чаша, довольно больших размеров, внутри была украшена пояском меандра с каким-то слегка рельефным узором, а снаружи — остроконечными листьями лотоса [155].

На небольшом обломке от третьей чаши (№ 3071—72) и с внутренней, и с наружной стороны были чуть выпуклые изображения драконов. Еще один небольшой обломок, также с рельефной фигурой дракона, на внутренней стороне поливой не покрыт; по-видимому, это часть вазы или чайника [156].

Особо выделяются несколько обломков сосудов типа ин-тин, тоже голубые, но более теплого и глубокого цвета. Они принадлежали чашам (или вазочкам на высокой ножке). Некоторые из них украшены узорами из резных тонких штриховых линий [157].

К этому же типу относится серия обломков голубых чаш со слегка рельефной сеткой из вертикальных полосок и с изображением цветов на дне и посередине внутренней поверхности (табл. XXVIII, рис. *2*) [158]. Венчики некоторых из них украшены зубчиками.

Обломки чаш голубого фарфора типа ин-тин, по определению китайских ученых, относятся к юаньскому времени. Нам кажется, что некоторые из них могут быть и более ранними, если учесть факт их находок в нижнем горизонте культурного слоя Кара-Корума.

К типу жу-яо относится серия обломков чаш с довольно толстым черепком из сероватой глиняной массы, покрытой голубой и зеленоватой глазурью; они украшены рельефными узорами, главным образом, — цветами [159]. Судя по аналогиям, они могут относиться к сунскому времени [160].

[152] Например, № 946, 2757 (раскоп I, уч. Л6, сл. II—IV), № 2834, 4051—2 (раскоп I, уч. МН1, сл. IV) и др.

[153] Обломков этого типа немного.

[154] № 4049 и 2794 (раскоп I, уч. Н4, сл. II, III).

[155] № 2800 и 3067—8 (раскоп I, уч. МН4, сл. IX).

[156] № 3073 (раскоп I, уч. МН7, сл. VII).

[157] № 1140 (раскоп I, уч. В5, сл. IV), № 4042 (раскоп 1, уч. Л13, сл. V), № 4045 (раскоп I, уч. Л6, сл. III) и др.

[158] Раскоп I, уч. Г13, сл. III, и другие: № 2846 (раскоп I, уч. МН10, сл. X), № 1140—970 (раскоп I, уч. Ж4, сл. IV) и т. д. Ср. «Вэнь'у», 1959, № 7, стр. 67—71.

[159] № 2849 (раскоп I, уч. Д3, сл. V), № 1140—857 (раскоп I, уч. Ж4, сл. IV); № 1140—307 (раскоп II, уч. А4, сл. III), № 2848 (раскоп I, уч. Л6, сл. III).

[160] R. I. Hobson. Ук. соч., т. II, табл. V, рис. 18 и 20; табл. XI, рис. 34 и 36.

Этому же времени, очевидно, принадлежит и почти целая светло-голубая узкогорлая плоская фляга [161]. На ее тулове с двух сторон резным рисунком нанесен круг с растительным узором и драконом посередине. На боках — остатки ручек, которые заканчивались рельефной трёхлепестковой пальметкой (табл. XVI, рис. *2* и *3*). Такая форма сосудов известна в изделиях типа дин-бай сунского времени [162].

Несколько отличаются от описанных следующие интересные пять сосудов из Кара-Корума. Первые два — плоские чашечки (близкие блюдцам) из тонкого просвечивающего фарфора со светло-серым черепком, с глазурью серовато-зеленоватого оттенка. На отогнутом крае венчика глазури нет, и он желто-коричневого цвета. Внутри по стенкам — выпуклый арочный пояс [163]. Третий сосуд — глубокая чаша на кольцевом поддоне с глазурью почти того же цвета, но чуть потемнее. Внутри — рельефный узор; посередине проходит кайма из узкого меандра; ниже, до дна — растительные завитки, а на дне — восьмиконечная пальметка в виде цветка [164]. Четвертый сосуд — глубокая чаша на кольцевом поддоне, покрытая светло-серой, с голубоватым оттенком, глазурью. Внутри — неясный рельефный растительный узор [165]. Пятый сосуд — вазочка на высокой ножке, покрытая серой, с зеленоватым оттенком, глазурью [166]. На дне резными штрихами изображены два цветка лотоса. Техника рисунка та же, что и на сосудах типа жу-яо, однако цвет глазури не характерен для них.

Как отмечает Э. К. Кверфельдт [167], китайская роспись кобальтом ранних эпох не обладает особой яркостью тона. Китайские ученые видят причину этого в первоначальной неопытности мастеров эпох Сун-Юань, когда кобальт стали применять, еще недостаточно освоив его технологию, заимствованную из Ирана [168].

Нам кажется, что к такого рода изделиям мы можем отнести несколько обломков, найденных в Кара-Коруме. Среди них — дно чаши голубоватого фарфора с кольцевым поддоном (диаметр — 7 см). На его внутренней поверхности сохранилась часть рисунка: какой-то водоем с высокими камышами, около которых слева плавает выпь, справа — черный лебедь [169]. Цвет кобальта не яркий, но рисунок отличается большой художественной выразительностью (табл. XXVIII, рис. *5*). При просмотре в Государственном Эрмитаже коллекции, собранной П. К. Козловым в Хара-Хото, мы обнаружили там такое же донышко чаши, с совершенно таким же рисунком [170].

[161] Раскоп I, уч. Ж1, сл. IV.

[162] R. I. Hobson. Ук. соч., т. II, табл. XXXIX, рис. 197; табл. XLIII, рис. 196; табл. XLIV, рис. 207 и 216.

[163] № 55 и 355 (раскоп I, уч. Л4, сл. VII), № 354 и 2845 (раскоп I, уч. Л11 и Л9, сл. VIII, IX). Диаметр — 12,7 см, высота — 2,5 см.

[164] № 4 (раскоп I, уч. М4, сл. VI, VII). Диаметр — 12 см, высота — 5,5 см.

[165] № 1140—1080 [раскоп I, уч. 3 (?), сл. III]. Диаметр — 17,5, высота — 8 см.

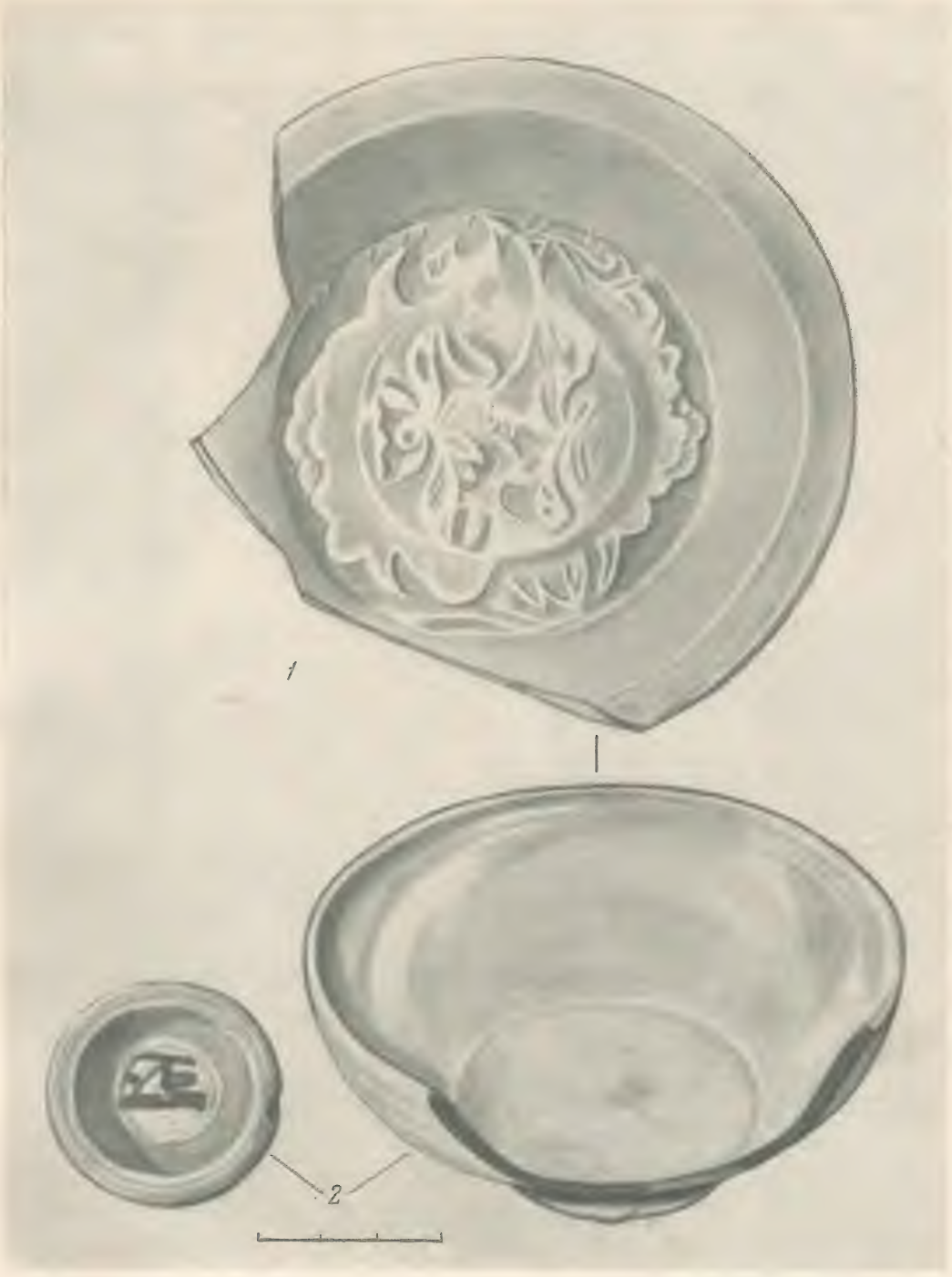
[166] Диаметр — 16 см, высота — 8,5 см, высота ножки — 3 см, ее диаметр — 4,8 см.

[167] Э. К. Кверфельдт. Керамика Ближнего Востока. Л., 1947, стр. 39.

[168] Это мнение высказано китайскими специалистами при осмотре коллекции.

[169] Раскоп I, уч. Г13, сл. III.

[170] Государственный Эрмитаж, № XX—X-1156.



Кара-Корум. «Дом на перекрестке» Сосуды из фарфора (*1* – *2*)

1 — из раскопа I, уч. М5, сл. V; *2* — из раскопа I, уч. В3, сл. V, VI.

1

2

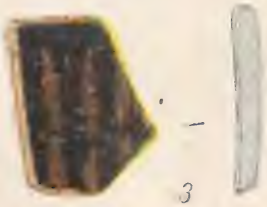
4

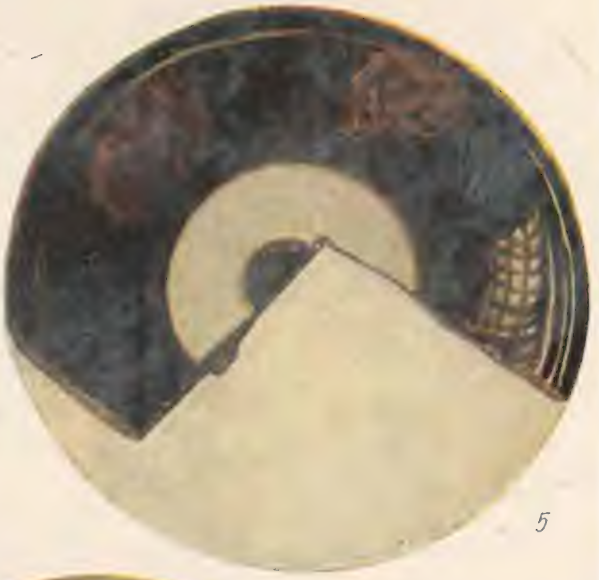
3

5

Кара-Корум. «Дом на перекрестке». Сосуды типа цычжоу (*1—5*)

1 — из раскопа II, уч. Д1, сл. III; *2* — из раскопа IV, уч. Д12, сл. VI; *3* — из раскопа I, уч. Д2, сл. VI; *4* — из раскопа I, уч. А9, сл. V, VI; *5* — из раскопа I, уч. Г3, сл. IV





Кара-Корум. «Дом на перекрестке». Сосуды, покрытые черной и коричневой поливой (*1—6*)

1 — из раскопа I, уч. А4,сл. IV; *2* — из раскопа I, уч. МН7, сл. XI; *3* — из раскопа II, уч. В5, сл. IV; *4* — из раскопа I, уч. В3, сл. IV; *5* — из раскопа I, уч. Ж10, сл. V; *6* — из раскопа I, уч. И8, сл. X, XI

От вазочки с узким горлом, сделанной из голубоватого фарфора, найден обломок верхнего края горла [171]. Сверху, на отвороте, нарисован меандровый орнамент между двух голубых полосок. На горлышке с наружной стороны сохранился верхний конец острого листа с волнистым широким контуром и тонкими жилками (табл. XXVIII, рис. *3*).

На маленьком обломке голубоватого фарфора мы видим штриховой рисунок — цветок астры, сделанный лаконично и выразительно [172]. Может быть, от этого же сосуда сохранился другой обломок края с выступающим плечиком и округлым боком, снаружи расписанный пояском из растительных завитков. Ниже видны верхушки лепестков цветка и острых листьев [173].

Всю эту группу изделий объединяют однотонность и блеклость цвета кобальта и отчасти стиль изображений. Возможно, это наиболее ранние произведения фарфоровых мастерских.

В следующую группу мы выделяем обломки посуды с более яркой росписью, отличающейся более чистым тоном кобальта. От высокой вазы с узким, расширяющимся кверху горлом, сделанной из голубоватого фарфора, найдена верхняя часть. Ее тулово, по всей вероятности, было грушевидным. Роспись покрывает все горлышко, спускаясь и на тулово. Сверху это стилизованный растительный узор, ниже — находящие друг на друга полукружия, напоминающие холмистый пейзаж, на который снизу заходят крупные цветы и листья (табл. XXVIII, рис. *1*) [174].

От крупной чаши с двусторонней росписью найден только маленький обломок, но и по нему видно, что сосуд был с внутренней стороны покрыт цветами вроде пионов, а снаружи, вдоль поддона — поясками из широких и узких полосок с контурными цветами над ними (табл. XXVIII, рис. *4*) [175].

Обломок ребристой ручки, по-видимому, от чайника украшен штриховым кобальтовым узором из ромбов с точками (рис. 158, *4*) [176].

Нам кажется необычным прием, которым была украшена тонкая фарфоровая чашка (от нее найден только небольшой фрагмент) [177]. На наружной и внутренней поверхностях узор нанесен рельефными линиями. Снаружи — горизонтальная полоска (толщиной 1 мм) синего цвета; от нее книзу отходит такая же полоска, разделявшая поверхность чашки на сектора. В левом секторе помещен лист, сделанный рельефным контуром желтого цвета, а его стебель — синий. Внутри лист окрашен в бирюзовый цвет. Над горизонтальной полоской рельефным контуром сделан пятилепестковый, закрашенный золотом, цветок с завитками. На внешней стороне сверху сохранились часть бирюзового листика и растительные завитки, подчеркнутые горизонтальной полоской, под которой видна верхняя часть листа с волнистым краем.

[171] Раскоп I, уч. Д9, сл. V. Диаметр горла — 7,5 см, толщина стенки — 0,3 см.
[172] Толщина — 0,4 см. Раскоп II, уч. Г8, сл. IV.
[173] Толщина стенки — 0,3 см. Раскоп II, уч. Е7, сл. III.
[174] Раскоп I, уч. А6, сл. V.
[175] Толщина стенок — 0,7 см. Раскоп II, уч. Г8, сл. IV.
[176] Толщина ручки — 0,8 см. Раскоп I, уч. В3, сл. IV.
[177] Раскоп I, уч. В3, сл. IV.

Большую группу среди керамики Кара-Корума составляют сосуды, покрытые черной, коричнево-черной или зеленоватой поливой, — то более блестящей, то более матовой, — разных оттенков, она известна как посуда Хэнаньского типа — цзянь-яо или теммоку. Очень часто тулово одного и того же сосуда на разных уровнях бывает покрыто поливой переходных оттенков. Лучшей по качеству следует считать стеклянистую поливу глубокого черного тона, покрывающую наружную поверхность. Таких образцов очень мало, и обычно они небольшого размера.

Крапинки и пятна в поливе сосудов получились от примесей в ее составе и от температурных условий обжига. Они придавали поверхности характерную особенность и живописность. Внутренняя поверхность также покрывалась поливой, но всегда другого цвета, — главным образом, коричневато-зеленоватой разных оттенков.

Форма сосудов этого типа разнообразна. Здесь большие и малые вазы с ручками (той же формы, что и описанная выше ваза типа цычжоу с фигурами серых драконов); сосуды с почти шаровидным туловом, коротким широким горлом и ручками возле него; бутыли, чаши типа пиалы и пр.

Глиняное тесто, из которого формованы сосуды, сделано из хорошо отмученной красноватой или — чаще — серой глины; вылеплены они на гончарном круге. Обжиг хороший, дающий звонкий черепок.

В первом раскопе Кара-Корума обломков такой посуды найдено 1541 экземпляр и больше всего — в нижнем горизонте. В слоях I—IV обнаружено от 39 до 114 обломков, в слоях V—X их количество резко увеличивается, доходя до 200—230 экземпляров в слое. В нижнем, одиннадцатом слое собраны 140 обломков и одна совершенно целая бутыль с узким горлом.

Лучшим образцом блестящей стеклянистой поливы густого черного тона (типа тянь-му) может служить верхняя часть сосуда из светло-серой глины — кувшина с узким горлом (диаметр — 8 см) и отходящими от него двумя небольшими плоскими реберчатыми ручками [178]. Верхний край горлышка коричневый, ребра на ручках — тоже; кое-где на горле заметны такие же потёки. Внутренняя поверхность покрыта коричневатой поливой (табл. XXIX, рис. *1*; профиль сосуда см. на рис. 137, *20*, стр. 272).

Второй сосуд — с более широким горлом (диаметр — 14 см) и такими же двумя ручками, но коричневых потёков на нем нет. Внутренняя поверхность стенок — слегка реберчатая по горизонтали, покрытая коричневатой поливой с сизым оттенком. В местах углублений ребер полива натекла более тостым слоем, и там она — темно-коричневого цвета [179].

Третий сосуд — такой же формы, тоже с двумя плоскими реберчатыми ручками, но ребра на его поверхности расположены не вертикально, как у предыдущих, а наискось. Полива снаружи черная, но не гладкая, а слегка пористая, пузырчатая.

[178] Раскоп I, уч. А4, сл. IV. В коллекциях П. К. Козлова из Хара-Хото хранится горло подобного сосуда с такой же поливой (Государственный Эрмитаж, № Х-1679).

[179] № 636 (раскоп I, уч. Л6, сл. V).

Верхний край горла, полоска посередине его и ребра ручек — коричневые. На сохранившейся части тулова видно, что низ сосуда не был поливным. Внутри поверхность покрыта светло-коричневой поливой [180]. В кара-корумской коллекции есть еще несколько обломков от таких же сосудов [181]. От большого сосуда с толстыми стенками, покрытого поливой такого же качества, найдено дно диаметром 13 см [182]. Внутри сосуда — коричневая полива.

Среди находок П. К. Козлова в Хара-Хото нам известны несколько обломков горла сосудов с поливой такого же высокого качества [183].

По форме и по глазури с первым кара-корумским сосудом отчасти схож сосуд без ручки из Хэнани, относящийся к эпохе династии Сун [184].

Нам кажется, что можно отметить некоторое своеобразие сосудов, найденных в Кара-Коруме. Оно проявляется в их форме — широкой, приземистой и в наличии широких плоских ручек в виде отогнутых треугольных лепестков. Этими чертами кара-корумские сосуды с черной поливой близки к типу белых цычжоу.

К изделиям хэнаньского типа принадлежат найденные в Кара-Коруме большие высокие вазы из серого и красноватого глиняного теста. У них узкое горло и четыре лепестковые реберчатые ручки, отходящие от горла на плечи. От четырех таких ваз нами найдены верхние части и от одной, — очевидно, такой же, — нижняя. Одна из них покрыта коричневатой глазурью с зеленовато-оливковым отливом. Трудно точно описать ее своеобразную расцветку. Сверху на ее плечиках выступают коричневые крапчатые пятна. Внутри глазурь желто-коричневая с темными потёками. Невысокое горло (4 см) диаметром 11 см упирается в горизонтальный круг на плечах, наибольший диаметр которых — до 30 см. Книзу тулово суживается. Общая высота вазы была около 50 см [185].

Другая ваза такой же формы, но немного бóльших размеров (диаметр горла — 13 см), сверху покрыта черной поливой с коричневатыми крапинками. Внутри глазурь темно-коричневая (рис. 130) [186].

Третья ваза по наружной поливе и по размерам сходна с предыдущей, но внутри полива зеленоватая с мелкими желтыми крапинками и темными потёками. Диаметр дна вазы — 14 см [187].

Четвертая ваза меньше, чем все описанные выше, но той же формы, покрыта черной поливой с коричневыми крапинками, кое-где сливающимися в небольшие пятна, но внутри она коричневая с металлическим отблеском [188].

[180] № 635 (раскоп I, уч. Л13, сл. IX). Диаметр горла — 15 см, высота — 15 см.

[181] № 1080 (раскоп I, уч. Л1, сл. IX), № 982 (раскоп I, уч. Н8, сл. X, XI).

[182] № 979 (раскоп I, уч. Н7, сл. X, XI).

[183] Государственный Эрмитаж, № X-5941, X-1679.

[184] R. I. H o b s o n. Handbook of the pottery, porcelain of the Far East. British Museum, 1937, рис. 46.

[185] Обломки этой вазы были найдены в раскопе I на разных участках — М, П, Л, преимущественно в слоях VII и VIII.

[186] Так же как и предыдущая ваза, найдена в обломках в раскопе I в слоях VI—IX.

[187] Раскоп I, уч. Н10 (и соседние участки в том же месте), слои X, XI.

[188] № 2284—5 и др. (раскоп I, уч. Л1, сл. VII и др.).

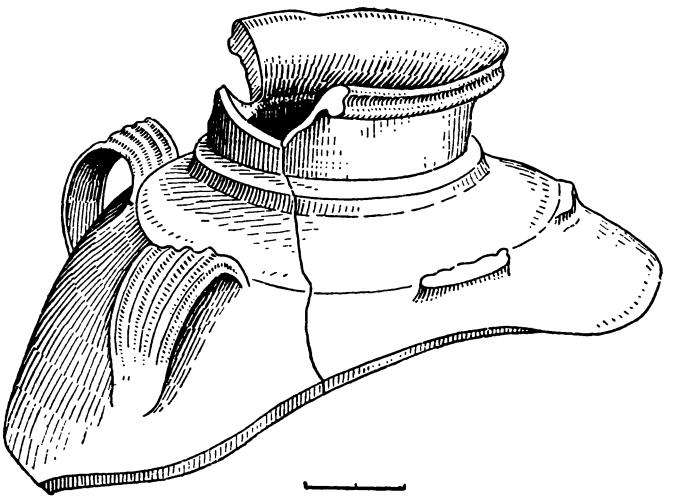


Рис. 130. Кара-Корум. «Дом на перекрестке». Сосуд с шестью ручками, покрытый темно-коричневой поливой (раскоп I, уч. Н5, сл. IX, № 826).

Нижняя часть еще одной большой вазы из серой глины снаружи и внутри покрыта ровным тонким слоем черной поливы слегка коричневатого оттенка, с вкраплением мелких желтоватых крапин — потёков. На дне — и снаружи, и внутри — поливы нет. На боках снаружи заметна вертикальная плавная желобчатость [189].

Очень красива большая тонкостенная ваза из серой глины [190]. Снаружи она покрыта черной, — синеватой, с металлическим оттенком, — поливой с коричневыми крапинками. На верхней части эти крапинки сливаются в почти сплошно коричневый фон. На плечах — роспись, сделанная широкими, свободными мазками в виде цветов. Внутри — глазурь цвета охры, с металлическим отблеском и иссиня черными струями — потёками.

По-видимому, от таких же ваз найдено еще несколько днищ и обломков [191].

Кроме описанных, к хэнаньскому типу посуды относятся обломки свыше двадцати разнообразных сосудов, объединенных одним признаком: снаружи они покрыты черной и коричневатой поливой различных оттенков, иногда с металлическим отблеском, а внутри — коричневой поливой также разных оттенков. Объединяет их и небольшая горизонтальная реберчатость внутренних стенок, что при покрытии поливой создавало впечатление полосатой поверхности: на выпуклых местах полива ложилась тонким слоем, а в углубления затекала более плотным, густым и темным.

Среди этих сосудов встречаются вазы с коротким узким горлом и реберчатыми ручками в виде остроконечных лепестков; небольшие шаровидные сосудики с венчиком диаметром 11 см и более крупные — с венчиком диаметром 17 см; сосуды баночной формы (диаметром 22 и 25 см) и крышки [192].

Интересен обломок небольшого округлого уплощенного сосудика из светло-серой глины. Горло его — диаметром около 11 см; на выпуклых боках в глине были

[189] Раскоп I, уч. М2, сл. XI.

[190] № 4017—18 и др. (раскоп I, уч. М7, сл. IX).

[191] № 1140—867 (раскоп I, уч. Н7, сл. X, XI).

[192] Аналогичные найдены на поселении эпох Цзинь-Юань см. «Каогу», 1960, № 2, табл. V, рис. 6.

сделаны горизонтальные реберчатые полоски и вертикальные выпуклости. Коричневая полива, стекая сверху вниз, задерживалась более густым слоем в углублениях; это придало сосуду эффектный вид, создавая впечатление двухцветной окраски [193].

Редкая случайность сохранила нам в нижнем горизонте культурного слоя (слой XI) совершенно целый, прекрасной сохранности сосуд типа бутыли, с маленьким узким горлом, широкий вверху и суживающийся книзу. Снаружи он сплошь покрыт черной, со слегка коричневатым оттенком, не слишком блестящей глазурью [194]. В изделиях хэнаньского типа мы находим ей почти полные аналогии.

По-видимому, также к хэнаньскому типу посуды принадлежат две группы сосудов из серой и желтоватой глины, покрытые поливой блеклых тонов. По обломкам можно определить, что у некоторых из них сверху была светло- или темно-зеленая либо зеленовато-коричневая глазурь, а внутри — коричневая или зеленовато-коричневая. Встречаются также сосуды и с двусторонней зеленой поливой, в большинстве случаев матовой, внутри же — несколько шероховатой. Формы сосудов этой группы разнообразны: есть большие, округлые с коротким припухлым венчиком, диаметром 20 см, без ручек и с ручками; есть также округлые, но с довольно высоким горлом; встречен светильник и т. п. [195] Еще один вариант первой группы составляют сосуды с матовой поливой светло- и темно-шоколадного цвета, покрывающей их с обеих сторон.

Ко второй группе мы относим обломки сосудов, очень схожие с предыдущими по цвету поливы, но резко отличающиеся качеством глиняного теста. Сосуды первой группы сделаны из хорошо отмученной глины тонкого состава, сосуды второй группы — из глины с грубыми примесями, при изломе дающей рваный край. Форма этих сосудов иная — с довольно узким невысоким горлом, иногда с небольшими плоскими ручками около него. Место их выделки для нас неясно. Вполне возможно, что их могли делать и в Кара-Коруме.

В кара-корумских находках хорошо представлена серия чаш хэнаньской посуды типа у ц з и н - ю. Нами найдены в обломках и почти целыми 36 чаш этого типа, с очень характерными золотисто-коричневыми пятнами, потёками либо крапинками, расположенными или по правильно черному, или по черному с зеленоватым отливом, или по темному сине-зеленоватому, или по светло-зеленому фону. Этот узор известен под названием «заячий мех» или «перья куропатки».

Глиняное тесто — из очень тонко отмученной светло-серой или розоватой глины; обжиг — прекрасный; покрывающая чаши глазурь—высокого качества, со стеклянным блеском.

[193] № 332 (раскоп I, уч. H9, сл. XI; ср. R. I. H o b s o n. The George Eumorfopulos collection. . ., т. II, табл. XXIII, рис. 294).

[194] Раскоп I, уч. H7, сл. XI. Высота — 26 см; наибольшая ширина — 21 см; диаметр горла — 4,7 см, дна — 8 см. Ср. R. I. H o b s o n. The George Eumorfopulos collection. ., т. I, табл. XIX, рис. 281; табл. XXII, рис. 287; табл. XXIII, рис. 296.

[195] № 21 (раскоп I, уч. H10, сл. XI).

Пять таких чаш [196] украшены вертикальными светлыми золотисто-коричневыми мазками, расположенными в ритмичном порядке в два ряда (табл. XXIX, рис. *3*). У трех чаш фон черный с зеленым отливом, у двух других — правильно черный. Образцы такой посуды, относящейся ко времени Сунской династии, изданы в альбоме Эморфопулоса [197].

Девять кара-корумских чаш (из них четыре плоских и пять глубоких) покрыты черной поливой и украшены пятью или шестью крупными округлыми либо продолговатыми пестрыми пятнами золотисто-коричневого цвета [198]. У трех из этих чаш (№ 1107, 911—913) покрыта поливой вся внутренняя поверхность, у остальных на дне оставлен небольшой кружок, вокруг которого полива вычищена по глине кольцом шириной около 2 см (табл. XXIX, рис. *5*). Внутри кольцевого поддона с оборотной стороны двух чаш тушью были написаны иероглифы, которые на первой из них стерлись, а на второй — хорошо видно «Го», обозначающее имя владельца чаши или мастера, ее сделавшего. Эта чаша еще во время употребления была починена по трещине при помощи скобок, вставленных в лунки, просверленные до середины толщины стенок. Снаружи чаши обычно покрыты или сплошь до кольцевого поддона, или до верхней трети высоты той же поливой, что и внутри.

К этому же типу посуды относится дно маленькой чаши, которая по черному фону была сплошь покрыта мелкими коричневыми пятнами [199].

Вероятно, к этой же группе посуды можно отнести обломки от трех чаш, поверхность которых по черному фону покрыта мелкими коричневыми крапинками [200].

Шестнадцать чаш такого же типа покрыты темно-зеленой поливой с вкраплением золотисто-коричневых потёков [201]. Часто у этих чаш по краю идет сплошной золотисто-коричневый ободок; от него сплывают мелкие крапинки и потёки, образующие фон, по которому размещены 5—6 широких, — иногда отдельных, иногда до-

[196] № 3672 (раскоп II, уч. В5, сл. IV); № 1103 (раскоп I, уч. Л5, сл. I; диаметр — 14 см), № 4011 (раскоп I, уч. Л6, сл. II; диаметр — 20 см); № 1019 (раскоп I, уч. МН7, сл. VI).

[197] R. I. H o b s o n. The George Eumorfopulos collection. т. II, табл. XVII, рис. 276; табл. III, рис. 231.

[198] 1) б/№ (раскоп I, уч. Ж10, сл. V; диаметр — 15,5 см; см. профиль на рис. 137, *17*), 2) б/№ (раскоп I, уч. МН6, сл. IV; диаметр — 16 см), 3) № 911 (раскоп I, уч. МН3, сл. VI; диаметр — 16 см), 4) № 913 (раскоп I, уч. МН3, сл. VI; диаметр — 16 см), 5) № 1012 (раскоп I, уч. 0013, сл. IV; диаметр — 17 см), 6) № 1009 (раскоп I, уч. Л6, сл. IV; диаметр — 16 см), 7) № 1004 (раскоп I, уч. Л12, сл. VIII; диаметр — 16 см), 8) б/№ (раскоп I, уч. МН1, сл. VI; диаметр — 21 см; см. профиль на рис. 137, *18*), 9) № 1107 (раскоп I, уч. Д12, сл. VI; диаметр — 20 см). Ср. R. I. H o b s o n. The George Eumorfopulos collection. . ., т. II, табл. LVIII, рис. 232 и табл. LXVI, рис. 265, но в этой серии посуды Р. И. Гобсоном опубликованы только чаши со сплошным покрытием глазурью.

[199] № 4106 (раскоп I, уч. М2, сл. XI; диаметр дна — 4,3 см).

[200] № 4104 (раскоп I, уч. М4, сл. XI), № 3687-9 (раскоп I, уч. Л3, сл. XI), № 2223 (раскоп I, уч. МН5, сл. VI).

[201] Все 16 чаш — из раскопа I; они найдены на следующих участках: № 1007 — уч. МН6, сл. IX; № 1034 — уч. МН8, сл. VII, диаметр — 22 см; № 1018 — уч. Л3, сл. XI; № 1049 — уч. Н10, сл. X, XI, диаметр — 11 см; № 1008 — уч. МН4, сл. V, диаметр — 20 см (см. профиль на рис. 137, *19*); № 1006 — уч. МН5, сл. IX; № 384 — уч. М9, сл. XI; № 1005 и 1082 — уч. Л13, сл. XI; № 1013 и 1027 — уч. МН4, сл. V; диаметр — 20 см, и др.

ходящих друг до друга, — широких мазков того же цвета. У некоторых чаш — узкий белый верхний ободок. Снаружи чаши или черные, или коричневатые, или такие же пестрые, как и внутри.

Особо следует отметить чашу № 1223 из этой серии. Она интересна тем, что на дне внутри кольцевого поддона по желтоватой глине тушью написаны три иероглифа.

Очевидно, к этому же типу посуды можно отнести и отдельные обломки от четырех небольших сосудов с тонкими стенками, сделанных из розоватой глины. Все они снаружи покрыты блестящей глазурью с крапчатыми желтоватыми потёками. Два из них — зеленовато-желтого тона [202], третий — красновато-коричневого [203], четвертый — желто-зеленого [204]. Внутри эти сосуды покрыты тонким слоем коричневатой матовой поливы.

Еще один сосуд этого типа — из розоватой глины, небольшого диаметра, с толстыми стенками — был покрыт только снаружи крапчатой зеленовато-красноватой поливой, не закрывавшей его низа. Сохранились два обломка, судя по которым можно предположить, что формой он напоминал сфероконические сосуды [205].

Отметим, что почти все описанные выше фрагменты чаш и сосудов найдены в нижнем горизонте культурного слоя города.

Среди сунской посуды хэнаньского типа и типа у цзин-ю мы находим полные аналогии кара-корумским [206].

К изделиям этого типа относятся и найденные в Кара-Коруме части большой тонкостенной вазы из розоватой глины. Снаружи ваза покрыта темной сине-зеленой, с желтыми крапинками, поливой. По этому фону на верхней части вазы расположен пояс из цветов, сделанных широкими, размашистыми штрихами коричневого цвета. Внутри вазы полива зеленовато-желтая, с серебристым отливом и большими зелеными потёками [207].

Несколько иначе выглядит часть чаши (№ 889) [208] из более грубого глиняного теста светлого, розовато-коричневого цвета. Она покрыта светло-коричневой тусклой поливой на темной основе. В центре дна оставлен кружок поливы, вокруг которого она счищена до глины, и образовано кольцо шириной 19 см. Снаружи полива покрывает только верхнюю треть чаши. Эта чаша сходна с сунскими изделиями хэнаньского типа [209], но ее внешний вид более грубый. Можно предполагать, что это лишь подражание китайской керамике, сама же чаша сделана мастерами Кара-Корума.

[202] № 2684—85 и 2688 (раскоп I, уч. 0012, сл. IV), № 987 (раскоп I, уч. МН5, сл. IX), № 978, (раскоп I, уч. МН3, сл. VI). Этот сосуд был украшен узором, процарапанным по глазури.

[203] № 2687 (раскоп I, уч. МН7, сл. V).

[204] № 2647 и 3949 (раскоп I, уч. МН3, сл. VII, IX).

[205] № 3823 (раскоп I, уч. Л1, сл. XI), № 1200 (раскоп I, уч. МН4, сл. VI) и др.

[206] R. I. Hobson. The George Eumorfopulos collection. т. II, табл. LV, рис. 212. 214; табл. LXXIII, рис. 279.

[207] № 4016—4025 и др. (раскоп I, уч. М7, сл. IX).

[208] Раскоп I, уч. МН12, сл. IX, и уч. Н8, сл. X, XI.

[209] R. I. Hobson. The George Eumorfopulos collection. т. II, табл. LV, рис. 254; табл. LXIII, рис. 258.

К хэнаньскому типу посуды сунского времени [210] относятся также нижние части восьми чаш из светло-серой и розоватой глины, оригинально украшенных. Первая из них [211] — небольшого размера, покрыта черной глазурью с мелкими круглыми темно-лиловыми пятнышками, немного более светлыми, чем фон. На обороте верхний край глазури такой же, ближе ко дну он прозрачно-коричневый. Вторая чаша [212] — такая же, но больше размером и более светлые пятна на ней гораздо крупнее. Остальные чаши — тоже небольшие. По черному фону они покрыты мелкими сероватыми и зеленоватыми круглыми пятнышками [213].

К хэнаньскому типу относится и серия чаш [214], покрытых коричневато-черной, темно- и светло-коричневой, блекло-зеленой поливой разных оттенков, одинаковой на внутренней, и наружной поверхностях. Отличительная особенность этих чаш заключается в том, что в середине дна полива счищена до глины и образует кольцо вокруг центрального круглого «островка». На одной из чаш, целиком собранной из обломков, внутри кольцевого поддона тушью написана иероглифами фамилия Го [215]. На некоторых других обломках днищ также видны остатки надписей.

Такого же типа чаша по наружной стороне венчика покрыта белой поливой, а снаружи — темно-зеленой блеклого тона. Внутри кольцевого поддона на дне тушью нанесена надпись с именем Ван [216].

Особую группу составляют сосуды из желтоватой глины, покрытые темно-коричневой поливой без особого блеска, по поверхности которой в верхней части тулова прочерчен орнаментальный пояс. Обычно он сверху и снизу ограничен одной или двумя горизонтальными линиями, между которыми заключен линейный рисунок в виде цветов и других растительных узоров. Одни из этих сосудов имеют вид горшков (табл. XXIX, рис. *2*) [217], другие — высоких закрытых ваз с узким отверстием, окруженным низким, слегка отогнутым венчиком (табл. XXIX, рис. *6*) [218].

Еще одна разновидность хэнаньского типа посуды, найденной в Кара-Коруме, — это вазы в форме невысоких бутылей с коротким горлом и отогнутым венчиком; в плечах они шире, а ко дну тулово суживается. Из девяти экземпляров у семи на тулове сделаны горизонтальные ребра в виде винтовой нарезки. У некоторых из них от горла на плечики отходят по две [219] или по четыре [220] ручки, подобные отогнутому рубчатому лепестку. Все сосуды — из светлой красноватой глины. Коричне-

[210] R. I. Hobson. The George Eumorfopulos collection . . ., т. II, табл. LV, рис. 273.

[211] № 394 (раскоп I, уч. М7, сл. XI; диаметр дна — 3,5 см).

[212] № 2555—56 (раскоп I, уч. Л6, сл. XI; диаметр дна — 6 см).

[213] № 1047 и 1017 (раскоп I, уч. Н10, сл. X, XI), № 1041 (раскоп I, уч. 0010, сл. IX), № 1057 (раскоп I, уч. М2, сл. XI), № 1011 (раскоп I, уч. Н10, сл. X, XI), № 2170—71 (раскоп I, уч. МН10, сл. VII) и др.

[214] 22 экземпляра, из них большой процент находок — в слоях IV и V.

[215] № 1140—1191 (раскоп I, уч. В11, сл. IV; диаметр — 18,5 см). Ср. «Вэнь'у», 1959, № 7, стр. 70, рис. 11 и 12.

[216] № 561 и 1844 (раскоп I, уч. М13, сл. IV).

[217] № 390 (раскоп I, уч. МН7, сл. XI).

[218] № 827 (раскоп I, уч. Н8, сл. X, XI).

[219] № 2669 (гладкая; раскоп I, уч. МН5, сл. IX).

[220] № 1649 (раскоп I, уч. МН7, сл. IV).

Рис. 131. Кара-Корум. Бутыли, покрытые черной поливой.

ватая полива, иногда с зеленоватым оттенком, покрывает только верхнюю часть тулова, а нижняя часть на одну пятую высоты оставлена без поливы. Размеры сосудов более или менее одинаковы [221] (высота — 23—25 см при диаметре около 8 см), но остатки от двух, более толстостенных сосудов показывают, что они были выше. Интересна бутыль, у которой венчик горлышка покрыт белой поливой; горло входит в тулово в виде трубки, выступающей на 1 см ниже соединения с туловом. Этот сосуд бракованный: в двух местах к нему глазурью припаялись обломки других сосудов; очевидно, это произошло в печи при обжиге поливы (рис. 131).

В коллекции Эрмитажа из сборов П. К. Козлова в Хара-Хото хранятся обломки подобных бутылей. В коллекциях китайской посуды они отнесены к сунской эпохе [222].

[221] № 858 (раскоп I, уч. Н7, сл. X, XI; высота — 24 см, диаметр — 8 см), б/№ (раскоп I, уч. МН3, сл. VI и уч. Л3, сл. IX; диаметр — 8 см) и др.

[222] R. I. Hobson. The George Eumorfopulos collection..., т. I, табл. LXIX, рис. 275; «Каогу», 1960, № 3, стр. 40, рис. 2; «Каогу Тунсюнь», 1958, № 3, табл. III, рис. 6 (из могилы № 85 в окр. Таншаня, времени Цзинь).

Интересна находка нескольких фрагментов от двух небольших чаш из светлой сероватой глины, сделанных из так называемого «мраморного теста» [223] (табл. XXIX, рис. *4*). При их выделке смешивались две разные по цвету теста массы, образующие на внутренней и наружной поверхностях узор из тонких волокнистых мраморовидных прожилок, хорошо видных в изломе черепка.

Начало такой техники выделки посуды относится к танской эпохе, но она применялась и в последующее время. Обломки посуды этого типа найдены Аурелем Стейном в городах Китайского Туркестана сунского и юаньского периодов [224] и П. К. Козловым в развалинах Хара-Хото [225]. Описанные выше фрагменты из Кара-Корума, по-видимому, привозные, но там же нами обнаружены еще три обломка двух чаш, сделанных в подражание этой технике, вероятно, мастерами Кара-Корума. Эти чаши отличаются от описанных выше и более рыхлым глиняным тестом, и техникой получения узора. Два фрагмента довольно толстостенной чаши из желто-розовой глины покрыты поливой, под которой мраморовидный узор нанесен, видимо, вручную по белому ангобу. Другой фрагмент с таким же узором принадлежал более тонкой чаше, с узким ободком по краю [226]. Полива, покрывающая обе эти чаши, — тусклая, а тесто напоминает тесто чаш типа цзюнь-яо местного производства.

Интересная особенность поливной керамики Кара-Корума — это нанесенные черной тушью, при помощи кисти, иероглифические надписи и клейма. Они делались, главным образом, на чашах; на других видах посуды встречаются редко. Надписи обычно расположены на наружной придонной стороне чаш, на глине, не покрытой глазурью, или в центре дна кольцевого поддона.

Большинство надписей читается хорошо, но, кроме них, есть много стертых и неразборчивых или сохранившихся лишь частично на обломках расколотых сосудов.

Надписи, достаточно хорошо поддающиеся прочтению, обнаружены на 59 чашах цзюнь-яо и на 45 чашах типа цычжоу.

На многих чашах написаны имена. Есть случаи, когда одно и то же имя стоит на нескольких сосудах, различных по технике выделки [227].

Знаками собственности также следует считать клейма на сосудах. Они тоже написаны тушью и подражают иероглифам. Из всей серии в 39 экземпляров только два клейма одинаковы — на чашах типа цычжоу, покрытых разной по

[223] № 335 (раскоп I, уч. МН4, сл. V); раскоп I, уч. В3, сл. IV, и уч. Л9, сл. II.

[224] R. I. H o b s o n. The George Eumorfopulos collection. ., т. I, стр. 63; там же, табл. LIX, рис. 519, и табл. LXXV, рис. 517, 518, 526, 527 и 528. Последние пять экземпляров описаны как относящиеся к эпохе Тан или позднее.

[225] Государственный Эрмитаж, № Х-1865.

[226] Два первых обломка — из раскопа II, уч. В1, сл. III, третий — из раскопа I, уч. МН1, сл. V.

[227] См. Л. А. Е в т ю х о в а. Древнекитайская керамика из Кара-Корума, СА, 1959, № 3, стр. 189—193.

цвету поливой [228]. Этот признак говорит о том, что чаши сделаны в разных мастерских, но принадлежали одному владельцу.

На самой большой чаше типа цычжоу (диаметр — 33 см), с коричневой росписью, на дне и вокруг него расположено 11 знаков, подражающих иероглифам [229].

На дне одной чаши типа цзюнь-яо интересна надпись, нанесенная знаками, похожими на монгольское квадратное письмо [230]. Это — еще одно доказательство меток владельцев.

Надписи на кара-корумской посуде раскрывают целый ряд дополнительных деталей и сведений о жизни обитателей города, что не всегда можно узнать по другим находкам. Надписи с датами позволяют в дальнейшем точнее определять время существования того или иного типа посуды. Другие надписи помогают полнее вскрыть социально-экономические отношения, а имена воскрешают перед нами имена людей, пользовавшихся этими чашами.

В заключение можно отметить, что все надписи сделаны разными почерками. Обычай надписывать посуду тушью на местах, не покрытых глазурью, был, по-видимому, местным; в коллекции Эморфопулоса, описанной Р. И. Гобсоном, нет надписей, выполненных тушью; издано лишь несколько надписей, или сделанных тиснением в глине, или подглазурных, относящихся к сунской и более поздним эпохам [231].

Нам кажется возможным предположить существование в Кара-Коруме традиции надписывания сосудов владельцами или для них.

Среди просмотренного большого количества керамики, собранной П. К. Козловым в Хара-Хото, мы обнаружили несколько остатков надписей тушью на донышках чаш. По-видимому, этот обычай существовал и там. В Кара-Коруме посуда с надписями встречалась в основном с середины толщи культурного слоя и глубже. Очевидно, и в Хара-Хото она залегает на некоторой глубине, а не на поверхности, где, главным образом, производились сборы при исследовании этого города.

Как особый тип посуды следует выделить изделия из ярко-красной глины. Цветом и составом глины они напоминают обожженный кирпич с примесью толченого кварца и песка. Все эти изделия покрыты темно-зеленой поливой; снаружи на ней теперь тонкий слой — налет, какой бывает на разложившемся от времени стекле.

Обломков такой посуды найдено немного — всего 19 экземпляров, причем 16 из них — в самом нижнем горизонте (слои X—XI); однако среди них можно определить три типа различных сосудов: 1) три чаши, типа пиалы [232]; 2) небольшой сосуд шаровидной формы с узкой и короткой вертикальной шейкой, от которой

[228] 1244—47 (раскоп I, уч. Н12, сл. X, XI), № 1266 (раскоп I, уч. Н11, сл. X, XI).

[229] Раскоп I, уч. Ж10, сл. V.

[230] № 179 (раскоп I, уч. Е5, сл. VI).

[231] R. I. Hobson. The George Eumorfopulos collection. ., т. LIII, стр. 63.

[232] № 3990 (раскоп I, уч. Л6, сл. XI), № 3764 (раскоп I, уч. М7, сл. XI), № 3921 (раскоп I, уч. Л6, сл. XI).

на плечики спускается плоская ручка в виде лопасти [233]; 3) большой сосуд с округлыми плечиками (диаметр горла — 20 см) и вертикальной короткой шейкой (высота — 3,5 см, толщина стенок — 0,9 см) [234], а также довольно крупный сосуд с округлыми плечиками, короткой шейкой и горизонтальным, отогнутым широким венчиком [235]; в одном месте, на венчике, сохранились остатки ручки, отходившей кверху, причем она начиналась от расширения, похожего на головку животного. Найден небольшой обломок и третьего крупного сосуда такого же типа; толщина его стенок — 2 см [236].

Обломок округлого сосуда и круглая крышка сформованы из глины такого же состава, что и предыдущие, но полива на крышке, по-видимому, другая, так как на ней нет стеклянистого налета. Крышка сделана грубо, и видно, что она вылеплена от руки. Полива на боку сосуда наложена по красному ангобу и почти вся отскочила [237].

В четвертом раскопе, в северной части дворца Угэдэя, найден небольшой обломок от горла сосуда, выполненного в той же технике, что и описанные выше [238].

Керамика этого типа обнаружена, главным образом, в нижнем горизонте культурного слоя; грубость выделки резко отличает ее от всей остальной посуды Кара-Корума, и можно высказать предположение об ее изготовлении в начале зарождения города.

Среди местной посуды, изготовленной обычно из серой (в одном случае — из красной) простой глины, в раскопе I нами найдено 37 маленьких чашечек конической или плоской формы, диаметром от 6,5 до 8,5 см и высотой не более 3 см. Все они, за редким исключением, сделаны на гончарном круге, и только одна из них внутри покрыта темно-коричневой поливой. Определить их утилитарное назначение было бы трудно, если бы не находка в одной из них кусочков синей краски [239]. Внутренняя поверхность чашечки запачкана краской, которая, очевидно, разводилась в ней или на воде, или на другой жидкости. По всей вероятности, эти чашечки и служили для разведения красок местным мастерам — художникам, расписывавшим различные предметы и сосуды или украшавшим фресковой живописью стены в храмах и домах (см. рис. 135, *6*, *7* на стр. 267).

В качестве подтверждения факта росписи стен можно указать на развалины храмового павильона с фресками, открытые нами на месте дворца, и на куски штукатурки с рисунками и написанными на ней краской иероглифами. Такие чашечки известны и в других городах монгольского времени. Например, несколько экземпляров найдено Л. Р. Кызласовым в 1960 г [240].

[233] № 2605 (раскоп I, уч. Н6, сл. X, XI) и № 2458 (раскоп I, уч. Н5, сл. X, XI).
[234] № 661 (раскоп I, уч. Н6, сл. X, XI).
[235] № 1861—2 (раскоп I, уч. М2, сл. XI).
[236] № 3149 (раскоп I, уч. МН, сл. IX).
[237] № 1140—981 (раскоп I, уч. А8, сл. IV), № 2607 (раскоп I, уч. МН6, сл. IV).
[238] Раскоп IV, уч. А11, сл. III.
[239] Раскоп I, уч. В2, сл. IV.
[240] Хранятся в музее кафедры археологии МГУ.

Специальным типом гончарных изделий были сосуды, известные в археологической литературе под названием сфероконических [241]. В Кара-Коруме их найдено четыре экземпляра.

Первый экземпляр целый, сделан из красной глины [242]. Тулово (высотой 17 см и диаметром 7,8 см) украшено одним горизонтальным рельефным пояском и тремя вертикальными налепными валиками, между которыми спускаются пять вдавленных кружков, нанесенных трубчатым штампом. По круглому верхнему краю таким же штампом выдавлены полукружия (рис. 132, *1*).

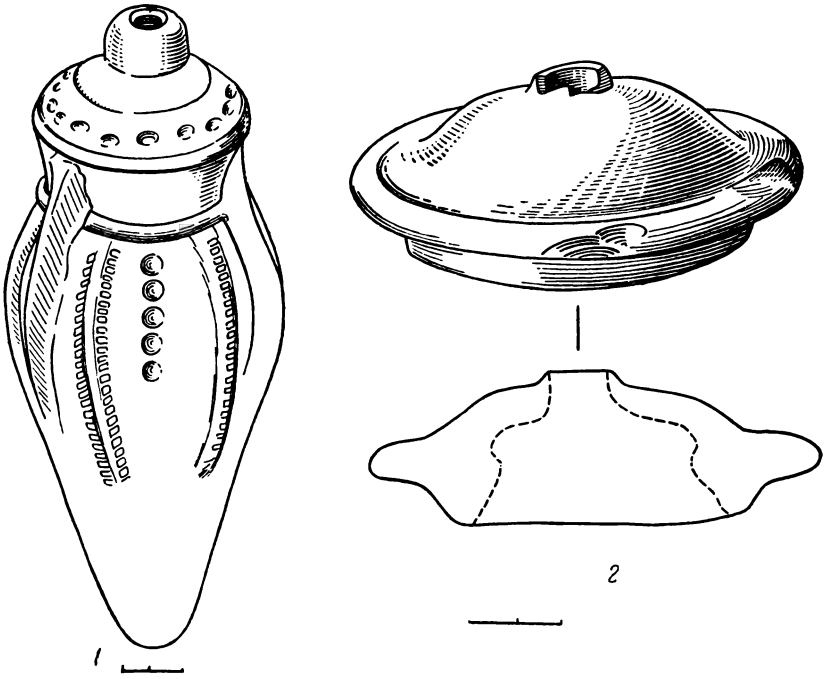


Рис. 132. Кара-Корум. Сфероконический сосуд (*1*) и глиняная крышка (*2*).
1 — раскоп I, уч. Л4, сл. IX; *2* — раскоп I, уч. В5, сл. IV.

Второй экземпляр — нижняя часть точно такого же сосуда [243]. Благодаря излому можно определить толщину стенки — 1,5 см. От третьего экземпляра, сделанного из серой глины, сохранилась нижняя, конусообразная половина; толщина ее стенок — около 1,5 см [244]. От четвертого экземпляра найдена часть бока. Сосуд сделан из серой глины, украшен по плечикам и вокруг горлышка поясками

[241] Новейшее освещение вопроса о «сфероконусах» см. Р. М. Джанпаладян. К вопросу о сфероконических сосудах. СА, 1959, № 3.
[242] Раскоп I, уч. Л4, сл. IX.
[243] Раскоп I, уч. М2, сл. XI.
[244] Раскоп I, уч. МН10, сл. IX.

из парных горизонтальных полосок. Устанавливаются диаметр стенок — около 1,5 см и диаметр отверстия — менее 1 см.

В литературе, посвященной описанию сфероконических сосудов, существует свыше десяти предположений об их назначении. Не вдаваясь в оценку всех вариантов, мы считаем возможным присоединиться к одному из них — к предположению об употреблении этих сосудов в качестве ручных зажигательных гранат. Ареал распространения таких сосудов на Востоке в средневековье — обширен: он охватывает все среднеазиатские города и доходит вплоть до среднего течения Волги (Болгары—Сувар).

Следует обратить внимание на то, что в Кара-Коруме все сфероконусы найдены в нижнем горизонте (слои IX и XI).

Для различных хозяйственных надобностей по-видимому, в самом Кара-Коруме изготовлялись сосуды типа среднеазиатских хумов, иногда достигавшие очень больших размеров. Они сделаны из хорошо промешанной глины с примесью значительного количества крупнозернистого кварцевого песка. Снаружи и изнутри они обмазывались ангобом, по которому часто на все тулово, также с обеих сторон, наносилась коричневая или зеленая полива. Венчик поливой не покрывался. В раскопе I найдено 382 обломка больших хумов, причем наибольшее их количество происходит из верхних четырех слоев. Только в слое IX на участке Л19 найден 41 обломок, принадлежавший одному сосуду.

В качестве примера можно привести размеры следующих хумов, покрытых поливой: 1) № 4244: диаметр горла — 80 см, толщина стенок у венчика — 1,8 см, толщина венчика — 5,5 см [245]; 2) № 4243: диаметр горла — 76 см, толщина стенок — 2 см, толщина венчика — 6 см [246]; 3) № 1316: диаметр горла — около 75 см, толщина стенок — 2 см, толщина венчика — 5,3 см [247]. Венчики всех поливных хумов массивные, округлой в разрезе формы [248] (см. рис. 135, *4*, *5* на стр. 267).

На верхнем крае венчика поливного хума № 4243 нанесены три глубокие параллельные зарубки, которые, по всей вероятности, обозначали или его емкость, или порядковый номер (рис. 133, *1*).

Обломки хума, покрытого коричневой (шоколадного цвета) поливой, найдены в нижнем горизонте культурного слоя. Хум также сделан из глины с крупнозернистым песком; толщина стенок — 1,5 см [249].

Хумы без поливы не так велики, как поливные. Они изготовлены из красной глины с примесью более мелкого песка и тоже обмазаны ангобом, но венчики их иные — более тонкие, более уплощенные; шейка короткая.

[245] Из серой глины, покрыт коричневой поливой.

[246] Из красноватой глины, покрыт зеленой поливой.

[247] Из красноватой глины, покрыт коричневой поливой.

[248] Хумы Кара-Корума аналогичны найденным на городище Хирхира (см. первую часть настоящей книги).

[249] Раскоп I, уч. Н11, сл. X, XI.

Рис. 133. Кара-Корум. Обломок большого поливного хума (*1*) (на венчике — три зарубки, вероятно, отмечающие емкость сосуда) и верхняя часть серо-глиняного сосуда с ручками (*2*).

Приводим размеры хумов без поливы: 1) № 4248: диаметр горла — около 40 см; толщина стенок — 1,7 см, толщина венчика — 2,3 см, его высота — 3,4 см; 2) № 4246: диаметр горла — около 44 см, толщина стенок — 2 см, толщина венчика 2,8 см, его высота — 3,5 см; 3) без ном., диаметр горла — около 45 см, толщина стенок — 1,5 см, толщина венчика — 1,8 см, высота его — 3,4 см.

Во всех раскопах Кара-Корума довольно большой процент находок составляли обломки формованной на гончарном круге посуды из серой глины, более темного и более светлого оттенков. Посуды из желтой и коричневой глины очень мало.

Произведенный нами подсчет находок этого вида посуды в раскопе I показал, что по всем горизонтам культурного слоя, с первого до одиннадцатого, найдено 4484 обломка. Распределение находок по отдельным слоям сравнительно равномерное, но с некоторым увеличением количества этой посуды в верхних слоях (I—V), где наибольшее количество ее (749 фрагментов) найдено во втором слое, а в остальных — 600—700 обломков в каждом (см. таблицу).

Распределение находок сероглиняной посуды по слоям в раскопе I

Слои	Участки		Всего
	А—К	Л—О	
I	601	92	693
II	590	159	749
III	656	65	721
IV	534	159	693
V	401	189	590
VI	179	103	282
VII	—	111	111
VIII	—	144	144
IX	—	317	317
X	—	144	144
XI	—	40	40
—	2961	1523	4484

Однако, несмотря на значительную толщину культурного слоя, — очевидно, из-за того, что он откладывался в течение сравнительно небольшого времени, — мы не смогли отметить разницы в составе теста, форме сосудов и других признаках для посуды из нижних и верхних горизонтов.

Посуда делалась из хорошо отмученной и тщательно промешанной глины с примесью песка. При формовке сосудов применялась ленточная или жгутовая техника. Сначала на гончарном круге формовалось дно, на которое, постепенно расширяя окружность, один на другой налеплялись жгуты глины. При движении круга стенки выпрямлялись и сглаживались, а затем сосуду придавали нужную форму. Почти на всех сосудах, сделанных из серой глины, отчетливо прослеживается этот способ выделки. Особенно это видно на высоких горшках, у которых стенки хорошо заглаживались только снаружи, а внутри зачастую — более грубо.

У сосудов с плоским дном небольшого диаметра в нескольких случаях хорошо видно, как для того, чтобы снять сосуд с гончарного круга, дно обрезалось ниткой. На дне от этого приема остается след в виде веерообразных округлых полосок (например, у сосуда № 443).

Обжиг сосудов равномерный (черепок звонкий).

Несмотря на значительное количество обломков посуды из серой глины, среди форм ее нет большого разнообразия. Два основных типа — это очень большие, широкие и глубокие чаши в виде тазов или мисок и высокие горшки — корчаги. У чаш или мисок плоское дно, высокие, прямые или слегка округлые стенки, расширяющиеся кверху, с толстым, выступающим наружу отогнутым венчиком, окаймляющим верхний край чаши в виде валика.

Рис. 134. Кара-Корум. Сероглиняная керамика.
— крупный сосуд: *2* — чаша-таз.

Венчики довольно разнообразны: встречаются отогнутые под прямым углом и округлые, загибающиеся книзу округлые, расширяющиеся кнаружи или прямые с вертикальным обрезом и т. д.

Из найденных при раскопках обломков нам удалось собрать несколько целых чаш и много почти целых или отдельных больших частей. Они очень различны по размерам. Например, у чаши-таза, склеенной из обломков, диаметр по венчику достигает 48 см [250]. Ее высота — 19 см, диаметр дна — 28 см. Стенки слегка округлые; венчик, отогнутый наружу, также округлый. На половине тулова снаружи под венчиком проведены две горизонтальные бороздки, получившиеся от более сильного нажима правила при сглаживании стенок. Внутри от венчика вниз, по спирали, проходит узкая черная полоска, сделанная лощилом. Расстояние между полосами спирали — 2—2,5 см (рис. 134, *2*).

От чаши еще большего диаметра сохранился верхний край с венчиком, загнутым книзу [251]. Его толщина — 1,4 см, толщина стенок в верхней части — 1,1 см. Снаружи стенки слегка реберчатые. По выпуклостям ребер проходят лощеные полоски; такие же полоски сделаны на внутренней поверхности и на венчике (рис. 135, *10*).

Третья чаша была диаметром по венчику около 55 см, высотой 20 см, со слегка реберчатой поверхностью наружных стенок, внутри гладкая, без лощеных полосок [252]. Судя по отслаиванию с наружной поверхности чешуек глины толщиной 1 мм, можно думать, что снаружи она была обмазана тонким слоем жидкой глины. Это не всегда заметно на других сосудах. По-видимому, данная чаша обмазана с некоторым запозданием, когда ее стенки уже подсохли; поэтому жидкая глина как следует не впиталась и соединилась неплотно.

Еще у одной чаши с более округлыми боками, чем предыдущие, диаметр по венчику достигал 37 см; диаметр дна — 22 см. Она заглажена ровно снаружи и внутри [253]. Лощеные полоски видны только снаружи. По этой чаше можно судить о том, что и внутри посуда этого типа после выделки обмазывалась тонким слоем жидкой глины. В одном месте, на внутренней стенке, заметна отслоившаяся обмазка. Венчик чаши отходит от стенки под прямым углом (в виде буквы Г) кнаружи и слегка расширяется к обрезу.

Чаша диаметром около 42 см и высотой 18,8 см отличается тонкими стенками — 0,5 см (рис. 135, *16*) [254].

Были чаши и меньшего размера, например, диаметром 30 см при высоте 11,3 см и толщине стенок 0,8 см [255].

У некоторых из чаш наружная поверхность в верхней части тулова делалась с довольно рельефными горизонтальными ребрами. Иногда наружная поверхность была гладкой, а под самым венчиком проходило острое горизонтальное ребро (чаша № 1038).

[250] № 1140—1133 и др. (раскоп I, уч. Г3, сл. III).
[251] № 4335 (раскоп I, уч. Л5, сл. II).
[252] № 1159 и сл. (раскоп I, уч. Д6, сл. IV).
[253] № 1150 (раскоп 1, уч. Д6, сл. IV).
[254] № 1134 (раскоп I, уч. Г3, сл. III).
[255] № 4330 и сл. (раскоп I, уч. Л5, сл. II).

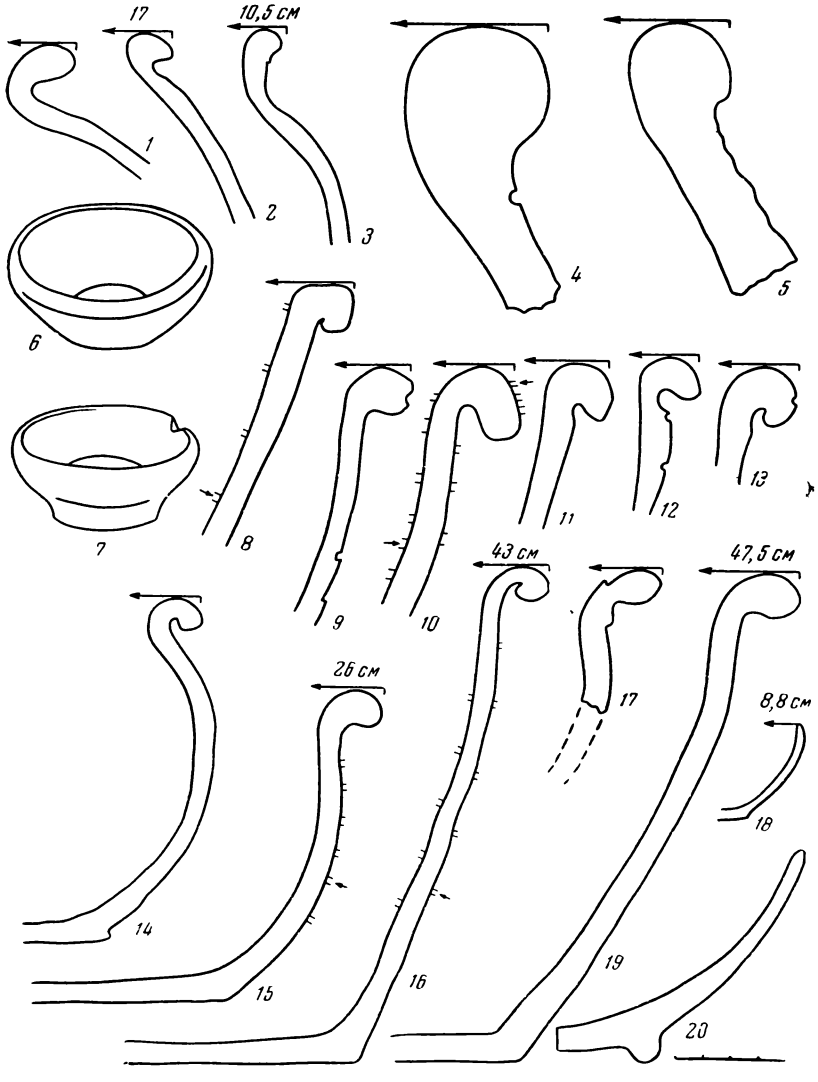


Рис. 135. Кара-Корум. Профили сероглиняных сосудов.

1 — раскоп II, уч. А9, сл. V; *2* — раскоп I, уч. Ж13, сл. V, № 1140—881; *3* — раскоп I, уч. В5, сл. IV; *4* — раскоп I, уч. В16, сл. IV; *5* — раскоп I, уч. Л13, сл. IX; *6* — раскоп I, уч. В2, сл. IV; *7* — раскоп I, уч. Д6, сл. III; *8* — раскоп I, уч. Д6, сл. IV, № 1163; *9* — раскоп I, уч. Д6, сл. IV, № 1165; *10* — раскоп I, уч. Л5, сл. II, № 4335; *11* — раскоп I, уч. Д6, сл. IV; *12* — раскоп I, уч. Л5, сл. II, № 4333; *13* — раскоп I, уч. А9, сл. III; *14* — раскоп I, уч. В2, сл. III; *15* — раскоп I, уч. Д6, сл. IV, № 1151; *16* — раскоп I, уч. Г3, сл. III, № 1134; *17* — раскоп I, уч. Д3, сл. IV; *18* — раскоп I, уч. М7, сл. XI, № 514; *19* — раскоп I, уч. Г3, л. III; *20* — раскоп I, уч. Д11, сл. II. (На сосудах *8*, *10*, *15*, *16* дополнительными черточками и маленькими стрелками выделены участки лощения).

Суммируя описание чаш из серой глины, мы приходим к выводу, что все они — стандартной формы и очень часто украшены лощеными узкими спиральными полосками по внешней и по внутренней поверхностям. Разница только в размерах и большей или меньшей отогнутости венчиков, форма которых по существу тоже одинакова, отличаясь лишь большей или меньшей округлостью либо некоторой уплощенностью.

Как пример, на котором хорошо видно, каким приемом наносилось лощение на внутреннюю поверхность, можно указать на фрагмент чаши № 1181—84. Здесь в центре дна помечена средняя точка, от которой спиралью идет лощеная полоска — более широкая на дне и более узкая на стенках.

Вторым, наиболее распространенным видом сероглиняной посуды были высокие сосуды типа корчаг, с плоским дном, приблизительно равным диаметру горлу сосуда. У них округлые, широкие бока, суживающиеся в верхней части и переходящие в отогнутый наружу округлый венчик в виде валика. Самый крупный из таких сосудов при раскопках был найден почти целым (рис. 134, *1*) [256].

Склеенный из обломков сосуд № 1133 достигал в высоту 36,5 см; диаметр дна его — 17,5 см, горла — 21,5 см и наиболее широкой части — 31 см; венчик отогнут в виде валика, ширина его — 1,5 см. На внешней поверхности, так же как у чаш и мисок, проходит лощеная спираль, опоясывающая сосуд узкой полоской в семь оборотов.

Отметим верхнюю часть сосуда с диаметром горла 30 см [257]. По излому стенок можно установить, что их наименьшая толщина приходилась на выпуклом боку — 0,7 см. Под венчиком и ниже толщина стенок — 1 см.

У сосуда такой же формы, что и описанные выше [258], диаметр горла был равен 21,5 см. Узкий валикообразный венчик отогнут наружу (в профиле — в виде буквы Г); шейка — высотой 1 см, толщина стенок под шейкой — 0,9 см, на боках — 0,5 см. На противоположных сторонах, под шейкой, вылеплены две вертикальных небольших ручки в виде петель. При формовке сосуда ручки оттянуты в стороны из той же полосы глины, которая образовывала стенки, поэтому стенки здесь значительно тоньше (0,3 см). Для укрепления их с обратной стороны ручек прилеплено по округлому куску глины.

Разделка наружной поверхности сосуда состоит из обычных горизонтально-спиральных лощеных полос, но здесь к ним еще добавлены вертикальные штрихи, отходящие от венчика до нижнего уровня ручек (рис. 133, *2*).

Сосуды описанной формы были разной величины, о чем можно судить и по приведенным выше примерам, и по находкам обломков ручек сосудов малых размеров. У одного из них диаметр горла, например, равнялся 17 см, у другого — 16 см. От третьего сосуда найдено дно диаметром 9 см. На этом обломке хорошо прослеживается деталь, относящаяся к технике выделки на гончарном круге. Когда сосуд был закончен, с подставки круга он был срезан веревкой, от которой видны веерообразные округлые следы.

Помимо описанных двух основных типов, встретились фрагменты сосудов с высоким и узким туловом и почти вертикальными стенками; однако отсутствие верх-

[256] Раскоп I, уч. Г6, сл. V.
[257] № 1135 (раскоп I, уч. Г3, сл. III).
[258] № 1153—57 (раскоп I, уч. Д6, сл. IV).

них частей не дает возможности восстановить их форму. Эти сосуды сделаны тоже из серой глины, но тесто их грубее, чем у мисок и корчаг, и стенки более толстые и массивные.

Первый из трех подобных сосудов сохранился на высоту от дна на 26 см. На этом уровне толщина стенок его достигает 1 см, а в придонной части — 3,2 см. Диаметр дна — 13 см, его толщина — около 2 см. По всем признакам сосуд сделан на гончарном круге.

Второй сосуд сохранился на высоту 20 см. Диаметр дна — 10,5 см, его толщина — 1,1 см; толщина стенок вверху — 0,7 см, у дна — 1,3 см [259]. Сосуд сформован на круге ленточной техникой, хорошо заметной внутри, где швы лент заглажены небрежно; снаружи он заглажен слоем мокрой глины; по изготовлении был срезан ниткой с подставки гончарного круга. Интересно, что сосуд уже при выделке дал вертикальную трещину (найден он разломанным на две части по вертикали этой трещины). Еще до обжига мастер сделал попытку «починить» сосуд. На месте излома с наружной стороны трещина была замазана слоем глины. Это хорошо заметно потому, что обмазка легла поверх горизонтальной штриховки, оставшейся при заглаживании поверхности на круге, и была приглажена уже по вертикали. Кроме того, при наружной подмазке стенка по трещине слегка выгнулась внутрь уступом и не была заглажена.

Это дает нам основание предположить, что у подобных сосудов делалось узкое горло. Поэтому в данном случае, когда сосуд уже был сформован, мастер не смог просунуть внутрь руку, чтобы сгладить и обмазать трещину. «Починка», конечно, не помогла, и при обжиге сосуд все равно лопнул. Для нас он интересен и как пример брака в местном производстве, и как признак того, что мастер шел на всякие уловки, лишь бы сбыть явно негодный товар.

Третий сосуд, который был сделан так же, как и второй, сохранился на высоту 16 см, где толщина его стенок равна 0,7 см, а в придонной части — 1,5 см. Дно — диаметром 10,4 см и толщиной 12 см. На дне прекрасно сохранился след от среза ниткой с подставки круга [260].

Среди серой керамики отметим также верхнюю часть сосуда с узким горлом (вроде бутылки) и толстыми стенками [261]. Состав глины и соответствующая толщина стенок позволяют высказать предположение, что такая форма верха могла быть у сосудов, три нижних части которых мы только что рассмотрели.

Еще об одном типе узкогорлых сосудов, но с округлым туловом, можно судить по обломку бока сосуда, горло которого, к сожалению, не сохранилось [262]. От другого же сосуда уцелел только венчик с ребристым краем [263]. Третий сосудик — небольшой, в виде кубышки. Диаметр его горла (венчик обломан) — 2,5 см, диаметр в боках — 8,5 см, высота — 8,5 см [264].

[259] Раскоп I, уч. М5, сл. V.
[260] № 443 (раскоп I, уч. 13, сл. V).
[261] без № (раскоп II, уч. В6, сл. IV).
[262] № 1643—4 (раскоп I, уч. М5, сл. IX).
[263] № 896 (раскоп III, уч. Б3, сл. 1).
[264] без № (раскоп II, уч. Д4, сл. I).

По четырем обломкам мы можем судить еще об одной форме небольших сероглиняных сосудов с почти прямыми стенками, уступчатыми плечиками и тоже прямым, но невысоким и широким горлом [265]. По-видимому, к этому типу принадлежит нижняя часть сосуда с почти вертикальными, довольно толстыми стенками, суживающимися лишь над самым дном, диаметр которого равен 12,5 см (диаметр тулова — около 17 см). По изготовлении этот сосуд срезан ниткой с подставки гончарного круга.

Последний тип посуды из серой глины — это круглые тонкостенные чаши на кольцевом поддоне, диаметром около 17—19 см и меньше, формованные на гончарном круге [266]. Они сделаны по образцу более дорогих поливных чаш типа цычжоу и цзюнь-яо, однако количество их находок очень незначительно и выделка довольно грубая. Чаши из верхних горизонтов культурного слоя более или менее одинаковы, но найденная в слое XI отличается сильной утолщенностью края.

Отметим почти целую чашу диаметром по краю, равным 14,2 см, и дна — 6,5 см. На дне ее по сырой глине вырезан прямой крест. Чаша заглажена лощилом, но не сплошь, а горизонтальными широкими полосами [267]. Такое же лощение наблюдается и на некоторых других чашах этого типа.

Как видно из описания всех типов кара-корумской посуды из серой глины, никакой особой орнаментации на них нет. Некоторую попытку украшения можно усмотреть в горизонтальных лощеных полосках на больших и малых чашах, а на сосудах — горизонтальных и вертикальных полос.

По двум обломкам сероглиняных сосудов с округлыми боками можно судить о существовании в Кара-Коруме посуды с рельефными налепами. На одном из обломков [268] можно проследить, как из глины тулова сосуда была оттянута узкая горизонтальная полоска в виде плоского бортика, которая затем через небольшие промежутки была промята пальцем.

На другом обломке такая горизонтальная полоска сделана из жгута глины, который был вмазан в бок сосуда, уплощен и потом защипан пальцами [269].

Для узкогорлых сосудов из серой глины в Кара-Коруме изготовлялись круглые крышки с бортиком и шишечкой наверху (рис. 132, *2*) [270].

Сосуды из желтой и коричневатой глины, найденные в очень малом количестве, были тех же форм, что и сероглиняные. Среди их обломков можно выделить один, у которого наружная поверхность была гладкой, а внутренняя — заглажена каким-то инструментом вроде гребенки, оставившей узкие бороздчатые штрихи.

[265] Раскоп I: уч. Б1, сл. II; уч. В12, сл. I; уч. П1, сл. IV; уч. Л5, сл. II.

[266] Раскоп I: уч. Д11, сл. II; уч. А10, сл. IV (две находки); уч. Ж13, сл. IV; уч. И3, сл. III; уч. Л6, сл. VII; уч. Л8, сл. XI. Раскоп IV, уч. А12, сл. III.

[267] № 397 (раскоп I, уч. Л6, сл. VII).

[268] Раскоп I, уч. Д3, сл. IV.

[269] № 1140—1072.

[270] Диаметр — 11,5 см, высота — 3,8 см (раскоп I, уч. Б4, сл. IV); диаметр — 9,8 см, высота — 3,3 см (раскоп I, уч. В5, сл. IV).

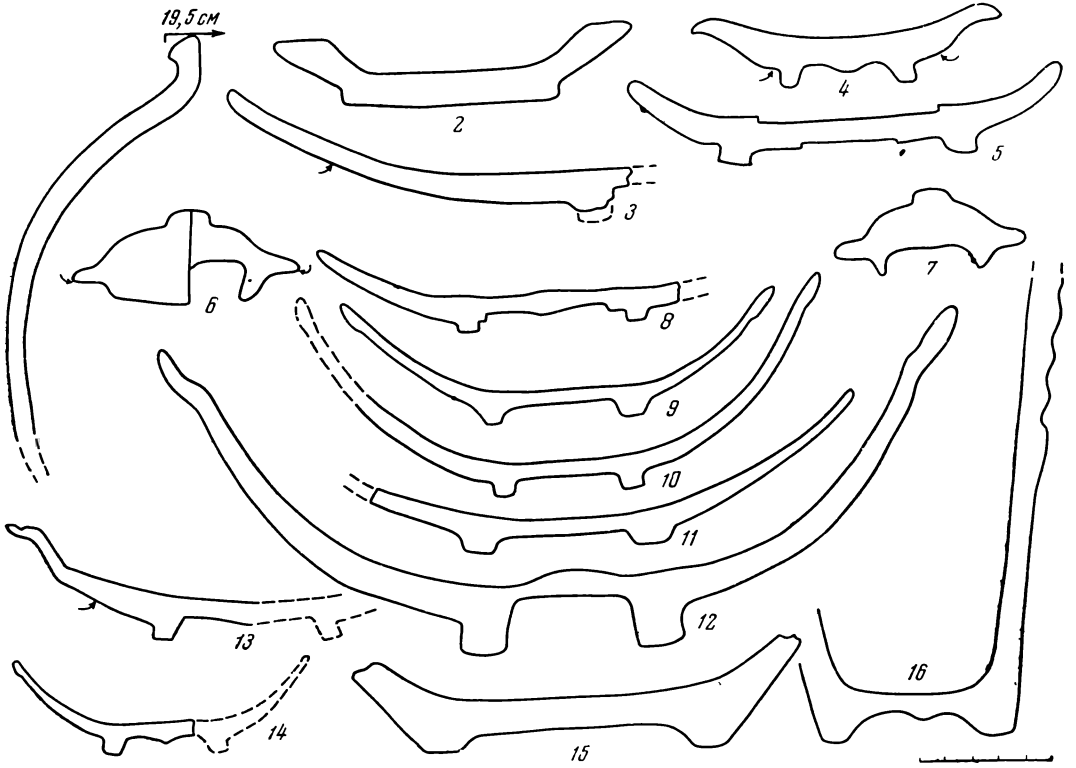


Рис. 136. Кара-Корум. Профили цветных сосудов. Сосуды типа цычжоу (*6*, *7—14*): сосуды с двусторонней коричневой поливой, хэнаньского типа (*1*, *15*, *16*); блюдца типа цзюнь-яо (*4*, *5*); блюдо типа ляо (*3*); блюдце типа пучжоу (*2*);

1 — раскоп I, уч. Л11, сл. VIII, № 389; *2* — раскоп I, уч. В4, сл. V, VI (табл. XXIII, рис. *1*); *3* — раскоп I, уч. Б2, сл. IV; *4* — раскоп I, уч. Л12, сл. X, № 346; *5* — раскоп I, уч. МН2, сл. IX (табл. XVI, рис. 1); *6* — раскоп I, уч. Ж1, сл. VI (крышка сосуда, украшена коричневыми штрихами); *7* — раскоп I, уч. Ж1, сл. VI (то же); *8* — раскоп I, уч. (?) 11, сл. VIII, № 7 (табл. XIX, рис. *5*); *9* — раскоп I, уч. МН9, сл. VI и X, № 8 (табл. XIX, рис. *4*); *10* — раскоп I, уч. МН9, сл. VII, № 4 (табл. XVII, рис. *2*); *11* — раскоп I, уч. Л3, сл. VII, уч. М 3 и 11, сл. VIII, № 1881—1885 (табл. XX, рис. *1*); *12* — раскоп I, уч. Ж10, сл. V (табл. XVII, рис. 1); *13* — раскоп I, уч Л9, сл. XI, № 2546; *14* — раскоп I, уч. Г5, сл. VI, № 832; *15* — раскоп I, уч. МН5, сл. IX, № 973—976; *16* — раскоп I, уч. Л1, сл. VI, № 941 и 942.

* * *

В общей массе обломков посуды в Кара-Коруме найдены и единичные черепки посуды более раннего времени. Два из них, несомненно, относятся к раннему уйгурскому периоду. Они ρба — из серой глины и снаружи покрыты штампованным орнаментом; на одном обломке орнамент состоит из ромбической сетки [271], на другом — из ромбов, заключенных в полуовалы [272].

[271] № 662 (раскоп IV, уч. А14, сл. III).

[272] № 1886 (раскоп I, уч. Л3, сл. I).

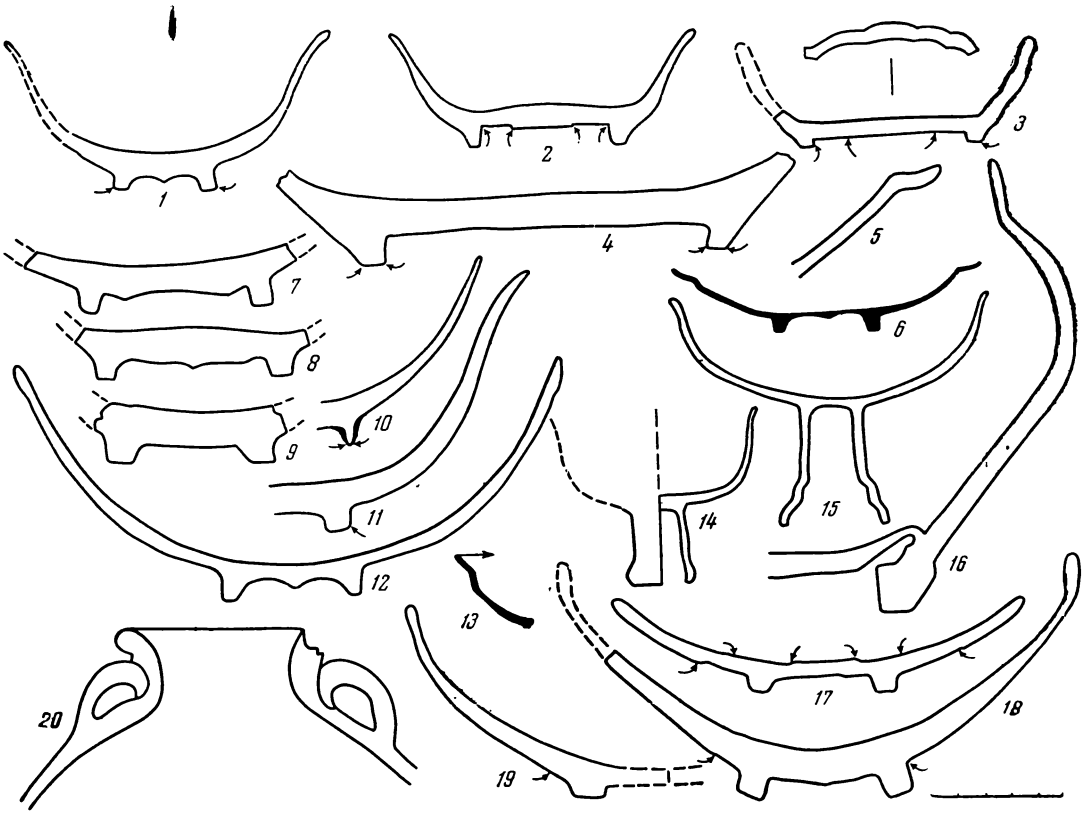


Рис 137. Кара-Корум. Профили цветных сосудов. Фарфор (?) серый (*1*); селадон (*2—5*, *7—12*, *15*, *16*); дин-яо (бай-дин) (*6*, *13*, *14*); сосуды с черной поливой и золотистыми пятнами, хэнаньский тип, у-цзинь-ю (*17—19*); черная ваза, тянь-му (*20*). Стрелки указывают границу нанесения поливы.

1 — раскоп I, уч. МН4, сл. VI; *2* — раскоп I, уч. МН9, сл. VIII, № 47 (табл. XXV, рис. *3*); *3* — раскоп I, уч. МН6 и 7, сл. V и VI; раскоп I, уч. М3, сл. VII, № 2880, 2971, 2972 и 2976; *4* — № 132 (табл. XXV, рис. *1*); *5* — раскоп I, уч. МН8, 11, 13, сл. VII—IX, № 2858—2860; *6* — раскоп I, уч. М5, сл. V (табл. XXVII, рис. *1*); *7* — раскоп I, уч. А11, сл. IV (табл. XXVI, рис. *1*); *8* — раскоп I, уч. Д15, сл. I (табл. XXVI, рис. *4*); *9* — раскоп II, уч. Е2, сл. III (табл. XXVI, рис. *3*); *10* — раскоп I, уч. МН4, сл. VI; раскоп I, уч. Н 10 и 12, сл. IX и XI, № 2996—2997; *11* — раскоп I, уч. М3, сл. V; раскоп I, уч. МН8, сл. V, № 12; *12* — раскоп I, уч. В3, сл. V и VI (табл. XXVI, рис. *6*); *13* — раскоп I, уч. В3, сл. IV; *14* — раскоп I, уч. А7, сл. II; *15* — раскоп I, уч. Н5, сл. IV, № 453; *16* — раскоп I, уч. А8, сл. V (табл. XXVI, рис. *2*); *17* — раскоп I, уч. Ж10, сл. V; *18* — раскоп I, уч. МН1, сл. VI; *19* — раскоп I, уч. МН4, сл. V, № 1008; *20* — раскоп I, уч. А4, сл. IV (табл. XXIX, рис. 1).

Такая посуда нам хорошо известна из раскопок уйгурской столицы VIII—IX вв. Орду-Балык (совр. Хара-Балгас), расположенной в 20 км ниже Кара-Корума на левом берегу р. Орхон, а также по находкам в могилах того же времени в урочище Орхон-Дэль, выше Кара-Корума (по р. Орхон) [273].

Три других обломка принадлежат к позднему уйгуро-киданьскому периоду X—XII вв. Их характеризует нанесенный на внутренней стороне сосудов из серой глины штампованный или чеканный орнамент из мелких треугольников или прямоугольников [274]. Посуда этого типа известна нам также по раскопкам в городах Хадасан и Чин-Тологой в окрестностях современного поселка Хадасан [275].

Присутствие посуды, относящейся ко времени, предшествующему возникновению Кара-Корума, может быть объяснено сравнительной территориальной близостью названных выше ранних городов, а также и тем, что на месте Кара-Корума, вероятно, были более ранние поселения; это доказывается и другими находками, например, — остатков здания с фресками на месте дворца Угэдэя.

Л. А. ЕВТЮХОВА

[273] Л. А. Евтюхова. О племенах Центральной Монголии в IX в. СА, 1957, № 2.
[274] Раскоп I: уч. А1—А2, сл. II; уч. А3, сл. V; уч. Д8, сл. IV.
[275] С. В. Киселев. Древние города Монголии. СА, 1957, № 2.

ИЗДЕЛИЯ РАЗЛИЧНЫХ РЕМЕСЕЛ КАРА-КОРУМА

I. ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПИСЬМА

Не только надписи на чашах, но и другие находки подтверждают широкое применение письменности в Кара-Коруме. Об этом свидетельствуют найденные здесь глиняные и каменные плитки для разведения туши, необходимые принадлежности для писания кисточкой. Они встречены в разных местах — в «доме на перекрестке», у восточных ворот и в разных горизонтах культурного слоя (от первого до пятого).

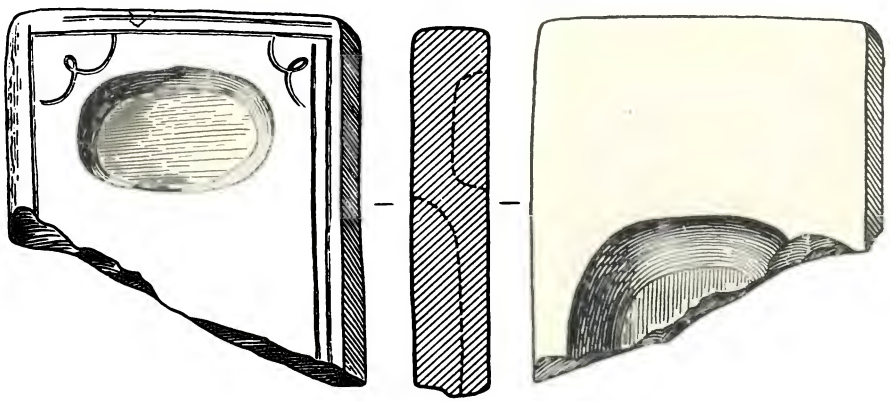
Таких „тушниц" из обожженной глины найдено восемь[1], каменных — четыре[2], но все они сделаны по одному принципу: в виде небольшой плитки толщиной от 1,5 до 3 см, шириной до 10 см и длиной до 15 см, с овальными углублениями возле одного из концов или с обеих сторон. В эти углубления наливалась вода для разведения туши, которая растиралась на плоской части. У каменной тушницы, найденной у восточных ворот, вокруг краев на одной стороне сделан возвышающийся бортик. На обратной стороне вырезано в камне несколько иероглифов; один из них читается как «ян», другой — «и» (рис. 138, 3).

Целая глиняная тушница (№ 126) — меньших размеров (длина — 11,5, ширина — 7,5 см, толщина — 2,3 см); на лицевой стороне у одного края сделана глубокая овальная выемка для воды, а место, где растиралась тушь, от длительного употребления вытерлось. С наружной стороны поверхность обведена двойной резной рамкой, по углам вырезаны двойные завитки. Оборотная сторона грубо заглажена, слегка выбрана в середине, по углам оставлены «ножки» (рис. 138, *2*).

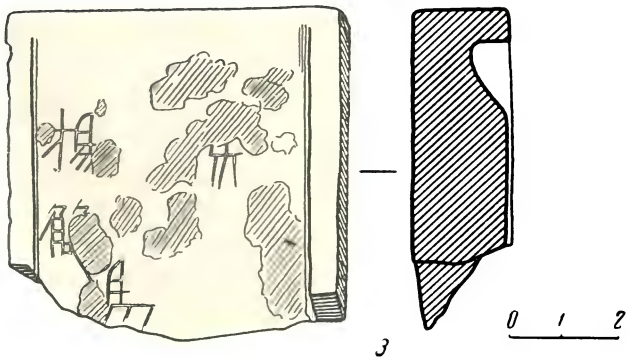
Иногда глиняные тушницы украшались резным орнаментом. Так, на одной из них, на нижней стороне, помещен растительный узор с цветком лотоса; на другой

[1] Глиняные были найдены в раскопе I: уч. К5, сл. 1; уч. К7, сл. V; уч. А10, сл. IV; уч. И10, сл. IV; уч. Л6, сл. VII; уч. Д1, сл. VI; уч. М3, сл. III; уч. Л5, сл. I.

[2] Каменные найдены — раскоп I: уч. А6, сл. IV; уч. В5, сл. II; уч. М1, сл. IV; раскоп II, уч. Б10, сл. IV (две последние — с иероглифами; рис. 138, *3*).



2



3

Рис. 138. Кара-Корум. Части каменных и глиняных плиток для растирания туши.

1 — нижняя сторона с резным орнаментом; *2* — обломок тушницы (нижняя и верхняя стороны); *3* — обломок каменной плитки со знаками.

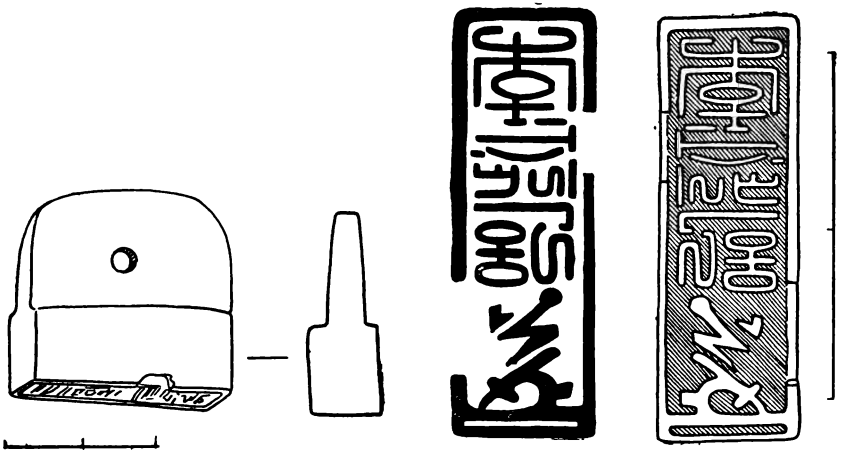


Рис. 139. Кара-Корум. Костяная печать. Щиток и оттиск увеличены вдвое.

Рис. 140. Кара-Корум. Деревянная печать и ее щиток.

плитке, на верхней стороне, по углам сделаны двойные завитки, а на нижней в правом верхнем углу вырезан цветок из кружков и в середине — лотос (рис. 138, *1*). На обломке каменной тушницы есть геометрический орнамент.

К предметам, имеющим отношение к письменности или к изобразительному искусству, относится и часть обгоревшей бамбуковой палочки диаметром 0,7 см и длиной 8,3 см. Это обломок кисти, которой писали, рисовали или расписывали узоры на посуде.

Для скрепления деловых бумаг или других подобных целей служили печати. Три из них найдены при раскопках. Одна сделана из кости (рис. 139); на щитке вырезаны: сверху — геометризованный иероглиф, по-видимому, обозначающий имя владельца — Ли, а ниже — несколько знаков, еще не расшифрованных, но изображенных такими же тонкими линиями, что и имя. Внизу в другой манере вырезаны знаки, — очевидно, представляющие клеймо владельца, — в виде иерог-

лифов, как бы написанные кистью и очень напоминающие нанесенные тушью клейма на оборотной стороне чаш. У печати сверху есть плоский выступ-ручка с круглой дырочкой для подвешивания [3]. От второй печати найден литой из бронзы щиток, на котором плохо сохранились рельефные знаки.

Третья печать вырезана из дерева. Основание ее четырёхугольное, удлиненное; сверху на нем лежит угловатая фигурка зверя с повернутой влево головой и коротким хвостом (рис. 140). Резными штрихами на голове и спине обозначена длинная шерсть. В середине, под туловищем, просверлено круглое отверстие для шнурка, на котором висела печать. Щиток ее прямоугольный (1,9×2,3 см), на нем вырезаны геометризованные знаки — слово «иджи» — приказание (см. стр. 178).[4]

II. ИЗДЕЛИЯ ИЗ МЕТАЛЛОВ

1. ПРИНАДЛЕЖНОСТИ РАБОТЫ ЛИТЕЙЩИКОВ

О существовании в городе металлообрабатывающих мастерских с достаточной убедительностью говорят находки мелких и крупных обрезков листовой меди, пластин, накладок, скобок для починки треснувшей глиняной и деревянной посуды, кусков шлаков и слитков меди, тиглей и льячек, а также различные изделия.

В культурном слое Кара-Корума найдено много небольших глиняных, сильно ошлакованных тигельков в виде наперстков, служивших для плавки металла в малых количествах, а также три крупных тигля. Один из них сделан в виде широкого приземистого котелка даметром около 19 см, высотой 11,5 см, с тонкими стенками, прямыми у края и округлыми книзу, и плоским дном. Вдоль наружного борта расположены четыре захвата — горизонтальные выступы (длиной 4 см, шириной 0,7 см), выдающиеся наружу на 0,7 см. На дне сохранились следы двух иероглифов, выдавленных штампом.

Рис. 141. Кара-Корум. Медная льячка для металла.

Другой тигель, по-видимому, был более плоским, с более округлыми стенками и сильно выступающим наружу носиком-сливом; дно было тоже плоское [5]. Третий тигель — также с округлыми боками, но с налепной полой округлой втулкой-выступом, в которую вставлялся стержень ручки.

[3] Высота — 2,7 см; ширина щитка — 0,9 см и его длина — 2,7 см (раскоп I, уч. Б6, сл. II).
[4] Высота — 2 см, ширина — 1,9 см (раскоп I, уч. А7, сл. VI).
[5] Раскоп I, уч. 06, сл. I—III.

Все эти три сосуда для плавки металла отличаются сравнительно тонкими стенками (0,5—0,8 см), которые от постоянного воздействия высокой температуры ошлакованы до зеркального блеска.

Из красной меди отлиты в разъемных формах две чашевидные льячки. Первая — большего размера (рис. 141), круглая, усеченно-конической формы (внешний диаметр — 10,8 см, диаметр дна — 3,5 см). На краю кверху отходит выступ (2,8 см) треугольной формы с волнистым краем, служивший для захвата. Внутри вдоль верхнего края проходит поясок из трех выпуклых полосок. На дне, в круге — фигурный четырёхугольник. Этот предмет отливался в форме почти вертикально, так как на обороте под ручкой имеется остаток от литка, и в этой части металл покрыт кавернами, образовавшимися от пузырьков выходивших кверху газов. При раскопках эта чашка вынута наполненной сильно окислившимися кусками меди или бронзы, смешанными с углями. Для удобства литья металла в форму сделаны внутри льячки, против ручки, два параллельных выпуклых валика, направлявшие струю.

Вторая чашка — почти такой же формы, но с более округлым дном, без орнамента и с отломанной ручкой. Валики для направления струи металла более выпуклые и сделаны с расхождением книзу [6].

2. ВЕСОВЫЕ ГИРИ

Несколько весовых гирь, найденных в Кара-Коруме, сделаны из разного металла. Бóльшая часть из них — чугунные; две отлиты из желтой меди, но по форме одинаковы с одним из типов чугунных. Тулово их — яйцевидной формы, суживающееся к ножке, переходящей в широкое подножие (рис. 142, *2*); сверху гирьки — четырёхугольная петля. Эти гири отливались в двухстворчатой форме (на боках остались рубчики швов). Металл в форму заливали со стороны ножки. На этом месте у одной из гирь — следы от отбитого литка и поверхность поддона не заглажена.

Это наводит на мысль, что гиря была местного производства и не обработана окончательно. Поддон оставлен выпуклым, и гиря неустойчива.

Произведенное нами взвешивание гири показало, что ее вес в современном состоянии равен 1485 г. Для сравнения была взвешена чугунная гиря, которая оказалась весом 445 г (рис. 142, *1*). Таким образом, если допустить, с одной стороны, что чугунные гири в процессе ржавления должны были потерять известное количество веса, а с медной гири, которая не закончена отделкой, должна была быть снята с ножки часть металла, то соотношение в весе между малыми чугунными и большой медной гирей составляет 1 3.

Еще одна из найденных большая чугунная гиря, довольно сильно коррозированная, в современном состоянии весит 2600 г (рис. 142, *3*). Если предположить, что ее потеря в весе из-за коррозии равна 200 г, то получается кратное соотношение трех типов гирь, т. е. малая чугунная должна была весить около 466 г, медная — втрое больше, 1400 г, а большая чугунная — 2800 г.

[6] Раскоп II, уч. Д4, сл. II.

Рис. 142. Кара-Корум. Весовые гири и часть коромысла безмена.
1, *3* — чугун; *2*, *4* — медь.

На медной гире и на малой чугунной с двух противоположных сторон заметны иероглифы, обозначающие вес, но, к сожалению, сохранившиеся весьма нечетко.

Аналогичные медные гири известны и среди юаньских древностей[7]. Близки по форме кара-корумским и шестигранные чугунные гири эпохи Юань[8].

К принадлежностям взвешивания мы относим и медный литой предмет, напоминающий пест от современной ступки. Однако это сходство кажущееся. Предмет обломан, но оставшаяся часть позволяет видеть в нем часть коромысла безмена (рис. 142, *4*)[9].

[7] «Каогу Тунсюнь», 1958, № 1, стр. 82.
[8] ВЮЦЦ, 1957, № 2, стр. 78, рис. 1.
[9] № 136 (раскоп I, уч. Л16, сл. IV).

3. МЕДНЫЕ СОСУДЫ

Несколько находок свидетельствуют о том, что в Кара-Коруме была в употреблении медная посуда. Здесь найдены обломки литых медных сосудов. По большому фрагменту тулова одного из таких сосудов можно определить его форму[10]. Он был с невысоким прямым горлом (диаметр — около 30 см), отделенным от тулова желобком. От сильно выпуклых плечиков стенки спускались круто вниз, ко дну небольшого диаметра. На этом обломке сохранились две небольших вертикальных петли, расположенные поперек желобка на шейке. Судя по незачищенному вертикальному шву и срезу горла, сосуд был отлит в форме. Можно предположить, что сосуд после отливки не был отделан, так как сломался и попал в производственный брак.

Другой обломок принадлежал такому же сосуду, но меньшего диаметра и с менее выпуклыми плечиками. Есть и обломки от бронзовых или медных чаш с рельефным орнаментом.

Найдено несколько литых медных ножек от больших котлов, но они отличаются от описанных выше ножек чугунных котлов тем, что изогнуты[11]. Кроме того, обнаружены фрагменты сосуда типа современного дуршлага: он округлой формы, дно пробито маленькими дырочками.

В разделе, где описывается посуда из глины, был отмечен способ скрепления трещин сосудов при помощи металлических скобок. Найдено также несколько медных оковок краев сосудов; такими оковками стягивали трещины. В раскопе I встречена согнутая вдвое медная пластина[12], укрепленная на селадоновом сосуде (от него сохранился обломок) при помощи «гвоздиков», которые пропущены сквозь дырочки, просверленные в стенке вдоль трещины. Такая же оковка скрепляла трещину на деревянной чаше[13].

На месте раскопа II, после отъезда экспедиции в 1948 г., местными жителями вырыт бронзовый сосуд, доставленный нам в 1949 г. Этот сосуд — в виде глубокой чаши, расширен к округлому дну и суживается к венчику. Бортик венчика чуть отогнут наружу. В одном месте, на боку, было отверстие, починенное четырехугольной пластинкой-заплатой, надрезанной в четырех местах. Средние «лапки» пластинки пропущены сквозь отверстие наружу, а боковые — остались внутри. После этого заплата была закована и, возможно, припаяна.

Вокруг бортика сосуда расположен нешироκий пояс чеканного орнамента, имитирующего арабскую вязь, переплетенную с растительным узором. Ниже, между двойными горизонтальными черточками, заключены треугольники, сделанные косой штриховкой. Между ними круглым полым чеканом выбиты кружки, группами по три. От орнаментального пояса книзу спускаются пять треугольников, заполненных чеканным узором из цветов со стилизованными листьями. Фон между узорами орнамента заполнен мелкими насечками, сделанными концом острого пунсона. Срез венчика орнаментирован треугольниками из косых черточек и кружков (рис. 143).

[10] Раскоп I, уч. Л7, сл. VII.
[11] № 76 и 785 (раскоп I, уч. Л12, сл. IX).
[12] Раскоп I, уч. Н2, сл. VI.
[13] Раскоп I, уч. И8, сл. II.

Рис. 143. Кара-Корум. Бронзовый сосуд.

Следует сказать, что форма сосуда и орнаментация очень близки металлической посуде, выделывавшейся на Среднем и Ближнем Востоке. Однако цветы, украшающие треугольники, выполнены по китайскому образцу. Такое смешение стилей заставляет предполагать, что местом выделки сосуда мог быть Кара-Корум.

4. СЕРЕБРЯНЫЕ СОСУДЫ

Два серебряных сосуда, найденных в раскопе IV при вскрытии развалин дворца Угэдэя, несомненно, попали туда в позднее время. Их можно связывать с развалинами субургана, построенного на холме дворца уже много времени спустя. Возле разрушенных стен субургана вскрыта ямка, в которую был спрятан кувшин, накрытый сверху чашей. Судя по сохранившимся обрывкам и отпечаткам на чаше, оба предмета были завернуты в шелковую материю, положены в ямку и сверху прикрыты каменной плиткой.

Кувшин — грушевидной формы, с расширяющимся кверху горлом[14]. Тулово уплощено, поставлено на овальный, довольно высокий поддон (2 см) и с двух сторон

[14] Высота кувшина — 20,5 см.

Рис. 144. Кара-Корум. Серебряная чаша с носиком.

украшено круглой восьмилепестковой пальметкой, выполненной вдавленными линиями. В центре пальметок, в квадрате, помещен многолепестковый цветок. Он окружен рельефным орнаментом из клювовидных элементов очира (предмет буддийского культа), заключенных в круг. Безусловно, кувшин принадлежит к буддийскому культу и связан с монастырем Эрдэни-Цзу. Найденная вместе с ним серебряная чаша — округлая, плоская, высотой 5,5 см, с прямыми краями, диаметром 19,5 см. По обрезу венчика она отделана выпуклым валиком; дно уплощенное. С одного ее края отходит длинный узкий носок с загнутым книзу концом. Чаша сделана из одного куска низкопробного серебра и, очевидно, выколочена по деревянной форме (рис. 144).

Чаша, по-видимому, также принадлежала монастырю Эрдэни-Цзу, но происхождение ее иное, чем кувшина. В 1955 г. был найден клад золотой посуды юаньского времени. В него входили 9 бутылей, 14 тарелей, шкатулка, лохань, черпак, около 100 палочек и 18 чаш[15]. Среди последних шесть аналогичны и по форме, и по размерам найденной нами у развалин субургана, некогда воздвигнутого над руинами дворца Угэдэя. Вероятно, эта чаша, переходя из рук в руки, жила столетия, пока, наконец, не попала в монастырь и не была заложена в субурган. Вполне возможно, что на Орхон она попала еще в то время, когда там стояла многолюдная столица Кара-Корум.

[15] ВЮЦЦ, 1957, № 2, стр. 51—58, рисунок на стр. 53.

5. ЗЕРКАЛА

В разных местах раскопа I встречены бронзовые дисковидные зеркала. Несмотря на то, что все они находились в слое, безусловно, принадлежащем монгольской столице XIII в., их происхождение более раннее.

Большое дисковидное зеркало (диаметр — 15,5 см) с одной стороны гладкое, а с оборотной — орнаментировано. В центре расположена кнопка-ушко конической формы с усеченным верхом. Вокруг ушка в концентрических кругах размещены различные рельефные орнаментальные мотивы — жемчужник, фестоны и четыре розетки. Между розетками симметрично расположены четыре иероглифа, обозначающие «богатство», «потомство», «долголетие» и «благородство».

Внешний край зеркала окаймлен обращенными внутрь рельефными полукруглыми фестонами более крупного размера, чем во внутреннем круге (рис. 145)[16].

Подобные зеркала хорошо известны[17].

Второе зеркало (диаметр — 14,4 см), с гладко отполированной поверхностью, с оборотной стороны также украшено художественными рельефными изображениями[18].

2

Рис. 145. Кара-Корум. Бронзовые зеркала эпохи Хань (*1*) и Сун (*2*).

В центре диска расположена кнопка-ушко с отверстием. Она сделана в виде фантастического животного, отчасти напоминающего лягушку. Вокруг кнопки рельефным ободком отграничено поле, в котором помещены окружающие центральную фигуру шесть фантастических животных в разных позах, напоминающие обезьян. Среди них разбросаны грозди винограда. Между первым (внутренним) и вторым ободками

[16] № 230 (раскоп I, уч. Л5, сл. I).

[17] B. Karlgren. Early Chinese mirror inscriptions. BMFEA, Stockholm, 1934; № 6; ср. также зеркало из погребения эпохи Хань — «Каогу Тунсюнь», 1958, № 2, стр. 23, рис. 10.

[18] Раскоп I, уч. Г7, сл. III.

размещены такие же фигурки зверьков, бабочка, птицы-фениксы и ласточка, а также грозди винограда с усиками и листьями. Вокруг борта, между вторым и крайним внешним ободками, расположены окаймляющие борт пятилепестковые розетки, сделанные плоским рельефом.

Это зеркало найдено бережно завернутым в войлок и в шелковую ткань, от которой сохранились небольшие обрывки. Датировать время изготовления зеркала эпохой Тан нет никаких затруднений, так как хорошо известна обширная серия совершенно таких же танских «виноградных» зеркал [19].

Наличие в культурном слое Кара-Корума XIII в. зеркал ханьского и танского времени объясняется бережным и заботливым отношением к этим предметам, бывшим не только излюбленной принадлежностью туалета, но и обладавшим, по представлениям народов Востока, магическими свойствами.

В Кара-Коруме находки этих зеркал вполне закономерны потому, что на протяжении длительного времени они бытовали также у кочевников Центральной Азии. Археологи часто их находят в погребениях и целыми и даже в заботливо сохранявшихся обломках.

Третье зеркало, обнаруженное в Кара-Коруме, — меньших размеров (диаметр — всего 6,8 см) [20]. В центре оборотной стороны диска на рельефном квадрате помещено полушаровидное ушко. Квадрат обрамлен четырьмя розетками с листьями. Вдоль внешнего выпуклого бортика размещены по кругу друг за другом 12 рельефных изображений различных животных, в том числе — обезьяны и змеи; они, по-видимому, связаны с календарем. По характеру орнаментации это зеркало ближе всего позднетанским и сунским [21]; оно может быть и современно Кара-Коруму (рис. 145, *2*).

Четвертое кара-корумское зеркало — также небольших размеров (диаметр — 9 см) и отличается тонкостью пластины. С оборотной стороны в центре — ушко, вокруг которого размещены шесть стилизованных цветков, выполненных рельефными линиями. Каждый цветок отграничен мелким жемчужником. Круги такого же жемчужника идут вокруг ушка и вдоль наружного края. Зеркало — явно массового производства и вполне могло быть сделано в Кара-Коруме [22].

6. МЕЛКИЕ МЕДНЫЕ И БРОНЗОВЫЕ ИЗДЕЛИЯ

В Кара-Коруме найдено много различных мелких вещей и отдельных деталей, отлитых из бронзы и кованных из меди. Среди них можно выделить предметы, относящиеся к украшениям конской сбруи, например, три наременных уздечных бляшки. Одна из них слегка выпуклая, крестовидная, с округлыми концами, посередине пе-

[19] М. Л а в р о в а. Китайские зеркала ханьского времени (из собрания Русского музея). Материалы по этнографии, т. IV, вып. 1, Л., 1927; рис. 11, стр. 13, 14.

[20] Раскоп I, уч. Г2, сл. II.

[21] Ср. зеркало эпохи Сун в книге «Древние бронзовые зеркала». Пекин, 1957, рис. 53 (на кит. яз.).

[22] Раскоп I, уч. К3, сл. I.

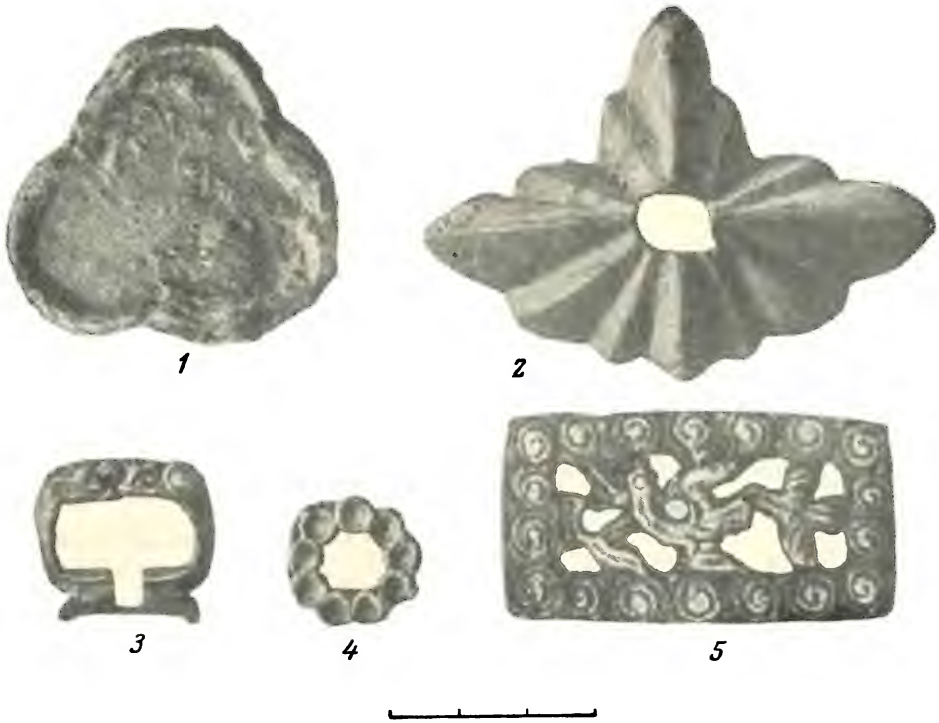


Рис. 146. Кара-Корум. Бронзовые бляхи и пряжки (*1—5*).

речеркнутыми двойной нарезкой [23]. Вторая, тоже выпуклая бляха — четырехугольной формы, с кругом в середине и четырьмя симметричными выступами в виде треугольных лепестков [24]. Середина украшена центральной полушаровидной выпуклостью, окруженной жемчужником, а лепестки — растительным орнаментом. Третья бляшка сделана в виде щитка подтреугольной формы с продольным ребром посередине [25]. Все три бляшки прикреплялись к ремням при помощи «лапок», протыкавшихся через ремень и загибавшихся.

По-видимому, украшениями сбруи были и две довольно крупных бронзовых бляхи. Одна из них — в виде подтреугольного щитка с округлыми выступами, окаймленными широким бортиком (рис. 146, *1*) [26]. Однако можно думать, что эта бляха не закончена мастером, так как к ней еще не припаяны «лапки» для крепления на ремень.

От второй бляхи в виде удлиненного щитка, с округлым верхним и острым нижним концами, сохранилась только «подкладка» с оборотной стороны, место же, где находился шип для прикрепления, выломано [27]. Третья бляха — выпуклая, многореберчатая, с отверстием посередине (рис. 146, *2*).

[23] Раскоп I, уч. В3, сл. V, VI.
[24] Раскоп I, уч. В16, сл. V, VI.
[25] Раскоп I, уч. Д6, сл. IV.
[26] № 101; размер щитка — 4×4,5 см (раскоп I, уч. Н4, сл. IV).
[27] № 675 (раскоп I, уч. М8, сл. VII). Размер — 4,2×3 см.

Для закрепления ременной сбруи могли служить различные пряжечки и обоймы [28], украшенные растительным и другим орнаментом, иногда ажурным (рис. 146, *3*, *4*). Обращает на себя внимание тонкая, художественная ажурная отделка на четырехугольном щитке одной из обойм, где три летящие вслед друг другу птички помещены в рамку из кружков с завитками, обозначающими облака (рис. 146, *5*). На другом, квадратном щитке, очевидно, поясной бляхи, украшенной резным узором, в правом нижнем углу сидит заяц, повернувший голову назад, где над ним сделана цветочная розетка. Обойма также орнаментирована растительными завитками [29].

Тонкой работы и бронзовая поясная пряжка, у которой на передней части рельефный орнамент с изображением слева зверя, похожего на льва, и справа — птицы [30].

Художественным исполнением отличается бронзовый ажурный кружок диаметром 4,8 см, с отверстием в середине, вокруг которого расположены два извивающихся дракона[31]. Кружок несколько большего размера, но с такими же драконами найден П. К. Козловым в Хара-Хото и хранится в коллекциях Эрмитажа[32].

К женским украшениям относятся три предмета. Первый — это найденный в обломках пластинчатый браслет шириной 14 мм. Он сделан ажурной филигранной техникой из тонкой серебряной, позолоченной проволоки, закрепленной на основе — тонкой медной пластинке. Вдоль края проложен витой жгутик; сверху на равном расстоянии, через 1 см, укреплены круглые гнезда из пластинки, заканчивающиеся вверху таким же жгутиком в два оборота. Гнезда заполнены белой пастой, в которую вставлено по одной маленькой жемчужинке (рис. 147, *1*) [33].

От двух реберчатых бронзовых браслетов найдены небольшие обломки [34].

Встречена также медная серьга из толстой проволоки, изогнутой в виде буквы S. Нижний конец проволоки спускается ниже украшений серьги. Наверху проволока разделена на два конца, отходящих из-под фигурной костяной бусины. На каждом конце надеты по две пастовых бусины со следами позолоты. Для того, чтобы все пять бусин были неподвижны, они закреплены тонкой двойной проволочкой, обмотанной вокруг основного стержня над верхней костяной бусиной. Удлиненный нижний конец серьги не позволяет ей повернуться вбок и служит для того, чтобы украшения из бус были видны не сбоку, а спереди (рис. 147, *2*) [35]. Другая серьга сделана из тонкой медной проволоки. Верхний ее конец изогнут в виде кольца, от которого книзу спускается стерженек, завернутый внизу петлей. На стерженьке в свое время была напускная бусина. Подобные серьги были широко распространены в кочевническом мире Центральной Азии и главным образом — в VII—X вв. (рис. 147, *3*) [36].

[28] Пряжечки — раскоп I, уч. Б6, сл. IV; уч. Д11, сл. III; уч. А1, сл. V; уч. И1, сл. IV. Обоймы — раскоп I, уч. И1, сл. VI; уч. Г1, сл. VI; уч. М5, сл. V; уч. Л11, сл. XI.

[29] № 236 (раскоп I, уч. Е3, сл. II).

[30] б/н (раскоп I, уч. Л6, сл. X).

[31] № 293 (раскоп I, уч. М8, сл. VII).

[32] Государственный Эрмитаж, № X-2671.

[33] № 220 (раскоп I, уч. М6, сл. II).

[34] Раскоп I, уч. Ж6, сл. VI; уч. Б8, сл. IV.

[35] № 292 (раскоп I, уч. М8, сл. VI).

[36] Раскоп I, уч. МН11, сл. V.

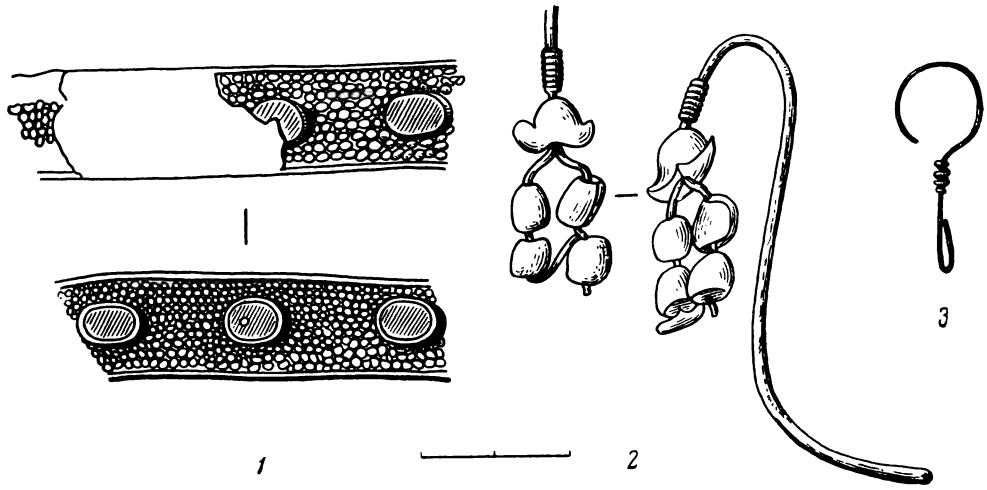


Рис. 147. Кара-Корум. Украшения.
1 — обломок золоченого браслета; *2*, *3* — медные серьги.

Обращает на себя внимание предмет из бронзы, напоминающий подсвечник [37]. Он сделан в виде высокой конической трубки (высота — до 30 см), на которую сверху напущены два дутых широких кольца. Внизу к концу трубки припаян круг, служащий опорой или подставкой. Вся поверхность трубки и напускных колец украшена чеканным узором из цветов лотоса с листьями, а фон покрыт мелкими точками, сделанными полукруглым чеканом. На нижнем круге — подставке поверхность разделена на две кольцевые зоны: первая, внутренняя заполнена растительными узорами; на внешней зоне косые насечки образуют треугольники, а между ними — мелкие кружки, сгруппированные по три. Эта часть орнамента совпадает с узорным поясом, украшающим медный сосуд, найденный у восточных ворот (рис. 143). Совпадение настолько велико, что заставляет полагать, что оба предмета сделаны одним мастером. Нижняя сторона круга — без орнамента и, очевидно, к чему-то прикреплялась. Мы думаем, что этот предмет представляет собой основу женского головного убора монголов — знаменитой бокки, не раз описанной путешественниками той эпохи. До сих пор бокки были найдены только в кочевнических погребениях южнорусских степей и в могиле Томского могильника, относящейся к XIV в.[38] Теперь, по-видимому, мы можем отметить ее находку и в самой Монголии [39].

[37] Раскоп I, уч. МН6, сл. IV.

[38] С. К. Кузнецов. Томский могильник. Томск, 1897. Сходство бокки с подсвечником отмечалось и раньше. Вспоминается забавный случай, когда во время одного обсуждения находок из Томского могильника два крупных специалиста никак не могли понять друг друга, потому что один из них упорно требовал объяснить ему причину нахождения в могиле «подсвечника».

[39] Сейчас, наряду с изображением бокки на древнекитайском портрете и ее описаниями у древних авторов, стал известен рисунок тушью на скале Их-Тенгерийн-Ам около Улан-Батора. (См. А. П. Окладников. Древнемонгольский портрет, надписи и рисунки на скале у подножия горы Богдо-Ула. Монгольский археологический сборник. М., 1962, стр. 68).

III. ПРЕДМЕТЫ, РЕЗАННЫЕ ИЗ КАМНЯ

В «доме на перекрестке» найдено вырезанное из мягкого зеленоватого камня навершие — ручка (от деревянной крышки сосуда) в виде скульптурной группы животных (рис. 148). На небольшом овальном (4×2,3 см) подножии, толщиной 2 мм, вырезаны с одной стороны два идущих друг за другом журавля с повернутыми назад головами, с другой стороны — лань. Между ними, на узких сторонах, изображены скалы; с той стороны, куда обращены головы журавлей, скалы поменьше,

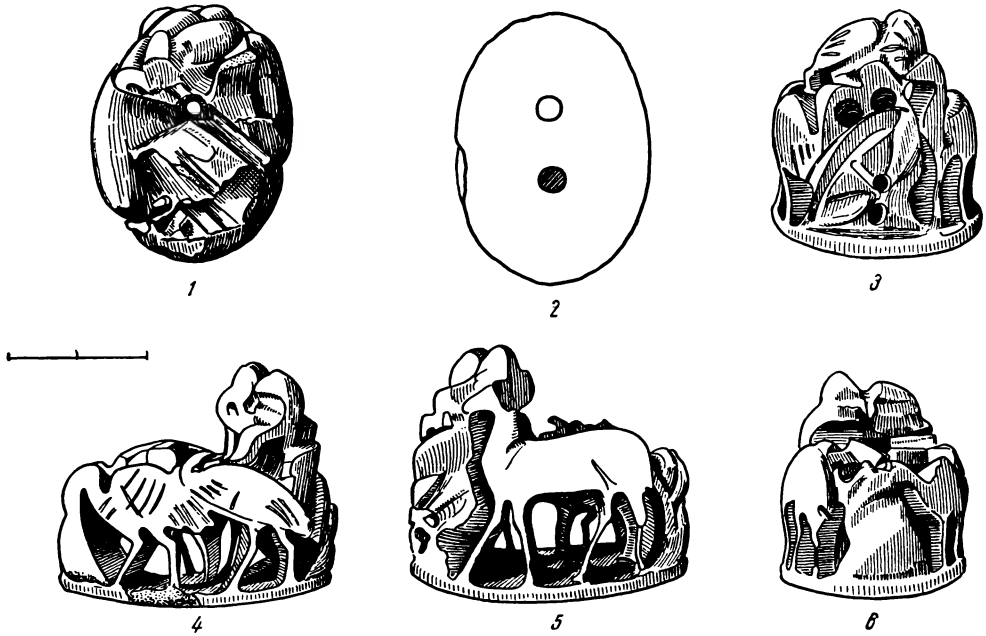


Рис. 148. Кара-Корум. Резная из камня ручка к крышке сосуда.
1 — вид сверху; *2* — основание; *3*, *6* — торцовые части; *4*, *5* — стороны с изображениями.

а у головы лани — более высокие. Для прикрепления навершия к деревянной крышке сосуда в подножии сделаны круглые дырочки (диаметром 3 мм), из которых одна выходит насквозь под ноги лани, другая проходит в «скалы», где разветвляется на четыре отверстия [40].

Подобные рукояти чрезвычайно разнообразны по сюжетам. Есть точно такие же, даже современные.

Возможно, что для той же цели служило навершие, вырезанное из целого куска янтаря (рис. 149) [41]. На круглом основании (диаметром 5 см) вокруг отверстия со втулкой с большим изяществом вырезаны четыре плода гранатов среди листьев. Для дополнительного крепления на плоскости по краю основания просверлены еще три пары дырочек и одна отдельная.

[40] Раскоп I, уч. К4, сл. VI.
[41] Раскоп I, уч. Д15, сл. III.

Из горного хрусталя вырезана небольшая фигурка животного с коротким хвостиком и острыми ушами, напоминающая зайчонка[42]. В спине просверлено насквозь вертикальное отверстие, указывающее на то, что фигурка или подвешивалась на шнурке, или была прикреплена на стержне. В современном быту монголов при кисете с табаком обычно подвешиваются на шнурке какие-нибудь фигурки, вырезанные из мягкого камня, нефрита или отлитые из бронзы. Может быть, и фигурка из горного хрусталя использовалась таким образом, но не исключена возможность ее применения в качестве ручки на деревянной крышке для сосуда. Во всяком случае, этот предмет относится к серии художественных произведений из горного хрусталя, которыми так богато искусство древности [43].

Рис. 149. Кара-Корум. Ручка к крышке сосуда, вырезанная из янтаря.

IV. ТКАНИ

Несмотря на то, что условия залегания в культурном слое Кара-Корума мало благоприятны для сохранения органических остатков, все-таки при раскопках удалось обнаружить несколько фрагментов ткани, указывающих на широкое употребление привозных шелков, иногда даже расшитых золотыми нитями.

В нижних горизонтах культурного слоя найден головной убор, напоминающий капор, сшитый из тонкого шелка с тканым узором. От пребывания в земле шелк утратил первоначальную расцветку, но можно предполагать, что он был желтовато-красноватого оттенка.

Реставратором Государственного исторического музея Е. С. Видоновой произведены расчистка и реставрация этого «капора» и всех других, описанных ниже, фрагментов тканей из раскопок в Кара-Коруме.

По составленной Е. С. Видоновой выкройке (рис. 150) видно, что «капор» сшит из двух кусков шелка с крупным узором из овалов, между которыми заключены узоры из переплетенных завитков (табл. XXX, рис. *1*). Головка «капора» кроилась, видимо, из ограниченного количества материала, так как рисунок обеих половин симметрично не подобран; куски шелка были узкими (17 см). Точно так же без подбора орнамента вставлены два клина на затылке, надставлен угол правого низа, сшитый из трех полосок, и сделана кайма вдоль наружного края, на сшивку которой было употреблено 8 кусочков материи. Один из этих кусочков вырезан из шелка с иным — чешуйчатым — рисунком (рис. 151, *3*). «Капор» при ношении на голове сзади стягивался лентой с бантом, сделанной из более тонкого шелка (без узора), сложенного

[42] Раскоп I, уч. А12, сл. III.

[43] В Государственном Эрмитаже, Оружейной палате и Музее восточных культур хранятся обширные коллекции скульптур из горного хрусталя, относящиеся к эпохе Тан и последующим.

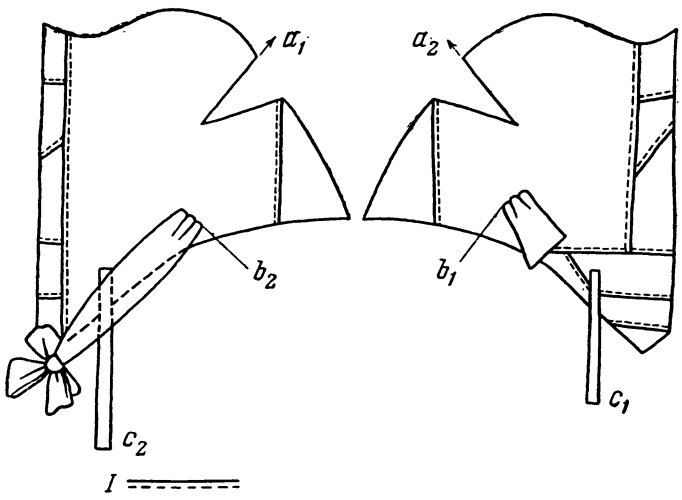


Рис. 150. Кара-Корум. Покрой головного убора.
a_1, a_2 — выточки; b_1, b_2 — ленты; c_1, c_2 — завязки; I — места сшивок.

вдвое. На передних нижних углах пришиты более узкие ленты из той же материи, которые завязывались под подбородком.

На куске шелковой ткани размером 17×3,7 см, на фоне, состоящем из зигзагообразных линий, сохранилась часть узора в виде широкой «полосы», завязанной узлом и расходящейся выше в фигурный круг или овал. В нем выткана фигура какого-то лежащего парнокопытного животного, от которого сохранилась задняя часть с двумя поджатыми ногами. Цвет шелка бледно-зеленоватый, со слегка желтоватым оттенком (табл. XXX, рис. *2*).

Еще на одном куске узорчатой шелковой ткани хорошо различим узор плетенки с ромбообразными узлами (рис. 152, *2*). Эта ткань была пришита на подкладку из гладкого шелка типа тафты.

Обнаружен маленький «мозаичный коврик» (размером 32×21,5 см), сшитый из мелких кусков шелковых тканей[44]. Из одинаковых по размеру треугольных и четырёхугольных кусочков был создан геометрический узор. По горизонтальному ряду из этих кусочков сшиты вместе пять четырёхугольников, по вертикальному — три (всего — 15). Каждый квадрат состоял из восьми треугольников, образующих три, вписанных друг в друга, уменьшающихся квадрата. Все мелкие треугольники вырезаны из узорчатой ткани, а центральные четырёхугольники — из ткани типа парчи, т. е. в узор ее вплетены золотые нити.

На некоторых кусочках удается определить тканый узор: мелкие ромбы и вписанные в крупные ромбы узоры в виде буквы Т, напоминающие орнаментацию ханьских зеркал, известных под названием TLV. Есть куски каких-то тканей с крупным композиционным рисунком (рис. 151, *1*, *2*).

Вдоль края коврик был обшит каймой (от которой сохранилась небольшая часть) с узором из крупной «чешуи» (рис. 151, *3*). Сшитый с большим искусством, коврик в свое время был очень красив, так как кусочки материи были подобраны еще и по цвету: более темные треугольники, например, вшиты в противоположные углы квадратов. Можно отметить, что коврик употреблялся сложенным вдвое; это заметно по протертости материи на сгибе.

На одном из участков раскопа I найден кусочек шелка типа тафты золотистого

[44] Раскоп I, уч. М5, сл. III.

оттенка, с нашитым сверху пышным «бантом» из такой же материи, но зеленого цвета[45].

Встречен обгоревший кусок ткани[46] из довольно толстых крученых нитей (рис. 152, *3*). В другом месте найдены три обрывка обгоревших тканей[47]. Первый из них выткан из пряжи, волокна которой — растительного происхождения. Основа состоит из двух некрученых нитей, уток тоже двойной, из таких же нитей. Их переплетение простое, полотняное. Второй обрывок выткан из пряжи растительного волокна полотняным переплетением, но основа и уток состоят из одной некрученой нити. Третий фрагмент от ткани, вытканной из растительного волокна, — полотняного переплетения, причем основа состоит из одной некрученой нити, а уток — из двух.

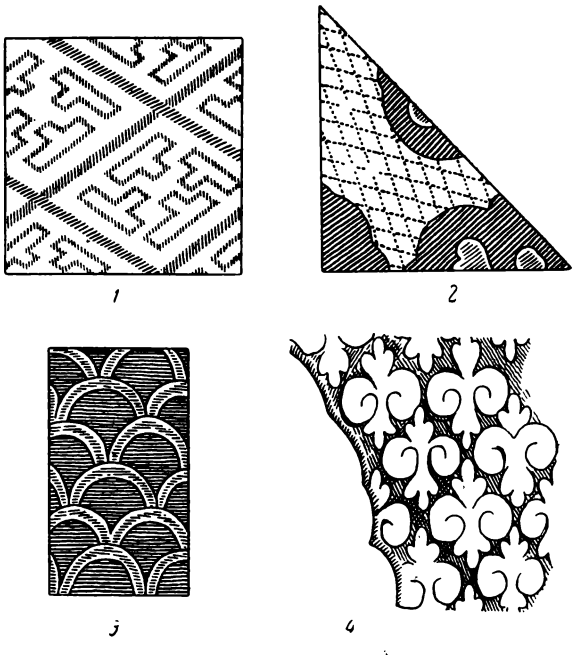


Рис. 151. Кара-Корум.
Кусочки тканей, из которых был сшит мозаичный коврик (*1—3*) и кусок шелковой ткани с золотой нитью (*4*).

Помимо тканей, при раскопках найдено несколько образцов отделок в виде узорной тесьмы из плетенки, крученной мелкой спиралью из растительных волокон[48], и фрагменты каких-то плетений из растительных волокон[49].

Находки тканей из растительных волокон и из шерстяных нитей, в сочетании с находками глиняных пряслиц, могут свидетельствовать о том, что в Кара-Коруме было местное ткацкое ремесло, обслуживавшее рядовое население города. Глиняные пряслица сделаны обычно из желтой либо серой обожженной глины или вырезаны из обломков толстостенных сосудов (рис. 153, *1*). Пряслиц найдено свыше 15 экземпляров в разных горизонтах. Это обычные глиняные кружки с отверстием в середине. Диаметр пряслиц, сделанных из глины, колеблется от 3 до 5 см, а выделанных из обломков сосудов — 6—6,5 см. Толщина первых обычно составляет 1,1—2,1 см, вторых — около 0,9—1 см.

Так же как производством шерстяных и растительных тканей, остатки которых были найдены при раскопках[50], жители Кара-Корума занимались изготовлением

[45] Раскоп I, уч. В3, сл. V, VI.
[46] Раскоп I, уч. Д7.
[47] Раскоп I, уч. Л3, сл. VIII.
[48] № 296. Раскоп I, уч. Л8, сл. VII.
[49] № 298. Раскоп I, уч. Л2, сл. IX.
[50] Раскоп I, уч. Д7, сл. IV.

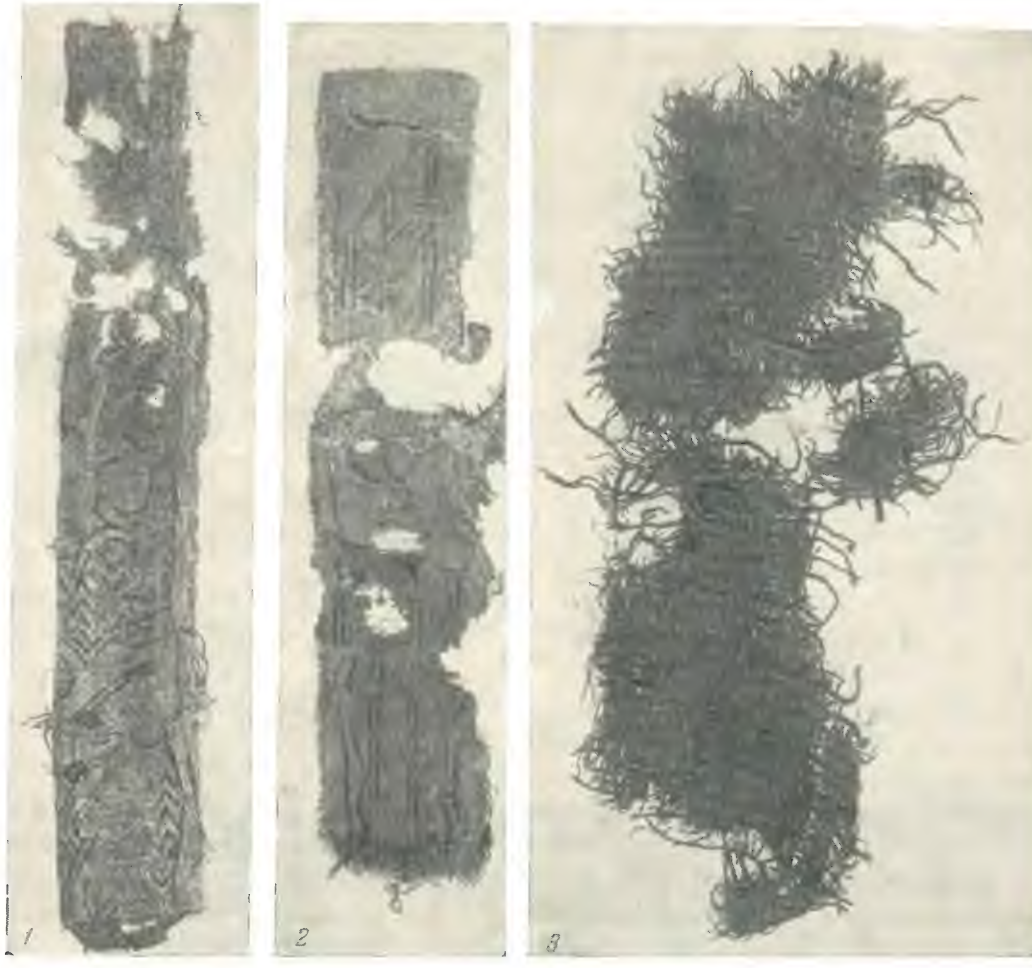


Рис. 152. Кара-Корум. Ткани.

1 — шелковая ткань с рисунком — животные в узорах; *2* — шелковая ткань с рисунком — геометрическая плетенка; *3* — бумажная ткань из толстых грубых нитей.

Рис. 153. Кара-Корум. Глиняные изделия.

1 — пряслице; *2* — кружок для игры; *3* — зверек-игрушка.

1

2

Кара-Корум. Ткани
Рисунки Е. С. Видоновой

1 — узор на шелковой ткани головного убора, цвет ткани красновато-коричневый; *2* — реконструкция рисунка шелковой ткани.

войлока, обнаруженного в разных местах раскопа I (слои III—VI). Несомненно, что, кроме употребления для разных бытовых надобностей (потники для седел и пр.), войлок в большом количестве выделывался и для покрытия юрт, в которых на территории Кара-Корума жила основная часть монгольского населения.

Обработка кожи для обуви и других нужд подтверждается находками отдельных кусков кожи и ремней, а также остатками небольших ножен[51].

Отметим находку обрывка толстого аркана, сплетенного из конского волоса[52].

V. ИЗДЕЛИЯ ИЗ ДЕРЕВА

К сожалению, деревянные предметы в культурном слое Кара-Корума сохранялись плохо, поэтому они найдены в незначительном количестве. Среди них можно отметить два куска деревянного гребня[53] (с зубьями длиной около 4 см), часть вырезанной из дерева чаши (диаметром около 17 см) на кольцевом поддоне, по форме совершенно одинаковой с чашами типа цычжоу или цзюнь-яо, и обломок (половина) какой-то плоской чашечки, напоминающей чашку от весов с коромыслом[54].

В шестом горизонте, среди остатков деревянного сруба, относящегося ко второму строительному ярусу[55], сохранились куски лаковой чашечки, расписанной на внутренней поверхности черным узором по красному фону. Узор состоит из фигур неопределенных очертаний. Оборотная сторона чашечки покрыта черным лаком. На дне была какая-то надпись, сохранившаяся лишь фрагментарно. Здесь же найден еще один кусок чашечки, где по красному лаку был нанесен узор черным лаком, по которому процарапан верхний слой до подстилающего фона и создан узор из мелких ромбов.

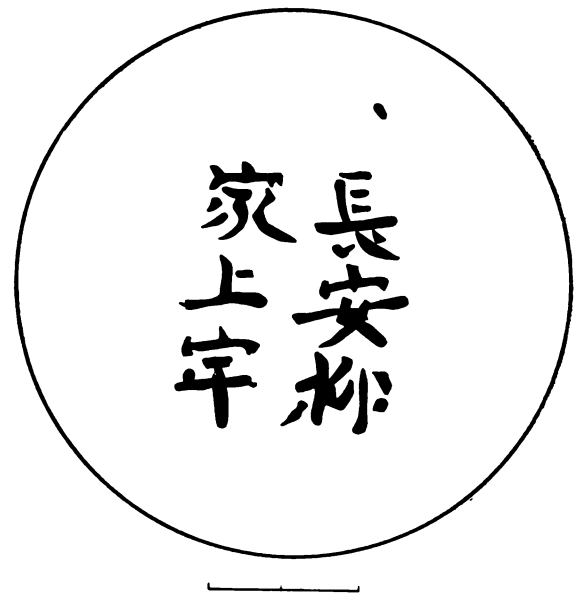


Рис. 154. Кара-Корум. Надпись на донце лаковой чашечки.

[51] Раскоп I, уч. К1, сл. III.
[52] Раскоп I, уч. Ж6, сл. VI.
[53] Раскоп I, уч. Г7, сл. III.
[54] Раскоп I, уч. Г2, сл. VI.
[55] Раскоп I, уч. К3. (лак на деревянной основе).

Кроме того, на разных участках в том же слое[56] найдены кусочки красного и черного лака от тонких деревянных чашечек. Сохранились фрагменты нескольких чашечек красного лака. Они с овальными и круглыми донышками; на одном из них (круглом, диаметром 8,5 см) прекрасно сохранилась двухстрочная надпись, нанесенная на темно-красный фон чашечки ярко-красным лаком (рис. 154)[57].

VI. ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ИГР

В коллекциях из раскопок Кара-Корума хорошо представлен большой и разнообразный ассортимент принадлежностей от настольных и других игр.

Прежде всего отметим находку двух костей от игры домино. Одна из них, большего размера (1,9×3,8×0,5 см), вырезана из кости со слегка горбатой спинкой. На лицевой стороне, которая разделена поперечной врезанной чертой на две части, в каждом секторе круглой выемкой сделано одно очко (рис. 155, *3*)[58]. Другая кость, меньшего размера (1,2×3,2×0,4 см) сделана совершенно так же, как и предыдущая, но в одном секторе просверлено 6 углублений, а в другом — четыре (рис. 155, *2*)[59].

Еще одна игральная кость, по определению монголов относящаяся к игре «чоо», представляет собой кубик с шестью одинаковыми гранями (7×7 мм), на которых коническим сверлом сделаны углубления со счетными очками от одного до шести.

От игры типа шашек в разных местах раскопов найдено свыше двадцати небольших (около 2 см в диаметре) плоских кружков, отлитых из голубоватого или зеленоватого стекла (рис. 158, *2*).

По определению монголов, к игре «боджий» относится игральная кость в виде выпуклого с двух сторон кружка с острым краем; на одной из сторон кружка нарезкой сделан крест (рис. 155, *1*)[60].

Для игры «бугу» (монгольская древняя игра) служила глиняная «доска» (толщиной около 4 см), расчерченная на квадраты и ромбы (рис. 155, *6*). Смысл игры «бугу» заключается в охоте на оленя, бегущего из Хангая в Гоби. Часть этой доски была найдена у городских ворот (участок Д5, слой III).

Две игральных кости (астрагалы; один из них — барана, другой — коровы) снабжены специальными значками, вырезанными на кости. На первой из них (рис. 155, *4*, *5*) — два знака, на второй очерчен большой четырёхугольник, заштрихованный косыми поперечными линиями[61]. Третья игральная кость (астрагал барана), очевидно, служила «биткой», так как для увеличения веса она была обернута вдоль толстым железным стержнем (рис. 156)[62]. Кроме того,

[56] Раскоп I, уч. Г1, И10, К5, сл. VI (везде).

[57] № 538 (раскоп I, уч. МН3, сл. VI).

[58] Раскоп II, уч. А9, сл. I.

[59] Раскоп I, уч. Д6, сл. V.

[60] Раскоп II, уч. Г5, сл. VI.

[61] Первая игральная кость найдена в раскопе I, уч. Д7, сл. VI, вторая — в раскопе I, уч. Ж7, сл. V.

[62] № 639 [раскоп IV (дворец Угэдэя), уч. 5, сл. IV].

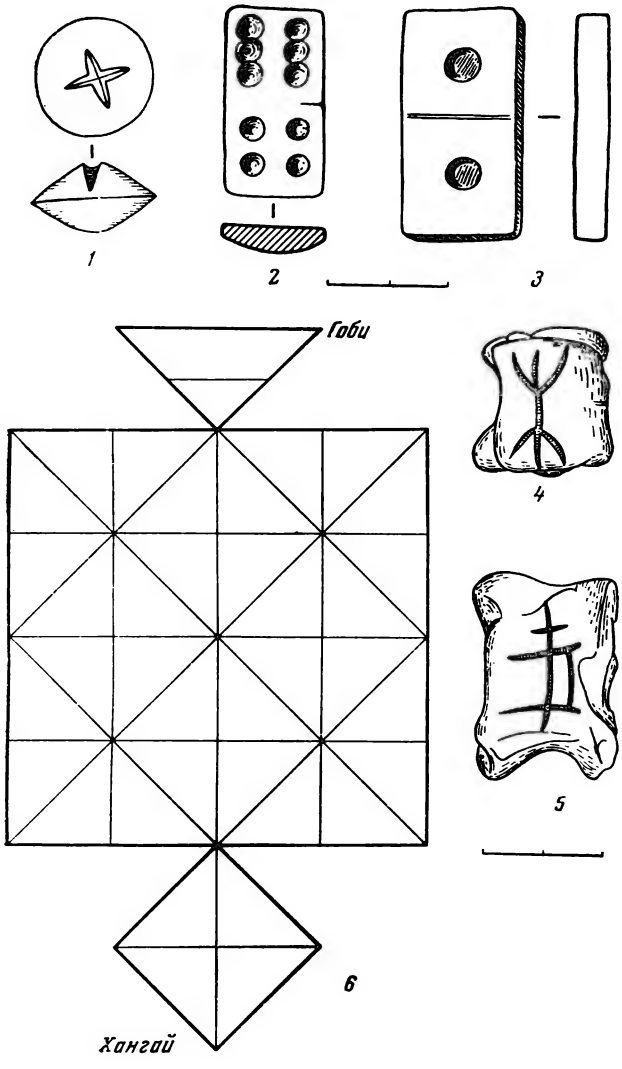


Рис. 155. Кара-Корум. Предметы для игры.

1 — кость для игры «боджий»; *2*, *3* — кости для игры в домино; *4*, *5* — игровые астрагалы (барана); *6* — полный чертеж для древней монгольской игры «бугу» — охота на оленя, бегущего из Хангая в Гоби (реконструкция Х. Пэрлээ). В Кара-Коруме найдена часть такой доски.

Рис. 156. Кара-Корум. Игровой астрагал-битка с железной оковкой.

Рис. 157. Кара-Корум. Горлышко стеклянного сосуда

найдено много астрагалов без орнамента, некоторые с отверстиями для подвешивания на низку.

Несколько кружков, сделанных из боковых стенок простых сосудов, служили детскими игрушками (рис. 153, *2*). В настоящее время такие кружки можно увидеть у детей, например, в Хакасии, а также у монголов. Игрушкой, вероятно, была и глиняная фигурка какого-то животного, покрытая поливой (рис. 153, *3*).

* * *

Надо думать, что стеклянные предметы были привозными, в том числе и оконное стекло, обломки которого встречались при раскопках [63]. Обломок стержня (диаметром 0,3 см) с цветочной розеткой из голубого стекла на конце мог принадлежать головной булавке [64]. От большого сосуда (типа бутылки) из голубоватого стекла найдены несколько осколков и горло с накладным рельефным украшением (рис. 157).

На довольно большой глубине, в раскопе I (участок Д1, слой VI) сохранился большой, весом в несколько килограммов, запас слюды, служившей, очевидно, для вставки в окна жилых домов. Помимо этого пункта, слюда найдена и в других местах раскопов [65].

К безусловно привозным товарам следует отнести обнаруженные в раскопах I и II обломки скорлупы грецких орехов [66] и раковины каури [67].

* * *

Из отдельных находок, характеризующих различные стороны быта городского населения Кара-Корума, следует упомянуть скорлупу куриных яиц, кости какой-то рыбы и бляшку осетра с просверленными дырочками, которая употреблялась как привеска.

В настоящее время в верховьях р. Орхон осетры не водятся, но они есть в нижнем течении, и в р. Толе, где достигают значительных размеров.

Л. А. ЕВТЮХОВА

[63] Раскоп I, уч. К3, сл. VI; **уч. Ж3, сл. IV.**

[64] Раскоп II, уч. Д8, сл. I.

[65] Раскоп I, уч. В3, сл. V, VI; **уч. Д5, сл. VI**; уч. Д13, сл. IV; **уч. Ж6**, сл. VI; уч. К3, сл. VI; раскоп II, уч. Д5, сл. V.

[66] Раскоп I, уч. К3, сл. VI (3 **экземпляра**); **уч. Ж1**, сл. V; **уч. Д2**, сл. VI; раскоп II, уч. Д1, сл. V; **уч. Д2**, сл. IV

[67] Раскоп I, уч. А4, сл. V; уч. **Б5, сл. II**; **уч. Б5**, сл. IV; **уч. В1**, сл. V, VI.

БУСЫ ИЗ КАРА-КОРУМА

Из общего количества бус, найденных на городище Кара-Корума, основную массу (89,4%) составляют стеклянные, преимущественно голубые и белые; есть также бусы из камня, дерева, кости, янтаря и сердолика (рис. 158, *1*).

Рис. 158. Кара-Корум. Стеклянные и каменные бусы (*1*), стеклянные фишки (*2*), обломок стеклянного острия (*3*) и фрагмент фарфоровой ручки с кобальтовым узором (*4*).

Стратиграфически находки бус относятся к разным слоям. Встречались они большей частью поодиночке, лишь на участке Д8 раскопа II в слоях III—IV найдено пять бус. На некоторых участках (МН1, слой II; Н9, слои IV и X; Л12, слой VIII; В12, слой III; Н12, слой XI — в раскопе I; Б10, слой IV; А5 и Д1, слой V — в раскопе II) найдено по две-три бусины. Иногда бусы встречались на смежных участках одного слоя (участки В7 и Б7, слой III; М1 и Н1, слой V; Н9, Н10 и Н11, слой X — в раскопе I) или в смежных слоях одного или двух соседних участков (слои V и VI участка

М1, слои V и VI участка МН4, слой IX участка МН5, слой X участка МН4; слои XI и X участков Н11 и Н12 — в раскопе I).

По форме кара-корумские бусы не слишком разнообразны. В основном они представлены шаровидным и эллипсовидно-бочонкообразным типами; встречаются также цилиндрические, кольцевые и призматические. Более одной трети голубых стеклянных бус составляют ребристые в пять, восемь и даже тринадцать долек.

I. СТЕКЛЯННЫЕ БУСЫ

Бусы из стекла — большей частью голубые и белые. Других расцветов немного; полихромная бусина встретилась лишь одна.

Белые бусы. Сделаны из полупрозрачного стекла, почти бесцветного, иногда с легкой голубизной или желтизной. Они сильно патинизированы, и поэтому утрачена прозрачность.

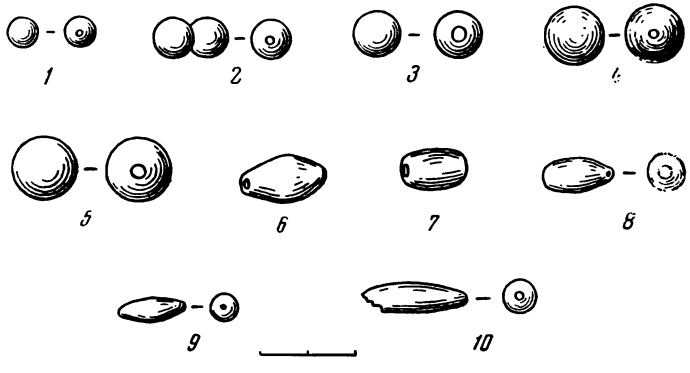


Рис. 159. Кара-Корум. Бусы из белого стекла (*1—10*).

Все бусы г л а д к и е. Встречены два типа — шарообразные и эллипсовидные.

Ш а р о о б р а з н ы й т и п представлен 14 экземплярами:

1. Малая бусинка в форме правильного шара диаметром 0,6 см. Внешне похожа на фарфоровую с легким блеском. Найдена в слое V (раскоп I, участок М1). Коллекционный № 191 (рис. 159, *1*).

2. Бусина двойная, состоящая из двух слитых вместе матово-белых шариков диаметром 0,6 и 0,7 см, с одним общим каналом для продевания нити. На поверхности — коричневые пятна. Обнаружена в слое VI (раскоп I, участок МН3). Коллекционный № 156 (рис. 159, *2*).

3. Шарообразная голубовато-белая бусина, почти сплошь подернутая желтоватой патиной. Диаметр — 0,7 см. Найдена в слое VIII (раскоп I, участок Н2). Коллекционный № 195.

4. Такого же типа голубовато-белая бусина с розовато-желтой патиной. Диаметр — 0,7 см. Встречена в слое V (раскоп I, участок МН4).

5. Такая же бусина молочно-белого цвета с желтоватой патиной. Диаметр — 0,8 см. Найдена в слое IX (раскоп I, участок М2). Коллекционный № 164.

6. Такая же бусина с легкой желтоватой патиной. Диаметр — 0,8 см. Обнаружена в слое VIII (раскоп I, участок М4). Коллекционный № 197.

7. Белая матовая бусина диаметром 0,9 см. Внешне похожа на фарфоровую.

8. Тоже матовая бусина с розоватыми пятнышками патины. Диаметр — 0,9 см. Найдена в слое II (раскоп I, участок МН1). Коллекционный № 168 (рис. 159, *3*).

9. Разбитая шаровидная бусина с желтоватой патиной. Диаметр — 1 см. Встречена в слое II (раскоп I, участок Д7). Хранится в Музее МНР.

10. Бусина молочно-белого цвета с пятнышками желтоватой патины. Диаметр — 1 см. Найдена в слое VIII (раскоп I, участок Л12). Коллекционный № 165.

11. Такая же молочно-белая бусина с желтоватыми прожилками, внешне похожая на нефритовую. Диаметр — 1,1 см. Встречена в слое VIII (раскоп I, участок Н10). Коллекционный № 161 (рис. 159, *4*).

12. Бусина белая матовая с желтоватым налетом. Диаметр — 1,1 см. Найдена в слое V (раскоп II, участок А5). Хранится в Музее МНР.

13. Крупная бусина молочного цвета, диаметром 1,4 см. Обнаружена в слоях III, IV (раскоп II, участок Д8). Хранится в Музее МНР.

14. Самая крупная из бусин этого типа, блестящая, молочно-белого цвета, местами выщербленная. Диаметр — 1,5 см. Найдена в слое X (раскоп I, участок МН4). Коллекционный № 206 (рис. 159, *5*).

Шаровидные белые стеклянные бусы были очень широко распространены. Они встречаются на домонгольских и более поздних городищах Средней Азии (Старый Мерв, Имам-баба и др.) [1], в золотоордынских памятниках Поволжья (Сарай-Бату, Сарай-Берке и др.), в Болгарах [2]. Небольшие белые бусы известны также из раскопок финского могильника Муранка в Поволжье [3].

Эллипсовидный тип представлен 7 экземплярами:

1. Бусина вытянуто-шаровидной формы, суженная к одному концу, белая, матовая. Длина — 0,8 см, поперечный диаметр — 0,6 см. Найдена в слое III (раскоп I, участок В7). Хранится в Музее МНР.

2. Бусина молочно-белого цвета. Длина — 1 см, поперечный диаметр — 0,8 см. Встречена в слое IV (раскоп II, участок Б10). Хранится в Музее МНР (рис. 159, *6*).

3. Эллипсовидно-бочонкообразная бусина молочно-белого цвета. Длина — 1,4 см, поперечный диаметр в средней части — 0,9 см. Обнаружена в слое IV (раскоп II, участок Б10). Хранится в Музее МНР.

4. Такая же Молочно-белая бусина. Длина — 1,1 см, поперечный диаметр — 0,8 см. Найдена в слое IV (раскоп II, участок Б10). Хранится в Музее МНР (рис. 159, *7*).

5. Бусина неправильно-эллипсовидной формы, голубовато-белая, блестящая, с белыми искорками. Длина — 1,2 см, поперечный диаметр — 0,8 см. Найдена в слое IV (раскоп I, участок М7). Коллекционный № 201 (рис. 159, *8*).

Близкие к этому типу бусы можно указать в материалах из Старого Мерва [4] и Муранского могильника XIV в. в Поволжье [5].

Вытянуто-эллипсовидных бус, близких по форме к пронизкам, встречено две:

6. Матово-белая бусина с легким сероватым оттенком. Длина — 1,4 см, поперечный диаметр — 0,4 см. Найдена в слое VIII (раскоп I, участок Л12). Коллекционный № 166 (рис. 159, *9*).

[1] ГИМ, инв. № 23877/щ.
[2] ГИМ, инв. № 78607.
[3] ГИМ, инв. № 35178.
[4] ГИМ, инв. № 23877/щ.
[5] ГИМ, инв. № 35178.

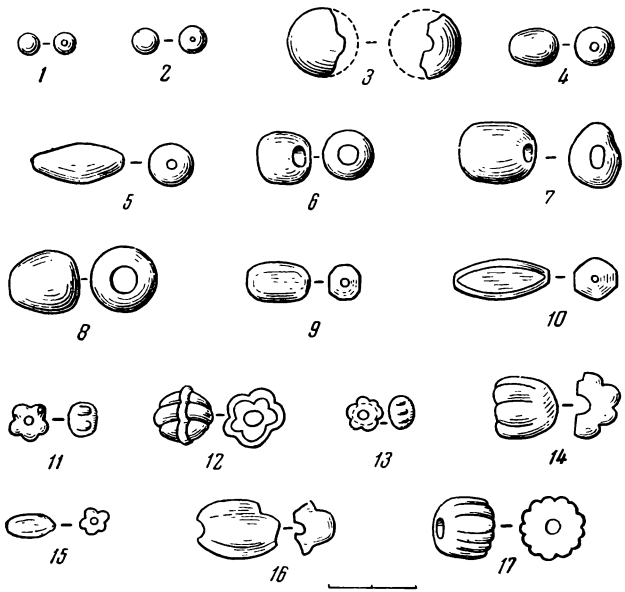


Рис. 160. Кара-Корум. Бусы из голубого стекла (*1—17*).

7. Бусина голубовато-молочного цвета, с пятнышками желтоватой патины, внешне похожая на нефритовую. Длина — 2,1 см, поперечный диаметр — 0,6 см. Коллекционный № 149 (рис. 159, *10*).

Такой же формы бусы из полупрозрачного белого стекла встречаются в Болгарах [6], а бусы других цветов — в Муранском могильнике [7].

Голубые бусы. Почти все — из глухого, непрозрачного стекла. Среди них есть гладкие, граненые и ребристые.

Гладких бус шаровидного типа встречено 3 экземпляра:

1. Разбитая бусина из ярко-голубой стекловидной массы. Диаметр — 0,5 см. Найдена в слое VI (раскоп I, участок К1). Коллекционный № 152—153 (рис. 160, *1*).

2. Бусина в форме правильного шара, бледно-голубого цвета, непрозрачная, с легким блеском и двумя пятнышками желтовато-белой патины. Диаметр — 0,7 см. Обнаружена в слое VIII (раскоп I, участок М9). Коллекционный № 163 (рис. 160, *2*).

3. Обломок крупной бусины из ярко-голубого мрамористого непрозрачного стекла. Диаметр — 1,5 см. Найден в слое VI (раскоп I, участок Н2). Коллекционный № 151 (рис. 160, *3*).

Эллипсовидный тип гладких бус представлен 5 экземплярами:

1. Бусина вытянуто-шаровидной формы, бледно-голубая, внешне напоминает фарфор. Длина — 0,8 см, поперечный диаметр — 0,6 см. Найдена в слое X (раскоп I, участок Н9). Коллекционный № 159.

2. Такой же формы бусина из полупрозрачного стекла, голубая, с зеленоватым оттенком; часть бока выломлена. Длина — 0,8 см, поперечный диаметр — 0,7 см. Встречена тоже в слое X (раскоп I, участок Н11). Коллекционный № 158.

3. Такая же бусина ярко-голубого цвета, с белой патиной. Длина — 1,1 см, поперечный диаметр — 0,9 см. Найдена в слое VI (раскоп I, участок М4). Коллекционный № 154 (рис. 160, *4*).

4. Разбитая бусина вытянуто-бочонкообразной формы (часть края отбита), светло-голубая, бирюзового оттенка, с белыми прожилками патины на поверхности. По

[6] ГИМ, инв. № 28406—28412.

[7] А. Е. Алихова. Муранский могильник и селище. МИА, № 42, 1954, рис. 17—21 и 24.

структуре близка к стекловидной массе поливы керамики типа цзюнь-яо. Длина — 1,3 см, поперечный диаметр — 0,6 см. Обнаружена в слое V (раскоп I, участок Н1). Коллекционный № 190.

5. Эллипсовидная полупрозрачная бледно-голубая бусина с сероватым оттенком и желтоватой патиной. Длина — 2 см, поперечный диаметр — 1 см. Найдена в слое III (раскоп I, участок М1). Коллекционный № 203.

Цилиндрические гладкие бусы имеют вид короткого цилиндрика с закругленными ребрами торцовых сторон. При небрежности выделки очень часто они оказываются помятыми или более утолщенными в одном конце, что дает искаженно-цилиндрическую форму. Их встречено 6 экземпляров:

1. Бусина светло-голубая, бирюзового оттенка, с легкой патиной. Длина — 0,9 см, поперечный диаметр — 1,1 см. Найдена в слое XI (раскоп I, участок Н12). Коллекционный № 148 (рис. 160, *6*).

2. Обломок ярко-голубой бусины. Длина — 1,4 см, поперечный диаметр — 0,9 см. Обнаружен в развалинах дворца (раскоп VII, участок 8, слой III). Коллекционный № 228.

3. Бусина искаженно-цилиндрической формы (помятый бок), бледно-голубая, матовая с желтовато-белой патиной. По структуре аналогична поливе керамики типа цзюнь-яо. Длина — 1,4 см, поперечный диаметр — 1,3 см. Найдена в слое X (раскоп I, участок МН10). Коллекционный № 171 (рис. 160, *7*).

4. Бусина искаженно-цилиндрической формы (близка к усеченному конусу), темно-голубая, с зеленоватым оттенком. Длина — 1,5 см, поперечный диаметр (в широком конце) — 1,5 см. Встречена в слое XI (раскоп I, участок Н6). Коллекционный № 157 (рис. 160, *8*).

5. Сплюснуто-цилиндрическая (дающая в поперечном сечении овал) ярко-голубая бусина из такой же стекловидной массы. Длина—1,3 см, поперечный диаметр — 0,9 см. Найдена в слое VIII (раскоп I, участок Л12). Коллекционный № 167 (рис. 160, *9*).

6. Фигурно-цилиндрическая бусина с углубленной бороздкой и валиком у одного торцового конца (брак производства при разрезании заготовки?). Ярко-голубая; длина — 1,4 см, поперечный диаметр — 0,9 см. Найдена в слое III (раскоп I, участок А9). Хранится в Музее МНР.

Бусы этих типов также были широко распространены в XI—XIV вв. В бассейне Камы — Верхней Волги встречаются близкие кара-корумским голубые шарообразные бусы, но из полупрозрачной массы. В хорезмских [8] домонгольских памятниках (Замахшар и др.), в Болгарах [9] и золотоордынских памятниках Поволжья (Сарай-Бату, Сарай-Берке, Увек и др.) голубые бусы [10] аналогичны кара-корумским и по составу стекловидной массы.

Призматическая шестигранная бусина из темно-голубой стекловидной массы встречена лишь одна. Длина ее — 2 см, поперечный диаметр—

[8] ГИМ, инв. № III/798.
[9] ГИМ, инв. № 82292.
[10] ГИМ, инв. № 34162. 34570.

0,9 см. Найдена в слое IV (раскоп I, участок Н9). Коллекционный № 194 (рис. 160, *10*).

Аналогии этому типу среди стеклянных бус не удалось обнаружить [11], но такой же формы каменная бусина встречена в кочевническом кургане на Киевщине [12].

Ребристые или рифленые бусы составляют около одной трети всех бус из голубого стекла. По форме они повторяют типы гладких, при разном количестве выпуклых долек.

Шаровидный тип представлен 6 экземплярами:

1. Пятидольная бусина ярко-голубого цвета из стекловидной массы. Диаметр — 0,8 см. Найдена в слое II (раскоп II, участок МН1). Коллекционный № 169 (рис. 160, *11*).

2. Обломок тоже пятидольной голубой бусины, с белой патиной. Диаметр — 1,2 см. Обнаружена в слое III (раскоп I, участок Д7). Хранится в Музее МНР.

3. Фрагмент такой же бусины темно-голубого цвета. Диаметр — 1,8 см. Найден в слое III (раскоп I, участок В12). Хранится в Музее МНР.

4. Пятидольная бусина с поперечным пояском-валиком, ярко-голубая, из стекловидной массы. Длина — 1 см, диаметр с пояском — 1,4 см. Найдена в слое VI—VII (раскоп I, участок Л4). Коллекционный № 205 (рис. 160, *12*).

5. Семидольная голубая бусина (одна долька вдвое шире остальных; возможно, это брак восьмидольной бусины). Диаметр — 0,6 см. Встречена в слое I (раскоп I, участок Л4). Коллекционный № 200 (рис. 160, *13*).

6. Обломок восьмидольной бусины неправильно шаровидной формы, ярко-голубой, с белой патиной на поверхности. Длина — 1,2 см, диаметр — 1,5 см. Найдена в слое I (раскоп I, участок Л1). Коллекционный № 204 (рис. 160, *14*).

Эллипсовидный тип представлен 2 экземплярами пятидольных бус:

1. Темно-голубая бусина с бирюзовым оттенком и слабым блеском. Длина — 1 см, поперечный диаметр — 0,6 см. Обнаружена в слое XI (раскоп I, участок Н12). Коллекционный № 170 (рис. 160, *15*).

2. Обломок бусины очень небрежной выделки, из ярко-голубой стекловидной массы. Длина — 1,8 см, поперечный диаметр — 1,6 см. Найдена в слое X (раскоп I, участок Н9). Коллекционный № 208 (рис. 160, *16*).

Цилиндрический тип ребристых бус представлен тринадцатидольной бусиной темно-голубого оттенка — «электри́к». Длина и поперечный диаметр — 1,2 см. Встречена на одном из участков раскопа I. Коллекционный № 162 (рис. 160, *17*).

Голубые ребристые бусы известны еще в домонгольских памятниках, особенно же широко были распространены в монгольское время. Небольшая пятидольная бусина, аналогичная кара-корумским, найдена на городище Екимауцы в Молдавии, в слое

[11] Близкие по форме, но гораздо лучшей выработки призматические бусы из цветного прозрачного стекла изредка встречаются в русских памятниках X в. и одновременных им скандинавских (М. В. Фехнер. К вопросу о связях древнерусской деревни. Труды ГИМ, вып. 33, М., 1959, рис. 5, *16*); H. Arbman. Birka. Die Gräber. Uppsala, 1940, табл. 23, рис. 17.

[12] Государственный Эрмитаж, колл. № 921.

XI в. Тождественные и близкие к кара-корумским ребристые бусы известны в материале среднеазиатских городищ [13] домонгольского и монгольского времени, в Болгарах [14], в золотоордынских памятниках Поволжья [15] (Сарай-Бату, Сарай-Берке, Увек). При этом в Болгарах и Сарае-Берке встречаются не только голубые, но также черные и белые ребристые бусы этих же типов. Кроме того, голубые и белые ребристые бусы найдены на Тамани [16].

Бусы, близкие по форме, но при ином составе стекла, встречаются в славянских курганах X—XII вв.[17] и в слоях XI—XIV вв. древнего Новгорода [18].

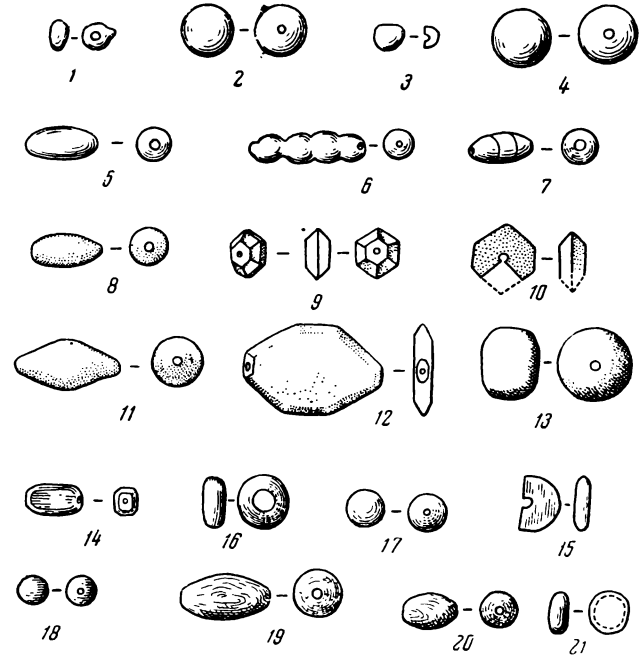


Рис. 161. Кара-Корум. Различные бусы.

1—7 — из цветного стекла; *8—12* — из камня; *13* — из гипса; *14, 15, 21* — из янтаря; *16, 17* — из кости; *18—20* — из дерева.

Полной аналогии пятидольной бусины с выпуклым поясом не удалось установить, но в материалах из раскопок Терещенко в Сарае-Берке есть сероватая гладкая бусина с белым рельефным зигзаговым пояском [19].

Бусы из ярко-синего стекла. Встречена только одна гладкая бусина кольцевого типа; она с блестящей поверхностью и выпуклостью (брак производства) на боку. Поперечный диаметр — 0,5 см. Найдена в слое IX (раскоп I, участок МН5). Коллекционный № 160 (рис. 161, *1*). Подобные бусы найдены в Болгарах и на Увеке [20].

Бусы из серовато-зеленого стекла. Тоже найдена лишь одна бусина — гладкая, шаровидная, матовая. Диаметр — 1,1 см. Обнаружена в слое V (раскоп II, участок Е4). Хранится в Музее МНР (рис. 161, *2*).

Бусы из красного стекла. Представлены одним обломком гладкой розовато-красной (карминного оттенка) бусины цилиндрического типа, внешне похожей на коралловую. Длина — 0,7 см, поперечный диаметр — 0,6 см. Найдена в слое IV (раскоп I, участок МН9). Коллекционный № 193 (рис. 161, *3*).

[13] ГИМ, инв. № 23877щ.
[14] ГИМ, инв. № 54456, 28406—28412, 82292.
[15] ГИМ, инв. № 34560, 34162 и в Государственном Эрмитаже.
[16] ГИМ, инв. № 49472.
[17] М. В. Фехнер. Ук. соч., рис. 5, *10* и рис. 6, 7.
[18] Ю. Л. Щапова. Стеклянные бусы древнего Новгорода. МИА, № 55, 1956, табл. II, *7—10*.
[19] Государственный Эрмитаж, Сарай.
[20] ГИМ, инв. № 34162.

Бусы из желтого полупрозрачного стекла. Найдены 3 экземпляра. Все бусы гладкие: 1. Шарообразная, серовато-желтого оттенка, очень плохой сохранности. Диаметр — 1,2 см. Обнаружена в слоях III—IV (раскоп I, участок Д8). Хранится в Музее МНР (рис. 161, *4*). Две другие бусины — эллипсовидного типа, коричневатого оттенка:

2. Бусина правильно-эллипсовидной формы. Длина — 1,6 см, диаметр в средней части — 0,8 см. Найдена в слое II (раскоп II, участок Е5). Хранится в Музее МНР (рис. 161, *5*).

3. Бусина искаженно-эллипсовидной формы (брак производства). Длина — 1,5 см, поперечный диаметр — 0,9 см. Обнаружена в слое III (раскоп I, участок В12). Хранится в Музее МНР.

Бусы из черного стекла. Найдена одна пронизка, как бы состоящая из четырех, не отделенных друг от друга, малых шарообразных бусин с общим каналом для нити. Длина — 2,5 см, диаметр шариков — 0,6—0,7 см. Встречена в слое III (раскоп I, участок Б5). Хранится в Музее МНР (рис. 161, *6*).

Такие же неразделенные бусы, но не из четырех, а из трех шариков, с общим каналом, найдены в Болгарах [21].

Полихромные стеклянные бусы. Представлены одним экземпляром. Это гладкая эллипсовидная бусина из глухого стекла синевато-серого цвета, с белым поясом в средней части. Длина — 1,2 см, поперечный диаметр — 0,7 см. Найдена в слое VI (раскоп I, участок М1). Коллекционный № 150 (рис. 161, *7*).

II. КАМЕННЫЕ БУСЫ

Бус из камня найдено сравнительно немного:

1. Эллипсовидная бусина из темно-красного камня (оттенок «терракот»), непрозрачная, с блестящей гладкой поверхностью. Длина — 1,4 см, диаметр в средней части — 0,8 см. Найдена в слое V (раскоп I, участок МН2). Коллекционный № 199 (рис. 161, *8*). Интересно, что в раскопе II (участок Д8, слои III, IV) обнаружена небольшая галька кирпично-красного оттенка, которая могла бы служить материалом для выделки подобной бусины.

2. Граненая бусина из красноватого сердолика, обработанная в 14 граней и дающая в плане шестиугольник. Размер — 1,2×1,2×0,8 см. Найдена в раскопе II (участок Д8). Хранится в Музее МНР (рис. 161, *9*).

3. Обломок такой же бусины, но большего размера и более плоской. Размер — 1,4×1,4×0,5 см. Встречена в слое IV (раскоп I, участок М6). Коллекционный № 196 (рис. 161, *10*).

Граненые бусы типичны для данной эпохи, причем форма их появляется еще в домонгольское время. Малые сердоликовые бусы близкого типа изредка встре-

[21] ГИМ, инв. № 78607. Кроме того, аналогичные по форме бусы, но из стекла другого состава, известны по материалам раскопок Новгорода, курганов новгородских словен и кривичей. Датируются они X—XI вв. (См. Ю. Л. Щапова. Ук. соч., табл. II, *2*).

чаются в славянских курганах X—XIII вв.[22] Такого же типа небольшая бусина, но не из сердолика, а из янтаря, обнаружена в позднекочевническом кургане на Киевщине [23]. В Болгарах [24], на Увеке [25], в Сарае-Берке [26] найдены граненые шестиугольные (в 14 граней) бусы разных размеров и такого же типа семиугольные (в 16 граней). На Кубани в золотоордынское время также был распространен этот тип бус, но семиугольных (в 16 граней), причем там они достигали очень крупных размеров — до 4,5 см в диаметре.

4. Биконическая бусина из белого полупрозрачного камня (халцедон?), гладкая, круглая в поперечном разрезе. Длина — 2,3 см, диаметр в средней части — 1,1 см. Найдена в слоях III и IV (раскоп II, участок Д8). Хранится в Музее МНР (рис. 161, *11*).

5. Шестиугольная плоская бусина из матового коричневато-серого камня. Длина — 3,8 см, высота 2,1 см, толщина — 0,4 см. Обнаружена в слое VI (раскоп I, участок МН4). Коллекционный № 198 (рис. 161, *12*).

Близкие по форме бусы, но из другого материала, встречаются в приволжских памятниках.

Гешировые бусы такой формы известны из Муранского финского могильника [27] и из кривичских курганов Верхнего Поволжья [28], костяные и гешировые — с Болгарского городища [29]. Близкой формы бусина из темно-синего полупрозрачного стекла найдена на городище Увек [30].

III. ГИПСОВЫЕ БУСЫ

Бусы из гипса встречены только в одном экземпляре. Это гладкая шарообразная (несколько сплюснутая) бусина, коричневато-серого цвета. Длина — 1,3 см, поперечный диаметр — 1,5 см. Найдена в слое III (раскоп I, участок Д7). Хранится в Музее МНР (рис. 161, *13*).

IV. ЯНТАРНЫЕ БУСЫ

Эти бусы представлены тремя экземплярами двух типов:

1. Цилиндрическая (с закругленными концами) бусина длиной 1,2 см; поперечный диаметр — 0,6 см. Найдена в слое III (раскоп II, участок А8). Хранится в Музее МНР (рис. 161, *14*).

Подобные бусы из янтаря встречались в позднекочевнических курганах [31] и в Болгарах [32].

[22] М. В. Фехнер. Ук. соч., рис. 1, *4*.
[23] Государственный Эрмитаж, колл. № 916/9.
[24] ГИМ, инв. № 58456, 82292.
[25] ГИМ, инв. № 34162.
[26] Государственный Эрмитаж, Сарай.
[27] ГИМ, инв. № 35178.
[28] ГИМ, инв. № 78607.
[29] ГИМ, инв. № 58456, 82292.
[30] ГИМ, инв. № 34162.
[31] Государственный Эрмитаж, колл. № 902/3.
[32] ГИМ, инв. № 58486.

2. Две дисковидных бусины, из которых одна — в форме массивного диска с отверстием в центре; диаметр диска — 0,9 см, толщина его — 0,3 см. Найдена в слое V (раскоп II, участок Е1). Хранится в Музее МНР (рис. 161, *21*). От другой такой же бусины сохранился обломок большего размера; диаметр — 1,4 см. Встречен в слоях III и IV (раскоп II, участок Д8). Хранится в Музее МНР (рис. 161, *15*).

Дисковидная форма обычна для янтарных бус, а в сарайском и болгарском материале есть и сердоликовые этого же типа [33]. В слое VIII (раскоп I, участок Л7) найден небольшой кубик янтаря, размером 0,7×0,6×0,5 см (коллекционный № 247). По-видимому, он был заготовлен для выделки какого-то украшения, возможно — бусины.

V. КОРАЛЛОВЫЕ БУСЫ

Встречены только в одном экземпляре. Это небольшая цилиндрическая бусина из розового коралла. Длина ее — 0,3 см, поперечный диаметр — 0,4 см. Обнаружена в развалинах дворца, в слое VI (раскоп IV, участок А1). Коллекционный № 307.

VI. КОСТЯНЫЕ БУСЫ

Найденные в Кара-Коруме костяные бусы — гладкие и относятся к двум типам:

1. Шарообразная бусина темно-серого цвета. Диаметр — 0,7 см. Найдена в слое V (раскоп II, участок Д1). Хранится в Музее МНР (рис. 161, *17*).

2. Кольцевая коричневато-желтая бусина. Диаметр — 1,1 см, толщина — 0,4 см. Найдена в слое II (раскоп I, участок Д6). Хранится в Музее МНР (рис. 161, *16*). В золотоордынских городах кость часто употреблялась для выделки бус. В коллекциях из Сарая-Берке и Болгар много костяных бус разных типов.

VII. ДЕРЕВЯННЫЕ БУСЫ

По-видимому, деревянные бусы были в широком употреблении. В раскопках их найдено всего четыре экземпляра, но если учесть, что дерево — самый нестойкий материал в смысле сохранности, то надо думать, что дошедшие до нас (слегка обугленные) бусы составляют лишь ничтожный процент бытовавших в Кара-Коруме. Все они выточены на токарном станке (так же, как и шаровидная костяная) и относятся к трем типам:

1. Шарообразная (несколько уплощенная) бусина черного цвета. Диаметр — 0,8 см. Найдена в слое V (раскоп II, участок А5). Хранится в Музее МНР (рис. 161, *18*).

2. Эллипсовидная, тоже черная бусина, выточенная вдоль волокон. Длина — 2,1 см, диаметр в средней части — 1,1 см. Обнаружена в слое IV (раскоп I, участок Л5). Коллекционный № 202 (рис. 161, *19*).

3. Две одинаковые цилиндрические бусины с округлыми концами. Длина их — 1,1 см, поперечный диаметр — 0,9 см. Найдены в слое V (раскоп II, участок Д1). Хранятся в Музее МНР (рис. 161, *20*).

[33] ГИМ, инв. № 58586.

* * *

Среди бус, найденных в Кара-Коруме, несомненно, есть привозные экземпляры, но основная масса, во-видимому, производилась на месте. Местное происхождение смело можно приписать бусам из такого дешевого материала, как дерево и кость. На месте же, вероятно, изготовлялись и голубые бусы из глухой стекловидной массы, так как она шла на поливу керамики типа цзюнь-яо, а частичное производство этой керамики в Кара-Коруме определено.

Типологический анализ материала показал, что среди кара-корумских находок совершенно нет каких-либо оригинальных бус. Почти все типы бус встречались еще в домонгольскую эпоху у разных народов, которым пришлось, после завоеваний Чингисхана, войти в близкое соприкосновение с монголами. Возможно, что среди пленных ремесленников, обслуживавших столицу монгольского хана, были мастера, отцы которых делали такие же бусы в городах Средней Азии, откуда образцы этих украшений проникали путем торговли вплоть до Руси.

Находка гальки цветного камня и заготовки из янтаря выдвигают вопрос о производстве на месте также некоторых каменных и янтарных бус, чему не противоречит и общий высокий уровень ремесла в Кара-Коруме.

Бусы коралловые и граненые сердоликовые, вернее всего, следует отнести к импорту. Возможно, что импортными были и некоторые экземпляры белых стеклянных шаровидных бус правильной формы, так как они очень отличаются по тщательности выделки от местных голубых бус из стекловидной массы, аналогичной керамической поливе.

В. П. ЛЕВАШЕВА

КОСТЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ КАРА-КОРУМА

При раскопках в 1948—1949 гг. на городище Кара-Корум найдено некоторое количество изделий из кости и рога, а также куски кости и рога со следами обработки и заготовки (полуфабрикаты). Последее обстоятельство со всей очевидностью свидетельствует о том, что костяные изделия выделывались на месте. Кость, судя по срезам, обрабатывалась железными орудиями: резалась, пилилась, выравнивалась напильником и полировалась.

В XIII—XIV вв., при довольно высоком уровне материальной культуры (особенно в обстановке большого города), такие материалы, как кость и рог, уже почти не употреблялись для выделки орудий; они имели лишь подсобное значение и шли на изготовление бытовых предметов — гребней, палочек для еды, рукояток ножей и и т. п., а также на выделку некоторых украшений — бус, плакеток, бляшек.

Резная щитообразная пластинка. Из всей массы найденных в Кара-Коруме костяных изделий лишь одно можно считать уникальной художественной вещью. Это резная щитообразная пластинка размером 6,5×3,5 см с изображением бегущего оленя, служившая, по-видимому, украшением какого-то предмета (вероятнее всего, как поясная или уздечная бляшка). Один конец ее прямоугольный со сквозными отверстиями в углах, другой — закруглен, но в углах при начале дуги также есть отверстия. Оборотная сторона пластинки плоская, лицевая — слегка выпуклая по продольной оси. Центральное поле лицевой стороны, на которой вырезана фигура бегущего оленя, ограничено сверху и снизу глубокими прямыми выемками, а на концах — виньетками из завитков на углубленном фоне. Голова, шея и корпус оленя изображены углубленными выемками, ветвистые рога, ноги и хвост — резными линиями. Возможно, что углубления (фигура оленя и фон виньеток) были заполнены цветной пастой или инкрустированы перламутром (рис. 162).

Аналогии этому предмету мне не удалось найти, но завитки виньеток — очень характерный мотив в прикладном искусстве степных народностей (казахов, хакасов и др.). Таким образом, этот предмет можно считать сделанным руками мастера-степняка.

Украшение найдено в развалинах восточного павльона дворца Угэдэя в 1949 г.[1]

О р у ж и е. Найден лишь один костяной наконечник стрелы, плоско-шестигранный, черешковый. Наконечник довольно крупный (длина — 12,5 см, ширина пера — 1,4 см), позднего типа, обычного в материале костеносных городищ XI—XIV вв. Обнаружен в раскопе I (1948 г.), в слое I одного из участков линии В—Г. Хранится в Музее МНР.

Рис. 162. Кара-Корум. Костяная бляха с резным узором.

Г р е б н и к о с т я н ы е. Встречены гребни двух типов:

1. Прямоугольный гребень (5,5×3,2×0,6 см) с частыми зубьями по одному из длинных краев. Один конец отломан, другой — немного закруглен. Гребень массивный, грубой выделки. Найден в слое VI (раскоп I, 1949 г., участок 13). Коллекционный № 144 (рис. 163, *1*).

2. Обломок сегментовидного (полукругом ?) гребня с закругленной, более массивной верхней частью. Зубья нарезаны по прямому краю, отступя 1,2 см от бока, и частично выломаны. Высота гребня — 5,5 см, ширина обломка — 2,7 см, толщина в верхней части — 0,4 см. Обработан более тщательно, чем прямоугольный гребень (рис. 163, *2*). Найден в развалинах восточного павильона дворца Угэдэя в 1949 г. на участке 8 в слое III. Коллекционный № 224.

П а л о ч к и д л я е д ы. Обнаружены в количестве 5 экземпляров, но лишь две из них сохранились с целыми, заполированными концами.

1. Прямая палочка, в поперечном сечении овальная, слегка утончается к концам. Длина — 12,2 см, ширина — 0,4—0,6 см, толщина — 0,2 см. Прекрасно заполирована. Найдена в слое I (раскоп I, 1949 г., участки М1—М2). Коллекционный № 269 (рис. 164, *3*).

2. Такая же палочка длиной 11,6 см. Обнаружена вместе с предыдущей. Коллекционный № 270 (рис. 164, *6*).

3. Подобная же палочка с одним отломанным (более широким и массивным) концом. Длина обломка — 11,1 см; ширина в изломе — 0,6 см, толщина в изломе — 0, 4 см; ширина в целом конце — 0,3 см, толщина в целом конце — 0,2 см. Найдена в слое IX (раскоп I, 1949 г., участок МН11). Коллекционный № 218 (рис. 164, *2*).

4. Такая же, но почти цилиндрическая палочка с одним отломанным концом. Обожжена, цвет черный. Длина — 10,8 см, толщина — 0,5 см. Найдена в слое VII (раскоп I, 1949, участок Л1). Коллекционный № 217 (рис. 164, *4*).

5. Палочка с фигурной точеной вазообразной головкой, круглая в сечении, слегка суживающаяся к нижнему обломанному концу. Прекрасно заполирована. Общая длина — 10,8 см, длина головки — 1,5 см, поперечный диаметр —

[1] № 226 (раскоп VII, уч. 8, сл. III).

Рис. 163. Кара-Корум. Различные костяные и роговые изделия.
1, *2* — гребни; *3*, *4* — изделия из рога; *5* — часть рога, приготовленного для резьбы.

0,4—0,5 см. Найдена в слое VI (раскоп I, 1949 г., участок МН3). Коллекционный № 189 (рис. 164, *5*).

К о с т я н ы е р у ч к и и р у к о я т к и. Представлены следующими находками:

1. Основа щетки (типа современной зубной) в виде узкой массивной лопаточки с длинной цилиндрической ручкой, конец которой отломан. На лопаточке (слабо расширенной по отношению к ручке) — два продольных ряда по одиннадцати сквозных отверстий, расположенных по прочерченным бороздкам. С этой стороны, повидимому, и выступала щетина щетки, оборотная же сторона — гладкая, хорошо заполированная, как и весь предмет. Общая длина — 10,8 см; длина лопаточки — 3—3,5 см, ее ширина — 0,6 см; толщина лопаточки и ручки — 0,4 см. Найдена в слое XI (раскоп I, 1949 г., участок Л12). Коллекционный № 268 (рис. 164, *1*).

Рис. 164. Кара-Корум. Костяные изделия.
1, 7, 8 — основы щеток; *2—6* — палочки для еды.

2. Обломок ручки, по-видимому, от такой же щетки. Лопаточка отломана, причем излом прошел по крайней паре отверстий для щетины. Длина обломка — 7,7 см; ширина лопаточки — 0,6 см, ее толщина и диаметр ручки — 0,4 см. Обнаружен в слое IX (раскоп I, 1949 г., участок М9). Коллекционный № 128 (рис. 164, 7).

3. Два обломка подобной же щетки (или палочки для еды?), подходящие друг к другу по излому. Верхний конец расширен; излом проходит по трем отверстиям (нижний ряд для щетины щетки?). Книзу весь предмет (прямая, круглая в сечении палочка) постепенно суживается. Длина нижнего обломка — 6,1 см, верхнего — 8,5 см; ширина в верхнем конце по излому отверстий — 0,9 см; толщина палочки в верхней части — 0,6 см, в нижней — 0,4 см. Обломки эти найдены в слое VI (раскоп I, 1949 г., участок М13). Коллекционный № 129.

4. Плоская ручка щетки подобного же типа, но рабочая часть (лопаточка) отделена от ручки шейкой. На лопаточке — четыре вертикальных ряда отверстий для щетины. Рабочая часть отломана; излом, так же как и у предыдущих экземпляров,

пришелся по крайнему к ручке горизонтальному ряду четырех отверстий для щетины. На одной стороне — бороздки от четырех вертикальных рядов отверстий, заходящие на плоскость ручки, суживающейся постепенно к нижнему закругленному концу (рис. 164, *8*). Общая длина обломка — 15,6 см; ширина щетки и верхнего конца ручки — 1,5 см; толщина — 0,4 см; в нижнем конце ширина ручки — 0,8 см, ее толщина — 0,2 см. Встречена в слое IX (раскоп I, 1949 г., участок М9). Коллекционный № 127.

5. Плоская прямая рукоятка какого-то предмета с выступающими вбок шипами в месте перехода к отломанной рабочей части. Ручка к концу расширяется; поперечное сечение ее — шестиугольное. Общая длина — 9,5 см; длина ручки без шипов — 9 см; ширина ее в узком конце — 0,6 см, в широком — 1 см; толщина — 0,4 см. Рукоятка найдена в слое IX (раскоп I, 1949 г., участок МН1). Коллекционный № 214.

6. Плоская прямая ручка какого-то предмета с круглым отверстием в закругленном и несколько расширенном конце. Противоположный, более массивный четырехгранный конец отломан. Выше отверстия, у края — две параллельные нарезки. Длина — 6,5 см, ширина — 0,9—1,3 см, толщина — 0,3—0,5 см. Обнаружена в слое VII (раскоп I, 1949 г., участок Л1). Коллекционный № 152.

7. Костяная обойма почти цилиндрической формы, слегка суживающаяся к одному концу. Сделана из отпиленной трубчатой кости и отполирована. По краю на обоих концах украшена резной горизонтальной линией. Высота — 1,4 см, диаметр — 1,2—1,3 см. Обойма найдена в слое IV (раскоп I, 1949 г., участок НМ6). Коллекционный № 241.

8. Подобная же обоймочка из слоев V—VI (раскоп I, 1948 г., участок Б10). Хранится в Музее МНР.

9. Рукоятка ножа прямая, в поперечном сечении овальная. В нижнем, перпендикулярно срезанном конце — канал для черешка; верхний конец срезан с двух сторон под острым углом, а с одной широкой стороны есть срез, сделанный ступенькой, вероятно, для вставки какого-то украшения. Поверхность рукоятки (кроме срезов) заполирована. Длина рукоятки — 10,2 см; высота ступенчатого среза — 3 см, ширина у его основания — 2 см; толщина в нижнем конце — 0,9—1,6 см. Найдена в слое VIII (раскоп I, 1949 г., участок МН1). Коллекционный № 213 (рис. 163, *4*).

10. Вторая костяная рукоятка ножа, обнаруженная в слое VI (раскоп I, участок К5) — более простой формы. Это длинный цилиндр, чуть суживающийся к нижнему концу, в котором просверлена втулка для черешка ножа. По размерам рукоятка близка предыдущей. Хранится в Музее МНР.

11. Костяное навершие (?) или часть какого-то сложного предмета в форме короткого цилиндра со сквозным вертикальным каналом в центре и с параллельным ему узким боковым каналом. Одна торцовая сторона — ступенчатая (уступ по краю), другая — с концентрическим углублением вокруг центрального канала. На боках — следы вертикальных срезов, на торцовых сторонах — следы распила. Высота — 3 см, диаметр — 3,5 см. Навершие найдено в слое VII (раскоп I, 1949 г., участок Л4). Коллекционный № 329.

12. Неопределимый, по-видимому, не законченный обработкой предмет из стержня рога коровы. В широком отпиленном конце выдолблена круглая в диаметре втулка, узкий конец стесан косыми срезами, образующими четырёхгранное острие. Длина предмета — 17 см; диаметр широкого конца — 2,4—3,5 см; диаметр втулки — 1,5 см, ее глубина — 4,5 см. Найден в развалинах дворца (раскоп VII, 1949 г., участок 10, слой IV). Коллекционный № 117.

Заготовки для выделки костяных изделий. Подобные заготовки найдены в большом количестве в разных горизонтах культурного слоя.

Заготовки для узких длинных предметов известны трех видов:

1. Трёхгранные брусочки, выпиленные из стенок длинных трубчатых костей. Одна сторона их — естественная поверхность кости, две другие и торцовые части носят явные следы распила. Длина — 5—6 см, ширина — 1,4—1,5 см, толщина — 0,5—0,8 см. Найдены в развалинах дворца (раскоп VII, 1949 г., участок 10, слой IV). Коллекционный № 121—122.

2. Обломки заготовок, по-видимому, палочек для еды. Делались также путем продольного распила трубчатых костей, сохраняя на одной стороне естественную поверхность кости. Суживаются к одному концу. Длина обломков — от 2,5 до 6 см, толщина — 0,4—0,5 см. Найдены в слоях VI—VIII (раскоп I, 1949 г., участок Л6). Коллекционный № 542—544.

3. Заготовка в виде четырёхгранного бруска (из стенки длинной трубчатой кости) длиной 7,5 см, толщиной 1—1,5 см. Найдена в развалинах восточного павильона дворца Угэдэя (раскоп VII, 1949 г., участок 10, слой IV). Брусок мог бы быть использован для выделки узкого наконечника стрелы или шила.

Заготовки из стержней рогов коровы, предназначенные для выделки рукояток ножей, найдены в 2 экземплярах:

1. Относительно длинный цилиндрический и почти прямой отрезок рога. Торцовые части спилены перпендикулярно продольной оси; более узкий конец, в котором было начато выдалбливание втулки — сломан, часть стенки утрачена. Длина заготовки — 9,8 см, поперечный диаметр — 2 и 2,5 см. Найдена в слое XI (раскоп I, 1949 г., участок 5). Коллекционный № 216 (рис. 163, *3*). Из такого рода заготовки сделана костяная ручка ножа, встреченная в слое VI (раскоп I, 1948 г., участок К5).

2. Второй экземпляр — короткий отрезок более толстой части стержня рога. Торцовая часть широкого конца слегка закруглена срезами по краям, а более узкий, противоположный, — спилен несколько вкось. Длина — 4,5 см, поперечный диаметр — 2,8—3,2 см. Найдена на одном из участков раскопа I (1949 г.). Коллекционный № 143 (рис. 163, *5*).

Заготовки для плоских длинных предметов представлены следующими находками:

1. Массивный кусок стенки большой трубчатой кости. На одном конце — следы поперечного распила, на другом — излом. Эта заготовка могла бы быть использована для выделки массивного трёх- или четырёхгранного наконечника стрелы. Длина — 6,4 см, ширина — 2,5 см, толщина — 1 см. Найден в развалинах дворца (раскоп VII, 1949 г., участок 8, слой III). Коллекционный № 221.

2. Удлиненная пластина из стенки крупной трубчатой кости. Более широкий конец ее закруглен срезами, противоположный — носит следы излома и неровных

срезов. Одна сторона сохраняет естественную поверхность кости, другая — плоско обработана срезами ножа. Длина — 13,7 см, ширина — 2,4 см, толщина — 0,4 см. Пластина обнаружена в слое VII (раскоп I, 1949 г., участок Л7). Коллекционный № 115.

3. Кусок трубчатой кости со следами продольного и (на одном конце) поперечного распила. Длина — 12 см, ширина в отпиленном конце — 2,3 см (противоположный конец — с неровным изломом), толщина — 1 см. Этот кусок кости мог пойти на выделку наконечника стрелы или другого длинного предмета. Найден в развалинах дворца (раскоп VII, 1949 г., участок 10, слой IV). Коллекционный № 125.

Заготовки для коротких пластинчатых предметов найдены в количестве около двух десятков и характеризуют отдельные стадии обработки кости. Прямоугольные и близкие к прямоугольной форме пластинки найдены преимущественно в развалинах дворца (раскоп VII, 1949 г., участок 8, слой III и участок 10, слой IV). Они сделаны из широких стенок трубчатых крупных костей поперечным и продольным распилом; одна сторона сохраняет естественную поверхность кости. Размеры пластинок — от 3×3,5 см (или 2,5×4 см) до 3,5×6 см; толщина — 0,3—0,7 см. Коллекционный № 118—120, 122, 123. Такие заготовки могли быть использованы для выделки бляшек-плакеток или гребней. Один из обломков с закругленным углом по-видимому и был заготовкой гребня, но сломан до нарезки зубьев.

Подобные пластинки — это наиболее поздняя стадия обработки, другие же находки характеризуют предшествующие стадии.

Кости со следами обработки. Для выделки сравнительно крупных плоских вещей употреблялись нижние части (с раздвоенным суставом) больших трубчатых костей верблюда и коровы. Только из них можно было получить максимально широкие пластины, пользуясь продольным распилом, захватывая начало раздвоения сустава.

Первоначальную стадию их обработки характеризуют многочисленные находки отпиленных кусков нижних частей этих костей, встречавшиеся в разных слоях и на различных участках. Следующая стадия — продольный распил отрезка — представлена находкой в слое IV (раскоп VII, 1949 г., участок 10), где были обнаружены и описанные выше заготовки в виде четырёхугольных пластинок. Эта находка (коллекционный № 116) представляет собой кусок широкой плоскости стенки трубчатой кости, отпиленный как можно ближе к внутренней поверхности канала, так что канал оставляет совсем мелкий желобок. Сустав удален поперечным распилом по грани раздвоения, что дало возможность мастеру получить сплошной кусок кости максимальной ширины. Дальше ему предстояло бы срезать выступы боковых стенок канала и затесать напильником неровности на внутренней и внешней поверхностях; в результате он мог бы иметь прочную костяную пластину размером 14×5,5 см.

Эту же стадию обработки до сглаживания неровностей поверхности характеризует кусок кости, найденный в слое III (раскоп II, 1948 г., участок А5). Коллекционный № 456.

Кроме отпиленных кусков трубчатых костей встречались стержни рогов и куски их со следами начатой обработки, например, — найденный в слое V (раскоп I, 1948 г., участок 31, № 715) кусок стержня рога коровы. У него поперечно

отпилены концы и, кроме того, есть след начатого продольного пиления, в результате которого, по-видимому, рассчитывали получить длинные прямоугольные пластины — заготовки. Кроме кусков стержней коровьих рогов, найденных в различных слоях и на разных участках, встречались и рога диких животных например, олений рог с зарубками среза у основания.

Находки «полуфабрикатов» и заготовок на одних и тех же или близких участках и горизонтах (как, например, в раскопе VII на месте развалин дворца Угэдэя, точнее, — на месте восточного бокового павильона) позволяют предположить, что при дворце работали мастера-косторезы.

Приемы обработки кости в Кара-Коруме были, по всей вероятности, те же, что и в других местах при использовании железных инструментов.

Древние приемы обработки кости хорошо изучены С. А. Изюмовой [2]. В частности, она отмечает важную роль шлифовки при обработке древнейших костяных орудий и, наоборот, второстепенное значение ее после появления железных инструментов.

Кара-корумский материал ярко подтверждает это положение — применение распила кости очень уменьшило необходимость шлифовки. Костяные изделия и полуфабрикаты Кара-Корума дают прекрасные образцы ровных краев-срезов. Изучение этих срезов и обработанной поверхности изделий устанавливает, что местные мастера, кроме универсального инструмента — железного ножа, пользовались при обработке кости пилой и напильником. Но даже при употреблении железных инструментов кость, как материал, требовала предварительной обработки — обезжиривания и размягчения посредством кипячения в воде, что, очевидно, и делалось кара-корумскими мастерами.

В. П. ЛЕВАШОВА

[2] С. А. Изюмова. Техника обработки кости в дьяковское время и в древней Руси. КСИИМК, вып. XXX, 1949.

СТРОИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ КАРА-КОРУМА

Кара-Корум отличался большим разнообразием архитектуры. Дома его простых горожан в основном были каркасно-глинобитными или сложенными из сырцового кирпича на деревянном каркасе. Поэтому каждая перестройка приводила к накоплению толщи строительного мусора, который, по-видимому, никуда не вывозился, а только разравнивался. Этим и объясняется, почему за сравнительно короткую историю города в его жилых кварталах накопился культурный слой мощностью до 5 м и даже до 6 м.

Однако и эти скромные жилища, при сломке превращавшиеся в груду глины, требовали известного количества более высококачественных материалов и прежде всего обожженного кирпича (рис. 165). Кирпич этот был серый, в изломе даже черный, среднего качества обжига. Люди побогаче выкладывали из него нижнюю часть стен и выстилали полы, а горожане более скромного достатка ограничивались применением обожженного кирпича для устройства отопительных каналов, топок и лежанок.

Кирпичей при раскопках городских кварталов было собрано достаточно, чтобы выяснить их сорта. Простой строительный кирпич Кара-Корума был двух размеров — $29\times14\times5$ см и $31\times14\times6{,}5$ см. Однако полной стандартности нет. Есть кирпичи обоих сортов, у которых какой-нибудь из размеров, — а то и все, — превышают норму на 0,5 см. На два сорта делились и кирпичи пола — квадратные плитки. Одни из них были размером $28\times28\times5$ см, другие — $36\times36\times5$ см. И также часть их отклонялась от нормы на 1—0,5 см. Кроме полномерных кирпичей, нам встретились кирпичики в одну четверть строительного кирпича, т. е. $15\times7\times5$ см. Они употреблялись специально для выведения сводов шарообразных печей, из которых одну мы могли изучить почти целой в доме у восточных ворот Кара-Корума [1].

При постройке более значительных зданий и дворца Угэдэя применялись в основном те же кирпичи четырех размеров. Однако там мы встретили и нечто новое. Как

[1] См. выше — «Ремесленно-торговые кварталы Кара-Корума», стр. 173 и сл.

Рис. 165. Кара-Корум. «дом на перекрестке». Сырцовые кирпичи, почти слившиеся лощной глиняный слой, и обожженные кирпичи (на переднем плане).

уже говорилось при описании раскопок дворца, большинство квадратных кирпичей пола там было с лицевой стороны покрыто зеленой поливой. Вероятно, блестящий изумрудный пол дворцового зала был очень эффектен. Но не весь главный корпус дворца Угэдэя был выстлан поливными кирпичами. Его северная часть, где находилось возвышение для трона и седалищ царицы, царевичей и знатнейших вельмож, была выстлана квадратными кирпичами без поливы. На всех уцелевших здесь кирпичах (28×28×5 см) на оборотной стороне был отпечаток руки мастера — своеобразная марка или ручательство за качество. Таких кирпичей сохранилось немного, потому что их давно уже выбрали для строительства храмов Эрдэни-Цзу. Однако нам удалось проследить отпечатки на слое извести, на которую строители дворца укладывали пол, и всюду была четко видна рука [2].

При строительстве дворца Угэдэя применялся и камень. Прекрасно отесанные гранитные бруски (75×25×15 см) обрамляли низ стен главного здания. Колонны дворца опирались на врытые в платформу огромные гранитные камни почти правильной кубической формы. На них не стояло здесь никаких баз, и их стороны, не закрытые торцом колонны, были прикрыты кирпичами пола. В северной части дворца, где колонны были тоньше, базы — иного вида. На верхней грани гранитного куба высечено округлое возвышение диаметром до 0,8 м, выступавшее вверх примерно на 5 см. В большей части северного павильона дворца был деревянный пол, но там, где был кирпичный настил, он выкладывался на уровне верхней грани базы. Таким образом, над полом не только выступала ее округлая часть, но оставалась открытой

[2] См. план раскопок дворца (рис. 91).

и вся квадратная поверхность гранита. Этот вид баз совпадает с открытыми нами в Кондуйском дворце XIV в.[3]

Стены зданий Кара-Корума, если они были кирпичными или глинобитными, штукатурились глиной, смешанной с известью, и расписывались.

В «доме на перекрестке» нашлись куски штукатурки с остатками росписи. На одном фрагменте сохранились следы двух крупных иероглифов (см. табл. VIII, рис. *1*) [4], может быть, служивших своего рода оберегами подобно иероглифам-оберегам, которые и сейчас рисуются на деревенских домах. На другом фрагменте уцелели части хвоста и крыльев птицы (см. табл. VIII, рис. *2*) [5]. Особенно интересен третий фрагмент. Сверху на нем черным изображено какое-то насекомое (см. табл. VIII, рис. *3*), а когда штукатурка расслоилась, то обнаружился нижний слой с остатками совсем иных изображений (см. табл. VIII, рис. *4*). Таким образом, мы получили указание на то, что дома в Кара-Коруме не только штукатурились по нескольку раз, но и расписывались заново.

Но, конечно, самым красивым в кара-корумских домах была кровля. Мы нашли множество обломков кровельных черепиц. В городе она в подавляющем числе неполивная, серая, с отпечатком ткани на вогнутой стороне [6]. Наибольшая ширина нижних черепиц обычно равнялась 17—18 см. Концевые черепицы снабжены капельником (отливом) в виде отогнутого вниз венчика; на торцовой стороне его обычно нанесен продольный желобок, над которым штампом оттиснуты углубления. Нижний край отлива гофрирован защипами или вдавлениями гусеничного штампа (рис. 166, *1*). Всеми своими особенностями эта черепица совпадает с найденной в древнемонгольских городах XIII в., в описанных выше городе на р. Хирхира (на юге Читинской области) и городе Дён-терек на р. Элегест (в Тувинской АССР) [7]. Так же как про эту черепицу, и про нижнюю черепицу из городских кварталов Кара-Корума можно сказать, что всего ближе ей черепица цзиньских городов и крепостей [8].

Верхние черепицы городских кварталов Кара-Корума представлены сероглиняными полуцилиндрами диаметром 12—12,5 см. Концевые верхние черепицы украшены дисковидными налепами того же диаметра, на которых оттиснута рельефная личина львинообразного демона (рис. 167). Всего нами найдено шесть таких дисков [9]. Все они выполнены различными штампами. Из них только один диск, — самый древний, — покрыт зеленой поливой [10]; остальные — без следов поливы. Эти диски с личиной

[3] См. ниже — «Дворец в Кондуе», рис. 183.

[4] Раскоп I, уч. Л4, сл. V.

[5] Раскоп I, уч. Л4, сл. III.

[6] О черепице см. С. В. Киселев. Из истории китайской черепицы. СА, 1959, № 3, стр. 159—178.

[7] См. выше, часть первая, Городище Дён-терек.

[8] Э. В. Шавкунов. К вопросу о датировке средневековых памятников Приморья. Труды Бурятского комплексного научно-исследовательского института Сибирского отделения АН СССР, вып. 3, Улан-Удэ, 1960, стр. 174—193.

[9] № 412 (раскоп I, уч. Л13, сл. XI); № 525 (раскоп I, уч. М8, сл. III); № 526 (раскоп I, уч. 10, сл. I); № 413 (раскоп IV, уч. А3, сл. I); б/н (раскоп I, уч. Н3, сл. I); б/н (раскоп I, уч. Б2, сл. IV).

[10] № 412.

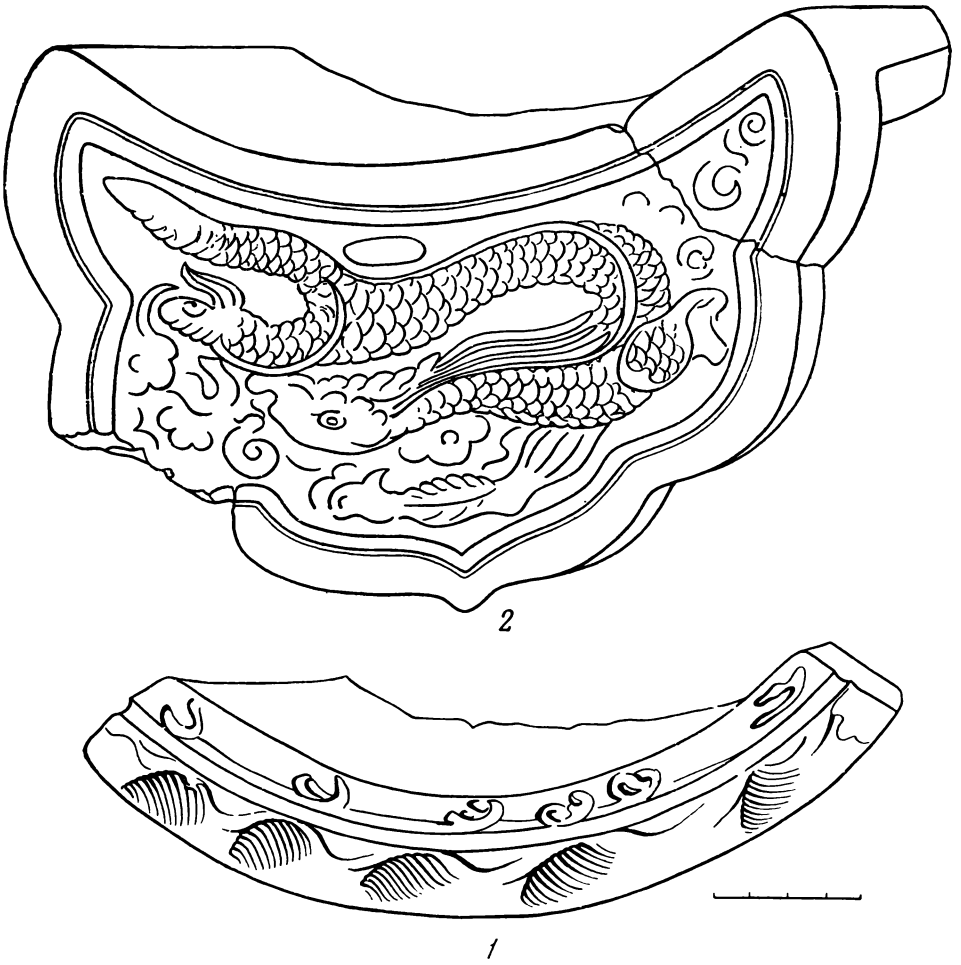


Рис. 166. Кара-Корум. Отливы нижних черепиц.
1 — из «дома на перекрестке»; *2* — из дворца Угэдэя.

также находят самые непосредственные аналогии в цзиньских памятниках [11], а также в уже упомянутом Дён-тереке. В Хара-Хото, который в 1226 г. был взят войсками Чингисхана и стал опорным пунктом на путях в Ордос и Китай, П. К. Козлов нашел неполивные диски, украшенные личинами демонов, также весьма близкими кара-корумским [12]. Характерно, что на дисках Хирхирского города совершенно иная рельефная орнаментация. Может быть, это указывает на его относительно бо́льшую древность, чем Кара-Корума (основан в 1220 г.) и Дён-терека (построен после 1217 г.) [13].

При раскопках «дома на перекрестке» обнаружены, кроме того, глиняные рога

[11] Э. В. Шавкунов. Ук .соч., стр. 181.
[12] Хранятся в Государственном Эрмитаже.
[13] См. выше — Город на реке Хирхира», стр. 23.

Рис. 167. Кара-Корум. «Дом на перекрестке». Диски концевых верхних черепиц с личиной демона.

от рельефных изображений оленерогих драконов, и поныне украшающих конек или верхний фриз фронтона городских зданий.

Гораздо богаче была украшена кровля дворца Угэдэя. Необходимо подчеркнуть, что большинство черепиц, найденных при раскопках главного здания дворца и его передних (южных) ворот, покрыто зеленой и желтой поливой. Встретились также обломки черепиц с красной поливой, которой отмечались только здания, строившиеся для императора.

Нижние черепицы дворца Угэдэя были более широкими (до 19—20 см). Концевые из них заканчивались капельником (отливом) в виде красивого вырезного щитка, на котором оттиснуто рельефное изображение извивающегося в облаках дракона (рис. 166, *2*). Сама черепица и края щитка обычно покрыты ярко-зеленой поливой, а дракон и облака — золотисто-желтой. В том же стиле украшены и верхние, полуцилиндрические черепицы дворца и его южных ворот. Их диаметр также больше, чем у городских (15 см), хотя есть черепицы и меньшего диаметра (13 см). Концевые из них украшает налеп в виде диска, на котором оттиснут рельеф причудливо извернувшегося дракона (рис. 168, *2*). Одни из этих дисков, найденные у южных ворот,

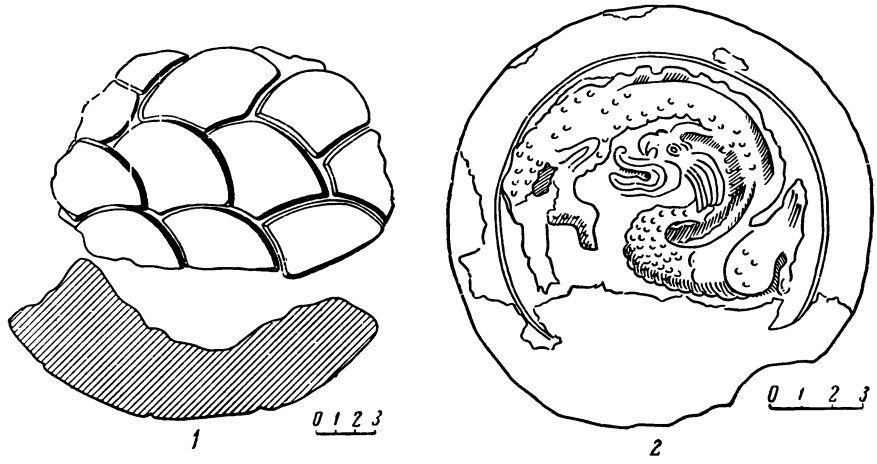


Рис. 168. Кара-Корум. Дворец Угэдэя. Обломок скульптуры — спина дракона, покрытая чешуей (*1*), и диск концевой верхней черепицы с драконом, покрытый зеленой поливой (*2*).

покрыты вместе с черепицей одной только зеленой поливой [14]; у других, так же как и у капельников, — зеленый край и золотистая полива на фигуре дракона [15]. Различие диаметров дисков (15 и 13 см), вероятно, зависит от размещения их в разных ярусах кровли [16].

В северной, непарадной, части Кара-корумского дворца найден неполивной диск, украшенный личиной бородатого гения. Его отличает от найденных в городских кварталах дисков с гениями иное обрамление — личина окружена жемчужником. В этом отношении он более сходен с дисками предмонгольского периода [17].

Многоцветный и блестящий вид черепичного убранства главного здания дворца Угэдэя и его парадных ворот был еще более разнообразен благодаря различным дополнительным украшениям. Здесь следует упомянуть об изображениях голов драконов, от которых найдены в развалинах дворца обломки оскаленных пастей. Встречены также рельефные головки львов, покрытые поливой. Судя по аналогиям в средневековой монгольской архитектуре, эти головки, размещенные в виде бордюра, украшали верх стены под кровлей (рис. 169). При раскопках южных ворот дворца обнаружена головка женщины (Раскоп VI, уч. В10, сл. III, инв. № 232), исполненная в буддийском стиле, но с сохранением в трактовке лучших традиций индо-греческого искусства.

Многоцветный декор дворца Угэдэя в Кара-Коруме, построенного в 1236 г., был по тому времени новейшим этапом в развитии архитектуры Дальнего Востока и Центральной Азии. Этот вид украшений в эпоху Чингизидов стал традиционным для сооружений высшего ранга. Насколько широко были распространены в монголь-

[14] № 244 (раскоп VI, уч. В10, сл. V).
[15] № 133 (раскоп IV, сл. III).
[16] Диски № 682 и 683, диаметром 13 см.
[17] № 413.

Рис. 169. Кара-Корум. Дворец Угэдэя. Глиняный налеп в виде головки льва (спереди и сбоку). Найден у Южных ворот (раскоп VII сл. IV, инв. № 100).

ское время украшения черепицы (типа найденных во дворце Угэдэя), ярко показывают находки в самых различных странах. В современной Сиани, древнекитайской столице Чань-ань, уже давно находили отливы с драконами, неправильно смешивая их с убранством кровель зданий танской эпохи [18]. Но за последнее время это недоразумение устранено. В Сиани был раскопан дом юаньского вельможи Аньси-вана [19]. Убранство кровли этого дома оказалось еще пышнее, чем дворца Угэдэя, и в нем одно из основных мест занимали зеленые с желтым отливы, украшенные драконами, которые мы только что описали.

Серия черепиц, сходных с кара-корумскими, найдена и далеко на западе — в развалинах буддийской часовни, сооруженной монгольским наместником Аргуном около 1250 г. и разрушенной около 1295 г. после перехода его сына Газан-хана в ислам. Сохраняя кара-корумские формы, эти черепицы отражают и местные особенности. Это видно на узорчатых подтреугольных отливах — капельниках, боковые края которых вырезаны в виде извилистой линии, скорее напоминающей обрезы реберчатых тимпанов мусульманской архитектуры, чем изящный изгиб отливов кара-корумской черепицы, сохраняющей традиции вырезных краев керамики и зеркал эпохи Тан и Ляо [20]. В итоге изучения черепиц из Мерва нельзя не согласиться с выводом о том, что буддийская кумирня этого древнего города «является своеобразным, единственным пока в своем роде памятником среднеазиатского строительства XIII века, в котором сочетаются элементы зодчества Среднего и Дальнего Востока» [21]. Так далеко на Запад распространились новые формы архитектурной декорации, которые были выработаны в начале XIII в. и получили первое (из известных нам) яркое воплощение во дворце Угэдэя в Кара-Коруме. Эти формы особенно привились в архитектуре монгольских зданий, строившихся при первых Чингизидах и в эпоху Юань. Они достигли тогда высокого совершенства, во многом предвосхитив то, что впоследствии дала архитектура эпохи Мин. Другой замечательный памятник древнемонгольской архитектуры — дворец XIV в., в так называемом «Кондуйском городке».

С. В. КИСЕЛЕВ

[18] «Каогу Сюэбао», 1958, № 3, табл. II, рис. 11.

[19] Ма Де-чжи. Обследование развалин дома Аньси-вана юаньского времени на территории Сиань. «Каогу», 1960, № 5, стр. 20—23 (на кит. яз.).

[20] Г. А. Пугаченкова. Буддийская кумирня в Мерве. КСИИМК, вып. 54, 1954, стр. 140—146, рис. 65; ее же. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М., 1958, стр. 351—357.

[21] Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана. . ., стр. 357.

III

ДВОРЕЦ В КОНДУЕ

(ЭПОХА ЮАНЬ)

«КОНДУЙСКИЙ ГОРОДОК»

В предыдущих частях этой книги мы имели возможность проследить два этапа истории древнемонгольского города. Мы видели, что уже на самом раннем этапе сложения древнемонгольского государства во владельческом улусе знатного Чингизида Джочи-Касара возник на р. Хирхира город — резиденция правителя, его военно-административный центр, притягивавший к себе не только его сородичей и вассалов, строивших там свои укрепленные усадьбы, но и ремесленников и торговцев. Этим завершалось превращение замка и окружающих его поселений в город (в экономическом и социальном значении этого исторического образования). На другом примере — в Дён-тереке мы видели, как в центре военно-административного округа, на покоренной монголами земле, тоже возник город, вероятно, первоначально строившийся, как военно-административный пункт, но быстро приобретший все особенности городского типа.

Тот же путь по существу прошел и Кара-Корум — столица древнемонгольского государства. Основанный на месте средоточия ремесленников — металлургов и оружейников, снаряжавших армии Чингисхана, Кара-Корум очень быстро превратился в город — стал не только важнейшим политическим, но и крупнейшим ремесленно-торговым центром.

Одновременно с этим процессом сложения и развития городов шел процесс изменения владельческих имений — ставок. На смену старым кочевым ставкам степной знати пришла оседлость. Крупные монгольские феодалы, особенно в результате притока в их казну богатств, приобретенных дележом военной добычи, уже не ограничивались строительством скромных зимовий, но воздвигали пышные дворцовые усадьбы; вокруг селились зависимые люди, приглашенные и пленные ремесленники и подолгу проживали торговцы из различных стран. По мере увеличения вокруг таких ставок поселков ремесленников и торговцев, ставки также превращались в города.

Наиболее яркий тому пример — дворцовая усадьба крупного монгольского феодала юаньской эпохи, окруженная жилищами знатных родственников и

торгово-ремесленными слободами, — так называемый «Кондуйский городок». Он расположен между реками Кондуй и Барон-Кондуй, северными притоками р. Урулюнгуй (примерно в 50 км к северу от города на р. Хирхире).

«Кондуйский городок» неоднократно описан в историко-археологической литературе. Впервые упоминает о нем Г. Спасский в связи с сообщением о находке плиты с древнемонгольской надписью [1]. Затем в 1844 г. о нем рассказал В. Паршин, осмотревший развалины в 1835 г. В. Паршин сообщал о том, что «развалины сии, открытые в 1803—1804 годах, были разрываемы». По-видимому, здесь имелись в виду «раскопки» заседателя Кличкинского рудника. По словам В. Паршина, «строение было каменное и часть кирпича от него жители Кондуевской слободы догадались употребить на возведение строившейся в то время у них церкви. На месте развалин еще сохранились обломки каменных драконов» [2].

К сожалению, дальнейшие описания кондуйских развалин передают их особенности уже менее ясно, хотя и основываются на новых «разрытиях».

Начало этому положил инженер А. Павлуцкий, обследовавший кондуйские развалины в 1867 г. Сосредоточив свое внимание, главным образом, на центральном холме, А. Павлуцкий объявил его остатком «кумирни» на том основании, что принял находящиеся на этом холме гранитные украшения в виде изваяний драконов за идолов. При этом он счел многочисленные гранитные базы для колонн, поддерживавших некогда перекрытие, за постаменты, на которых по «кумирне» были расставлены «идолы». А. Павлуцкого не смутило то обстоятельство, что при его «реконструкции» черепичная крыша «кумирни» оказалась ни на что не опирающейся, буквально висящей в воздухе [3].

Эту же версию развивал в 1925 г. А. К. Кузнецов, описывая свои раскопки на главном холме Кондуя в 1889 г. А. К. Кузнецов также считал главное здание Кондуя кумирней, каменные изваяния принимал за идолов, а в массивных гранитных постаментах с цилиндрическими выступами видел «седалища для лам». А. К. Кузнецова также не смутило, что и при его интерпретации уцелевших элементов главных кондуйских развалин исключаются какие-либо возможности создать реальную архитектурную конструкцию [4].

К сожалению, остался неизвестным и не был опубликован «План древним строениям, находящимся в Нерчинской заводской округе при речке Малом Кондуе»,

[1] «Сибирский вестник», 1818, ч. IV, отд. II, стр. 116—124.

[2] В. П а р ш и н. Поездка в Забайкальский край, ч. I. М., 1844, стр. 127, 128.

[3] Записки Сибирского отдела Русского географического об-ва, кн. IX-X, отд. II, 1867, стр. 490 и сл.

[4] А. К. К у з н е ц о в. Развалины Кондуйского городка и его окрестности. Записки Забайкальского отдела Русского географического об-ва, вып. XVI, Владивосток, 1925. (Самое удивительное в интерпретации А. К. Кузнецова — это повторение определения А. Павлуцким гранитных изваяний как «идолов», хотя автор издает вполне четкую фотографию, ясно показывающую, что здесь изображение дракона украшает определенную архитектурно-орнаментальную деталь явно конструктивного значения. В этом отношении и А. Павлуцкий, и А. К. Кузнецов сделали шаг назад по сравнению с В. Паршиным, еще в 1835 г. правильно определившим гранитные изваяния из Кондуя как изображения драконов).

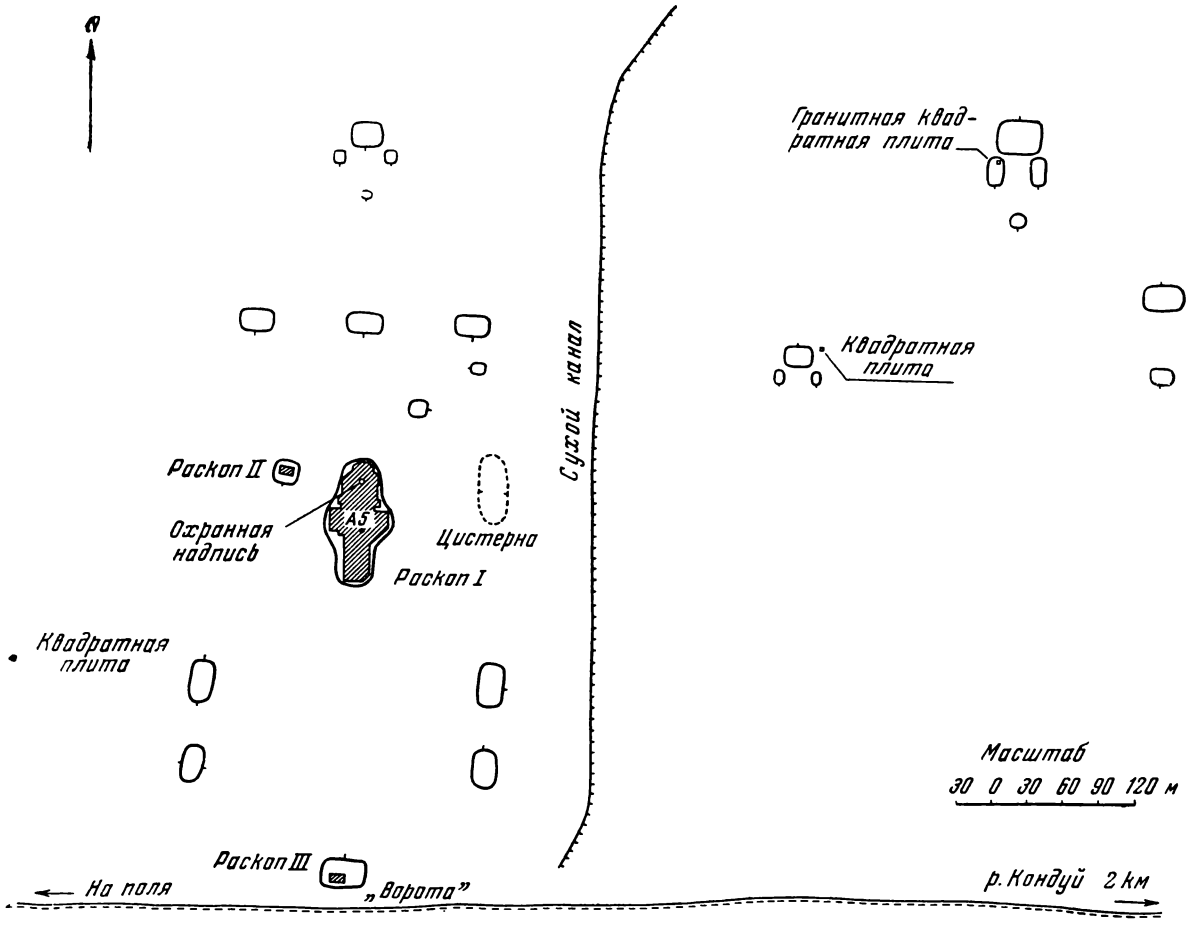


Рис. 170. Кондуй. План комплекса развалин и дворца XIV в. План снимал С. В. Киселев.

выполненный на двух листах в карандаше, с отмывкой, П. К. Фроловым во время его нерчинской командировки в 1798—1800 гг. Совсем недавно их обнаружил в Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде А. П. Уманский, опубликовавший небольшую статью «О судьбе собраний П. К. Фролова» [5].

Такое состояние вопроса о кондуйских развалинах заставило нас прежде всего дать возможно точный план всего комплекса сооружений и их описание, а затем интерпретировать их на основе данных, полученных обширными раскопками.

Кондуйские развалины сильно отличаются от хирхиринских. Там перед исследователем предстает сложный комплекс строений, группирующихся около цитадели здесь же основной архитектурный ансамбль составляет дворец, обширный двор перед которым ограничен с юга остатками входных ворот, а с запада и востока —

[5] Альманах «Алтай», № 20, 1962.

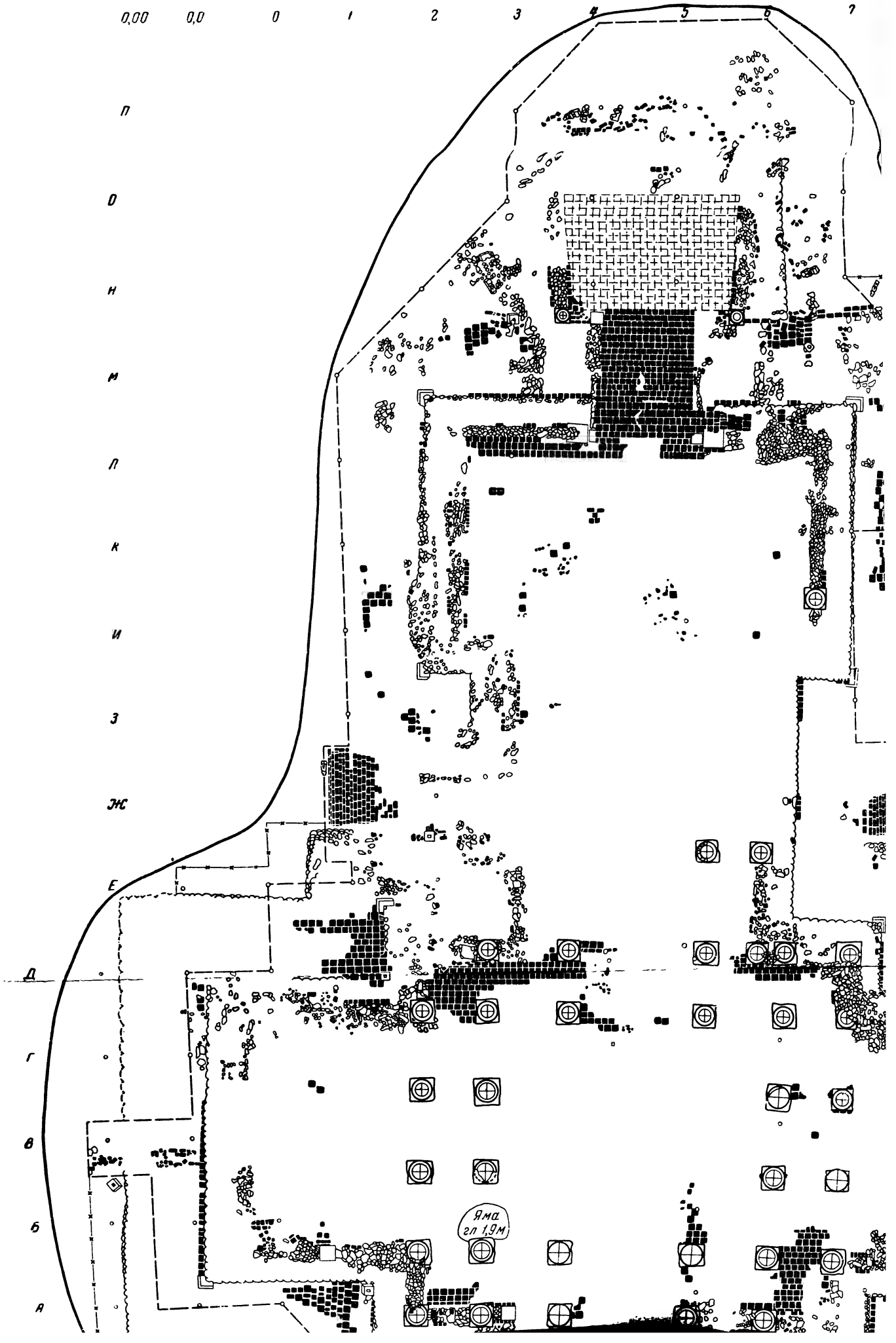
парными павильонами (рис. 170). С севера площадь главной усадьбы отграничивают остатки трех павильонов, расположенных по линии запад—восток. Кроме того, к северо-западу и северо-востоку от дворца расположены остатки более мелких строений, а к востоку — прослеживается некогда облицованный камнем бассейн. Вполне возможно, что в этот бассейн поступала вода из канала, шедшего от р. Кондуй. Его трасса могла совпадать с ныне заброшенным, но действовавшим еще в прошлом веке арыком, который поддерживали кондуйские казаки.

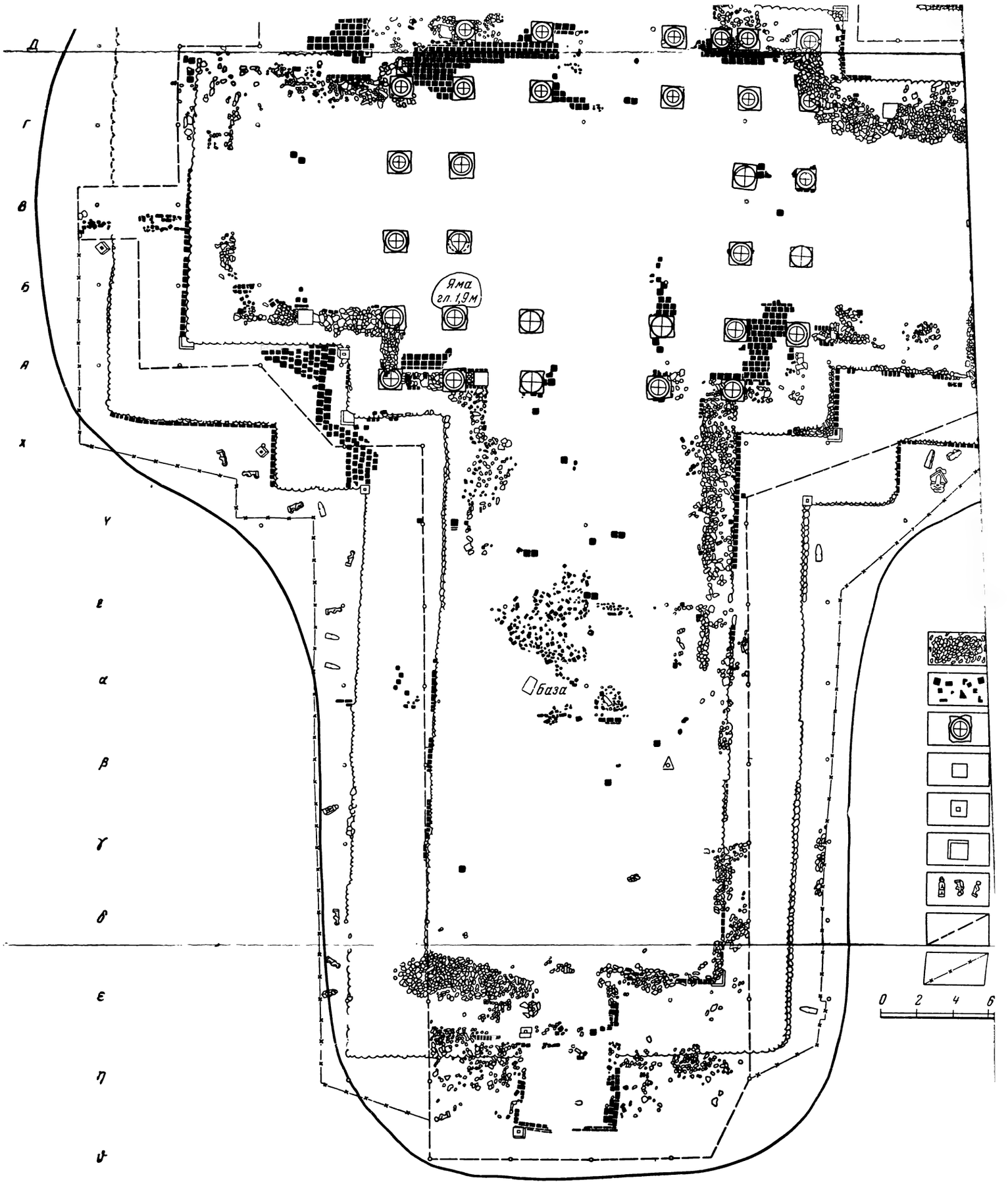
Остальные постройки кондуйского комплекса планировкой мало связаны с основной усадьбой. Обращают на себя внимание холмы, расположенные к востоку от канала, и ансамбль построек (в котором можно угадывать ворота, два боковых павильона и главное здание), находящийся в 100 м к северу от основной дворцовой усадьбы, а также отдельные холмы к западу от нее. Анализ планировки этих холмов позволяет видеть в них остатки таких же усадеб, что и главная дворцовая, но гораздо меньших размеров. Возможно, они принадлежали родственникам хозяина главного дворца.

Кроме того, в 1 км к северо-западу от дворца, среди пашен видны многочисленные холмики, очень похожие на остатки домиков горожан Хирхиринского городища. Правда, шурфовка их не дала пока ясной картины, но найденные там обломки керамики и черепицы заставляют думать, что это поселения людей, которым не очень-то дозволялось строиться в непосредственной близости от района аристократических усадеб. Наконец, в 3 км к востоку от главного Кондуйского дворца уцелели остатки печей, в которых обжигали кирпич и даже, по-видимому, изготовляли поливную черепицу. Там же находится керамика — следы слободки черепичников и кирпичных мастеров. Таким образом, Кондуйская дворцовая усадьба оказывается центром обширного поселения, может быть, также превращавшегося в новый монгольский город XIV в.

Остатки всех зафиксированных зданий дошли до нас в виде холмов подчетырехугольной усеченно-пирамидальной формы. Высота большинства из них колеблется от 1 до 1,5 м. Исключение составляет лишь холм дворца (рис. 171), достигающий высоты 2,5 м. Все холмы (судя по раскопкам пока, правда, двух из них), как и центральный холм, — искусственные платформы, на возвышении которых сооружались здания. Уже эта особенность заставляет видеть в кондуйских сооружениях очень близкие тем, которые исследованы Монгольской историко-этнографической экспедицией АН СССР и КН МНР при изучении комплекса построек дворца Угэдэя в Кара-Коруме [6].

[6] См. стр. 121, вторую часть настоящей книги, а также С. В. К и с е л е в. Древние города Монголии СА, 1957, № 2, стр. 97—101.


0,00
0,0
0
1
2
3
4
5
6
7
П
О
Н
И
Л
К
И
З
Ж
Е
Д
Г
В
Б
А
Яма
гл 1,9м



II

B_{000} B_{00} B_0 B_1 B_2 B_3 B_4 B_5 B_6 B_7 B_8

Уровень нижней террасы

Слой битой черепицы (и известки)

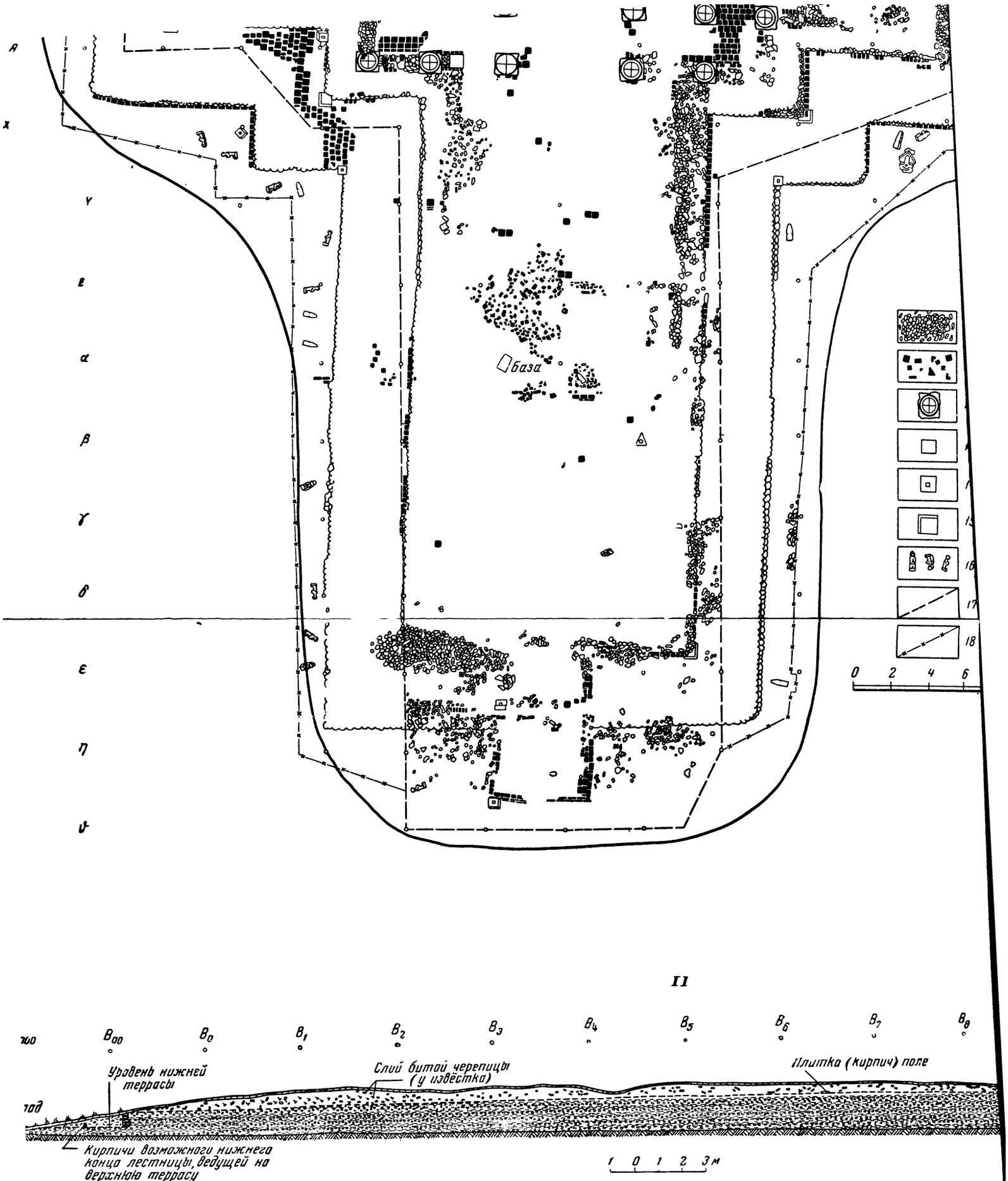
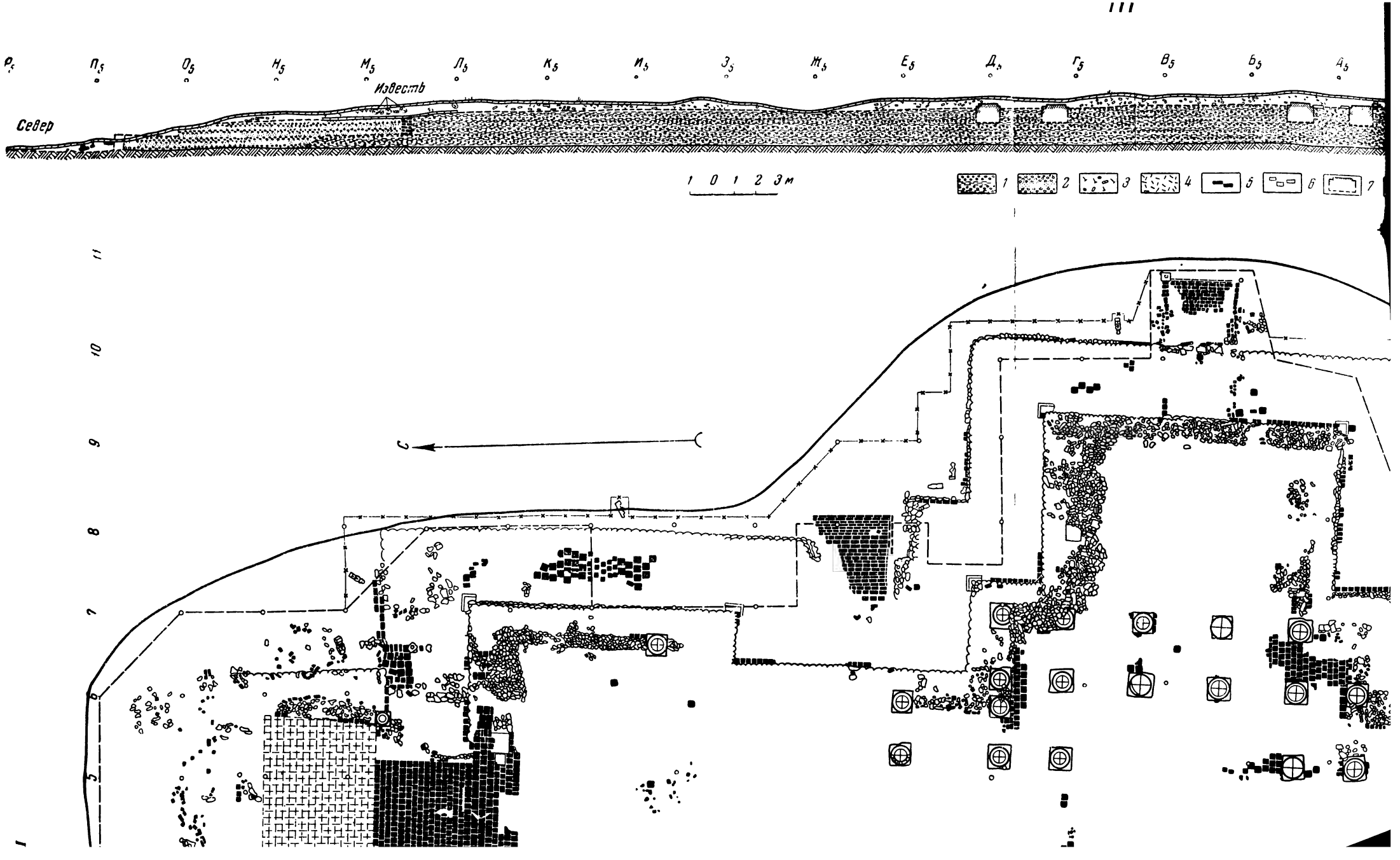
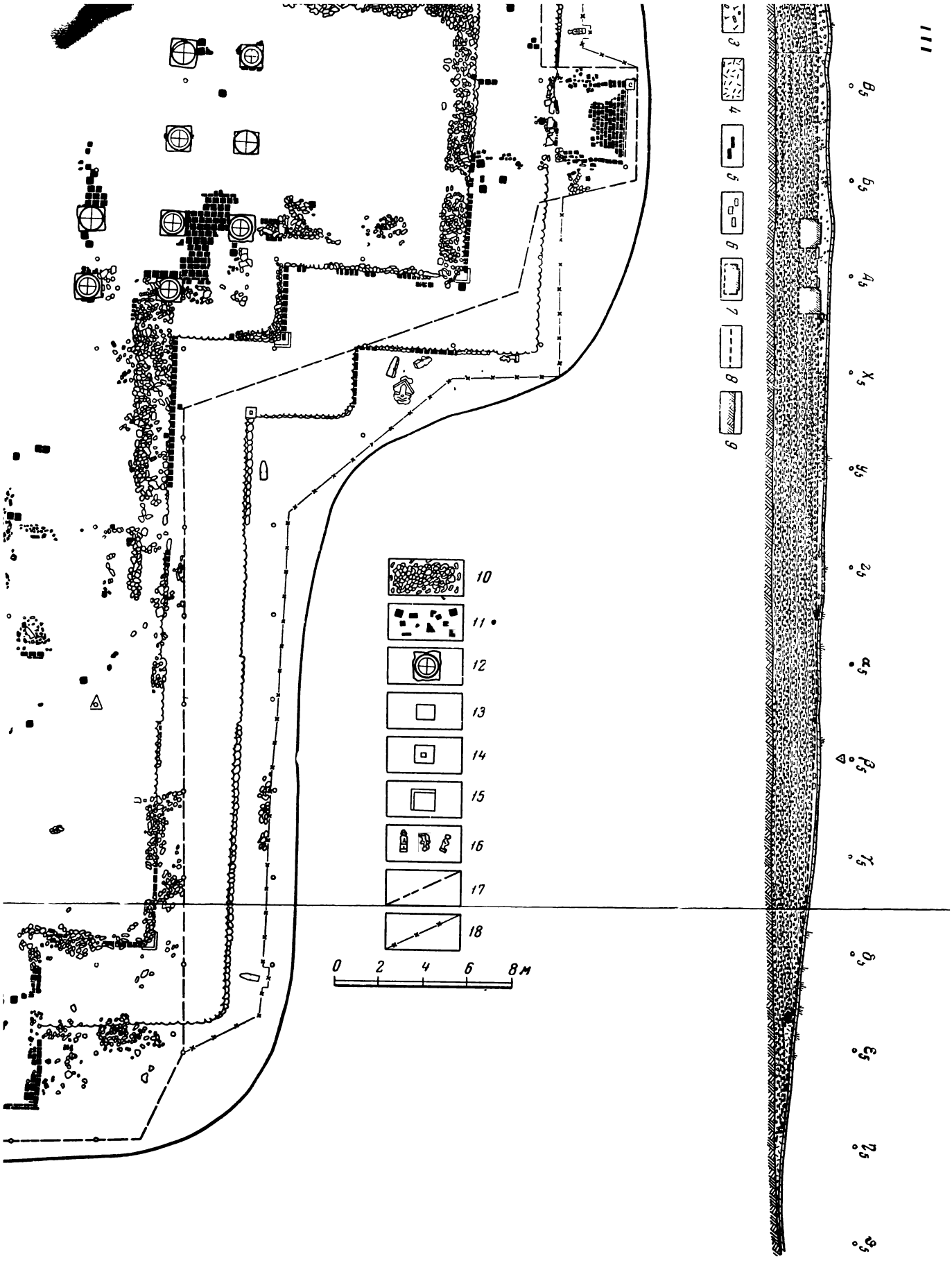


Рис. 171. Кондуй. План и профили раскопок дворца XIV в. (План и профили сняты и вычерчены Л. А.

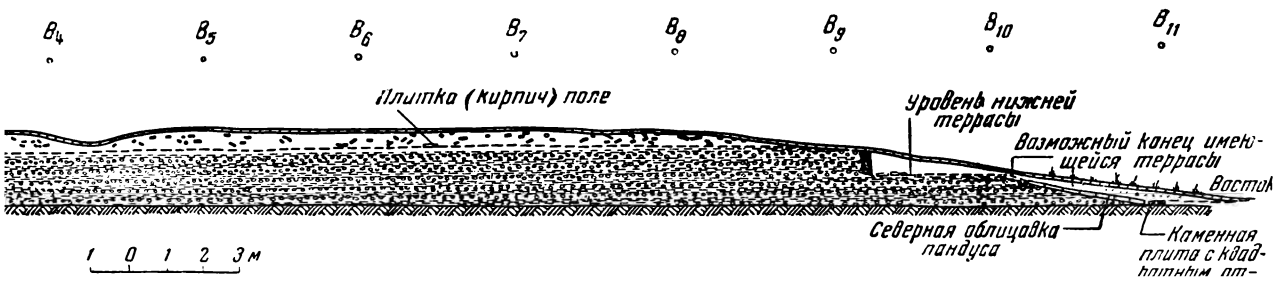
I — план раскопа I; *II* — разрез по линии *B* (вид с юга); *III* — разрез по линии *5* (вид с запада). Условные обозначения: *1* — прослои суглинка и обломков плитняка в толще платформы; *2* — прослои суглинка с углем и обломками кирпича и черепицы в толще платформы; *3* — битый кирпич и черепица с известью; *4* — строительный мусор; *5* — плитняк; *6* — кирпич; *7* — гранитные базы колонн; *8* — уровень пола; *9* — материк; *10* — кладки кам кирпичных кладок; *12* — базы колонн (на плане); *1* ты; *14* — опорные камни балюстрады; *15* — угловы *16* — каменные скульптуры; *17* — границы раскопа ницы раскопа 1958 г. (*1—9* обозначения на профиля начения на плане).

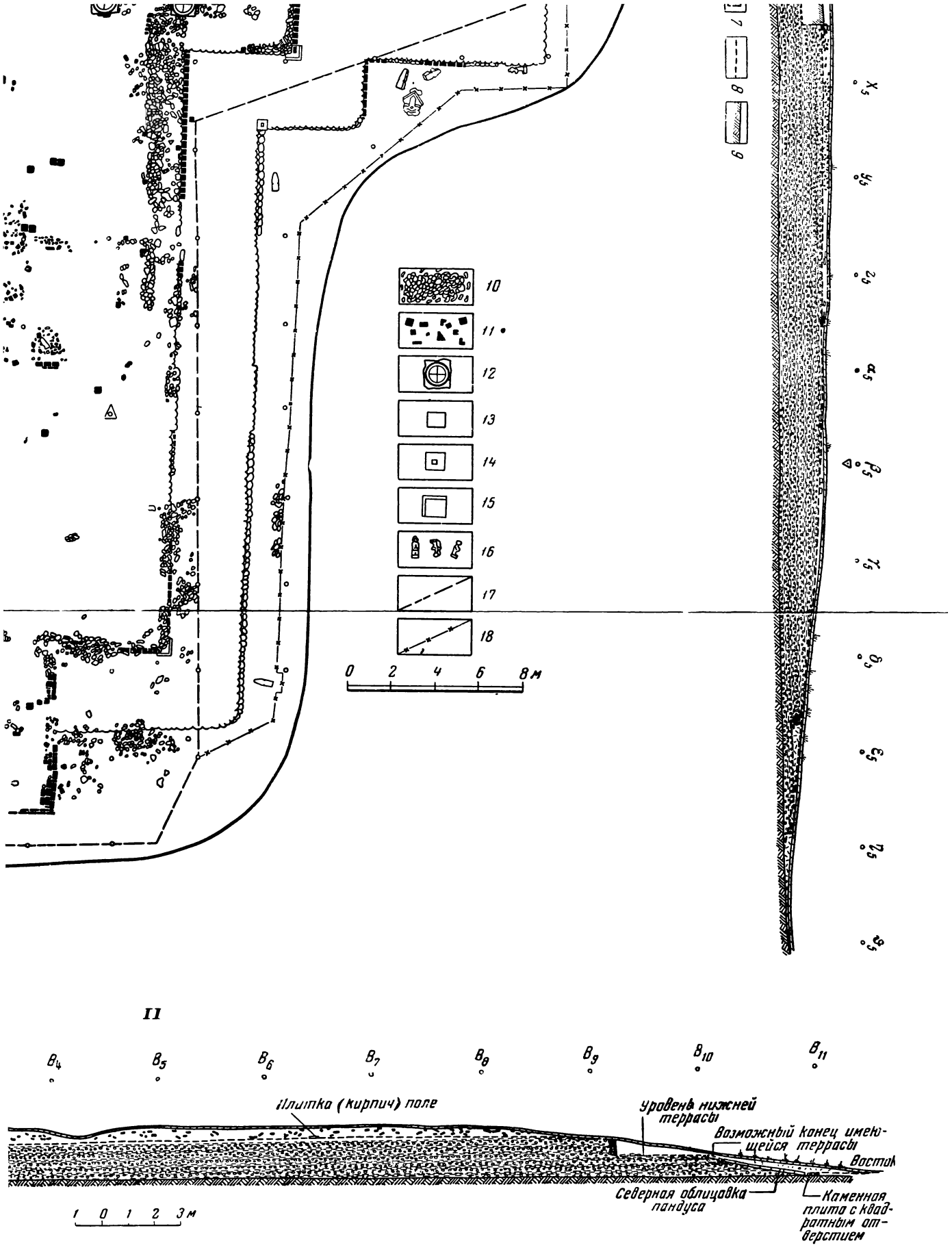


Р5
П5
О5
Н5
М5
Л5
К5
И5
З5
Ж5
Е5
Д5
Г5
В5
Б5
А5
Известь
Север
1 0 1 2 3 м
1
2
3
4
5
6
7
11
10
9
8
7
6
5
С


III
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
0 2 4 6 8 м

II


В4
В5
В6
В7
В8
В9
В10
В11
Плитка (кирпич) поле
Уровень нижней террасы
Возможный конец имеющейся террасы
Восток
Северная облицовка пандуса
Каменная плита с квадратным от-
1 0 1 2 3 м



опок дворца XIV в. (План и профили сняты и вычерчены Л. А. Евтюховой)

юга); *III* — раз-
ния: *1* — прослои
рмы; *2* — прослои
ицы в толще плат-
4 — строительный
ые базы колонн;
8 — уровень пола; *9* — материк; *10* — кладки камня; *11* — остатки кирпичных кладок; *12* — базы колонн (на плане); *13* — опорные плиты; *14* — опорные камни баллюстрады; *15* — угловые опорные камни; *16* — каменные скульптуры; *17* — границы раскопа 1957 г.; *18* — границы раскопа 1958 г. (*1—9* обозначения на профилях; *10—18* — обозначения на плане).

ОПИСАНИЕ РАСКОПОК КОНДУЙСКОГО ДВОРЦА

Сходство сооружений дворца в Кондуе с комплексом построек дворца Угэдэя подтверждается данными, полученными при раскопках на главном кондуйском холме. Протяженность его с севера на юг — свыше 100 м и с запада на восток — до 60 м. Этот холм всех, побывавших на нем, привлекал не только размерами, но и особенностями плана, упрощая который некоторые исследователи получали почти правильный крест. Кроме того, заинтриговывали выдававшиеся на поверхности массивные гранитные блоки с цилиндрическими выступами по верху и различные гранитные квадратные плиты, некоторые из них — с квадратным сквозным отверстием в центре или с наклонно углубленным четырехугольным пазом. Особое внимание исследователи, описывавшие кондуйские памятники, уделяли гранитным изваяниям, в которых видели идолов, бурханов, отличали их по «форме головных украшений, драпировок, одежды, выпуклости груди и т. п.», но никто, включая и А. К. Кузнецова, не смог разгадать их истинного значения [7].

Нам удалось в 1957 г. почти целиком исследовать главный кондуйский холм, вскрыв 2500 кв. м (рис. 171). Выяснилось, что вся его поверхность на глубину 0,4—0,7 м и все его склоны на еще более значительную толщу покрыты остатками поливной черепичной кровли, каменной забутовки и кирпичной облицовки стен и подпорных стенок террас, окружавших здание, а также раздробленных глазурованных рельефов, некогда украшавших стены снаружи. Все это сильно фрагментировано и перемешано во время добычи кондуйскими казаками строительных материалов для сооружения местной церкви и бурятами для ремонта Цугульского дацана.

После снятия толщи строительных остатков, произведенного поквадратно и послойно до уровня пола, стало возможным по сохранившимся нетронутым фрагментам сооружения представить себе многие его архитектурные особенности (рис. 172). При этом, как и при изучении планировки всего ансамбля зданий, выявились общее сходство и различия в деталях Кондуйского дворца с дворцом Угэдэя в Кара-Коруме.

[7] А. К. Кузнецов. Ук. соч., стр. 22, 23.

Рис. 172. Кондуй. Центральная часть дворца

Удалось установить, что почти двухметровая платформа, на которой воздвигался дворец, сооружена теми же приемами, что и платформа дворца Угэдэя. Отличие заключалось лишь в том, что платформа дворца в Кара-Коруме состояла из прослоек супеси и плотно убитой глины, а первоначальная часть платформы Кондуйского дворца — из прослоев суглинка и мелко колотого камня (рис. 171). Так же как и во дворце Угэдэя, в Кондуе в платформу были врыты массивные гранитные блоки с цилиндрическими выступами сверху. Они служили базами для колонн и скрытых в толще стен опор, на которых и держалась вся конструкция здания. Внешнее оформление кондуйской платформы было гораздо сложнее, чем у кара-корумской.

Там она завершалась по сторонам простыми откосами, в Кондуе же платформа была уступчатой. Отвесная кирпичная стенка высотой до 1 м образовывала первую, шедшую вокруг всего здания, террасу (шириной до 2 м), выстланную квадратными кирпичами размером 30×30 см. Отвесная бутовая стенка, облицованная серым кирпичом, поднимаясь на 0,7—0,8 м, образовывала вторую террасу уже на уровне пола дворца.

Террасы сохранились вокруг всего здания, но далеко не везде были достаточно целыми. В 1957 г. наилучше сохранившиеся части террас, — главным образом, в углах центральной части дворца, — обнаружены на участках А1—Х1, Д1—2, Г1—2, Х8 и Д—Г8 (рис. 173). Однако раскопки террас тогда были доведены только до уровня пола нижней террасы; поэтому многие детали их украшения оставались неразгаданными. Выяснилось лишь, что на верхней террасе была балюстрада из покрытого красным лаком дерева, куски которого найдены во многих местах по ее линии. Столбики балюстрады укреплялись в квадратных пазах, высеченных в центре четырёхугольных гранитных плиток (рис. 174). Как видно на плане, эти

в процессе раскопок. (Вид с востока.)

опорные плиты верхней баллюстрады сохранились, в нескольких местах, но главным образом, во внешних и внутренних углах по краям террасы.

В 1958 г. работы были сосредоточены на раскопках нижней террасы и прилегающих к ней участков двора. Получены новые результаты. Уже на участке Y7 удалось обнаружить на уровне пола нижней террасы квадратную гранитную плиту с квадратным отверстием в центре для установки столбика баллюстрады. Центральное отверстие плиты находится в 1,03 м от линии Y7—X7 и в 0,73 м от линии Y7—Y8.

Расчистка вокруг плиты показала, что она лежит на вершине внутреннего угла, который образуют линии стенок нижней террасы, идущие на юг и на восток. Это очень важно и служит доказательством наличия баллюстрады также на нижней террасе.

Дальнейшая расчистка помогла выяснить, что стенка нижней террасы сохранилась здесь на всю высоту (0,7 м) бутовой кладки из обломков известняка. На южном направлении стенки (на участках Z—Y7), кроме того, уцелела вдоль ее подошвы выкладка из одного ряда плиток, очевидно, служившая основанием для кирпичной облицовки обреза нижней террасы. Направление южной стенки здесь определяется следующими расстояниями: от репера Z7 к западу — 1,15 м и от репера Y7 к западу — 1 м. Направление стенки, идущей к востоку, определяется расстоянием линии ее края от репера Y7, равным 0,5 м, и от репера Y8 — равным 0,8 м. На участке Y8 обнаружен внешний угол стенки нижней террасы, повернувшей здесь на север. Расстояние от внутреннего угла, над которым найдена плита с отверстием, на восток до этого внешнего угла — 4,3 м (рис. 175).

При расчистке стенок (участки Z—Y7 и Z—Y8) обнаружено огромное количество обломков черепицы, покрытой зеленой глазурью, большое число обломков

Рис. 173. Кондуй. Дворец. Вымостка нижней террасы и подпорная стенка верхней. Западная часть здания.

отливов и концевых дисков, украшенных драконами, а также фрагментов рельефов от скульптурных украшений коньков кровли и стен здания. Преобладают части изображений драконов, растительные элементы и «облака».

Скопление черепицы в углах здания показывает, как сползала кровля при пожаре, охватившем дворец во время его разрушения. Мощные опоры перекрытий долго держали кровлю, бóльшая часть которой не провалилась внутрь помещений, а соскользнула вовне. На участке Z7, в 0,3 м к западу от линии Z—Y7, найдено гранитное изваяние головы дракона без носа и пасти, лежавшее мордой на север, нижней плоскостью — вверх. На участках Z—η7 на всем протяжении на юг расчищена восточная стенка нижней террасы. Ее положение определяется расстоянием от репера ε7 на запад, равным 2 м. Ее южный конец находится в 2,5 м к югу от линии ε6—7. Здесь прослеживается разрушенный, но все же уцелевший на высоту 35 см угол, сложенный из обломков плитняка.

Далее стенка идет в западном направлении севернее репера η6 в 1,4 м. В 8,5 м к западу от угла к этому южному отрезку подпорной стенки нижней террасы пристроена идущая под прямым углом к югу кирпичная облицовка южного пандуса, исследованного в 1957 г. (см. рис. 171). При расчистке подпорной стенки нижней террасы сделано одно важное наблюдение: во внутреннем углу на участках Z7—8 и Y7—8 найдено очень большое количество обломков черепицы. Немало ее обломков встречено и на участках α7 и β7. Зато дальше на юг черепица попадается в незначительном количестве.

Если учесть, что посередине участков β2—6 проходит внешняя южная стена аванзала, такое распределение находок ясно указывает на отсутствие кровли над обширной южной верхней террасой дворца и говорит о том, что кровля дворца не выступала далеко за линию стен здания; во всяком случае вся нижняя терраса не была прикрыта. Вместе с тем и в южной части она была украшена теми же гранитными скульптурами голов драконов. Об этом свидетельствует находка такой же скульптуры (опять без носа и пасти) между стенкой и репером β7. Изваяние лежало нижней гранью вверх, мордой — на запад.

Рис. 174. Кондуй. Дворец. Опорная плита для столба баллюстрады верхней террасы. Восточная сторона.

Исключительно интересны были раскопки внутреннего угла подпорной стенки на участке Y8 и дальнейшем ее протяжении на восток. На этом участке обнаружен обвалившийся внешний угол стенки, поворачивавшей на север. В этом северном направлении стенка шла от внешнего угла на 3 м, где в 0,3 м к западу от репера X8 она вновь поворачивала на восток. Раскопка участков Y9 и 10 позволила выяснить, что стенка там идет в 0,25 м к югу от репера X9 и в 0,4 м к югу от репера X10. Здесь на линии Y—X10 подпорная стенка образует новый внешний угол и уходит в северном направлении. Как видно на плане, такое сложное многоугольное строение подпорной стенки нижней террасы ритмично повторяет устройство стенки верхней террасы. При расчистке участков Y7—10 количество черепицы также было очень велико.

Под черепицей на грунте найдены четыре гранитных изваяния драконов. Три из них — обычные гранитные головы драконов; две обнаружены у стенки на участке Y9 (одна, находившаяся ближе к реперу X9, была без носа и пасти); третье изваяние лежало на правой щеке, мордой на запад (участок Y10), под подпорной стенкой в 0,9 м к западу от линии Y—X10.

Четвертое изваяние в центре участка Y8 принадлежало к совершенно иному типу. Это массивная гранитная квадратная плита, один угол которой (обращенный при находке на юг) обработан в виде передней части драконо-черепаховидного чудовища, приподнявшегося на передние лапы (рис. 176). На

Рис. 175. Кондуй. Общий вид раскопок дворцовых террас с восточной стороны.

плечах чудовища изображены пластинки панциря, напоминающие такие же пластинки на гранитных черепахах Эрдэни-Цзу. К сожалению, голова чудовища утрачена.

О том, что изваяние стояло во внешнем углу баллюстрады, свидетельствует квадратное отверстие для шипа столбика баллюстрады, высеченное в южном углу плиты (позади чудовища) так, что его стороны совпадают со сторонами плиты. Таким образом, столбик баллюстрады стоял на внешнем углу террасы. Об этом же свидетельствует противовес, идущий по диагонали через всю плиту от квадратного отверстия, т. е. массивный брус, высеченный вместе с плитой. Он должен был уравновешивать ее с выступавшей вперед и нависавшей над стенкой террасы протомоії чудовища. Без такого противовеса фигура опрокинулась бы. Размеры плиты и противовеса — 0,63×0,64 м по сторонам плиты; ее толщина — 0,1 м, толщина бруса — 0,11 м, ширина — 0,22 м; отверстие — 0,095×0,095 м.

Эта находка особенно интересна потому, что позволяет определить самыі существенный элемент украшения нижней террасы Кондуйского дворца. Наша находка важна еще потому, что позволяет определить место целого изва-

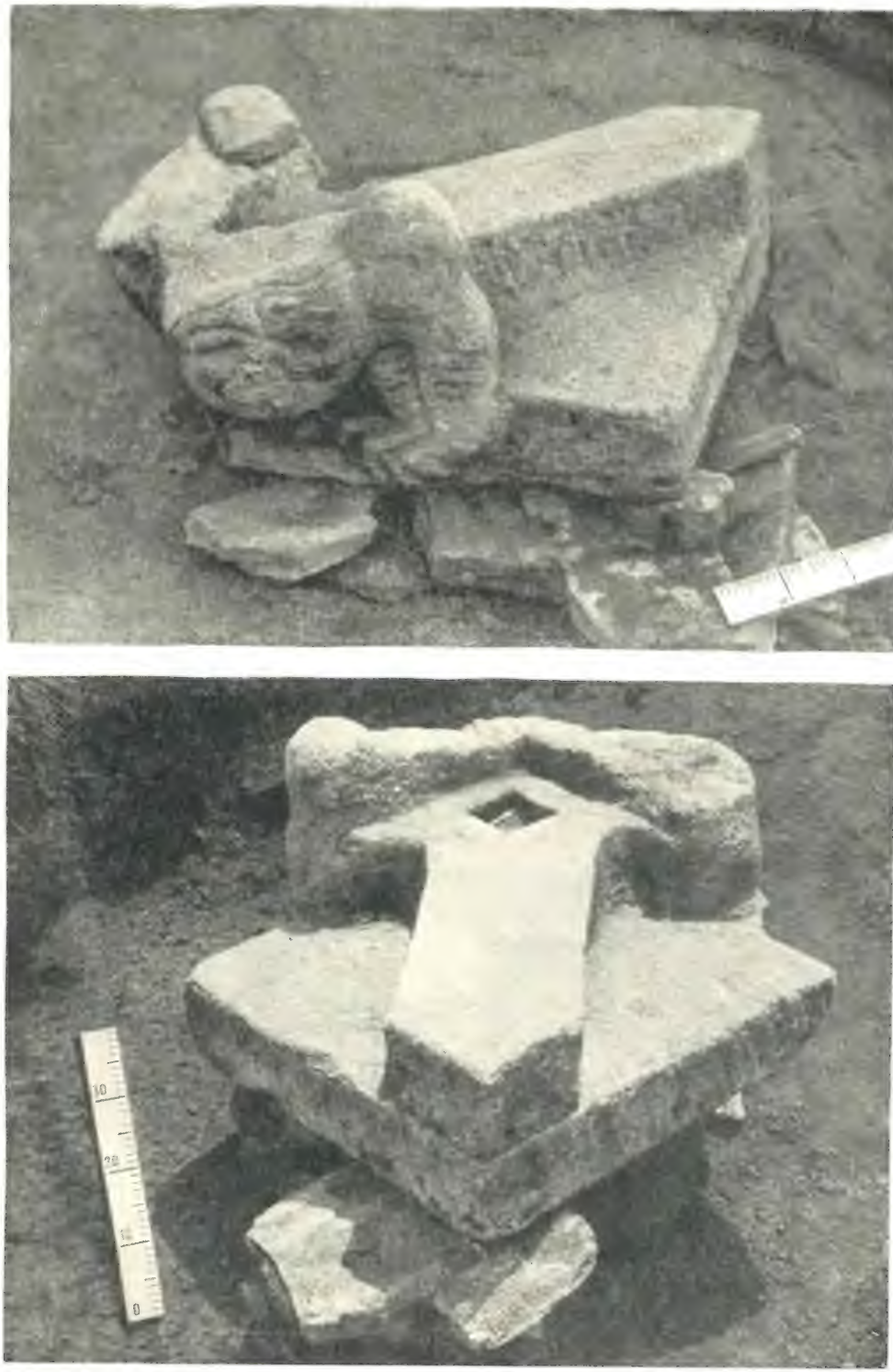


Рис. 176. Кондуй. Дракон, украшавший юго-восточный угол нижней террасы дворца.
1 — вид сбоку; *2* — вид сзади

Рис. 177. Кондуй. Дворец. Гранитное изваяние — дракон, украшавший угол нижней террасы. (*а*, *б* — вид с двух сторон). Хранится в Государственном Эрмитаже.

Рис. 178. Кондуй. Дворец. Гранитный дракон, украшавший нижнюю террасу. (Найден на участке В11).

яния этого типа, которое было в свое время вывезено из Кондуя и хранится сейчас в Эрмитаже (рис. 177).

Пойдем дальше в описании раскопок нижней террасы. Около репера Х10 ее подпорная стенка повернула на север, несколько севернее репера Б10 подошла к южной стенке восточного пандуса, вышла из-под него восточнее репера В10 и протянулась до середины участка Д11. Общая длина подпорной стенки с юга на север — около 22 м. Ее направление определяется тем, что на юге она проходит непосредственно с запада от репера Х10, а на севере — в 1 м к востоку от репера Д10. Некоторое отклонение линии подпорной стенки к востоку совпадает с таким же перекосом линии подпорной стенки верхней террасы. Нижняя стенка на всем отрезке (от Х10 до Д10) сохранилась в высоту далеко не полно, достигая лишь местами 0,4—0,5 м. При расчистке ее найдено сравнительно небольшое количество обломков черепицы, а в центральной части участка В11 — голова дракона, лежавшая в 0,3 м к востоку от стенки на нижней грани, мордой на запад (рис. 178).

Как видно на плане, в средней части участка Д11 обнаружен внешний угол подпорной стенки нижней террасы, и она повернула на запад. Направление ее — от репера Д10 к северу в 1,5 м и от репера Д9 к северу в 1,75 м. Общее ее протяжение от внешнего угла на запад — около 8 м. Если на участке Д11 кладка из обломков камня сохранилась на высоту всего 30—35 см, то на участке Д9 она достигла почти полной высоты в 0,75—0,85 м. Здесь обнаружен внутренний угол, и стенка повернула к северу. Она прошла от репера Е8 в 0,9 м к востоку и закончилась развалом камней в 0,68 м к северу от линии Е8—9. Расчистка развала позволила установить, что первоначально здесь был новый поворот стенки на запад,

Рис. 177. Кондуй. Дворец. Гранитное изваяние — дракон, украшавший угол нижней террасы. (*а*, *б* — вид с двух сторон). Хранится в Государственном Эрмитаже.

Рис. 178. Кондуй. Дворец. Гранитный дракон, украшавший нижнюю террасу. (Найден на участке В11).

яния этого типа, которое было в свое время вывезено из Кондуя и хранится сейчас в Эрмитаже (рис. 177).

Пойдем дальше в описании раскопок нижней террасы. Около репера Х10 ее подпорная стенка повернула на север, несколько севернее репера Б10 подошла к южной стенке восточного пандуса, вышла из-под него восточнее репера В10 и протянулась до середины участка Д11. Общая длина подпорной стенки с юга на север — около 22 м. Ее направление определяется тем, что на юге она проходит непосредственно с запада от репера Х10, а на севере — в 1 м к востоку от репера Д10. Некоторое отклонение линии подпорной стенки к востоку совпадает с таким же перекосом линии подпорной стенки верхней террасы. Нижняя стенка на всем отрезке (от Х10 до Д10) сохранилась в высоту далеко не полно, достигая лишь местами 0,4—0,5 м. При расчистке ее найдено сравнительно небольшое количество обломков черепицы, а в центральной части участка В11 — голова дракона, лежавшая в 0,3 м к востоку от стенки на нижней грани, мордой на запад (рис. 178).

Как видно на плане, в средней части участка Д11 обнаружен внешний угол подпорной стенки нижней террасы, и она повернула на запад. Направление ее — от репера Д10 к северу в 1,5 м и от репера Д9 к северу в 1,75 м. Общее ее протяжение от внешнего угла на запад — около 8 м. Если на участке Д11 кладка из обломков камня сохранилась на высоту всего 30—35 см, то на участке Д9 она достигла почти полной высоты в 0,75—0,85 м. Здесь обнаружен внутренний угол, и стенка повернула к северу. Она прошла от репера Е8 в 0,9 м к востоку и закончилась развалом камней в 0,68 м к северу от линии Е8—9. Расчистка развала позволила установить, что первоначально здесь был новый поворот стенки на запад,

Рис. 179. Кондуйский дворец. Пандус восточного выхода из первого проходного зала.

вызванный тем, что восточный пандус, выводивший из первого проходного зала, не был примкнут к нижней террасе, а врезан в нее.

При расчистке внутреннего угла подпорной стенки нижней террасы на участке Д9 (как и на участке Y9) найдено очень большое количество черепицы, покрытой поливой. Под черепицей на грунте обнаружены два гранитных изваяния голов драконов. Одно лежало на левой щеке вдоль стенки, идущей по линии восток—запад (в 0,5 м к северу от ее обреза), мордой на восток; другое изваяние лежало вдоль стенки, идущей по линии юг—север (также в 0,5 м от ее обреза), нижней плоскостью вверх, мордой на север.

Еще в 1957 г. было установлено, что северная часть восточного пандуса первого проходного зала, особенно в верхней половине, разрушена траншеей, проведенной в первой половине XIX в. Она разрушила и подпорную стенку нижней террасы вдоль северного края пандуса (рис. 179). Поэтому в 1957 г. дальнейшее направление этой стенки на север было определено лишь приблизительно. Теперь оно устанавливалось совершенно точно. Подпорная северная стенка нижней террасы начиналась в 1 м к западу от нижнего северо-восточного угла пандуса. Дальнейшее ее направление определилось следующими расстояниями к западу: от репера З8 — в 0,6 м и от репера М8 — 0 м. Общее протяжение этого отрезка стенки от пандуса на

север — около 21 м. При расчистке и стенки, и поверхности нижней террасы найдено не очень большое количество черепицы. Немного ее собрано в 1957 г. и на поверхности платформы, на площади первого северного зала. По-видимому, кровля здесь была не полностью черепичной. При расчистке участка З9 в его центральной части обнаружено гранитное изваяние головы дракона, лежавшей на правой щеке, мордой на юго-запад.

На участках М8 и М9 в 2,3 м к северу от репера М8 обнаружен внешний угол подпорной стенки нижней террасы, поворачивавшей на запад. Угол сохранился на незначительную высоту, зато стенка, идущая по линии восток—запад, чем дальше к западу, тем больше повышалась и на участке М7 достигла высоты 0,8 м. При этом расчищена уцелевшая здесь кирпичная облицовка подпорной стенки и ее внутренний угол, от которого следы стенки протянулись на север на 7 м (участки М7, Н7 и О7). Здесь сделано очень важное наблюдение. Разобрав остатки кладки подпорной стенки северного направления во внутреннем углу (участок М7), мы обнаружили, что первоначально стенка не поворачивала на север, а шла дальше в западном направлении. Сохранились и ее бутовая кладка, и нижняя часть кирпичной облицовки. Впоследствии они были закрыты подсыпкой платформы, увеличенной для пристройки второго северного зала. Это совпадает с тем, что было обнаружено ранее в отношении подпорной стенки верхней террасы (участка Л3, Л4, Л5, Л6 и Л7), где установлено, что стена первоначально не поворачивала на север, а шла прямо с востока на запад. Лишь впоследствии центральная часть ее была скрыта в подсыпке платформы, увеличенной к северу. Повторение этого факта и при изучении нижней террасы лишний раз подтверждает, что второго северного зала дворца первоначально не существовало; он был пристроен позднее. При расчистке нижней подпорной стенки на участке М8 (у линии Н7—8 в 2 м к востоку от репера Н7) найдено гранитное изваяние головы дракона, лежавшее нижней гранью на грунте, мордой — на юго-юго-запад.

Одновременно с работами на восточной стороне дворца начаты раскопки нижней террасы с запада. Открыты подпорная стенка ее, шедшая с юга на север (участки η1 и 2—Y 1 и 2) и южный внешний угол на линии η1—ε1 в 1,4 м к северу от репера η1. Отсюда она протянулась на север на 28,3 м, где на участке Y2, образуя внутренний угол, повернула на запад.

Здесь повторилась та же картина и с восточной стороны. Пока раскапывались участки, соседние с южной террасой дворца, находки черепицы были единичны. При расчистке более северных участков, соседних с аванзалом, количество черепицы несколько увеличилось; особенно много ее обломков обнаружено во внутренних углах террасы (участки Y0, 1 и 2 и X0 и 1). Здесь, как и с восточной стороны, найдено особенно много обломков отливов и дисков, украшенных рельефными изображениями драконов, обломков черепиц, покрытых растительными узорами и элементами крупных фигур «драконового» орнамента.

Внутренний угол подпорной стенки нижней террасы (участок Y2), так же как и внутренний угол на участке Y7, оказался отмеченным на поверхности террасы квадратной гранитной плитой с квадратным отверстием в центре для установки на ней при помощи шипа углового столбика балюстрады. Но самой важной при

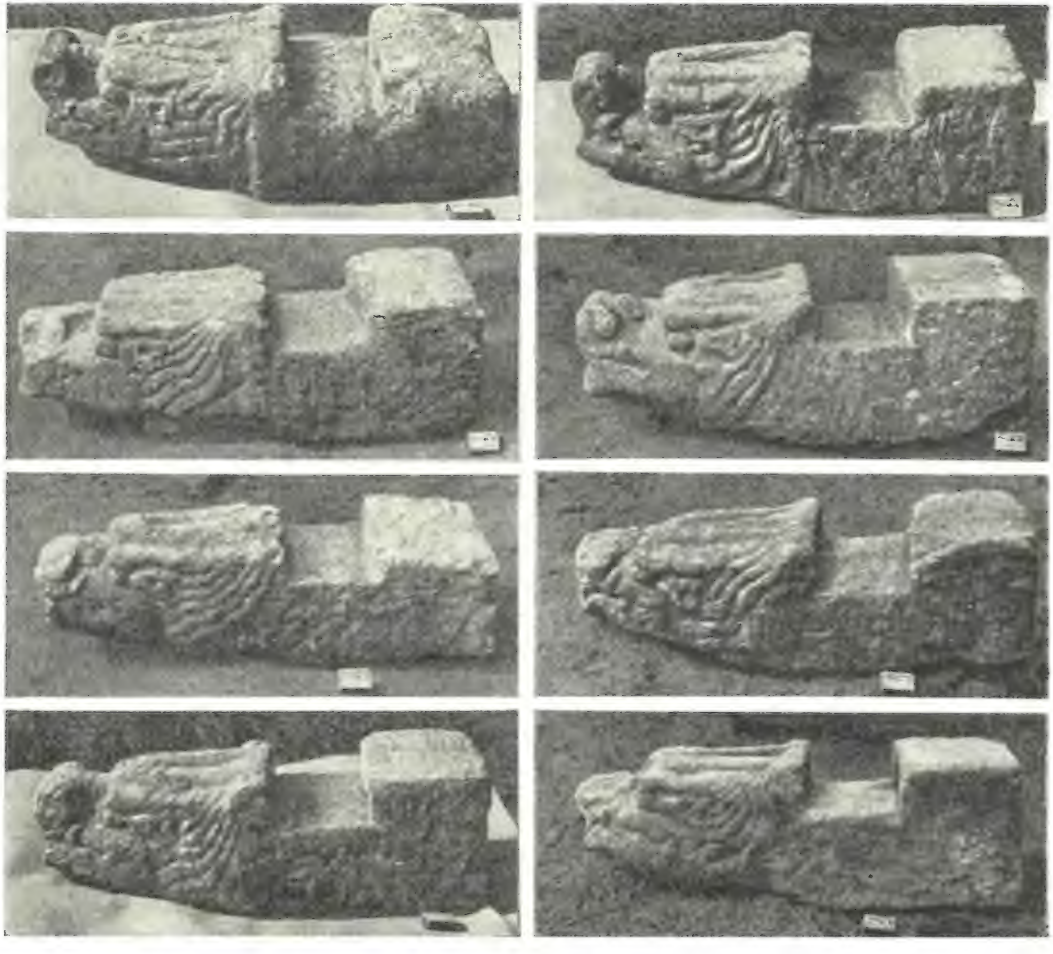


Рис. 180. Кондуйский дворец. Гранитные изваяния драконов, украшавшие нижнюю террасу с запада.

раскопке этой части нижней террасы была находка у ее основания большого числа гранитных голов драконов. Все они лежали на грунте в разных положениях.

Однако группировка изваяний позволяет догадываться об интервалах, с которыми они были в свое время размещены по линии балюстрады. Так, на участке ε1 оказались три изваяния (см. рис. 171). Наиболее южное лежало в 5 см к северу от линии ε0—ε1; среднее находилось посередине участка, а наиболее северное было обращено мордой к югу на линии δ0—δ1. То же расположение отмечено и на участках α1 и Z2. На участке α1 найдены три изваяния голов драконов: наиболее южное, с отбитой мордой, лежало в 0,9 м к северу от репера α1, второе, также с отбитой мордой, — между репером α1 и Z1; третье изваяние, тоже фрагментированное, оказалось на линии Z0—Z1; четвертое изваяние, сохранившееся целиком, найдено на участке Z2 почти точно посередине между пикетами Z1 и X1 (рис. 180).

Таким образом, в двух местах выяснилось, что расстояние между изваяниями голов драконов равняется примерно 2 м. То же оказалось и при расчистке подпорной стенки нижней террасы (участки Y0 и Y1), где стенка идет с востока на запад. Здесь обнаружены два изваяния; расстояние между ними — до 2 м. Если принять во внимание, что весь отрезок подпорной стенки здесь тянется с востока на запад на расстояние около 5 м, мы не вправе ожидать здесь более двух изваяний. [Тот же расчет интервалов устанавливается и на восьмиметровом отрезке подпорной стенки (по линии X8—X10), где, как мы упоминали, найдены три изваяния]. У переднего отрезка подпорной стенки нижней террасы, идущей с юга на север и сохранившей нижний ярус кладки кирпичной облицовки, обнаружено одно целое изваяние головы дракона. Большее количество изваяний здесь и не поместится. Наконец, изваяние, явно принадлежащее стенке, проходящей с востока на запад по участку X0, найдено посередине между реперами X00 и X0; это также подтверждает установленное расположение изваяний на балюстраде нижней террасы с интервалами в 2 м.

Отнюдь не случайными оказались места и других гранитных изваяний драконов, найденных одиночно. Почти точно расположено изваяние, обнаруженное посередине участка γ1. Не случайно и место находки изваяний на участках восточной стороны нижней террасы дворца (участки η7, Y7, В11, Д9, И9). Отмечая закономерность расположения находок гранитных изваяний, мы описали и те изгибы, которые образует подпорная стенка нижней террасы (участки Y0, Y1, Y2, X0, X1). Они почти точно совпадают с изгибами, прослеженными с восточной стороны (участки Y7, Y8, Y9 и Y10). Почти полностью соответствуют и размеры изгибов.

На участке X00 подпорная стенка нижней террасы повернула на север. Там ее удалось проследить на протяжении 9 м (участки X00, A00, Б00) — вплоть до остатков южной облицовки пандуса, выводившего из центральной части дворца на запад. Здесь на участке Б00, в 2,15 м к северу от репера Б000, в 0,2 м выше грунта, среди обломков кирпичей найдена квадратная гранитная плита с квадратным отверстием в центре, служившая, очевидно, для укрепления столбика балюстрады на нижней террасе у верхнего южного края пандуса.

Расчистка подпорной стенки нижней террасы в части, расположенной к югу от пандуса, выводившего на запад от первого проходного зала (участки Е0, Е1, Д0, Д1), — позволила установить полное соответствие в устройстве западного пандуса с восточным. И западный пандус оказался не пристроенным к нижней террасе, а врезанным в нее так, что угол, образуемый подпорной стенкой, и здесь был выдвинут на запад на 1 м, так же как и соответствующий угол с восточной стороны (ср. участок Е9). Отрезок стенки, повернувший от этого угла на юг, и здесь равнялся 3 м с небольшим. Точные размеры установить невозможно, так как внешний угол стены сохранился лишь в развалинах. Внутренний угол, расчищенный в северной части участка Д1, тоже сохранился плохо; однако все же удалось проследить остатки подпорной стенки, поворачивавшей от него на запад. В нижних частях бутовой кладки она сохранилась до репера Е00. Направление стены нижней террасы определилось расстоянием к северу от репера Е00 в 0,2 м и от репера Е0—в 0,4 м.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Главное здание Кондуйского дворца стояло на высокой двухметровой платформе, края которой украшали двухъярусные террасы. Верхняя терраса была ограждена деревянной балюстрадой, покрытой красным лаком. Такая же балюстрада шла и по нижней террасе, возвышавшейся над уровнем двора на 1—1,3 м. На нижней террасе, выступая личинами наружу, были расставлены гранитные изваяния, изображающие головы драконов, кабановидных и с рогами лани (рис. 181).

Нам удалось за два года найти 31 такое изваяние (при этом от двух — только куски морды). Все они лежали на уровне двора, вдоль основания стенки нижней террасы (см. рис. 171). А. Эпов нашел еще в XIX в. два изваяния, из которых одно передал в Нерчинский музей. Два изваяния в 40-х годах прошлого века были отправлены в Петербург; 64 каменных изваяния вделаны в стены церкви в с. Кондуй [8]. В начале 30-х годов три изваяния вывез в Государственный Эрмитаж В. Казакевич.

Таким образом, всего сейчас известно 102 драконовидных изваяния первого типа (изображающих только голову дракона). Изучая их местонахождение при раскопках, можно определить их расположение. Все они некогда находились на нижней террасе, выступая мордами наружу. Драконовидных изваяний на верхней террасе, очевидно, не было. Ни одно из них не найдено в таком положении, которое позволило бы полагать, что это изваяние первоначально находилось на верхней террасе дворца. Большая часть их лежала перпендикулярно краю нижней террасы. У большинства из них в задней, «брусковой» половине камня был прямоугольный вырез, который, совершенно очевидно, был рассчитан на то, чтобы в него входил нижний брус балюстрады. Этим способом одновременно укреплялась балюстрада и получал дополнительный противовес камень с изваянием. Может быть,

[8] А. К. Кузнецов. Ук. соч., стр. 22 и 26, табл. IV и V; А. П. Окладников. Работы Бурят-монгольской археологической экспедиции в 1947—1950 годах КСИИМК, вып. XLV, 1952, стр. 46, 47, рис. 21.

Рис. 181. Кондуй. Гранитные изваяния драконов, украшавшие нижнюю террасу дворца с восточной стороны.

изваяния в Кондуе потому и не удержались на краю террасы, что во время гибели дворца лишились противовеса и неизбежно должны были упасть вниз, на землю.

Только два изваяния первого типа отличаются от остальных иным строением задней, «брусковой» половины. Оба они вделаны в стену кондуйской церкви, по обеим сторонам западного входа [9]. Их отличает отсутствие в задней половине выреза; его заменяет квадратный паз, аналогичный вырезанным в центре четырехугольных опорных плит баллюстрады. Однако у опорных плит сто́роны отверстия совпадают со сторонами квадратной плиты, а у разбираемого драконового изваяния паз обращен к боковым граням «бруска» углами. Положение паза свидетельствует о том, что изваяние, на котором он вырезан, размещалось в вершине угла террасы. Поскольку для украшения внешних углов применялись, как мы сейчас увидим, совершенно иные изваяния (второй тип), можно полагать, что вариант первого типа использовался для украшения внутренних углов нижней террасы.

Близ юго-восточного внешнего угла нижней террасы, как сказано выше, нам посчастливилось найти украшавшее его изваяние второго типа — в виде протомы дракона. К сожалению, у него утеряна голова, но оно важно потому, что документи-

[9] Один из них крайне неточно изображен у А. К. Кузнецова (ук. соч., табл. V). Однако и на этом несовершенном рисунке ясно видно особое расположение квадратного паза.

Рис. 182. Кондуй. Вид раскопок центральной

рует совершенно аналогичное изваяние в виде протомы дракона, вывезенное из Кондуя В. Казакевичем и хранящееся в Эрмитаже (рис. 177).

Эти угловые протомы драконов сделаны весьма тщательно. Изваяния Кондуйского дворца особенно ценны тем, что впервые свидетельствуют о широком применении для украшения дворцовых террас драконовых скульптур уже в XIII—XIV вв. Этот важный историко-архитектурный факт, при всей его неожиданности, вполне закономерен.

Интересно, что в подобных зданиях изваяния обычно располагаются на террасах с интервалом около 2 м. Если принять во внимание, что протяженность всей нижней террасы Кондуйского дворца достигает 250 м, то при интервале в 2 м потребовалось для ее украшения до 125 драконовых изваяний. Замечательно, что эта цифра и получается при учете всех находок и тех мест, где изваяния особенно необходимы.

В самом деле, к найденным во дворце 100 изваяниям обычного типа нужно прибавить восемь изваяний второго варианта, украшавших внутренние углы террасы. Правда, их найдено всего два, но углов восемь; вполне возможно, что шесть изваяний не сохранились. К этому числу нужно прибавить изваяния в виде протомы дракона, украшавшие внешние углы нижней террасы; таких углов 16, и можно пола-

части дворца с гранитными базами колонн.

гать, что изваяний в виде протомы дракона было тоже 16, хотя до нашего времени и уцелели всего два. Если сложить все приведенные числа, то получим 124 изваяния, которые, вероятнее всего, и украшали Кондуйский дворец. При этом не столь существенно, на всех ли углах нижней террасы — внутренних и внешних — были скульптуры. Важно другое: при всех вариантах 100 изваяний головы дракона, найденные в разное время в развалинах Кондуйского дворца, составляют полный комплект украшений, некогда находившихся по сторонам нижней террасы, по-видимому, с тем же интервалом в 2 м. Это подтверждается расположением изваяний в тех местах раскопок, где они, очевидно, не были сдвинуты после падения с края террасы на землю. Мы уже отмечали, что, как видно на плане, интервалы между многими найденными при наших раскопках изваяниями равны примерно 2 м.

При раскопках в Кара-Коруме было выяснено, что на платформу дворца Угэдэя вела одна лестница с юга, со стороны главных ворот. В Кондуйском дворце лестницы были заменены пологими, выстланными кирпичом, пандусами (рис. 179), огражденными баллюстрадой. Каждый пандус состоял из двух маршей: один вел на нижнюю террасу, другой — на площадку верхней террасы. Пандусов обнаружено пять: южный, обращенный к главным воротам, и по два с восточной и за-

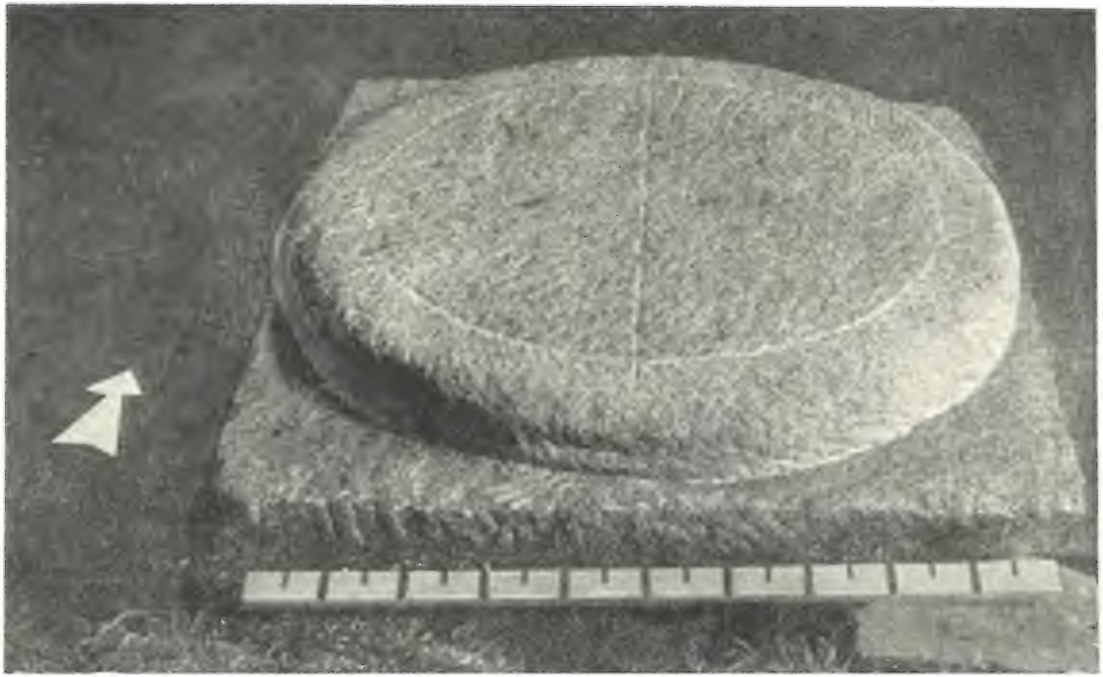


Рис. 183. Кондуйский дворец. Гранитная база колонны из центральной части здания.

падной сторон дворца. Следует подчеркнуть, что с северной стороны выходов не было.

С юга наверху платформы, сейчас же за верхним маршем пандуса, располагалась обширная передняя терраса шириной 13 м и глубиной до стены дворца также 13 м. Крайне малое число находок черепиц на ее площади заставляет считать переднюю террасу Кондуйского дворца открытой [10].

Передняя стена дворца, как и стены других частей здания, состояли из каменной забутовки, слабо — только местами — скрепленной известью, и из облицовки с обеих сторон кладкой в один кирпич, в перевязь, на извести. Кирпич облицовки серый, среднего обжига, размером 31—33×15—16×4,5—5 см. Уже характер кладки показывает, что она не рассчитана на большую нагрузку и не могла служить несущей конструкцией. И действительно, всю тяжесть здания несли скрытые в толще стен деревянные столбы, поставленные на гранитные основания. Внутри здания им отвечали ряды деревянных колонн, также опиравшихся на гранитные базы (рис. 182). Возможно, каменная стена вообще поднималась невысоко, только до уровня окон (примерно на 1,5—2 м). В пользу этого свидетельствует малое количество обломков бутового камня и кирпича в развалах у остатков стен. Обломков бута на все здание

[10] На площади передней террасы на 169 кв. м найдено всего 1402 обломка черепицы. При этом подавляющее большинство их собрано с площади, примыкающей к развалу передней стены дворца, и явно принадлежит кровле самого здания.

найдено 18 137, кирпича — 14 239. По-видимому, верхнюю часть стен образовывали деревянные щиты с окнами, закреплявшиеся между стенными деревянными опорами.

Кондуйский дворец начинался аванзалом длиной (с юга на север) 16,5 м. Он был трёхнефным — на некотором расстоянии от наружных стен стояли в два ряда деревянные колонны, поддерживавшие центральную часть перекрытия. Колонны толщиной около 1 м опирались на массивные гранитные блоки, в верхней части которых была высечена цилиндрическая база (рис. 183). К сожалению, сохранилась лишь одна база, и то опрокинутая. Однако их места хорошо видны, и можно было установить, что расстояние между колоннами аванзала (по ширине) равнялось 5 м. Промежутки по длине, вероятно, составляли 2—2,5 м, как и в других залах дворца. Весь аванзал был вымощен хорошо отполированными серыми квадратными кирпичами (30×30 см, 31×31 см). Вдоль стен выведен плинтус из поставленных на ребро обычных серых кирпичей, расколотых вдоль.

Аванзал приводил к основной части дворца, где, судя по количеству гранитных баз, было установлено 20 колонн, образовавших шесть боковых нефов, и находился центральный зал примерно в 131 кв. м [11]. Массивные гранитные базы, врытые в толщу платформы, до сих пор поражают точностью горизонтального положения верхней плоскости и почти полным единообразием высоты над горизонтом (колебания по нивелировке —3—5 см).

Была ли эта часть дворца разгорожена на отдельные помещения деревянными перегородками, ширмами или занавесями, — вероятно, навсегда останется неизвестным. Можно только сказать, что она была особенно богато украшена. Во многих местах встретились обломки окрашенной штукатурки. На одном фрагменте сохранились следы росписи по красному черным. Около гранитных баз колонн встречались куски красного лака. Это заставляет вспомнить зафиксированный А. К. Кузнецовым рассказ бурята Башектуя о том, что при разборке кирпича, который он возил в Цугульский дацан, попадались деревянные столбы, завернутые грубой материей — дабой, «обмазанной замазкой» [12]. Это особый прием строительства колонн, которые обшиваются рединой, шпаклюются и сверху покрываются блестящим красным лаком. Здесь же нашлись и глиняные глазурованные фигурки зверей, по-видимому, украшавшие колонны (рис. 184) [13].

Центральную часть дворца украшали по-видимому и поставцы с парадной посудой. Во всяком случае, только здесь обнаружены обломки росписных сосудов, аналогичные найденным в Кара-Коруме.

Из центральной парадной части более узкий проходной зал (шириной 11 м и длиной 15 м) вел в северные помещения. Из проходного зала на восток и запад

[11] Размеры основной части дворца по линии запад—восток — 37 м, север—юг —16 м. Размеры центрального зала — 12,5×10,5 м. Расстояния между колоннами в нефах — 2 и 4 м.

[12] А. К. Кузнецов. Ук. соч., стр. 26.

[13] Тот же Башектуй отмечал, что куски колонн были обложены со всех сторон глиняными кружками с изображением зверей. (А. К. Кузнецов. Ук. соч., стр. 26).

Рис. 184. Кондуйский дворец. Часть украшения колонны — поливная терракота.

имелись выходы к двухмаршевым пандусам. Северная часть дворца первоначально состояла из обширного зала (шириной 16 м и длиной с севера на юг 10 м). Вероятно и этот зал украшали колонны; их базы вывезены в кондуйский храм. Северная задняя стена зала первоначально была глухой, массивной, сложенной из кирпича и бута. В толще этой стены также стояли на квадратных гранитных плитах деревянные опорные столбы. Снаружи вдоль стены проходила терраса с балюстрадой, укрепленная на всем протяжении кирпичной стенкой, отграничивавшей верхнюю террасу от нижней.

В таком своем первоначальном виде Кондуйский дворец очень близко напоминал дворец Угэдэя, также состоявший из главного корпуса, проходной галереи и заднего жилого помещения, выстланного для тепла деревянным полом.

Однако с течением времени Кондуйский дворец был перестроен. С севера была досыпана новая часть платформы из прослоев углистого суглинка и строительного щебня (обломков кирпича и черепицы). Эта платформа, гораздо менее прочная, перекрыла подпорную стенку прежней террасы, особенно хорошо сохранившуюся в ее рыхлослоистой толще. При строительстве новой, северной платформы, по-видимому, были сохранены прежние формы — устроена верхняя терраса с балюстрадой и вымощенная кирпичом нижняя терраса, украшенная гранитными изваяниями драконовидных чудовищ. Но сделано это было менее прочно и дошло до нас лишь в развалах (см. рис. 171).

На новом участке платформы были воздвигнуты помещения. Для этого проломили среднюю часть задней стены дворца на ширину около 5 м от одного опорного столба до другого. От этого пролома на север вывели стены проходного зальца (шириной 4,5 м), который и приводил в новое заднее помещение дворца — шириной 8 м и длиной с севера на юг до 7 м. Пол обеих пристроек выстлали кирпичом того же размера, что и в основных залах. Однако качество его было гораздо хуже; он быстро стирался и сохранился в виде почти слившейся вымостки. Худшего качества и более тонкой была также кладка стен. Здесь тоже применялись внутристенные опоры и колонны, но они меньше; меньшего размера и их гранитные базы (диаметр — до 0,6 м). Но и эта облегченная постройка оказалась тяжелой для рыхлой платформы: на ней видны следы просадки и обрушений.

Своеобразие в проработке кондуйского плана особенно выражено в том, что стены главной части дворца построены не по простому четырехугольнику, как почти все упоминавшиеся здания, а крестообразно. Западная и восточная стороны главного зала несколько сужены, северная и южная стены образуют изгибы; им следуют и изгибы террас. Все вместе это создает впечатление большей динамичности и легкости постройки.

Рис. 185. Кондуйский дворец. Нижние черепицы, покрытые поливой (*1*, *2*)

Рис. 186. Кондуйский дворец. Черепицы верхние — покрытые зеленой поливой (*1—2*) и неполивные (*3—4*).

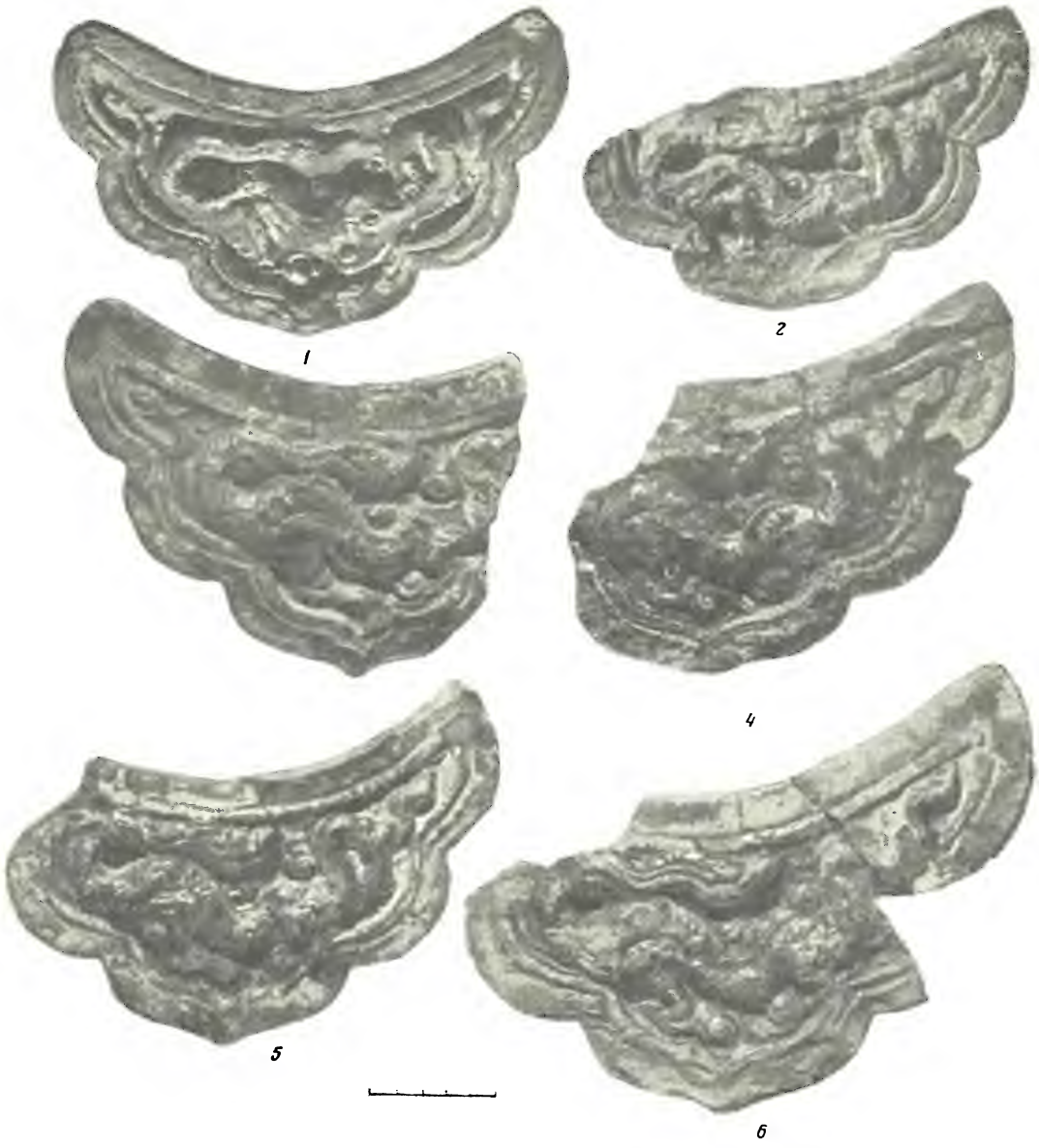


Рис. 187. Кондуйский дворец. Отливы нижней черепицы, покрытые зеленой и желтой поливой.

Рис. 188. Кондуйский дворец. Диски с изображением драконов от концевых верхних черепиц, покрытые зеленой и желтой поливой (*1—3*), и отлив нижней черепицы без поливы (*4*).

Кондуйский дворец был покрыт черепицей. Подсчет ее обломков дает следующие соотношения: подавляющее большинство черепицы не было покрыто поливой — 198 381 обломок широких нижних черепиц (рис. 186, *1*, *2*) и 26 284 обломка полуцилиндрических верхних (рис. 186, *3*, *4*); поливных соответственно — 7292 и 3951 обломок. Очевидно, поливная черепица употреблялась только для расцветки наиболее видных мест. Бóльшая часть поливной черепицы отличается прекрасным зеленым цветом глазури с темными потеками, создающими впечатление выработки ее из малахита. Вместе с тем почти повсюду нашлись обломки верхних и нижних черепиц, покрытых желтой поливой, и отдельные фрагменты с красной глазурью [14]. Это очень важная деталь. Она указывает на принадлежность дворца членам императорской фамилии, которые вплоть до XVIII в. одни имели право украшать кровли своих резиденций желтой и красной черепицей. Иногда желтой или красной делалась вся кровля, чаще же ею выстилалась середина, где на общем фоне выкладывались красные или желтые ромбы.

[14] Желтые нижние черепицы найдены в Кондуе на участках: М2, 4—7; Л5—7; К2—5,7; И4; 32—7, Ж3, 5—7; Е2, 3, 5—7; Д4—7; Г2, 4, 6; В2, 4, 6: Б1—4, 6; А2, 6—8; Х2—6; У3—6; Z2, 4—6; α3, 4; β3—5; γ4. Желтые верхние черепицы найдены на участках П5, 05; Н4—6; М2—5. 7; Л3—7; К3—5; И2—4, 6; з2—4, 6, 7; Ж2, 3, 5—7; Е2—4, 6, 7; Д1, 2, 4, 6, 8; Г2, 6, 7, 8; В0—2, 4, 6—9; Б1—3, 6—9; А1—3, 6—9; Х2—5; У3, 5—7; Z2, 5, 6; α4, 5; β—6; γ5. Красные черепицы найдены на участках: Б4, 6, 7; В6.

Края кровель Кондуйского дворца украшали чередования отливов и дисков. Отливы концевых широких черепиц сделаны в виде щитков с шестичастным изгибом края. Их среднюю часть занимает рельефное изображение извивающегося дракона, покрытое ярко-желтой, золотистой поливой. Краевая рамка отлива всегда изумрудно-зеленая (табл. XXXI, рис. *1*). Эти отливы аналогичны найденным во дворце Угэдэя в Кара-Коруме. Целых и обломков таких отливов в Кондуйском дворце за 1957—1958 гг. собрано 693 экземпляра. В их распределении по площади нельзя заметить какого-либо порядка. Находки отливов во всех частях дворца могут дать некоторое основание предполагать, что кровля, особенно главных частей здания, была двухъярусной.

Описанный вид отливов был единственным, применявшимся на кровлях дворца (рис. 187). Только один раз на восточном краю холма нашелся обломок серой черепицы с отливом в виде простого дугообразного отгиба, украшенного снаружи растительным узором (рис. 188, *4*). Этот орнамент близок найденному Х. Пэрлээ в Монголии при исследовании развалин Барс-хот I до кондуйского времени [15]. В Кондуйском дворце он явно случаен и, возможно, происходит из одного из холмов, соседних с дворцовым комплексом, где, несмотря на распашку, ни разу не встретились поливные черепицы.

Концевые полуцилиндрические верхние черепицы заканчивались дисками (рис. 188, *1—3*), которые в центре украшались рельефными изображениями свившегося дракона. Эта часть диска покрывалась золотистой поливой, а края ярко-зеленой (табл. XXXI, рис. *2*). Такая расцветка была и на дисках из дворца Угэдэя в Кара-Коруме. Но там встречались и диски с драконом, покрытые сплошь одной зеленой поливой.

При описании дворца Хирхиринской цитадели обращалось внимание на то, что дисков там встречено гораздо меньше, чем отливов. В Кондуе эта разница менее значительна. Здесь дисков и их обломков найдено 482. Распределение их по площади дворца примерно такое же, как и отливов. Это тоже можно использовать в качестве указания на двухъярусность кровли.

Однако для такого вывода есть и серьезное препятствие. Протяженность каждой пары — отлив и диск вместе — составляет 32 см. Если считать по количеству находок отливов, что таких пар было 700, то получим примерно 224 м протяжения нижнего края кровли, украшавшейся отливами и дисками. Легко видеть, что эта длина почти точно совпадает с возможной длиной нижнего края кровли, вычисляемой по периметру стен дворца, равному 210 м. При расчете необходимо принять во внимание нависание кровли над отвесом стены; в XIII—XIV веках оно достигало 1,5—2 м. Поэтому периметр нижнего края кровли дворца, по которому располагались отливы и диски, мог достигать 225 м. Такое совпадение величин, полученных из совершенно различных данных, служит очень веским аргументом в пользу того, что край кровли, орнаментированный дисками и отливами, был один. Допускать же, что обычно особенно богато украшавшиеся края верхних ярусов кровли в Кондуй-

[15] Х. П э р л э э. К истории древних городов и поселений в Монголии. СА, 1957, № 3, стр. 47, рис. 7, *а*.

Кондуйский дворец, XIV в. Черепичные украшения кровли (*1—5*)
Рисунки Э. П. Сиговой

1 — отлив-капельник с рельефным драконом; *2* — диск концевой черепицы с драконом; *3* — морда дракона, украшавшая конек кровли дворца; *4*, *5* — фрагменты человеческих фигур, украшавших крышу дворца

ском дворце были оставлены без обычной орнаментации, — у нас нет никаких оснований. Следовательно, нужно с осторожностью относиться к возможности реконструкции у Кондуйского дворца двухъярусной кровли.

К сожалению, нет данных о том, как сопрягались друг с другом кровли различных частей Кондуйского дворца. Приходится довольствоваться лишь параллелями. Южный ее скат нависал над входом, боковые — над восточной и западной террасами. Северный скат мог смыкаться с южным скатом кровли главного зала, если уровень нижнего обреза кровель был одинаков. Если же нижний обрез кровли главного зала приходился на большей высоте, то северный скат кровли аванзала упирался в южную стену зала и перекрывался его кровлей. Так как колонны главного зала образуют пять поперечных нефов, нужно думать, что его кровля была более высокой, чем кровля трёхнефного аванзала. Это дает основание к реконструкции сопряжения кровель по второму образцу, находящему параллели в ряде дворцовых и храмовых сооружений. Вероятно, таким же способом сопрягалась и кровля проходного зала с южной и северной частями Кондуйского дворца.

Рис. 189. Кондуйский дворец. Узкие черепичные плашки, покрывавшие верх стены и откосы оконных проемов (см. также рис. 51, *5*).

Все кровли были четырёхскатными с коньками, направленными с запада на восток — у больших зал и с севера на юг — у проходных.

Черепицы, найденные по всей площади дворца, одинаковы и по качеству, и по составу типов; следовательно, можно считать, что кровли дворца были сходны во всех своих частях. Они были выполнены из серой черепицы, расцвеченной в наиболее видных местах зеленым, и украшались выложенными по серому фону геометрическими фигурами золотисто-желтого и красного цветов. Это означало принадлежность дворца члену императорского дома или пожалование его императором за заслуги[16].

Прежде чем переходить к описанию остальных элементов декора кровель, нужно упомянуть о почти плоских узких черепицах — половинках нижних чере-

[16] Х. Пэрлээ сообщил, что все дворцы и храмы, строившиеся в Монголии на средства императорских фамилий, также имели красные или желтые черепицы на кровлях.

Рис. 190. Кондуйский дворец. Части морд крупных драконов с коньков кровли (*1—5*).

Рис. 191. Кондуйский дворец. Фрагменты украшений коньков кровель: обломки туловищ драконов (бок, шея), покрытых чешуей (*1—4*), и фрагменты рогов (*5*, *6*).

Рис. 192. Кондуйский дворец. Фрагменты украшений коньков кровель: завитки шерсти, хохолки и части крыльев крупных драконов.

ниц, разрезанных вдоль. Эти пластинки не относятся к кровле; ими покрывали нижние скосы оконных проемов, верх стен, каменные изгороди и т. п. (рис. 189).

Коньки кровель по обоим концам были украшены головами драконов с крыльями. Их морды были обращены навстречу друг другу; они как бы держали в пасти брус конька, покрытый узорчатой черепицей. Коньков в Кондуе должно было быть не менее шести (по количеству кровель над каждой частью здания). Следовательно, голов крупных драконов было двенадцать. Этим и объясняется большое количество их обломков, найденных во всех частях дворца.

Рис. 193. Кондуйский дворец. Обломки полых поливных кирпичей, закрывающих конек крыши.

От изображений крупных драконов встречались обычно фрагменты обрамленных гривой морд с глазами, ушами и клыкастыми пастями (рис. 190). Глаза — обычно синие, с желтыми белками, клыки — белые, уши — желтые внутри; сама морда — зеленая (табл. XXXI, рис. *3*). Найдены также рога (рис. 191, *5*, *6*), обломки шеи и боков, покрытые чешуей (рис. 191, *1—4*), всевозможные завитки шерсти и хохолки, обломки крыльев (рис. 192). Можно сравнить эти находки с драконами, украшающими кровли некоторых дворцов и храмов.

Особую группу составляют обломки полых кирпичей с выпуклой рамкой по краям, разделанных под чешую и покрытых зеленой поливой. Они, по-видимому, и прикрывали коньковый брус кровли (рис. 193). К этим же украшениям верха кровли, вероятно, принадлежат рельефные изображения цветов и облаков (рис. 194).

Помимо очень крупных драконов, украшавших коньки кровли, в Кондуйском дворце найдены обломки и несколько меньших изображений драконов; от них со-

Рис. 194. Кондуйский дворец. Фрагменты изображений цветов и облаков, обрамлявших фигуры драконов.

Рис. 195. Кондуйский дворец. Обломки изображений драконов меньшего размера.

хранились части морд с ноздрями, передними зубами и клыками, с языком торчавшим из пасти (рис. 195). Встречались также завитки шерсти и хохолки (рис. 196), обломки крыльев и куски спины и шеи, покрытые чешуей (рис. 197). Эти скульптуры, судя по аналогиям, более позднего времени, устанавливались на стыках скатов кровли примерно на половине ее высоты. Обычно они завершали сложное орнаментальное перекрытие стыка полыми кирпичами, которые были украшены извивающимися змееобразными драконами (рис. 198).

Наконец, по всей площади раскопок дворца собраны многочисленные обломки фигур фениксов и химер. Одни из них были довольно крупные. Уцелели их большие лапы с когтями, укрепленные на плоских кирпичных постаментах и черепицах (рис. 199). Но большинство фигур были небольшими. Сохранилось множество когтистых птичьих и звериных лап, укрепленных на черепицах (рис. 200) или на колоколовидных постаментах (рис. 201, *1—8*); найдено несколько ног, покрытых

Рис. 196. Кондуйский дворец. Завитки шерсти и хохолки от скульптурных изображений меньших драконов.

Рис. 197. Кондуйский дворец. Обломки туловищ драконов (спина, шея), покрытых чешуей

Рис. 198. Кондуйский дворец. Части изображений змееобразных драконов.

завитками, чешуйками и перышками (рис. 201, *9—11*), и в большом количестве встречены обломки крыльев (рис. 202), шеи, завитки шерсти и хохолки. Обращает на себя внимание очень тонкое выполнение узора, особенно узора, передающего оперение. Одни из этих фигур, очевидно, изображались сидящими на задних лапах. От них и дошли изображения всех четырех лап на одном постаменте. Другие фигуры, стоявшие на колоколовидных подставках, могут быть реконструированы по типу фениксов, найденных Л. Р. Кызласовым в древнемонгольском городе Дён-терек [17]. Третьи фигуры — такие же фениксы, стоявшие на обеих лапах просто на черепице.

[17] Л. Р. К ы з л а с о в. Средневековые города Тувы. СА, 1959, № 3, стр. 78, рис. 9; ср. также рис. 201 на стр. 365 и рис. 56, *2*, 57, *1—2* на стр. 95 в настоящем издании.

Рис. 199. Кондуйский дворец. Когти и лапы крупных фениксов или химер на черепичных постаментах.

Рис. 200. Кондуйский дворец. Лапы и когти мелких фениксов.

На двух участках Кондуйского дворца (Л7 и З7) обнаружены торсы человеческих фигур. На них — буддийское одеяние, которое они поддерживают левой рукой (табл. XXXI, рис. *4*, *5*). Обе находки залегали на северо-восточном и юго-восточном углах северного зала и могут считаться найденными почти на месте первоначального положения на кровле. Дело в том, что фигуры человека на некоторых зданиях обычно стоят почти на самых углах кровель, впереди других скульптур — драконов, химер и фениксов. Под углами кровли и найдены обе кондуйские фигурки человека. Вероятно, аналогичные скульптуры были также с западной стороны большого северного зала, но сохранилась оттуда только часть головки (рис. 203).

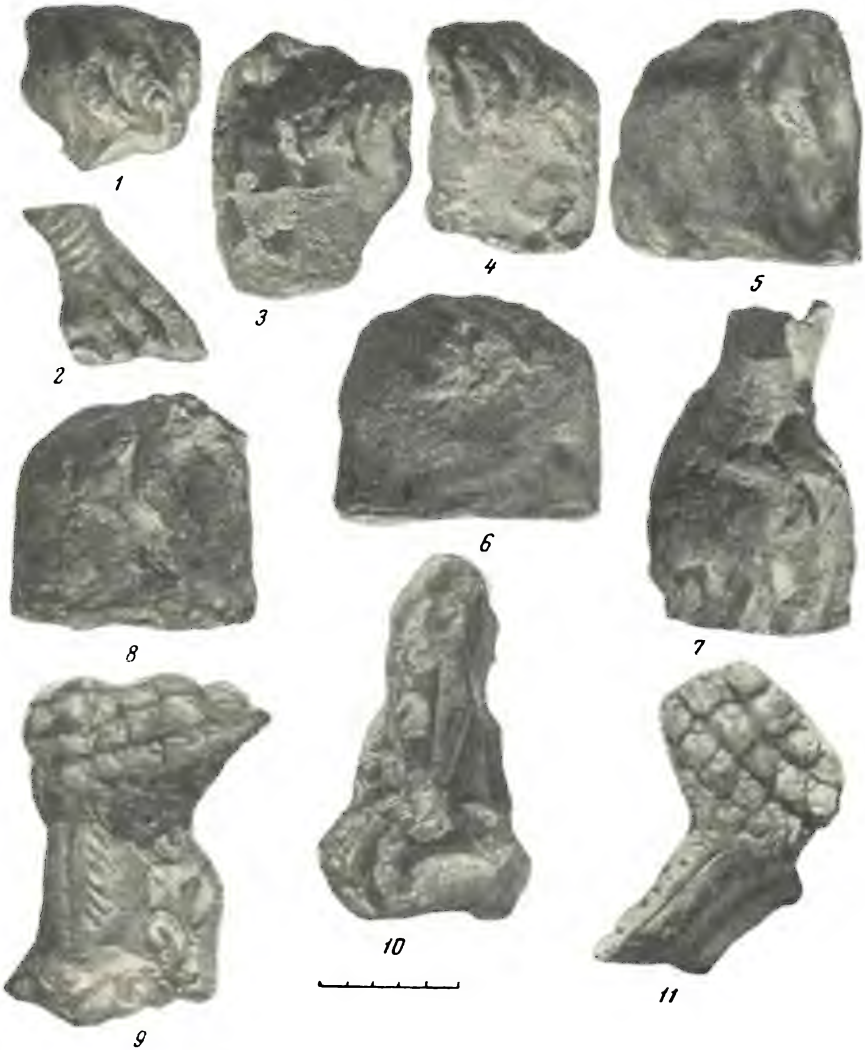


Рис. 201. Кондуйский дворец. Лапы фениксов на колоколообразных постаментах (*1—8*) и ноги фигур фениксов, покрытые чешуей (*9—11*).

Кровли Кондуйского дворца едва ли не одно из лучших произведений черепичного искусства той эпохи. На фоне окрестных гор, в окружении цветущей степи кондуйские кровли создавали яркое зрелище.

Так же ярки были и окружавшие Кондуйский дворец флигели и павильоны. В 1958 г. удалось раскопать часть одного из них, расположенного к западу от средней части дворца (рис. 204). Выяснено, что здесь была четырёхугольная беседка, которая опиралась на деревянные столбы, установленные на квадратных гранитных плитах. Ее пол был вымощен квадратными кирпичами; кровлю покрывала поливная черепица, аналогичная найденной во дворце. Для реконструкции беседки можно использовать аналогии в садово-парковой архитектуре.

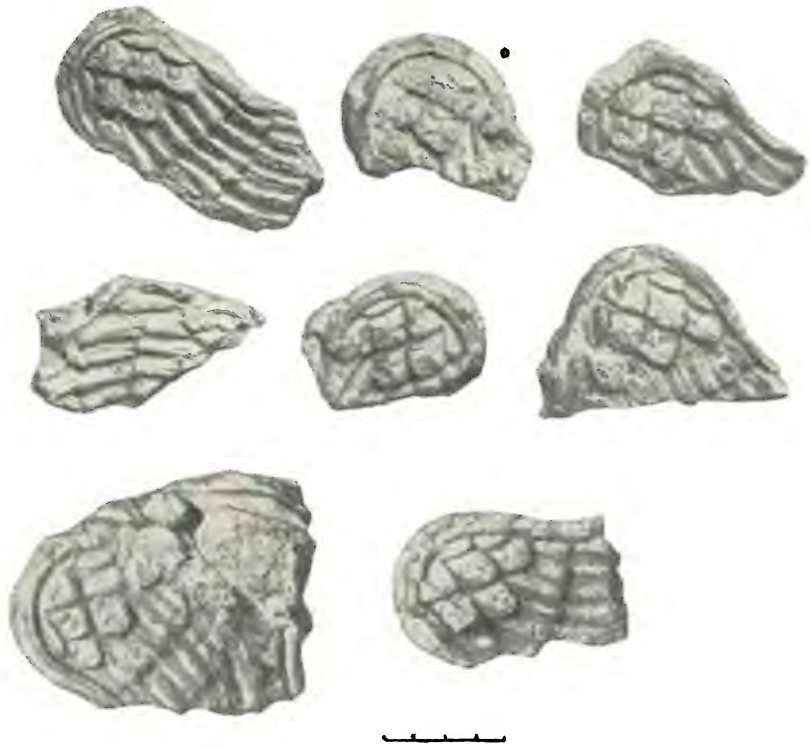


Рис. 202. Кондуйский дворец. Крылья фениксов, украшавших кровлю.

Рис. 203. Кондуй. Фрагмент головки человека, покрытой поливой, — украшение кровли дворца.

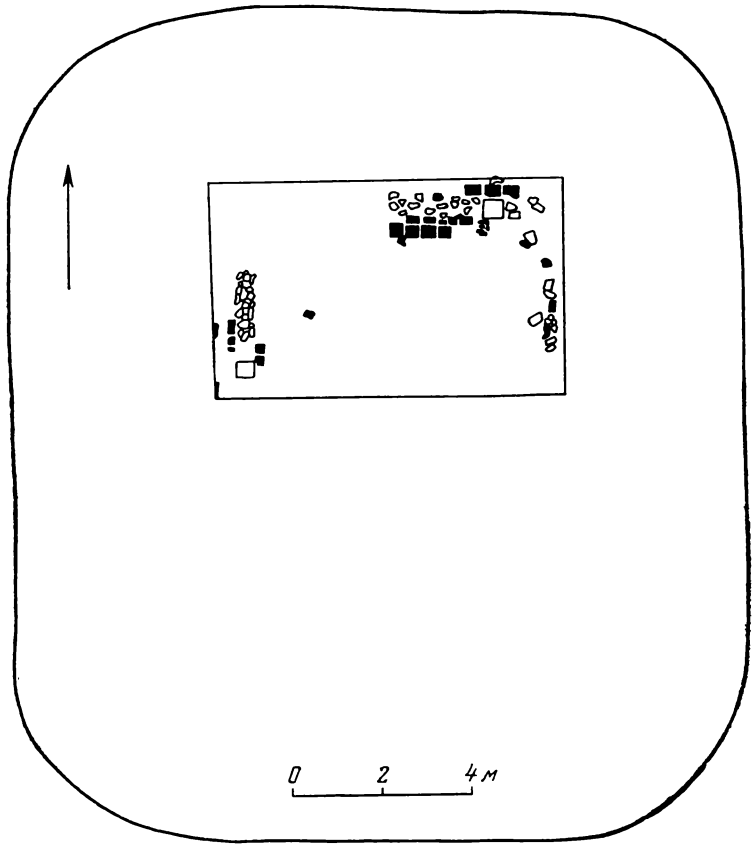


Рис. 204. Кондуй. План раскопок беседки, стоявшей к западу от дворца.

Ее колонны, балки и крайние консоли перекрытия кровли, так же как и перила баллюстрады, покрывали, вероятно, красный лак и яркая многокрасочная роспись.

Той же конструкции и в о р о т а с южной стороны усадьбы (рис. 205). Начатые там раскопки позволяют угадывать два больших боковых помещения и проходную часть посредине. Размеры здания по фасаду: с запада на восток — 24 м и с юга на север — 12 м. По-видимому, основой воротного здания, как и во дворце Угэдэя в Кара-Коруме, были деревянные опоры и колонны. Стены, судя по сравнительно небольшому количеству находок камня и кирпича, лишь в нижней части были каменными, а верх был деревянным. Существовала ли над проезжей частью башня, — сказать трудно. Уцелевшие остатки пола состоят из настила тех же серых квадратных кирпичей, как и в главном здании дворца.

Находки на поверхности других холмов дворцового комплекса свидетельствуют об аналогичной конструкции стоявших там зданий. Весь этот сверкающий красками ансамбль, по-видимому, погиб внезапно от пожара, следы которого встречались при раскопках постоянно — то в виде обугленных деревянных конструкций, то

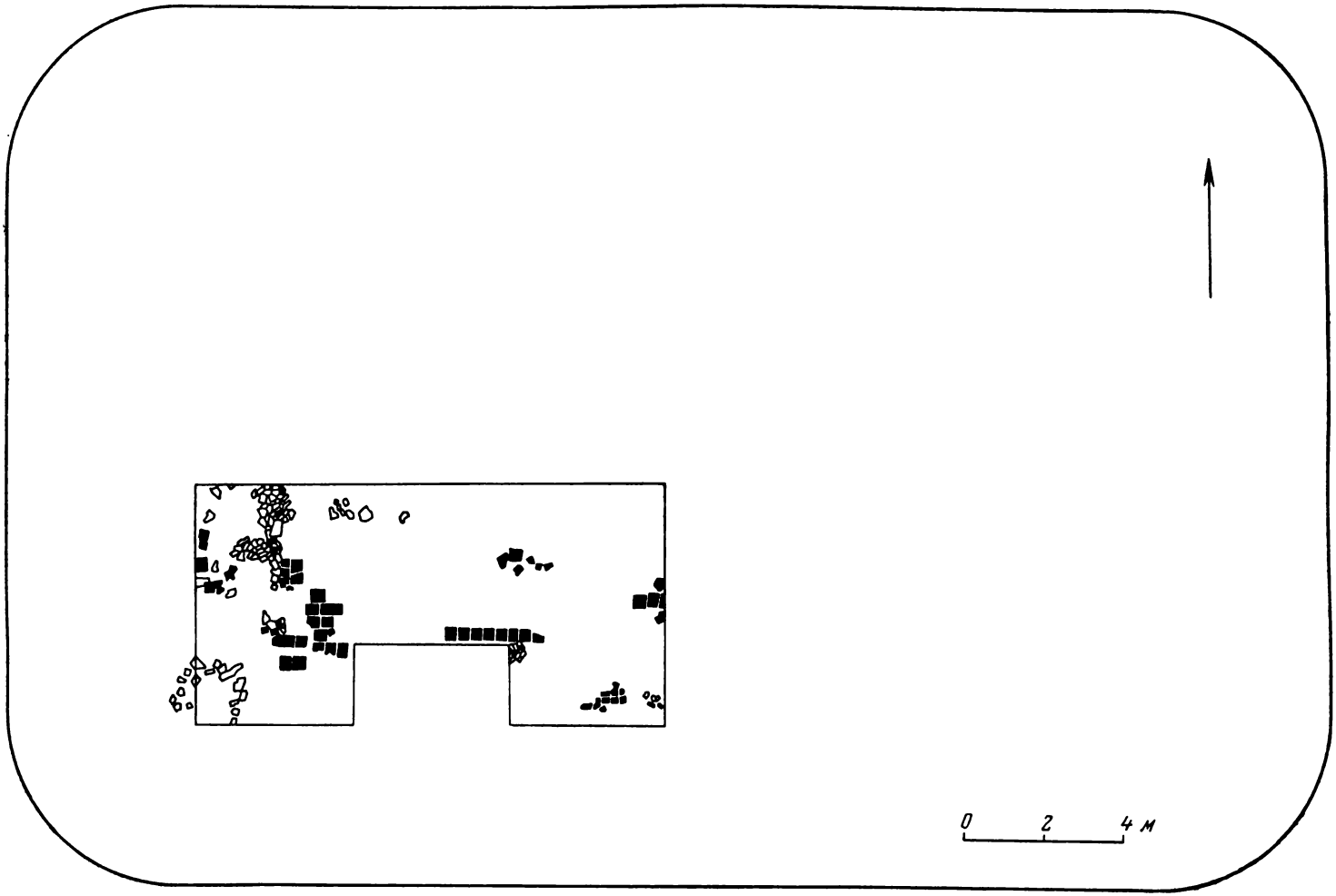


Рис. 205. План раскопок южных ворот дворцового ансамбля.

в виде ошлаковавшихся от сильного жара обломков кирпича и черепицы. Нужно думать, что гибель Кондуйского дворца произошла в сложные для монгольского государства годы конца XIV в. Тогда пылали не только города и усадьбы на окраинах Монголии, но был разрушен Кара-Корум с его знаменитым дворцом Угэдэя.

Сравнивая дворец в Кара-Коруме с Кондуйским, приходится признать, что последний был построен в более позднее время. Доказывают это и более изысканные формы, и более богатое украшение. Он очень сильно отличается в этом отношении от строгого стиля дворца Угэдэя[18].

Дальнейшая работа по исследованию средневековых городов даст возможность с большей точностью выяснить еще одну важную эпоху в развитии архитектурного мастерства Монголии, и соседних с нею стран Восточной и Центральной Азии.

С. В. КИСЕЛЕВ

[18] Кондуйский дворец, по-видимому, был не единственным на территории улуса Джочи-Касара и Исункэ (ср. А. К. Кузнецов. Ук. соч., стр. 60; А. А. Спицын. Материалы по доисторической археологии России. Записки Русского археологического общества, т. XI, вып. 1 и 2, 1899, стр. 315).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВГО — Всесоюзное географическое общество
ВЮЦЦ — Вень Ю Цанькао Цзыляо
ГИМ — Государственный исторический музей
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ИОАИЭ — Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
ИА — Институт археологии АН СССР
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИИМК — Институт истории материальной культуры АН СССР
ИРГО — Известия Русского географического общества
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук СССР
КСИА — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАР — Материалы по археологии России
МАЭ — Музей антропологии и этнографии
МГУ — Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НИИЯЛИ — Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
РГО — Русское географическое общество
СА — Советская археология
СВ — Советское востоковедение
ТГУ — Томский государственный университет
BMFEA — Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. *И. Я. Мерперт* 5
Введение. *С. В. Киселев*. 9

Часть первая
ДРЕВНЕЙШИЕ МОНГОЛЬСКИЕ ГОРОДА

Город на реке Хирхира. *С. В. Киселев* 23
Городище Дён-терек. *Л. Р. Кызласов* 59

Часть вторая
КАРА-КОРУМ—СТОЛИЦА ДРЕВНЕЙ МОНГОЛИИ

Из истории Кара-Корума. *С. В. Киселев* и *Н. Я. Мерперт*. 123
Дворец Кара-Корума. *С. В. Киселев* и *Л. А. Евтюхова* 138
Внешнее описание (138). Результаты раскопок: 1. Раскопки ворот (144). 2. Раскопки главного здания дворца (151). 3. Раскопки северного здания дворца (160). 4. Раскопки юго-восточного здания дворца (163)
Фрески, найденные под дворцом Угэдэя в Кара-Коруме. *Л. А. Евтюхова* 167
Ремесленно-торговые кварталы Кара-Корума. *С. В. Киселев* и *Н. Я. Меркут* 173
Монеты из культурного слоя Кара-Корума. *Л. А. Евтюхова* 183
Железные и чугунные изделия из Кара-Корума. *С. В. Киселев* и *Н. Я. Мерперт*. 188
I. Предметы вооружения (188). II. Транспортные средства (207). III. Хозяйственные предметы (209)
Керамика Кара-Корума. *Л. А. Евтюхова* 216
Изделия различных ремесел из Кара-Корума. *Л. А. Евтюхова* 274
Принадлежности письма (274). Изделия из металлов (277). Предметы, резанные из камня (288). Ткани (289). Изделия из дерева (293). Принадлежности игр (294).
Бусы из Кара-Корума. *В. П. Левашова* 297
Костяные изделия из Кара-Корума. *В. П. Левашова* 308
Строительные материалы Кара-Корума. *С. В. Киселев* 316

Часть третья
ДВОРЕЦ В КОНДУЕ.
С. В. Киселев

«Кондуйский городок» 325
Описание раскопок Кондуйского дворца 329
Результаты исследования 342
Список сокращений 370

Коллектив авторов

«Древнемонгольские города»

Утверждено к печати Институтом археологии Академии наук СССР

Редактор издательства *М. Г. Воробьева*
Контрольный редактор *С. Т. Попова*
Художник *Л. Г. Ларский*
Технический редактор *Г. А. Астафьева*

Сдано в набор 1/X 1963 г. Подписано к печати 23/XII 1964 г.
Формат 84 × 108$^{1}/_{16}$. Печ. л. 23$^{1}/_{4}$ + 34 вкл. = 37,72 усл. печ. л. + 34 вкл.
Уч.-изд. л. 32,8 (28,4+4,4 вкл.) Тираж 1200 экз.
Т-00010. Изд. № 902. Тип. зак. № 873
Темплан 1963 г. № 108

Цена 2 р. 60 к.

Издательство «Наука». Москва, К-62,
Подсосенский пер., 21

1-я типография Издательства «Наука».
Ленинград, В-34, 9 лин., 12

Исправления и опечатки

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
11	21 св.	—1958	—1957
168	Табл. I. 1 сн.	в Кара-Коруме (*1—8*)	в Кара-Коруме под дворцами Угэдэя (*1—8*)
184	Табл. IX. 8 сн.	618 н. э.);	618 н. э.):
239	17 сн.	Этого типа	типа цзечжоу или пучжоу
248	Табл. XXVIII. 3 сн.	Сосуды типа цычжоу	Сосуды из фарфора
257	16 сн.	черной поливой	коричневой и черной поливой
371	16 св.	Н. Я. Меркут	Н. Я. Мерперт

К таблице XVIII строки 1 и 2 снизу: *1* — из раскопа II уч. Д1, сл. II; *2* — из раскопа IV, уч. Д—12, сл. VI; *3* — из раскопа I, уч. Д2, сл. VI; *4* — из раскопа I, уч. А9, сл. V, VI; *5* — из раскопа I, уч. Г3, сл. IV.

К таблице XXVIII заменить строки 1 и 2 снизу: *1* — из раскопа I, уч. А6, сл. V; *2* — из раскопа I, уч. Г13, сл. III; *3* — из раскопа I, уч. Д9, сл. V; *4* — из раскопа II, уч. Г8, сл. IV; *5* — из раскопа I, уч. Г13, сл. III.

2р.61к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»